

Хроника XX века

Михаил ГЕЛЛЕР

РОССИЙСКИЕ
ЗАМЕТКИ

1969–1979

ХРОНИКА XX ВЕКА

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР

РОССИЙСКИЕ ЗАМЕТКИ
1969–1979

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИК»
1999

УДК 94 (470) „1969/1979“

ББК 63.3 (2Рос)

Г-31

Геллер М.Я.

Г-31 Российские заметки 1969–1979. — М.: Издательство «МИК», 1999. — 568 с. — (Серия «Хроника XX века») ISBN 5-87902-039-8

Эта книга состоит из статей М.Геллера, которые публиковались ежемесячно в Париже, в польском журнале «Культура», в течение почти тридцати лет под рубриками «Обзор печати» и «Российские заметки». В этих статьях автор анализировал события, происходившие в СССР и в России с 1969 по 1996 год. В результате сложилась своеобразная летопись нашего времени, не имеющая аналогов в историографии и представляющая интерес как для профессионалов, так и для широкого круга читателей.

В 1998 г. в издательстве «МИК» вышла книга серии «Российские заметки», охватывающая период с 1991 по 1996 г.

ISBN 5-87902-039-8

© Геллер М.Я., 1969–1996

© Издательство «МИК», 1999

© Оформление Д. Манахина, 1999

Март 1969

«Кто управляет прошлым, тот управляет будущим» — так четко, сжато и необычайно верно сформулировал Джордж Орвелл в своем «1984 году» задачу истории в тоталитарном государстве. Формула эта не выдумана Орвеллом. Он ее только отшлифовал стилистически. Первый — и по времени и по значению — советский историк М.Н.Покровский задолго до Орвелла сказал: «История — это политика, опрокинутая в прошлое».

Просматривая свежие номера советских журналов и газет, нельзя не обратить внимание на необычайный интерес к истории, проявляемый ныне в Советском Союзе. Можно без особого преувеличения сказать, что такое пристальное внимание к истории имело место только в конце 20-х—начале 30-х годов, когда Сталин добивал своих противников и переписывал всю историю Октябрьской революции заново.

История переписывалась, поправлялась, корректировалась в Советском Союзе и позднее — до самой смерти Сталина. Однако примерно с 1932 года эта переписка производилась по указанию «из центра», то есть по указанию Сталина и носила характер не дискуссии, а выполнения приказа. Скажем, вчера Иван Грозный был реакционером, а сегодня он стал прогрессивным деятелем, вчера Шамиль был борцом с царским игом, сегодня становился агентом английской разведки.

Статьи на исторические темы, заполняющие ныне страницы советских газет и журналов, представляют если не разные взгляды, то разные оттенки примерно одинаковых взглядов. Это еще не унифицированная история позднего сталинского периода. Это отражение борьбы за возможность «управлять прошлым», чтобы «управлять будущим».

Главная тема, волнующая историков, — пятьдесят с лишним лет советской власти. Первые семь лет — до 1924 года — все ясно, все хорошо, пока жил Ленин — все было как нельзя лучше. Но что делать с остальными сорока годами (после свержения Хрущева в 1964 году — все опять хорошо)? Как отнестись к Сталину?

Постепенная, медленная, ползучая реабилитация Сталина продолжается, хотя и не без труда. Генеральную линию здесь определяет орган ЦК КПСС «Коммунист». Во втором номере журнала была опубликована ста-

тя Е.Болтина, реабилитирующая Сталина как полководца. «И.В.Сталин, — резюмирует автор, — при всей сложности и противоречивости его характера предстает как выдающийся военный руководитель». Болтин ссылается при этом на мемуары виднейших советских военачальников: маршалов Жукова, Рокоссовского, Мерецкова, на воспоминания нынешнего начальника штаба войск стран Варшавского договора генерала армии Штеменко (написавшего, кстати, самую восторженную апологию Сталина), на книгу знаменитого авиаконструктора А.Яковлева.

В мартовском номере журнала «Коммунист» опубликована статья, ставящая своей задачей полную реабилитацию всех сторон сталинской деятельности. В статье «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС», подписанной пятью авторами (В.Голиков, С.Мурашов, Н.Чиквишвили, Н.Шатагин, С.Шаумян), подвергнуты острой критике (причем перечислены по именам, что означает последнее предупреждение) все историки, подвергающие сомнению сталинскую политику в области индустриализации, в области коллективизации, в области беспощадной борьбы со всеми противниками Сталина — как справа, так и слева. Всем этим историкам предъявляется тягчайшее обвинение: «Отдельные авторы вместо подлинной партийной критики ошибок и недостатков, связанных с культом личности, чернят (!) героическую историю нашего государства и ленинской партии в период строительства социализма, изображая эти годы, как сплошную цепь ошибок и неудач».

Заслуживает внимания, что орган Министерства обороны СССР «Военно-исторический журнал» менее категоричен в своих статьях, реабилитирующих Сталина. Правда, в февральском номере журнала опубликованы воспоминания маршала Конева о Корсунь-Шевченковской операции, в которой подчеркивается постоянное внимание Сталина ко всем деталям битвы. Правда, в рецензии на второе издание книги А.Самсонова «Сталинградская битва», вышедшей в 1968 г., отмечается в качестве недостатка недооценка роли Ставки Верховного Главнокомандования — но все это носит менее наступательный характер, чем статьи в журнале «Коммунист».

Впрочем, «Военно-исторический журнал», когда нужно, идет в наступление решительно, не жалея сил. В январском номере напечатана статья полковника С.Липицкого под длинным, мало что говорящим заголовком «Деятельность ЦК РКП(б) и В.И.Ленина по укреплению военно-политического единства Советской республики (1917–1920 гг.)». Эпиграф к статье значительно более вразумителен: «Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. В.И.Ленин». А смысл статьи уже совершенно прост. Жонглируя несколькими цитатами из Ленина, полковник Липицкий доказывает, что в годы

гражданской войны опыт создания национальных войск в отдельных республиках показал «крайне низкую боеспособность национальных формирований», он показал также опасность такого положения, когда отдельные советские республики становятся на путь «сепаратной автономности в вопросах ведения войны». Как известно, советские республики и не думают проявлять сепаратную автономность «в вопросах ведения войны». Подлинный адресат статьи — некоторые члены Варшавского договора — является в конце: «Дружба народов всегда была и остается важным источником мощи Советского Союза. Вместе с тем она служит вдохновляющим примером для всех народов, ведущих национально-освободительную борьбу, и для стран социалистического содружества». Вспомним, что ослаблением боеспособности чехословацкой армии аргументировали советские военные необходимость оккупации Чехословакии...

«Журнал «Вопросы истории» (№ 2) поступил очень остроумно: поместил рядом мемуары адмирала В.Трибуца, командовавшего в годы войны Балтийским флотом, и А.Зверева — министра финансов СССР в 1938–1960 гг. Воспоминания адмирала Трибуца, если не считать обязательного вступления о полной готовности Советского Союза к войне, раскрывают полную неподготовленность ко всеми ожидаемому нападению Гитлера, несогласованность действий морского и сухопутного командования, подтверждают давно известный факт о демонтаже старых пограничных укреплений, в то время как новые еще не были построены (об этом пишет А.Некрич в своей книге «22 июля 1941 года», пишет П.Якир в обвинении, предъявленном Сталину). Зато воспоминания министра Зверева возвращают нас к добрым старым временам, когда было известно, что Сталин одинаково хорошо разбирается в авиации, сельском хозяйстве, языкознании и финансах, заботится о вдовах и сиротах. «Он *тоже*, — смело заявляет Зверев (он — это, конечно, Сталин), — допускал ошибки. Однако я склонен высоко расценивать его руководство финансовой деятельностью».

Советских историков интересует, само собой разумеется, не только история СССР. Значительное оживление вызвало 50-летие Коминтерна. В связи с этим юбилеем рассматривался главным образом один вопрос — мудрость принятого в 1934 году VII конгрессом Коминтерна решения относительно необходимости создания народного антифашистского и антивоенного фронта. Никто, конечно, не упоминает, что сталинская политика, которую проводил до этого времени Коминтерн, политика борьбы прежде всего с социал-демократами, привела Гитлера к власти в Германии, а в 1939 г. — ко второй мировой войне. Единственным диссонансом в этом единодушном хоре было выступление в Москве на торжественном заседании, посвященном юбилею Коминтерна, Вальтера Ульбрихта, про-

должающего считать, что социал-демократы остаются главным врагом социализма.

Историческая тематика (если это можно так назвать) занимает немало места и на страницах чисто литературных периодических изданий. Скажем, журнал «Октябрь» сосредоточил огонь на советских энциклопедиях. Польские читатели должны еще хорошо помнить нападки, которым подверглась «Большая всеобщая энциклопедия». Статьи, опубликованные в «Октябре» и направленные против очередных томов «Литературной энциклопедии» и проекта готовящегося третьего издания «Большой советской энциклопедии», по своему уровню мало в чем уступают статьям Руминика или Гонтажа.

Почему, спрашивает бдительный «Октябрь», в третьем издании «Большой советской энциклопедии» собираются посвятить Фурманову и Гайдари статьи по 1200 знаков, а Бабелю и Булгакову — по 1800 знаков? Почему статью о Пильняке собираются иллюстрировать портретом, когда известно, что Пильняк совершил множество ошибок и не был подлинным советским писателем?

Однако, если нападки «Октября», несмотря на всю их серьезность, носят комический характер, отнюдь не смех вызывает стихотворение Евгения Евтушенко «На красном снегу уссурийском», опубликованное 19 марта в «Литературной газете». В литературной жизни Советского Союза — это, несомненно, событие. Стихотворение Евтушенко — настоящий манифест воинствующего русского шовинизма — написано с присущей этому поэту, которого на Западе продолжают считать «знаменосцем советского либерализма», политической ловкостью.

Стихотворение состоит из трех частей — описания боя на острове Даманский, картины грядущего несчастья, если бы Россию залили китайские орды, призыва к борьбе с «новыми батыями».

После боя и кошмарной картины изуверски замученных русских юношей, поэт во второй части описывает, что будет, если китайцы захватят Россию. И на этот вопрос хитроумный Евтушенко отвечает, рисуя Россию в годы Сталина. Простая русская девушка тащит «на хребтине гранит для скульптуры великого кормчего» (Сталина, как известно, называли великим рулевым), месит цементную жижу балетками Майя Плисецкая (как это делали в лагерях многие советские артисты), «к хвосту самолетному» привязывают китайцы Туполева, сидевшего немало лет в сталинской «шарашке», «рвут хунвейбины все струны с гитары Булата» (советские хунвейбины ни разу еще не допустили Булата Окуджаву на радио или на телевидение) и так далее, и так далее... Расчет Евтушенко гениально прост. Если кто-либо попытается упрекнуть его в том, что он защищает наследников Сталина, от ко-

торых он всего несколько лет назад предостерегал советский народ, что он ни словом не упоминает о советских хунвейбинах, бивших на Красной площади Ларису Даниель, Павла Литвинова и их друзей, он всегда может сказать, что дал символическое изображение сталинской России.

Любопытнее всего, однако, завершение стихотворения. Евтушенко излагает здесь свое новое кредо. Нужно быть готовым драться «за Русь и за веру». Опасность угрожает не Советскому Союзу, а России. В стихотворении упоминаются луковицы суздальских церквей. Поэт обращается к исконно русским городам Владимиру и Киеву:

«Вы видите — в сумерках чадных
У новых батыев
качаются бомбы в колчанах.
Но если накатят —
ударит набат колоколен
и витязей хватит
для новых полей Куликовых».

Евтушенко, конечно, достаточно хорошо знает историю своей страны, чтобы считать Батю китайцем или полагать, что на поле Куликовом шел бой с войсками Небесной империи. Но и монголы Батю, и татары Мама, и китайцы Мао Цзэдуна — желтые, угрожающие белой России. Евтушенко спокоен, ибо верит, что «если накатят», по зову церковных колоколен на защиту православной церкви поднимется весь русский народ.

Что будут делать остальные народы Советского Союза, вновь обращенный христианин Евтушенко не знает, возможно, это его не интересует, а может быть, он убежден, что все они пойдут биться «за единую и неделимую Русь».

Этот обзор стоило бы закончить упоминанием о статье обозревателя советского агентства печати «Новости» Георгия Дадьянца, опубликованной в газете «Монд» (2.III). Статья эта, предназначенная для зарубежного читателя, продолжает и дополняет идеи, выраженные Евтушенко. Дадьянец предупреждает европейцев, что они ошибаются, полагая, что китайцы угрожают только России. Они грозят и Европе. А в своих опровержениях китайских аргументов относительно несправедливых царских договоров, на основании которых Россия захватила сто лет тому назад значительную китайскую территорию, Дадьянец заходит так далеко, что утверждает будто бы эта территория (отошедшая в 1858–60 гг. к России) была не китайской, а ничейной. И добавляет — Великая китайская стена стоит не на Уссури.

Взглянув на карту, мы увидим, что она стоит даже не в Маньчжурии. Может быть, и Маньчжурия — ничейная земля? В советской печати пока на этот счет ничего не говорится.

Но борьба за возможность «контролировать прошлое» продолжается.

Апрель 1969

Появлению в печати новых глав из романа лауреата Нобелевской и Ленинской премий Михаила Шолохова предшествовала интенсивная пропагандистская кампания. Усиленно распространялся слух, что у Шолохова «трудности с цензурой», что ряд журналов отказался печатать его книгу, как слишком «антисталинскую». Эти слухи проникли даже в западную печать.

В середине марта новые главы романа «Они сражались за Родину» были напечатаны на страницах газеты «Правда». Действительно речь в них идет прежде всего о Сталине, о сталинском руководстве страной в канун войны. Легко и просто отвечает Шолохов на вопрос о преступлениях Сталина, впрочем, для него это не преступления, а временное ослепление, которое продолжалось с 1937 по 1941 год и прошло как раз накануне войны. «У товарища Сталина помаленьку глаза начинают раскрываться... Раскусил же товарищ Сталин Ежова... Может, и Берню начинает помаленьку разгрызать...» — заявляет один из персонажей романа.

Действие новых глав романа разворачивается в донской станице, куда — в отпуск, к брату — приезжает генерал, отсидевший более четырех лет в тюрьме по ложному обвинению.

Он-то и излагает шолоховские мысли о Сталине и сталинизме. Генерал вспоминает в беседе с братом «методы допросов с пристрастием, методы ведения следствия, порядки в лагерях». Соглашается, что «все это было». Но заявляет, что дело не в этом, на этом незачем останавливаться. Важно другое: «Кто виноват?»

И отвечает: «Для меня совершенно ясно одно: его (то есть Сталина) дезинформировали, его страшным образом вводили в обман, попросту мистифицировали те, кому была доверена госбезопасность страны, начиная с Ежова...» Итак, все в порядке, все хорошо. Сталина, как в свое время царя-батюшку, обманывали негодные министры, а сам он ни в чем не повинен, чист и справедлив.

Но Шолохов не просто реабилитирует Сталина, не просто снимает с него вину за совершенные в сталинские годы преступления, он их оправдывает, утверждает их необходимость.

Генерал со своим братом едет ночью на рыбалку. На берегу реки они встречают старого пастуха, так сказать, представителя народа. Пастух, слышавший об аресте генерала, спрашивает, почему его так быстро отпустили. И добавляет, что его сноху, которая в 1933 году, чтобы спасти детей от голодной смерти, взяла с поля 4 кг пшеницы, осудили на 10 лет. И сам только что вышедший из лагеря генерал с чудовищным спокойствием заявляет: «Если бы за четыре кило краденого хлеба не сажали, так воровали бы по четыре центнера на душу».

Не было, наверное, в русской литературе другого такого писателя, который настаивал бы на расстреле своих коллег-писателей за их творчество, который одобрял бы десятилетнее лагерное заключение за кражу четырех килограммов зерна для умиравших от голода людей.

В своем рассказе «Пасхальный крестный ход» Александр Солженицын ужасается, видя сегодняшнюю советскую молодежь. Может ли она быть другой, имея таких духовных учителей, как Шолохов и иже с ними?

О практическом воплощении в жизнь мыслей, «художественно» выраженных Шолоховым, рассказывает партийный работник В.И.Залужный в записках, озаглавленных «Творчеству нет границ» («Октябрь», № 3). Заглавие поистине знаменательное — лучше о Сталине пишут, наверное, только в Тиране. В советской печати «Октябрь» дошел до границ дозволенного. «А что, собственно, включает в себя понятие ленинский стиль работы? — раздумчиво произнес один из собеседников (записки партийного работника Залужного написаны в жанре платоновских «Диалогов»).

— Как что? Вспомни у Сталина: революционный размах, деловитость...» Правда, как мы помним, у Сталина говорилось о *русском* революционном размахе и *американской* деловитости, но главное не в устранении неактуальных ныне американцев, а в том, что как и в доброе старое время: ленинский стиль — это работа по сталинским методам. Как говорится, вот мы и дома.

Главная из зарубежных тем, занимающая видное место во всех газетах и журналах, — это Китай. IX съезд китайской компартии, или, как писала советская печать в кавычках «всекитайский IX съезд КПК», вызвал усиленную волну статей, комментариев, обвинений и оскорблений по адресу китайских руководителей. Стоит отметить, однако, что наиболее тяжкие обвинения и наиболее грубые оскорбления содержатся в статьях иностранных авторов, скажем, болгарина Д.Пейчинова или цейлонца Ашоки Кадатаскоттая, книгу которого «Человек, бог или сфинкс. Политический портрет Мао Цзэдуна» в пяти номерах печатала «Литературная газета».

Использование иностранных журналистов для нападков на врагов Советского Союза — старая, испытанная тактика сталинской пропаганды.

Например, самый грязный памфлет на Тито написал французский публицист Рене де Жувенель. Впрочем, восточная мудрость гласит: «Зачем лаять хозяину, если у него есть собака».

Итоги IX съезда КПК подводит сообщение ТАСС, опубликованное всеми газетами. Если, однако, в «неофициальных» статьях иностранных журналистов Мао Цзэдуну вменялось в вину — в прошлом — постоянное искажение определенной с помощью Коминтерна линии партии, иными словами, нежелание подчиняться диктату Москвы, а в настоящее время — антисоветизм, то в официальном сообщении ТАСС прежде всего выражается озабоченность тем, что «репрессии и чистки в партии и стране будут усиливаться». Одновременно ТАСС поименно называет тех китайских лидеров, которых Мао выкинул из руководства, как бы беря их под свою опеку. В этом списке «настоящих» (с московской точки зрения) китайских коммунистов обращает внимание имя Ван Мина — долголетнего представителя КПК в Коминтерне, верного исполнителя сталинских директив.

Читая в советской печати материалы о съезде китайских коммунистов, трудно отделаться от мысли, что все это уже было. Сравним два съезда: IX съезд КПК и XVII съезд ВКП(б). Один из них зафиксировал победу Мао, другой — Сталина. Мао — между VIII и IX съездами провел культурную революцию, расправился со своими врагами и полностью обновил состав Центрального Комитета, заполнив его преданными себе людьми. Но он лишь повторил то, что сделал между XVII и XVIII съездами (с 1934 по 1939 годы) Сталин, расстрелявший 51 члена ЦК из 71, избранного на XVII съезде. Трудно пока сказать, сумел ли Мао приблизиться к этому рекорду. Из старого состава ЦК Сталин сохранил лишь 16 верных своих паладинов, Мао — немногим более. В сообщении ТАСС недаром говорится, что «репрессии и чистки в партии в стране» — в Китае — будут продолжаться. Они ведь продолжались и после 1939 года в Советском Союзе. Авторы этого сообщения несомненно понимали, что они говорят о вещах аналогичных. Разница лишь в том, что, как заявляет ТАСС, «главной опорой группы Мао остается армия». Возможно. Но хуже ли это, чем НКВД, которая была главной опорой группы Сталина?

Ведущаяся в советской печати антикитайская пропаганда учитывает кроме дальних «стратегических целей и цель близлежащую — всемирную конференцию коммунистических партий. С мыслью об этой конференции выпущен толстый сборник «Троцкизм — враг ленинизма». Сборнику посвящена «теоретическая» статья в «Коммунисте» (№ 3) и популярная — в массовом еженедельнике «Огонек». В «Коммунисте» мы находим удивительную формулу, позволяющую предвидеть линию борьбы с китайской компартией на Всемирном совещании. Формула эта зву-

чит: «Троцкизм был и остается злейшим врагом ленинизма, СССР и всего мирового коммунистического движения».

Могут, следовательно, свободно вздохнуть и империалисты, и западногерманские реваншисты, и ревизионисты, и даже сионисты: злейший враг СССР — это троцкизм.

В связи с публикацией проекта Устава сельскохозяйственной артели, разработка которого продолжалась четыре года, в печати появилось много любопытных сведений о советском сельском хозяйстве, которое напоминает больного раком, утешающего себя, что ему с каждым днем становится все лучше и лучше. Поскольку лекарств от болезни нет, он лечится у знахарей. Ефим Дорош в своем «Деревенском дневнике», напечатанном в первом и втором номерах «Нового мира», очень хорошо говорит об этих знахарских снадобьях, с помощью которых партия пытается лечить больного колхозным раком сельское хозяйство. Дорош пишет о председателе колхоза, который «пережил на своем веку и сверхранний сев, и глубокую, на 24 сантиметра по всей России, вспашку, и кроликов, и ветвистую пшеницу, а теперь вот кукурузу переживает». Все эти чудотворные средства — от кроликов и кукурузы до целины — не помогают. В 1965–1968 годах в среднем по стране колхозники получали около 12 центнеров с гектара. Это чуть ли не в два раза меньше, чем в единоличном и далеко не передовом сельском хозяйстве Польши. К тому же, как сообщается в № 3 «Нового мира», 17% всей валовой продукции сельского хозяйства дают государству приусадебные участки, занимающие 3% посевных площадей. На этих участках колхозники получают 60% всего валового сбора картофеля, 73% яиц и 42% мяса.

Получается, таким образом, что в значительной степени кормят страну именно приусадебные участки — пережиток отсталых, капиталистических, диких форм ведения хозяйства.

В журнале «Октябрь» приводится образец социалистического ведения хозяйства — рассказывается о последствиях «освоения целины». Автор статьи цитирует книгу Ф.Т.Моргуна («Думы о целине»): «Это началось примерно после 1958 года. Путаные, иной раз бестолковые советы и рекомендации поступали в районы и хозяйства постоянно и периодически... В 1959–1961 годах больше половины основных целинных земель оказалось сильно поражено осотом. Осот высокой плотности угнетал в 1961 году 7 млн. га, в 1964 году 11 млн. га или 70 процентов всей площади зерновых культур. Прошло немного времени, как наступило возмездие. Многие поля выдувались, с них уносился верхний распыленный слой... Или, наоборот, они заносились песком. Словом, близилась катастрофа «подобная той, которая в свое время поразила целинные земли Канады».

Автор статьи, правда, утверждает, что было найдено целебное средство — решения пленумов ЦК в октябре 1964 года и в марте 1965 года. Известно, однако, что природа менее охотно подчиняется решениям пленумов ЦК, чем журналисты. И трудно поверить, что уничтоженная в течение 8 лет казахская и сибирская земля возродилась как по мановению волшебной палочки на другой день после снятия с поста первого секретаря ЦК, вдохновителя целинной эпопеи Никиты Хрущева.

Журнал «Знамя» со дня своего возникновения посвящает особое внимание армии, военным делам. В последних номерах журнала привлекают внимание записки советского военного специалиста в Демократической Республике Вьетнам В.Куплевацкого. Это записки профессионального военного, с любовью описывающего действие зенитных ракетных установок, находившихся под его опекой, по-деловому рассказывающего о действиях американской авиации. «Часто задают вопрос, — пишет он, — воюют ли американцы в этой «локальной», как они ее называют, войне с полным напряжением сил, или это война несложная, война-полигон, на котором они отрабатывают тактику действия своей авиации, испытывают новую ракетную аппаратуру?» Читая записки В.Куплевацкого, приходишь к выводу, что Вьетнам — это полигон не только для американцев.

И все же насколько человечнее эти записки профессионала-военного, я уж не говорю — интереснее, по сравнению с записками профессионального журналиста Юрия Жукова, заставившего недавно говорить о себе статьями-доносами на Чехословакию. «Вижу. Слушаю. Пишу. Письма с фронта идеологической борьбы» — шумно назвал он свой опус. Главная цель Жукова, больше половины жизни проведенного на Западе в качестве корреспондента «Правды», — показать, как мучительно трудно приходилось ему на этом проклятом Западе. Записки Жукова — это как бы развитие забавного выступления Александра Корнейчука на обсуждении книг Александра Солженицына в Союзе советских писателей. На сыпавшиеся на него со всех сторон упрёки в том, что его книги могут быть «использованы на Западе», Солженицын ответил: «Почему Запад стали считать некой высшей инстанцией? Я на Западе никогда не был. Живу в России, пишу о России». Воспринявший эти слова Солженицына как личное оскорбление Корнейчук, часто вояжирующий по всем странам мира, вскипел: «Не думайте, что мы ездим за границу отдыхать. Мы ездим драться, мы возвращаемся измученные, изнуренные». И Жуков пишет главным образом о том, как изматывала его силы борьба на идеологическом фронте.

Современная советская литература, ее влияние на воспитание и облик советского человека — тема, занимающая много места на страницах и журналов, и газет. В частности, ей посвящен и наиболее интересный ма-

териал № 2 «Нового мира» — статья Натальи Ильиной «Литература и «массовый тираж». Ильина анализирует книги, выходящие фантастическими тиражами по 3 млн. экземпляров в «Роман-газете» и приходит к выводу, что поощряются и популяризируются наиболее бездарные, наиболее примитивные, угождающие мещанскому вкусу романы. В то же время не устаиваются высоких тиражей книги, действительно заслуживающие распространения, — ни «Бабий яр» Кузнецова, ни «Привычное дело» Белова, ни «Две зимы и три лета» Абрамова.

Нельзя отрицать, конечно, что и хорошие книги издаются советскими издательствами. Как это делается, рассказывает в № 3 «Нового мира» В.Лакшин в рецензии на ученый труд «Текстология произведений советской литературы. Выпуск 4». В этом труде анализируются тексты классических произведений светской литературы: «Чапаева» Фурманова, «Виринеи» Сейфуллиной и других. Оказывается, что ни эти, ни многие другие известнейшие книги советских писателей не публикуются в своем первоначальном виде. Они изменены либо редактором, либо самим автором в приступе автоцензуры. Лакшин пишет, что, например, роман «Цемент» Гладкова был обструган автором до такой степени, что в нем, кажется, не сохранилось ни одного слова из первоначального текста.

О том, к чему ведет такого рода культурная политика, свидетельствует очень интересная статья Л.Очаловской «Размышления над письмами», опубликованная в газете «Известия». Журналистка печально размышляет над письмами, поступившими в газету. Что же пишут читатели, которых кормят изо дня в день статьями Юрия Жукова, роман-газетой и отредактированными до неузнаваемости классиками советской литературы? Пишут они так: «Я бы запретил показывать все иностранные фильмы, да и наши отчасти». «Надо запретить эту дурацкую моду на короткие юбки... «Не пора ли тщательнее проверять содержание книг?» «Правильно ставится вопрос о строгости. Бывало, отец оттянет чересседельником, долго помнишь. И зря высмеивают обычай мазать ворота дегтем. Пусть одной не поможет, зато других в страхе держало».

Пишут рядовые советские граждане, новые советские люди...

Май 1969

Май в Советском Союзе — месяц юбилеев, годовщин, а следовательно, месяц речей, выступлений, статей и докладов. Конечно, и в остальные одиннадцать месяцев газеты и журналы полны ими. В мае, однако, официальных речей и заявлений, пожалуй, больше, чем когда-либо.

24-я годовщина победы над Германией дала случай выступить с оценкой минувших событий и прогнозом на будущее всем без исключения руководителям советских Вооруженных Сил. Не было, должно быть, ни одной провинциальной газеты, я не говорю уже о столичных, не опубликовавшей на своих страницах статьи какого-либо маршала или адмирала. Впрочем, подпись под статьей имела лишь престижный характер, ибо содержание всюду было одинаковым. Каждая из статей делилась на две части: первая — оценка минувшей войны, вторая — перечисление будущих противников.

Прежде всего следует отметить, что военным удалось добиться своего: наступила полная официальная реабилитация Сталина как руководителя Советского государства и армии в годы накануне войны и во время войны. С солдатской прямоотой пишет заместитель министра обороны маршал К.С.Москаленко: «Надо отдать должное: Сталин руководил с полным знанием дела, с глубоким пониманием большой стратегии и обстановки как на полях сражений, так и в политике».

Кампания по реабилитации Сталина, нараставшая, как снежный ком, но шедшая до поры до времени в специальных журналах, сначала исторических, потом партийных, в мемуарах, завершилась появлением директивных статей в «Правде», «Известиях», «Огоньке».

Все неудачи первых лет войны, поражения и потери списывает министр обороны маршал А.Гречко одной цитатой из Ленина: «Таких войн, которые бы начинались и оканчивались сплошным победным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключение». Цитата из Ленина — сейчас, в год подготовки к столетию со дня рождения вождя революции, — окончательно обрывает какие бы то ни было споры. (Конечно, в случае надобности, можно будет найти другую цитату, прямо противоположную, но такой надобности не предвидится).

Но, как я говорил выше, оценка минувшей войны занимает лишь первую часть юбилейных статей. Вторая посвящена будущим противникам. И здесь также официальное изменение: рядом с американскими империалистами и западногерманскими реваншистами появился третий враг — маоистский Китай. И это враг — всерьез и надолго.

Тон советской пропаганды по отношению к Китаю меняется. Центр тяжести перемещается из сферы идеологических разногласий в сферу государственных противоречий. Конечно, идеологической борьбе с маоистами уделяется значительное внимание, но ведется она прежде всего в партийных журналах, в брошюрах (в последнее время вышло не менее десяти антикитайских брошюр: «Кричащие батальоны», «Маоизм или марксизм», «Марксизм и волюнтаризм», «Политический кризис в Китае»

и т.д.). В ежедневной печати подчеркивается прежде всего опасность для границ Советского Союза со стороны диких пьяных орд. На страницах газет и журналов постоянно появляются репортажи с «пылающей границы», описания трудной работы пограничников, стоящих на страже «неприкосновенности границы». «Уже без бинокля видно, как маоисты угрожающе потрясают оружием, слышны усиленные динамиком пьяные песни», — описывает свои впечатления журналист В. Чачин, побывавший на «южной границе».

Но китайцы, как утверждает советская печать, не только посягают на советские земли, они безжалостно угнетают национальные меньшинства в граничащем с советскими республиками Синьцзяне.

«Синьцзянская трагедия» — так назвал свою статью, опубликованную в «Литературной газете», А. Мирон. Он пишет: «Синьцзян расположен на северо-западе Китая. Эту землю испокон веков заселяли уйгуры, казахи, узбеки, киргизы, монголы и другие народности. Еще недавно здесь было очень мало китайцев, однако сейчас они составляют больше половины населения. Это результат проводимой Пекином в Синьцзяне политики насильственной ассимиляции». Все это совершенно справедливо. Стоит, однако, обратить внимание на два факта. Во-первых, все перечисленные выше народы живут и на территории Советского Союза, и — кто знает — не исключена попытка их воссоединения (30 лет назад состоялось же «воссоединение украинцев и белорусов, живших по обе стороны польско-советской границы»). Во-вторых, если в приведенной выше цитате заменить Синьцзян Казахстаном, Китай — Советским Союзом, а китайцев — русскими, — абсолютно ничего не изменится.

Читая советскую прессу, можно узнать немало интересных фактов о жизни в Китае: о трудовых лагерях, о выселении интеллигенции в пустыню, о голоде, о бесчинствах «революционной молодежи». Советские газеты и журналы не брезгают даже информацией, попавшей в западную печать, охотно цитируя наиболее красочные описания «китайских ужасов», принадлежащие перу «буржуазных клеветников». Можно быть уверенным, что в китайской печати публикуется не меньше откровений о Советском Союзе.

Стоит еще отметить, что советско-китайский конфликт нашел свое первое выражение в художественной, если так можно выразиться, литературе. Журнал «Октябрь» напечатал в № 5 первую половину романа неизвестного до сих пор писателя Александра Путько «Своя ноша».

Думаю, что больше тридцати лет не поднималась в советской литературе тема, заинтересовавшая А.Путько, — короткая советско-китайская война 1929 года.

Май — месяц юбилеев... 5 мая праздновался День советской печати. И снова — по случаю праздника — статьи, определяющие новые задачи советской пропаганды. «Новыми» эти задачи можно назвать в том смысле, что они означают окончательное возвращение к задачам, к формам и методам старой сталинской пропаганды. Слегка только изменился словарь: неумеренно часто используется модное в среде интеллигенции слово «информация». Но в советской печати сегодня «информация» означает «дезинформацию». Не скрывая, пишет об этом в «Правде» М.Курьянов: «От агитаторов, политических информаторов требуется, чтобы они, пропагандируя нашу великую и неодолимую правду, коммунистические идеалы, проявляли высокую бдительность, умение раскрыть и разоблачить любые ухищрения враждебной пропаганды». Следовательно — «пропагандируя ... правду», необходимо информацию бдительно ограничивать, выбирать, искажать, наконец. Как и во всех других случаях, автор ищет подтверждения у Ленина. Как и во всех случаях — находит. Ленинская цитата (недавно пущенная в оборот) чрезвычайно красноречива. В связи с опубликованием в 1922 году в московской газете изложения взглядов меньшевика Парвуса (кстати, поддерживавшего до революции деньгами большевистскую партию и организовавшего в 1917 году проезд Ленина из Швейцарии в Россию через Германию), Ленин потребовал объявить строгий выговор редактору газеты и прогнать со службы автора статьи, ибо «только круглый дурак или белогвардеец мог превратить наши газеты в орудие рекламы для такого негодяя, как Парвус» (Владимир Ильич любил крепкие выражения). Вывод один — если уж Ленин снимал с работы за публикацию неподходящих взглядов, то сегодня...

Читая советскую печать, удивляешься странному психологическому феномену: грубости и бездарности пропаганды, рассчитанной на людей, которые органически неспособны мыслить. По своему примитивизму пропаганда остается на уровне 30-х годов, в то время как мир — в том числе и советские граждане — живет в конце 60-х годов. Причем бессмысленность, примитивность пропагандистских приемов можно наблюдать не только в «чисто агитационных» статьях. Волна дезинформации, пренебрежения к читателю, который все проглотит, заливаает даже литературоведение. В «Литературной газете» доктор филологических наук Я.Засурский считает возможным в статье, посвященной выходу русского перевода романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», упрекать американских критиков в том, что они недоброжелательно встретили этот роман. Почему этот роман выходит на русском языке впервые через 30 лет после написания, Я.Засурский не объясняет, твердо убежденный, что если бы читатели и захотели ему задать этот вопрос, газета его не напечатает.

Если в статьях, рассчитанных на интеллектуалов, пропагандисты позволяют себе совершенно не считаться с мнением читателя, то не нужно удивляться, если им пренебрегают в массовой прессе. 17 мая «Известия» опубликовали язвительную статью «Рыцари подлости». Речь в ней шла о смерти (или убийстве, как намекают авторы Б.Алексеев и И.Москвин) советского дипломата в Бонне Юрия Воронцова, которого западная печать назвала главой советской шпионской сети в Западной Германии. Авторы статьи весь свой гнев обрушили на гамбургский еженедельник «Шпигель» опубликовавший материалы о Воронцове. Что же вызвало гнев Б.Алексеева и И.Москвина? Прежде всего то, что «Шпигель» опубликовал все это через 20 дней после происшествия. «Чем занимались редакторы западногерманского еженедельника в течение 20 дней, — вопрошают авторы статьи в «Известиях», — то ли консультировались с федеральными спецслужбами, то ли перечитывали шпионские романы, наводнившие книжные рынки запада?» Вопрос, конечно, законный. Но не менее законен и другой вопрос: почему журналу «Шпигель» понадобилось 20 дней, чтобы провести все консультации и напечатать статью, а газете «Известия» понадобилось на это почти три месяца? Нет сомнения, что такой вопрос задает каждый советский читатель. Но ответа на него не получает...

В потоке юбилейных статей и написанных по заданию романов и очерков, заполняющих страницы советской печати, мое внимание привлекли материалы, робко задевающие тему необычайно важную — преступность и борьба с ней. Сам факт появления статей на эту тему знаменателен. Он свидетельствует, что вопрос приобрел такие размеры, что замолчать полностью его нельзя. Как бороться с преступностью, которая приобрела угрожающий размах? Первая — так сказать, естественная реакция — усилить наказание, издать еще более суровые законы. Нет, — отвечает писатель Георгий Медынский на страницах «Известий». Во-первых, пишет он, — «законы у нас есть и, надо сказать, довольно жесткие...» Во-вторых, оказывается, что «за два с половиной года действия закона об усилении ответственности за хулиганство мы получили эффект меньший, чем ожидали». Говоря о причинах роста преступности, прежде всего среди молодежи, — Г.Медынский называет в их числе: семейную неустроенность и безнадзорность, безысходность и душевную пустоту, трудность жизни, ее сложности и противоречия. Можно бы подумать, что преступность в Советском Союзе вызывают тоже причины, что и во всех других странах мира, если бы автор статьи не добавил в конце списка «влияние Запада, влияние потребительской психологии...»

Статья рассказывает о совещании, проведенном НКВД с писателями, занимающимися вопросами борьбы с преступностью. (Кстати, забавно

выглядело бы заседание сотрудников Скотланд-Ярда с участием Агаты Кристи). Совещание искало другие пути борьбы с преступностью (кроме усиления наказания), но смогло лишь констатировать необходимость участия всего общества в помощи милиции. Поскольку милиция не пользуется особыми симпатиями советских граждан, на совещании было заявлено, что в МВД готовится «нечто вроде приказа о вежливости», своего рода кодекс, устанавливающий в органах милиции достойный стиль отношений и обращения с гражданами. Совещание, следовательно, завершилось некой оптимистической нотой — МВД подготовит (когда, правда, неизвестно) приказ обращаться с населением вежливо. Приятный был бы подарок к 52-й годовщине Советской власти...

В «Комсомольской правде» о преступности среди молодежи пишет А.Долгова — научный сотрудник Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Заслуживает внимания уже само название института, работающего в стране, в которой — по Марксу — преступность давно бы уже должна быть ликвидирована вместе с устранением ее социальных причин. А.Долгова считает одной из основных причин роста преступности тот факт, что молодежь незнакома с Уголовным кодексом, с законами. Не знает, например, что наказываются по всей строгости закона (заключение сроком до 10 лет) лица, совершившие преступления, начиная с 14 лет. Но есть и еще одна причина, на которую указывает А.Долгова. Проводя различные опросы и анкеты, она пришла к выводу, что советская молодежь имеет «искаженную правовую психологию». То есть не всегда понимает, что можно, а чего нельзя делать. А.Долгова приводит такой пример. Радиолобитель Виктор собирал радиоприемник. Не сумев купить в магазине нужные ему детали, он взял их на радиозаводе, на котором работал. Правильно поступил Виктор или нет? — задала Долгова вопрос школьникам. И часть школьников ответила, что Виктор поступил правильно, что «пусть наша промышленность выпускает больше радиодеталей».

Только если молодые люди будут убеждены в «неизбежности наказания», — считает А.Долгова, — только тогда прекратится рост преступности.

О преступниках и наказании вспоминает также А.Побожий в интересном очерке «Сквозь северную глушь», напечатанном в последних двух номерах «Нового мира». Изыскатель дорог А.Побожий, прибыв со своей экспедицией в далекую сибирскую тайгу, вдруг встречает там «тунеядцев» — москвичей, высланных из столицы за пьянство, за частую перемену работы. Очерк А.Побожего — одно из немногих в советской печати свидетельств о жизни (если это можно так назвать) «тунеядцев». Высланные под ханжеским предлогом «исправления трудом» горожане,

люди, не совершившие никакого преступления, оказываются в глухой тайге без средств к существованию, без одежды. Местные жители не хотят их брать к себе, резонно заявляя: «В Москве не могли их исправить, а мы здесь должны». А.Побожий рассказывает, в частности, историю человека, провоевавшего всю войну, вернувшегося домой в чине капитана, но не нашедшего жены, бросившей его. Он стал пить, не мог удержаться на работе и — вместо лечения — выслан как тунеядец на далекий Север.

«Тунеядцы», десятилетние сроки для 14-летних детей, не говоря уже о лагерях — сталинских и сегодняшних — как же говорить после этого о неискаженной «правовой психологии» советского народа?

И в заключение обзора информация на литературную тему. Ко второму туру кандидатов на Ленинские премии по литературе допущены среди нескольких других книг роман С.Бабаевского «Белый свет» и роман В.Кочетова «Угол отражения». Видимо, почувствовали свою силу сталинисты, если сумели не просто выдвинуть эти произведения, но и добиться проведения их во второй тур. Можно почти с полной уверенностью заявить, что один из этих двух романов будет награжден самой высокой советской премией. По своему художественному уровню оба романа можно отнести к литературе лишь условно. Зато какие темы! С.Бабаевский (автор незабвенного «Кавалера Золотой звезды») представил на Ленинскую премию роман на современную тему. «Главная идея романа, — пишет критик С.Николаев, — борьба за ленинские нормы партийной жизни». В.Кочетов представил роман исторический: оборона Петрограда в 1919 году и роль в ней Сталина. Короче говоря, Ленинской премии достойны оба произведения...

Июнь 1969

«Изна» — называется статья известного публициста Эрнста Генри, опубликованная в «Литературной газете». «С международной точки зрения, преступление, которое совершает пекинская клика, не имеет равного в истории», — заявляет советский журналист. Он перечисляет наиболее предательские измены в истории, начиная с древнейших времен, и снова повторяет: «Самая страшная измена в истории!» В чем же дело? Оказывается, «Вашингтон и Бонн играют Пекином», «ястребы» из «ястребов», наследники Гитлера и Даллеса хотят возложить на маоистский Китай задачу нападения на Советский Союз с тыла и открыть тем самым «большой второй фронт против социалистического содружества».

Написанная в несколько истерическом тоне статья Эрнста Генри передается в «литературной» форме основные тезисы резолюции пленума ЦК КПСС, созванного сразу же после окончания Совещания коммунистичес-

ких партий. В этой резолюции сухо, но недвусмысленно сказано: «КПСС будет вести непримиримую борьбу против антиленинских идейных установок нынешних руководителей Китая, против их раскольнической политики и великодержавного внешнеполитического курса. Она сделает все, чтобы защитить от любых посягательств интересы советского народа, строящего коммунизм». Итак, на интересы советского народа, строящего коммунизм, посягает китайский народ, тоже строящий коммунизм.

14 июня московские газеты опубликовали обширное Заявление правительства СССР о советско-китайском территориальном споре. По сравнению с предыдущим советским заявлением от 29 марта, на этот раз была значительно расширена историческая аргументация, подтверждающая неотъемлемое право на полтора миллиона квадратных километров, на которые якобы претендует Китай.

В чем суть этих аргументов советской стороны? Прежде всего, в Заявлении говорится, что в тот момент, когда начали складываться взаимоотношения Русского государства с Китаем, северная граница Китая была обозначена Великой Китайской стеной, проходившей в тысяче с лишним километров на юго-запад от рек Амур и Уссури. Следовательно, земли, освоенные русскими на протяжении нескольких столетий, были пустыми, ничейными. Столкновения, происходившие на этой территории в первой половине XVII века, имели место между Россией и Маньчжурией, государством, в то время от Китая независимым. Русско-китайские договоры 1858–1860 годов, установившие нынешнюю границу, были заключены, «как отвечавшие и отвечающие интересам народов, населяющих две великие соседние страны».

Китайские газеты опубликовали советское заявление и предложили советской печати опубликовать информационную справку китайского министерства иностранных дел от 11 марта. Советские газеты, по своему обыкновению, противной стороне голоса не предоставили.

Каковы же китайские аргументы? Прежде всего, в китайском заявлении нет никаких территориальных претензий. Китайцы требуют иного. Они настаивают на том, чтобы Советский Союз признал договора 1858–1860 годов неравноправными, а затем подписал с Китаем *равноправный* договор на основе ныне существующей границы. Пекин мотивирует это требование тем, что Советский Союз в свое время (в первые годы после революции) сам признал эти договора неравноправными и утратившими силу. Следует признать, что в первые годы после революции Советское правительство в пропагандистских целях сделало немало заявлений, сформулированных с юридической точки зрения очень небрежно. Но и китайское требование о пересмотре договоров, заключенных сто лет

назад, когда одна из сторон была сильнее другой, явно нереально. Какой из договоров, определяющих границы между государствами, можно назвать совершенно равноправным, не навязанным силой?

Чтение заявлений советского и китайского правительств позволяет, однако, прийти к неожиданному выводу: территориальный спор между Китаем и Советским Союзом не так остр, как хотят это представить обе стороны, использующие искусственную напряженность для своих внутренних целей.

Одним из немногих документов, одобренных всеми участниками Совещания коммунистических партий, была резолюция о праздновании 100-летия со дня рождения Ленина. Праздник будет отмечаться в апреле будущего года, но в Советском Союзе лениномания достигла уже, кажется, предела и мало в чем уступает культу Мао в Китае. Без цитат из Ленина не обходится ни одна статья — от охоты на китов (инициатором которой был, конечно, Владимир Ильич) до... половой жизни. Доказывая, что секс должен иметь права гражданства в коммунистическом государстве, А.Баскина цитирует в «Литературной газете» вождя революции: «Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни». Спекуляция на Ленине приняла фантастические размеры, подходящей конъюнктурой пользуются не только профессиональные агитаторы, но и просто жулики и дураки. Если рабочий Г.Кубрин, как пишет «Правда», «исходя из ленинских положений о значении учета и контроля в социалистическом государстве», обнаружил, что «в течение двух последних месяцев можно было бы собрать дополнительно около двух тысяч мотоциклетных колес», ему простить можно. Но если литературовед С.Трегуб, цитируя вошедшего ныне в моду Ивана Бунина («будущее России принадлежит несомненно им, Маяковским, Лениным»), забывает добавить, что эти слова взяты из дневника Бунина, озаглавленного «Окаянные дни» и утверждающего, что никакого будущего у России Бунин не видит, — это уже чистый подлог.

Подобного рода эксцессы обеспокоили организаторов кампании. Было дано указание мягко одергивать зарвавшихся «ленинцев». Подверглась, например, критике книга П.Макрушенко «Игры Володи Ульянова», выпущенная издательством «Малыш» для детей дошкольного возраста. П.Макрушенко утверждает, что все детские игры придумал маленький Ленин — Володя Ульянов. Вот как Володя — по словам П.Макрушенко — учил детишек играть в «лошадки»: «Ты должен уметь управлять своим конем. Чтобы заставить лошадь работать, ты должен подойти к ней с лаской, уго-

стить чем-нибудь вкусненьким». Сразу видно, почему маленький Володя стал первым руководителем первого социалистического государства.

Подверглась критике и пьеса о Ленине, опубликованная журналом «Октябрь». Называется пьеса «Ваше слово, товарищ Маузер!», написана она молодым драматургом Юрием Грачевским и ведущим литературным критиком «Октября» Юрием Юдашкиным.

Н.Кладов в «Литературной газете» упрекает авторов пьесы в хронологических ошибках, в передергивании фактов, в неверном цитировании Ленина. Ни слова, однако, не пишет он о том, что Ленин в пьесе как две капли воды похож на Сталина — он арестовывает всех, кто с ним не согласен, изгоняет из Советского Союза философов и писателей, декретирует литературные вкусы. Самый верный ему человек носит в пьесе кличку Маузер. Это ему то и дело предоставляет Ленин слово — Маузер работает в ЧЕКА. Пьеса чрезвычайно актуальна: на конгрессе Коминтерна Ленина поддерживает представитель Германии (так сказать, предшественник Ульбрихта), а спорит с ним представитель Италии (предшественник Лонго?). Есть в пьесе и хоровое пение — в конце предпоследней сцены хор исполняет веселую песенку о ЧЕКА, куда «попадешь и не воротиться», в конце девятой, последней сцены хор поет «Интернационал».

Пикантная деталь. Критическая статья в «Литературной газете» появилась вскоре после того, как на эту пьесу обратил внимание фельетонист выходящей в Нью-Йорке газеты «Новое русское слово». Правда, Аргус подчеркнул прежде всего бездарность пьесы, уверяя даже, что подписана она двумя авторами, ибо «одному человеку, по-видимому, было стыдно взять на себя ответственность за эту чушь».

Пьеса, конечно, графоманская, но не без идейки; если уж Ленин был за цензуру, за аресты, против современного искусства...

Было время, когда главные течения в культурной жизни Советского Союза определялись двумя журналами: либеральное — «Новым миром», консервативное — «Октябрем». Теперь положение изменилось. «Новый мир» зачах под ударами цензуры (в конце июля читатели имеют всего лишь три номера журнала), «Октябрь», скомпрометированный слепой защитой сталинизма, перестал удовлетворять даже консерваторов. Ныне в число наиболее влиятельных журналов выдвинулась «Молодая гвардия». В редколлегию этого органа ЦК комсомола входит группа поэтов и писателей, выражающих взгляды, которые коротко можно бы назвать националистическими. В числе членов редколлегии «Молодой гвардии» Владимир Солоухин, Вас.Федоров, Владимир Чивилихин. Наиболее полно

выразил их взгляды литературный критик В.Чалмаев в получившей широкую известность статье «Неизбежность». Статья вызвала многочисленные споры, но скорее по частным вопросам, чем по самому главному. Главное для Чалмаева, неизбежное, это возрождение русского духа, которому мешает проявить себя полностью «чужебесие» — бешеное пристрастие ко всему чужеземному. Идеология, конечно, не новая. Новым является то, что Чалмаев прямо и открыто говорит о том, что «великая страна не может жить без глубокого пафоса, без внутреннего энтузиазма, иначе ее захлестывают дряблость, оцепенение». Совершенно очевидно, что Чалмаев не признает за официальной идеологией способности пробудить этот «внутренний энтузиазм».

Источники обновления он ищет в писаниях идеолога славянского единства хорвата Юрия Крижанича, жившего в XVII веке в России, в проповедях главы русского раскола протопопа Аввакума, наконец, в идеях Константина Леонтьева, выдающегося мыслителя XIX века, видевшего спасение России в возрождении византийской культуры, сильной монархической власти, церковно-монашеского христианства, в национальной самобытности. Полностью отказываясь от так называемого классового подхода к истории, Чалмаев пишет: «Да и крепостничество, и капитализм — это же щепка в океане, на которой не уместится тысячелетняя народная обновляющая Русь». Легко продолжить перечень исторических формаций и добавить — социализм.

Первая статья Чалмаева появилась в 1968 году («Молодая гвардия» № 9). Затем последовали новые статьи, в которых он развивает свои мысли. Статьи его сторонников печатаются и в «Молодой гвардии», и в еженедельнике «Смена», и в «Вопросах литературы», и в «Нашем современном». Их общая черта — подчеркивание исключительности русского характера, его превосходства над всеми другими народами мира. Пробует спорить с ними «Новый мир». «На журнальных и газетных страницах, — пишет в «Новом мире» И.Дедков, — замелькали слова: «голос земли», «твердая почва народной жизни», «величие русской души», «народный дух», «аристократизм нации», «русское, отчее», «святости народной жизни», «патриотизм народной души». И.Дедков цитирует поэта Вал.Сидорова, который, перефразируя слова Пушкина о Петре, прорубившем в Европу окно, заявил: «Было то окно Европе необходимее, чем нам». «Бывает монополия на торговлю водкой, табаком, на истину, — заключает статью И.Дедков, — бывает монополия на патриотизм».

Именно этим опасением показаться плохим патриотом, находящимся под влиянием Запада, объясняется отсутствие серьезных критических споров с выразителями националистических, «патриотических» взгля-

дов. Тем более что официальная пропаганда использует очень часто те же националистические, шовинистические лозунги, лишь слегка прикрывая их обязательным упоминанием о пролетарском интернационализме.

Определенная свобода, полученная «патриотами», позволяет им публиковать вещи, задевающие, казалось бы, самые основы партийной идеологии. Достаточно вспомнить «Черные доски» Владимира Солоухина (журнал «Москва») — восторженный гимн русской иконе, православной церкви.

В XIX веке царский министр Уваров сформулировал знаменитую триаду, перечислил «трех китов», на которых стояло и стоять будет русское государство, — самодержавие, православие, народность. Из публицистики, печатаемой в молодежных журналах, можно бы сделать вывод, что осталось только восстановить как официальную религию православие, чтобы уваровская триада снова воскресла.

Неудержимый рост интереса к религии в Советском Союзе проявляется в многообразных, порой совершенно неожиданных формах. Одной из любопытнейших попыток сочетать увлечение религией с увлечением самой модной из наук — астронавтикой сделал филолог доцент В.Зайцев. В журнале «Байкал» (№№ 5–6.1967 и 1.1968) в статье «Боги приходят из космоса» В.Зайцев изложил свою гипотезу о происхождении христианства. Он утверждает, что около двух тысяч лет назад к западу или северо-западу от Египта приземлился космический корабль, с которого на землю сошел Иисус Христос. Главные свои аргументы Зайцев черпает из Библии. Вифлеемская звезда — это идущий на посадку космический корабль, слова Христа — «я сошел с неба», «царство мое не от мира сего», «царство мое на небесах» — следует поднимать буквально. «Царство мое на небесах» — значит, в космосе.

Все учение Христа, его гуманность, благородство советский филолог объясняет именно неземным происхождением Учителя. По мнению Зайцева, в ту эпоху люди на Земле были не в состоянии создать такое вечное учение, как христианство. Гипотезу Зайцева уже опровергал в журнале «Советский Союз» (№ 11.1968) известный ученый, академик Фесенков, доказывавший, что нет никаких оснований предполагать, что Землю посетил космический корабль.

Недавно к гипотезе Зайцева вернулась газета «Известия», назвав его «объективным союзником богословов». Обвинение уже более серьезное. Любопытно, однако, что статью, опубликованную в небольшом сибирском журнале, нужно разоблачать в «Известиях», выходящих 8-миллионным тиражом. И отнюдь не следует удивляться, если вскоре появится в Советском Союзе новая секта — космических христиан.

Журнал «Советское государство и право» (№№ 4–5.1969) опубликовал большой материал, посвященный так называемому «Делу Абеля» — аресту в США и осуждению советского разведчика полковника Рудольфа Абеля, а затем обмену его на американского пилота Пауэрса.

Этот материал, сокращенное изложение которого опубликовала и «Неделя» (воскресное приложение к «Известиям»), представляет собой интерес прежде всего тем, что впервые Советский Союз признается в том, что в мирное время, а не только во время войны, он использует шпионов. Конечно, все об этом знали, но, как известно, признание — королева доказательств.

Абель более семи лет руководил в США советской шпионской сетью, а затем был выдан одним из своих сотрудников и арестован летом 1957 года. И полковника, и автора очерка о нем больше всего возмущает, что арест шпиона был произведен в нарушение 4-й поправки к американской Конституции, провозглашающей охрану личности, жилища, бумаг и имущества граждан от необоснованных обысков и арестов. Дело в том, что агенты ФБР, ворвавшиеся в номер гостиницы, где жил Абель, не имели при себе ордера на арест. Не очень доволен Абель и тюрьмой, хотя признает, что для него, учитывая его любовь к живописи, была оборудована небольшая личная художественная студия».

Октябрь 1969

Обзор советской печати за последние два месяца следует начать с нового романа Всеволода Кочетова, занимающего главное место в №№ 9 и 10. Начать с романа Кочетова нужно, конечно, не потому, что это выдающееся литературное произведение. Литература здесь и не ночевала. Новый опус Кочетова еще хуже в литературном отношении (если это возможно), чем его предыдущий роман «Угол отражения», претендующий на Ленинскую премию этого года. Впервые за последние двадцать пять лет появилось в советской литературе произведение, в котором так открыто, так бесстыдно до конца изложена программа самого оголтелого сталинизма. Роман Кочетова еще не закончен, последняя часть будет опубликована в № 11. Но конца можно и не ждать — все уже сказано.

Кочетов открыто, резко и остро обрушился и на так называемых либералов и, что ново, на так называемых славянофилов, рупором которых стала «Молодая гвардия».

«Чего же ты хочешь?» — называется роман. Прежде всего Кочетов отвечает, чего хочет «Новый мир». Главная сюжетная линия романа — при-

езд в Советский Союз группы империалистических шпионов — американка, немец — бывший фашист и русский эмигрант, служивший в гитлеровской армии, — посланных английским издательством «Новый мир», правда, в тексте это издательство называется по-английски New World. Итак, чего хочет «Новый мир» он же New World? «Разложение, подпиливание идеологических, моральных устоев советского общества — вот на что в Лондоне... решили потратить несколько десятков тысяч фунтов стерлингов».

По сути дела смыкаются со шпионами, во всяком случае, с западным миром и «славянофилия» — в лице карикатурно изображенного идеолога славянофильства, известного и в Польше — была его выставка, — художника Ильи Глазунова (у Кочетова — Антонин Свешников). В романе много других легко узнаваемых московских писателей, артистов, художников. А чего же хочет сам Кочетов? И тут мы доходим до главного. Два положительных героя — начальник главка одного из машиностроительных министерств Сергей Антропович беседует со своим сыном, инженером Феликсом.

Сын: Сталин не подготовился к войне, растерялся?

Отец: Не повторяй сознательной клеветы одних и обывательской пошлости других. Было сделано наиглавнейшее: к войне, к выпуску самого современного оружия в массовых масштабах была подготовлена наша промышленность, и необыкновенную прочность приобрело производящее хлеб сельское хозяйство — оттого, что было оно полностью коллективизировано. И не было никакой «пятой колонны» оттого, что был своевременно ликвидирован кулак и разгромлены все виды оппозиции в партии».

Итак, зачеркнув решения XX и XXII партийных съездов, Кочетов хочет возвращения к страшнейшим методам сталинского режима, прежде всего к ликвидации «пятой колонны». «Вы беспечны, — говорит сыну Сергей Антропович, запросто заглядывающий в «известные органы», — вы слишком поверили сиренам миролюбия — и зарубежным и нашим отечественным. Эмблемой вашей стал библейский голубь с пальмовой ветвью в клюве. Кто только вам его подсунил вместо серпа и молота? Голубь — это же из Библии, он не из марксизма». Отметим мимоходом, что здесь Кочетов — Сергей Антропович — идет дальше самого Сталина, который «утвердил» голубя, правда, только «на экспорт».

Все было хорошо в доброе старое время! А главная героиня романа, несчастная жертва итальянского коммуниста-ревизиониста, не любящего Советский Союз, считает, что все ее несчастья связаны с отменой сталинского закона, запрещавшего браки с иностранцами.

И еще одно место привлекает внимание в романе «Чего же ты хочешь?» Чуть ли не на двух страницах перечисляет Кочетов русские эми-

грантские газеты и журналы, выходящие в Нью-Йорке, Париже, Мюнхене, имена редакторов и основных сотрудников. Впервые за последние лет тридцать появляется в советской печати такая подробная информация об эмигрантских изданиях. Чего же хочет Кочетов? Можно полагать, что русская эмигрантская печать в значительно большем размере, чем раньше, стала проникать в СССР. Сравнительно до недавнего времени в Москве на это смотрели сквозь пальцы. Свалив все эмигрантские издания в одну кучу, объявив их все органами американской разведки, Кочетов взывает к бдительности всех верных сталинцев. Следите за читающими шпионские издания! Доносите о них!

Стоит отметить, что Кочетов в данном случае, как и во всех других, конечно, выполняет очередной «социальный заказ». В советских газетах и журналах появилось невиданное раньше количество материалов об эмиграции, о ее подрывной деятельности. Достаточно сказать, что только в официальной правительственной газете «Известия» в течение шести недель сентября и половины октября появилось три материала, посвященных эмиграции.

Сталинцы набирают силу. Но нельзя еще сказать, что они одержали окончательную победу. Им не удалось, например, ликвидировать журнал «Новый мир», несмотря на ожесточенные атаки, продолжавшиеся все лето. На главного редактора журнала Александра Твардовского наступление велось с самых разных сторон — от «Правды», «Советской России» до «Социалистической индустрии» и «Огонька». В частности, в «Социалистической индустрии» выступил некий простой советский человек, рабочий от станка, обвинивший «Новый мир» в публикации «грязных безыдейных произведений», «антипатриотических произведений» и т.д. Потом выяснилось, что этот простой советский рабочий был кандидатом в члены ЦК. В «Огоньке» потребовали «обновления» «Нового мира» одиннадцать писателей, в числе которых был ряд членов редакции «Молодой гвардии».

И, несмотря на все это, «Новый мир» выстоял, ответил в июльском номере (подписанном к печати 29 августа) редакционной статьей, в которой посоветовал не учить его патриотизму, и начал выходить более регулярно, чем раньше. Видимо, среди советских руководителей у Твардовского нашлись сильные покровители, желающие иметь возможность, так сказать, в неофициальном порядке отвечать сталинистам типа Кочетова, «славянофилам» типа Солоухина и Чалмаева.

«Новый мир» давно уже потерял интерес как журнал литературный. Весь интересный материал следует искать во второй части журнала, в отделе критики, библиографии и т.д.

И в последнем, восьмом номере «Нового мира» единственный заслуживающий интереса материал — это большая статья Ю.Черниченко «Колос юга». Из этой, казалось бы, специальной статьи читатель узнает о страшном бедствии, поразившем Украину и наиболее плодородные земли России — черноземную Кубань. В печать сведения об этом почти не проникали либо газеты пытались преуменьшить размеры катастрофы. 25 марта газета «Советская Россия» писала: «Резонанс в России от пыльных бурь, поразивших Кубань, получился намного громче, чем сама буря и последствия ее. Главное наше богатство — черноземы Кубани — целых целехоньки. Снос верхнего слоя не превысил нескольких сантиметров».

Ю.Черниченко комментирует это оптимистическое заявление: «Снос каждого сантиметра черноземного слоя означает, что гектар земли теряет 80 кг фосфата, 390 кг азота, около 6 тонн органических веществ. И добавляет: «чтобы накопить три сантиметра почвы, природе в хороших условиях надо от трех до десяти веков». Ю.Черниченко пишет, что в некоторых районах Кубани за неделю были снесены слои сантиметров в семь–восемь. «Занесены сады, заборы, занесены дома — до окон, кое-где до крыш».

Во втором номере журнала «Молодая гвардия» (1968 г.) поэт и член редакции журнала В.Чивилихин опубликовал статью «Земля в беде». Писал он об Украине, теряющей ежегодно десятки тысяч гектаров плодородной земли, смываемой искусственными морями, построенными в ходе выполнения гигантских «планов преобразования природы». Правда, Чивилихин всю вину за беду, постигшую Украину, возлагает на «период хозяйственных шатаний, когда был остановлен План». Чивилихин имеет в виду знаменитый сталинский план посадки лесов. «И не без основания многие считают, — пишет он, — что если бы все шло нормально, то, возможно, портам Одессы, Николаева, Херсона и Новороссийска никогда не пришлось бы разгружать заморский хлеб, а червонное золото не лежало бы сейчас в американских сейфах».

Черниченко согласен с Чивилихиным в определении размеров беды. Но он сомневается в том, что выполнение плана лесопосадок могло бы спасти положение. Главное, — говорит Черниченко, — выяснить, что понимать под словом «нормально»? И перечисляет главные принципы сталинского руководства сельским хозяйством.

Продукты у колхозов забирались за символическую цену, колхозники, обложенные специальными налогами, рубили фруктовые деревья. Нет, — пишет Черниченко, — не были «нормальными» отношения между государством и колхозом. И вот в чем главная причина беды. Вот в чем, в конечном итоге, причина пыльных бурь, гигантской эрозии почвы на миллионах гектарах земли в Казахстане, на Украине, на Кубани.

И одновременно с этой страшной картиной планового разрушения плодородия земли в советских газетах встает страшная картина «планового» уничтожения собранного хлеба. В нынешнем году целинные земли дали неплохой урожай. Но вот, что пишет 3 октября в «Известиях» ответственный за сдачу зерна чиновник: «Элеваторы и хлебоприемные пункты завалены зерном. А отгружать, как предусмотрено планом, не можем — нет вагонов. В сентябре управление казахских железных дорог должно было вывезти 2 миллиона тонн хлеба, а вывезло только половину». В переводе на нормальный язык это значит, что миллион тонн зерна ждет под дождем и снегом, пока его погрузят в «запланированные» вагоны, которых нет.

Смешно писать о том, чего в газетах нет. Но стоит все-таки отметить, что вот уже полтора месяца, как нет в них ничего о Китае. Как будто исчезла эта страна с карты мира.

Еще 6 сентября газета «Известия» напечатала статью заслуженного деятеля искусств театрального режиссера В. Комиссаржевского, настаивавшего, что в текущем театральном сезоне главное место в репертуаре должны занять пьесы о Ленине и пьесы о жертвах китайских провокаций. Еще 11 октября та же газета опубликовала «Документы о вооруженных провокациях китайских властей на советско-китайской границе» с фотографиями и кошмарными подробностями. Но на следующий день появилась короткая заметка о встрече Косыгин—Чжоу Эньлай, и Китай исчез со страниц советских газет.

Советская печать отметила годовщину вступления в действие нового закона о всеобщей воинской обязанности. Этот новый закон предусматривает обязательную военную подготовку молодежи еще до того, как она призывается в армию. Они изучают уставы, оружие, учатся стрелять, но особое внимание отводится «идейно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, морально-политической подготовке молодежи к выполнению почетного воинского долга, воспитанию у нее любви к Родине, постоянной готовности» к защите интересов социалистического государства». Этот официальный жаргон расшифровывает подполковник Б. Демин, опубликовавший в армейском журнале «Коммунист Вооруженных Сил» (№ 13, 1969) статью под названием «Ненависть к врагу — неотъемлемая сторона патриотизма советских воинов».

И, оказывается, как у Орвелла, что любовь — это ненависть. «Справедливая благородная ненависть к империалистическим агрессорам, — пишет Б. Демин, — и сегодня служит ярким выражением любви к Родине». Подполковник Демин озабочен тем, что новое поколение советской молодежи не прошло «школы ненависти», а поэтому в СССР встречаются незрелые в политическом отношении юноши, которые подчас «разде-

ляют извращенные представления о гуманизме». Любопытно, что, работая над своей статьей, Б.Демин еще не знал великолепной формулы Кочетова о вредном «библейском голубе мира» (см. выше).

Статейка Демина появилась до встречи Косыгин—Чжоу Эньлай, поэтому мы читаем в ней: «Чувство ненависти советского народа проявляется ко всем реакционерам и их пособникам, стремящимся, подобно маоистам, затормозить рост сил мирового социализма. Мао Цзэдун и его приверженцы, порвав с марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом, сомкнулись с империалистами в провокационных атаках на Советский Союз».

Нужно сказать, что призывы подполковников Деминых не остаются без результата, воспитание ненависти дает свои плоды. «Новый советский человек» приучается реагировать на все, что ему лично не нравится одинаково: уничтожить, ликвидировать, запретить.

В «Литературной газете» за 29 октября писатель А.Раскин возвращается к своему фельетону, напечатанному в «Литературной газете» летом. С того времени писатель получил много писем от читателей. Фельетон не затрагивал тем политических или государственной важности. Он писал об отношении к женщине, о женской моде и, в частности, о мини-юбках. Раскин писал, что лично ему мини-юбки скорее не нравятся, но молодые женщины могут себе позволить их носить.

Читатели в своем большинстве осудили примиренческое отношение фельетониста к империалистической выдумке — мини-юбкам. Они потребовали запретить их ношение в Советском Союзе. А некий, воспитанный в духе любви к Родине—ненависти к врагам читатель потребовал в стихах:

И чтобы мода
не позорила нас,
Надо эту импортную моду
Ликвидировать, как класс.

Ноябрь 1969

Рязанское отделение Союза писателей Российской республики исключило из своего состава Александра Солженицына. Вместе с Солженицыным это отделение насчитывало пять человек, но и без него там осталось четыре писателя (что они написали — пока никто не знает, но членские билеты у них есть), что на 400% больше, чем до революции, когда в Рязанской губернии был всего один поэт — Сергей Есенин. Нужно признать, что один из четырех рязанских писателей, как следует из

стенограммы заседания, опубликованной в газете «Монд», не сразу согласился голосовать за исключение Солженицына. Не то, чтобы он был за Солженицына. Нет, конечно. Он очень рассудительно сказал: как бы опять не получилась история, вроде пастернаковской. Сначала велели голосовать за исключение, потом обратно пришлось принимать. Но, видимо, присутствовавший на собрании секретарь областного комитета партии дал недоверчивому рязанцу слово, что обратно Солженицына принимать не будут. И тогда все четверо дружно проголосовали: исключить.

И время, конечно, другое, и — главное — Солженицын непохож на многих, исключавшихся до него советских писателей. Он написал в адрес Союза советских писателей письмо, свидетельствующее, что он не только великий писатель, но и человек, великий духом. Текст письма известен лишь в переводах — на французский и английский языки. Из нескольких фраз, цитируемых робко в заявлении секретариата правления Союза писателей РСФСР, видно, что переводы не передают всей силы убежденности Солженицына, всей его ненависти к мелким бездарным людишкам, делающим вид, что они руководят русской литературой. Есть среди этих цитат фраза, не попавшая в переведенный текст письма. Солженицын заявляет, что говорит от имени человечества, и смеется над ставшими бессмысленными разговорами партийных деятелей о «классовой борьбе». Солженицын пишет: «Да растопись завтра льды одной Антарктики — и все мы превратимся в тонущее человечество, и кому вы тогда будете тыкать в нос «классовую борьбу»?»

«Вашей атмосферой стала ненависть» — бросает Солженицын в лицо партийным чиновникам от литературы.

Единственное, что эти чиновники смогли сделать, — это обвинить Солженицына в измене Родине, за что по советскому Уголовному кодексу предусматривается лишение «свободы на срок от десяти до пятнадцати лет... или смертная казнь». В заявлении литературной организации говорится, что «антисоветские центры за рубежом используют издание сочинений Солженицына не только для политической борьбы против нашей страны, но и для прямого финансирования различных подрывных организаций». Статья 64 Уголовного кодекса РСФСР предусматривает именно такое преступление: «...оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР...»

И все же кампания против Солженицына носит несколько иной характер, чем кампании против Пастернака или Синявского и Даниэля. Нет — пока — массовых собраний с осуждением врагов народа, не выступают ни колхозницы, ни стахановцы-рабочие, не выступают пока даже писатели. Публикуются только скупые, немногословные заявления, что коммунисти-

ческие организации различных отделений Союза писателей (московского, ленинградского) единодушно одобрили исключение Солженицына. Не было еще даже общих собраний писательских организаций (то есть, включая беспартийных). Не было, ибо ходят слухи, что нашлись смельчаки, возражающие против исключения Солженицына. Впрочем, в начале декабря кандидат в члены Политбюро Демичев, так сказать, главный «культуртрегер» Советского Союза, собрал совещание всех творческих работников: писателей, музыкантов, художников, кинематографистов. Кроме общих слов о необходимости повышения бдительности и усиления идеологической работы, газеты пока еще об этом совещании ничего не напечатали.

Говоря, что писатели еще не выступали с осуждением Солженицына, я имел в виду писателей — лауреатов Сталинской премии, ибо лауреат Нобелевской премии на эту тему высказался.

Свою речь на III съезде колхозников Михаил Шолохов начал словами: «Эти дни все мы неотвратимо находимся под впечатлением речи товарища Брежнева». А затем, так сказать, отдав долг, этот выдающийся писатель, всю жизнь «неотвратимо находящийся под впечатлением» то Сталина, то Хрущева, то Брежнева, перешел к делу. «Вы успешно боретесь с вредителями полей, — сказал он колхозникам, — а вот у нас, на беду, еще не вывелись в наших рядах колорадские жучки (смех в зале, аплодисменты). Из тех, которые едят советский хлеб, а служить хотят западным, буржуазным хозяевам, куда тайком и переправляют свои произведения. Но, как и вы в своем хозяйстве, так и мы, советские литераторы, преисполнены желанием избавиться от всяких недостатков и помех, и мы от них безусловно избавимся».

Синявского и Даниэля Шолохов требовал расстрелять, с Солженицыным (сравнение с «колорадским жучком» поняли даже не искушенные в литературе колхозные деятели) Шолохов предлагает разделаться, как с вредителями полей. Известно, что в борьбе с картофельным, или колорадским, жуком лучше всего помогает опрыскивание мышьяковистыми соединениями. Наконец-то деньги изобретателя динамита Нобеля попали в руки достойного человека!

В дни, когда я читал материалы об исключении Солженицына, попали мне в руки русские журналы, вышедшие сравнительно давно, но, как оказалось, не потерявшие актуальности. Я прочел: «Любовь к Отечеству есть вещь прекрасная, но еще прекраснее любовь к истине... Я не умею любить свое Отечество с закрытыми глазами, с запертыми устами». Но ведь это мог написать и Солженицын! А в рецензии на произведение, из которого я взял приведенные выше две фразы, говорится: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе са-

мое смелое воображение; вот... точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана». А это мог свободно сказать (писать он уже не может) Шолохов!

В действительности же первая цитата взята из «Философического письма» Петра Чаадаева, напечатанного в 1836 году, а вторая — из письма — по поводу труда Чаадаева — шефа жандармов графа Бенкендорфа. Отсюда можно сделать только банальный вывод — русским писателям всегда плохо, они всегда недовольны, а русским жандармам всегда хорошо, они всегда не только любят настоящее, но и бодро смотрят в будущее.

О главных ораторах на съезде колхозников я уже сказал. Речь Брежнева была, быть может, несколько пессимистичнее речи Шолохова. Генеральный секретарь признал, что «в процессе колхозного строительства мы не избежали известных ошибок. Но это были ошибки поиска, ошибки из-за отсутствия опыта...» Почему через пятнадцать лет после начала коллективизации в Советском Союзе, когда опыт, казалось бы, уже имелся, в Польше пришлось снова проделывать все советские ошибки, Брежнев не сказал. Он пожаловался на то, что и «по сей день находятся любители преувеличивать издержки в большом революционном деле», то есть в деле коллективизации.

Тем не менее Брежнев вынужден был отметить, что — несмотря на тридцатилетний опыт, — «анализ деятельности колхозов и совхозов показывает, что во многих районах уже при нынешнем уровне материально-технического обеспечения урожайность зерна, хлопка, сахарной свеклы, картофеля, овощей, кормовых и других культур должна быть значительно выше фактической». Но в переводе на нормальный язык это значит, что, несмотря на самую передовую в мире социалистическую организацию труда (колхозы и совхозы), несмотря на обеспечение хозяйств машинами урожайность *всех культур значительно ниже*, чем в капиталистических странах. Чем это объясняется, можно только догадываться.

III съезд колхозников принял новый Примерный Устав колхоза, лишь в деталях отличающийся от старого. Изменения состоят, во-первых, в гарантировании права колхозника на приусадебный участок, во-вторых, в расширении некоторых форм социального обеспечения на колхозников. Гарантирование приусадебного участка объясняется тем, что именно эти участки дают населению значительную часть овощей, молока, яиц и даже значительную часть мяса. Колхозники так и не получили паспортов, то есть права покидать по желанию колхозы.

В газете «Известия» — очередная статья и тревожный сигнал бедствия. Планомерное уничтожение плодородия земли продолжается. В свое время советские поэты любили пользоваться красивым выражением:

«большевики преобразуют природу». Теперь так перестали говорить, ибо это «преобразование» приняло катастрофические размеры. Специальный корреспондент «Известий» 19 ноября пробует ответить на вопрос «Почему исчезают реки?» Речь идет о Белоруссии — районах граничащих с Польшей. Оказывается, мелиораторы, думающие только о выполнении и перевыполнении плана, так хорошо осушили некогда богатую водой Белоруссию, что сейчас на душу населения в республике приходится меньше воды, чем в среднем в Советском Союзе.

В Минске, например, в сутки житель получает 175 литров воды при санитарной норме — 300 литров. Хуже всего то, что мелиораторов не удается убедить прекратить осушение республики. Они продолжают выполнять план и знать ничего не хотят.

Кочетов в № 11 «Октября» закончил, чувствуется, что с большим сожалением, печатание своего романа «Чего же ты хочешь?» Но, как говорится, пора и честь знать. Даже в собственном журнале главный редактор не может печатать опусов толще 500–700 страниц. Есть уже и зарубежные отклики на роман. Возмутилась одна из героинь романа. Дело в том, что среди прозрачно замаскированных персонажей книги Кочетова наибольшую ненависть автора вызывают не шпионы и диверсанты — англичане, немцы, белогвардейцы и так далее. Нет. Больше всего ненавидит Кочетов итальянцев, точнее, итальянских коммунистов. Правда, в романе разбросаны замечания, вроде: «таких мошенников в смысле подделок, да и в любых иных смыслах, как итальянцы, вторых на свете нет», либо: «итальяшки — дрянь порядочная», но все же можно понять, что и вообще-то итальянцы народ не очень, но итальянские коммунисты — хуже всех. Самый же скверный из итальянских коммунистов — Бенито (популярное итальянское имя!) Спада. Мало кто из советских читателей, причастных к литературе, не узнает в этом карикатурном типе известного итальянского литературоведа-коммуниста Витторио Страду, автора книг о Горьком и Маяковском, о социалистическом реализме, вызвавших гнев среди Кочетовых и им подобных. Оплевал Кочетов итальянского товарища попартийному принципиально: изобразил его ревнивым сатиром, обманом увезшим из Советского Союза невинную русскую девушку в Италию, где она задыхается в мещанском, буржуазно, итальяно-коммунистическом мире. Потом благодаря мужественному красавцу Булатову (прозрачный автопортрет Кочетова, кстати: булат — вид стали, так, что и псевдоним прозрачный) несчастная жертва гнусного итальянского коммуниста возвращается домой, на родину, на свободу. Супруга Страды, действительно советская гражданка, публично обвинила Кочетова в клевете.

В очередном, девятом, номере «Нового мира» нет ничего, привлекающего внимание, если не считать очерков Виктора Некрасова «В жизни и письмах». Это непритязательные воспоминания писателя о некоторых случаях из его жизни. И — странным образом — один из этих случаев припомнил мне эпизод из романа все того же Кочетова. В этом романе группа писателей во главе с Булатовым-Кочетовым приезжает в псковскую деревушку Краснуху, в которой во время войны гитлеровцы убили 280 человек — стариков, молодых, детей. Стоит на их могиле памятник. Придя к нему, Булатов-Кочетов негодует: почему же в мире знают Лидице, знают Орадур, где даже детей не убивали, а вот Краснуху не знают?

Правда, в Орадуре убили 642 человека, в том числе 250 детей, но глупо было бы считать, где сколько убили и где об этом знают. Казалось бы, все хорошо — поставили убитым памятник, приходят к нему. Нет. Булатову-Кочетову нужно козырять мертвыми перед всем миром.

А вот, что пишет Некрасов: «Это было 29 сентября 1966 года, в день двадцатипятилетия первого расстрела в Бабьем Яру. Яра, как такового, уже не было в помине: он был замыт и превратился просто в поросший бурьяном пустырь. И на этом пустыре в этот день собрались тысячи людей, чтобы почтить память расстрелянных здесь родителей, друзей или просто погибших. Люди плакали или сосредоточенно молчали, разбрасывая цветы просто так, по земле — никакого памятника на этом месте не было.

Что-то заставило меня обратиться и к этим рыдающим людям, обратиться с кратким словом о том, что на этом месте, месте расстрела ста тысяч ни в чем неповинных людей, будет стоять памятник. Не может не быть поставлен».

И вот здесь-то, думается мне, Виктор Некрасов ошибается. Может не быть поставлен. Может не быть поставлен в Бабьем Яру. Может не быть поставлен в Катыни. Ибо вопрос о том, кому ставить памятники, кто убит невинно, а кто уничтожен по заслугам, решают Булатовы-Кочетовы.

В капиталистическом мире за такую рекламу, какую доктор Януш Кольчинский сделал «Культуре» и «окопавшемуся в Париже» Юлиушу Мерошевскому, пришлось бы дорого заплатить валютой, в социалистическом мире доктор Януш Кольчинский сделал это за рубли. 15 ноября газета «Известия» опубликовала большую статью доктора Януша Кольчинского «Отравленное оружие антикоммунизма». Этим отравленным оружием и является «Культура», а также «теория эволюционизма» Юлиуша Мерошевского. Заканчивается статья призывом использовать «опыт КПСС в борьбе с усиливающимися диверсионными действиями империалистов в области идеологии». Судя по языку, статья написана по-русски.

Январь 1970

Новый год начался в Советском Союзе без обычных победных фанфар. В декабре 1969 года состоялся сначала пленум ЦК, а затем — сессия Верховного Совета СССР, на которых были подведены печальные итоги: план 1969 года оказался невыполненным как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Заместитель председателя Совета министров Николай Байбаков, выступая на сессии, заявил, что урожай 1969 года составил 160,5 млн. тонн. Правда, в ноябре на III съезде колхозников Брежнев говорил, что собран урожай, равный среднему за последние несколько лет. Этот средний урожай равен 152 млн. тонн. Но даже и цифра Байбакова ниже прошлогодней: в 1968 г. было собрано 169,2 млн. тонн. А план на 1970 год предусматривал сбор 180 млн. тонн зерна, что представляется цифрой совершенно невыполнимой.

Но неудачи постигли и советскую промышленность. Не выполнили план главные отрасли тяжелой промышленности, откладывается «автомобильная революция», ибо строительство завода «Фиат» в городе Тольятти задерживается на год, а может быть, и дольше.

Доклад Брежнева на пленуме ЦК, посвященный вопросам экономики, не был опубликован, но 13 января газета «Правда» напечатала обширную передовицу, в которой изложены основные тезисы доклада Генерального секретаря. В передовице признается, например, что «в ряде республик и областей страны допущено необоснованное сокращение поголовья скота и птицы, производства мяса, молока, яиц, вследствие чего начали появляться трудности в снабжении населения продуктами животноводства, особенно в крупных промышленных центрах». Если учесть, что в мелких центрах, то есть городах и поселках, всегда ощущались эти трудности, то размеры этих «трудностей» станут очевидны.

Не менее остро критикует «Правда» (повторяя Брежнева) и положение в промышленности, говоря об «отставании темпов развития ряда отраслей промышленности, медленном росте производительности труда, эффективности общественного производства». Судя по сообщениям иностранной печати, Брежнев заявил даже в своем докладе, что в настоящее

время в Советском Союзе производственные отношения тормозят развитие производительных сил. По учению Маркса, в таких случаях происходит революция, освобождающая производственные силы от мешающих им старых производственных отношений. В передовой «Правды» настойчиво повторяется, что необходимо усовершенствовать систему управления экономикой, но тут же подчеркивается, что проблемы управления — это проблемы политические.

Получается заколдованный круг, в котором вот уже полвека крутится Советское государство. «Незачем было свергать капитализм в ноябре 1917 года и строить социализм на протяжении ряда лет, если мы не добьемся того, чтобы люди жили у нас в довольстве. Социализм означает не нищету и лишения... Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм?» — так чрезвычайно разумно говорил Сталин в 1932 году на XVII съезде партии.

Четверть века спустя, в 1957 году, счастье, то есть ликвидация нищеты и лишений, казалось, вот-вот за углом. «В результате осуществленных за последние годы мероприятий наше сельское хозяйство находится на таком уровне развития, что оно может с успехом решить задачу догнать в ближайшие годы Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и масла на душу населения». Это говорил оптимист Хрущев. Прошло еще двенадцать лет, и 6 февраля в очередной передовой статье, посвященной экономическим трудностям, «Правда» сообщает, что по полученной ею информации, во многих магазинах нельзя достать иголок, ниток, стаканов, спичек... «Правда» требует, чтобы к сотой годовщине со дня рождения Ленина в советских магазинах появились иголки и спички.

Бросается в глаза разница между широковещательными лозунгами Сталина, обещавшего уничтожить нищету и лишения, Хрущева, обещавшего накормить людей мясом и молоком, и задачами, которые ставит перед собой нынешнее руководство страной. Это новая концепция, изложенная в тезисах ЦК КПСС к ленинскому юбилею. В тезисах ясно сказано: «Полнее и глубже раскрыть обоснованность, выполнимость задач коммунистического строительства, в то же время показывая их сложность. Нельзя сеять «облегченного» представления о борьбе за коммунизм».

Хрущев обещал закончить постройку коммунизма в 1980 году, Брежнев—Косыгин хотят лишь обосновать «выполнимость» самой задачи коммунистического строительства.

Новый курс — не обещать больше золотых гор, говорить даже о некоторых трудностях, которые уже никак нельзя больше скрывать от народа, убеждать, что с помощью вазелина можно вылечить раковую опухоль, съедающую организм.

После продолжавшегося около полутора месяцев «перемирия», статьи о Китае снова заняли видное место на страницах газет. Все они посвящены одной теме: военному психозу в Китае. Все они убеждают советского читателя, что Китай живет одним — подготовкой к войне. 10 января «Правда» писала, что пекинские руководители умышленно создают в стране атмосферу острого кризиса, дабы отвлечь внимание народа от серьезных экономических и политических трудностей и растущего недоверия в стране («Правда» знает, как это делается).

21 января орган Министерства обороны «Красная звезда» писала, что Китай стремится к мировой гегемонии и проводит по отношению к своим соседям экспансионистскую авантюристскую политику.

В этот же день «Литературная газета» опубликовала статью «Пароксизмы военного психоза», в которой утверждается, что китайское руководство раздувает военную истерию, стремясь подчинить театр и кино своим авантюристским целям.

23 января «Комсомольская правда» предупреждала: «Серьезная опасность угрожает китайской молодежи — ей беспрестанно вбивают в голову мысль, что только война может ее спасти из нынешнего отчаянного положения.

И совершенно очевидно, что в подготовке войны, — как писала «Правда» 6 января, — Китай поддерживают вашингтонские ястребы и боннские реваншисты.

Единственная область советской жизни, в которой одерживаются победа за победой — это область культуры. Может быть, только в самые тяжелые годы сталинского режима было так пусто на экранах кино, на сценах театров, в журналах, в книгах. Но нынешним руководителям «культурной» жизни этого мало. Редактор журнала «Москва» Михаил Алексеев выступил 7 января на собрании московского партийного актива. Алексеев недавно вернулся из поездки по США и прежде всего сообщил своим слушателям, что «пасквильными сочинениями Солженицына, нелегально отправленными за границу, наводнен книжный рынок Америки». После этого сделанного мимоходом доноса Алексеев перешел к вещам более серьезным. Он выступил против интеллектуализма, радуясь, что имеет в борьбе с ним все больше и больше сподвижников. «Правы те товарищи, — заявил он, к сожалению, не назвав этих товарищей по имени, — которые уразумели наконец, что понятие «интеллектуализм», по сути, размывает все социальные горизонты и пристрастия, вольно или невольно смыкается с проповедью внесоциальности, аполитичности искус-

ства. Вот почему мы обязаны сохранять высокую бдительность к подобным «теориям». Если бы видный советский писатель М.Алексеев был более начитан, он несомненно добавил бы: «Когда я слышу слово «интеллектуализм», я вынимаю пистолет». Впрочем, его речь и без этого достаточно убедительна.

Значительная часть № 5 «Литературной газеты» посвящена Чехословакии. Подборка статей, интервью, очерков объединена общим заголовком «Говорят чехословацкие друзья». Все здесь написано чехословацкими журналистами, экономистами и т.д. Печальное это зрелище. Заместитель председателя правительства Чехословакии Вацлав Гула в интервью, посвященном экономическим вопросам, как бы предупреждает советских читателей — экономические реформы ведут к реформам политическим, и убеждает, что после устранения правых ревизионистов все будет хорошо, даже можно сказать — все уже хорошо. «Чехословакия остается одной из наиболее развитых индустриальных стран, — заявляет он и добавляет, — а достигла она этого только благодаря преимуществам социалистической экономической системы».

Некий Ярослав Модрый в статье «Телевидение: год испытаний» называет по имени тех, кто был причиной всех несчастий, пережитых страной, — журналисты, работники чехословацкого телевидения. Опасаясь, что их фамилии могут казаться неразборчивыми для советского читателя, идет читателю навстречу и пишет, например, так: «Приблизительно с 1963 года начал работать на телевидении Бедржих Роган (из богатой семьи Роттбаумов)...»

Заместитель главного редактора «Руже право» Ярослав Коржинен заканчивает душеспипательный репортаж о встрече крестьян его родной деревни с советскими солдатами, стоящими там, со слезами в голосе: «У каждой семьи снова свой близкий человек — Иван, Саша или Коля. И это хорошо. Очень хорошо! И для моей родной деревни, и для нашей социалистической Чехословакии».

Любопытно, что уже после изгнания с телевидения Роганов и им подобных, студия дубляжа чехословацкого телевидения не могла выпустить ни одного фильма из социалистических стран — актеры не желали их дублировать. Я.Модрый заверяет советских читателей, что положение вскоре изменится.

Я писал в свое время в одном из «Обзоров» об идущей в литературных кругах дискуссии, посвященной славянофилам. В № 12 журнала «Вопросы литературы» подведен итог этой дискуссии. Теперь уже нет

никаких сомнений (если они могли быть раньше), что в спорах о славянофильстве происходит выработка новой идеологии, которая — кто знает? — могла бы со временем заменить в Советском Союзе идеологию коммунистическую.

«Суть славянофильства, — писал В.Кожин, — в утверждении принципиальной самобытности России, ее образа жизни, ее культуры и в особенности самой русской мысли».

Ожесточенный критик славянофильства С.Покровский признает, что «славянофилы выступали за свободу мнений, за свободу слова... Они решительно выступали против мертвящего формализма бюрократии, они отстаивали неприкосновенность частной жизни и ее независимость от усмотрения начальства...» Чем плохая программа? А в статье А.Янова мы находим даже изложение путей использования официальной идеологии для ее разрушения.

«На почве того самого национального чувства, которое пытался безраздельно монополизировать Уваров, они (славянофилы) разгромили официозный миф, что царское государство — средоточие всей социальной жизни народа. Во имя «простого народа» дерзко оспорили они у монархического государства функцию регулирования нравственных процессов в обществе, потребовали его невмешательства в народную жизнь. Они лишили деспотизм его верховных исторических и патриотических санкций, его пышных идейных облачений и выставили на позор и осмеяние как «тип», — по словам И.Аксакова, — полицейского государства.

Перевернув вверх дном триаду, поставив «народность» выше «самодержавия», а «православие» выше «народности», славянофилы искали и находили против деспотизма такое оружие, которого не имели и не могли иметь западники... Они ударили в самое чувствительное место коренной идеологии, разрушив ее национальную символику и тем самым лишив ее власти над многими и многими патриотически настроенными умами».

Нельзя не признать, что эта программа может иметь немало последователей. Ее противники противопоставляют ей лишь аргументы «полицейского» типа — то, что славянофильством увлекались авторы «Вех» и Бердяев, что «на Западе ныне много пишут о славянофилах. Они в большей чести там у наших идеологических противников».

О необычайной скудости современной литературы я уже говорил выше. Достаточно сказать, что Государственную премию Российской республики за минувший год получил за «поэтическое» творчество некий Сергей Смирнов, прославленный написанной на него эпиграммой:

Поэт горбат.
 Стихи его горбаты.
 Кто виноват?
 Евреи виноваты.

Из прозаических произведений обращает на себя внимание повесть Владимира Тендрякова «Апостольская командировка», напечатанная в журнале «Наука и религия» (№№ 8–10, 1969). Это история Юрия Рыльникова, сравнительно молодого человека, имевшего неплохую работу, приличную квартиру, в которой он живет с женой и дочерью. У него есть все, о чем мечтают миллионы советских граждан, но, получив этот минимум, освободившись, от бытовых неурядиц, он начинает думать о смысле жизни. И приходит к вере в Бога. Потом, правда, писатель «разоблачает религию». Но важен не финал (кто знает, может быть, без него повесть вообще не попала бы в печать), важна завязка — едва лишь человек получает наконец-то кусок хлеба, сразу же убеждается, что живет он не только хлебом, и — обращается к религии...

С религией, однако, Советская власть ведет борьбу, на фронте которой может отметить серьезные победы, пусть даже «враг» до конца истребить себя не дает. Но вот в борьбе с другим «пережитком проклятого прошлого» власть терпит одни поражения. Только в январе «Правда» поместила четыре материала, посвященных необходимости бороться с пьянством. Пишут об этом «Труд», «Литературная газета», пишет вся печать. «Хищные социалистической собственности, прогулы, злоупотребления спиртными напитками» — в таком порядке перечисляются в «Правде» (11.1) главные пороки социалистического общества. Это тем более странно, что Владимир Ильич Ленин утверждал, что «рабочий класс является восходящим классом, который не нуждается в опьянении».

И вдруг оказывается — нуждается «восходящий класс в пьянстве». Причем не в легкой «выпивке», о которой пишут из Таллина, где директора двух крупнейших в городе кафе подсчитали, что клиенты выпивают у них в среднем по 50 граммов коньяка на человека. Это было бы ничего! Олег Волков в «Литературной газете» пишет об «окаянной чарке» (дело уже пахнет не несчастными 50 граммами!). Он призывает: «Слишком долго закрывали на нее (т.е. на эту «чарку») глаза, довольствуясь утешительной формулой «наследие проклятого прошлого». Длительное время у нас полагали (как оказалось, без достаточных оснований), что пьянство — порождение бесправия бедняков в капиталистическом обществе, что в прежнее время обездоленных побуждала к питью потребность забыться, бесперспективность существования в тисках угнетательского строя». К сожалению, никто из многочисленных авторов, пишущих на эту животрепещу-

щую тему, не объясняет, почему же теперь пьют. Впрочем, Олег Волков советует воспользоваться в борьбе с пьянством опытом Польши.

Март 1970

Обзора советской печати за последние месяцы нельзя не начать — хочешь ты этого или нет — с «ленинских материалов». Лавина, океан печатных материалов о Ленине — статей, заметок, воспоминаний, романов, стихов — залил все газеты и журналы. Мало того, перехлестнул газетные плотины и залил повседневную жизнь граждан Родины вождя революции. Его имя и изображения красуются всюду, где их можно поместить, и, как оказывается, там, где это и не совсем удобно.

В «Комсомольской правде» было опубликовано недавно несколько призывов к некоторому ограничению юбилейного усердия. Авторы считают, что, может быть, не очень удобно называть именем вождя пылесос, либо устраивать соревнования по бальным танцам имени столетия со дня рождения В.И.Ленина. «Зачем?» — с болью в голосе вопрошает Р.Лынев в «Комсомольской правде» (24.2.70), имея в виду инициативу Подольской кондитерской фабрики, выпустившей торты, украшенные шоколадной медалью с лампочкой и надписью «Свет Ильича. 1870—1970». Директор фабрики жаловался журналисту, что фабрике не разрешили посадить на торт шоколадный портрет Владимира Ильича.

Журналист считает, что было бы лучше, если бы торт — даже без портрета вождя — можно было свободно купить в магазине, а не стоять за ним в очереди. Совсем было бы хорошо, если бы такой торт был свежий. Но, как известно, нельзя требовать всего сразу.

Впрочем, если нельзя требовать слишком много от директора кондитерской фабрики, то от беззащитных школьников, оказывается, можно.

Учеников второго класса (8 лет) повели на фильм «Рассказы о Ленине» и потом потребовали от них сочинения: Ленин — вождь, борец человек». В другой московской школе ученикам третьего класса (9 лет) задали сочинение на тему «Что бы я сделал, если бы увидел живого Ленина?» И один, еще неискушенный девятилетний парнишка ответил то, что думал: «Я бы очень удивился». За такой ответ родителей школьника вызвали в школу на беседу с директором.

Но гораздо более смешная история произошла с руководителями отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС (65 лет).

23 декабря прошлого года «Правда» опубликовала тезисы в связи со столетием со дня рождения Ленина. И в пункте 14 излагались мысли Ленина об основных задачах Коминтерна. Как сейчас выяснилось, включен-

ная в пункт 14 тезисов цитата из Ленина принадлежит не Ленину, а австрийскому социал-демократу Отто Бауэру и взята из его брошюры «Большевизм и социал-демократия». Выступая 19 июля 1920 г. на II конгрессе Коминтерна, Ленин привел эту цитату из Бауэра, а затем резко ее раскрытиковал. Авторы тезисов приняли слова Бауэра за слова Ленина.

Этот случай можно считать подлинным финалом юбилейного безумия, продолжающегося вот уже более года. Этот случай можно считать великолепным примером тысяч, десятков тысяч статей о науке ленинизма. Если верховные жрецы ленинизма не могут отличить ереси от истины, то что же говорить о его рядовых адептах.

Нужно подчеркнуть, что сигнал о допущенной ошибке поступил, само собой разумеется, из Восточного Берлина. Через месяц ошибка была исправлена. В тезисах, опубликованных журналом «Коммунист», вредной цитаты уже нет.

Мы начали обзор с материалов о Ленине. Но с конца февраля и примерно с середины марта не меньшее место занимали в газетах материалы о сионизме.

Сообщения о митингах, на которых «гневно осуждались израильские агрессоры», статьи, разоблачающие сионизм, письма читателей, опять же гневно осуждавших все, что от них требовалось. Тот, кто читал польские газеты в 1967–1968 гг., мог легко обнаружить сходство в тоне, часто те же самые факты и освещение. Нередко можно найти прямые цитаты. Следует сказать, что особенно часто использовались материалы, собранные в трудах Тадеуша Валихновского и Казимежа Сидора. Это факт подлинного братского сотрудничества.

Но, несмотря на многие сходные черты, польская и советская антисионистские кампании принципиально отличаются в одном пункте. Польские власти вели эту кампанию с целью изгнания евреев из страны, советские власти — с целью удержания евреев от выезда.

Десятки писем, подписанные длинными списками евреев, всегда точно указывавших свое, часто очень высокое, служебное положение, заполнили страницы газет. Во всех этих письмах подчеркивался вклад евреев в жизнь Советского Союза, их желание и полное право жить в Советском Союзе. Письма подписывали генералы, академики, профессора, инженеры, учителя, писатели, рабочие.

Кроме того, публиковались письма евреев, побывавших в Израиле и вернувшихся с радостью на Родину, в Советский Союз — ибо в Израиле голод, нищета, угнетение.

«Правда» (8.III) поместила большую рецензию на вышедший в Киеве целый сборник рассказов и писем людей, «которым довелось своими гла-

зами увидеть «райскую жизнь» в Израиле. Любопытно, что этот сборник называется «Земля обетованная» без прикрас».

В 1963 г. в том же Киеве вышла известная антисемитская книжка Т.Кишко под таким же названием: «Иудаизм без прикрас». Видимо, новую книгу редактировал все тот же Кишко.

28 марта в «Известиях» можно было прочесть — впервые, должно быть, в истории советской печати — такую заметку:

«В Президиуме Верховного Совета СССР.

Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев просьбу Черчеса Абрама Лазаревича, проживающего в Израиле, восстановил его в советском гражданстве и разрешил возвратиться в Советский Союз».

4 марта 1970 года в Москве состоялась огромная пресс-конференция, на которой знаменитейшие советские евреи, в том числе заместитель председателя Совета Министров Вениамин Дымшиц, генерал-лейтенант Драгунский, народный артист СССР Аркадий Райкин и многие другие отвечали на вопросы журналистов. Особый интерес представляет ответ на вопрос корреспондента газеты «Нойес Дойчланд». Он сослался на клеветнические статьи в капиталистической печати, утверждающей, что якобы Советское правительство не разрешает своим гражданам еврейской национальности выезжать в Израиль. Отвечал на этот вопрос один из виднейших советских юристов член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Строгович. Он согласился с тем, что каждый гражданин имеет право свободно избирать себе гражданство, жить, где хочет. Строгович — за этот демократический, прогрессивный принцип. Но, подчеркнул советский юрист, мы не должны за счет своих советских граждан, за счет выращенных в советском обществе людей увеличивать агрессивные вооруженные силы Израиля, не должны позволять использовать их для проведения расовой политики, для разрушения мирных арабских городов, уничтожения женщин, стариков и детей».

Но если это так, хотелось бы спросить, то как же выглядят действия польских властей, заставлявших польских евреев ехать в Израиль? Увеличивавших агрессивные вооруженные силы Израиля?

Почти совсем исчезли со страниц газет и журналов материалы, посвященные экономической реформе. Если они и появляются («Литературная газета»), то с призывом «гармонически сочетать» реформу с усилением централизованного планирования. Вместо реформы ЦК предложил чудодейственное лекарство. Все трудящиеся Советского Союза обсуждают в настоящее время письмо Совета министров, Центрального совета профсоюзов и ЦК комсомола «Об улучшении использования резервов произ-

водства и усилении режима экономии в народном хозяйстве». Использование имеющихся резервов и усиленная экономия должны — по мысли советских руководителей — вывести страну из глубокого экономического кризиса. Всем партийным организациям предложено усилить воспитательную работу и борьбу за повышение дисциплины.

Дисциплина, однако, повышается слабо, и отчаянные сигналы о растущем пьянстве, срывающем дисциплину, продолжают проникать в печать. О пьянстве пишут журналисты, ученые-социологи, пытающиеся разобраться, почему советские люди пьют, причем все больше и больше. За ответом на этот вопрос корреспондент «Комсомольской правды» обратился к полковнику милиции Петру Рыкалину, ведающему всеми московскими вытрезвителями. «Почему пьют... — задумчиво говорит полковник милиции. — Я убежден в одном: сейчас почти никого не толкают к пьянству трудности материального характера. Скорее наоборот. К людям пришел достаток. И человек имеет возможность, как говорят, позволить себе лишнее». Следовательно, можно сделать вывод, что при капитализме люди пьют с горя, из-за тяжелого материального положения, при социализме — с радости, из-за хорошего материального положения.

Не довольствуясь ответами милиционера-философа, журналисты обращаются к непосредственным героям своей темы: к пьяницам. И читатель советских газет может ознакомиться с первыми на протяжении последних пятидесяти с лишним лет правдивыми ответами на вопросы газетчиков. Пьяницы обычно отвечают так: пил и буду пить! И точка. Иногда, как и милиция, вдаются в философию: «Вся наша мощь держится на доходах от водки. Русский человек всегда любит выпить...» («Комсомольская правда». 26. III).

После опубликования в январе постановления ЦК партии и правительства о развитии нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири в печати появляется все больше и больше сообщений о невиданных богатствах, открытых в Тюменской области. Самотлор — место, где уже началась добыча нефти, — станет, возможно, очень скоро так же известен, как Баку или Кувейт. Иностранцы, ознакомившиеся с первыми сообщениями советской печати, полагают, что в Западной Сибири находятся залежи, не уступающие, а то и превышающие залежи Аравийского полуострова. 9 марта в «Правде» сообщалось, что в конце 1975 года в Западной Сибири будет добыто 100–120 млн. тонн нефти, в 1980 г. уже 230–260 млн. тонн. В нынешнем году вся советская нефтяная промышленность должна дать 345–355 млн. тонн нефти.

Полная засуха в литературных журналах, во всяком случае, литература, как таковая, с их страниц исчезла. Пусто и глухо в последнем номере (№ 1) «Нового мира», вышедшего последний раз за подписью Александра Твардовского. Обращает внимание отсутствие материалов на экономические темы, занимавших в последнее время в журнале главное место. Думается, что это еще одно свидетельство поражения сторонников экономической реформы, использовавших «Новый мир» как свою трибуну.

Лишь в самом конце номера, на стр. 244, можно обнаружить интересную заметку — рецензию на книгу Майи Бессараб об авторе знаменитого русского «Толкового словаря» Владимире Дале (1801–1872).

Рецензия С.Кайдаша — предлог для разговора на актуальную тему — русский национализм, русский патриотизм, русский шовинизм, Майя Бессараб, представляющая Даля образцом русского патриота, перешедшего из лютеранства в православие, «чтобы ничем не отличаться от русского народа», с восторгом описывает подвиги «армейского лекаря» Даля во время подавления польского восстания 1831 года, за которые он был удостоен высокой награды «Владимирский крест с бантом». Даль выстроил из пустых пивных бочек плавучий мост через Вислу, по которому переправились русские войска, спешившие в Варшаву, а когда на мост вступила польская кавалерия, уничтожил его.

О подвигах Даля автор книги восторженно пишет: «В годы, когда казенные лжепатриоты до такой степени затаскали самое слово «патриотизм», что честному человеку было совестно его произносить, нужен был патриотизм воинственный, от самого сердца идущий, чтобы просто и ясно сказать солдату: «Земля русская, Отечество наше обширнее и сильнее других земель. Гордись тем и величайся, что родился ты русским». Автор рецензии пытается робко заметить, что у этого «воинственного патриотизма» есть и другие имена.

В двух номерах журнала «Москва» (№№ 1 и 2) напечатан очерк Льва Безыменского «Выстрел, которого не было». Бывший военный переводчик, а теперь журналист, Безыменский продолжает расследовать обстоятельства смерти Гитлера. С опозданием в четверть века публикуются документы из советских архивов, свидетельствующие о смерти Гитлера в мае 1945 года. Безыменский об этом уже писал. Новая его книга посвящена доказательству того, что Гитлер не застрелился, как солдат, а отравился, как собака. В книге впервые приводятся акты судебно-медицинского обследования «трупа мужчины, предположительно трупа Гитлера». Гитлер был опознан по челюсти, с большим количеством искусственных

зубов, и по отсутствию у трупа левого яичка. (Откуда советская разведка знала об этом гитлеровском недостатке, Безыменский не пишет).

Безыменский пробует ответить на естественно возникающий вопрос: почему в свое время не были опубликованы документы о смерти Гитлера. Он думает, что сделано это было по двум соображениям: держать все эти документы на тот случай, если вдруг появится какой-нибудь претендент на роль «чудесно спасшегося» Гитлера, во-вторых, чтобы побудить союзников энергичнее разыскивать скрывшихся военных преступников.

Признаться, доводы малоубедительные.

Лишь изредка вспоминала в последнее время советская печать великого соседа — Китай.

Две заметки обращают на себя внимание. Одна — сообщение ТАСС от 27 марта, опубликованная всеми газетами под заголовком «Террор и запугивание». ТАСС сообщает о «новой волне показательных судов и публичных казней» в Китае, о том, что, например, 10 марта в Кантоне был расстрелян 41 человек, неделей ранее в Сватоу — 21 человек и так далее. Сообщение заканчивается словами: «Военно-бюрократический аппарат, заменивший конституционные органы власти, проводит политику террора и запугивания населения, чтобы подавить растущее недовольство авантюристической политикой Пекина».

Другая заметка, напечатанная «Литературной газетой» (8.IV), осуждает не китайский суд, а китайскую медицину.

Заметка состоит из двух частей — сообщения китайского агентства Синьхуа и комментария проф. В.Галкина и врача Б.Кленова. Оба материала объединены общим заголовком: «Эрчжень-терапия — средство от всех болезней или трагедия китайской медицины?»

В сообщении Синьхуа говорится, что широкое использование эрчжень-терапии (лечение уколами в ухо) помогает (собственно, уже помогло) излечить всех китайцев от всех болезней. К сожалению, «Литературная газета» публикует сообщение китайского агентства в сокращенном виде и подробностей узнать нельзя.

Советские врачи в комментарии (примерно в 5 раз больше сообщения Синьхуа) доказывают, что эрчжень-терапия от всех болезней не излечивает. Но единственный аргумент советских врачей состоит в том, что традиционная иглотерапия (ее советские специалисты как бы признают) предусматривает 693 точки иглоуколов, иглы разной величины, и требует от врача глубоких знаний. Эрчжень-терапия предусматривает всего 10–45 точек, а выучиться ей элементарно просто. Больше ничего порочащего новое китайское спасительное средство советские врачи не сообщают.

Им, правда, не нравится основной лозунг, определяющий всю жизнь сегодняшнего Китая: больше, быстрее, лучше, экономнее. Но если бы проф. Галкин и врач Кленов прочитали последнее выступление первого секретаря ЦК КПСС Брежнева, они увидели, что и он мечтает о том же: больше, быстрее, лучше, экономнее.

Читая советские материалы о Китае, видишь, что советских публицистов он раздражает прежде всего потому, что они как в зеркале видят в нем свой малопривлекательный облик.

Май 1970

Конец апреля—начало мая прошли в Стране Советов как один сплошной праздник. Сначала — ленинский юбилей, который, казалось, никогда не кончится (юбилей обогатил русский язык новым словом: вместо «как мне все осточертело» стали говорить — «как мне все остолетило»). Все города и деревни завесили красными флагами и портретами вождя. Потом пришел Первый май. Старые флаги и портреты сняли, а через день повесили снова. Потом пришел День Победы. И вся операция повторилась еще раз. Всё сняли, и всё повесили снова.

Раздали к ленинскому юбилею и Ленинские премии. Три из четырнадцати премий в области науки и техники получили геологи и нефтяники за открытие нефти и газа в Сибири.

Премии в области литературы и искусства очень хорошо показывает, до какой духовной нищеты доведена в последние годы советская культура. Из числа кандидатов вычеркивается все, что носит хотя бы след оригинальности, живой мысли. Награду получает посредственность, ничтожество. В торжественный год Юбилея премию Вождя вручили узбекскому поэту Гафуру Гуляму (посмертно), русскому писателю (бывшему) Николаю Тихонову и автору слов (которые не произносятся) к советскому гимну Сергею Михалкову.

Не опасаясь стать злым пророком, можно предсказать на ближайшие год-два (если не больше) полное господство посредственностей в советской литературе. Состоявшийся в апреле III съезд писателей Российской Федерации убедительно об этом свидетельствует. С трибуны съезда была изложена программа для писателей. Главная задача — дать положительного героя, героя, которому могла бы подражать молодежь. Герой этот должен быть человеком твердым, идти к цели без колебаний и сомнений, не знать жалости к врагам (секретарь правления Союза Алексеев упрекал тех писателей книг о Ленине, которые изображали вождя как «либерала»),

человека доброго, прощающего своих врагов). Этот новый положительный герой должен любить войну. «Будем откровенны, — признается Алексеев, — по сей день нет-нет, да и появятся книги, где их авторы выступают глашатаями какого-то всечеловеческого гуманизма, из чего как бы сами собой вытекают и утверждения о том, будто всякая война стоит за гранями приемлемого, справедливого...»

Из выступления на съезде писателя Виля Липатова следует, что образец такого положительного героя, который нужен сегодня руководителям партии и правительства, уже имеется. Героями 20–30-х гг. в советской литературе, — сказал Липатов, — были доярки и учителя, трактористы, рабочие; в 40-х годах — героями были советские воины. Герой 60-х–начала 70-х гг. — чекист-разведчик, работающий в тылу врага.

И действительно — после открытия героической деятельности Рихарда Зорге книжный рынок залила волна романов (обычно многотомных), изображающих жизнь агентов Сталина, работающих в штабе Гитлера, в штабе Власова и так далее и тому подобное. Из романов Кожевникова «Щит и меч», Васильева «В час дня, ваше превосходительство», Воробьева и многих других следует, что если гитлеровские войска и одерживали кое-какие победы, то лишь потому, что Сталин по каким-то своим соображениям это допускал, хотя обо всем отлично знал от своих агентов.

Важно, однако, другое — чекист-разведчик стал образцом положительного героя. Это человек, беспрекословно выполняющий приказания из центра, бесконечно преданный, не задающий никаких вопросов, лишенный каких либо сомнений. Короче — такие люди нам нужны!

Но есть еще один положительный герой, о котором в последнее время стали писать больше, чем раньше, но все еще — по мнению руководителей съезда писателей — пишут недостаточно. «Надо честно признать, — заявил поэт Василий Федоров, — что немалая часть интеллигенции, причастной к воспитанию молодежи, в свое время растерялась. Она слишком занялась своими болями, а пока она занималась ими, подросшее поколение частью осталось без направления. Именно в это время буржуазной пропаганде кое-что удалось». Борьба с буржуазной пропагандой следует так, — утверждает В. Федоров, — как это делает другой знаменитый советский поэт С.В.Смирнов, недавно удостоенный премии Горького, автор поэмы «Свидетельствую сам». Вот как изображал Сталина этот поэт.

Это он в годину испытаний
 Не сходил с командного поста.
 Это мы, по-своему законно,
 Чтили в нем могущество свое.

Из живого делали икону
И молились, глядя на нее.
А когда от смертного удара
Он упал, вершинно-одинок,
Нам, признаться, чудилось недаром,
Что уходит почва из-под ног.

Празднование 25-летия Победы над Германией дало okazji снова и снова говорить о Сталине. Окончательно запрещено упоминать об ошибках или упущениях Сталина. 13 апреля «Правда» напечатала статью заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС Дмитриюка, дающую четкие директивы всем советским журналам и газетам: «До недавнего времени в освещении нашей предвоенной истории и хода Великой Отечественной войны допускались субъективистские и односторонние суждения. В ряде важнейших партийных документов дана глубокая, исторически верная трактовка этого вопроса, и ею следует руководствоваться работникам нашей печати».

И далее Дмитриюк цитирует Брежнева: «Наша партия предвидела возможность военной схватки с силами империализма, готовила страну и народ к обороне». Партия — значит Сталин. Партия предвидела, значит Сталин предвидел. Старые маршалы, последние свидетели «мудрости вождя», рассказали на страницах газет о своих встречах с Верховным главнокомандующим. Дал интервью маршал Баграмян, подтвердивший, что Сталин руководил военными действиями, дал интервью маршал Жуков, может быть, единственный из советских военных, имевший политические амбиции. Как и мемуары Жукова, его интервью, данное «Комсомольской правде», производит двойственное впечатление. Маршал хочет сказать правду, но не может. Он рассказывает: неудачи первого периода войны на советском фронте объясняются тем, что Сталин не хотел — до начала войны — расширять производство вооружения, «опасаясь, что это может быть использовано Гитлером в качестве предлога для нападения». (Это явное опровержение цитированных выше слов Брежнева о том, что партия готовила страну и народ к обороне).

И далее маршал рассказывает о работе со Сталиным. «Почти всегда я видел Сталина спокойным и рассудительным. Иногда он приходил в гнев и тогда терял свою объективность. Я знаю мало людей, которые были в состоянии выдержать гнев Сталина и возражать ему.

Но на основе многолетнего опыта я убежден, что с ним можно было спорить, сохраняя свою точку зрения».

Из мемуаров Жукова мы знаем, что и самому Жукову это никогда не удавалось.

Не один раз на этих страницах писали мы уже о стараниях возродить культ Сталина, о сопротивлении этим попыткам, о том, что это все же удалось. События последних двух месяцев позволяют взглянуть на эту борьбу за возвращение Сталина на пьедестал с несколько иной, чем прежде, точки зрения. Ход этих событий — борьба в рядах Политбюро — нам неизвестен. Но их результат, как в зеркале, отражается на страницах советских газет и журналов. Читая советскую печать за апрель–май 1970 года нельзя не прийти к выводу, что повторяются события начала 60-х годов. Тогда начал рождаться культ Хрущева, сейчас — культ Брежнева. Привычный глаз советского читателя вдруг обнаружил в последних номерах газет железную формулу: победы советского народа — это заслуга «ЦК КПСС, Политбюро и товарища Л.И.Брежнева». Первый секретарь выделен из ряда руководящих органов партии и государства. В конце апреля началось выдвижение кандидатов в Верховный Совет СССР, выборы в который состоятся 14 июня. Во всех избирательных округах страны выдвигается кандидатура Брежнева. Только он выдвигается всюду. Остальные члены Политбюро остались далеко позади. Происходит то, что уже многократно повторялось. Сначала — коллективное руководство, затем — *primus inter pares*, затем — просто *primus*. Как это делается — давно известно, рецепты испытаны. Недавно вышел «Календарь советского воина» за 1970 год. Четыре страницы заняты в нем цитатами из высказываний Брежнева по вопросам военного искусства. В прошлом году в этом же «Календаре» было всего три цитаты из Брежнева.

Журнал «Коммунист» опубликовал восторженную рецензию на двухтомник речей и статей Брежнева, представляющих «огромный интерес для всех интересующихся марксизмом-ленинизмом». Брежнев, как и следовало ожидать, «глубоко анализирует стратегию и тактику советской революции», «блестяще и убедительно описывает достижения советского народа». Следует, правда, добавить, что этот двухтомник вышел пока только в Болгарии, что «Коммунист» лишь перепечатал рецензию из софийской газеты «Работническо дело». Не приходится, конечно, сомневаться, что вскоре собрание сочинений Л.И.Брежнева появится и на русском языке. Тогда можно будет сказать, что вождь родился.

На Западе стал недавно известен манифест трех советских ученых: А.Сахарова, В.Турчина, Р.Медведева. В их «Программе демократизации», состоящей из пятнадцати пунктов, на втором месте стоит предложение об

«ограниченном... распространении информации о положении в стране...» Мужество авторов манифеста можно сравнить только с их наивностью. Распространение подлинной информации о положении в стране равносильно — для партийных руководителей — самоубийству. Крохи этой информации, чудом проникающие в печать, свидетельствуют о таком омертвлении бюрократического аппарата управления, которое лечению уже не поддается.

4 апреля «Литературная газета» опубликовала большую статью, из которой следует, что от 20 до 80% времени работы государственного аппарата уходит на служебную переписку, носящую совершенно бессмысленный характер, то есть никому не нужную. Один из крупнейших советских экономистов академик В. Трапезников, обследовав работу одного из министерств, установил, что объем ненужной информации, распространяемой этим министерством, составляет 90%.

Автор статьи робко намекает, что причина рождения этого бумажного моря, заливающего всю страну, — нежелание чиновников брать на себя ответственность, переброска ответственности на другого.

В этих условиях всякая информация, правдивая статистика не помогают, а вредят, ибо мешают спокойной жизни бюрократов.

Впервые, например, «Экономическая газета» опубликовала данные о числе несчастных случаев. Эти данные относятся только к РСФСР. В 1969 году в автодорожных катастрофах погибло 16 тысяч человек и было ранено свыше 66 тысяч человек. Столько же погибло в это время в ФРГ. В США погибает в год 50 тысяч человек. Но в США одна машина приходится на каждые два человека, а в ФРГ — на каждые 5 человек. В СССР одна автомашина приходится более чем на 200 человек. Если бы в западных странах процент жертв достиг советского уровня, то победа социализма была бы обеспечена в течение двух–трех лет.

В чем причина такого колоссального количества жертв в РСФСР? Ответ прост. Плохим состоянием дорог и очень низким уровнем их обслуживания. Дороги плохие, но, кроме того, на этих дорогах почти совсем отсутствуют дорожные знаки. Средняя техническая скорость автомобилей в РСФСР — в сердце Советского Союза — составляла в 1969 году — 28 км/ч. Автор статьи отмечает, что «почти с такой скоростью ездил двести лет назад наши прадеды на лошадях из Петербурга в Москву». На дорогах обычно висят знаки, ограничивающие скорость до 50–30 км. Автор статьи утверждает, что на одной дороге видел даже знак «Скорость — 5 км».

Почти одновременно с этой статьей в советских газетах появились сообщения о приезде в Москву Генри Форда для подписания договора о строительстве на реке Каме крупнейшего в мире завода грузовых автомашин.

С какой скоростью они сбудут ездить, в этих сообщениях не сказано.

Если существуют скептики, сомневающиеся в том, что порок в конце концов всегда оказывается наказанным, то им следует ознакомиться со случаем, недавно происшедшим с советским писателем Львом Гинзбургом. Один из лучших знатоков современной немецкой литературы, переводчик многих немецких поэтов и прозаиков, он разразился в «Литературной газете» статьей, разоблачившей преступную деятельность Петера Вайса, написавшего новую пьесу: «Троцкий в изгнании». Л. Гинзбург, переводчик всех предшествующих пьес Вайса, не щадит немецкого драматурга. Он называет новую его пьесу «грубой политической диверсией, оскорблением советских людей, всех подлинных коммунистов». Он возмущается, как смел Вайс представлять «мрачную фигуру ренегата Троцкого», когда надо было писать о Ленине.

Но не прошло и двух недель, как в «Правде» появилась острая критика очерков Льва Гинзбурга «Потусторонние встречи», появившихся в журнале «Новый мир». Л. Гинзбург описывает в очерках свои встречи в Германии с бывшими гитлеровцами — Бальдуrom фон Ширахом, Яльмаром Шахтом, Альбертом Шпеером и другими. «Правда» подчеркивает, что заметки Л. Гинзбурга «страдают серьезными недостатками», что «о фашистских членоконенавистниках и мракобесах следует писать с иных позиций...»

Следовательно, статью Гинзбурга против Петера Вайса не засчитали. Несмотря на нее, он оказался «не на тех позициях».

Июнь 1970

Не успели мы сообщить в предыдущем «Обзоре» о выходе двухтомного собрания сочинения трудов Леонида Ильича Брежнева на болгарском языке и выразить надежду на подобное издание на русском языке, как это желание исполнилось. 2 мая все советские газеты сообщили о выпуске «двухтомника речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Ленинским курсом». Первый том охватывает период 1964–1967 гг., второй — 1967–70 гг. То есть годы после свержения Хрущева и до наших дней.

Не прошло и трех недель, как все советские газеты (24 мая) известили своих читателей о выпуске «массовым тиражом» нового «сборника докладов и речей» Л. Брежнева под заголовком «Молодым — строить коммунизм». Кроме того, речи Брежнева занимают большую часть так же вышедшего на днях тома, содержащего официальные материалы, посвященные празднованию столетия со дня рождения Ленина.

Итак, превращение первого секретаря ЦК КПСС в ведущего теоретика-марксиста свершилось.

После продолжавшегося несколько месяцев перемирия вновь разгорелась ожесточенная советско-китайская полемика. Мы сообщали в свое время об ошибке, допущенной московскими «сталмудистами», включившими в «Тезисы ЦК» по случаю столетия Ленина цитату из книги австрийского социал-демократа Отто Бауэра, сочтя ее цитатой из речи Ленина. Мы писали об ошибке. Пекинское агентство печати «Синьхуа» сочло эту перестановку цитат не ошибкой, а умышленным действием «реакционной клики Брежнева и соратников», потерявшей «всяческий стыд». Агентство «Синьхуа» закончило свое сообщение пророчеством: «Идя по пути Хрущева, Брежнев и его товарищи идут к гибели».

Затем в передовой статье, которая была опубликована одновременно тремя крупнейшими пекинскими газетами, Леонид Брежнев был назван «новым Гитлером», а Советский Союз — «государством нацистского типа», ведущим расистскую политику, сходную с политикой гитлеровцев.

Советский Союз ответил сначала радиопередачей на китайском языке, в которой Мао Цзэдун обвинялся в личной ответственности за гибель своей первой жены, расстрелянной в 1930 году китайскими националистами, а также и за таинственную смерть своего старшего сына во время Корейской войны.

18 мая «Правда» опубликовала большую статью «Лжереволюционеры без маски», представляющую собой одну из наиболее резких нападок на Китай в последние годы. Китайские руководители, само собой разумеется, названы наследниками главарей гитлеровского рейха, ренегатами, наемниками врагов пролетариата и т.д. и т.п. В свое время Бодуэн де ла Куртенэ составил «Словарь русских ругательств». Ученому, который пожелал бы его дополнить, достаточно было бы вписать в этот словарь половину статьи «Правды». Но интерес этой статьи не только в обогащении словаря русских ругательств. Привлекают в ней внимание два момента. Утверждая, что Пекин стремится к покорению всей Азии, «Правда» утверждает, что именно пекинские деятели несут ответственность за «поражения и неудачи некоторых национально-освободительных движений в Азии и Африке». Из статьи, в частности, следует, что и в свержении правительства Нородома Сианука в Камбодже виноваты китайские руководители.

Но если это так, должен сделать вывод читатель, то Советское правительство право, не желая признавать эмигрантское правительство Сианука, нашедшего убежище в Китае.

Второе важнейшее, с нашей точки зрения, место касается не Азии, а Европы. Пекинские лидеры, — пишет «Правда», — идя вслед за главарями бандитского гитлеровского рейха, провозгласили необходимость «спасения» мира от «славянской опасности».

Совершенно понятно, что если славянским народам угрожает опасность со стороны Китая, они должны сплотиться вокруг Советского Союза, могущего их защитить. Чехословакия, как известно, совсем недавно подписала договор с Советским Союзом, в котором обязывается участвовать в обороне всех границ «Великого брата». Очередь других славянских народов...

В доказательство того, что опасность, угрожающая славянам, подлинная, «Правда» вспоминает о китайском спутнике, о котором советская печать промолвила сквозь зубы всего несколько слов. Известие о запуске спутника было опубликовано «Правдой» на пятой странице и состояло ровно из двенадцати слов: «Агентство «Синьхуа» сообщает о том, что в Китае запущен искусственный спутник Земли». 13 мая «Литературная газета» опубликовала на 9-й странице, внизу, статью «Полковник Цянь и китайский спутник». Из этой статьи следует, что китайский спутник создан американскими и западногерманскими специалистами, что «на необъятной территории Китая с его 700-миллионными людскими джунглями немногим известно, что такое спутник вообще и почему Мао решил отправить его на орбиту, ежегодно расходуя для этой цели 6 млрд. долларов».

Заканчивается статья словами: «Каждый внимательный наблюдатель... согласится, что китайский спутник имеет только военное значение». Можно лишь добавить, что статья эта перепечатана из «независимого» еженедельника индийской прогрессивной общественности «Линк».

Значительно радушнее встретили советские руководители американского космонавта Нейла Армстронга, посетившего недавно Москву. Он был принят Косыгиным, которому передал от имени президента США дары советскому народу. Вот только, что он передал — не совсем ясно. «Правда» сообщила, что передал образцы лунной породы, доставленной экипажем космического корабля «Аполлон-11». А американская печать утверждает, что, кроме того, советскому премьеру был вручен маленький советский флаг, который американские космонавты брали с собой на Луну.

Получается действительно не очень удобно. Американцы возят на Луну советский флаг. Может быть, советские космонавты повезут американский? Что же это будет? Дружба народов или американо-советский сговор?

«Сионистская» кампания в советской печати потеряла свой нервный, лихорадочный характер, превратилась в обычное, повседневное, немного

скупное, но обязательное дело. Во всех газетах ежедневно помещается пусть небольшая, но обязательно ежедневно статейка, заметка о сионизме. В каждой такой заметке или статье используется не больше 200–300 слов понятных всем читателям, не больше 3–4 «мыслей». Постепенно эти мысли, даже мимо воли читателя, проникают в сознание. Эта кампания — великолепный образец обработки общественного мнения с помощью примитивнейших инструментов. Поскольку «сионистского» материала нужно много — тема стала подлинным «эльдорато» для всевозможных халтурщиков и проходимцев. Но качество материала редакторов не интересует, нужно количество. И вот, например, 20 мая «Известия» публикует статью кандидата экономических наук И.Сванидзе «Сионизм — оружие милитаризации и расизма», в которой дается читателям такая информация: «Население Израиля подразделяется на неравноправные расовые группы. Здесь существуют так называемые «белые евреи» — «ашкенази» и «черные» — «сфардим»... Есть, однако, здесь, в этой армии «сионистоведов» специалист, так сказать, ведущий, знаток, что-то вроде московского Тадеуша Валихновского. Подписывается он «В. Иванов», а среди 20 его главных «трудов» — книга «Внимание, сионизм». 20 мая отрывки из второго издания этой книги появились в «Индустриальной газете», казалось бы, предназначенной для материалов иного рода. В опубликованных главах абстрактный враг «сионизм» конкретизирован — сионизм это, по утверждению В.Иванова, тайная мировая организация, финансируемая Ротшильдами. Деньги Ротшильдов лежат в основе «чехословацкой контрреволюции», деятельности западногерманских неофашистов и даже... деятельности Ватикана. «Рукой Ротшильдов в Ватикане», по сведениям В.Иванова, является кардинал Беа, «перешедший из иудаизма в католицизм», но, так сказать, сохранивший свою еврейскую душу.

Для того чтобы эти изыскания достойного потомка авторов «Протоколов Сионских мудрецов» стали доступными широкой мировой общественности, статья В. Иванова была полностью перепечатана на английском языке в бюллетене агентства «Новости» 2 июня. Сделано это было как нельзя более во время. В начале июня во Франции пребывал советский министр иностранных дел Громыко. Опасаясь демонстраций в пользу советских евреев, соответствующие советские органы заранее подготовили виновников такого рода демонстраций: главари сионистов — Ротшильды.

Но борьбу с сионизмом ведут не только газетчики, но и члены Союза писателей. Один за другим вышли из печати два романа Ивана Шевцова, знаменитого еще с 1964 года, когда он выпустил роман-фельетон «Тля», бездарный памфлет на художников-новаторов. После выхода «Тли» Шевцова

так раскритиковали, что автор хвалебного предисловия главный соцреалист художник Лактионов счел необходимым заявить, что он подписал предисловие, не читая его. О чтении романа, конечно, и речи не могло быть.

Но сейчас год 1970-й время совсем другое. И. Шевцов издает сначала роман «Во имя отца и сына», тиражом в 65 тыс. экземпляров (издательство «Московский рабочий»), а сразу же потом — «Любовь и ненависть», тираж 200 тыс., издательство Министерства обороны. Мы писали в свое время о романе Кочетова «Чего же ты хочешь?», Шевцов, как оказывается, пишет еще хуже. Кажется, что именно этих советских писателей имел в виду Станислав Ежи Лец, когда написал: «оказавшись на дне, я услышал постукивание снизу». Снизу стучит Шевцов. В романе «Во имя отца и сына» он излагает свой (и своих единомышленников) взгляд на советское общество. Оно делится на две неравные части — на советских людей и на евреев. Затем Шевцов излагает своими словами текст «Протоколов сионских мудрецов» (эта книга лишь недавно стала распространяться среди доверенных лиц в Советском Союзе и сразу же оказала на них сильное влияние) о всемирном еврейском заговоре и т.д. Так же, как и евреев, ненавидит Шевцов небольшую группу поэтов и писателей, поддающихся тлетворным влияниям и разлагающим чистую русскую молодежь. Он относит, например, к ним Вознесенского, которого изобразил под псевдонимом Воздвиженского, пишущего книги «Пятиугольный шар», «Антимолния» (как известно, у Вознесенского есть сборники «Треугольная груша» и «Антимирь»), Беллу Ахмадулину, выведенную под именем Новеллы Карапулиной. В новом романе — «Любовь и ненависть» — евреи переходят к действиям. Наум Гольпер, член Союза писателей, убивает свою маму. Шевцов не стесняется в своих описаниях, пишет по-соцреалистически: «Мать лежала посреди комнаты со вспоротым животом. При этом внутренности ее были вывернуты наружу и кишки обмотаны вокруг шеи...» Даже «Литературная газета» не выдержала такого «писательства» и опубликовала острую критическую статью. В частности, газета раскритиковала приемы, с помощью которых Шевцов изображает персонажей, названных в книге Никифор и Марат, но в которых каждый читатель узнает сразу же Никиту Хрущева и его зятя Алексея Аджубея.

Судя по тому, что военное издательство быстро и огромным тиражом издало эту книгу, можно полагать, что тамошним редакторам изображение евреев-живодеров, карикатуры на Никиту и интеллигенцию пришили по вкусу.

Анастас Микоян продолжает оставаться живым примером неограниченности человеческих возможностей. Пережив всех правителей Рос-

сии — от Ленина до Хрущева, он занялся теперь совершенно невероятным для членов Политбюро делом — писанием мемуаров. Вот уже несколько лет подряд небольшими главами печатает он свои воспоминания в журнале «Юность». Правда, в основном — это воспоминания о годах революции на Кавказе. Но вот в № 4 журнала Микоян опубликовал свои воспоминания о событиях 1920–1922 годов, о борьбе Ленина с оппозицией в партии. Это, конечно, не полная правда, это даже не полуправда. Но есть в этих воспоминаниях мелкие факты и замечания, опрокидывающие представления, считающиеся до сегодняшнего дня законом. Вдруг выясняется, что в 1920 и 1921 годах единственным человеком в партийном руководстве, открыто выступавшим в защиту Ленина, был Зиновьев. Должно быть, впервые за последние сорок лет о Троцком говорится не как об агенте империализма, а как о серьезном политическом противнике Ленина. Микоян пишет о выступлении на собрании Зиновьева, защищавшего взгляды Ленина и Троцкого, выступавшего против них:

«Зиновьев был вообще не глубоким, но искусным оратором, обладавшим изрядной долей демагогии... Вторым выступил Троцкий. Как оратор, он был много сильнее Зиновьева. Своими остротами, крылатыми словечками, артистичностью ему удавалось не раз добиваться одобрения части зала и аплодисментов».

И очень странно выглядит в этих мемуарах Ленин, по существу в меньшинстве, вынужденный прибегать ко все более и более неортодоксальным приемам для сохранения своего господства над партией. Микоян рассказывает, например, что после двух дней X съезда партии (март 1921 г.), Ленин собрал тайным образом небольшую группу преданных себе людей и «стал перечислять имена тех членов ЦК, которых не следует переизбирать в новый состав ЦК». Ленин требовал, чтобы верные ему люди вели подпольную работу среди делегатов съезда для избрания нужных ему членов ЦК.

Поскольку в прошлом номере «Культуры» был введен новый раздел «Лениниана», считаю своим долгом сделать в нее вклад. Заметка Марциана Высядло «Генеалогия Ленина» представляет интерес прежде всего тем, что свидетельствует, как плохо даже интересная информация выходит из Советского Союза. О находке Мариэтты Шагинян действительно знала в свое время вся Москва.

Я хотел бы рассказать о поисках генеалогического древа для отца Ленина. О происхождении Ильи Николаевича Ульянова — отца Владимира — писали по-разному. Называли его мордвином, калмыком, астраханским татаринном. После открытия Шагинян положение стало невыноси-

мым: мать — еврейка, отец — калмык. В коммунистическом государстве, где вопрос расы играет немногим меньшую роль, чем в нацистском государстве, оставить этого было нельзя.

14 января 1970 г. в «Литературной газете» появился очерк писателя Семена Шуртакова «Об Ульяновых из села Андросова». Оказывается, Семену Шуртакову (не только Шагинян везет) удалось сделать замечательное открытие. «...Только совсем недавно узналось, что именно отсюда, из *коренного русского* (подчеркнуто мной. — Авт.) села Андросова пошел славный род Ульяновых, который потом дал России великого Ленина...» Правда, «открытие» Шуртакова чрезвычайно сомнительного толка. Как пишет сам «открыватель»: «Тут возникает много самых разных вопросов. Как это так крепостной крестьянин (имеется в виду дед Владимира Ленина) смог стать астраханским мещанином? И как это его сын — Илья Николаевич окончив астраханскую мужскую гимназию, смог поступить в Казанский университет — ведь туда крестьянских детей не принимали?» Но Шуртаков не хочет отвечать на эти вопросы. Он представляет справки (неистребимая привычка советского человека). В одной из справок сказано: «Николай Васильевич Ульянов... (у которого сын Илья) ростом двух аршин пяти вершков, волосы на голове, ус и борода светло-русые, глаза карие...» Приметы чисто арийские, и Шуртаков с удовольствием заявляет: «Одни эти приметы уже говорят вами за себя!» Но чтобы не было уже никаких сомнений, Шуртаков цитирует вторую справку: «Николай Васильев Ульянов, у него дети — Василий и Илья. Николай Васильев Ульянов коренного российского происхождения».

Что и требовалось доказать. Дед Ленина «коренного российского происхождения», а следовательно... Впрочем, что отсюда следует — понять трудно. Интересно было бы послушать, что сказал бы вождь мирового пролетариата о занятиях своих наследников.

Июль 1970

«Как у вас дела с урожаем?» — это был первый вопрос, который задал Вилли Брандту Косыгин, садясь в машину после встречи канцлера ФРГ на московском аэродроме. Как сообщают немецкие журналисты, канцлер был немало удивлен этим вопросом. Для Косыгина же, можно полагать, вопрос урожая не менее важен, чем вопрос советско-германского договора.

Каждое лето главной темой всех без исключения советских газет становится урожай. Одни и те же лозунги, призывы, обвинения, угрозы пе-

чатаются из года в год. В нынешнем году погода в основном благоприятствовала урожаю — не было засухи, не было и чрезмерных дождей. Но в Советском Союзе мало вырастить хороший урожай — нужно его собрать. И снова — как вот уже сорок лет подряд — не хватает машин для уборки, не хватает складов для хранения зерна.

Почти половина населения страны работает в сельском хозяйстве, но этого, оказывается, мало. «Уборка урожая — всенародное дело», — пишет «Правда». ЦК и Совет Министров принимают очередное решение...

В нынешнем году план предусматривает сбор 174 млн. тонн хлеба — на 13 млн. тонн больше, чем в прошлом году. Максимальный за всю историю советского земледелия урожай был собран в 1966 г. — 171, 2 млн. тонн зерна. Но за минувшие четыре года население выросло не меньше, чем на 12 млн. человек.

2 и 3 июля состоялся пленум ЦК, на котором Брежнев выступил с докладом «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства». Генеральный секретарь как бы подвел итоги пятилетию своей деятельности в сельском хозяйстве после изгнания «волюнтариста» Хрущева. Результаты неутешительные. «Положение с производством зерна нас еще не удовлетворяет. По-прежнему центральной проблемой остается всемерное увеличение производства зерна... За последнее время медленно растет производство хлопка, и мы испытываем недостаток в этом сырье. Мало производится овощей и фруктов. Как известно, еще далеко не удовлетворяется спрос населения на продукты животноводства, особенно на мясо», — так говорил Брежнев. Если лишить речь украшений (генеральный секретарь, например, говорит о «медленном росте производства хлопка», а затем добавляет, что с 1966 г. «производство хлопка остается на одном уровне», а качество резко ухудшается, при вводе около «400 тысяч гектаров новых орошаемых земель»), то суть ее станет безжалостно очевидна: не хватает хлеба, овощей, мяса, хлопка.

Перед сельским хозяйством ставится задача — дать к концу будущей пятилетки (1971–75) — 195 млн. тонн зерна. Для этой цели государство выделяет гигантские средства — 77,6 млрд. рублей плюс 43 млрд. рублей должны дать из своих средств колхозы. Всего — 120,6 млрд. рублей. Для увеличения производства зерна на 20 млн. тонн.

«Цена хлеба» назвал свою статью («Нева», № 6) доктор экономических наук П.Игнатовский. Вернулся он недавно из США, посмотрел, как там мучаются несчастные фермеры, и радуется за счастливых советских колхозников. Но, перейдя к сути дела, П.Игнатовский признает, что фермер работает в четыре–пять раз производительнее колхозника. «Дороговато обходится нам каждый ломоть хлеба», — жалуется советский эконо-

мист. На одного сельскохозяйственного работника в США приходится 78 лошадиных сил, то есть в 9,5 раз больше, чем в Советском Союзе. Пессимистически расценивает П.Игнатовский виды на будущее. Он утверждает, например, что понадобятся еще долгие годы — десять—пятнадцать лет — для завершения процессов «первоначальной механизации и прострашения системы машин».

А что касается обещанных миллиардов, он пишет: «Трудно назвать пятилетие, когда бы то, что намечалось вложить в сельское хозяйство, было полностью использовано по назначению».

Но есть одно решение пленума, которое, можно в этом не сомневаться, будет обязательно выполнено. «Советская Россия» опубликовала 3 июля статью, в которой комментируется решение о расширении сельскохозяйственной базы на Дальнем Востоке. База эта будет расширяться на принадлежащих СССР островах на реках Амур и Уссури. Речь идет пока о двух островах — Тарабанов и Большой Уссурийский.

Можно, однако, сомневаться в том, что таким образом будет решена сельскохозяйственная проблема в СССР.

Совсем недавно сначала американское телевидение, а потом английское показали фильм, снятый в Советском Союзе американским журналистом Вильямом Коулом. Ему удалось запечатлеть на пленке выступление Петра Якира, Андрея Амальрика, Владимира Буковского и Александра Гинзбурга, причем Гинзбург записал свое выступление на магнитофонную пленку в лагере. Владимир Буковский рассказывает о том, как мучают, как пытаются (иначе нельзя этого назвать) обитателей психиатрических больниц, куда все чаще и чаще власти заключают инакомыслящих. Всех тех, кто, по словам Буковского, совершил такие действия, которые «с точки зрения власти являются преступлением, а с точки зрения закона преступлением не являются».

Александр Гинзбург сказал: «...Из-за отсутствия медицинской помощи погибло шестнадцать политзаключенных... Нарушаются права человека...»

Нарушение законов, самовластие органов безопасности и органов юстиции приняли в последнее время такие размеры, что все чаще о них пробуют говорить даже на страницах советской печати. Более полугодом шла на страницах «Литературной газеты», казалось бы, теоретическая дискуссия о правах и проблемах адвокатов. Но в ходе этой дискуссии юристы — адвокаты и прокуроры — приводили факты, полностью подтверждающие заявления Буковского и Гинзбурга. И выяснилось, например, что, несмотря на то, что основой советского закона является положение о том, что человек может быть признан виновным только приговором суда, для

большинства участников дискуссии понятия «обвиняемый» и «виновный» — это синонимы. Если человек арестован — он автоматически признается виновным. Один из участников дискуссии привел даже постановление пленума Верховного суда РСФСР, рекомендующее проводить заседания «по месту совершения правонарушения, работы или жительства виновного...» («Литературная газета» № 32).

Адвокаты понимают, что хозяином процесса является прокурор, так сказать, представитель государства. Адвокаты соглашались с тем, что подсудимого заранее признают виновным. Они добиваются хотя бы только возможности спорить с прокурором о размерах наказания. Но и в этом им отказывают.

Но вот отбыл человек наказание. Как красиво пишет специальный корреспондент «Литературной газеты» (№ 27) — «Карающий меч закона исполнил свою миссию — человек отбыл наказание и формально перед ним открыты все дороги. Но...»

Но кроме закона существует «Положение о паспортах». Человек, отбывший наказание, не может жить у себя дома. «На работу не брали, потому что не было прописки. Прописки не было, потому что не было жилья. А жилья не было, потому что никто не хотел брать к себе человека, нигде не работающего». Так описывается в очерке жизнь одного из тех, кто, казалось бы, испытав «миссию» карающего меча закона, получил так называемую свободу.

«Вдумаемся, — предлагает журналист. — Ведь если человек, испив «горькую чашу», все еще остается ущемленным в правах, то не значит ли это, что «карающий меч закона» продолжает действовать даже тогда, когда ему положено быть в ножнах?»

В печати все чаще появляются материалы о нарушении законов, о произволе властей, появляются даже робкие призывы к устранению наиболее очевидных безобразий. Что это? Проявление либерализма? «Нет, — отвечает в своем выступлении Андрей Амальрик. — В действительности, как я думаю, происходит не либерализация режима, а его одряхление».

Появление в печати критических материалов объясняется и упорной, мужественной деятельностью тех, кто мучается сегодня в советских лагерях, в психиатрических больницах. «При сталинизме, — говорит Петр Якир, — всегда был железный занавес, и никто не знал, что здесь творится. Были уничтожены миллионы людей, и никто об этом не знал. Сейчас мы стараемся каждый арест, каждое увольнение с работы предавать гласности, то есть информировать людей о том, что происходит в нашей стране, обо всех беззакониях». Свое выступление Петр Якир закончил словами:

«Нас, видимо, арестуют, потому что властям неуютны люди, которые их критикуют. Но дело в том, что обратно уже нельзя возвратиться. Нас не будет, но будут другие...»

И хочется думать, что, может быть, Андрея Амальрика и Александра Гинзбурга, Владимира Буковского и Петра Якира, сотни советских заключенных имел в виду Микис Теодоракис, заявив на днях в Москве: «Просто невозможно поверить, что спустя двадцать пять лет после Гитлера на земле снова существуют концлагеря! Просто невозможно представить, как кипит кровь в жилах сына, отец которого брошен за колючую проволоку. Что творится с отцом, сын которого заперт в концлагере» («Комсомольская правда», 25.VIII. 70). Впрочем, вполне возможно, что Микис Теодоракис, по-королевски встреченный в Москве, имел в виду только Грецию.

«Властям неуютны люди, которые их критикуют», — говорит Петр Якир. Оказывается, властям неуютны и люди, которые вообще думают. 31 июля газета «Советская Россия» опубликовала статью, исключительно остро критиковавшую научных работников, ученых — жителей знаменитого Академгородка возле Новосибирска. Автор статьи — первый секретарь городского комитета партии.

Главный упрек — переоценка учеными своей роли в обществе, игнорирование указаний партии. Объясняет это партийный секретарь несколькими причинами — молодостью ученых (средний возраст жителей Академгородка 32 года), оторванностью от жизни (ученые слишком много занимаются наукой и не бывают на заводах и в колхозах), ученые не желают посещать занятия по политграмоте. Очень отрицательно влияет на ученых, по мнению автора статьи, обилие иностранцев, посещающих научный центр под Новосибирском. В одном только прошлом году их побывало там около 3 тысяч.

Трудно найти лучший пример одряхления режима, о котором говорит Амальрик, чем эта статья партийного деятеля, живущего в безумном страхе перед наукой.

Если собрать книги советских писателей, осужденные официальной критикой, получится библиотека, содержащая все лучшее, что было создано советской литературой за минувшие пятьдесят с лишним лет. С невероятной тонкостью вынохивают партийные литературоведы все живое, интересное, выделяющееся из серого потока повседневной писательской продукции.

Объектом критики немедленно после появления в «Новом мире» стала новая повесть Чингиза Айтматова «Белый пароход» — вне всякого со-

мнения, одно из наиболее интересных произведений советской литературы последних лет. Повесть, рассказывающая о самоубийстве семилетнего мальчика, видевшего вокруг себя безнаказанную власть грубой, жестокой силы, разуверившегося в возможности лучшей жизни, поразила читателей свое безысходностью, своим жестоким трагизмом. Символика повести проста, очевидна. Где-то далеко-далеко, на озере Иссык-Куль проплывает красивый белый корабль. Но никогда он не приблизится к берегу, на котором живет мальчик. И поняв, что мечта не осуществится, что всегда будет торжествовать беспощадное хамство, мальчик не выдерживает.

«Одно лишь могу сказать теперь — ты отверг то, с чем не мирилась твоя детская душа. И в этом мое утешение... И что бы ни ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди», — эти слова заканчивается повесть.

Оторванной «от исторических и социальных корней, а потому лишенной адресата», — называет повесть Айтматова критик Д.Стариков («Литературная газета», № 27). Но для каждого внимательного читателя этот адресат хорошо известен.

Сам писатель так говорит о «Белом пароходе»: «У меня был только один выбор — писать эту вещь или не писать, и уж если писать — то только так, как я написал... Я надеялся, что моя книга вдохновит читателей воздвигнуть целые баррикады против неправды...»

«Правда», «неправда» — самих этих слов достаточно, чтобы вызвать недовольство блюстителей «новой советской этики». Как нужно писать, учит газета «Правда». Просматривая «Правду» за август, я обнаружил в ней две заметки, посвященные одному и тому же факту, но разделенные десятью днями. При чтении этих заметок меня прежде всего порадовала святая уверенность редакторов центрального органа ЦК КПСС, что читатели на завтра же забывают то, что читали сегодня. Итак, «Правда» за 14 августа. Рубрика «Их нравы». Заголовок — «Это случилось в американском суде». Подпись — Ю.Ж. — расшифровывается легко. Юрий Жуков, главный комментатор газеты. «Вглядитесь в этот снимок, — начинается заметка (есть фотография), — калифорнийский бандит Джеймс Макклейн хладнокровно целится в судью Гарольда Холи. Через десять секунд судья будет мертв, а полицейские, обеспечив излюбленное в США равенство шансов, пристрелят и бандита». «Действительно, — скажут советские читатели, — ну и нравы у этих американцев».

Заметка небольшая. Разоблачил Жуков американские нравы. Вроде все хорошо. И не мог знать советский комментатор, что в деле об убийстве судьи в калифорнийском городе Сан-Рафаэль окажется замешанной

член американской компартии Анджела Дэвис, ассистент профессора философии Калифорнийского университета. Когда этот факт стал известен, в «Правде» (24 августа) появилась новая заметка. Заглавие — «Случай в Сан-Рафаэле». Подпись — собственный корреспондент «Правды» Б.Стрельников.

Теперь мы читаем совсем другую историю. «В то утро в суде шел процесс над Джеймсом Макклеynom. 37-летним негром, который обвинялся в убийстве охранника в тюрьме Сент-Квентин... 7 августа в зал суда вошел и сел в рядах для публики 17-летний ученик средней школы Джонатан Джексон. Через несколько минут он вскочил с места, в руках у него был пистолет... Джексон освободил от кандалов Макклейна и еще двоих подсудимых. Макклейн произнес короткую речь, в которой еще раз отрицал свое участие в убийстве тюремщика». И так далее и так далее. Нет уже бандита. Есть обвиняемый (само собой разумеется, несправедливо) негр, дальше появляется Анджела Дэвис — тоже негритянка. Короче — заговор реакционеров. Так заметка Стрельникова и кончается: «Судя по всему, черносотенная реакция, используя методы провокаций, готовится обрушить новый удар по прогрессивным силам Соединенных Штатов».

А вывод один — нельзя читать «Правду» подряд. Прочитал и забыл, тогда все будет в порядке.

Октябрь 1970

У русской литературы есть все основания ликовать. На протяжении последних двенадцати лет в третий раз русский писатель награждается Нобелевской премией. В 1958 году — Пастернак. В 1965 году — Шолохов. В 1970 году — Солженицын. И снова, как двенадцать лет назад, решение Шведской академии наук вызывает радость у всех, кто любит настоящую литературу, у всех, кто верит в ее миссию, и вызывает злобу у всех чиновников — партийных и литературных.

Реакция официальных советских органов на присуждение Александру Солженицыну Нобелевской премии интересна прежде всего тем, что позволяет судить о внутренних переменах, происшедших в стране за минувшее десятилетие. Награждение «Доктора Живаго» привело в движение весь сверхмощный советский аппарат — партию, комсомол, государственные органы, полицию. Сам вожь (в ту пору был им Никита Хрущев) активно участвовал в «борьбе с Пастернаком»: криковал, ругал, запугивал. Мобилизованы были все. На собраниях, проходивших по всей стране, с осуждением Пастернака выступали писатели, министр госбезопасности, доярки.

Казалось, что страна обезумела. Можно было подумать, слушая речи, читая статьи в газетах, что Советскому Союзу грозит смертельная опасность. Враг у ворот. Врагом этим был скромный доктор, замечательный поэт Юрий Живаго.

Но прошло двенадцать лет — и все изменилось. Минувшие годы, как оказалось, многому научили советских руководителей. Прежде всего они поняли, что «Доктор Живаго» вовсе не был такой страшной книгой. Во время обсуждения творчества Солженицына секретариатом Союза советских писателей в сентябре 1967 года один из секретарей Союза Алексей Сурков прямо так и сказал: «Произведения Солженицына для нас опаснее Пастернака...» И продолжал: «Если «Раковый корпус» будет напечатан, эта вещь может быть поднята против нас, и будет посильней мемуаров Светланы».

И тем не менее награждение Солженицына советская печать отметила очень скромно. Найдена формула: присуждение Нобелевской премии автору «Ракового корпуса» и «В круге первом» — это «недостойная игра» Шведской академии, пошедшей на поводу империалистов. Так писали «Известия», так же, теми же словами, повторила новость «Литературная газета». И все. Не обзывают Солженицына ни «свиньей, марающей свое жилье», как говорил о Пастернаке глава советской полиции, не повторяют даже обвинений о психической неустойчивости писателя (редактор «Правды» назвал несколько лет назад Солженицына «шизофреником»).

Не исключено, что Солженицын получит возможность выехать в Швецию для получения награды. Что это значит? Значит ли, что Брежнев и К° учатся на ошибках Хрущева? Или, как утверждает Амальрик, это свидетельствует об одряхлении, ослаблении режима?

Я склонен считать, что действуют обе причины, причем в большей степени — вторая. Одряхление режима проявляется, в частности, в том, что все труднее ему подчинять себе первую в истории Советского Союза сплоченную кастовыми интересами группу, требующую для себя определенных свобод, которыми никто иной в стране не обладает. Я имею в виду ученых.

Следы ожесточенной подпольной борьбы, которая идет между учеными и партийным руководством, можно иногда обнаружить и в печати. В прошлом номере «Культуры» я обратил внимание читателей на опубликованную в газете «Советская Россия» статью, резко критикующую ученых, живущих и работающих в знаменитом Академгородке под Новосибирском. На днях в «Правде» можно было [прочсть] в некотором смысле эпилог истории с Академгородком. Так сказать, сообщение о практических выводах, принятых властями. Бывший заведующий литературно-ху-

дожественным клубом Академгородка Михаил Макаренко осужден Московским городским судом на 8 лет тюремного заключения. Осужден за «антисоветскую деятельность», хотя в «Правде» называют Макаренко «жуликом», «спекулянтом» и т. д.

В клубе Академгородка, которым руководил Макаренко, выступали со своими песнями Булат Окуджава и Александр Галич, выставляли свои картины художники-модернисты, не имевшие права этого делать. Академгородок стал на некоторое время эдаким оазисом художественной свободы. Макаренко дошел до такой «наглости», что вступил в переписку с Марком Шагалом, намереваясь показать в клубе его картины (переписку с Шагалом суд счел особо отягчающим обстоятельством). «Оазис свободы» ликвидирован. Но незадолго до суда ученым удалось одержать победу, значения которой не перечеркивает даже осуждение Макаренко.

Группе ученых (в их числе были академики Сахаров, лауреаты Нобелевской премии Тамм и Семенов, и даже член ЦК, президент Академии наук СССР Келдыш) удалось добиться освобождения из психиатрической больницы известного биолога Жореса Медведева, автора ряда книг, распространяемых самиздатом. Можно даже думать, что Макаренко в каком-то смысле заплатил за освобождение Медведева.

Ученые защищают пока только «своих». Органам безопасности приходится вымещать свою злобу на «неученых» советских гражданах. Но если хоть какая-то группа людей получит в Советском Союзе хоть малую толику прав, не будет ли это означать изменения самой сути строя?

Свидетельством растущего значения науки в советском обществе было внимание, уделенное ученым президентом Помпиду во время его поездки в Советский Союз. Президент Франции посетил Академгородок несмотря на то, что, как писали корреспонденты «Монд», оживленные контакты обитателей Академгородка с иностранцами вызывают некоторое беспокойство в определенных кругах в Москве. И хотя, продолжали корреспонденты, было очевидно, что визит президента Помпиду нельзя было рассматривать как потенциальный источник заражения советских ученых, меры предосторожности все же были приняты. Тем не менее президент Помпиду осмотрел Академгородок, выступил перед научными работниками. Удивительно, что вернувшись после поездки в Узбекистан, в Москву, Помпиду снова отправился к ученым, на этот раз в Академию наук. И там произнес речь, немало порадовавшую советских ученых. Говоря о достижениях советской науки, президент Франции перечислил советских ученых — лауреатов Нобелевской премии. А затем назвал имена тех ученых, которые также достойны этой высокой награды, а среди них имя академика Сахарова, известного не только своими научными дости-

жениями, но и «Меморандумом», который называется «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Не говоря уже о том, конечно, что вспоминать о Нобелевской премии через пять дней после ее присуждения Александру Солженицыну было равнозначно напоминанию о веревке в доме повешенного.

Помощь ученых необходима советскому государству, если оно хочет выйти из экономического тупика, в котором находится. Несмотря на все свои успехи, вторая промышленная держава в мире продолжает оставаться страной, экспортирующей сырье и импортирующей промышленные товары. Достаточно сказать, что в советском экспорте в ФРГ 80% составляют сырье и полуфабрикаты, 12% — пищевые продукты и только 2% — готовые промышленные изделия. Экономисты утверждают, что в числе главных причин отсталости — низкая производительность труда. Вопросу производительности труда посвятил большую статью инженер Ю.Бурыкин (журнал «Октябрь», № 9). Журнал «Октябрь» никогда не был сторонником реформ, изменения существующей системы. Тем любопытнее эта статья, в которой инженер, начальник цеха объясняет причины низкой производительности труда не плохой работой рабочих (оставим на его совести утверждение, что «если поставить в одинаковые условия американского и русского рабочих, наш за единицу времени даст продукции больше»), а плохой работой руководителей.

Бурыкин считает, что прошло время руководителей, которые считают, что «подчиненные должны бояться начальника и что на производстве должна быть жесткая рука». Вместо «жесткой руки» руководитель, по мнению автора статьи, должен иметь знания. Причем знания эти следует черпать у американцев. Бурыкин с похвалой отмечает факт перевода на русский язык многотомного американского «Курса для высшего управленческого персонала». Жалеет, что это сделали только в 1970 году, хотя курс вышел в 1964 г., и напоминает, что в 20-е годы в Советском Союзе вышли книги Форда, Тейлора и других американских специалистов по организации производства. Нужно снова сделать эти книги доступными руководителям предприятий.

Бурыкин признает, что самих знаний мало. Нужна так называемая материальная база. Большинство советских инженеров, например, не слишком доверяют автоматике и механизации. Называют ее «калиф на час». И действительно, стоит испортиться какой-либо детали — автомат останавливается на долгие часы, дни, а то и месяцы. И тогда на выручку приходит «стахановец», человек, который будет работать столько, сколько нужно, день и ночь, перевыполняя план на сотни, а то и тысячи (!) процентов.

О том, что нужда в этой «партийной технике» не уменьшается, засвидетельствовали на днях советские газеты, известившие о награждении званием Героя социалистического труда Алексея Стаханова, тридцать пять лет назад добывшего 102 тонны угля за смену при норме 7,5 тонн. «Стахановское» движение стало великолепным методом выжимания соков из советских рабочих. После каждого «рекорда» происходило увеличение рабочих норм. Страх перед этим сохраняется не только у рабочих, но и у руководителей предприятий.

На всю страну прогремел «Щекинский эксперимент». На химическом комбинате в Щекино дирекции дали право сократить число рабочих, а в случае повышения производительности труда повысить рабочим и служащим зарплату. Число рабочих было сокращено на 10%, производительность труда повысилась на 22%.

Но другие предприятия не спешат (даже если им это разрешают) идти по следам щекинских экспериментаторов. Бурькин объясняет это очень просто: боятся, что через некоторое время повышенную производительность труда сделают нормой, а следовательно, заставят больше работать за меньшую плату.

Если бы кто-либо захотел в небольшой статье выразить царящую в партии атмосферу неуверенности, неясности отсутствия четкой линии, он вряд ли придумал бы что-либо лучше статьи, опубликованной 5 сентября в «Правде». Называется статья «Пути к истине. Заметки об атеистической пропаганде». Ее автор — Н. Андрианов, ректор Общественного института социологических исследований при Псковском горкоме КПСС, кандидат философских наук.

Все в этой статье странно. Начиная с заглавия «Пути истины». Не один путь, а несколько — «пути». Но ведь был все время только один! Что же случилось? Потом — Институт *социологических* исследований при *горкоме КПСС*. Зачем партии, знающей все и вся, так сказать, эксоффицию, понадобилась социология?

Сама статья сомнений не рассеивает, скорее их углубляет. «Приходит-ся слышать утверждения, — начинает Н. Андрианов, — о всеобъемлющем кризисе и глубоком упадке». «Но, — продолжает он, — если полагаться не на интуицию, а на обстоятельный анализ духовной жизни, то без преувеличения можно сказать, что рановато бить в литавры». В частности, из статьи выясняется, что по данным партийного института примерно 12–13% жителей Пскова считают себя верующими. Почти все — и это может быть интереснее всего — «выдают религию за универсальное средство нравственного воспитания».

«Данные социологических исследований, — меланхолически заключает автор статьи, — побудили наших идеологических работников основательно перестроиться».

А что будет, если социологи, пусть даже партийные, начнут изучать другие области экономической, культурной или духовной жизни советских граждан? Тоже перестраиваться?

Пятьдесят три года антирелигиозной пропаганды не могли вытравить из сознания людей веру в Бога. Пятьдесят три года жесточайшего террора не смогли ликвидировать преступность. 1 октября «Правда» опубликовала письмо московского шофера И.Смирнова, прямо, по-мужски заявившего: «Мне глубоко чужда идея перевоспитания антисоциалистических элементов. Обуздание и ликвидация — вот единственный правильный метод обращения с преступниками». На фоне таких взглядов «Правда» может показаться представительницей гуманности и мягкосердечия. Доктор юридических наук Ю.Ткачевский мягко журит шофера Смирнова и, четырежды сославшись на слова Ленина, разъясняет, что ликвидация преступников — это хорошо, Владимир Ильич тоже был за смертную казнь, но нужны и более мягкие меры наказания.

Заканчивается статья необычайно красноречиво: «Если бы преступность можно было ликвидировать только лишь ужесточением наказания, то с ней было бы давно покончено».

Ноябрь 1970

Собственно говоря, название этой рубрики следовало бы расширить, следовало бы назвать ее «То, что есть, и то, чего нет в советской печати». Читая без особого удовольствия, но с большим интересом, советские газеты и журналы, я ищу в них информацию о жизни государства, от политики которого во многом зависит сегодня судьба человечества. И очень часто информация эта носит, если так можно выразиться, характер негативный. Ее нет, но ее отсутствие свидетельствует об определенных тенденциях в советской внутренней или внешней политике.

В двух своих последних обзорах я обращал внимание на ожесточенную подпольную войну, которая идет сейчас между советским руководством и учеными, подчеркивая, что только следы этой борьбы можно обнаружить в официальной печати. Но само отсутствие подробной информации об эпизодах этой борьбы, хорошо известных всем ее участникам, позволяет сделать вывод об отсутствии твердой линии «на верхах» советского руководства.

События нарастают, развиваются в темпах, которые еще недавно показались бы невероятными. В минувший месяц повторилась почти точно ситуация, о которой я писал в предыдущем обзоре. Снова два политических «преступления». Если в прошлом месяце речь шла о биологе Жоресе Медведеве и бывшем руководителе литературно-художественного клуба Академгородка Михаиле Макаренко, то сейчас речь шла о математике Пименове и писателе Андрее Амальрике. Жорес Медведев был посажен в сумасшедший дом, но очень скоро освобожден по настоянию ученых, Макаренко получил 8 лет тюрьмы. Пименов, на процессе которого присутствовал в качестве наблюдателя (!) академик Сахаров — получил три года ссылки, а Амальрик — за то же самое «преступление», за «изготовление и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», — три года лагеря обостренного режима.

Но эти два приговора имеют, если так можно выразиться, продолжение, которое я и имею в виду, говоря о молниеносном развитии событий. Прежде всего это речь Амальрика на суде, которая, само собой разумеется, не попала в советскую печать, но, записанная друзьями писателя, уже пошла в «самиздат».

Даниэль и Синявский были первыми «политическими преступниками», представшими перед советским судом (после, пожалуй, процесса эсеров в 1922 году) и не пожелавшими признать себя виновными. Амальрик — первый, кто бросил вызов самому советскому режиму. «Страх перед идеями, которые я выражаю, факты, которые я привожу в своих книгах, — заявил Амальрик, — вот, что вы рассматриваете как уголовное преступление. Все то, что мы видим сегодня, объясняется ничем иным, как страхом режима, видящего опасность в распространении каждой мысли, каждой идеи, непонятной правящей бюрократии».

Амальрик закончил свою речь словами, которые, быть может, когда-нибудь назовут пророческими: «Этот процесс имеет целью напугать людей, и многих он напугает. И тем не менее начавшийся процесс идеологического освобождения остановить уже нельзя».

Но имеет продолжение и процесс Пименова.

15 ноября академик Сахаров и два других известных советских физика — Андрей Твердохлебов и Василий Чалидзе — известили иностранных журналистов о создании ими в Советском Союзе Комитета прав человека. В разосланном ими письме излагаются цели комитета. Главная цель — содействовать властям в деле создания и осуществления гарантий прав человека. Главная оговорка — Комитет прав человека отказывается иметь какие бы то ни было связи с зарубежными организациями, вредящими Советскому Союзу.

Различие между точками зрения Амальрика и Сахарова совершенно очевидно. Амальрик считает советский режим гнилым, непригодным к жизни. Сахаров верит в жизнеспособность режима, но хотел бы его несколько реформировать.

Вопрос заключается лишь в одном: хочет ли режим реформироваться, считает ли он возможным допустить, чтобы кто-то вне партии смотрел ему на руки, заботился о «правах человека»?

Но бунт элиты ширится. Открытое письмо во все центральные советские газеты выслал всемирно известный виолончелист Мстислав Ростропович, один из представителей новой советской касты «неприкасаемых». Ростропович выступил в защиту Солженицына, в защиту творческой свободы.

Письмо Ростроповича, не опубликованное до сих пор советской печатью, возможно, получит какой-либо ответ, но скорее всего со стороны сознательного передового рабочего или колхозника, ибо трудно будет найти музыканта, равно известного, как Ростропович, который согласился бы выступить против знаменитого виолончелиста и... против Солженицына.

Кампания против Солженицына ведется до сих пор. Но нет в ней прежней «пастернаковской» силы, злости, короче — нет в ней прежней сталинской уверенности в своей правоте. До сих пор не выступил против Солженицына открыто ни один из советских писателей. Пока выступают лишь зарубежные писатели — восточногерманские (осуждение Солженицына подписала Анна Зегерс), болгарские, некоторые очень немногие верные Москве коммунистические литераторы — голландские, шведские, американские. Любопытно, что все эти заявления написаны совершенно одинаково. Может быть, вина перевода, а может быть...

Пожалуй, наиболее, если так можно выразиться, яркий эпизод в травле Солженицына — это заявление агентства «Новости» (без подписи), распространенное за границами Советского Союза, перепечатанное в стране только «Комсомольской правдой». Солженицын назван в этом заявлении не писателем, а «литератором» (что по-русски звучит очень пренебрежительно), «человеком с болезненным самолюбием» и т.д. и т.п. Короче, повторяется все то, что уже говорится о Солженицыне долгие годы и навязло в ушах. Есть, однако, и новый элемент. «Новости» обрушиваются не только на Солженицына, но и на шведский Нобелевский комитет, обвиняя его в различных грехах, и пишут: «А, впрочем, мы, может быть, предъявляем иным членам литературной секции Нобелевского комитета слишком высокие моральные требования. Ведь был же в их практике «лауреат» Андре Жид, проклятый своим и другими народами за сотрудничество с гитлеровскими извергами».

Этот абзац поставил нас в тупик. Почему Андре Жид? Хорошо известно, что с гитлеровцами он никогда не сотрудничал, что он отнюдь не «про-

клят своим и другими народами», наоборот, высоко чтим во Франции да и в других странах. В чем же дело? Ведь если уж, конечно, нужно было найти подлинного коллаборанта среди лауреатов Нобелевской премии, то был такой — Кнут Гамсун. Но агентство «Новости» выбрало Андре Жида. Значит неспроста. Вспомнив уроки Шерлока Холмса, мы применили методы дедукции, а также индукции и пришли к следующим выводам.

«Сотрудничество с гитлеровскими извергами» — это, так сказать, понятно. О Солженицыне продолжают распространять клевету, что он, якобы, был в плену у немцев и с ними сотрудничал. Писатель много раз разоблачал эту ложь, но советские агитаторы продолжают ее распространять.

Но почему Андре Жид? Разгадка оказалась простой. Судите сами. Газета пишет: Александр Солженицын—Андре Жид, потом — Солженицын—Жид, у читателя возникает нужная ассоциация: Солженицын — жид. Что и требовалось доказать. Коллаборатор и жид.

Тем, кому эта гипотеза покажется несколько натянутой, хочу припомнить, что в 1948 году в разгар «борьбы с космополитизмом» журнал «Крокодил» опубликовал на своей обложке карикатуру: отвратительного еврея (чисто «штюрмеровского» типа), а чтобы у читателя не было сомнений, о чем идет речь, отвратительный тип, с крючковатым носом и т.п., держал в руках книгу, на которой было написано: «А.Жид».

Стоит лишь добавить, что в заявлении «Новостей», переданном французскими агентствами печати, абзац об Андре Жиде был выброшен. Впервые, французы знают правду о своем писателе, а потом — по-французски нет этой великолепной игры слов, такой полезной по-русски.

В течение двух недель в октябре — два случая воздушного пиратства. Две советских самолета силой принуждают сесть в Турции. В первом случае два литовца — отец и сын — захватывают экипаж и убивают стюардессу. Случай этот находит самый широкий отклик в советской печати. Появляются статьи, печатаются многочисленные письма возмущенных советских граждан, требующих выдачи воздушных пиратов советскому правительству.

«Угроза гражданским самолетам со стороны разного рода преступников стала международной проблемой», — вполне справедливо пишут «Известия» (не будем напоминать, что в других случаях воздушного пиратства ничего подобного не писалось). Несмотря на нажим со стороны советского правительства, несмотря на очень прозрачные намеки («стоит ли из-за двух бандитов омрачать отношения с соседним государством?»), упрямые турки не торопились выдавать бежавших из Советского Союза литовцев. И тогда на советское счастье (есть теория, что счастьем можно и нужно немного по-

мочь) в Армении приземлился американский военный самолет, имевший на борту двух американских генералов и одного турецкого полковника. Кажется, что теперь то уже все в порядке — двух бежавших советских граждан легко удастся обменять на генералов и полковника.

Но тут опять все перепуталось. Снова — это и есть второй случай — два советских гражданина завладели на этот раз не пассажирским, а туристским самолетом, и перелетели на турецкую территорию.

Но об этом случае в советской печати не появилось ни слова! Дурной пример оказался очень заразительным, и власти, видимо, решили не распространять опыта перебежчиков.

Американских генералов и турецкого полковника после каких-то таинственных торгов отпустили домой, в газетах продолжают печататься письма с требованием суда над воздушными пиратами и осуждением воздушного пиратства вообще.

По последним сведениям, палестинские фedayины решили изменить форму борьбы: теперь они планируют потопление танкеров-гигантов. У Советского Союза таких танкеров нет.

После некоторого перерыва в советской печати снова заговорили об экономической реформе. Может быть, самой характерной чертой Советского государства является вера в чудо, владеющая всеми его руководителями. Ленин называл это основным звеном в цепи. Найти такое звено — и все сразу станет на свое место, сразу же наступит процветание. Такое «звено» предлагал, например, Сталину Лысенко. Особым любителем «звена-чуда» был Хрущев. Каждый год он торжественно провозглашал свою находку: то кукуруза, то химия, то ракеты на Кубе.

И сегодня снова начавшийся разговор об экономической реформе связан с нахождением очередного «основного звена». Сегодня это звено называют «организацией и управлением народным хозяйством». Изменить систему организации и управления — и все сразу же изменится. Нужно признать, что на этот раз речь идет действительно об основе советского строя, если даже авторы статей и книг, появившихся в последнее время, открыто об этом не пишут. Атака ведется, в первую очередь, на основу основ государственного и партийного аппарата, на номенклатуру, на систему подбора и продвижения руководителей. Конечно, в этих статьях, говорится лишь о руководителях экономической жизни. Но и самый неискушенный читатель легко поймет, что имеет в виду автор статьи, читая в «Литературной газете» (№ 44) статью директора департамента Министерства автопромышленности СССР А.Руненкова. Этот высокий советский чиновник нападает на анкету! «Главное достоинство работника, —

пишет он, — определяется «чистотой анкеты». Заслуги измеряются не тем, что он делал, а тем, что он не делал — не совершал ошибок, не допускал проступков и т.д. «Ничего неделание» приобретает положительную окраску. Лучше ничем не выделяться, чем отличиться, но с риском совершить ошибку».

«Вот, — можно было бы дополнить за автора, — в чем причина имобилизма советской экономики, да и не только экономики». Но автор статьи приводит еще одну причину. «Внушает тревогу и возрастной «ценз» руководителей. Ведь известно, что средний возраст у большинства наших хозяйственников весьма солидный, а нередко и пенсионный». Хотя А.Руненков пишет о возрасте «хозяйственников», хорошо известно, что возраст многих партийных и государственных руководителей тоже «пенсионный».

Обращает внимание, что в числе вдохновителей этой кампании за обновление системы управления мы находим социолога, доктора философских наук В.Гвишиани, который занимает пост заместителя председателя государственного комитета Совета Министров по науке и технике. Не менее важно и то, что В.Гвишиани — зять Алексея Косыгина. В 1970 году вышла книга В.Гвишиани «Организация и управление», «рассматривающая, — как пишет один из рецензентов, — проблемы управления в условиях государственно-монополистического капитализма США». Автор книги приходит к выводу, что система, применяемая в Соединенных Штатах, может быть отлично использована в Советском Союзе. Как утверждает советский экономист проф. Мильнер: «парадокс заключается в том, что капитализм берет на вооружение систему методов, противоречащих его природе».

11 ноября «Известия» опубликовали статью В.Гвишиани, открывшую новую рубрику «Школа управления хозяйством». В этой рубрике будут регулярно появляться материалы, пропагандирующие рациональные методы управления, незаконно используемые капиталистами.

Декабрь 1970

Итак, Александр Солженицын не поехал в Стокгольм на церемонию вручения Нобелевской премии. Не поехал по собственному выбору, ибо из открытого письма в Шведскую академию наук следует, что он, вероятно, мог бы выехать, но, во-первых, опасался, что не сможет вернуться, а во-вторых, считал для себя унижительным просить рекомендации в парткоме Союза писателей. Солженицын мог поехать в Стокгольм и, если су-

дить по некоторым сведениям, власти хотели, чтобы он это сделал. 20 ноября на заседании правления Союза писателей один из лидеров Союза, Сергей Васильев выразил свои чувства в изящной, как и подобает поэту, форме: «Пусть он (то есть Солженицын) убирается ко всем чертям!»

Александр Солженицын не пожелал доставить удовольствие Васильевым и им подобным.

Впрочем, не надо думать, что советская литература, отказавшаяся от Солженицына, осталась без лауреатов. Лауреаты, точнее, один лауреат, у нее есть. В связи с 53-й годовщиной Октябрьской революции Государственную премию по литературе — совершенно, видимо, уже не зная, кому ее дать — дали Сергею Сартакову за трилогию «Барбинские повести». Расхваливая трилогию, композитор Тихон Хренников (видимо, никто из писателей не хотел этого делать) смог лишь выдать, что она «раскрывает тему рабочего класса на материале нашей молодости».

Есть такой старый анекдот. В конце 20-х годов ехал на учебу в Милан советский певец-бас. По дороге в Италию он остановился в Париже и нанес визит Шаляпину, которому сразу же заявил, что он замещает в Советском Союзе Шаляпина. Великий певец попросил своего коллегу спеть. Когда тот кончил, Шаляпин спросил: «Значит, вы там меня замещаете?» — «Да», — с гордостью ответил советский певец. «Так им и надо», — сказал на это Шаляпин. Думаю, что эти слова можно повторить по отношению ко всем тем, кто читает вместо Солженицына Сартакова.

Советский народ вздохнул с облегчением. Объявлена дата XXIV съезда партии — 30 марта 1971 г. Теперь снова, как в славные дни подготовки к ленинскому юбилею, можно будет работать дополнительные часы, перевыполнять план и т.д. и т.п.

Готовится и правительство. Подводятся итоги выполнения плана прошлого года, Верховный Совет утвердил план на 1971 г. (съезд должен утвердить новый пятилетний план).

Пока можно лишь отметить странное расхождение в оценке урожая нынешнего года.

27 ноября газеты опубликовали речь члена Политбюро Суслова, выступившего на совещании председателей сельских советов РСФСР. Суслов заявил, что «в 1970 г. получен самый высокий за всю историю нашего земледелия урожай», но 9 декабря на сессии Верховного Совета СССР председатель Госплана Байбаков назвал полученный урожай только хорошим, не дав никаких точных цифр. Как известно, план предусматривал примерно 174 млн. тонн зерна, что на 2 млн. тонн выше урожая 1966 г., самого высокого в истории Советского Союза. Даже если план выполнен, то есть даже если собрано больше, чем в 1966 г. —

на 2 млн. тонн то ведь за это время население выросло не менее чем на 12 млн. человек.

Возможно, именно поэтому Байбаков не хотел хвастаться. Все же он экономист, а не партработник, как Суслов.

Итак, в честь съезда трудящиеся больше работают, экономисты считают и планируют. Но есть еще одна область подготовки к съезду, деятельность в которой интенсифицируется с каждым днем. Все чаще, все больше имя Леонида Ильича Брежнева появляется на страницах печати. Железный закон воспитания культа личности действует без каких бы то ни было изменений.

Я писал недавно о выходе в свет двухтомника речей и докладов Брежнева. Это немного, конечно, но количество речей, произносимых в последнее время, позволяет надеяться, что к съезду будет выпущен и третий том. И это, несомненно, будет очень хорошо. В журнале «Знамя» (№ 11) Б.Сутцкий пишет о значении мыслей тов. Брежнева: «Материалы двухтомника позволяют во всей полноте понять самые существенные аспекты общественной жизни страны и мира, точно определить направления...»

Как видим, не только жизнь страны, но и мира, становится ясной после прочтения двух книг Л.И.Брежнева. Но обычай, установленный Сталиным, требует, чтобы вождь был не только философом-марксистом, так сказать мыслителем, но и человеком дела, то есть полководцем. Был полководцем Сталин, стал им, когда понадобилось, Хрущев, становится, как только понадобилось, Брежнев. Это не шутка. Недавно в ходе подготовки к съезду журнал «Огонек» опубликовал статью о военных заслугах Генерального секретаря ЦК. Он занимал сравнительно не очень высокий пост члена Военного совета 18-й армии. Но, как говорится в «Огоньке», «он делал невозможное возможным. Он был любимцем армии. Он знал настроения и думы бойцов. Он поднимал их на победу». Все это благодаря выдающимся личным качествам нового вождя: «В грохоте битвы был слышен его уверенный и спокойный голос. Неоднократно он показывал свою исключительную храбрость и железное хладнокровие».

Значит все готово: философ и полководец. Впрочем, до съезда еще четыре месяца, возможно, что у Брежнева откроются и другие дарования.

И еще одна область, в которой началась активная подготовка к съезду — партия перешла в идеологическое наступление на интеллигенцию. На партийных собраниях ученых, философов, экономистов, писателей, артистов, художников обвиняют в равнодушии к вопросам марксистско-ленинской идеологии. Секретарь Московского комитета партии В.Гришин, выступая на конференции в Москве, горько жаловался на то, что

«политическая пропаганда носит поверхностный характер и ведется от случая к случаю», что партийные комитеты институтов Академии наук не заботятся «об укреплении партийного духа в науке».

23 ноября «Правда» опубликовала передовую статью, озаглавленную «Непримиримость к буржуазной идеологии». Статья эта появилась сразу же после заявления ученых Сахарова, Турчина и Чалидзе (17 ноября) о создании ими Комитета защиты прав человека в СССР.

«Правда» подчеркивает «необходимость систематически проводить среди ученых пропаганду марксистско-ленинского понимания политических, социально-экономических, философских проблем современности». Газета заявляет, что «идейная закалка творческих работников, всей интеллигенции приобретает в наши дни все большее значение».

Но вот что бросается в глаза. И на московской конференции, и в «Правде» поименно — как носители вредного микроба буржуазной идеологии — были названы лишь два московских театра: Театр на Таганке, которым руководит Любимов, и Театр драмы, в котором работает режиссер Эфрос. Ученых, затронутых этим микробом, назвать не решились.

И это можно бы назвать наиболее характерной чертой нынешней ситуации в Советском Союзе. С одной стороны, партия видит опасность в движении ученых за расширение их прав, с другой стороны — необходимость в ученых становится все более очевидной с каждым днем. В тех же газетах, в которых публикуются призывы к усилению идеологической бдительности, публикуются (особенно в «Известиях») многочисленные материалы, свидетельствующие о необходимости немедленно, сегодня же начать улучшать систему управления экономикой.

Главное внимание советской печати обращено в последнее время на вопросы, требующие вмешательства ученых. Название статьи академика Н.Федоренко, опубликованной в десятом номере журнала «Новый мир» — «Научно-техническая революция и управление» — очень характерно. Создается впечатление, что советские руководители только сейчас отдали себе отчет в том, что в мире происходит научно-техническая революция, что старые методы управления сегодня не годятся. И эта мысль красной нитью проходит во всех материалах, появляющихся в печати. В очерке о волжском автозаводе («Известия», 11.XI) с некоторым изумлением говорится о том, что при новой системе нет, да и не может быть рекордов, достаточно выполнять норму и вовсе не нужно ее перевыполнять (само собой разумеется, что ни словом не упоминается об итальянцах, строящих завод, о «Фиате», продавшем лицензию), в статье о стиле руководства («Литературная газета», 2.XI) демонстрируются преимущества

«демократического стиля хозяйственного управления» перед авторитарным методом, базирующемся на угрозах и принуждении.

19 марта 1970 г. Сахаров, Турчин и Медведев в письме Брежневу с горечью констатировали: «Началась вторая промышленная революция, и теперь, в начале семидесятых годов века, мы видим, что так и не догнав Америку, мы отстаем от нее все больше и больше».

Создается впечатление, что советское руководство услышало эти слова и стоит теперь в растерянности. Как делать научно-техническую революцию без ученых и техников? Ответа на этот вопрос в Москве еще не знают. Судя по последним материалам печати, можно полагать, что будет сделана попытка разбить советскую интеллигенцию на две категории. Одной группе — ученым, техникам — будет дана возможность экспериментировать в области научного управления процессами экономического развития страны. Другой группу — писателей, артистов, художников — оставят под бдительным, идейно выдержанным руководством партии. Будет ли это «проведение демократизации по инициативе и под контролем высших органов», как надеются авторы письма Брежневу, или процесс демократизации вырвется из под контроля — покажет будущее. Возможно, что «высшие органы» придут к выводу, что прекрасно смогут обойтись и без научно-технической революции, если она станет угрожать их положению.

В своих сомнениях относительно способностей нынешнего советского руководства понять и решить сложные проблемы сегодняшнего дня мы не одиноки. Этого же рода сомнения выразил недавно Вальтер Ульбрихт, до последнего времени вернейший друг и опора Советского Союза. 13 ноября на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения Фридриха Энгельса, вождь ГДР изложил свои очень серьезные претензии по адресу руководителей первого в мире социалистического государства. Он, не стесняясь в выражениях, раскритиковал внешнюю политику Советского Союза, его политику в международном коммунистическом движении, а также его внутриэкономическую политику, подчеркнув, что именно в ГДР, а не в Советском Союзе, разработана система, позволяющая «достижение оптимальных решений при осуществлении научно-технической революции». И тут нам вспомнились слова Ленина. Вскоре после Октябрьского переворота Ленин, вот-вот ожидавший мировой революции, заявил, что, совершив революцию, Россия вышла в авангард человечества, но как только революция произойдет в других странах, Россия снова займет то место, какое она занимала в семье народов до революции, т.е. снова окажется отсталой страной.

Ульбрихт хочет, видимо, сказать, что время это уже подходит.

Просмотрев написанное, я с недоумением обнаружил, что пишу очень много о недостатках. А как же положительные стороны? Ведь есть такие? Есть. Об одном положительном факте хочется мне рассказать. Семантика — наука о значении слов, наука, о которой много писал проф. Шафф, стала в Советском Союзе достоянием широких народных масс. Вот что можно прочесть в журнале «К новой жизни» (№ 5, 1970) — органе МВД СССР: «Журнал не раз публиковал письма наших читателей-надзирателей, которые предлагали переименовать их должность.

Вопрос этот решен. Теперь старшие надзиратели и надзиратели следственных изоляторов, тюрем, психиатрических больниц специального типа, воспитательно-трудовых колоний именуются соответственно старшими контролерами и контролерами».

Бывшие надзиратели, ныне контролеры, хорошо понимают, что важна не должность, а ее наименование. Вполне возможно, что теперь заключенные попросят переименовать их в курортников — и проблему тюрем и лагерей в Советском Союзе можно будет считать решенной.

Идея бывших надзирателей нравится мне очень и потому, что они решили назвать себя контролерами, помня, видимо, слова Владимира Ильича «социализм — это учет» (пусть даже учет заключенных).

Наиболее сенсационной новости минувшего месяца — «мемуарам Хрущева» — советские газеты посвятили немного места, но опубликованный материал кажется мне значительно интереснее того, что печатали газеты всего мира.

Начнем, однако, сначала. 23 ноября «Лайф», а затем английский «Таймс», французская «Франс-Суар», немецкий «Штерн» начали печатать материалы, названные «Мемуары Хрущева».

Владелец материалов концерн «Тайм» не пожелал раскрыть тайну их получения, но сразу же заявил, что «мемуарами» назвать их нельзя ни в коем случае. Впрочем, все продолжают называть их так. Выяснилось, что рукописного текста нет, имеются лишь магнитофонные ленты, которые «перевел и обработал» 23-летний выпускник русского отделения Йельского университета Струоб Тальбот. За достоверность материала поручился английский журналист и писатель Эдвард Кренкшоу, автор биографии Хрущева, но кроме того, книги о Джозефе Конраде, гестапо, доме Габсбургов, Марии-Терезии, нескольких романов. В Москве о таких людях говорят — «специалист по общим вопросам».

Сразу же возник спор, занявший немало места на страницах газет всего мира: подлинные ли это воспоминания Никиты Хрущева или фальшивка?

Спор шел абстрактный, никто еще «мемуаров» не читал, но появились уже горячие сторонники той и другой сторон. Пока шел спор, пронырливые журналисты обнаружили любопытную деталь. Оказалось, что с 20 по 27 августа в роскошном отеле «Англеттер» в Копенгагене, где остановились три американских журналиста — сотрудники «Тайм», — находился советский журналист Виктор Луи, которого называют «торговцем тайнами» и подозревают в сотрудничестве с КГБ.

«Мемуары» уже печатаются, а спор об их достоверности продолжается. Знатоки уверяют, что это фальшивка, ибо Хрущев говорит, что он был избран кандидатом в члены Политбюро в 1936 году, а на самом деле это произошло в 1938 г. Светлана Сталина считает «мемуары» подложными, ибо Хрущев говорит, что был в гостях у Сталина тогда, когда его не было в Москве, и т.д.

Выступил и заинтересованный — сам Никита Сергеевич. В трех центральных московских газетах было опубликовано его заявление. «Это фабрикация, — заявил Хрущев, — и я возмущен ею». И добавил: «Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал таких материалов я и советским издательствам».

Хрущев настойчиво подчеркивает, что он мемуаров никому «не передавал», давая тем самым понять, что он их писал или пишет.

Ознакомление с мемуарами, представляющими лишь часть полученных «Таймом» материалов, которые в конце года появятся книгой, позволяет предполагать, что во многом они достоверны. Я хотел бы вернуться к более подробному их разбору после прочтения книги, но и сейчас, например, можно оказать, что вряд ли кто из «западных фальсификаторов» придумал бы описанный в «мемуарах» телефонный разговор Хрущева со Сталиным, во время которого вождь мирового пролетариата упрекал секретаря Московского комитета партии в том, что в Москве мало общественных уборных, а затем — по словам мемуариста — внимательно следил за строительством в столице СССР этих необходимых учреждений.

Знакомство с «мемуарами» позволяет, мне кажется, сделать предположение об их изготовлении в Москве, знаменитым департаментом дезинформации КГБ. Можно припомнить, что в последнее время этот департамент изготовил для западного читателя «мемуары» советских шпионов Кима Филби и Гордона Лонсдэйла.

Можно, наконец, сослаться на статью в «Известиях», которую я имел в виду в начале этой заметки. Появилась она 24 ноября под красивым названием «На кухне фальсификаторов». Автор — необычайно осведомленный журналист, взявший из скромности имя — С.Новгородский. По

его мнению — «мемуары Хрущева» — дело рук английской разведки, чьим агентом является Эдвард Кренкшоу (осведомленный советский журналист тут же приводит номер, под которым Кренкшоу числится в картотеке «Интеллидженс сервис»), и американской разведки, чьим агентом (молодым, но способным) является Струоб Тальбот. И дальше осведомленный С.Новгородский рассказывает о разговоре, который произошел «весенним днем 1951 года» между Алленом Даллесом, шефом американской разведки, и неким европейским гостем. Хотя беседа велась с глазу на глаз, С.Новгородский заявляет, что «с почти стенографической точностью ее воспроизводит». О чем же шел разговор?

Даллес заказывал европейскому гостю написание фальшивки под названием «Мемуары Литвинова». И излагал свой «рецепт фальсификации». «Можно взять 90% того, что было сказано на самом деле, прибавить 1% того, что хотим довести до сведения общественного мнения мы. Оставшиеся 9% я, ни минуты не сомневаясь, отдаю на описание красот природы. Как это ни парадоксально звучит, но дезинформация общественного мнения тем глубже и действеннее, чем больше во лжи использовано знакомых людям фактов и понятий».

Вот, мне думается, и разгадка «тайны» «мемуаров» Хрущева: 90% — того, что было, 1% — намеренной дезинформации, 9% — красот природы. И, мне кажется, трудно сомневаться, что этот 1% дезинформации влит в «хрущевские щи» в Москве. Для меня это очевидно в главе о советско-германском договоре, о советско-финской войне, в других местах.

Возникает лишь вопрос: почему «мемуары» были выпущены сейчас? Можно думать, что не без значения был факт присуждения Солженицыну Нобелевской премии. Хрущев заставил забыть о Солженицыне. Или так рассчитывали авторы «мемуаров».

Январь 1971

В последнюю неделю декабря 1970 г. редкая газета не печатала на первой странице материалы о процессе в Ленинграде. Процесс над басками в Испании и процесс над евреями в Советском Союзе вызвали совершенно неожиданно единодушное негодование в мире. Неожиданным было негодование в связи с ленинградским процессом. Советские руководители привыкли к тому, что все им благополучно сходит с рук. Вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. — убедительнейшее этому доказательство.

На этот раз что-то не получилось. То ли день вынесения приговора — 24 декабря, день рождения Христа, то ли подражание приговору франкистского суда. Во всяком случае все: от папы римского и президента Никсона до лидеров французской и итальянской компартий начали умолять советских руководителей дать задний ход.

Намек был понят. 30 декабря, собравшись с непривычной поспешностью, Верховный суд РСФСР заменил двум приговоренным к смертной казни заключенным расстрел 15-летним заключением «при исключительно строгом режиме».

Советские граждане узнали впервые о процессе, о первом приговоре и о втором приговоре только 31 декабря из статьи в газете «Известия». Читатели «Известий» узнали, что 15 июня 1970 г. была совершена попытка захватить на ленинградском аэродроме самолет АН-2, летевший в Таллин. Заговорщики были арестованы еще до того, как они сели в самолет, при них были обнаружены один пистолет, топор, веревки.

И дальше «Известия» излагают план заговорщиков, хотевших захватить самолет и улететь в Израиль. План — все, как полагается, признались — настолько странный, что вызывает сомнения в умственных способностях двенадцати заговорщиков или... их следователей, его сочинивших.

От Ленинграда до ближайшей границы менее двух часов лета (до Дании, Швеции), но заговорщики — как говорится в «Известиях» — задумали совершить первую посадку на советской территории вблизи Приозерска и там оставить двух пилотов. Пилотов этих связать по рукам и ногам, засунуть в рот кляп, затем разбить им головы (!). Но и этого мало. Были приготовлены специальные плакаты: «Осторожно, грозит смер-

тью!» Эти плакаты предполагалось расставить возле места, где лежали пилоты, чтобы как можно дольше к ним никто бы не подошел.

Конечно, известно, что в Советском Союзе лишь в последнее время стали переводить романы Агаты Кристи и Сименона. И все же нелепость плана, изложенного в центральном органе Советского правительства, бросается в глаза.

Прочитав статью в «Известиях», я вспомнил любимый анекдот Сталина, о котором пишет Светлана Аллилуева. Сталин обычно рассказывал его, желая подразнить Берия. Жили в одном доме некий чекист и какой-то ученый. Этот ученый не любил чекиста и часто ему говорил: «Вы не знаете даже, кто написал «Евгения Онегина». Чекист и правда не знал этого, поэтому арестовал ученого, а на следующий день гордо сообщил друзьям: «Признался. Он сам и написал «Евгения Онегина».

Светлана рассказывает, что Иосиф Виссарионович всегда, закончив анекдот, много смеялся. Он хорошо знал своих чекистов.

Но не только обвинение кажется странным в этом процессе, не только время вынесения приговора. Странным, необычным является отмена смертных приговоров под давлением мировой общественности. За 53 года Советской власти случилось это всего лишь второй раз. Первый раз в апреле 1922 г., когда Бухарин и Радек, ведшие в Берлине переговоры с представителями социалистических партий Европы, обязались, что Советская власть не применит смертной казни по делу 47 социалистов-революционеров, суд над которыми начинался в Москве. Великий гуманист Ленин считал, что за жизнь 47 эсеров можно было выторговать значительно больше. Статья, в которой он очень резко критиковал Бухарина и Радека, называлась «Мы заплатили слишком дорого».

Советские руководители сегодня заплатили значительно меньше — отменили всего два смертных приговора. Знаменательно, однако, что они вынуждены были пойти на сделку, подобную той, на какую пошел Советский Союз в период крайней слабости в 1922 г.

(В скобках стоит напомнить, что ленинская «плата» немногого стоила. Ни один из помилованных социалистов-революционеров никогда на свободу не вышел).

В канун Нового года впервые в истории Советского Союза народ поздравил «сам» Генеральный секретарь Брежнев, выступивший перед микрофонами радио и телевидения. Минувший год, по его словам, оставил хороший отпечаток. «Улучшилась мораль и укрепилось политическое единство советского общества, братство советских народов... Международная позиция Советского Союза никогда еще не была такой сильной, как теперь, а престиж столь высоким».

Но вряд ли эти слова могут замести следы поражения, которое понесло советское руководство. Есть все основания полагать, что процесс в Ленинграде был приурочен к XXIV съезду с целью компрометации Брежнева. Не случайно, видимо, бывший ленинградский партийный босс Толстиков, давший команду подготовить провокацию, был летом снят с поста и направлен послом в Китай. Нет сомнения, что у него остались единомышленники в Ленинграде и Москве среди руководства партий.

Пока же конкретными результатами протестов были отмена смертных приговоров, отмена других процессов над евреями и выпуск «на иностранных языках» брошюры, опровергающей лживые слухи о дискриминации евреев в Советском Союзе.

К числу конкретных результатов можно отнести и распоряжение, разосланное кассирам Аэрофлота в Советском Союзе: «По распоряжению начальника перевозок Управления гражданской авиацией прекратить продажу билетов группам цыган по всем направлениям».

Оказывается, не только среди евреев имеются желающие покинуть родину мирового пролетариата.

О ленинградском процессе советские газеты упорно молчали, зато они с необычайным жаром пишут о предстоящем процессе в Калифорнии. Вот уже два месяца ни одна газета не выходит без лозунга «Свободу Анджеле Дэвис». «Вряд ли, — пишет газета «Правда», — можно ожидать объективного разбора дела от американской Фемиды, справедливого суда». 14 крупнейших советских ученых обратились к Никсону с просьбой «сохранить жизнь Анджелы Дэвис и дать ей возможность продолжать научную работу». Чрезвычайно пикантно, что советские ученые обратились с этой гуманной просьбой 25 декабря, на следующий день после вынесения в Ленинграде двух смертных приговоров.

Лишь один из подписавших эту петицию, академик Сахаров, обратился одновременно к председателю Президиума Верховного Совета СССР с просьбой помиловать ленинградских смертников.

Советская печать широко оповестила о благородном поступке 14 советских ученых. Правда, когда хитроумный Никсон пригласил всех, кто подписал просьбу приехать в Калифорнию и присутствовать на процессе, советская печать не сочла нужным известить об этом своих читателей.

Подготовка к XXIV съезду партии, который соберется 30 марта, занимает главное место в советских газетах. Было бы, однако, неверным считать, что борьба с евреями или цыганами занимает в этой подготовке самое важное место. 17 декабря в «Правде» появилась статья, озаглавлен-

ная «Нищета антикоммунизма» и подписанная И. Александровым. Подпись эту «Правда» использует по большим праздникам под статьями инструктажного характера. «Нищета антикоммунизма» дает генеральную линию идеологической борьбы накануне съезда.

В первой части представлено кошмарное положение в западном мире, прежде всего в США, где «лучшие умы и таланты, олицетворяющие честь и совесть народа, систематически подвергаются запугиваниям, травле и судебнo-полицейским репрессиям. За инакомыслие там сажают на скамью подсудимых, бросают за тюремную решетку цвет современной американской науки и культуры. Затыкают рот тем, кто высказывается за справедливость».

Во второй части описана радостная жизнь в Советском Союзе, где все было бы замечательно, если бы не жалкая горстка отщепенцев, разложившихся проходимцев и шизофреников, «клянчащих виски и сигареты в обмен на грязные выдумки».

В статье они названы по именам: Валерий Тарсис, Анатолий Кузнецов, Владимир Буковский, Андрей Амальрик, Александр Солженицын. Нужно признать, что автор или авторы статьи делают тонкое различие между упомянутыми выше врагами народа. Тарсис — шизофреник, Кузнецов — предатель Родины, притворявшийся писателем, Буковский исключен из вуза за неуспеваемость, Амальрик — тунеядец, мелкий клеветник-валютчик. Солженицын — всего лишь «внутренний эмигрант, чуждый и враждебный всей жизни советского народа», скатившийся «в грязную яму». Награжден Нобелевской премией он «не за “талант”, а только за то, что чернил советскую действительность».

Сигнал, данный «Правдой», сразу же нашел отклики. Кампания против инакомыслящих развертывается с давно не виданной силой. В журнале «Коммунист Вооруженных Сил» (№ 2, 1971) полковник Сапунов по-военному просто дописывает то, что думал И. Александров. У него Солженицын награжден Нобелевской премией «как каиновой печатью за предательство своего народа». С предателями, как известно, разговор короткий. 27 января «Литературная газета» повторяет мысли полковника Сапунова, но в более, если так можно сказать, литературной форме. Газета помещает «Открытое письмо А. Солженицыну» некоего Дина Рида, названного в предисловии «известным певцом» и обращающегося к лауреату Нобелевской премии по-хамски фамильярно: «Дорогой коллега по искусству!»

Этот «коллега» убеждает великого писателя, что тот, критикуя Советский Союз, говорит, наверное, об Америке, а не о России. Ибо певцу этому США очень не нравятся, он даже бросил свою «глубоко больную родину» и поселился в Италии. Если же порой «советская страна спотыка-

ется, — поучает певец, — то мы (!?) не должны осуждать систему, а должны приветствовать ее за мужество». Письмо мужественного певца, не любящего США, любящего СССР, но предпочитающего жить в Италии, занимает в «Литературной газете» треть страницы. Вряд ли дадут возможность писателю ответить на него хотя бы десятью словами.

Репрессиям подвергся Мстислав Ростропович, выступивший недавно с мужественным письмом в защиту своего друга Солженицына. Ростроповичу запретили на полгода выезжать за границу с концертами. Бывали, конечно, в Советском Союзе и более суровые наказания. Но, как нам уже приходилось отмечать, не всех уже может Советская власть наказывать с одинаковой силой.

Статья «Нищета антикоммунизма» не щадит мятежных писателей, но ни словом не упоминает Комитет в защиту прав человека, созданного учеными незадолго до появления статьи. На академика Сахарова и его друзей И.Александров повысить голос не решается.

Это не значит, что ученым не выражают неудовольствия. Но делают это «культурно». Сначала в «Правде» появилось интервью с доктором физико-математических наук, лауреатом Государственной премии, заведующим лабораторией в знаменитом Институте физики Академии наук Виктором Силиным. Орган ЦК попросил интервью у доктора Силина не потому, что это крупнейший ученый в институте. Нет, там работают лауреаты Нобелевской премии Черенков, Басов, Прохоров, Тамм, работает в институте и Сахаров. Секретарь партбюро признал, что в работе парторганизации имеются некоторые недостатки. Затем Силин выступил в телевидении, где отвечал на вопросы журналиста о положении в научном мире в области идеологии.

Секретарь партбюро обещал усилить накануне съезда идеологическую работу среди ученых, обещал провести несколько собраний, но не дал вовлечь себя в полемику с коллегами.

Зато писатель Аркадий Первенцев, выступая на телевидении, не постеснялся «осудить» Солженицына, «ибо он взят на вооружение нашими противниками в идеологической борьбе».

Эти два выступления на московском телевидении убедительно характеризуют различное положение в советском обществе официальных писателей и ученых.

Как правило, в инструктажных статьях по идеологическим вопросам врагов советской идеологии называют по именам, зато те, кто «стоит на линии», объединяются в одну кучу. Журнал «Коммунист» отошел на этот раз от правила и в большой статье по идеологическим вопросам, подводя ито-

ги спорам, идущим в кругах писателей, художников, философов, определенно сказал, на кого следует сегодня равняться. «Коммунист» подверг острой критике тех, кто пытается ознакомить советских граждан с «современной западной псевдокультурой», тех, кто пытается реабилитировать советскую культуру 20-х гг., в том числе творчество футуристов (между прочим, раннего Маяковского). Ибо, утверждает «Коммунист», все ведет к принятию «опасной теории «конвергенции» всех развитых промышленных стран.

Главная мишень нападок органа ЦК — журнал «Новый мир» в ту пору, когда его редактором был Александр Твардовский. «Новому миру» противопоставляется журнал «Молодая гвардия» — орган воинствующих неославянофилов. И хотя «Коммунист» упрекает «Молодую гвардию» за чрезмерное увлечение некоторыми «архиреакционными» русскими философами, например Константином Леонтьевым и Василием Розановым, он считает общее направление журнала правильным. Особенно привлекает в этом направлении отрицание западной культуры.

Стоит отметить, что «Молодая гвардия» все смелее пересматривает давно установившиеся взгляды в соответствии со своей идеологией. Недавно, например, в журнале была опубликована статья, осудившая движение декабристов за их западничество. В другой статье, посвященной творчеству Куприна, подверглась пересмотру знаменитая повесть «Поединок». Сам писатель да и вся русская критика с момента появления повести в 1905 г. рассматривали ее как разоблачение царской армии, ее бессмысленной дисциплины, ее бесчеловечности. Автор статьи в «Молодой гвардии» находит в повести своего героя — идеального офицера, знающего и любящего военное дело.

В своем воспевании армии, войны журнал «Молодая гвардия» не одинок. Он лишь более смело и открыто говорит то, что думают идеологические руководители.

В числе советских газет и журналов, которые я просматриваю, давно уже, к сожалению, нет детской печати. Но попавшаяся мне недавно вышедшая в Германии книга «Немцы в советских детских журналах» свидетельствует о том, что война и армия нашли себе почетное место и в журналах для детей самого младшего возраста «Детские картинки» и «Мурзилка». Автор книги тщательно подсчитала, сколько статей и рисунков на военные темы опубликовали эти журналы в последние годы (до июня 1970 г.), проанализировала эти материалы. И сделала при этом любопытное открытие. Начиная с апреля 1969 г., то есть после боев на реке Уссури, все чаще и чаще советские войны, советские самолеты и танки идут не на Запад, а на Восток. А на одной из картинок фашистские флаги, бросаемые к подножию мавзолея, вдруг приобрели желтый цвет.

И снова, как перед XXIII съездом, накануне XXIV съезда идут разговоры о реабилитации Сталина, о возрождении сталинизма во всей его красе. В январе парижская газета «Монд» поместила сообщение из Праги о том, что сотрудник советского посольства в Праге Стариков на собрании «старых коммунистов», тех, кто приветствовал появление советских танков в Чехословакии, заявил о предстоящей полной реабилитации Сталина. В том числе его знаменитой теории относительно обострения классовой борьбы по мере приближения победы социализма.

Можно рассматривать слова Старикова как пробный шар, как желание определенных кругов в московском руководстве. Важно, однако, что о полной реабилитации Сталина все чаще говорят московские журналы.

Реабилитация происходит в области, наиболее удобной для этого — в области истории войны. Только в прошлом году появились романы «Горячий снег» Юрия Бондарева, «Блокада» Александра Чаковского, повествующие о «тщательной и трудной подготовке партии и правительства, возглавляемых Сталиным, к отражению опасности, нависшей над Родиной». В декабре 1970 г. в журнале «Октябрь» появилась первая часть романа Ивана Стаднюка «Война».

В ночь, когда пришло известие о нападении на Советский Союз, Москва не спала. «Ольга открыла окно на улицу, послышались крики: Сталин! Толпа кричала и звала: Сталин! Сталин! Сталин! — и это был клич силы и чести, он звучал, как «вперед!» В минуту народной ярости толпа звала своего вождя, и в два часа ночи он пришел из Кремля в Большой театр, чтобы быть вместе с Москвой. Ольга схватила сынишку и побежала к театру.

— Где, где? — спрашивала она.

— Сейчас, сейчас! — отвечали ей со всех сторон. — Вот он, вот!

Она увидела Сталина, когда он подошел совсем близко. Его спокойная фигура в наглухо застегнутой шинели, в фуражке с мягким козырьком была проста до слез. В ней не было ничего лишнего и случайного. Лицо Сталина было строго. Он шел, торопясь и часто оборачиваясь к окружающим его членам Политбюро и правительства, что то-то им говорил и показывал рукой на людские толпы... Ольга вернулась к себе и включила радио. В это время заговорил Сталин... Сталин говорил с бойцами в подземных казематах и с летчиками в вышине. Раненые на перевязочных пунктах приходили в сознание под негромкий и душевный голос этот. Это был голос нашей Родины, простой и ясный, и бесконечно честный, и безгранично добрый, отеческий неторопливый сталинский голос».

Увы, все случилось не так. Длинная цитата, которую я привел, взята из книги Петра Павленко «На востоке», написанной в 1937 году.

Но в 1937 г. Павленко мог верить, что так и будет, как он написал. В 1970 г. Иван Стаднюк знает, как было на самом деле, как струсил Сталин и, по выражению Петра Якира, дезертировал со своего поста. Об этом писал в том же «Октябре», но в 1965 г. адмирал Николай Кузнецов.

Стаднюк все знает, но возвращается — если не буквально, то по смыслу — к описанию Павленко. Мудрый, проникательный, миролюбивый, по-отечески ласковый и по-отечески строгий Сталин просчитался, ибо свято верил «в искренность в политике и дипломатии». Лишь в одном месте чувствует себя неуютно Стаднюк — почему сам Сталин не выступал? Почему послал Молотова? Единственное объяснение — был занят, не мог оторваться от фронтовых дел даже на 15 минут. Интерес этого произведения Стаднюка (романом можно его называть лишь условно, ибо к литературе он отношения не имеет) заключается в том, что в нем изложены последние указания ЦК партии по вопросам истории 1939–1941 гг.

И здесь обращает на себя внимание удивительное сходство формулировок, используемых Стаднюком и авторами «Мемуаров» Хрущева относительно войны с Финляндией, советско-германского договора и позиции Англии.

Стаднюк в этом последнем вопросе идет «до предела». Главным виновником советско-германской войны он изображает не Гитлера, а Черчилля.

В свое время говорили: Сталин — это Ленин сегодня. На XXIV съезде скажут: Брежнев — это Сталин сегодня. Готовясь к этому торжественному моменту, кремлеведы обнаружили неполадки в анкете Генерального секретаря.

Оказывается, советские издания — энциклопедия и календари — по-разному называют день рождения Леонида Ильича.

60-летие праздновалось 18 декабря 1966 года. Но в календаре 1958 г. утверждается, что будущий вождь народов родился 16 декабря 1906 г. В общем календаре на 1971 г. днем рождения названо 19 декабря, а в календаре для женщин на 1971 г. — тот же день рождения перенесен на 1 января 1907 г.

Новая дата в календаре для женщин еще понятна. Генеральный секретарь хочет быть моложе. Но почему разные даты в других изданиях?

Герой гоголевского «Ревизора» городничий Сквозник-Дмухановский праздновал день рождения два раза в год, ибо хотел дважды получать подарки. Но Брежнев?

Под странными ауспциями начинается новое царствование в Москве.

Июль 1971

Лето нынешнего года не поскупилося на события. Газеты двухнедельной давности кажутся безнадежно устаревшими, не говоря уже о газетах июльских. Просматривая заметки, сделанные за минувшие два месяца, вижу, что большинство из них вряд ли может кого заинтересовать.

Два события, происшедших за границами Советского Союза в июле 1971 г., окажут, видимо, долговременное влияние на политику Москвы. Начнем с переворота и контрпереворота в Судане.

С необычайной для себя быстротой «Правда» откликнулась на свержение генерала Нимейри и приход к власти Хашем эль-Атта. Уже в заголовке была оценка: «Перемены к лучшему». В газете были перепечатаны сообщение Иракского телеграфного агентства, телеграмма ТАСС из Каира, а кроме того, заметка каирского корреспондента, в которой подчеркивалось: «Нимейри и члены Революционного совета арестованы», «Ирак уже заявил о признании правительства Хашем эль-Атта». ТАСС сообщал, что предусмотрено «создание национально-демократического фронта, который будет представлять союз рабочих, крестьян, национальной интеллигенции, солдат свободных офицеров и представителей национального капитала». Короче — великолепная победа прогрессивных сил. На следующий день читатели «Правды» узнали, что в адрес Революционного совета Судана поступают телеграммы с выражением поддержки нового правительства.

Прошел еще один день, и в самом нижнем углу 5-й страницы появилась коротенькая заметка, озаглавленная «События в Судане». Из нее стало известно, что «председатель Революционного совета (но, увы, уже другого, хотя по-прежнему революционного) Джафар Нимейри... заявил, что участники государственного переворота понесут суровое наказание, что наказаны будут также коммунисты».

Четыре дня советские газеты стыдливо писали о событиях в Судане на последних страницах, в нескольких строках извещая о казни коммунистов и авторов заговора. Москва еще на что-то надеялась. В эти же дни, когда в Судане шла охота за членами компартии, в Каире на конгрессе Арабского социалистического союза выступил секретарь ЦК КПСС Борис Пономарев. Ни словом не упомянув о Судане, секретарь ЦК налегал на вечную дружбу, связывающую СССР и Египет; «Правда» сообщила, что после речи Пономарева «в зале долго не смолкают бурные аплодисменты и здравицы в честь советско-египетской дружбы, КПСС, советского народа». Все хорошо, даже замечательно.

Но вот 28 июля, через два дня после выступления секретаря ЦК КПСС в Каире, на первой странице «Правды» появляется заголовок: «Ре-

прессии не прекращаются». Это о Судане. А на 4-й странице — Заявление ТАСС, клеймящее кровавый террор и раздувание антикоммунистической пропаганды, которая может радовать лишь империалистов и реакционеров. Появляются и первые сообщения о «протестах трудящихся». Возможно, что трудящиеся несколько удивились, что следует протестовать против действий арабских прогрессивных деятелей, беззаветно любящих советский народ. Но велят протестовать — протестуют.

Кстати, одну из своих последних песен Александр Галич посвятил как раз «протестам». Рассказывает он, как потомственному рабочему Климу Петровичу поручили выступить с протестом. Дали ему заранее написанную бумажку, он — человек грамотный, не прочел ее заранее, а начал оглашать прямо на трибуне:

«Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету.
Как мать, — говорю, — и как женщина:
Требую их к ответу!»

Оказалось, что партийный деятель, готовивший тексты, перепутал бумажки. Но все прошло хорошо: все аплодировали и голосовали за соответствующую резолюцию.

В течение нескольких следующих дней шли протесты по всему Советскому Союзу. Газеты гремели: «Террор в Судане». 31 июля появилось сообщение ТАСС, в котором потерявшие терпение советские руководители призывали своих подопечных суданцев к порядку, грозя санкциями. Одновременно в «Правде» появилась коротенькая заметка: «Пекин–Хартум — взаимные поздравления». Советский читатель понимал, что суданские руководители окончательно предали советский народ.

Значительно более осторожно поступила советская печать с информацией о предстоящем визите Никсона в Пекин. Сообщение об этом появилось в «Правде» с опозданием на три дня по сравнению с мировой печатью. Затем восемь дней печать ограничивалась цитатами из иностранных газет и журналов, не давая своего комментария. Выбор цитат, конечно, стоил комментария. В заметке «Приглашение со стажем» можно было прочесть, что «Вашингтон дейли ньюс» «характеризует решение Никсона посетить Пекин по приглашению китайского правительства как кульминационный момент 26-летних усилий Мао и Чжоу Эньлая организовать встречу с американским президентом». В другой заметке сообщалось, что в статье, опубликованной в «Вашингтон пост» известный

китаевед проф. Эдвард Фридман предлагает американцам воспользоваться пребыванием у власти Мао, который якобы считает, что «в долгосрочном плане Америка не обязательно является угрозой в Азии». «Правда» подчеркивала, что, по мнению Фридмана, «не все в руководстве Китая разделяют эту точку зрения Мао».

Особенно широко цитировался комментарий Болгарского телеграфного агентства, заканчивавшийся вопросом: «Не продиктовано ли желание «нормализации» (в кавычках!) в первую очередь стремлением к объединению сил в определенном направлении, не имеющем ничего общего с подлинной заботой о мире и международном взаимопонимании?» И, чтобы поставить точки над «i» относительно «направления», болгарское агентство само отвечало на свой вопрос: «На фоне американской политики в мире и усилий китайских руководителей расколоть антиимпериалистические силы, американско-китайское коммюнике весьма ясно свидетельствует о тайном сговоре с империализмом в политических целях».

И когда 25 июля появился наконец комментарий, подписанный, как обычно в таких случаях, И. Александровым, — линия Советского правительства была уже ясна. Комментарий занял в газете двенадцать колонок, из которых на десяти с половиной излагалась оценка предстоящей встречи Мао—Никсон в иностранной печати от «Нью-Йорк таймс» до «Трибуна люду». Видное место среди этих цитат заняла цитата из болгарского комментария, приведенная мною выше. От себя И. Александров добавил успокоение: «Всякие расчеты использовать контакты Пекина и Вашингтона для какого-то «давления» на Советский Союз, на государства социалистического содружества являются лишь следствием утраты чувства реальности».

По этой линии идет сегодня в советской печати контрпропаганда: Советскому Союзу не страшен сговор двух хищников!

Недавно вышла из печати первая книга 5-го тома шеститомной «Истории КПСС». Может, и не стоило бы останавливаться на этом радостном событии, если бы не совершенно новая трактовка присоединения к Советскому Союзу прибалтийских республик происшедшего 31 год назад.

Еще совсем недавно «История коммунистической партии Советского Союза» (Москва, 1959 г.) утверждала, что «под воздействием народных масс в июне 1940 г. во всех трех прибалтийских республиках произошла смена правительств. Власть перешла в руки прогрессивных сил... Трудящиеся массы выступили с требованием немедленного восстановления в их странах Советской власти, свергнутой Антантой в 1919 г., и воссоединения с Советской страной».

Как известно, Советское правительство удовлетворило эту просьбу.

Так, однако, писали лишь до недавнего времени. Теперь стало известно, что в июне 1940 г. в прибалтийских республиках произошла «социалистическая революция». Прделана не просто фальсификация истории, прделана эта фальсификация с глубоким смыслом.

В книге говорится далее: «Социалистические революции в Латвии, Литве, Эстонии, Западной Белоруссии, Западной Украине, а также Северной Буковине имели ряд особенностей».

Об этих особенностях рассказывает секретарь ЦК Эстонской компартии Кэбин в юбилейной статье, опубликованной в «Правде».

«Социалистическая революция» в Эстонии прошла бескровно, — пишет секретарь ЦК, — только потому, что в Эстонии в соответствии с заключенным осенью 1939 г. пактом о взаимопомощи находились части Красной Армии. Они не вмешивались (!) в события, но их присутствие не позволило буржуазии повторить 1918–1919 годы, призвать на помощь западных империалистов».

Если заменить даты и вместо «Эстония» написать «Чехословакия», то мы получим «историческое обоснование» пребывания «не вмешивающихся» частей Красной Армии (и союзников) на берегах Влтавы. Можно также подставить в эту формулу «социалистической революции в присутствии не вмешивающейся Красной Армии» названия и других стран. Короче, доктрина Брежнева получила историческое обоснование. Все «народы, тесно связанные с народами СССР общностью исторических судеб, общей долголетней борьбой против царизма...» могут рассчитывать на помощь. Впрочем, могут на нее рассчитывать и некоторые другие народы, никогда ранее в Российскую империю не входившие, как это имело место с Северной Буковиной.

Особенно, если так можно выразиться, пикантно выглядели утверждения о социалистической революции, случившейся летом 1940 г. в Литве. Дело в том, что там она произошла совсем уж неожиданно. В первом секретном договоре между Москвой и Берлином, подписанном в августе 1939 г., Литва оставалась за Германией. Но затем Сталин передумал и обменял на Литву Люблинское воеводство. В записях беседы Молотова с Гитлером 12 ноября 1940 г. несколько раз встречаются сетования Гитлера на то, что «Люблинское воеводство не является компенсацией, с экономической точки зрения, за Литву». На что Молотов отвечает постоянно: зато теперь после этого обмена все трения между Германией и Россией устранены.

В конце концов Гитлера уговорили, и в Литве могла начаться «социалистическая революция»

Четыре дня, с 29 июня до 2 июля, в Москве, в Большом Кремлевском дворце говорили советские писатели, точнее — делегаты V Съезда писателей СССР. Выступили (если я не ошибся при подсчете) 36 человек, причем подавляющее большинство из выступающих говорит ничуть не лучше, чем пишет, — так же скучно и так же верноподданнически.

Любопытно, что ораторы понимают это. И вторая главная тема всех выступлений без исключений (первая — преданность партии) — жалобы на серость, на посредственность, заливающую советскую литературу.

«Наша самая большая беда в литературе — это обилие посредственности, той обманчивой видимости, когда пены больше, чем живой воды» — заявил Чингиз Айтматов. «Мы не имеем права, — взывал Борис Полевой, — вместо доброй пищи, вместо, скажем, свежего ароматного хлеба давать читателям литературную мякину». И сокрушенно бия себя в грудь, признавался: «А ведь бывает, товарищи, бывает».

Сам Александр Чаковский, удостоившийся чести присутствовать на съезде партии, редактор «Литературной газеты», уныло признал: «Все более увеличивается количество книг скучных, убогих по мысли и лишенных каких-либо художественных достоинств».

Неискушенный в дипломатии молдавский писатель Павел Боцу называл вещи своими именами: «Есть случаи — не надо стесняться называть вещи своими именами — агрессивного графоманства».

Самое забавное объяснение причины того, что «агрессивное графоманство» заполонило советскую литературу, дал председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР Б. Стукалин (один из главных контролеров литературы). Оказывается, редакторы журналов и директора издательств не могут отказать авторам ремесленнических книг в связи с «широкой демократичностью наших порядков». Это, если так можно выразиться, типичный образец подлинной советской демократии. Солженицыну «демократы-редакторы и директора» находят силы отказать в печатании книг, а графоманов печатают обильно и охотно.

Может быть, только Чингиз Айтматов решился намекнуть на подлинную причину кризиса в советской литературе, отметив, что критическая дубинка беспощадно расправляется с талантливыми, но идущими не совсем на линии писателями, и назвав имена киргизского писателя Нурпейсова и белорусского прозаика Василя Быкова.

В потоке официальных, славящих партию и громящих вражескую идеологию, речей можно, однако, уловить следы споров, продолжающихся среди литераторов.

Для Николая Грибачева, одного из самых тупых реакционеров, «первым достижением прозы последних лет следует считать уход от художественно-исторических лжесвидетельств». Такими лжесвидетельствами считает Грибачев книги, пытавшиеся рассказать хотя бы частицу правды о сталинском времени.

А для Евгения Евтушенко история в пятидесятых годах открыла «некоторые трагические стороны прошлого, о которых мы или совсем не подозревали, или имели самое смутное представление». Грибачев считает правду «лжесвидетельством», а Евтушенко сравнивает правду с дугой — «если даже концы спрячешь в воду, то середка наружу, а середку в воду спрячешь — концы высовываются».

С резкой отповедью многочисленным «русским патриотам» выступил Константин Симонов: «Моя Родина для меня всего дороже на свете. Для меня она — лучше всех, прекраснее всех! Но стоит выбросить из этих фраз слова «для меня», и они из патриотических превратятся в националистические».

Но Симонов не был бы Симоновым, если бы ограничился таким простым и ясным осуждением национализма, адресованного, совершенно очевидно, русским шовинистам. Он продолжил свою речь цитатой из Белинского, сразу же изменившей смысл всей речи Симонова. «Любить свою Родину, — писал Белинский, — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества... В противном случае патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое».

Словечко «китаизм» поставило все на свое место и вызвало аплодисменты писателей, выразивших свое восхищение тонким умением Симонова выбирать цитаты.

Не менее ловкую речь произнес и Евтушенко. Он осудил Анатолия Кузнецова, но одновременно осудил Кочетова за роман «Чего же ты хочешь». Он заявил, что «не может быть запретных тем», но согласился, что может быть «запретный подход к темам» (что это значит, не очень ясно). «Когда читаешь статьи некоторых ревностных защитников старины, — говорит он, — то просто диву даешься, каким образом эти молодые люди, родившиеся после Октябрьской революции, заимствовали свои идеи от реакционных идеологов славянофильского толка». Евтушенко напоминает, что в «России пели не только «Боже, царя храни», но и «Интернационал».

Изложив таким образом свое «настоящее коммунистическое» кредо, Евтушенко потребовал для себя и своих сверстников места в руководстве журналами, в руководстве литературной жизнью.

Трудно сказать — убедил ли Евтушенко, что он и его единомышленники более правоверные защитники советского строя, чем неославянофилы. Евтушенко и Вознесенский избраны в состав правления Союза писателей (их нет зато в секретариате, который является подлинным руководящим органом).

Но факт остается фактом — руководство Союзом писателей, как, впрочем, и всем Союзом советских республик остается в руках стариков. Сорокалетнего Евтушенко не назовешь юношей. Но средний возраст делегатов съезда писателей — 56 лет. Возраст секретарей еще выше. Любопытно, что средний возраст делегатов I Съезда писателей в 1934 г. был 35,5 лет.

Нужно, правда, признать, что на I съезде среди делегатов было 52,8% членов партии, а на V — 80%. Человек, склонный к математическим упражнениям, легко составил бы уравнение — чем больше членов партии, тем больше стариков, тем хуже книги.

Как обычно, на Съезд советских писателей приезжают иностранные гости. На первом съезде присутствовали Андре Мальро, Арагон, Вайскопф, прислал письмо Роллан. На пятом писателей иностранных не было — были только председатели, председатели союзов писателей из разных стран во главе с Ярославом Ивашкевичем. О большинстве из гостей не могли ничего сказать даже любезные хозяева.

Съезд прошел под знаком нового крупнейшего знатока литературы Леонида Ильича Брежнева, цитаты из которого украшали речи 85% выступающих. Но это в традициях съездов советских писателей. Путь указал Максим Горький. I съезд он закрыл словами: «Да здравствует партия Ленина — вождь пролетариата, да здравствует вождь партии Иосиф Сталин!» Остается только менять имя «вождя партии», полностью сохраняя формулу.

Август 1971

Беседуя на своей черноморской даче с американским министром торговли, Леонид Брежнев заверил гостя: Советский Союз располагает сокровищами, которых хватит на многие поколения, и мы готовы теперь разделить их с вами.

Итоги тайных переговоров, которые вели и продолжают вести в Москве и Вашингтоне русские с американцами, и целью которых является приобретение американцами богатейших природных богатств Советского Союза в обмен за новейшую технологию, точнее и раньше всех других (еще до того, как переговоры закончились) выразил замечатель-

ный американский сатирик Арт Бухвальд. «Судьба капиталистической системы, — читаем мы в его фельетоне, — зависит сегодня от того, сколько товаров купит у нее Советский Союз и Китай. А судьба коммунистической системы зависит от того, сколько товаров она нам продаст...

Совершенно очевидно, что мы не можем больше надеяться на то, что свободолюбивые народы мира купят товары, которые производит США для того, чтобы быть сильнейшим капиталистическим государством в мире. Следовательно, у нас остается лишь один выход — найти покупателей среди порабощенных народов мира, которых их система лишила всех жизненных благ».

Русские нуждаются в нас, а мы нуждаемся в русских, — формулирует смысл фельетона американский сатирик.

Насколько американцы нуждаются в русских — не знаю. Но в том, что Советский Союз нуждается в американцах, нет никакого сомнения. И покупка американского зерна на миллиард долларов, быть может, наименьшее тому свидетельство, хотя можно думать, что без этого хлеба продовольственное положение в стране достигло бы к зиме кризисной точки. Сообщения из провинциальных городов о перебоях в доставке хлеба, об отсутствии картофеля подтверждают наличие серьезных трудностей.

Но продовольственные трудности в Советском Союзе существуют уже 55 лет, и власти научились с ними справляться (или с теми, кто осмеливается выражать по этому поводу недовольство).

Советские руководители нуждаются в американцах для осуществления научно-технической революции, которая — по крайней мере на страницах печати — становится лозунгом номер один. Без этого термина — «научно-техническая революция» сравнительно недавно появившегося в советском газетном языке — до недавнего времени достаточно было просто «революции», — не обходится ни один доклад, ни одна статья. И в каждом из этих докладов, в каждой статье легко прочесть между строк, что «международное сотрудничество», то есть техническая и технологическая помощь США и других западных стран, должны помочь «первому в мире социалистическому государству» преодолеть отсталость, совершить «научно-техническую революцию».

Около 70 лет назад граф Витте в письме к Николаю II писал: «Какой смысл для иностранных государств давать нам капиталы? ...Зачем собственными руками создавать еще более ужасного соперника? Для меня очевидно, что, давая нам капиталы, иностранные государства совершают политическую ошибку, и мое единственное желание состоит в том, чтобы их слепота длилась как можно дольше». Можно сказать, что желание графа Витте осуществилось.

«Научно-техническая революция» не делается в один день. Советские руководители это, конечно, прекрасно понимают. Но они хотят уже сегодня иметь осязаемые результаты советско-американского сотрудничества. От американцев сразу же требуется плата за то, что их допустили в «хорошее общество». И, как можно узнать из советской печати, американцы платят. «Атмосфера антисоветизма явно понижается по мере улучшения советско-американских отношений», — доносит корреспондент «Литературной газеты» из Нью-Йорка. США получили за свое поведение удовлетворительную отметку. Очередным «мальчиком для битья» стала в последние месяцы французская печать. Причем именно печать, а не политика французского правительства. Можно по-разному объяснять это лестное внимание, но в соответствующих органах французскую печать читают сегодня, как в 1956 г. читали польскую печать, а в 1968 г. — чехословацкую.

«Новое время» отчитало французского министра внутренних дел Марселена за то, что он посмел что-то сказать о советских психиатрических больницах, в которых здоровых людей отучают от инакомыслия. «Литературная газета» обругала парижскую «Насьон», которая не нашла ничего лучшего, как опубликовать беседу с французским рабочим, приехавшим из района Камы, где строится с помощью французов завод грузовых автомобилей. Этот, как пишет «Литературная газета», «якобы рабочий» дошел до того, что заявил, что «его поселили в зоне, выход за пределы которой будто бы был запрещен». Мало того, этот «якобы рабочий» обнаружил, что в Советском Союзе имеется «привилегированный класс» и рядом с ним «огромное большинство населения страны». Лидер французских социалистов Миттеран за неосторожное слово о советских евреях был — уже без посредничества советских газет, а непосредственно послом Абрасимовым, который чувствует себя в Париже почти так же хорошо, как и в Восточном Берлине, — извещен, что его визит в Москву аннулируется за неприличное поведение.

Основательнее всех расправились с руководителем иностранного отдела газеты «Монд» Мишелем Татю. У Советской власти с Татю старые счёты. Несколько лет назад он был удален из Москвы, как это обычно делается с журналистами, знающими слишком много. В большой статье, опубликованной в «Литературной газете» (№ 36) и подписанной корреспондентом газеты и Агентства АПН в Париже Юрием Бочкаревым, разбирается новая книга Мишеля Татю. Чрезвычайно характерно, что Бочкарев не заявляет никаких претензий по отношению к статьям Татю, публикуемым в «Монд». Тон этих статей его устраивает, он дает им

«имприматур». Но вот книга Мишеля Татю «Треугольник Вашингтон–Москва–Пекин и две Европы» вызывает у автора статьи бешенство.

В своей книге Татю представляет сегодняшнюю мировую политику в форме «треугольной игры», в которой участвуют Советский Союз, США и Китай. На эту тему Бочкарев писать не хочет. «Нет нужды разбираться в той антисоветской чепухе, которую нагородил Татю в рамках придуманной им «треугольной игры».

Гнев автора статьи в «Литературной газете» вызывают прежде всего два тезиса Мишеля Татю. Во-первых, французский публицист «не верит в разрядку». Он утверждает, что «сохранение и цельность советской системы требуют не всеобщей разрядки, а, напротив, довольно высокого уровня напряженности в отношениях с врагами, действительными и вымышленными». Еще страшнее второй тезис Татю: Москва, проводя политику разрядки, хочет сперва изолировать США от Западной Европы, а затем создать на европейском совещании по безопасности орган, который предоставил бы ей «конституционное право влиять на политику Западной Европы». Французский публицист приходит к выводу, что главными собеседниками Парижа должны быть Варшава, Бухарест, Будапешт и Берлин, а не Москва.

Совершенно понятно, что все это Бочкарев называет «абсурдными и клеветническими утверждениями...»

Ликвидация еженедельника «Летр франсез» (чтобы не было сомнений, кто его закрыл, редактор журнала Луи Арагон получил от благодарного Советского правительства орден «Октябрьской революции», который дают обычно второразрядным тунгусским писателям), показывает, как бы хотела действовать советская цензура и во Франции. Пока это только мечты...

С января 1973 г. начнет выходить новая газета — «Советская культура». Правда, такая газета уже есть — «Советская культура». Но сейчас эта газета — орган Министерства культуры и ЦК профсоюза работников культуры. Новая газета будет органом ЦК. Партия берет в свои руки без посредников вопросы руководства культурой. «Литературная газета», сообщившая о радостной вести, ограничилась общей информацией: «Советская культура» будет выходить три раза в неделю, ее объем — восемь страниц формата «Правды». В газете «Советская Литва» (15 сентября 1972 г.) эта информация была пополнена. Дополнительно стало известно, что возглавит новую газету А.В.Романов, недавно снятый с поста председателя Комитета по делам кинематографии, а газета, по словам главного редактора, «будет решительно выступать против субъективистского подхода к явлению

ям культуры, остро критиковать отступления от принципов социалистического реализма, разоблачать реакционную сущность буржуазной идеологии, бороться против разного рода чуждых идейных влияний».

Программа, как видим, немалая, и у Романова работы хватит. Тем более что, несмотря на все усилия задавить советскую литературу, то там то здесь можно услышать живые голоса. Голоса эти глушатся, давятся — и все же...

После снятия Александра Твардовского с поста редактора «Нового мира» журнал стал чахнуть, увядать. И в своем сентябрьском номере испытал последнее унижение: опубликовал «пьесу» Софронова, одного из самых черносотенных «деятелей советской литературы, редактора «Огонька» и заслуженного графомана. «Драма в трех действиях» «Ураган» — образец обычной продукции «деятеля». Как обычно в опусах Сафронова герои выражаются так: «Маша, соедини меня с прокурором! Да, да, с прокурором». Можно бы сказать, что прокурор — любимый друг всех сафроновских героев. Не стоило бы говорить о «драме», если бы не факт ее публикации в «Новом мире». Обычно продукция Софронова печаталась в «Октябре». Но и Софронова было мало! «Новый мир» опубликовал хвалебную рецензию на очередной советский бестселлер «Фашизм под голубой звездой», разоблачающий, как легко понять, сионизм и всемирный еврейский заговор. Как подчеркивает автор рецензии, эта книга заслуживает особого внимания, ибо «излагает марксистский анализ сионизма в популярной форме». Нельзя сказать, чтобы прежние руководства по антисемитизму, вроде трудов Кишко или Ю.Иванова, были написаны на высоком интеллектуальном уровне. Но нужно признать, что новый опус действительно рассчитан на малограмотных. Так сказать — антисемитизм для всех.

И Софронова, и рецензию «Новый мир» заслужил. В июльском номере была опубликована статья литературного критика Александра Янова, которая несомненно украсила бы журнал и во времена Твардовского. За эту статью и приходится журналу расплачиваться. Полемизируя с одним из идеологов журнала «Октябрь», Александр Янов, анализируя художественную прозу 60-х годов, говорит чрезвычайно интересные и важные вещи о советском обществе нашего времени. Янов называет героя советской прозы 60-х годов «социально инфантильным», «человеком, не посягающим на участие в управлении своим коллективом, своим микрообществом» (и — само собой разумеется — всем обществом!). Это герой в литературе, но подразумевается, что и в жизни, который «не мучает себя размышлениями. Поймал одну какую-нибудь мысль по радио, другую подцепил из газеты, третью подсунил Вася Тетерев (комсомольский секретарь)... И, пожалуйста, как говорится, программа жизни на текущий день».

Там, где нужны мышечные усилия, где нужно не жалеть себя, вздымая на спине десятипудовые камни, герой прекрасно справляется с делом. «Но там, — пишет Янов, — где нужно проявить гражданскую отвагу, социальную зрелость, силу духа, он пасует».

Александр Янов заканчивает статью знаменательными словами: «Да, новый молодой герой эпохи научно-технической революции еще в пути». Ибо, подчеркивает автор статьи, «такова логика жизни. Такова логика литературы».

Александр Янов противопоставляет основному потоку советской литературы, рисующей в качестве образцовых героев исполнителей, слепо повинующихся «номенклатурным» партийным руководителям, книгу Виля Липатова «Сказание о директоре Прончатове», в которой дан образ советского технократа, побеждающего в борьбе с «номенклатурой». Но Виль Липатов принадлежит к главному потоку литературы.

Критик В.Меженков в журнале «Октябрь» обрушивается на небольшую группу писателей, которые, по его мнению, лежат в стороне от дороги, по которой советская литература «идет вперед и вперед». В.Меженков создает даже особый термин, обозначающий эту группу, он говорит о «странной прозе». Автор критической статьи относит к этой «странной прозе» новую повесть Василия Аксенова «Рандеву» («Аврора», № 5, 1971), написанную в иронической манере («Затоваренной бочкотарь», и повесть Булата Окуджавы «Мерси, или Похождения Шипова», о которой мне в свое время пришлось писать.

Булат Окуджава, — доносит властям критик, — «в «Мерси, или похождения Шипова» на деле занимает вполне определенную идейную позицию, хотя она и не всегда выражена впрямую».

В.Меженков заключает: «Странная проза... попросту выпадает из литературы и искусства социалистического реализма, поскольку нельзя же всерьез говорить о партийности, народности, гражданственности, историзме в применении к странной прозе». Меженков совершенно прав. Обо всем этом в применении к «странной прозе» говорить нельзя. В применении к ней можно говорить только о литературе.

Подготовка к великому празднику — 50-летию СССР — занимает в советской печати меньше места, чем можно бы ожидать. В газетах первое место занимают сводки с «хлебного фронта», в журналах печатаются в связи с юбилеем в основном статьи первых секретарей ЦК союзных республик. Неутомимые секретари позволяют себя интервьюировать и «Литературной газете», которая регулярно в каждом номере помещает этот волнующий материал. Все секретари говорят в «Литературной газете»

одно и то же. Секретарь ЦК Казахстана Кунаев: «Русский язык ныне стал для казахов действительно вторым родным». Секретарь ЦК Эстонии Кэбин: «В Эстонии родители, как правило, изъявляют желание, чтобы их дети изучали также родной язык». Секретарь ЦК Азербайджана Алиев: «Русский язык добровольно избран всеми нациями и народностями СССР в качестве второго родного языка». И так далее, и так далее.

Правда, просматривая «Учительскую газету», мы найдем множество статей, в которых педагоги утверждают, что «учащиеся национальных школ не знают русского языка». Преподаватель русского языка в Азербайджанском институте нефти и химии пишет, что «некоторые выпускники не усваивают за время учебы в школе даже самых обыденных слов, таких, например, как книга, учитель, читать, писать, и т. д.»

Не будем останавливаться над вопросом, не могут ли не хотят школьники за десять лет выучить «самые обыденные слова» по-русски. В конце концов, главное — это добрые намерения секретаря ЦК партии.

«Литературная газета» не только печатает интервью с любителями русского языка среди секретарей ЦК, но и отправляет группы писателей в «рейды» по республикам — для укрепления дружбы. Почему-то — случайно, по глупости, или в уверенности, что «все можно» первый рейд был отправлен в Нальчик — столицу Кабардино-Балкарской автономной республики, входящей в состав РСФСР. Радость хозяев, как говорится в отчете, опубликованном в газете, не уступала радости гостей. Статья о встрече была озаглавлена «Цвети, Кабардино-Балкария под солнцем Октября!» Оказывается, цветет республика, цветет ее литература. Причем, хотя об этом в статье не сказано, «цветению» способствовала война. В статье «Кабардинская литература», опубликованной в «Краткой литературной энциклопедии», прямо так и сказано: «В годы Великой Отечественной войны балкарский народ, живущий в республике, подвергся незаконным массовым репрессиям... Грубое нарушение законности и ленинской национальной политики было исправлено в ходе ликвидации последствий злоупотреблениями властью в обстановке культа личности Сталина... Это еще больше укрепило исконную дружбу двух народов...»

В 1926 г. указывала «Малая советская энциклопедия», насчитывалось 33,5 тыс. балкарцев. В 1939 г. их было 43 тыс. человек. В 1970 г. — 42 тыс. человек. Но могут ли эти сухие цифры повлиять на «укрепление исконной дружбы» между двумя народами?

Отношения между Ватиканом и Советским Союзом редко становятся темой газетных или журнальных статей. Поэтому особый интерес вызывает большая статья «Отношение Ватикана к Советскому Союзу», опубли-

ликованная в № 9 журнала «Вопросы истории». Автор статьи — восточногерманский историк Э.Винтер, автор трехтомной монографии «Россия и папство». Историческая часть статьи, касающаяся 1917–1954 гг., представляет собой традиционное изложение советско-ватиканских отношений (либо их отсутствия). Заключительная часть статьи носит чрезвычайно актуальный, уже не исторический, а политический характер. «Примерно с 1954 г. в Ватикане, — пишет Э.Винтер, — наметился спад «холодной войны». Усилилось внимание папской курии к Советскому Союзу...

Оказавшись на папском престоле, Павел VI пытался придерживаться той же тактики по отношению к Советскому Союзу, что и Иоанн XXIII... Папа стал меньше доверять Институту Востока в вопросах восточной политики, а все более сосредоточивать последнюю в государственном секретариате Ватикана. Значение Института Востока и «Руссикум» в годы понтификата Павла VI явно пошло на убыль...

Вывод Э.Винтера недвусмыслен: «Католическая церковь все еще представляет собой большую силу, с которой нельзя не считаться».

Сентябрь 1971

Мне уже приходилось выходить за рамки моей рубрики и писать о том, что «в советской печати» замалчивалось либо искажалось. Сегодняшний свой обзор я снова хочу посвятить тексту, которого не было в советской прессе. Кажется мне он интересным по целому ряду причин. Во-первых, насколько я знаю, этот материал, довольно широко распространяемый в «самиздате», неизвестен еще на Западе; во-вторых, он чрезвычайно важен, с моей точки зрения, для характеристики некоторых явлений, происходящих в советском «подполье»; в третьих, наконец, манифест, о котором я хочу говорить, является ответом на «Программу демократического движения Советского Союза», опубликованную библиотекой «Культурь». Можно было бы еще добавить, что текст, о котором я буду говорить, охотно напечатала бы не одна советская газета.

Называется этот текст «Слово нации. Манифест русских патриотов». В «Хронике текущих событий» №17 в рубрике «Новости «самиздата»» содержание этого манифеста излагалось так: «Документ типа декларации, манифест русских националистов. Авторы ожесточенно полемизируют с отечественными (и всякими) либералами, обвиняя их в беспочвенности, бессилии и объективной губительности их взглядов. «Русские патриоты» ратуют за чистоту белой расы, которую портит «беспорядочная

гибридизация», за возрождение России («великой, единой и неделимой») и национальной религии».

Резюме верно и точно передает основной смысл документа. Полный текст манифеста знакомит нас не только с программой, идеями и мыслями «русских патриотов, он позволяет нам убедиться в наличии сильного подпольного движения, которое несомненно может рассчитывать на поддержку народа, русского народа, в значительно большей степени, чем «демократическое движение».

Повторяя структуру «Манифеста демократического движения», «русские патриоты» дают сначала «оценку мирового положения», затем анализируют «положение общества» (имея в виду Советское государство), «национальный вопрос», «религиозную проблему» и заканчивают «нашими задачами» в области внешней политики.

Мы имеем, таким образом, подробно разработанную программу, представляющую собой альтернативу как программе «Демократического движения», так и программе Коммунистической партии. Программа эта не блещет оригинальностью, ее интерес — в ее откровенности.

«Главная угроза, — заявляют авторы «Слова нации», — вырождение, вызванное причинами биологического порядка... Признаками этого вырождения являются падение рождаемости, рост общественной инертности, как в т.н. свободных, так и в т.н. тоталитарных странах, уход людей в личную жизнь, в построение собственного благополучия, их взаимное отчуждение, атомизация общества, исчезновение духовных интересов, образование вакуума в душах людей и, как результат этого, — бессмысленные чудовищные преступления, пьянство, наркомания».

Одним из следствий этого вырождения «русские патриоты» считают демократию с ее «ядовитой идеей равенства». Противостоять «этому процессу вырождения способно лишь сильное правительство, опирающееся на национальные традиции». Из краткого очерка истории России мы узнаем, что «такое правительство некогда существовало в России». Затем — в царствование Николая II — наступил «период «либерально-демократического» процветания», который привел к первой мировой войне и к революции 1917 г. «Генерал Л.Г.Корнилов пытался спасти положение, но правительство Керенского обратилось за помощью к большевикам, сделал тем самым первый шаг к своей гибели». Приходит Октябрьская революция, рождающая после потрясений «новую общественную организацию», которую на первых порах пытаются использовать «сеятели перманентного хаоса». Затем, однако, «они были быстро выбиты из седла и беспощадно уничтожены силой, происхождения которой они так и не поняли».

Силы русского народа, национальные силы помогли очистить русскую революцию от «сеятелей перманентного хаоса» и прийти к положительным результатам. В качестве объективного свидетеля «русские патриоты» привлекают старейшего русского монархиста и националиста Василия Шульгина, который в числе положительных результатов Октябрьской революции называл «восстановление дисциплины в армии, восстановление почти в полном объеме старых границ (почти, но не совсем. — *Авт.*), восстановление единоличной власти».

В предисловии к сборнику «Голоса оттуда» Юлиуш Мерошевский удивлялся «антиреволюционности советских демократов». «Русские патриоты» — за революцию, они высмеивают «обывателей и либералов», для которых «самое ужасное слово — это революция». Но их революция — это революция расовая. Они одобряют гитлеризм, «объявивший беспощадную войну вырождению». Но упрекают его за непоследовательность, за то, что он «руководствовался вовсе не расовыми принципами, которые провозглашал, а узконациональным эгоизмом, объявляя неполноценными даже народы, стоящие на том же уровне развития, что и немцы».

И Октябрьскую революцию, сделавшую, по их мнению, немало хорошего (смотри выше), «русские патриоты» упрекают в расовой непоследовательности. Серьезной ошибкой Советского государства они считают коллективизацию, проведенную Сталиным по рецептам Троцкого. Расовая неполноценность и того и другого для авторов манифеста очевидна.

«Для нас нация первична, а все остальное — производное от нее». В связи с этим еще до того, как предложить программу действия в России, «русские патриоты» предлагают свою программу другим «белым народам». Они предупреждают США об опасности, грозящей со стороны «представителей «третьего мира», вкрапленных в американское общество», то есть со стороны негров, которые «водружают ноги на стол, услужливо подставляемый им либералами, и твердо ведут линию на то, чтобы стать господствующим классом в Америке». Страшная опасность грозит всему миру. «Когда англосаксы окончательно утратят чувство национальной гордости и погрязнут в либеральной тине, весь огромный промышленный потенциал США может превратиться в орудие для достижения мирового господства черной расы».

Перейдя к положению в советском обществе, авторы «Голоса наций» констатируют две истины. Первая — «основная претензия, чаще всего предъявляемая к существующему у нас устройству, — его недемократичность». А вторая истина — сильное, централизованное, недемократическое государство «удовлетворяет народным требованиям и традициям. Таким оно было, есть, будет и должно быть» (имеется в виду, конечно, не

конкретная форма, а сущность). «Русские патриоты» подчеркивают, что «народ упорно остается равнодушным» к призывам «демократов», ибо по своей национальной сущности он против демократии, за сильную власть.

Конкретная программа изменений, предлагаемая «русскими патриотами» в области экономических отношений, ограничивается лишь реформой в области сельского хозяйства. «Процветавшее сельское хозяйство — общенародная необходимость, и если для этой цели потребуются допустить существование сильных индивидуальных хозяйств — нужно пойти на это, не стесняясь никаких догм. Чем закупать хлеб у Канады, лучше завести свою Канаду».

Наиболее полно и четко «русские патриоты» изложили свои взгляды по национальному вопросу. И это понятно, если учесть, что для них «национальный вопрос — основной вопрос современности». Главная беда советского общества, Советского государства — как они считают — в том, что русские, составляющие 57% населения страны, играют в ней «непропорционально малую роль», что русские являются не привилегированной нацией, а «совсем наоборот».

Одной из причин такого положения является тот факт, что «все т.н. союзные республики имеют свои коммунистические партии кроме России». Приводит это к «непропорциональному усилению самой мощной из региональных группировок — украинской».

«Русские патриоты» предостерегают «сильное националистическое движение на Украине», ставящее перед собой «совершенно нереальные цели», то есть создание независимого государства. В этом случае, предупреждают авторы манифеста, пришлось бы пересмотреть границы Украины и забрать у нее: а) области с преобладающим русским населением — Крым, Харьковскую, Донецкую, Луганскую, Запорожскую и б) области с населением, в достаточной степени русифицированным, — Одесскую, Николаевскую, Херсонскую, Днепропетровскую и Сумскую».

Но и это не все. «Русские патриоты» предлагают украинским националистам «подумать о претензиях, которые могут предъявить поляки на западные области, население которых настроено полонофильски».

Короче, самостоятельная Украина «без выхода к морю и без основных промышленных районов» существовать не могла бы и вынуждена была бы «как блудный сын» вернуться в лоно России. «Русские патриоты» возражают против того, что «искусственно поддерживается существование «белорусской нации», возражают против «несоответствующего Конституции статуса Казахстана как союзной республики, тогда как его коренное население составляет лишь одну треть. Киргизия также обрусела почти напо-

ловину». В Грузии «миллион русских и армян плюс меньшинства вроде абхазов и осетин страдают от великодержавных грузинских замашек».

Одним словом, многое нужно пересмотреть в нынешней национальной политике, не забывая, само собой разумеется, и евреев. «Русские патриоты» считают несправедливым, что так «много шумят об антисемитизме в России». Дело обстоит совершенно иначе. «Проводя политику национального кумовства, евреи чуть ли не монополизировали область науки и культуры, а бедные «привилегированные» русские робко жмутся в сторонке». Следовало бы скорее говорить об «антирусизме», а не об «антисемитизме».

Переходя к практическим выводам, «русские патриоты» провозглашают: «Наш лозунг — единая неделимая Россия. Неделимость означает в нашем понимании территориальную целостность государства при полной свободе развития культуры всех народов, населяющих страну, но без огромных затрат на роскошные атрибуты несуществующих культур, без различных для тех народов, которым они якобы принадлежат».

И далее следует несколько странное заявление: «Ни один представитель какой-либо другой нации или расы никогда не будет трактоваться в России как существо второго сорта, если только он сам не даст повода к подобному отношению». Что может быть таким поводом, не выяснено.

Немалый интерес представляет и глава, посвященная религии. Называя себя верующими, религиозными людьми, «русские патриоты» остаются верными основе своего мировоззрения — расизму, причем расизму несколько неожиданно (а может, ожиданно?) окрашенному марксизмом. Не Бог создал человека по своему образу и подобию, а человек создал Бога по своему образу и подобию. Неудивительно поэтому, что «таким злым, нетерпимым, уничтожающим всех конкурентов был Бог в представлении евреев».

«В национальном государстве, воссоздание которого мы ставим своей целью, — пишут авторы манифеста, — традиционная русская религия должна занимать подобающее ей почетное место».

И вот мы приближаемся к концу. Существует могучее русское национальное государство. Каковы его внешнеполитические задачи? Насчитываем их четыре.

1. На Западе. Конец военного противостояния между Россией и Западом. (В случае признания Западом политической и духовной самобытности России. Ни о какой «конвергенции», ни о какой духовной капитуляции России не может быть и речи). Ликвидация военных блоков: Северо-Атлантического и Варшавского Договора. Отвод русских войск с территории других стран при условии аналогичных действий со стороны

США. Объединение Германии. Признание незыблемости послевоенных границ. Создание Лиги славянских государств на основе равноправия и невмешательства во внутренние дела. Заключение договора с западными державами и взаимном неприменении атомного оружия.

2. На Востоке. Совместные превентивные действия России, США и Индии с целью предотвращения китайской угрозы.

3. Третий мир. Проведение политики, взаимно согласованной между Россией и западными державами, без соперничества и претензий на доминирующее положение. Совместное покровительство, контроль и право на вмешательство в случае нарушения прав человека.

4. ООН. Ликвидация этой бессильной организации, неспособной навести порядок в мире, и замена ее Союзом цивилизованных стран во главе с Россией и англосаксонскими Соединенными Штатами.

Я постарался как можно точнее (обильно цитируя) передать не только смысл, но и содержание документа, который с обезоруживающей наивностью раскрывает мечты и чаяния значительной части правящего класса русской империи. Мечты и чаяния, о которых говорят в узком кругу, но о которых еще не решаются сказать открыто, с трибуны.

Текст «Голоса наций» настолько красноречив, настолько примитивен в своем зоологическом национализме, в своей ненависти ко всем «инородцам», что — как мне кажется — не нуждается ни в каких комментариях. Важно отметить только, что если исключить религию — впрочем, религию расистскую, ничего общего с христианством не имеющую, — то лозунги, планы и стремления «русских патриотов» мало чем отличаются от официальных планов и лозунгов создателей советской идеологии. Это советская идеология, «национальная по форме и социалистическая по содержанию», доведенная до своего логического завершения. Истошные крики о «великом русском государстве», о «великом русском народе», которыми заполнены страницы книг и газет, выходящих миллионными тиражами, вдруг завершаются страшными в своем безумном спокойствии словами: «Когда мы говорим: русский народ, мы имеем в виду действительно русских людей по крови и по духу. Беспорядочной гибридации должен быть положен конец».

И вслед за этим кровавым бредом лозунги:

«Да здравствует победа христианской цивилизации над взбунтовавшимся против нее хаосом! Да здравствует великая единая и неделимая Россия! С нами Бог! Русские патриоты».

Юлиуш Мерошевский писал в предисловии к «Голосам оттуда»: «Советские демократы в лучшем положении, чем польские демократы. Рус-

ского Дубчека мог бы ликвидировать КГБ, но не иностранные танки» (стр. 9). Это, конечно, верно. Нельзя, однако, забывать, что русскому Дубчеку, даже если бы его не тронуло КГБ, пришлось бы иметь дело с «русскими патриотами».

Ноябрь 1971

Читая советскую периодическую печать за вторую половину октября, я безумно завидовал французам. «Важнейшее событие международной жизни», как утверждали все газеты изо дня в день, имело место в последнюю неделю месяца именно во Франции.

Вся «мировая общественность», — говорилось в статьях, обзорах, комментариях, телеграммах из разных стран, — «горячо приветствовала визит Л.И.Брежнева во Францию».

Сначала французы «с волнением» ждали Генерального секретаря, затем с «огромным волнением», с «сердечным трепетом» приветствовали.

Оставляю оценку результатов (достаточно скудных, мне думается) визита Брежнева во Францию специалистам по международным отношениям. Легко было бы, сравнив советские описания восторженных толп, приветствовавших нового Ильича, и трезвые репортажи французских журналистов, показать, что советская печать выдавала желаемое за действительное.

Меня интересовало другое. Я обратился к газетам одиннадцатилетней давности и просмотрел описания визита во Францию предшественника Брежнева — Никиты Хрущева. Происходящий в Советском Союзе процесс «посвящения» в вожди чрезвычайно интересен с разных точек зрения. На наших глазах произошло превращение в «вождя» Хрущева. На наших глазах неминуемо будет идти подобный же процесс — с местными модификациями — в Польше.

Следует признать, что Брежнев многому научился у своего предшественника. Либо нужно признать, что второй раз трансформация гусеницы-партийного работника в прекрасную бабочку-вождя народов (собственно говоря, речь идет о третьем разе!) — происходит с некоторыми затруднениями.

Конечно, визит Брежнева занимал целую неделю первую и вторую страницы, конечно, журналисты притворялись, что они в трансе. Но и характер статей, и имена журналистов и писателей, отдавших свое перо описаниям встречи Брежнева с прекрасной Францией, далеко уступают и температуре статей 1960 г. и именам писателей, одиннадцать лет назад пошедших на службу к Хрущеву. Ничего похожего на восторг Юрия Оле-

ши, утверждавшего, что французы теперь видят «во сне Хрущева, наливающего им из кувшина доброе молоко или веселое вино», не было.

Характер нового претендента, каким он выявляется в печатной кампании, иной. Спокойный достойный красавец (все фотографии тщательно ретушируются), человек с твердым характером, не лишенный, однако, и более легких сторон, например, любит охотиться.

Вскоре после смерти Хрущева Всеволод Кочетов, быстро переметнувшийся к победителям, изобразил портрет не оправдавшего надежд русского народа вождя и нарисовал портрет вождя, какой русскому народу нужен. Кочетов совершил для этого экскурс в историю, но с таким грубым нахальством, что намек его не ускользнул ни от одного читателя. Кочетов сравнивает двух русских царей — Ивана Грозного и Василия Шуйского*. «Шуйский-то вскоре сошел с престола, занимать который у него силенок не хватило... между прочим, скажу вам, чтобы Россией-матушкой управлять, надо на плечах, ой, ой, какую большую иметь голову! Одной наглости маловато для этого, мудрость нужна, неторопливая государственность. И громадное образование. Ну а Шуйский, что он? Так себе, выскочка. Покуражился, покорчил из себя царя российского, да и слетел с престола безо всякой славы... Иван Грозный, видите ли, их род обидел. А Иван был личность. Шуйский же — шавка».

Как бы точно следуя этой программе, советская печать создала образ нового царя — неторопливого, рассудительного, мудрого, с «громадным образованием».

Лишь один забавный инцидент несколько нарушил картину «мудро-го», «с громадным образованием» вождя, неторопливо разрезающего по Франции. Виновато тут, должно быть, как всегда, чрезмерное усердие окружающих вождя чиновников, а может, подвело «образование».

Но судите сами. 31 октября на первой странице «Правды» появились телеграммы, которыми обменялись в момент отлета Брежнева президент Помпиду и его гость. В телеграмме Брежнева все было, как полагается. А вот телеграмма французского президента звучала как-то странно, как если бы профессор Помпиду, не удовлетворенный своим образованием, в свободное время окончил в Москве Высшую партийную школу. В телеграмме говорилось: «В момент, когда советская делегация покидает французское небо, мы хотим от имени трудящихся и народа Франции передать Леониду Брежневу наш горячий привет. Мы просим его передать советскому народу чувства глубокой дружбы французского народа». Подписано — Ж.Помпиду.

* Василий Шуйский занял русский престол в 1606 г. и оставался на нем до 1610 г., затем был свергнут. Умер в Варшаве в 1612 г.

Но когда французские журналисты, пораженные метаморфозой стиля их президента, обратились в Елисейский дворец, оказалось, что такой телеграммы там не знают.

Впрочем, советские читатели, давно уже отвыкшие от чтения десятков телеграмм, заполняющих страницы газет, вряд ли что-либо заметили.

«В трясине клеветы» называется статья, опубликованная в «Известиях» и разоблачающая гнусную клевету врагов Советского Союза, распространяющих «абсурдные сообщения о том, что в СССР помещают здоровых людей в психиатрические больницы». Автор статьи, человек, видимо, отлично осведомленный, утверждает, что враги советского народа «избрали объектом бесчестной игры людей неполноценных, страдающих серьезными заболеваниями психики», несколькими строками ниже, он, правда, называет уже этих людей лицами, «совершившими общественно опасные деяния в состоянии невменяемости». Для придания своей статье научного авторитета, осведомленный автор обратился к главному психиатру Министерства здравоохранения СССР академику Снежневскому, который твердо заявил: «Помещение больных в психиатрические больницы в нашей стране всегда осуществлялось лишь по врачебному заключению».

С этим утверждением трудно спорить. Академик прав, дело лишь в том, что медицина в Советском Союзе — медицина государственная...

Вот уже несколько лет лучшие представители советской общественности ведут упорную борьбу с новым методом борьбы со свободомыслием, принявшим с середины 60-х годов широчайшие размеры — с заключением в сумасшедший дом всех, кто выражал сомнение в правильности советской политики.

«Кому-то пришла в голову, — пишет Жорес Медведев в книге «Кто сумасшедший», — простая мысль о том, что рост числа политических заключенных и числа политических процессов — это весьма плохой социальный показатель, а рост числа больничных мест — это очень хороший социальный признак прогресса общества».

Советский Союз перестал быть «закрытым обществом», каким он был в сталинские времена. Много известно о том, что происходит за бывшим «железным занавесом». Легко поэтому прокомментировать статью, напечатанную в «Известиях».

Начинается она с письма-жалобы Нины Федоровны Новодворской, матери Валерии, содержащейся в казанской психиатрической специальной больнице (находящейся не в ведении Министерства здравоохранения, а в ведении КГБ). Мать Валерии жалуется, ибо 20-летняя Валерия, вот уже почти два года сидящая в психбольнице, получила посылку из

Амстердама. Легко понять чувства матери, опасавшейся ухудшения положения ее дочери.

Ее дочь Валерия Новодворская купила 5 декабря 1969 г. билет на оперу «Октябрь», которую давали в Кремлевском Дворце и перед началом представления начала разбрасывать листовки со своим стихотворением «Спасибо, партия тебе». В стихотворении были и такие строки: «Спасибо, партия, тебе / За нашу горечь и отчаяние, / За наше подлое молчание, / Спасибо, партия, тебе. Спасибо, партия, тебе / За тяжесть обреченной истины / И за боев грядущих выстрелы / Спасибо, партия, тебе».

Совершенно очевидно, что за такое стихотворение каждый советский судья сделает все, чего потребует прокурор. А прокурор сравнил стихотворение с преступлением лейтенанта Ильина, стрелявшего на Красной площади в Брежнева.

В подтверждение того факта, что гуманные советские психиатры немедленно освобождают тех, кого больше не нужно «охранять» с помощью «мер медицинского характера», автор статьи приводит два случая. Мы легко расшифровываем имена двух недавно освобожденных. Среди них (автор статьи дает инициалы — Ольга И.) — девятнадцатилетняя Ольга Иоффе, составившая в ноябре 1969 г. антисталинские листовки, которые хотела распространять в день смерти Сталина. Выданная товарищем, она была присуждена в мае 1970 г. к лечению в специальной психиатрической больнице. О втором в статье говорится — лицо, вокруг которого немало шумели на Западе. Это Иван Яхимович, арестованный в декабре 1968 г.

Диагноз, поставленный рижскими психиатрами после обследования Яхимовича (его автор статьи не упоминает), не оставляет сомнения в необходимости изолировать такого человека. Рижские психиатры указали, что их пациент «общественное ставит выше личного», «считает, что свою жизнь он должен посвятить идеалам коммунизма», «носит бороду», «считает вступление союзных войск в ЧССР агрессией» и тому подобное.

До сих пор сведения о заключенных, осужденных на пребывание в сумасшедших домах, носили скорее отрывочный характер. Недавно появилась в «самиздате» книга, переведенная уже на английский язык, — «Кто сумасшедший». Написали ее братья Медведевы — Жорес, посаженный в сумасшедший дом, и Рой, организовавший невиданную в Советском Союзе кампанию за освобождение брата.

В свое время в одном из «Обзоров» я уже писал об этом. Сегодня вся эта страшная история во всех ее подробностях стала известна миру. Статья в «Известиях» — это неуклюжая попытка одного из героев книги Медведевых — академика Снежневского — опровергнуть факты с помощью грубой лжи.

Братьям Медведевым удалось собрать совершенно не известные ранее материалы, в том числе инструкцию по «принудительному лечению психических больных, представляющих общественную опасность».

Мы узнаем из нее, что в числе основных показаний для помещения в сумасшедший дом значится: «бредовые состояния, обуславливающие неправильное, агрессивное отношение больного к отдельным лицам, организациям, учреждениям». Жореса Медведева арестовала милиция и привезла в сумасшедший дом, где был поставлен диагноз «плохая адаптация к социальной среде». Снежневский ввел также, как показание к заключению в сумасшедший дом, новое психическое «заболевание» — «навязчивый реформаторский бред».

Жорес Медведев рассказывает, что встретил в сумасшедшем доме человека 24 лет, осужденного за «реформаторский бред», заключавшийся в том, что он писал в разные инстанции письма с предложением реформировать комсомол, превратившийся в «бюрократическую организацию». Его лечили инсулиновым шоком, меняющим, как говорили врачи, «структурную основу психики».

Узнав об аресте Жореса Медведева, Александр Солженицын написал знаменитое письмо «Вот как мы живем», в котором назвал «захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома» духовным убийством и вариантом газовой камеры и «даже более жестоким: мучения убиваемых злее и протяжнее».

Я посвятил столько места этому непрекращающемуся преступлению не только потому, что об этом нужно, не переставая, писать, но и потому, что, как показывают последние события, разоблачение преступлений приносит пусть небольшие, но все же заметные плоды. Книга Медведевых показывает, что в Советском Союзе есть уже определенные силы, которые могут заставить власти пойти на попятную. Конечно, пока это удалось немногим. Но прежде всего тем, о ком начинают много и громко говорить. Впервые за долгие-долгие годы советские правители пожелали иметь приличный вид за рубежом. Рой Медведев с помощью академика Сахарова объединил на борьбу за освобождение брата крупнейших советских ученых. Их вынужден был принять министр здравоохранения и оправдываться перед ними. Обещая освободить Жореса Медведева, министр просил об одном — прекратить общественную кампанию, в которую включились и иностранные ученые. Со свойственным ученым точностью министр сформулировал свою просьбу:

«Это наше собственное русское говно и мы в этом говне сами разбираемся, без помощи заграницы».

Ни Медведевы, ни Сахаров не пожелали помогать министру «разбираться в говне». И это подействовало.

На днях стало известно, что один из самых мужественных русских борцов за свободу поэт Владимир Буковский, арестованный в июне 1971 г. (в третий раз), посаженный в сумасшедший дом, под давлением протестов будет передан под суд. После сумасшедшего дома лагерь кажется почти домом отдыха.

Статья в «Известиях» прикрывает очередное поражение КГБ.

Как обычно бывает, некоторые уступки, связанные с желанием позолотить престиж Советского Союза за границей, с лихвой возмещаются все более жестким курсом внутри страны. Журнал «Коммунист» поместил недавно статью одного из ведущих «философов» сталинской школы М.Иовчука «Современные проблемы идеологической борьбы». Дважды в статье «решительно осуждается» Александр Солженицын «за клеветнические поклепы на советскую действительность, помогающую нашим идеологическим врагам в их диверсиях». М.Иовчук не только за советскую компартию, но и за все другие компартии, объявляет решительную борьбу всем, кто «требует, чтобы компартии отказались от руководства наукой, искусством, духовной жизнью», всем, кто позволяет себе говорить о необходимости «безграничной» духовной свободы людей».

Стоит отметить, что осторожно высказывается неодобрение «проявлениям антиисторического, внеклассового подхода к событиям далекого и недавнего прошлого, отдельные факты идеализации патриархальной и феодальной старины, религиозных и идеалистических учений прошлого». Наступление на коммунистическую идеологию со стороны «русских патриотов» продолжается.

Мои постоянные поиски «полоников» в советской печати редко приносят результаты. О Польше предпочитают не говорить, не напоминать. Неожиданно упоминание о Польше встретилось мне в «Литературной газете», в статье с увлекательным заголовком «Пекинские руководители и разрядка напряженности». Из этой статьи я узнал, что «в конце 1970 г. китайские руководители [воспользовались] событиями в ПНР как поводом для новой антисоциалистической кампании».

В трогательном единении с контрреволюционной западной пропагандой китайская печать обливала потоками клеветы социалистический строй в народной Польше. Из Пекина доносились антисоветские тирады, и польский народ призывали к гражданской войне и контрреволюционному путчу».

Объяснение «польского мятежа» происками китайцев родилось, судя по авторству статьи, не в Москве, а в Восточном Берлине. Статья перепечатана из «Нойес Дойчланд».

Февраль 1972

Страх охватил великую империю.

Казалось бы, в последние годы Брежнев и его товарищи одерживают одну победу за другой — в Чехословакии, на Уссури, на Индостанском полуострове. Как масляное пятно, не встречая сопротивления, расплывается сфера интересов Советского Союза. Давно уже осуществлены самые дерзкие мечтания русских царей. Границы Российской империи раздвинуты до пределов, о которых не могли и мечтать ее основатели. В одном, правда, пункте план не выполнен — Константинополь все еще в руках «басурманов». А Маркс, предупреждая народы Европы о русской опасности, подчеркивал, что если России удастся захватить проливы, она станет хозяином континента. Но Маркс не предвидел появления континентальных ракет и спутников, компенсирующих, возможно, недовыполнение «плана» в Константинополе.

Но чем сильнее становится империя, тем больше она боится. Причина страха очевидна. Все победы, одержанные в последние годы Советским Союзом, — это победы внешнеполитические.

Экономическая реформа, о которой ведется разговор уже целое десятилетие, продолжает оставаться мечтой группы «прогрессивных технократов», сельское хозяйство продолжает оставаться заботой № 1 руководителей одной из двух самых могущественных держав в мире. И — как и в XIX веке — урожай в России зависит от погоды. В случае непогоды страна, некогда кормившая хлебом Европу, а ныне посылающая космические зонды на Марс, покупает хлеб за границей. Национальный вопрос, много раз уже окончательно решенный при Сталине, снова и снова привлекает к себе внимание.

Внутренняя слабость многонациональной империи, выдвигающей свои форпосты за тысячи километров от своих границ, не может не быть очевидной для ее правителей. Они пробуют преодолеть эту слабость укреплением тыла с помощью методов, испытанных на протяжении многих лет.

Возникает нечто вроде кантовской антиномии — раздвигать внешние границы, сохраняя внутренние.

Сталин, строя свое государство, прежде всего окружил его каменной стеной, не желая впускать к себе никого, но и не желая, одновременно, выходить за пределы границ старой русской империи.

Этим, в частности, объясняется резко отрицательное отношение вождя народов к китайской революции. Этим объясняется и нежелание Сталина строить большой океанский флот. Когда в середине 30-х годов среди советских моряков возник спор: какие корабли строить — дальнего плавания или прибрежные? — Сталин произнес знаменитые слова: «Не у берегов Америки будем воевать!» Проекты строительства кораблей дальнего плавания вместе с их авторами были ликвидированы.

Совсем недавно американская печать сообщила, что спутники-разведчики сфотографировали на Николаевских верфях строящееся судно невиданного для советского флота размера и назначения. Специалисты полагают, что это авианосец, напоминающий американские корабли этого типа. Если это так, то, следовательно, меняется вся советская стратегия. Возможно, что принимается во внимание и вероятность войны у берегов Америки.

Рождается новая концепция: сталинизм во внутренней политике и «брежневизм» — во внешней.

Может ли существовать сталинизм без Сталина? Исторический опыт говорит, что это невозможно. Чрезвычайные меры, принимаемые в последние месяцы в Советском Союзе по «укреплению тыла», острое наступление на идеологическом фронте свидетельствуют о том, что советские руководители делают все, что в их силах, чтобы возродить сталинизм без Сталина.

Наступление ведется в двух направлениях — раздувание опасности, грозящей со стороны главного внешнего врага — Китая, и мобилизация на борьбу с врагом внутренним.

Антикитайская кампания, достигшая за последние два месяца давно не виданных размеров, преследует сразу несколько целей. Прежде всего изменяется формулировка, оценивающая значение китайской революции. До недавнего времени в «Истории КПСС» можно было прочесть, что «по своему значению и влиянию на судьбы человечества китайская революция занимает после Октябрьской революции второе место в истории мирового освободительного движения». В очередном, новом издании «Истории КПСС» китайская революция — всего лишь «весьма значительное событие послевоенного времени». Не может быть, конечно, и речи о сравнении этого события с Октябрьской революцией.

Антикитайская кампания ведется под лозунгом борьбы с «маоизмом», который уничтожил — но не до конца — честных китайских коммунистов, желающих дружбы с Советским Союзом.

Третья цель кампании — убедить советских читателей в наличии тайного китайско-американского сговора против Советского Союза. Ежедневно во всех газетах появляются статьи, заметки, фотографии, рассказывающие о подготовке Пекина и Вашингтона к предстоящей поездке Никсона в Китай, которая изображается как дьявольская махинация, жертвой которой может стать Советский Союз.

Но есть еще одно направление антикитайской пропаганды — подчеркивание «желтой опасности», угрожающей русскому народу. Впервые в этом направлении использовано искусство, которое Ленин называл «самым важным», а Сталин — «самым массовым» — кино. Новый фильм, вышедший на советские экраны, носит название, символизм которого доступен каждому зрителю, фильм называется «Русское поле». Рассказывает он о жизни трудолюбивой советской колхозницы, честно трудящейся на благо Родины, сын которой в конце фильма погибает в схватке на границе с коварным врагом. Финальные сцены — ряды гробов, плачущие женщины — зрители уже видели раньше, по телевизору, в кинохронике — это сцены похорон жертв боев на Уссури. Китайцы — убийцы миролюбивых советских людей, нарушающие мирный труд.

В фильме «Русское поле» новый враг советского народа не назван, но его имя отгадать нетрудно.

Значительно проще обстоит дело с другим фильмом, вышедшим на экраны после пятилетнего запрета. Нельзя, конечно, сравнивать убогое произведение Николая Москоленко «Русское поле» с выдающимся фильмом Андрея Тарковского «Андрей Рублев».

Но есть в этих двух фильмах одна общая деталь — цвет кожи тех, кто убивает русских людей, — желтый. У Тарковского — татары, у Москоленко — китайцы. Было бы величайшей несправедливостью с моей стороны сводить «Андрея Рублева» к борьбе с желтой опасностью, но несомненно, что именно этим объясняется появление фильма на экране. И приходится лишь удивляться недоумению московского корреспондента газеты «Монд», восклицающего: «никто не знает, почему фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» после пятилетнего ожидания вышел на московские экраны». Руководители советской пропаганды отлично знают. Они пришли, видимо, к выводу, что сцены разгрома татарами русской церкви, убийства русских и т.п. заслонят все другое, что есть в фильме.

Враг внешний — Китай. Это всем ясно. И, можно бы сказать, все с этим согласны — и официальная пропаганда, и «диссиденты», выражающие свои мысли в статьях, распространяемых «самиздатом».

Сложнее обстоит дело с врагом внутренним. В старое доброе время в царской России все было просто. Внутренний враг — поляки, жида и со-

циалисты. По сути дела враг остался прежним. На место, освобожденное поляками, претендуют прибалтийские народы, украинцы... Жиды и социалисты сохранили свое место в ряду врагов русской (советской) империи. Но к ним прибавились «сторонники конвергенции», буржуазные либералы, пацифисты и т.д. и т.п.

На протяжении последних двух месяцев ЦК партии, «вплотную» занявшись идеологическими вопросами, издал столько постановлений, сколько не издавалось со времен Жданова.

В конце декабря 1971 г. состоялось совещание заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений. Выступил на нем «сам» вождь советской идеологии — Михаил Сулов, перечисливший всех врагов советского строя поименно и наметивший основные линии идеологического наступления. Перечень врагов свидетельствует об ужасе, владеющем Суловым, — всюду враги, все враги. И он перечисляет кого только может: Бжезинский и Арон, Гароди и Маркузе, Фишер и Гольдштюкер.

15 января 1972 г. «Известия» опубликовали важную теоретическую статью о характере советского государства в эпоху коммунизма. Из этой статьи, написанной, как это ни странно, не философом, а юристом, явствует, что «необходимость государственного принуждения сохраняется в течение все первой фазы коммунизма». Сохраняется и необходимость «укрепления Вооруженных Сил и органов государственной безопасности».

Автор статьи как бы переводит рассуждения Сулова на точный юридический язык: «Цель коммунизма — всестороннее и гармоническое развитие личности — не может быть достигнута без активной регулирующей и организаторской деятельности государства».

За неделю до появления этой статьи в «Известиях» московский суд показал, каким образом «регулирующая и организаторская деятельность государства» способствует «всестороннему и гармоническому развитию личности», осудив Владимира Буковского на 7 лет заключения, в том числе два года одиночного заключения в тюрьме и 5 лет лагерей строгого режима. Вина Буковского, обвиненного в действиях, «ослабляющих Советскую власть», в том, что он передал на Запад материалы о заключении в психиатрические больницы инакомыслящих.

Идут одновременно два процесса: процесс запугивания — осуждение Буковского, 18-часовой обыск у одного из лидеров демократического движения Петра Якира, обыски и аресты на Украине и процесс идеологического подтягивания общественных наук, литературы и искусства.

Первое после 24-летнего перерыва постановление ЦК о литературе посвящено вопросам литературно-художественной критики, но имеет в виду литературу и культуру в целом. Нового в нем нет почти ничего —

снова призывы к борьбе с буржуазной идеологией, глухо отмечается новая опасность, угрожающая официальной идеологии — неославянофильство.

Несколько более подробно расшифровываются мысли, содержащиеся в постановлении, на пленуме Союза советских писателей, спешно собранном для мобилизации писателей на борьбу с врагами. Перечислив еще раз врагов, названных в декабре Суловым, главный докладчик Владимир Озеров добавил к ним нового врага, угрожающего советской литературе.

Озеров неодобрительно цитирует крамольную мысль критика Льва Аннинского, утверждающего, что «настоящим» писателя делает не что иное, как «вера в нравственное начало, не зависимое ни от чего, кроме того, что оно нравственное, вера в то самое вечно обновляющее личность внутреннее духовное качество, которое в русской культурной традиции всегда называли совестью».

Озеров резко критикует Аннинского. Совесть не может и не должна быть критерием «настоящего» писателя, утверждает он. Озерова легко понять — если совесть сделать критерием «настоящего» писателя — сколько их останется в Союзе советских писателей?

Озеров отвергает совесть, отвергает он и религию — это казалось бы само собой разумеющимся, но важно отметить, что сделано это в форме очень мягкой. Цитируя рецензию одного из идеологов неославянофилов В. Чалмаева, который, восхищаясь описанием сельского пейзажа, пишет: «Как будто сам Христос отряхнул ризы свои над этой поляной», Озеров ограничивается лишь замечанием: «Весьма сомнителен такой свидетель, как Христос, хотя без ссылок на него у некоторых критиков не обходится».

Озеров гораздо резче критикует «Новый мир» (того периода, когда им руководил Твардовский), чем «Молодую гвардию», в которой публикуются статьи Чалмаева. Ибо «Новый мир» «пренебрежительно относился к таким святым понятиям, как историческая память народа».

Отвергнув и совесть и религию, Озеров предлагает взамен писателям «борьбу с буржуазной идеологией» как главную и единственную идеологию.

Неуверенность в действенности «воспитательных» и принудительных мер заставляет советских руководителей искать новые средства и пути борьбы с оппозицией.

Любопытное предложение выдвинул в разговоре с американским конгрессменом Джеймсом Шейером, посетившим в январе Москву, кандидат в члены ЦК, главный редактор «Литературной газеты» Александр Чаковский. Если американцы прекратят передачи для Советского Союза, передаваемые «Голосом Америки» и радиостанцией «Свобода», тогда мы, сказал Чаковский, изменим наше отношение к нашим «диссидентам» и к выезду евреев из Советского Союза.

«Нью-Йорк таймс», опубликовавшая этот разговор, добавляет от себя, что «неизвестно, выражал ли Чаковский собственное мнение или отражал мнение, имеющее поддержку в руководстве КПСС».

Знаменитая наивность американцев доходит, как мы видим, до того, что они считают возможным наличие у Чаковского собственного мнения и даже, что он его способен выразить в разговоре с членом конгресса США (впрочем, этого конгрессмена после этого разговора и встреч с людьми, настроенными иначе, чем Чаковский, выслали из Советского Союза).

Интерес разговора состоит, однако, в том, что советское руководство открыто признает и наличие внутренней оппозиции, и страх перед информацией, проникающей в Советский Союз извне.

Эйхман предлагал западным странам купить у него венгерских евреев за грузовики, необходимые германской армии. Чаковский предлагает США купить советских евреев за отказ от радиопропаганды. Меняются времена, но разменная монета остается неизменной. В минуту кризиса кидают ее на стол.

Я пишу здесь о страхе, охватившем руководителей Советского государства, о близящемся кризисе, характера которого нельзя угадать, пишу на основе того, что прочел в советской печати.

Но об этом же самом пишет и человек, которого называют сегодня совестью России, — Александр Солженицын.

Минувший месяц можно бы назвать месяцем Солженицына в советской печати. Прежде всего непонятно по чьей ошибке посвященное ему стихотворение появилось в № 10 «Нового мира». Рязанский поэт Евгений Маркин, в ноябре 1969 г. голосовавший за исключение Солженицына из Союза писателей, что-то передумал, что-то понял и написал стихотворение «Белый баран», назвав в нем писателя человеком, указывающим путь людям.

Евгений Маркин, а одновременно с ним и Александр Галич были спешно исключены из Союза советских писателей.

Как бы в ответ на стихотворение Маркина «Литературная газета» опубликовала о Солженицыне «разоблачительный» материал, заимствовав его в западногерманском журнале «Штерн».

Всего несколько месяцев назад в той же «Литературной газете» разоблачали «Штерн» как гнусного клеветника на Советский Союз, как журнал, недостойный никакого доверия: два корреспондента «Штерна» опубликовали очерк о поездке по Советскому Союзу и недостаточно похвалили виденное. Теперь «Штерн» стал источником, достойным всяческого доверия.

Из статьи, перепечатанной в «Литературной газете», читатель узнает, что Солженицын происходит из богатой помещичьей семьи, что его дед

с материнской стороны был богачом и грубым человеком, и что Солженицын не помогает сегодня своей тетке.

В примечании редакция «Литературной газеты» ханжески замечает: «Мы, конечно, далеки от мысли проводить прямую вульгарно-социологическую связь между происхождением человека, окружавшей его в юности обстановкой, его воспитанием — с одной стороны, и его деятельностью в зрелом возрасте — с другой».

Заявив, что «мы далеки от мысли», газета именно эту мысль и проводит. Солженицын — враг Советской власти, ибо он родился в богатой семье.

Лютую ненависть к писателю, ставшему сегодня недоступным для «органов принуждения» Советского государства, можно прочесть в подобранных цитатах из «Штерна», в примечаниях редакции.

Но когда я говорю, что минувший месяц можно назвать месяцем Солженицына, я имею в виду погребальное слово, написанное им после похорон Твардовского.

Не щадит писатель врагов русской литературы, прямо говорит об убийстве поэта, у которого отняли журнал — «его детище, его страсть». Напоминает, что со времен Пушкина было так — «в руки недругов попадает умерший поэт».

Но самым важным кажется мне в этом «слове» предчувствие страшной катастрофы, приближение нового. И по-иному выглядит роль Твардовского, когда мы читаем у Солженицына: «Обстали гроб каменной группой и думают — обгородили! Разогнали наш единственный журнал и думают — победили!»

Надо совсем не знать, не понимать последнего века русской истории, чтобы видеть в этом свою победу, а не просчет непоправимый. Безумные! Когда раздадутся голоса молодые, резкие, вы еще как пожалеете, что с вами нет этого терпеливого критика, чей мягкий, увещательный голос слушали все. Вам впору будет землю руками разгрести, чтобы Трифонуца вернуть! Да поздно».

В 1972 году Солженицын почти дословно повторяет предупреждение, сделанное им в 1969 году в «Пасхальном крестном ходе»*. Говоря о молодежи, лишенной религии, лишенной веры, лишенной совести, он предупреждал: «Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех! И тех, кто натравил их сюда, тоже растопчут!»

Время бунта приближается — предупреждает писатель. Бунта тем более страшного, что не будет таких людей, как Твардовский.

* «Культура», № 4, 1971.

Март 1972

В конце февраля все советские газеты опубликовали очередное постановление ЦК партии, возвещавшее начало подготовки к очередному празднику всего советского народа. Легко иронизировать над любовью советских руководителей к юбилеям и праздникам — все еще хорошо помнят радость, с какой около двух лет праздновался день рождения Владимира Ильича. На этот раз, однако, праздник действительно нужен.

ЦК КПСС принял решение торжественно отметить 50-летие создания Союза советских социалистических республик, отпраздновать торжество ленинской (раньше она называлась «сталинской») национальной политики. «Таким образом, — читаем мы в постановлении, — марксистско-ленинское учение по национальному вопросу выдержало испытание на практике, а ленинская национальная политика одержала полную победу».

Почти одновременно с этим «победным» постановлением стал известен текст «Обращения» семнадцати латышских коммунистов к руководителям зарубежных коммунистических партий, в первую очередь Румынии, Югославии, Франции, Австрии, Испании, а также лично к Арагону и Гароди.

Авторы «Обращения» прежде всего подчеркивают свою «правоверность»: «Мы не оппортунисты, не «левые» и не «правые». Мы коммунисты, и такими большинство из нас стало уже 25–35 лет тому назад».

Эти «настоящие коммунисты» отмечают, что в Советском Союзе «трусло искажается марксистско-ленинское учение об общечеловеческих правах и свободе, свободе слова, ленинском стиле работы и другие основные принципы марксизма-ленинизма. «Но прежде всего, — и об этом пишут авторы «Обращения», — нарушается «ленинская национальная политика».

«Ленинизм у нас используется как ширма великорусского шовинизма», — заявляют латышские коммунисты и подробно рассказывают, как это происходит. Для Латвии, говорят они, советская национальная политика означает непрекращающуюся русификацию республики. «Первая основная задача — переместить из России, Белоруссии и Украины в Латвию (и другие прибалтийские республики) как можно больше русских, белорусов и украинцев на постоянное место жительства». В результате в Латвии в 1959 г. латыши составляли 62% населения, а в 1970 — 57%, в столице республики Риге — соответственно — 45% и 40%.

Авторы «Обращения» напоминают, куда ведет такая политика, на примере Карельской республики. «Ее уже нет; ее ликвидировали, потому что местные жители составляли меньше половины всего населения. Теперь Карелия — составная часть Российской Федеративной Республики. Такая же участь ожидает Казахскую союзную республику и Латвию».

Латышские коммунисты знакомят с техникой русификации: все ответственные посты находятся в руках нелатышей. В ЦК компартии Латвии только 42% латышей, причем «многие из них только числятся латышами, долгие годы или всю жизнь они жили в России и латышского языка не знают». Из 1500 работников министерства внутренних дел только около 300 латышей. В других министерствах дела обстоят примерно также. Но и это не все. Не доверяя местным коммунистам, Москва создает при центральных комитетах республиканских компартий Бюро КПСС, которое контролирует деятельность местных коммунистов. Кроме того, в Латвии — как и во всех других республиках — пост второго секретаря ЦК и пост секретаря ЦК по кадрам занимают русские.

Латышские коммунисты жалуются на широкую пропаганду браков между латышами и русскими, жалуются на то, что в Риге имеется не только музей Ленина, но и музей «русского царя — завоевателя прибалтийских стран — Петра I». Можно полагать, что музей Петра особенно мозолит глаза латышским коммунистам, постоянно читающим в советской печати о том, что народы, освободившиеся от колониального ига, первым делом уничтожают памятники завоевателям.

Особенного внимания в «Обращении» заслуживает упоминание о деле бывшего первого секретаря рижского комитета партии, затем заместителя председателя Совета министров Латвии, члена бюро ЦК Э.Берклава, выступившего против политики русификации и нашедшего поддержку среди большинства членов бюро. Хрущев лично приезжал в Ригу, чтобы расправиться с Берклавом, который был снят со всех постов и изгнан из пределов республики.

Когда мы боролись за социализм в подполье, меланхолически заключают авторы «Обращения», томились в тюрьмах и на каторге буржуазной Латвии, мы знали марксизм-ленинизм «только теоретически и всем идеалам этого учения беспредельно верили. Когда мы увидели социалистическое государство в действительности, то мы сразу поняли, что в жизни не так, как в учении».

Нет никакого сомнения, что под этим обращением латышских коммунистов могли бы подписаться многие коммунисты из других республик Советского Союза. Можно полагать, что в ходе празднования «полной победы ленинской национальной политики» будет проведена очередная чистка местных партийных кадров.

Первый выстрел в кампании уже сделан. 6 марта городской комитет тбилисской партийной организации получил строгий выговор от ЦК КПСС. В числе обвинений — терпимость к фактам коррупции, плохая работа промышленности, но главное — недостаточное внимание к во-

просам борьбы с национализмом, к вопросам воспитания молодежи в духе интернационализма, то есть в духе любви к «старшему брату».

Можно полагать, что кампания по борьбе с «проявлениями национализма», за «укрепление дружбы народов» не ограничится советскими республиками, но охватит весь «социалистический лагерь».

В последнем номере ежемесячника «Международная жизнь» изложены принципы этой кампании. В ее основе лежат два хорошо известных лозунга, которые на некоторое время были отложены в сторону. Во-первых — Советский Союз играет руководящую, ведущую роль в лагере социалистических стран. «Было бы упрощением, — пишет автор статьи в «Международной жизни», — мерить одной меркой роль всех стран... Можно ли, например, игнорировать роль, которую играет СССР, одна из великих мировых держав, в деле осуществления активной политики социализма, в деле укрепления экономического и военного потенциала мировой социалистической системы?»

Во-вторых, — отношение к Советскому Союзу, верность Советскому Союзу является важнейшим критерием верности пролетарскому интернационализму. «Более чем полувековой опыт развития, — говорится в «Международной жизни», — ясно показывает, что главным критерием для того или другого прогрессивного политического движения является прежде всего его отношение к нашей стране, его объективный подход к оценке внутренней и внешней политики Страны Советов, оплота мира и социализма во всем мире».

И в этом месте мне хотелось бы прервать изложение теоретических статей и привести пример, иллюстрирующий, как теория может выглядеть на практике.

В своем прошлом «Обзоре» я писал о процессе Владимира Буковского и жестоком приговоре суда. Появившаяся уже в «самиздате» стенограмма процесса необычайно интересна и характерна для нынешнего положения в Советском Союзе. Прокурор и судья чувствуют себя живущими в 1937 г., а подсудимый — человек 1972 г., отказывающийся признать себя виновным, заявляющий, что он не перестанет «бороться за законность и справедливость».

В ходе процесса имел место эпизод, который кажется мне чрезвычайно важным. В числе обвинений, предъявленных Буковскому, было обвинение в антисоветском разговоре, который он вел с двумя советскими солдатами, с которыми случайно завел разговор в кафе.

«В кафе за столиком, — рассказал Буковский суду, — у нас завязался разговор. Начался он, как мне помнится, с событий в Польше, так как я понял из разговора собеседников, что они были очевидцами этих собы-

тий или знали о них со слов своих товарищей. При обсуждении этих событий наши мнения разошлись. Я считаю и сказал им об этом, что вооруженные подавления выступлений представителей народа, борющегося за свои экономические и политические права — недопустимая мера и что наша армия существует не для того, чтобы подавлять народное движение, а для защиты страны от внешних врагов. Они же считали, что как военнослужащие они обязаны выполнять любой приказ командования, в том числе и стрелять в народ, если таков будет приказ. Мне показалась странной такая готовность стрелять в любого, в кого прикажут, и я спросил их: «Представьте себе, что возникнет такая ситуация, что, например, завтра в нашей стране повысят цены и возникнет народное недовольство, представьте себе, например, что среди демократов вы увидите меня, того, с кем вы сейчас мирно и даже дружески беседуете — и что же? Вы бы стали в меня стрелять?» — «Да», — сказали они. — «Убили бы?» — спросил я. — «Да, и убили бы, если бы нам приказали», — сказали они».

Армия солдат, готовых по приказу убивать всех кого прикажут, — это та практическая реальность, которая делает неопровержимыми теоретические аргументы о необходимости быть верным Советскому Союзу.

Как стало недавно известно — процесс Буковского, аресты и обыски в Москве и на Украине — это первые меры по осуществлению принятого 30 декабря 1971 г. решения ЦК КПСС о ликвидации оппозиционного движения, а в первую очередь «Хроники текущих событий» и других органов оппозиции. До этого решения можно было говорить, что оппозиционная печать существует с тихого согласия КГБ. После решения 30 декабря КГБ приступила к уничтожению оппозиции. Удастся ли этого добиться — покажет время. Пока лишь можно отметить, что несмотря на репрессии, вышел очередной — 23-й — номер «Хроники текущих событий», который отмечает, в частности, появление нового рукописного журнала «Обозрение», органа «либеральных коммунистов».

На помощь КГБ пришли «штатские» борцы с оппозицией. «Литературная газета» продолжала разоблачать Солженицына. Гнев, который вызвал у советских руководителей роман «Август Четырнадцатого», можно сравнить с гневом, вызванным «Доктором Живаго» Пастернака. Теперь, правда, борьба с романом ведется, если так можно выразиться, более тонко. О романе не говорят советские писатели, используются высказывания западных, «объективных» литературных критиков.

В конце февраля «Литературная газета» напечатала сразу две антирецензии. Обе из западных газет.

В западногерманской «Дойче фолксцайтунг» Марина Шютц, по словам «Литературной газеты», обвиняет Солженицына в том, что его роман

«сводится к банальной апологии теории конвергенции, по которой технократия как определяющая, якобы, сила общества сумеет устранить противоречия между социализмом и капитализмом путем их сглаживания». Но главный упрек Марины Шютц еще страшнее: «Солженицын не выводит в своей книге ни одного большевика». Почему западногерманский критик так страдает от отсутствия большевиков в романе Солженицына — не сказано.

Чувствуя, что одной Марины Шютц мало, «Литературная газета» перепечатывает у шведской «Нортенсфламмен» статью финского писателя Мартти Ларни. Этот писатель, более того, председатель Союза писателей Финляндии и автор очень популярный в СССР, видимо, безумно завидует славе Солженицына. Ибо чем иным можно объяснить такие, например, заявления Ларни: «Общепринято, что писатели публикуют свои книги в своей стране и на своем родном языке... Солженицын же представляет собой исключение... Он сразу передал рукопись своего романа за границу...» Статью свою финский писатель заканчивает словами, которых, несомненно, сам стыдится: «Про самого Солженицына можно сказать, что он принадлежит к той «безродной интеллигенции», которая не знает свою страну и ее историю и которая не любит свой народ».

Сходность выражений, терминов, обвинений в антирецензиях, опубликованных рядом в «Литературной газете», позволяет говорить о необычном сходстве западногерманского, финского и русского языков.

Серия мемуаров советских шпионов — Абеля, Лонсдейла и других — пополнилась воспоминаниями советского резидента в Швейцарии в годы войны Шандора (Александра) Радо. Воспоминания эти интересны и сами по себе, хотя во многом они повторяют то, что давно уже было рассказано на Западе, и тем, что их публикация началась как раз в тот момент, когда другой советский разведчик Леопольд Треппер (Домб) настойчиво добивается разрешения на выезд из Польши.

Можно предположить, что мемуары шефа советской разведки в Швейцарии понадобились сегодня для «разоблачения» легенды о заслугах Треппера.

Организации Радо и Треппера в годы войны поддерживали между собой связь, а сами они были вознаграждены одинаково — десятью годами сталинских тюрем, и лагерей. С той, правда, разницей, что Треппер вернулся из Парижа в Москву добровольно, а Радо, летевший с ним в одном самолете, пытался во время остановки в Каире исчезнуть. Арестованный английскими властями, он был передан советским властям.

Журнал «Октябрь» напечатал пока лишь первую часть воспоминаний Радо. Следует подождать конца, чтобы узнать, как он оправдывает необходимость своего заключения после войны.

Просматривая «Литературную газету», я обнаружил там материал, которого, как мне кажется, недостает моим обзорам — цифры об очередных достижениях и успехах.

Антропологи подсчитали, что за последние 15 лет советские женщины увеличили объем груди на 8 см, талии — на 10 см и бедер — на 7,5 см.

Апрель 1972

Съезд профсоюзов состоявшийся в Москве в конце марта, дал Брежневу возможность выступить с обращением *urbi et orbi*. Мимоходом можно отметить, что выступление Брежнева отодвинуло в тень речь Александра Шелепина, некогда претендовавшего на первое место в Политбюро и «задвинутого» на пост секретаря ВЦСПС. Стало очевидно, что «железный Саша», как называли в свое время в Москве Шелепина, оказался «бумажным тигром».

Но вернемся к речи Брежнева. Мировая печать с восторгом подхватила заявление генсека, признавшего, что общий рынок является реальностью, с которой приходится считаться. В западной печати можно найти статьи, восхваляющие советских руководителей за реализм, дальновидность, миролюбие и т.д. Все может быть. Ленин любил повторять выражение «факты — упрямая вещь» особенно в те моменты, когда старался эти факты насиловать. Возможно, что Брежнев внезапно прозрел и заметил существование общего рынка.

Мне кажется, однако, что причины этого внезапного прозрения можно найти во второй части речи, посвященной внутренней политике, экономическому положению Советского Союза. Прежде всего Брежнев сообщил о созыве в скором времени пленума ЦК для рассмотрения вопроса об ускорении научного и технического прогресса и о начале работ над составлением перспективного экономического плана до 1990 г. (Можно заметить здесь, что Хрущев планировал до 1980 г., когда — по его словам — должен был наступить полный коммунизм). Затем генсек указал на недостатки выполнения текущего плана. Их немало: не выполнен план сдачи в эксплуатацию новых промышленных объектов, число незаконченных строек увеличилось по сравнению с 1970 г. Снова серьезные трудности переживает сельское хозяйство. Брежнев выразился очень осторожно: «Атмосферные условия не позволили нам добиться успехов, которых мы ожидали». Известно, однако, что в результате очень холодной зимы на юге СССР — от Молдавии до Средней Азии — вымерзла значи-

тельная часть урожая озимых. Особенно пострадали Украина, Дон и Северный Кавказ. Москва уже подписала соглашение с Канадой на покупку пшеницы стоимостью 350 миллионов долларов.

Значительно более остро говорил Брежнев о другой беде — низкой производительности труда. Отметив, что план повышения производительности не выполнен, докладчик подчеркнул необходимость повышения дисциплины и лучшего использования материальных и моральных стимулов. Известна доктрина Брежнева во внешней политике. Теперь можно говорить о доктрине Брежнева в рабочем вопросе. Она выражается двумя формулами. Первая — «зарплату нужно заслужить». Вторая касается профсоюзов — «действуя в обществе, в котором победил социализм, они вышли за рамки защиты в своей борьбе за интересы трудящихся».

В переводе на нормальный язык это значит, что советским рабочим нечего рассчитывать на повышение зарплаты, наоборот, им придется работать больше за те деньги, что им дает государство, а профсоюзы не смеют — они, правда, давно этого не делали — выступать в защиту рабочих страны «победившего социализма». Можно, следовательно, полагать, что экономическая слабость Советского Союза вынудила его руководителей обнаружить внезапно существование общего рынка. Ибо где же найдет себе помощь самая большая в мире империя, непрерывно раздвигающая границы своих сфер влияния, как не у своих врагов?

В третьем «Обзоре» подряд я пишу о Солженицыне. Это не случайно. Демократическое движение в Советском Союзе переживает тяжелый момент. Усилились репрессии. Часть активных деятелей движения выехали в Израиль. Вышли из лагерей Синявский, Александр Гинзбург, Даниэль и некоторые другие и — можно думать — нашли многое изменившимся. Создается впечатление, что Солженицын принял на себя роль духовного руководителя инакомыслящих. В конце марта он недвусмысленно заявил о своей позиции, изложил свои взгляды.

В канун Пасхи Солженицын отправил письмо главе Русской православной церкви патриарху Пимену. Писатель обвиняет в этом письме Церковь в том, что она сотрудничает с государством в деле уничтожения религиозного духа в стране, он обвиняет лично патриарха в том, что в тот своей пассивностью позволяет задушить церковь.

«Мы теряем, — пишет Солженицын, — последние черты христианского народа. Не это ли должно быть главной заботой русского патриарха?.. Какими аргументами можно доказать, что планомерное разрушение духа и тела церкви, осуществляемое под руководством атеистов, является лучшим способом обеспечить ее существование? Существование для

кого? Конечно, не для Христа. Какое существование? Во имя лжи? Но, солгав, какие руки совершат священную церемонию Евхаристии?»).

Писатель выражает беспокойство и в связи с тем, что патриархат допускает пропаганду, заставляющую людей из страха отказываться от хождения в церковь или «публично осмеивающую верующих».

30 марта Александр Солженицын дал в первый раз большое интервью иностранным журналистам, представителям «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Писатель рассказал о своем положении. «Запретная, отравленная зона создана вокруг моей семьи», — заявил он. Увольняют с работы людей, которые приходили к нему в гости. Не дают работу его жене. Против писателя ведется обдуманная планомерная клеветническая кампания. Партийные пропагандисты информируют на специальных собраниях — для актива как клеветать на Солженицына. Писателя обвиняют в двух преступлениях: в том, что он сотрудничал с немцами, или был в плену, или дезертировал — что-нибудь в этом роде, и во-вторых, что он еврей. Пропагандисты намекают, не придавая, конечно, этому никакого значения, ведь все нации равны, что настоящая фамилия Солженицына — Солженицер, или Солженицкер, или что-нибудь в этом роде. (Партийные психологи, знатоки души русского народа, уверены, видимо, что сотрудничать с немцами или быть евреем — два греха, которые народ не может простить).

Солженицын рассказал далее о своей работе над продолжением цикла исторических романов, начатого «Августом Четырнадцатого». Новая книга, над которой работает писатель, будет называться «Октябрь Шестнадцатого». Но ему не разрешают пользоваться архивами, не разрешают с ним встречаться людям, которые могли бы что-нибудь рассказать. «Мне так же трудно собирать материал, как если бы я писал о Полинезии», — говорит он.

Солженицын не случайно выбрал как заглавие своей новой книги октябрь 1916 г. Именно тогда царское правительство окончательно отвергло сотрудничество с общественным мнением, с Думой. Писатель говорит: «Изучение русской истории... показало мне, какую ценность для страны представляют мирные выходы и как важно, чтобы власти — даже самые автократические и неограниченные — прислушивались доброжелательно к голосу общества, как важно, чтобы общественность имела реальную силу. Как важно, чтобы справедливость, а не сила и насилие вели страну». И возвращаясь к кампании, которую власти ведут против Солженицына, он заключает: «Им не приходит в голову, что писатель, думающий иначе, чем большинство общества, этому обществу нужен, а вовсе не позорит или оскорбляет его».

Интервью было несомненным вызовом, и власти этот вызов приняли. Все уже было готово для вручения Солженицыну диплома Нобелевской премии. Писатель заявил во время интервью, что он собирается пригласить на церемонию, которая должна была состояться на частной квартире, министра культуры СССР Екатерину Фурцеву, представителей двух газет, в которых не печатались клеветнические статьи на него и своих друзей.

После опубликования интервью советские власти отказались дать въездную визу секретарю Нобелевского комитета, понимая, что совершают глупость, которая вызовет международный скандал. Но, видимо, решено показать Солженицыну, что и на него найдется управа. Можно, я думаю, ожидать широкой кампании против писателя.

Может быть, под влиянием письма и интервью Солженицына, но когда я прочел новый роман Булата Окуджавы «Мерси, или Похождения Шипова» («Дружба народов», № 12, 1971), я не мог отделаться от мысли, что история, описанная Окуджавой, имеет отношение и к автору «В круге первом». Действие книги Окуджавы — он называет ее старинным водевилем — происходит в 1862 г. Обеспокоенное растущей популярностью Льва Толстого царское правительство организует тщательную слежку за писателем. Не удовлетворяясь этим, посылает на место жительства Толстого специального агента, который, однако, предпочитает пропивать данные ему деньги в тульских кабаках. Но, не желая разочаровывать начальство, он шлет подробные доклады о тайном обществе, которое создает Лев Толстой, о подпольной типографии, которую якобы создают в Ясной Поляне, и т.д. А начальство и без агентов убежденное, что инакомыслящий писатель обязательно должен создавать организацию для свержения существующего строя, принимает на веру каждое слово доносов.

Центральное место занимает в повести сцена обыска в имении Толстого. Приехавшие в трех колясках жандармы ищут несуществующую тайную типографию. Каждому, кто читал об обыске, совершенном у Солженицына, не может не броситься в глаза неизменная глупость и жестокость русских жандармов, как бы ни назывался их шеф: Долгоруков или Андропов. И чрезвычайно актуально звучит объяснение необходимости слежки за Толстым и обыска у него, которое дает в письме жандармскому полковнику московский генерал-губернатор: «Действительно, граф пописывает и, как говорят, не без успеха, что-то там такое действительно у него есть, хотя в нынешнее-то время у нас все ведь пишут, кто во что горазд. Ужасно не само писание, а ежели оно оборачивается против существующего порядка».

Книга Окуджавы представляет интерес и сама по себе — независимо от актуальности ее сюжета. Сочетание сатиры и фантастики ставит ее в

тот ряд русской литературы, в котором мы находим произведения Булгакова и Синаевского.

Выход новой повести Окуджавы совпал с изданием отдельной книгой его первого исторического романа, который в свое время был опубликован в «Дружбе народов» под названием «Бедный Авросимов», а теперь появился в издательстве Политической литературы под заглавием «Глоток свободы». Ведя с «неисправимыми» борьбу на уничтожение, советские власти пробуют в последнее время привлечь на свою сторону тех, кто еще — по их мнению — не окончательно испорчен. В своих «Воспоминаниях» Надежда Мандельштам пишет, что она однажды предупреждала Пастернака — было это в начале 30-х годов: «Смотрите, Борис Леонидович, они хотят вас усыновить». Такую попытку «усыновить» предпринимают, очевидно, сейчас по отношению к Окуджаве. Еще более странно, что пробуют это сделать и по отношению к Осипу Мандельштаму.

«Воспоминания» Надежды Мандельштам, первый том которых, переведенный на все западные языки, давно уже стал бестселлером, а второй выходит на днях на русском языке в Париже, — феномен неизвестный, кажется, истории литературы. Мало того, что эта книга займет место в ряду шедевров русской литературы, она пробудила интерес к творчеству Мандельштама во всем мире. И если нужны были бы аргументы в пользу публикации книг, распространяемых «самиздатом» за границей, то отклик на книгу Надежды Мандельштам в Советском Союзе был самым убедительным этого рода аргументом. Заговор молчания вынуждена прервать официальная советская критика. Журнал «Вопросы литературы» (№ 3, 1972) публикует первую за многие десятки лет большую статью о Мандельштаме. Конечно, статью пишет один из преданнейших апологетов официальной линии Александр Дымшиц. Конечно, он изо всех сил, фальсифицируя факты, скрывая правду, пробует «усыновить» Мандельштама, доказать, что он всегда был и остается «верным сыном социалистической Родины». Но заговор молчания сорван. И мы не удивимся, если выйдет наконец обещанный более десятка лет назад сборник стихов Мандельштама — первый после 1928 г.

Статья Дымшица представляет интерес не по своему литературному содержанию, а как образец циркового искусства, с которым автор обходит все «опасные места». В статье нет ни слова об арестах поэта, о его смерти в лагере. В ней говорится: «Осип Мандельштам даже в нелегких для него обстоятельствах середины 30-х годов творчески оправдывал свою присягу новому веку...» Имеется в виду арест 1934 г., страшная ссылка в Чердынь, а потом в Воронеж. В статье говорится: «В марте 1937 г., боль-

ной, предчувствующий скорую смерть, поэт писал...» Имеется в виду болезнь и голодная смерть в пересыльном лагере во Владивостоке.

И заканчивается все оптимистически: «Осип Мандельштам оставил советским людям стихи, которые органически принадлежат русской художественной культуре предреволюционного и советского времени». Будем надеяться, что «советские люди» получат наконец эти стихи, но не из рук Александра Дымшица.

В Польше до сих пор не отдают себе до конца отчета о влиянии, оказываемом на советскую культуру, на советскую общественную жизнь. Влияние это проявляется в разных формах, но главным остается тот факт, что Запад приходит в Россию очень часто через Польшу. Недавно в «самиздате» стала распространяться статья Сартра «Размышления о еврейском вопросе». На титульном листе сказано, что перевод сделан с польского языка, с текста, переведенного Ежи Лисовским и опубликованного в «Творчости» в 1956 г. Для одних — Польша источник полезнейшей информации. Для других — источник всего зла. Во время дискуссии на тему «Историзм как принцип социалистического реализма» (материалы опубликованы в журнале «Октябрь», № 3, 1972) один из критиков обрушился на известного литературоведа Б.Бурсова, автора книги «Личность Достоевского». Бурсов был обвинен ни мало ни много в том, что он использовал в своей статье концепцию «монархиста Станислава Мацкевича», изобразившего Достоевского «убежденным сторонником монархистских идей, неразлучным другом и единомышленником Победоносцева и неисправимым противником революции!» И Бурсов, как утверждает критик, повторяет «положения идейно чуждой нам книги С.Мацкевича». В том же номере «Октября» начал печататься роман Даниила Крамина «Сумерки в полдень». В этом романе с украденным у Кестлера заголовком популярный в сегодняшней советской литературе дипломатически-шпионский сюжет, развертывающийся в 1938 г. Пока опубликован лишь первый отрывок, но из него мы уже можем узнать, что в 1938 г. Польша активно сотрудничала с гитлеровской Германией — против Советского Союза. В следующих главах, очевидно, будет объяснено именно этим заключение договора 1939 г.

Не знаю, можно ли включить в число «полоников» подготовку Москвы к встрече президента США, но аналогия напрашивается сама собой. В дни, когда вся Польша с энтузиазмом собирает средства на восстановление Варшавского замка, в Москве началось уничтожение последних памятников старины. С начала апреля началась расчистка того участка «триумфальной

дороги», ведущей из аэропорта в Кремль, который был застроен зданиями XVII и XVIII веков, которые пощадил пожар Москвы в 1812 г. Разрушаются старинные дома на улицах, прилегающих к Кремлю. Решение XXIV съезда о превращении Москвы в «образцовый коммунистический город» будет несомненно и очень скоро выполнено.

«Самиздатовский» орган «русских патриотов» «Вече» утверждал недавно, что разрушение старинных памятников русской культуры, начавшееся в 1935 г., было делом еврея Кагановича. Дело Кагановича продолжал Хрущев, уничтоживший старый Арбат, продолжает и Брежнев.

Май 1972

Советские газеты ждали три дня, чтобы известить своих читателей о минировании северовьетнамских портов, о новой эскалации войны во Вьетнаме. Еще через несколько дней появились сообщения о начавшихся «во всей стране» митингах «протеста трудящихся против зверств американских империалистов».

Но нет души в этих протестах. Уж очень часто организовывались эти митинги, а кроме того уж очень далеко продвинулась подготовка к встрече с президентом США. И дома поломали, чтобы создать для него триумфальный въезд, и обыски провели у известных «диссидентов», чтобы не подготовили какого-нибудь письма или протеста. Конечно, все это можно отменить. И триумфальный въезд, и обыски не пропадут. Но, читая внешнеполитические материалы в советской прессе, нельзя не прийти к выводу, что Вьетнам занимает в них далеко не первое место.

В большой статье, опубликованной в журнале «Молодая гвардия» (№ 2), министр обороны маршал А.Гречко, обращаясь к советской молодежи с призывом укреплять оборону страны, напоминал, что «и сегодня полыхают опасные очаги войны на Ближнем Востоке и в Индокитае». Индокитай здесь на втором месте. Но и Ближний Восток занимает первое место лишь формально.

В минувший месяц особо пристальное внимание уделялось Европе. Прежде всего ФРГ.хлопоты с ратификацией договора все больше тревожили журналистов. Удачное совпадение — 50-летие подписания 16 апреля 1922 г. Рапалльского договора позволило напомнить о традициях советско-германской дружбы. Если официальный орган — «Известия» — ограничился статьей, напоминавшей, что «дух Рапалло» — это прежде всего дух взаимопонимания и реализма в подходе к международным событиям», орган неофициальный — «Правда» — поместил любопытную

статью своего ведущего комментатора Юрия Жукова, озаглавленную «Урок истории». Статья привлекает внимание тем, что ее адресат — подлинный, с точки зрения советских руководителей, «правлящие круги Германии». Напоминая историю советско-германских отношений после революции, Жуков подчеркивает, что «уже 17 февраля 1920 г. руководители крупнейшего концерна АЭГ обратились к рейхспрезиденту Ф.Эберту с требованием разработать новую конструктивную политику в отношении нашей страны». Более того, «пять месяцев спустя к рейхспрезиденту, рейхсканцлеру, министру иностранных дел и военному министру обратился с конфиденциальной запиской по этому же вопросу начальник главного управления армии генерал фон Сект... и призвал правительство «заявить, что мы хотим жить в дружбе с Россией».

Жуков напоминает правым консервативным кругам Германии не только о том, что в результате Рапалльского договора немецкая промышленность получила рынок сбыта в Советской России, но что немецкая армия на основании секретных статей этого договора получила возможность обойти контроль союзников и обучать своих летчиков и танкистов в советских военных школах, испытывать новые виды вооружения на советских полигонах.

«Заключение договора, — констатирует «Правда», — было подлинным торжеством здравого смысла». Урок из истории должны извлечь враги ратификации нового договора.

Второй европейской страной, которой уделялось заметное внимание, была неожиданно Великобритания. В ней, видимо, видят упорного врага Европейской конференции. Ей не могут забыть изгнания сотни так называемых дипломатов.

В начале мая из Москвы был выслан корреспондент «Таймс» Дэвид Бонавия. Незадолго до высылки «Литературная газета» опубликовала письма советских читателей, возмущавшихся «клеветой на советскую действительность», содержащейся в корреспонденциях Бонавии. Советские читатели не могли допустить и открыто заявляли об этом, чтобы такая солидная газета, как «Таймс», обманывала своих читателей. Советские читатели защищали английских читателей. Возникает новый Интернационал — читательский: «читатели всех стран соединяйтесь». Как известно, найти «Таймс» в Москве удастся не всем, но авторы писем в «Литературную газету» ухитрились находить и обвиняли Бонавию в трех главных грехах: во-первых, он писал, что в парки культуры и отдыха ходят только те москвичи, которым не хватает жилплощади, во-вторых, что на Московском телевидении не хватает микрофонов, а в-третьих, что занятия спортом в Советском Союзе преследуют цель сокращения потребления спиртных напитков.

Совершенно очевидно, что такого журналиста английский народ в Москве терпеть не может. Так прямо и заявил автор одного из писем, побывавший как турист в Англии, встретивший там рабочего, который просил у него со слезами на глазах портрет Гагарина для тяжелобольного сына.

Англия — главный противник и в шпионских историях, составляющих значительную часть современной литературной продукции, публикуемой советскими издательствами и журналами. Жанр этот получил нобилитацию — книга о Рихарде Зорге опубликована в серии «Жизнь замечательных людей». Среди 500 книг, вышедших в этой серии почти за сорок лет, — впервые среди «замечательных людей» оказался шпион, или, как говорят в Москве, разведчик.

Рихард Зорге, как известно, работал в Китае, а потом в Японии. Сегодня советские читатели могут ознакомиться с деятельностью «разведчиков» в Англии. В романе Даниила Краминова «Сумерки в полдень», печатающемся в «Октябре», — Англия изображается главным вдохновителем и творцом мюнхенских соглашений 1938 г. Даже Гитлер изображается с меньшей неприязнью, чем английские политические деятели, среди которых мы можем встретить и нынешнего министра иностранных дел Дугласа Хьюма — настаивавшего на высылке советских дипломатов-шпионов из Лондона и за это обозванного в романе Краминова «мальчишкой», делающим карьеру благодаря своим связям в аристократических кругах. Впрочем, мы узнаем из романа, что в мюнхенской сделке «Англия ни при чем». Ибо «правительство — это еще не страна». Узнаем мы и о том, что в 1938 г. в Брюсселе, куда попадает герой книги, вот уже 15 лет работает советская «разведывательная организация», которой поручено «оберегать Родину издали».

В связи с развертывающейся антианглийской кампанией журнал «Молодая гвардия» продолжил (в № 3) печатать документальную повесть Т.Подолова «Спецкомандировка», прерванную на четыре месяца. Я в одном из своих обзоров упоминал об этой повести, посвященной одному из самых знаменитых послевоенных советских шпионов — Гордону Лондсдэйлу-Лонову. В «Спецкомандировке» Англия обвиняется в подготовке бактериологической войны, о чем, впрочем, «не знает английский народ». Повесть любопытна обилием подробностей вербовки советской разведкой агентов. Одним из главных агентов Лонова-Лондсэйла был английский младший морской офицер, побывавший в свое время в Польше. «В начале 50-х годов, — рассказывает автор повести, — Хаутон, работая в аппарате военно-морского атташе английского посольства, занимался в столице Польской Народной Республики махинациями на черном рынке,

несколько злоупотреблял польской «выборовой» и «житней...» Кроме того, «белокурые остроумные польки произвели на Хаутона сильнейшее впечатление...»

Короче говоря, получив все эти сведения, Лонсдэйл явился к любителю «выборовой» и «белокурых полек» под видом американского морского офицера и завербовал его в советскую разведку, изобразив дело так, что вербует в американскую. Сюжетная линия повести время от времени прерывается вставками: автор просит у полковника Лонова разъяснений по некоторым проблемам, встречающимся в книге. В связи с рассказанным эпизодом Т.Подолин спрашивает, нет ли чего-то не совсем какого-то такого (он бы сказал «этического», если бы употреблял это слово) в связи Лонсдэйла с Хаутоном? Полковник Лонов отвечает, что, во-первых, «разведчику далеко не всегда приходится работать в белых перчатках», а во-вторых, Хаутон «объективно служил честному и хорошему делу», а в-третьих, в «течение нескольких лет, когда я поддерживал с ним контакт, мне стало казаться, что Хаутон изменился к лучшему».

Но это уже относится к области благотворного влияния советской разведки на души людей.

Совершенно очевидно, что при наличии такого «духовного пастыря» какие-либо другие могут только вредить. 17 тысяч литовских католиков подписали письмо на имя генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма с просьбой переслать письмо Леониду Брежневу. Они выбрали этот сложный путь из Литвы в Москву через Нью-Йорк, ибо на три предшествующих письма Брежневу, подписанные 4538 католиками, ответа не последовало.

Литовские католики протестуют в письме Генеральному секретарю ЦК КПСС против ареста и ссылки католических священников за подготовку детей к первому причастию, против недопущения восстановления за счет верующих сгоревших или разрушенных храмов, протестуют против того, что в единственную в Литве духовную семинарию прием ограничен 10 студентами в год.

В «Хронике текущих событий» — «самиздатовском» журнале, регистрирующем все проявления самостоятельной общественной деятельности и борьбы с нею властей, — рассказывается о суде над ксендзом Ю.Здебским, состоявшемся в ноябре 1971 г. После ареста ксендз «был зверски избит в милицейском изоляторе и до суда находился в вильнюсской тюрьме Лукишкяй». Несмотря на то, что время и место суда тщательно скрывались властями, у здания суда собралось около 600 человек. Милиционеры стали разгонять толпу, одной женщине сломали ребро,

другая от удара по голове потеряла сознание, женщин, девушек били, валяли на землю, тащили за ноги, заталкивали в милицейские машины... На лестнице и на улице остались следы крови, растоптанные цветы.

Судья задавал ксендзу такие вопросы: «Чему вы учили детей? Какой литературой пользовались?» Ксендз Здебскис отвечал: «Пониманию святых таинств. Мессе. Пользовался старыми катехизисами, молитвенниками».

В качестве свидетелей были подвергнуты допросу около десяти детей в возрасте от 9 до 11 лет. Детей спрашивали: «Чему он тебя учил?» И они отвечали, плача от страха: «Не воровать, не разбивать окон».

Прокурор заявил: «Всему, чему нужно, обучают в школе. Незачем еще и в костеле. Мы не допустим, чтобы детей учили иначе, чем в школе». Прокурор потребовал наказать ксендза заключением в лагерь на 1 год. Суд исполнил требование прокурора.

В этом номере (23) «Хроники текущих событий» приведено еще два случая осуждения ксендзов по обвинению «в обучении детей».

Аресты католических священников свидетельствуют о том, что все иные формы борьбы с религией в Литве не дают результата. А этих «иных форм» чрезвычайно много. И характер их самый разнообразный. В последнее время, например, делаются попытки очистить русскую литературу от попадавшего в ней слова «Бог». В журнале «Наука и религия» приводятся факты этого рода, осуждаемые как деятельность глупая и бессмысленная. И тем не менее, оказывается, например, что в фильме «Мужской разговор» показан урок литературы. Учительница читает стихи Лермонтова, заканчивая их оптимистически словами: «И счастье я могу постигнуть на земле». Последнюю строчку — «И в небесах я вижу Бога» — учительница стыдливо опускает. Знаменитую русскую народную песню «Легенда о двенадцати разбойниках и их атамане Кудеяре исполняют на радио так: «Бросил своих он (Кудеяр) товарищей, бросил набеги свои. / Сам Кудеяр в монастырь пошел верно *народу служить*».

Советские слушатели, привыкшие, что все «верно служат народу», не удивляются, что и разбойник Кудеяр последовал примеру лучших. И только старики вспоминают, что когда-то пелось: «Сам Кудеяр в монастырь пошел / Богу и людям служить».

Интервью, данное Солженицыным иностранным корреспондентам, повлекло за собой немедленные санкции. Доктор Карл-Рагнар, секретарь Шведской академии, не получил визу на приезд в Москву.

«Не огорчайтесь, — написал ему Солженицын. — Это позор, но не для нас».

Одновременно волна читательских писем с осуждением последнего романа лауреата Нобелевской премии хлынула в редакции газет. Никто из этих читателей романа «Август Четырнадцатого», конечно, не читал. Они читали статьи о романе, опубликованные в «Литературной газете». Они прочитали также — у кого хватило сил — перевод статьи Ежи Романовского, опубликованный в «ВТК» и перепечатанный в газете «Труд». (В своем интервью Солженицын сказал, что пригласит на церемонию вручения ему Нобелевской премии министра культуры СССР, а также представителей двух газет, в которых не печатали статей против него, — «Труд» и «Сельской жизни». «Труд» очень перепугался и немедленно опубликовал статью Романовского).

Кампания против Солженицына ведется с позиций защиты великого русского народа, которого обидел автор «Одного дня Ивана Денисовича». Поэтому среди протестующих читателей — белорусы, армяне, киргизы, финны, немка, польский католик Ежи Романовский, протестующий от имени всех славян, и итальянец Эусебио Феррери. Его статью «Литературная газета» перепечатала из миланской газеты «Календаро дель Пополо» (не знаю, есть ли такая газета, или она была придумана). Если такая газета существует, то ее можно поздравить с необыкновенной осведомленностью сотрудника. Значительную часть своей статьи он посвящает разоблачению пьесы Солженицына «Пир победителей», от которой сам писатель давно уже отказался, и единственный экземпляр которой был конфискован сотрудниками КГБ несколько лет назад во время обыска.

Эусебио Феррери обвиняет Солженицына и в других серьезных преступлениях. Например, в романе «Раковый корпус» дискуссия между двумя героями «носит явно политический характер». Подумать только! Герои романа говорят о политике! В Милане, наверное, за такие вещи сажают в тюрьму, а в Москве просто не печатают книги. Тем более что один из этих героев, «прямо высказывающий мысли автора, заявляет, будто общество и государство должны основываться на «моральных принципах», и ссылается при этом на философа Владимира Соловьева». В этом месте газета делает сноску и зловеще расшифровывает имя: «Владимир Соловьев — русский философ-идеалист, богослов».

Подготовив почву, доказав, что Солженицын мечтает ни более и не менее как об «обществе и государстве, основанных на моральных принципах», что он ссылается на идеалиста и богослова Соловьева, Эусебио Феррери составляет обвинительное заключение против писателя. Говоря «обвинительное заключение», я имею в виду квалифицированное обвинение в целом ряде государственных преступлений, составленное знатоком Уголовного кодекса РСФСР. Солженицын конкретно обвиняется в

попытках подорвать общественные и политические основы советского строя с целью заменить принципы, на которых зиждется этот строй, а также в пропаганде такой позиции посредством литературных трудов, обращений, воззваний и т.д., используя с этой целью зарубежные средства массовой информации, о которых заведомо известно, что они выступают против советского общества.

Эту часть статьи миланского журналиста Эусебио Феррери — «измена Родине» — легко найти в Уголовном кодексе РСФСР в главе «Особо опасные государственные преступления», § 70, предусматривающем лишение свободы на срок от шести месяцев до семи лет.

В середине XIX в. Салтыков-Щедрин писал о журналистах, которые вырывают из рецензируемого произведения одну фразу в середине, одну — в конце, одну — в начале и подают всё вместе в форме доноса. Можно констатировать, что этот метод журналистики распространяется в наше время на самые разные страны мира.

Июнь 1972

Накануне приезда на первых страницах советских газет в правом нижнем углу появилась фотография гостя, сопровождаемая краткой биографией: «Ричард Мильхоуз Никсон родился... учился... участвовал во второй мировой войне... избирался...» Сухая «деловая» биография, в которой ни словом не упоминалось о взглядах президента США в его бытность сенатором. Предупрежденные таким образом советские читатели, не удивились, обнаружив на следующий день, 23 мая, в своих газетах новую фотографию: на этот раз в самом центре газетного листа — огромный стол с множеством стульев по обеим его сторонам, на первом плане сидят Брежнев и Никсон, благожелательно улыбаясь друг другу, и больше никого за столом нет. Двое. Те, кто ведут переговоры. Хозяева мира. За огромным столом пустуют стулья не членов делегаций — советской и американской, а представителей других стран, которые получают готовое решение.

Не знаю, так ли был задуман фотоснимок, но именно в таком духе объясняла советская печать смысл приезда Никсона в Москву. Газеты пестрели заголовками: «На благо всех народов», «На благо человечества», «В интересах всего человечества».

В истории Советского государства уже был случай, когда вчерашний враг, объект многолетних нападков, официальный «предмет ненависти» внезапно становился другом и союзником. Почти ровно тридцать три го-

да назад, в августе 1939 г., но тогда неожиданно для читателей, в газетах появились фотографии Сталина и Риббентропа, обменивающихся дружественными рукопожатиями и улыбками. Много изменилось с того времени. Тридцать три года назад, чтобы задобрить нового союзника, Сталин запретил антифашистскую пропаганду в Советском Союзе: были сняты с экранов антигитлеровские фильмы, удалены из библиотек антинацистские книги, в Большом театре поставили Вагнера, газеты захлестнул поток статей о вечной русско-германской дружбе. В укрепление этой дружбы включился даже Берия, отдавший приказ, запрещавший ругать заключенных словом «фашист».

В мае 1972 г. уже не считалось необходимым так ухаживать за своим гостем. Встретились два равных партнера. Из вежливости, видимо, сократилось количество строк, посвящаемых войне во Вьетнаме. Причем информация о Вьетнаме подавалась как информация о победах северовьетнамских войск и партизан. О бомбардировках Северного Вьетнама упоминалось совсем глухо, как о чем-то, не имевшем большого значения. Исчезли почти целиком и статьи, разоблачающие сионизм и преступления «израильской военщины». Появились зато воспоминания о традициях «советско-американской дружбы» — и во время второй мировой войны, и до нее.

Для сотен иностранных корреспондентов устраивались многочисленные пресс-конференции, во время которых они могли узнать о достижениях Советского Союза в разных областях жизни, о том, например, что «одним из величайших завоеваний социализма является разрешение национального вопроса в Советском Союзе на основе осуществления ленинской политики КПСС...» и так далее.

Равенство партнеров — главная мысль, определяющая отношение к визиту американского президента в Москву. Советские читатели, естественно, не получали никаких сведений, никаких комментариев о переговорах, связанных с заключением Договора об ограничении вооружений. Зато комментировались очень скупой, но все же комментировались, соглашения о научно-техническом сотрудничестве. Смысл этих соглашений наиболее точно изложил заместитель председателя Государственного комитета по науке и технике зять Косыгина, Гвишиани. «В наш век бурного развития научно-технической революции, — писал он в «Известиях» (5.VI.) ни одна страна, какой бы могущественной и высокоразвитой она ни была, не может развивать науку и технику без участия в международном сотрудничестве».

В этих словах не только признание того, о чем Андрей Сахаров писал в 1968 г.: «Мы догоняем США лишь по некоторым старым «традицион-

ным» отраслям, в значительной мере потерявшим для США определяющее значение (черная металлургия и др.), а в более новых отраслях (например, в производстве средств автоматики и вычислительных машин, в нефтехимии и, в особенности, в научных, научно-технологических исследованиях) мы имеем не только отставание, но и меньшие темпы роста, и это исключает возможность полной победы нашей экономики в ближайшие десятилетия». Статья Гвишиани подтверждает анализ Сахарова, выражая одновременно уверенность в том, что США помогут Советскому Союзу «догнать и перегнать Америку».

На протяжении всей своей 55-летней истории Советский Союз, не переставая, ждал чуда, которое перенесло бы Россию в коммунизм. Ленин первый придумал чудо-формулу: электрификация всей страны. Множество таких формул выдумывал Сталин. Его вера в мошенника Лысенко — одно из проявлений этого вечного ожидания чуда. Надеялся и Хрущев — то на кукурузу, то на «большую химию». Брежнев и Косыгин поставили на американскую технологию. Однажды в годы первой пятилетки, в начале 30-х годов, американские инженеры помогли построить крупнейшие индустриальные объекты в Советском Союзе, заложить основы промышленного могущества страны. Теперь, сорок лет спустя, от американцев ожидают повторения помощи.

В 1924 г. Сталин, определяя стиль нового руководства Россией, «ленинский стиль», назвал его сочетанием «большевистского размаха и американской деловитости». В послевоенных изданиях сталинской работы эпитет «американский» был выброшен, осталась просто «деловитость». Сегодня произошло возвращение к полной сталинской формуле: «американская деловитость», американская техника, американская технология должны заменить собой структурные экономические и социальные реформы.

Будущее покажет, может ли тоталитарное государство осуществить научно-техническую революцию. Или, говоря иначе, может ли существовать одновременно всеислие Политбюро и компьютер. Если компьютер окажется таким же мудрым, как и Политбюро, то, следовательно, необходимость в нем отпадет. А Политбюро не хочет отказываться от своей власти.

На протяжении всего визита Никсона усиленно подчеркивалось, что сближение с Соединенными Штатами — это «политика партии». Желая подчеркнуть, что все происходящее происходит по воле и желанию партии, Брежнев подписал важнейшие соглашения: впервые в советской истории государственный акт был подписан генеральным секретарем именно в качестве Генерального секретаря. На удивленные вопросы журналистов советский представитель ответил, что Верховный Совет СССР может передавать право подписи государственных актов кому пожелает.

Это верно. Но верно и то, что Верховный Совет пожелал передать это право Генеральному секретарю ЦК партии.

Подписание соглашений с Никсоном и совпавшая по времени ратификация договора с ФРГ (это событие советская печать отметила очень широко) поставили Советский Союз впервые за время его существования в необычное положение: в капиталистическом мире врагов нет. Впервые формула «осажденной крепости» потеряла пропагандистский смысл. Можно не сомневаться, что внешнеполитические успехи КПСС повлекут за собой обострение внутреннего режима. Впервые возникла серьезная опасность «притупления бдительности», «самоуспокоенности».

Партия, заранее учитывая опасности нового положения, принимает меры. 20 мая «Правда» опубликовала решение Пленума ЦК об обмене партийных документов. В 1973–74 гг. будет проведена после долгого перерыва очередная чистка партии, («важнее организационно-политическое мероприятие, подчиненное задачам дальнейшего укрепления партии, повышения активности и дисциплины коммунистов»).

Первой жертвой будущей чистки пал один из ее самых горячих сторонников — секретарь ЦК Украины Петр Шелест. Этот вдохновитель интервенции в Чехословакии в 1968 г., сторонник жесточайших репрессий по отношению ко всем проявлениям инакомыслия на Украине, в Советском Союзе и во всех странах Варшавского блока, не рассчитав своих сил и выступил против политики Брежнева. В результате увольнение с поста секретаря ЦК Украины, назначение на пост одного из заместителей председателя Совета министров СССР. Можно думать, что карьера Шелеста закончена.

Советская печать ни словом не обмолвилась об этом событии. Но нет сомнения, что оно займет в истории немаловажное место. Я имею в виду майские события в Литве, о которых сообщила в прошлом номере «Культура». Самосожжение двадцатилетнего рабочего Романа Таланты, многотысячные похороны, разогнанные полицией, забастовки протеста — очередные этапы процесса, который развивается с неудержимой силой. Я уже писал об обращении 17 тысяч литовских католиков к Брежневу, о процессах литовских ксендзов. Недавно в Литве состоялся процесс 32-летнего матроса Симонаса Кудирки, который пытался бежать в США с борта советского корабля и был выдан американцами советским властям.

Распространяемая «самиздатом» стенограмма процесса — один из самых удивительных документов борьбы советских народов за независимость.

«Тот факт, что американцы меня не приняли, я не рассматриваю как особую трагедию, — заявил на суде Симонас Кудирка. — После решений

конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме целые народы попали в рабство. В глазах американских военных властей я как литовец являюсь законной собственностью Брежнева, наследника Сталина, и меня следует ему отдать... Атлантическая хартия, обещавшая закабаленным народам свободу, оказалась пустым обещанием, которое стоило моему народу 50 тысяч убитыми и 400 тысяч сосланных, из которых 150 тысяч нашли смерть в сибирской земле... Были истреблены самые отважные и решительные патриоты Литвы.

Но растет новое, молодое поколение, которое пойдет по пути своих отцов. Когда я отказывался выполнить требования органов безопасности, мне грозили смертной казнью. Я думаю, что эта угроза будет выполнена. Я верующий католик. Я хотел бы просить Высокий суд прислать мне перед смертью ксендза, чтобы я мог причаститься».

В последнем слове, Симонас Кудирка добавил лишь: «Прошу дать моей родине Литве независимость».

Судья, который до этого заявил, что он не понимает, о чем говорит обвиняемый, поинтересовался: «Как вы себе представляете независимую Литву?» И Кудирка ответил: «По моему мнению, независимая Литва должна иметь суверенное правительство, не должна быть оккупирована чужой армией. В стране должны быть собственная правовая система и свободная демократическая избирательная система. В независимой Литве не должен, как это имеет место сегодня, доминировать русский язык. Я желаю, чтобы в той Литве не было процессов, подобных моему».

Симонас Кудирка был осужден на 10 лет лагерей. Важнейшей особенностью событий в Литве является то, что выступления носят не экономический характер, а политический, что они идут под лозунгом свободы религии и независимости.

Двумя фактами можно, мне думается, объяснить то, что именно Литва стала самой «горячей» среди прибалтийских республик. Прежде всего — это сила католической церкви в Литве. Второе — относительная однородность населения. Если в Латвии на каждых двух латышей приходится один русский, в Эстонии — один русский приходится на трех эстонцев, в Литве соотношение местных жителей к русским — десять к одному. Великий русский историк Василий Ключевский, рассказывая о борьбе русских с татарским игом, писал, что должно было вырасти два поколения людей, не знавших страха перед татаринном, именно эти люди вышли в 1380 г. на Куликово поле и разбили Мамаю.

В литературной жизни Советского Союза последних месяцев стоит отметить одно событие, увы, явно нелитературного характера. «Литера-

турная газета» опубликовала письмо автора «Колымских рассказов» — поэта и писателя Варлама Шаламова, изобразившего сталинские лагеря с реализмом и правдивостью, которые можно сравнить только с солженицынскими, письмо, в котором Шаламов отказывался от своего произведения, утверждая, что все то, о чем он писал, давно перестало быть актуальным. «Колымские рассказы» никогда не печатались на родине писателя, а публиковались в русских эмигрантских журналах, были переведены на многие иностранные языки. И вдруг Шаламов, проведший около 20 лет в лагерях, не выдержал нового нажима и сломался, изменил самому себе. И страшная закономерность предательства: писателя сначала заставили отказаться от своих книг, а потом писать «то, что нужно». В очередном номере журнала «Юность» опубликовано стихотворение Шаламова, которого в свое время хвалил Пастернак, воспевающее дружбу египетского и советского народов, воздвигших Асуанскую плотину, «важнее которой нет, наверно, в целом мире».

В этом же номере «Юности» опубликованы новые стихи Евгения Евтушенко, плод многомесячного триумфального путешествия по США, во время которого были и многолюдные концерты в спортивных залах, беседы с президентом Никсоном и множество стихов, смело разоблачающих пороки «американского образа жизни». Среди новых стихов, наряду с очередными разоблачениями американских пороков, стихотворение о родном доме. Видимо, вернувшись после долгого отсутствия на родину, поэт обнаружил вдруг кое-какие пятна дома. Стихотворение называется «Таракань». Первая строчка: «Тараканы в высотном доме!» раскрывает нехитрый символ. Заканчивается стихотворение символическим предупреждением: «Дело будет, товарищи, швах, если взмоют ракеты космические с тараканами, скрытыми в швах».

Нельзя не признать, что редакция проявила изрядное мужество, напечатав стихотворение, которое можно понять как насмешку не только над Родиной, но и над советскими космическими кораблями.

Вот уже лет сорок, как советская литература перестала смеяться. И в одном из последних номеров «Литературной газеты» появилось предупреждение: смеяться по-прежнему нельзя.

Грозная статья написана по поводу юмористического романа Леонида Лиходеева «Я и мой автомобиль», опубликованного в первых трех номерах журнала «Новый мир» за 1972 г. Даже самый благожелательный критик не назовет роман шедевром, не упрекнет его в излишней остроте. Средний роман, в котором, однако, есть немало остроумных наблюдений и картинок сегодняшнего советского быта. В то время как советская печать трубит о появлении в ближайшем будущем тысяч и сотен тысяч со-

ветских автомашин на советских улицах и дорогах, автор романа показывает, какую ужасную жизнь должен вести советский автомобилевладелец, купивший — с огромным трудом и за огромные деньги — автомобиль. Нет гаражей, нет запасных частей, нет бензина... Впрочем, польские владельцы автомобилей все это хорошо знают.

Автора критической статьи больше всего возмущает, что Лиходеев иронически относится к некоторым сторонам советской действительности. В статье дается перечень тех явлений, к которым, нельзя относиться иронически. Это советская мораль, общественные принципы, самопожертвование, служение народу и так далее...

Часто говорят, что советскую прессу нужно «читать между строк», что она написана особым, зашифрованным языком. Возможно. Но вот 31 мая прочел я в газете «Известия» сообщение, которое представляет собой образец зашифрованности. Приведу его целиком.

Выстрелы в Тель-Авивском аэропорту

Трое вооруженных лиц, прибывших в Израиль из Парижа на самолете французской авиакомпании «Эр-Франс», открыли огонь по пассажирам, находящимся в международном аэропорту Тель-Авива. В результате 26 человек погибли и более 70 ранены. Двое из террористов были убиты, третий захвачен полицейскими. Арестованный сообщил о своей принадлежности к одной из экстремистских организаций».

Больше «Известия» к этому уже не возвращались. Возможно, что советские читатели и сумели расшифровать сообщение.

Сентябрь 1972

Вот уже больше двух месяцев — как и каждый год в это время — первые страницы газет заполнены сообщениями с фронта: идет уборка урожая. Пестрят заголовки: «За высокий урожай», «Убрать урожай в срок и без потерь», «За урожай в ответе все». В нынешнем году к этим привычным заголовкам прибавились новые: «Берегите хлеб», «Хлеб всему голова». Кампания за бережное отношение к хлебу сегодня уже — еще до того, как весь урожай будет собран, говорит опытному читателю: приближается снова беда, снова очередной неурожай.

Впрочем, еще осенью 1961 г. в Вашингтоне появился министр сельского хозяйства СССР Владимир Мацкевич, договорившийся о покупке в

США кормового зерна на 140 млн. долларов. Мацкевич заявил тогда на пресс-конференции, что СССР «намерен делать в США большие закупки зерна на протяжении пяти или десяти лет». Это была разведка.

Летом 1972 г., когда стало очевидным, что урожай будет явно недостаточным, Советское правительство приступило к массовым закупкам зерна за границей. В ближайший год СССР закупит в США, Канаде, Франции более 20 млн. тонн зерна. Стоит напомнить, что в 1955 г., когда урожай в Советском Союзе был исключительно плохим, правительство закупило за границей 6400 тыс. тонн зерна.

IX пятилетний план предусматривает ежегодно урожай в границах 195 млн. тонн. В 1971 г. было собрано 181 млн. тонн, в 1972 г. (по предварительным подсчетам) урожай будет примерно таким, каким он был в 1969 г. — в границах 162 млн. тонн.

Огромные закупки зерна, видимо, имеют целью выровнять дефицит, который образуется к концу пятилетнего плана и обеспечить население минимумом хлеба.

Собравшийся в конце 1961 г. XXII съезд партии принял новую программу партии, возвестившую, что коммунизм уже за углом. «В ближайшее десятилетие (1961–1970 годы), — говорится в программе, — Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня».

Вряд ли нужно говорить о том, что в 1972 году розовая картина, нарисованная программой партии, по-прежнему остается сказкой. Интереснее поставить вопрос: как объясняет советская печать очередной провал, очередной кризис «самого передового в мире» колхозного хозяйства.

Факты, которые удастся выловить в газетном море, позволяют выделить несколько главных причин сельскохозяйственных неудач, как они представляются официальными органами. Первая причина — организационный хаос. Один из французских сатирических журналов вынес на обложку название главной статьи номера, посвященного скандалу с публичными домами: «Национальный бордель». Если бы у советских журналистов была бы тысячная доля храбрости их французских коллег, они так назвали бы свои статьи о сельском хозяйстве: «Всесоюзный бордель».

Десятки тысяч машин, не отремонтированных в срок, сотни тысяч тонн зерна сгнившего, ибо нет складов, и т.д. и т.п.

Вторая причина — низкие урожаи с гектара. В «Белорусской правде» появилась в августе статья секретаря ЦК партии Белоруссии Машерова, в которой говорилось, что предполагаемый средний урожай с гектара в 1972 г. составит 18 центнеров с гектара, то есть будет на 25% ниже запланированного.

Все это, однако, причины старые, как колхозы: всегда были и, должно быть, всегда будут. Но вот третья причина, о которой писала в августе «Правда», появилась недавно. Оказывается, колхозы не сдают государству обязательных поставок полностью, сохраняя часть зерна для себя, «на случай голода». «Правда» с возмущением клеймит «психологию голода», скрывающую «мелкособственнические настроения». С первых дней «колхозного строительства» сдача хлеба государству считалась «первой заповедью» колхозника. В сталинские времена невыполнение плана сдачи наказывалось как вредительство. Возможно, что колхозы почувствовали, что рука государства стала менее тяжелой и можно что-то вырвать для себя.

Опубликованное в начале июля сообщение Статистического бюро о выполнении плана первого полугодия 1972 г. свидетельствовало, казалось, что в промышленности в отличие от сельского хозяйства — все обстоит благополучно. Правда, можно было заметить, что валовая продукция увеличилась на 6,8% в то время как в 1971 г. она увеличилась на 8,5%, что производство турбин сократилось на 24%, а дизельных моторов на 4%, хотя план предусматривал их увеличение на 5%. Но в остальном все было отлично. Однако 30 августа «Правда» опубликовала «серьезное предупреждение» пяти министрам: металлургии, тяжелого машиностроения, электротехнической промышленности, сборки специальных конструкций и автоматики за опоздание с внедрением новой технологии в металлургию. Выговор вынесен и Госплану, и Государственному комитету по делам науки и техники.

24 августа выехал из Москвы в Казахстан, а затем в Сибирь сам Генеральный секретарь ЦК Леонид Брежнев — спасти положение. В восточных областях СССР еще идет уборка урожая, может быть, можно еще что-то спасти, подтянуть, подтолкнуть.

К лету 1972 г. Брежнев имеет на своем счету почти столько же «грехов», сколько имел Хрущев в 1964 г. Внешнеполитическая неудача — изгнание из Египта, катастрофа в сельском хозяйстве. Только одной ошибки своего предшественника не повторяет Брежнев — не организует культа своей личности. Но, может быть, это и будет причиной его свержения?

Вряд ли можно сомневаться в том, что любая угроза Генеральному секретарю может прийти только со стороны его коллег. Войну, однако, объявил он кинематографистам и евреям.

Как всегда в периоды внешнеполитических и внутренних экономических трудностей, режим усиливает карательную политику. В июне в Москве был арестован Петр Якир. Сын одного из самых известных советских полководцев гражданской войны Ионы Якира, расстрелянного вместе с Тухачевским, Петр Якир, арестованный в 14-летнем возрасте, провел в тюрьмах и лагерях около 15 лет. Освобожденный в 1955 г., он окончил Историко-архивный институт и посвятил себя изучению истории сталинского периода. Одновременно он стал одним из ведущих деятелей демократического движения. Долгое время казалось, что он принадлежит к числу «неприкасаемых», к числу тех, кого КГБ не арестовывает, чтобы избежать лишнего шума. 21 июня Петр Якир был арестован. Предлогом к аресту стали листовки, появившиеся в это время в Москве. Якиру предъявлено обвинение в участии в их составлении. Главное, однако, — во время обыска у Якира были обнаружены отдельные листы «Хроники текущих событий», нелегального журнала, регулярно — раз в два месяца — подробно освещающего движение инакомыслящих в СССР.

Незадолго до ареста ожидавший тюрьмы Якир сделал корреспонденту «Таймс» в Москве заявление, которое можно бы назвать его завещанием: «Если меня будут бить, я признаюсь в чем угодно. Но это будет говорить не мое настоящее я. Ни в коем случае я не совершу самоубийства. Если объявят о моей преждевременной смерти, вы будете знать, что меня убили». Старый опытный заключенный, Петр Якир постарался предусмотреть все.

Арест Якира заканчивает целый период в истории демократического движения, начавшийся примерно десять лет назад. Конец этого периода связан с тем, что КГБ решило покончить с этим движением и с тем, что само движение, исчерпав до конца созданные им формы борьбы за гражданские права — заявления, петиции, жалобы, — как бы выдохлось, начало искать новые формы.

Новые формы борьбы с освободительным движением ищут и карательные органы. Создается впечатление, что в руководстве КГБ идет внутренняя борьба, отражающая, несомненно, борьбу на самом верху относительно мер и способов ликвидации демократического движения. Можно себе представить, что одна фракция считает необходимым сохранить некоторых деятелей этого движения на свободе, окружив их, конечно, плотным кольцом наблюдателей, как бы посадив их в аквариум, для со-

хранения некоего запасного клапана, чтобы котел не взорвался. Другая фракция — это те, кто желает вернуться к старым испытанным мерам. Борьбой этих двух тенденций можно бы объяснить смертные приговоры на ленинградских процессах, многочисленные обыски у Якира, не сопровождавшиеся арестами, и некоторые другие факты. Этим же, мне думается, можно объяснить и фантастическую историю, происшедшую с Жоресом Медведевым в июле 1972 г.

2 июля в Киеве открылся Международный конгресс по геронтологии. Жорес Медведев, один из крупнейших советских геронтологов, один из организаторов советского геронтологического общества, не был включен — за свои книги — в состав советской делегации. Но упрямый Жорес, взяв отпуск на работе, поехал в Киев и отправился с пригласительным билетом, одолженным у товарища, на первое открытое заседание конгресса. У самых дверей его окружили шесть «ученых в штатском», бросили в машину и повезли в милицию. Там Медведеву был учинен идиотский допрос: зачем он шел на конгресс, почему не работе, зачем взял отпуск в это время и т.п. После многочасового допроса ученый был посажен в поезд — билет был куплен агентами КГБ — и отправлен в Москву. Неутомимый Медведев уже передал протокол допроса своим иностранным коллегам.

Одновременно с усилением полицейского террора усиливается террор идеологический (нередко трудно отличить один от другого).

Интересно отметить, что если в полицейской деятельности ощущаются колебания, линия поведения не избрана окончательно, то в идеологической области избрано возвращение к сталинскому периоду. Одно за другим появляются решения ЦК партии по идеологическим вопросам. В свое время мы отметили появление такого постановления по вопросам литературной критики, подчеркивавшего необходимость усиления борьбы с инакомыслием в литературе. В июне было принято постановление о школе, настаивавшее на «принятии мер по улучшению морального, эстетического, военно-патриотического и атеистического воспитания школьников». 22 августа «Правда» опубликовала постановление «о развитии советской кинематографии». Давно уже еле дышавшее советское кино похоронено теперь совсем.

ЦК упрекает советское кино в том, что оно «недостаточно показывает экономические, социальные и культурные изменения, происшедшие в советском народе под руководством партии». ЦК осуждает «попытки бескритичного подражания зарубежному кино». ЦК требует строго придерживаться законов «социалистического реализма». И, наконец, ЦК принимает конкретные меры. В частности, ежегодно государство будет заказывать не-

посредственно «ведущим режиссерам» 15–20 фильмов, иллюстрирующих «основные проблемы современности и историческую историю героического советского народа». Создается центральная сценарная студия, которая будет снабжать тщательно проверенными сценариями все киностудии страны. Все эти меры можно найти в знаменитом постановлении 1943 г., ознаменовавшем введение режима «ждановщины» в кино.

Ошибся бы тот, кто подумал, что «идеологические решения» ЦК носят лишь теоретический характер. Они касаются повседневной жизни всех граждан. Любопытной иллюстрацией этого стали новые правила, касающиеся поведения советских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене. Ни один спортсмен не имеет права давать интервью иностранным корреспондентам без присутствия тренера. Но этого мало. Обязательно должен присутствовать «ответственный по интервью». На каждый вопрос иностранного корреспондента отвечает, следовательно, тройка, в которой, само собой разумеется, самый тихий голос — у спортсмена.

Мне кажется, что когда будущий историк русского освободительного движения будет анализировать 60-е годы нашего века, он признает, что одним из важнейших достижений этого движения была его роль в борьбе за право евреев на выезд из Советского Союза. Можно по-разному относиться к евреям и их роли в демократическом движении, можно по-разному относиться к сионизму и Израилю, но нельзя не признать, что впервые в истории Советского Союза советские граждане получили право на выезд. Впервые был разрушен миф об исключительном праве государства на своих граждан. Впервые человек перестал быть винтиком, а стал личностью, которая может выбирать: уехать или остаться. Сегодня еще трудно понять все огромное значение этого факта. Можно даже выразить предположение, что сами советские руководители не до конца его понимают. Нужно, однако, отдать им должное. Согласившись по многим разным причинам на выезд евреев, они решили заработать на этом. Формула: человек — собственность государства приобрела еще одно значение. От государства можно откупиться. До 3 августа этого года цена была сравнительно доступной. 400 рублей за визу (этот налог взимается с каждого советского гражданина, выезжающего за границу) и 500 рублей за отказ от советского гражданства. По последним статистическим данным средняя заработная плата в СССР составляла 127 рублей. Следовательно, откупиться от Советского государства можно было всего за какие-нибудь четыре месяца работы. Желающих оказалось слишком много. 3 августа 1972 г. был издан декрет № 572, значительно увеличивший цену еврейской «души». Было решено взимать деньги за образование, которое дала

Советская власть. Установлен точный прейскурант. Дипломы гуманитарных институтов стоят дешевле дипломов технических вузов. Академики должны платить больше, чем доктора наук. К тем 900 рублей, которые нужно было платить, следует теперь добавлять аж 12–15 тысяч рублей. Доктор наук должен заплатить 30 тысяч рублей.

Поощренное первыми успехами — уже выехали первые группы евреев, уплатившие новый выкуп, — Советское правительство собирается, как говорят, потребовать от родственников уже выехавших граждан уплаты стоимости дипломов, а также начать брать деньги с детей за обучение в советских школах.

Нет сомнения, что закон от 3 августа будет причиной многих трагедий и задержит выезд евреев из Советского Союза. Но, как мне кажется, только задержит, а не остановит. Новый закон кодифицировал неизвестный ранее советскому праву принцип: можно от Советской власти откупиться.

Торговля рабами была запрещена в России всего сто десять лет назад. Ее возобновление в социалистическом государстве не может удивлять людей, знающих характер этого государства. Нужно, однако, помнить, что освобождению русских рабов в 1861 году предшествовала все более расширявшаяся с начала XIX века практика выкупа рабов, получения свободы за определенную цену, которую помещик назначал, исходя из физических и умственных способностей раба.

Сама возможность выкупиться на свободу создает у рабов новую психологию, новое отношение к действительности.

Ноябрь 1972

Голода в Советском Союзе в будущем году не будет. С этим радостным известием выступили в самый канун 55-й годовщины Великого Октября одновременно министр сельского хозяйства Мацкевич (в «Экономической газете»), президент сельскохозяйственной академии Лобанов (в «Комсомольской правде») и член Политбюро Мазуров на праздничном заседании. Еще до недавнего времени газеты хотя и трубили тревогу, призывали «бороться за урожай» и «уважать хлеб», но подчеркивали очередные успехи на «фронте борьбы за хлеб». Миллионы тонн собраны в Казахстане, миллионы на Алтае — оптимистические заголовки должны были успокоить потребителей, стоявших в очередях за хлебом, за картошкой. В газетах можно было прочесть и другие утешительные новости. «Знатный тракторист» А. Гиталов, депутат Верховного Совета, украшенный орденами и медалями с головы до ног, опубликовал в «Правде Украины» статью, в которой он рассказывает своим землякам: «Бывал я во

многих странах за границей, в том числе и в Америке... Хлеб, как сыр, нарезают — тоненькими ломтиками. Осталось от завтрака или обеда полломтика, и тот завернут в пакетик. Дорог там хлеб, не каждому вволю доступно». Каждому читателю ясно: если мы плохо живем, то американцы и тому подобные иностранцы вообще умирают с голоду.

Сэкономив, очевидно, хлеб, недоедая, американцы и другие продали в нынешнем году Советскому Союзу уже около 30 млн. тонн зерна. Советские читатели до сих пор об этом не извещены. Просто министр Мацкевич заверил их, что правительство примет все необходимые меры. Полуголодные американские журналисты, не стесняясь, пишут, однако, о торговой сделке. За что им немедленно «Литературная газета» дала по рукам.

В «Нью-Йорк геральд трибюн» Уильям Бакли-младший сообщил, что Советский Союз переживает кризис и преодолевает его с помощью американского зерна. Ответ на эту статью «Литературная газета» поместила под рубрикой «Ха-ха!» Это должно означать, что сама мысль о том, что первая в мире страна социализма может на 55-м году революции докупать хлеб, чтобы прокормить население, не может вызвать ничего, кроме смеха. Ха-ха!

«Советский народ — это новая историческая общность людей». Эта звучная и пустая внутри (потому и звучная!) формула повторяется ежедневно всеми советскими газетами, ежечасно всеми радиостанциями. Как обычно в юбилейные годы, шаманские повторения одних и тех же тщательно выработанных, а потом уже неменяющихся формул достигают постепенно — к моменту кульминации — пароксизма. Я пытался продрасть сквозь чашу повторяющихся лозунгов и формул, чтобы выяснить, что же означает это новое определение, придуманное накануне празднования 50-летия создания СССР, то есть объединения всех советских народов под рукой Москвы. В большой и тяжелой, как кирпич, статье двух главных советских историков М.Кима и В.Шерстобитова («Вопросы истории», № 10) я вылуцил такое рациональное зерно: «на русском языке говорит 183,7 млн. человек, более 75% всего населения. Это язык межнационального общения». Историки великодушно подчеркивают: «полноправно функционируют в СССР национальные языки». Так сказать — могли бы и не функционировать, а вот — функционируют. Благодаря «ленинской национальной политике». Если капитализм, — говорится в статье, — разделяет и отчуждает нации, то социализм творит новые, высшие формы человеческого общежития».

Советские историки заканчивают статью оптимистическим акцентом: «Развитие советского народа — залог создания в будущем качественно новой общности людей, охватывающей все народы мира, вставшие на путь

социализма и коммунизма». Не исключено, что пройдет некоторое время, и все «народы, ставшие (!) на путь социализма и коммунизма», смогут войти (будут введены?) в «новую историческую общность людей».

Пока этого не произошло, «качественно новая общность людей» живет своей радостной жизнью. Журнал «Октябрь» напечатал (№№ 9, 10) новый антисемитский роман. В русской литературе антисемитизм и в ту пору, когда Россия была всего лишь «гюрмой народов», а не новой общностью, никогда не приобретал широкой популярности. Наиболее известный из писателей-антисемитов Всеволод Крестовский, прославившийся и своими антипольскими романами, редактор «Варшавского вестника» в 90-е годы.

Русская интеллигенция стыдилась антисемитизма. Перестала его стыдиться советская интеллигенция (если нет в этом сочетании внутреннего противоречия). В советскую литературу антисемитизм вошел с поднятой головой в последние годы. Иван Шевцов считается его виднейшим представителем. Не известный ранее Юрий Колесников сочинил очередной опус, которого не постыдился бы и штрейхеровский «Штюрмер». Роман носит многообещающее название «Земля обетованная». В сноске сказано, что это лишь журнальный вариант. В обработанном и, очевидно, поправленном и дополненном виде он выйдет под еще более красочным заглавием «Занавес приподнят». Как только «занавес приподнимется», как только мы читаем первые несколько страниц, мы видим, что имя Юрия Колесникова в литературе, даже антисемитской, не останется. Роман скучный, бездарный. Дело графомана, тщательно выполняющего «социальный заказ». В этом романе можно встретить раввина, который содержит публичный дом и кабак, а также является агентом какого-то «Акционс-комитета», который скупает на деньги американских сионистов у румынских проституток для евреев Палестины чешское оружие. Дело в том, что происходит все это в самом конце 30-х годов, когда несчастный бессарабский еврей Хаим Волдигер решил по наивности и глупости уехать в Палестину. Там он все и понял. В конце книги он убегает в фашистскую Румынию, только бы не оставаться вместе с евреями.

Но история несчастного Хаима — это так называемая сюжетная линия, которая должна отличать опус Колесникова от произведений его товарищей по перу: Кичко, Иванова и др.

Основная мысль, если так можно выразиться, элементарно проста: сионисты (собственно, все евреи кроме Хаима) и фашисты — одно и то же. Не сходны, не близки, а просто одно и то же. Из книги Колесникова можно, например, узнать, что Эйхман был агентом какой-то еврейской службы безопасности (есть в романе эпизод ареста Эйхмана в Палестине

евреями в 1939 г., и Эйхман, ничего не скрывая, так и говорит: будь я евреем, я был бы сионистом). Можно узнать, что Гитлер и Муссолини снабжали палестинских евреев оружием, и другие любопытные вещи.

Но это в 1939 г., а кроме того есть и актуальные «аллюзии». То и дело автор повторяет: «Родные нам по крови финансовые магнаты подчас являются вершителями судеб других народов. Вот почему, оставаясь в странах изгнания, они могут принести неоценимую помощь нашему делу». Через несколько страниц: «Людей, подобных Ротшильду в Европе и Моргентау в Америке, как известно, не единицы и не десятки. В странах мира их сотни и тысячи. Они владеют большой долей мирового запаса золота. Им принадлежат крупные банки и заводы, фабрики и торговые фирмы... Через них мы имеем реальную возможность решающим образом влиять на политику правительств различных стран, направлять ее в нужное нам русло...» И так далее, и тому подобное. Все это было уже в «Протоколах сионских мудрецов» и, наконец, стало достоянием всего советского народа.

Роман Юрия Колесникова относится к явлениям, входящим в структуру «укрепления дружбы народов». Мешают дружбе, как всем известно, (любимое выражение Колесникова), националистические предрассудки.

В ходе борьбы с ними «Правда» опубликовала статью, резко критикующую членов партии, принимающих участие в религиозных церемониях. «В современных условиях, — говорится в «Правде», — существует взаимная связь между религией и националистическими предрассудками. Известно (теперь это говорит «Правда!»), что во многих случаях церковь и секты утверждают, что они играют роль охранителей национальных ценностей. Мы иногда встречаемся с попытками представить религиозные чувства как национальную черту, а несоблюдение религиозных праздников — как уклонение от выполнения завещанного предками долга». Это, конечно, неправда! — утверждает «Правда».

Статья в «Правде» — документ серьезный, аргументированный. Но, возможно, не всех она убеждает. Опубликованная в «Литературной газете» (№ 35) статья дает пищу для сомнений относительно убедительности статей в «Правде», да и других органах печати. Статья Ольги Чайковской «Балаган вокруг Голгофы» посвящена работе, распространяемой «самиздатом». Сам факт полемики с «самиздатским» произведением свидетельствует о его воздействии и распространенности. Работа, которую пробует разоблачить «Литературная газета», приписывается известному украинскому литературоведу академику Александру Белецкому, умершему несколько лет назад. «Самиздатовская» работа доказывает с помощью исторических источников подлинность существования Христа и его Воскресения.

Правда, Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» больше 30 лет назад закончил спор с московскими атеистами, послав им дьявола, который прямо так и заявил: «Имейте в виду, что Иисус существовал... Просто существовал и больше ничего». В романе Булгакова атеист поверил лишь тогда, когда ему отрезало голову. Но осталось еще много неверующих. Ольга Чайковская, признающая, что «иные антирелигиозные (советские) работы неумелы и безадресны», оспаривает факт существования Христа. Это, конечно, ее дело, и не стоило бы говорить о ее статье, если бы она этим ограничивалась. Но Ольга Чайковская задает вопрос действительно очень любопытный. Она признает, что «каких-то читателей, пусть и малочисленных, автор рукописи нашел». И убедил! Не будем спорить о численности читателей рукописи. Если бы их было так мало, стоило ли бы писать о рукописи в газете, издаваемой тиражом в миллион двести тысяч экземпляров?

Читатели рукописи есть. И в аргументы автора они поверили: Более того, «к семье Белецких обращаются доверчивые люди, прося разъяснений и дополнений сенсации». Кто эти люди, — спрашивает Ольга Чайковская. И отвечает: это современный полуобразованный (или полуневежественный — как хотите) псевдоинтеллигент, готовый с удовольствием поверить в чудеса, если они подаются под видом научной сенсации... Это та самая слепая вера в науку, которая являет собой одну из модернизированных разновидностей невежества».

В том, что пишет автор статьи, немало верного. Дело в другом. Тысячи научных деятелей, академиков и профессоров, утверждают на страницах печати, на лекциях: Христа не было и быть не могло. А тут прочитали подпольную рукопись, — пишет Ольга Чайковская, — и поверили. «Факт сверхъестественный, но утвержденный видным академиком — как тут не поверить, особенно если поверить хочется».

А вот почему «хочется поверить» в существование Христа и его воскресение советскому «полуинтеллигенту», то есть человеку, получившему высшее образование, — на этот вопрос в статье ответа нет.

В течение нескольких месяцев шла на страницах «Литературной газеты» дискуссия, связанная в какой-то степени с производством в Советском Союзе полуинтеллигентов, с проблемой «всемирной культуры». Вводом к дискуссии послужила статья писателя Ильи Фоякова «Осторожно: Эрмитаж». Писатель обратил внимание на то, что миллионы экскурсантов, посещающих Эрмитаж, Третьяковскую галерею в Москве, дом Чехова в Ялте и другие музеи, идут туда потому, что их тащат, идут по обязанности, а ведет это к уничтожению музеев.

Газета опубликовала десятки писем, из которых можно узнать, что представляет собой массовая культура в советском издании.

«В залах стоял тяжелый гул от топота ног. Паркет под ногами был истерт и грязен. Воздух в залах пронизан человеческими испарениями. Белый мрамор знаменитой лестницы был мрачен от толстого слоя грязи». Это письмо посетителя Эрмитажа. «Мимо уникальных картин, которые заслуживают самого глубокого изучения, — люди бегут. Да, да, бегут». Это пишет посетитель московского музея.

Поэт Владимир Солоухин, завершивший дискуссию, приводит свой разговор со знакомым, побывавшем в Эрмитаже. «Что тебя больше всего поразило?» Тот подумал и ответил, «Картины, картины — и все коричневые».

Солоухин приходит к выводу, и это, кажется, вывод «Литературной газеты» — «необходимо уже завтра, уже сегодня укротить поток, льющийся через залы Эрмитажа».

В последнем номере журнала Академии наук «Вопросы философии» опубликована большая статья «Сотрудничество советских и польских философов». Из нее можно узнать, что «после VI съезда ПОРП польские философы, социологи и представители других общественных наук добились значительных теоретических достижений». Добились они этих достижений «в процессе преодоления бытовавших в прошлом ревизионистских и нигилистических тенденций, направленных на отрыв общественных наук от практики». Теперь уже все в порядке и даже — что несомненно следует считать высшей похвалой — «в Польше появилось много книг, заслуживающих серьезного внимания советских научных учреждений и издательств».

Затем дается длинный перечень трудов польских философов, заслуживающих внимания... Самое серьезное внимание заслуживает, как сообщается, учебник для вузов «Марксистская философия».

Декабрь 1972

В советских тюрьмах камеры, в которых сидят уголовники, называют «Индией», ибо, как уверяют обитатели этих камер, — «там вечно пляшут и поют». Уголовники убеждены, что в теплой Индии вечно пляшут и поют. Насчет Индии я не уверен. Но если бы какой-нибудь будущий историк взял в руки подшивки советских газет за несколько лет, он обнаружил бы, что в 60-е годы весь Советский Союз не переставал «плясать и петь». Не успел отгреметь праздник 55-летия прихода к власти, как начались

пляски и песни по поводу столетия Ленина, не успели граждане отдышаться, нагрянуло новое торжество — 50-летие СССР.

Легко, однако, обнаружить, что на этот раз «пляски» и «песни» на страницах советских газет и журналов звучат гораздо унылее, чем раньше. Годовщину революции празднуют каждый год — и то, что она была уже пятидесятой, а сегодня уже пятьдесят пятой — никого больше удивить не может. Мучительный юбилей Ленина стал оказией для создания сотен веселых анекдотов. Пережили и Ленина.

«Песни» и «пляски» по случаю «вечной дружбы народов» вынести гражданам последней, если не считать Португалии, колониальной империи гораздо труднее. Мало кто доволен «союзом нерушимым свободных республик». Ни Россия — «первая среди равных», ни «свободные» республики — менее разные, чем Россия.

15 ноября «Литературная газета» опубликовала огромную — на 16 столбцов, две полные страницы — статью доктора исторических наук А.Яковлева с туманным заголовком «Против антиисторизма». Важно в заглавии первое слово: «против». А.Яковлев выступает против национализма, против шовинизма, против модернизма, против догматизма, против, само собой разумеется, сионизма, против Солженицына.

Статья Яковлева, — как обычно в таких случаях, труд, несомненно, коллективный — последняя партийная директива по национальному вопросу, перечень многочисленных ошибок, недочетов, уклонов и перегибов и указание, как со всем этим бороться.

Мне уже не раз приходилось отмечать проявления русского национализма в современной советской литературе, не раз приходилось писать о «неославянофилах» и «почвенниках». Статья Яковлева дает наиболее полное изложение взглядов русских националистов, подкрепляя это изложение множеством цитат. Перед нами подлинная антология «неославянофильской» литературы с подробной библиографией. Эта часть статьи заслуживает, несомненно, особого интереса.

А. Яковлев полемизирует с вполне сформировавшейся идеологией, отбросившей не только марксизм, но и ленинизм, отбросившей традиции западников, вернувшейся к истокам русского национализма.

Мы узнаем, например, что один из идеологов «неославянофильства» М.Лобанов не принимает «идеи Великой Французской буржуазной революции», утверждая, что избавление от них как от «наносного, искусственного, насильственно привитого» и возвращение к «целостности русской жизни» обеспечило «нравственную несокрушимость русского войска на Бородино». Мы узнаем, что в романе «Оленьи пруды» М.Кочина герой полемизирует якобы с Чернышевским, сказавшим о русском народе: «Все —

сатрапы, все — холоуи, все — рабы прикровенные и откровенные... Нация холопов». При внимательном чтении оказывается, однако, что цитата, приписанная Чернышевскому, взята из статьи Ленина, и полемика идет с Владимиром Ильичем. Авторы брошюры «Листья и корни» Л.Ершов и А.Хватов опровергают Ленина по вопросу, быть может, еще более важному. Они утверждают, что Октябрьская революция была не каким-то там началом мировой революции, а «великой русской национальной революцией». Когда не хватает современных писателей, «неославянофилы» обращаются к предкам. А.Яковлев рассказывает, что в книге для юношества — в сборнике «О, Русская земля» — напечатано стихотворение знаменитого русского поэта XIX в. Николая Языкова, в котором есть такие строки: «Вы, люд заносчивый и дерзкой, вы, опрометчивый оплот ученья школы богомерзкой, вы все — не русский вы народ». Эту цитату приводит Яковлев, хотя начинается стихотворение еще более ясно: «О вы, которые хотите преобразить, испортить нас и онемечить Русь...»

Языков имел в виду, говоря: «не русский вы народ», ибо хотите «онемечить нас», Герцена и других западников. Кого имел в виду составитель сборника, выпущенного уже в наши дни, легко догадаться.

Отрицание западных революционных традиций, отрицание «немецкого» марксизма, восхваление русского самобытного духа — лишь часть идеологии «неославянофилов». Другая — важная часть — их религиозность, поиски вечной морали, поиски «веры в то самое вечное обновляющее личность внутреннее духовное качество, которое в русской культурной традиции всегда называли совестью».

Прочитывая этот призыв к поискам совести, Яковлев утверждает, что это прямой — еще один — выпад против Ленина, который, «как известно, говорил: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем».

«Неославянофилы» верят в нравственность и ищут ее в нравственности религиозной. «Во многих стихах, — утверждает Яковлев, — мы встречаемся с воспеванием церковей и икон». И добавляет угрожающим тоном: «А это уже вопрос далеко не поэтический».

Чтение статьи А. Яковлева позволяет сделать, прежде всего, два наблюдения. Во-первых, обращает на себя внимание сила и влияние «неославянофилов», позволяющая им публиковать книги, стихи, статьи характера явно неортодоксального. Автор статьи считает себя обязанным посвятить один абзац «разоблачению» Солженицына, в «особенности его последнего романа «Август Четырнадцатого». Назвав роман Солженицына «веховским по философским позициям и кадетским — по политическим, Яковлев утверждает, что «Август Четырнадцатого» навязывает «читателю отрица-

тельное отношение к самой идее революции и социализма, чернит русское освободительное движение и его идейно-нравственные ценности, идеализирует жизнь, быт и нравы самодержавной России». Но на протяжении всей своей огромной статьи Яковлев приводит множество примеров выражения тех самых взглядов, которые он так осуждает у Солженицына, идеологами «неославянофилов». Но к ним он относится снисходительно.

Это второе наблюдение. Снисходительность, быть может, даже скрытая доброжелательность к представителям «неославянофильской» идеологии. «Роман Солженицына, — пишет Яковлев, — это проявление открытой враждебности к идеалам революции, социализма». Но нельзя его сравнивать с другими. «Советским литераторам, в том числе и тем, чьи неверные взгляды критикуются в этой статье, разумеется — расшаркивается Яковлев, — чуждо и противно поведение новоявленного веховца».

Как хорошо знает А. Яковлев мысли и чувства «советских литераторов», которых он по-отечески журит в своей статье!

Откуда знает Яковлев, что «советским литераторам» Солженицын, «разумеется», чужд и противен? Можно полагать, что, хорошо зная подлинные мысли и чувства Солженицына, хорошо зная, что Солженицына переубедить уже не удастся, А. Яковлев — представляющий партию — не оставляет надежд на использование «советских литераторов», исповедующих «неославянофильство», не оставляет надежд на то, что их идеологию после некоторой очистки можно будет включить во всеобъемлющий ленинизм. Расчеты Яковлева — и партии — основаны, это очевидно из статьи, на национализме «неославянофилов». Их ярый русский национализм, зачастую переходящий в шовинизм, кажется Яковлеву гарантией возможности их использовать в партийных целях.

Подробно изложив идеологию «неославянофилов», Яковлев обращается к ним за помощью. Правда, он не упускает случая завуалированно пригрозить: «мотивы «неопочвенничества» не так уж безобидны». Но главное не в этом. Главное в опасности, грозящей СССР.

Враги утверждают, что СССР — «соединение чисто механическое, неорганическое». Яковлев запугивает: «Область национальных отношений... в такой многонациональной стране как наша, — одна из самых сложных в общественной жизни». Яковлев напоминает, что русская монополия может кончиться, ибо нарастает местный национализм. Он приводит примеры: грузины восхваляют свою царицу Тамару, украинский писатель Иван Билык «в стремлении как можно больше прославить мифического киевского князя Богдана Гатило договорился до того, что объявил, будто под этим именем выступал вождь гуннов Аттила». Казахи идеализируют Кенесары Касымова. Перечень этот можно продолжать и продолжать.

Вывод, который делает А. Яковлев, несложен. Все русские должны сплотиться вокруг партии — пожертвовать такими второстепенными элементами «неославянофильства», как религия или совесть, ради спасения главного — национального превосходства.

11 ноября в больнице лагеря № 3 в Мордовии умер Юрий Галансков — человек чистейшего сердца и непреклонного мужества. За несколько месяцев до смерти он сумел переслать письмо друзьям, в котором писал: «Я умираю. Они делают все возможное, чтобы ускорить мою смерть». Проще оказалось подвергнуть операции в тюремной больнице больного тяжелой язвой желудка Галанскова — операция закончилась смертью строптивого арестанта.

Смерть Галанскова — трагический символ завершения первого периода освободительного движения в постсталинской России.

Рукописный журнал «Феникс», составленный Юрием Галансковым в 1961 г., был первой ласточкой «самиздатовской» литературы, получившей потом такое широкое распространение. В то время Галанскову, сыну рабочего, студенту исторического факультета Московского университета, начинающему поэту, было 22 года. Он становится одним из инициаторов собраний московской молодежи перед памятником Маяковскому. Он кипит энергией и полон веры в возможность исправить «ошибки» Сталина — начать все сначала.

В 1966 г., когда Юрий Галансков издает второй сборник под тем же названием «Феникс», у него уже нет иллюзий. Сборник выходит после процесса над Синявским и Даниэлем. Процесс этот убеждает Юрия Галанскова в необходимости ясно и четко определить свое отношение к Советской власти, к Советскому государству, советской литературе. Он пишет письмо Шолохову, потребовавшему на XXIII съезде партии расстрела для Синявского и Даниэля. Он пишет, в частности, в этом письме: «В сегодняшней России нет ни свободной прессы, ни свободных организаций, ни свободного суда — в сегодняшней России все подчинено произволу власти». Галансков называет Шолохова агентом этой власти, позором для русской литературы. В январе 1967 г. Юрий Галансков был арестован и осужден на 7 лет лагерей строгого режима. Больной, он принял участие в голодовке, объявленной его другом Александром Гинзбургом, и продолжавшейся 21 день. Незадолго до смерти он написал друзьям письмо, в котором простил Алексея Добровольского, который своими показаниями позволил осудить Галанскова, и просил забыть предательство Добровольского.

Прошло немногим более десяти лет после издания первого «Феникса»: движение, одним из зачинателей которого был Юрий Галансков, по-

знало моменты подъема, когда оно насчитывало тысячи сторонников. «В лагере сторонников свободы творчества оказалось абсолютное большинство интеллигенции», — писал Галансков в письме Шолохову. Но начиная с 1968 г. движение идет на убыль. Полицейские репрессии и — одновременно — политика пряника приносят результаты. Валерий Чалидзе, один из членов Комитета защиты прав человека, получил разрешение выехать на 3 месяца в США для чтения лекций о правах человека в СССР. Жорес Медведев, один из наиболее активных защитников свободы научного творчества, автор нескольких интереснейших работ, распространяемых в «самиздате» и опубликованных на множестве иностранных языков на Западе, получил разрешение выехать на год в Англию для научной работы. Арестован один из лидеров демократического движения Петр Якир, и — по слухам, проникающим из тюрьмы, — он изъявил согласие заявить на суде об отказе от политической деятельности, осудить свою деятельность.

Лондонский «Обсервер» опубликовал первое интервью с Андреем Сахаровым, данное иностранному журналисту.

Создатель советского Комитета прав человека заявил: «Я не считаю себя больше социалистом. Я не марксист-ленинист, я не коммунист. Я назвал бы себя либералом». Оценивая нынешнее положение в Советском Союзе, Андрей Сахаров констатировал, что демократическое движение «никогда не было в таком упадке». После визита президента Никсона, — сказал он, — «положение ухудшилось. Власти еще больше обнаглели, ибо они чувствуют, что разрядка позволяет им игнорировать западное общественное мнение, которое не станет интересоваться проблемами внутренней свободы в России».

С добросовестностью ученого Андрей Сахаров признает: «И через 10 лет в стране ничего не изменится. Страна может погибнуть, но она останется неизменной. Мы знаем, что не можем ничего изменить... Мы были бы благодарны, если бы власти придерживались законов: например, о свободе слова, об открытых процессах, которые Конституция, якобы, гарантирует».

Английский журналист Джей Аксельбанк задал Сахарову вопрос: «Почему же вы боретесь, если вы думаете, что это бесполезно?»

«Потому что для нас, — ответил Андрей Сахаров, — это не политическая борьба... Для всех нас это моральная борьба. Мы боремся, чтобы быть верными самим себе».

Совершенно очевидно, что в советской печати нет упоминаний о смерти Юрия Галанскова или об интервью Андрея Сахарова. Есть зато в «Литературной газете» (29.XI.72) два письма двух советских писателей — Анатолия Гладилина и Булата Окуджавы.

В свое время Александр Галич написал грустное стихотворение «Уходят друзья», которое начиналось словами: «Уходят, уходят, уходят друзья, одни в никуда, а другие в князья...»

Галансков ушел в никуда. Не знаю, ушел ли «в князья» Окуджава, несомненно, однако, что письмо его опечалило многочисленных поклонников поэта.

Я хорошо знаю, что такое тяжесть советского прессы, давящего на человека, знаю, что легко упрекать кого-либо в слабости, не испытывая того, что он испытывает. Следует к тому же подчеркнуть, что письмо Булата Окуджавы — верх дипломатической ловкости и тонкости. Редакция газеты специально поместила сначала письмо Гладилина, прямо, без эвфиков заявляющего, что издание его книги в ФРГ на русском языке — «провокация белоэмигрантской прессы», и т.п. Окуджава пишет лишь о «некоторых печатных органах за рубежом», пишет осторожно и культурно. Но вывернуться трудно. Два маленьких коротеньких письма редакция предварила огромным предисловием «Фальсификаторы в роли «благодетелей». И в этом предисловии есть все, что так трудно, а может быть, и невозможно написать Булату Окуджава.

Нет сомнения, что ослабление демократического движения, изменение атмосферы в Москве объясняет письмо Окуджавы в такой же мере, как и нажим властей.

В последнее время не проходит недели, чтобы в советской печати не появилось сообщение о переменах на высоких постах в партийной или государственной иерархии. Меняются руководители партии в Азербайджане, на Украине, где убрали первого секретаря Шелеста, в Грузии, где убрали также первого секретаря Мжаванадзе, в Армении, где сняли председателя Совета Министров. И так далее и так далее.

Перемещения идут и на уровне среднего партийного звена. Брежнев сочетает приятное с полезным: ставит на ответственные посты в республиках своих людей и смещает тех, кто оказался подверженным «националистическим» настроениям. Смещение первого секретаря грузинской компартии Василия Мжаванадзе, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, дополнительно связано с одним из самых сенсационных скандалов последних лет.

Внимательные читатели стенограмм партийных съездов помнят, что Мжаванадзе был чуть ли не единственным оратором на XXIII съезде партии в 1966 г., который не выступил в поддержку предложения переименовать первого секретаря Брежнева в Генерального секретаря Брежнева. Шесть лет ждал Леонид Ильич. И дождался случая как нельзя более удоб-

ного. 27 ноября «Правда» напечатала заметку о скандале в Грузии. В действительности, конечно, размеры скандала, связанного со взяточничеством и коррупцией, достигших размеров гомерических, несравненно шире.

История эта могла бы стать материалом для увлекательнейшего детективного романа. Некий Лазишвили, начав свою деятельность с развозки «левого» товара, очень скоро благодаря несомненным коммерческим талантам, ловкости и щедрости превратился в одного из богатейших людей Грузии, владеющего целой сетью подпольных предприятий. Лазишвили с товарищами не только сам жил как бывший грузинский князь, но и давал жить другим — на его щедро оплачиваемых услугах были секретари райкомов, обкомов и, как утверждают, секретари ЦК, не говоря уже о других чиновниках. Но, как обычно, кто с кем-то не поладил, кто-то кому-то недоплатил — началось расследование, которое взял в свои руки заместитель министра внутренних дел Грузии Эдуард Шеварднадзе. С немалым трудом, немалыми хитростями, а где они не помогали, то и кулаками Шеварднадзе добился доказательств против Лазишвили, который был арестован и осужден.

Падение Лазишвили привело и к падению Мжаванадзе. А первым секретарем ЦК Грузии стал, как легко догадаться, замечательный советский чекист Шеварднадзе.

Еще не успели просохнуть подписи под приговором, а советская литература уже откликнулась на скандал в Грузии. Неоценимый журнал «Октябрь», порадовавший читателей в предыдущих двух номерах антисемитским романом, дал теперь — в № 11 — антигрузинский роман. Легко понять главного редактора Кочетова — праздник дружбы народов!

На этот раз в качестве автора выступил официальный бард «советских органов» Юлиан Семенов. Нужно отдать ему справедливость — все свои книги он всегда называет именем заказчика. Одна его книга называется «Петровка, 38» — там помещается Управление московской милиции. Другая книга в подзаголовке носит адрес: «Лубянка, 2». Новый опус называется «Огарева, 6». Даже немосковские читатели знают, что по этому адресу можно найти Министерство внутренних дел (чаще всего не нужно его искать — само вас найдет).

«Огарева, 6» — детективная история. Главный герой — полковник МВД, разыскивающий гнусного убийцу. Сравнительно быстро находит его. Убийца — как и следовало ожидать — отвратительный грузин, его помощник — не менее противный армянин. Есть там, правда, и русский негодяй, но, видимо, испортился под влиянием азиатов-кавказцев.

Февраль 1973

В конце января, как обычно, советские газеты опубликовали статистические данные о выполнении плана 1972 г. На этот раз не было обычных победных фанфар. Минувший год принес серьезные неудачи советской экономике. Национальный доход увеличился всего на 4% вместо 6,2%, предусмотренных планом, реальный доход на душу населения вырос на 3,7% вместо 5,2% по плану, значительно отставал от запланированного и рост производительности труда.

Особенно неудачным, как известно, был прошлый год в сельском хозяйстве. Плохой урожай зерновых, еще более скверный — картофеля и сахарной свеклы.

В 1964 г. такой неурожай привел к падению Хрущева. Брежнев нашел гораздо более приемлемый для него выход. В начале февраля газеты сообщили о снятии министра сельского хозяйства Владимира Мацкевича, который занимал этот пост с некоторыми перерывами с 1955 г. Значение этого факта связано, однако, не с тем, что Мацкевич снят, а с тем, что министром сельского хозяйства СССР назначен Димитрий Полянский — член Политбюро, занимавший пост первого заместителя председателя Совета Министров.

С одной стороны, назначение Полянского свидетельствует о глубоком кризисе советского сельского хозяйства. С другой стороны, отражает ожесточенную борьбу, идущую на советских верхах: 56-летний Полянский — один из самых молодых членов Политбюро. Неизвестно, останется ли он, заняв пост министра сельского хозяйства, членом Политбюро. Но, не опасаясь оказаться ложным пророком, можно уверенно сказать, что пост, на который его посадили, вряд ли принесет ему лавры. Без кардинального изменения сельскохозяйственной политики никакие изменения на посту министра помочь не могут.

А пока Брежнев сумел выключить из борьбы за власть опасного соперника.

Казалось бы, не очень давно, в 1966 г., выступая на заседании секции прозы Союза советских писателей, обсуждавших роман А.Солженицына

«Раковый корпус», Вениамин Каверин утверждал, что «пришла новая литература, и со старой, рептильной, ползавшей... — с нею покончено». Чрезмерный оптимизм Вениамина Каверина сегодня очевиден. «Рептильная» литература» заполонила страницы советских литературных журналов, выходит миллионными тиражами.

Мне уже приходилось рассказывать о примерах этой «литературы», и я отмечал, что ведущее место заняли в ней произведения, написанные по заданию КГБ, бывшими сотрудниками КГБ, активными и по сей день работниками «органов», совмещающими деятельность в «литературе» с работой в «органах». Я отмечал также, что эти «литераторы» специализировались в последнее время на книгах, «разоблачающих» некоторые подозрительные национальности, населяющие Советский Союз. Прежде всего, конечно, разоблачаются евреи, потом идут грузины, армяне и т.д.

На этот раз пришла очередь поляков. В журнале «Нева» (№ 12) опубликована первая книга (советским писателям платят в зависимости от количества страниц) романа Василия Ардаматского «Две дороги». Писатель этот давно уже имеет, как говорят, доступ к архивам ЧК—ОГПУ—НКВД и создал немало опусов, прославляющих «героических чекистов». Им, в частности, написан роман о знаменитой провокации — о т.н. Тресте — антисоветской организации, созданной ОГПУ. С помощью Треста был, в частности, заманен на советскую территорию Виктор Савинков.

Действие нового романа Ардаматского происходит в первые годы после революции в России, Азии, Польше (Варшава), в Гданьске и Берлине. Главный герой — русский эмигрант Сергей Дружиловский, который служит польской разведке, а потом немецкой.

Главный удар направлен автором (его заказчиками) против русской эмиграции. Но по дороге Василий Ардаматский изливает свои остро неприязненные чувства по отношению к полякам. То и дело появляются в книге замечания о польской крови — носительнице особых, для автора неприятных качеств.

«Уж если польская кровь у кого есть, то мало ее или много, значения не имеет, важно, что она есть, и тогда перед нами человек особого покроя». И снова: «В ваших жилах есть польская кровь. Прислушайтесь почаще к ее голосу, и все будет хорошо». Можно думать, что вопросы крови стали в последнее время чрезвычайно живо интересоваться советские «органы», судя по вниманию, которое уделяют писатели КГБ проблемам расы и крови.

Польская разведка (в книге появляется давно, казалось бы, забытый в советской литературе термин «белополяки», «польские пань») вербует русских эмигрантов для борьбы с Советской республикой. Но — это пре-

дупреждение сегодняшним русским эмигрантам — в рядах польской разведки, в рядах немецкой разведки, среди самих эмигрантов полным-полно советских агентов. ОГПУ бдит!

В журнале «Октябрь» (№ 1, 1973) роман «Покушение» подписан именами неизвестными — Анатолий Безуглов и Юрий Кларов. Но с первых же слов они гордо заявляют о своей принадлежности к могучему отряду писателей-чекистов или чекистов-писателей.

«Покушение» — написанное, если это возможно, еще хуже, чем «Две дороги», представляет значительный интерес, ибо посвящено периоду, о котором в советской литературе давно не писали: середина 30-х годов, самое начало «ежовщины», первые шаги «большого террора».

Роман, рассказывающий о деятельности московской милиции, тесно сотрудничающей с НКВД, открывается главой, посвященной убийству Кирова. Как известно, на XX съезде, а потом и на XXII съезде Хрущев привел немало фактов, убедительно свидетельствовавших о том, что в убийстве Кирова был замешан Сталин. В новом романе авторы возвращаются к старой, дохрущевской версии: убийство Кирова — террористический акт, совершенный оппозицией: зиновьевцами и троцкистами.

До недавнего времени «органы», чекистов хвалили за их деятельность по охране государства от внешнего врага, за их беспощадную борьбу с врагом за пределами Советского Союза. «Покушение» — первая в последние годы книга, восхваляющая НКВД за борьбу с внутренним врагом. Это как бы директива на сегодняшний день. Наша беда, заявляет в романе некий авторитетный товарищ, в том, что «мы уничтожали врагов рабочего класса с запозданием». Врагов уничтожали — этого ответственный товарищ не отрицает. Но уничтожали, когда они проявляли себя как враги — он называет контрреволюционных офицеров, меньшевиков и эсеров, кулаков. Но этот товарищ убежден, что врагов надо уничтожать заранее, еще до того, как они себя проявят, нужно уничтожать врагов потенциальных. И, как бы предвидя возражения мягкотелых сегодняшних интеллигентов, он глубокомысленно добавляет: «Гуманность — штука сложная». И невольно возникает вопрос: а нужна ли нам вообще эта «сложная штука»?

С любовью возвращают авторы «Покушения» в литературу (надеясь, очевидно, вернуть в жизнь) такие замечательные слова, как ГУЛАГ — Главное управление лагерей, УСЛОН — Управление Соловецких лагерей особого назначения, как Беломорканал, как «соцвреды» — социально вредные элементы, и многие другие... Ко всем этим словам авторам приходится давать сноски. Читатели молодые их не знают, но авторы уверены, что знать их нужно. Это еще не история...

Лишь однажды появляется в «Покушении» имя Вождя: генеральная линия партии отождествляется со сталинской линией. Что, конечно, совершенно правильно. Но надо признать Сталина маловато. Этот недостаток с избытком восполняет роман Александра Чаковского «Блокада».

Александр Чаковский имеет на своем счету уже с десяток книг. Он занимает пост главного редактора «Литературной газеты» и множество других в руководящих органах Союза советских писателей. Несколько последних лет он посвятил созданию монументального (по числу страниц) романа о блокаде Ленинграда в годы войны. В последнем номере журнала «Знамя» (№ 1, 1973) опубликована четвертая книга романа. Такого подробного и такого апологетического описания деятельности Сталина во время войны еще в советской литературе не было. Чаковский ставит своей целью опровергнуть всю военную литературу, созданную в годы «оттепели». Прежде всего «Блокада» должна опровергнуть картину войны, нарисованную Константином Симоновым в его романах «Солдатами не рождаются» и «Живые и мертвые». Должна опровергнуть и портрет Сталина, данный Симоновым. Симонов, писавший свои книги в 1960–1964 гг., мог еще говорить о том, что Сталин в октябре 1941 г. «в критические дни после сдачи Можайска распорядился ликвидировать многих из тех, кто еще сидел и кого он, с основаниями или без оснований, считал опасными для себя в случае военной катастрофы... Потом, когда в июле сорок второго снова расценивал положение, как отчаянное, он позвонил и приказал Берия подготовить еще один описок...» Чаковский утверждает в своем романе, в соответствии с новыми веяниями, что «Сталин военных дней во многом отличался от Сталина предвоенных дней». Сталин изображается — по старым образцам — как гениальный полководец, человек с железной волей, но одновременно тонко чувствующий боль и страдания народа, короче — отец народа.

Несомненно, что первым признаком той «рептильной» литературы, которую преждевременно надеялся похоронить Вениамин Каверин, является угождение политике сегодняшнего дня. Было время, когда было можно, и Чаковский поругивал Сталина. Сегодня платят тем, кто хвалит мудрого вождя народов — Чаковский хвалит. Отличным примером «рептильной литературы» является вышедшая недавно книга воспоминаний Галины Серебряковой «О других и о себе». В 1967 г. «Литературный институт» выпустил воспоминания Галины Серебряковой «Смерч» о почти двадцати годах, проведенных в тюрьмах и лагерях. Серебрякова написала свои воспоминания после опубликования «Одного дня Ивана Денисовича», когда, казалось, что можно, а главное — нужно писать правду о Сталине. Время это прошло. «Смерч» издан только на польском языке. А в но-

вых воспоминаниях Галины Серебряковой нет уже ни слова об арестах, о тюрьмах, лагерях. Не включила она в свою книгу и воспоминания о Борисе Горбатове, напечатанные в 1963 г. в «Литературной России». Приехав в 1949 г. в Алма-Ату, Горбатов узнал, что где-то в Казахстане живет в ссылке Галина Серебрякова — он послал ей письмо с предложением помощи. Письмо это попало в НКВД, и было заведено дело на Горбатова. В 1963 г. Галина Серебрякова писала, что «неосмотрительный, смелый и добрый поступок» Горбатова «влил в мою душу много сил... укрепил веру в людей, а значит — в справедливость и счастливое будущее».

В 1973 г. у Серебряковой не хватило смелости включить этот очерк о смелости, проявленной человеком в 1949 г. Видимо, писательница уже живет «в светлом будущем» и ей больше ничего не нужно.

«Рептильные» писатели хорошо знают, что есть и настоящие писатели. С живыми подлинными писателями просто: их не печатают. С мертвыми — несколько труднее. Но и на них нашли способ, их стараются, по выражению Надежды Мандельштам, «усыновить». Такая операция проводится сейчас и по отношению к Осипу Мандельштаму. Его стихи, правда, еще печатать не разрешают. Ими занялся один из наиболее правдоверных официальных критиков Александр Дымшиц — и время от времени пишет о них, интерпретируя «все, как надо».

В очередном ежегодном сборнике «День поэзии» представлен и Осип Мандельштам, но снова не как поэт, а как репортер, взявший в 1923 г. интервью у молодого вьетнамского коммуниста, посетившего Москву. Потом этот коммунист стал известен под именем Хо Ши Мина. К великому поэту Осипу Мандельштаму это интервью, конечно, никакого отношения не имеет. Но во вступлении, написанном тем же А. Дымшицем, доказывается, что Мандельштам проявлял живой интерес «к процессу развития международного революционного движения». Дымшицу очень хочется доказать, что Осип Мандельштам был похож на него, на других «рептильных» писателей.

В стремлении «усыновить» непохожих, советские литературоведы идут и на маленькие, смешные фальсификации. Журнал «Вопросы литературы» (№ 9, 1972) опубликовал подборку писем Леонида Пастернака различным адресатам, в том числе три письма Осипу Мандельштаму. Письма Пастернака Мандельштаму подверглись мелочной и глупой цензуре. Пастернак, например, пишет в конце 1924 г.: «Вчера у Асеева слышал чудесный анекдот о том, отчего наводнение случилось. Оказывается, Нева узнала, что ее собираются Розой Люксембург назвать, и из берегов полезла». Эту шутку, конечно, вычеркивают. Цензура вычеркнула также из писем Пастернака все приветствия супруге Мандельштама Надежде Яков-

левне за ее «Воспоминания». Решено, очевидно, сделать вид, что ее нет, и не было.

Перечисляя литературные события последних месяцев, нельзя не отметить случая уникального: интервью с советским писателем появилось в «Плейбое» (декабрь 1972). Нетрудно догадаться, что интервью дал Евгений Евтушенко, которого журнал игриво назвал «пылким старейшиной русской поэзии». Высказывания мэтра, занимающие семь с половиной битых страниц, сводятся к трем основным выводам: я, Евгений Евтушенко — выдающийся поэт, которого в Советском Союзе «читают все», единственный выдающийся поэт, близко знакомый и с капиталистическим, и с социалистическим мирами. Это первый вывод. Второй: Советский Союз — синоним социалистического мира — через одно-два поколения станет народом интеллектуалов, уже сейчас это страна свободы, и он, Евтушенко, удивляется, почему некоторые люди за границей беспокоятся о свободе в России; одно из свидетельств свободы в России — отсутствие там антисемитизма. Объясняет это поэт тем, что «абсолютно невозможно быть коммунистом и антисемитом, это две взаимно исключающие позиции». Если бы кто-либо в этом сомневался, то у Евтушенко имеются аргументы: против антисемитизма выступали Ленин, Маяковский и сам Евтушенко. Третий вывод: США — далеко не такая культурная, развитая и свободная страна, как родина Евтушенко. В США не читают стихов по телевидению, в США имеются лицемерные политики, вроде Юджина Маккарти, который однажды согласился прочесть с эстрады стихотворение Евтушенко, в котором были строки «Звезды в твоём флаге, Америка, — это дыры от пуль», но потом Маккарти передумал. Советский поэт не может ему этого простить. Впрочем, в заключение Евгений Евтушенко отметил, что американское общество меняется к лучшему, в нем рождается презрение к прагматизму, к вульгарному материализму, лицемерию.

По пути советский поэт указал на общего врага двух великих народов: это Китай, в котором, как известно Евтушенко, не знают Шекспира, Маяковского и Бетховена.

Когда печаталось интервью, данное Евтушенко «Плейбою», в Москве вышел сборник стихов поэта «Поющая дамба», главное место в которой занимает поэма «Под кожей статуи Свободы». В этой поэме Евтушенко гораздо более подробно излагает свои претензии к Соединенным Штатам. Все припомнил он Америке: убийство Мартина Лютера Кинга, братьев Кеннеди, негров, индейцев, нищету, полицию, отсутствие московской свободы и т.д. — в поэме 56 страниц. Поэму уже поставил Театр на Таганке. (Правда, постановщику спектакля Юрию Любимову разреше-

ния на поездку в США не дали: поехал один лишь знаток дикого Запада Евгений Евтушенко). Более того, Евтушенко издал уже и второй сборник стихов — «Дорога номер один», в котором также много места занимают стихи об ужасах западной жизни.

И все же, несмотря на внешние признаки любви, проявляемой к поэту руководителями партии и правительства, нет сомнения, что он начал беспокоиться. Основания у него есть. Начиная с 1962 г., все книжки Евтушенко выходят тиражом в сто тысяч экземпляров. Перефразируя известное выражение, можно сказать о советских поэтах: скажи мне, каким тиражом тебя издают, и я скажу, кто ты такой. Только Андрей Вознесенский издается, правда, только с 1966 г., — стотысячным тиражом. Предпоследний сборник Евтушенко вышел нормальным тиражом. А вот последний — «Дорога номер один» — всего лишь тиражом в 50 тыс. экземпляров. Есть от чего встревожиться...

В прошлом обзоре я писал о письмах Анатолия Гладилина и Булата Окуджавы в «Литературную газету», протестующих против издания их книг на Западе. Акция продолжается. 13 декабря 1972 г. «Литературная газета» (№ 50) напечатала новое письмо — Аркадия и Бориса Стругацких, протестующих против публикации их фантастической повести «Гадкие лебеди» в «антисоветском издательстве "Посев"». Братья Стругацкие в коротком письме трижды повторяют одно и то же: им не нравится издательство, которое опубликовало их повесть: «мы категорически протестуем против использования нашего творчества упомянутым издательством». Писатели ни слова не говорят о своей книге, ни словом не отрекаются от «Гадких лебедей».

Можно думать, что такие письма стали обязательным условием дальнейшей возможности продолжать печататься в советских издательствах. Можно пересчитать на пальцах одной руки писателей, отказавшихся написать такие письма. Можно спорить, что следует делать писателю в Советском Союзе или, например, в Польше.

В данный момент я хотел бы отметить другое: фантастическая повесть «Гадкие лебеди», написанная в 1967 г., отвергнутая всеми советскими журналами и издательствами, изданная на Западе, — выдающееся литературное произведение, позволяющее утверждать, что русская литература жива и сегодня, — только на родине ее не хотят печатать.

Недавно я писал в «Культуре» о двух предыдущих книгах Стругацких — о сатирико-фантастических повестях: «Улитка на склоне» и «Сказка о тройке». «Гадкие лебеди» принадлежат к этому же жанру, хотя здесь меньше фантастики, сатира тоньше. Это философская антиутопия

о гадких утятах, которые так и не превратились в прекрасных лебедей, которые не оправдали надежд. Это одна из самых «взрослых» книг в русской литературе последних лет, если считать признаком взрослого человека отказ от иллюзий.

Действие повести происходит в некоем странном государстве, в котором на улицах висят лозунги: «Президент — отец народа», «Армия — наша грозная слава», где официальные писатели повторяют: «Человек — это звучит гордо», хотя этих писателей, и не только их, все время бьют по физиономии. Героя книги — модного писателя Банева высылают в далекий провинциальный город за то, что во время разговора с президентом, который является одновременно главой правящей партии, он демонстративно вытер себе щеку, когда из «клякастой пасти президента» вылетела слюна. Банев быстро находит в городе веселую компанию, пьет водку и размышляет: «Почему мы все такие трусы? Чего мы собственно боимся? Перемены мы боимся. Нельзя будет пойти в писательский кабак и пропустить рюмку очищенной... Швейцар не будет кланяться... Плохо, если на рудники... это действительно плохо... Но это же редко, времена не те, смягчение нравов. Сто раз я об этом думал и сто раз обнаруживал, что бояться, в общем нечего, а все равно боюсь».

Не бояться те, кого народ называет «мокрецы». Они живут возле города в окружении колючей проволоки, но это не просто еврейское гетто, а нечто вроде помеси гетто и академгородка.

Ключевая сцена повести — встреча писателя Банева со школьниками. Дети отказываются принять его мир и его представление о будущем мире. Мечты героев Банева (и самого писателя) о будущем обществе: все сыты и никто не топчет друг друга, наступил покой — детей не устраивает. «Для вас и ваших героев такое будущее вполне приемлемо, а для нас это могильник. Конец надежд. Тупик... Вы ругали правительство и порядки, как будто вы не знаете, что лучшего правительства и лучших порядков ваше поколение... да попросту недостойно». В ответ на упреки Банева в жестокости один из слушателей отвечает: «Мы совсем не жестоки... Ведь мы вовсе не собираемся разрушать ваш старый мир. Мы собираемся построить новый. Вот вы жестоки: вы не представляете себе строительства нового без разрушения старого».

В финале дети уходят от родителей, из города к «мокрецам», которые научили их думать по-новому, уходят, как некогда ушли за свирелью крысолова дети из Гаммельна. «Мокрецы» вместе с детьми начинают мирное наступление на старый мир, и старый мир рушится — бегут «слуги народа, отцы народа», бегут злые, жадные, продажные. Добро торжествует над Злом. Непростая, местами зашифрованная, полная намеков и симво-

лов повесть Стругацких говорит о новых течениях в сегодняшней советской литературе и общественной мысли.

Март 1973

Недолго пришлось ждать нового праздника. 1 марта 1973 г. товарищ Брежнев Леонид Ильич «вручил» в присутствии членов Политбюро и секретарей ЦК партийный билет нового образца, за № 00000001 Ленину Владимиру Ильичу. Началась кампания по «обмену партийных документов».

Билет № 1 полагается Ленину по всей справедливости — он придумал не только партию, но и «чистку». Первая чистка в 1921 г. была проведена еще под его мудрым руководством. Билет № 2 будет, очевидно, выдан Сталину (признаться, точно я не знаю, как происходит вручение билетов членам партии, лежащим в Мавзолее или в Кремлевской стене, но раз в газетах пишут, считаю своим долгом хроникера факт отметить). Сталину билет № 2 полагается, во-первых, потому, что он без перерыва чистил партию до 1939 г. (к этому времени в рядах партии насчитывалось полтора миллиона членов, а вычищено было два с половиной миллиона членов). Во-вторых, Сталин придумал в 1935 г. формулу «обмен партийных билетов», которая заменила неприятное слово «чистка». Сталин также ввел новый порядок чистки («обмена»). В начале 20-х годов чистка членов партии производилась на открытых партийных собраниях, на которых могли присутствовать и даже выступать беспартийные. С 1935 г. проверка членов партии перешла в руки партаппарата.

В постановлении ЦК КПСС от 19 мая 1972 г. о порядке обмена партийных билетов сохранилось со сталинских времен не только название, но и порядок: обмен билетов проводится «в строго индивидуальном порядке» персонально секретарями горкомов, райкомов и т.п.

Первые чистки, организованные Лениным, направлены были действительно на очищение партии от тех, кто желал присоединиться к победителям. Ленин писал в 1921 г.: «если у нас имеется в партии 300–400 тысяч членов, то и это количество чрезмерно». Население России составляло в то время 130 млн. человек. Ленину казалось, что 400 тыс. членов партии на 130 млн. человек — слишком много, он требовал вычистить 100 тысяч. Сейчас Советский Союз насчитывает примерно 240 млн. человек, а партия — свыше 13 млн. Но теперь руководители не хотят значительного сокращения числа членов партии. Теперь чем больше, тем лучше. Задача «обмена документов» — укрепить дисциплину в партии. Последняя проверка проходила в 1957 г., проводил ее Хрущев. Сегодня

партию проверяет новый хозяин — Брежнев. Судя по статьям, заполняющим страницы газет и журналов, нынешняя «чистка» ставит перед собой две основные задачи — укрепление идеологической дисциплины и улучшение управления производством.

Первую цель достигнуть нетрудно. Журнал «Коммунист» (№ 12, 1972) писал черным по белому: «КПСС поощряет в рядах партии демократию, а не так называемую «свободу» проповедовать всякие мнения или вести деятельность, несовместимую с правами и обязанностями коммуниста». Тут все ясно: демократия и никакой свободы. Перестать рассуждать, и делать, что велют. В области управления от руководителей-коммунистов требуют одновременно инициативы и послушания. Но вот уже больше полувека решение этой квадратуры круга не дается коммунистическим вождям.

Возможно, однако, что борьбу за идеологическую чистоту, за идеологическую дисциплину в рядах партии вести легче, чем вне партии. Эта задача также в последнее время все больше и больше занимает советских руководителей. В невиданном раньше количестве появляются на страницах печати гневные рецензии на буржуазных историков и литературоведов, которые осмеливаются хвататься своими грязными руками за чистую советскую литературу или историю. Мне приходилось писать о протестах некоторых писателей против публикации их книг за границей «враждебными» издательствами. В «Литературной газете» № 7 белорусский писатель Василь Быков протестует даже против рецензии неправильной, опубликованной в «Вельт дес Бухес» на его книгу, вышедшую вполне законно в Западной Германии. Легко себе представить, что Василь Быков ни в чем здесь не виноват, его, как он пишет, «ознакомили с рецензией». Все эти заявления и статьи — признак горячего желания наложить руку на публикацию книг и статей о Советском Союзе за его границами. План этот отнюдь не так фантастичен, как могло бы показаться. А о том, что желание у советских руководителей огромно, свидетельствует присоединение Советского Союза к Женевской конвенции об авторских правах.

Десятки лет советские издательства переводили со всех языков все то, что им хотелось, и печатали, как и когда им хотелось, не желая платить авторам ни копейки. Если некоторым и платили — «своим», то в виде величайшей милости. Только в 1972 г. советские издательства опубликовали 8 100 000 экземпляров книг американских авторов. Все было хорошо, спокойно. Когда несколько американских писателей, изданных большими тиражами в Советском Союзе, попросили передать их гонорар Солженицыну, им ответили, что им никакого гонорара не полагается.

И вдруг 9 марта председатель Государственного комитета по вопросам издательств Борис Стукалин собрал пресс-конференцию и заявил о том, что 27 мая Советский Союз подписывает конвенцию об авторских правах. Советские издательства переводят и издают гораздо больше книг иностранных авторов, чем иностранцы — советских авторов. Прямая финансовая потеря. Но, как известно, не единым хлебом жив человек. Возможно, что советские органы рассчитывают получить выгоды нематериального, идеологического порядка.

Из разъяснений Бориса Стукалина видно, что защита авторских прав распространяется на авторов и на их права, а не на издательства или Союз писателей. Защита прав распространяется и на неопубликованные в СССР рукописи советских граждан. Еще не ясно, как все это будет осуществляться на практике. Но совершенно ясно, что Софья Васильевна (как называют в Москве Советскую власть) и Галина Борисовна (как называют государственную безопасность), намерены наложить свою лапу на «самиздат».

«Самиздат» превратился в силу, с которой не могут в Москве не считаться, которую можно было бы игнорировать. В одном только прошлом году на Западе были опубликованы, распространяемые в Советском Союзе «самиздатом» такие книги, как «Спуск под воду» Лидии Чуковской, «Прогноз на завтра» Анатолия Гладилина, три повести братьев Стругацких: «Улитка на склоне», «Сказка о тройке» и «Гадкие лебеди», роман Андрея Платонова «Чевенгур», сборник песен и стихов Александра Галича «Поколение обреченных», второй том воспоминаний Надежды Мандельштам, воспоминания Петра Якира о лагерных годах «Детство в тюрьме». И это только художественная литература и воспоминания. А ведь в значительно большем количестве вышли книги на общественно-политические, философские, экономические темы. Достаточно назвать здесь «Перед судом истории» и «Книгу о социалистической демократии» Жореса Медведева. Продолжает выходить «Хроника текущих событий», последний, 27-й номер, которой появился в самом конце прошлого года. Появились и новые периодические издания. Вышли два номера журнала «Сеятель», который называет себя «социал-демократическим агитационным листком», вышел в конце прошлого года первый номер «общественно-политического журнала «Свободная мысль».

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на репрессии, движение умов в Советском Союзе продолжается, меняет формы, ищет новые.

С этой точки зрения заслуживают особого внимания две статьи, помещенные в «Свободной мысли». Одна называется «От «самиздата» к Коллизату», другая — «Фотография как метод размножения текстовой документации».

Автор первой статьи С.Тополев, исходя из того, что «состояние печати какого-либо политического движения является отражением состояния этого движения», анализирует подробно деятельность «самиздата» и приходит к выводу, что «при первых шагах демократического движения, когда число его участников измерялось единицами и десятками, «самиздат» был единственной формой печати, соответствовавшей низкому уровню развития движения». Теперь недостатки — организационные и технические — «самиздата» препятствуют, по мнению автора, «возникновению местных организаций демократического движения и последующему оформлению на их основе общесоюзных партий, отражающих различные течения в демократическом движении».

В связи с новыми задачами автор считает необходимым поставить вопрос о «переходе к новой форме печати — она должна устранить недостатки «самиздата» и сохранить его достоинства».

С.Тополев предлагает перейти от «самиздата» к «Коллиздату», т.е. к Коллективному издательству. Он подробно излагает организационные основы своего предложения: как выпускать бесцензурные произведения, как их размножить, как их распространять, как их хранить. Главная мысль автора статьи — необходимо отказаться от случайного перепечатывания отдельных бесцензурных произведений, а наладить их выпуск в журналах. Указывая, что целый ряд журналов уже выходит, С.Тополев полагает, что «это явление из исключения необходимо превратить в правило». Журналы облегчают обмен мнением, позволяют координировать работу авторов бесцензурных произведений.

Далее автор статьи рассматривает проблемы размножения. «Чтобы добиться выпуска журнала тиражом, соответствующим общественной потребности, которая сейчас может измеряться сотнями и тысячами экземпляров, движение отказывается от пишущей машинки как основного средства размножения и использует множительные аппараты». С.Тополев советует использовать ротаторы, ротапринты, стеклографы, гектографы и т.п. Он отмечает, что в «самиздате» уже вышла работа К.Сухова «Простые методы размножения технической документации» (в этом же номере «Свободной мысли» напечатана статья К.Глухова «Фотография, как метод размножения текстовой документации»). Автор обращается к «демократически настроенным инженерам и ученым» с предложением заняться изобретением общедоступных высокопроизводительных множительных аппаратов.

С.Тополев в главе, посвященной распространению, предлагает ввести плату за «самиздатовские» журналы. Это, по его мнению, оттолкнет от движения случайных людей, окажет материальную помощь, необходи-

мую для издательских расходов, создаст фонд для оказания помощи репрессированным.

«По-видимому, — пишет в заключение С.Тополев, — репрессии усилятся. Однако по нашему мнению, другого пути ускорения развития демократического движения нет».

Все «самиздатовские» материалы — отдельные работы или журналы — издаются на Западе, а потом возвращаются на родину. Можно думать, что вступление Советского Союза в конвенцию по защите авторских прав имеет одной из целей задержать печатание за границей этих материалов.

Есть книги, которым постараются крепко-накрепко загородить дорогу к читателям, но можно не сомневаться, что западным издательствам будет охотно предоставлено право на публикацию любыми тиражами новейшего советского бестселлера «Джин Грин — неприкасаемый. Карьера агента ЦРУ 014». Московское издательство «Молодая гвардия» выпустило этот толстенный роман (686 стр.) стотысячным тиражом. В течение двух дней книга исчезла с полок книжных магазинов. И когда в «Литературной газете» (№ 5) появилась рецензия на книгу под звучным заголовком «Треск разрываемых рубашек...», было уже поздно — достать книгу было нельзя.

Но сначала о книге. Как страстный любитель Джеймса Бонда я не мог пропустить советский роман, взявший за основу приключения героя книг Флеминга. На обложке романа стоит имя его автора, звучащее по-русски необычно: Гривадий Горпожакс. Тайна открывается сразу же. Вступление от автора подписано тремя «терпеливыми переводчиками» Василием Аксеновым, Григорием Поженяном и Овидием Горчаковым. «Терпеливые переводчики», они же авторы, называют во вступлении свою книгу «романом приключенческим, документальным, детективным, криминальным, политическим, пародийным, сатирическим, научно-фантастическим и, при всем при этом, реалистическим».

Редакция в краткой аннотации излагает смысл книги более просто, по-народному, без хитрецы: «приключенческий роман, в котором раскрываются методы подготовки американских разведчиков. Сюжет романа несложен. Убивают отца Джина Грина — Павла Николаевича Гринева. Дело в том, что Джин Грин — это сын русского эмигранта, который родился в Париже, а теперь живет в Нью-Йорке. Убийца, перед тем, как выстрелить в старика, заявляет, что убивает его по приказу «Смерша». Чтобы покарать убийц, Джин по совету своего лучшего друга Лота, бывшего эсэсовца, а ныне сотрудника американской разведки, поступает на службу в ЦРУ, в «зеленые береты», всюду, куда нужно американским империалистам.

Подробно излагается, как Джина Грина готовят в разведчики. Потом, как он выполняет подлые задания американских империалистов во Вьетнаме. Потом его посылают для выполнения еще одного подлого задания в Москву. И тут-то все дело лопається. В американском шпионе Джине Грине заговорил голос крови, заговорила русская кровь Евгения Павловича Гринева. Он способствует поимке подлого ээсовца, своего бывшего друга Лота, он понимает свои ошибки. Короче, перед ним открываются радужные перспективы. Как хорошо известно, Советская власть великодушна.

Главная беда книги в том, что она скучная. Начатый, как пародия на Джеймса Бонда, роман очень быстро превратился в обыкновенное советское рукоделие, разоблачающее американских шпионов, ээсовцев, некоторых эмигрантов, еще не слышащих голоса крови, американскую мафию, преследования негров в США и т.д. и т.п.

Любопытно в книге лишь одно — несмотря на все свое желание, авторы не могут избавиться от американской цивилизации. С любовью, якобы пародируя, описывают авторы ночные клубы, рестораны, фасоны рубашек и штанов, марки виски и коньяков, которые пьют герои. Еще в сатирической комедии Маяковского «Баня» некая деятельница заявляла: если надо для агитации, то и танец живота покажите. Авторы «Джина Грина» показывают для агитации танец живота, стриптиз и вообще «загнивающую, но все еще прекрасную за границу», как выражался Маяковский.

Именно эти страницы и будут с восторгом проглатываться советскими читателями, которые, однако, будут вынуждены добираться до них через десятки страниц тоскливой агитации.

Единственной пока рецензией на «Джина Грина» была статья Евтушенко. Знаменитый поэт также нашел книгу скучной, однако, по его мнению, главная беда романа заключается в том, что его авторы позволили себе перенести действие нескольких глав во Вьетнам и писать пародию «на фоне человеческой трагедии, человеческой крови». Евтушенко считает, что неудача романа связана с тем, что в нем слишком мало разоблачения американской военщины, агрессивной политики Пентагона. Евтушенко заявляет это с видом человека, досконально знающего, о чем он говорит. Долгое пребывание в США сделало его несомненным знатоком политики Пентагона.

Было бы, однако, смешно защищать от Евтушенко авторов бездарного романа. Удивляет лишь в составе авторского коллектива имя Василия Аксенова, писателя несомненно талантливого. Посредственный поэт Поженин здесь, быть может, на месте. Особенно на своем месте главный автор романа Овидий Горчаков, в годы войны проникший в Варшаву как со-

ветский разведчик, но под видом английского капрала Вудстока, а после войны сочинитель книг о советских разведчиках.

Болезненная любовь советских писателей к детективной литературе не находит выхода: можно писать только либо о старых делах, либо о росте преступности всех видов в США. В то же время сама жизнь подсказывает советским прозаикам темы, которым позавидовал бы сам Ян Флеминг. Мне уже приходилось вспоминать о гигантской афере в Грузии, о деятельности Лазишвили, положившего себе в карман всю республику. Недавно стали известны новые подробности. Тбилисская «Заря Востока» напечатала сообщение о процессе. Судили Лазишвили и 81 его сообщника. Их обвинили в присвоении 836 792 рублей. Прокурор потребовал за такое хищение смертной казни для Лазишвили. Но есть еще судьи в Грузии. Великий комбинатор получил — всего или только, как угодно можно считать — 15 лет. В феврале состоялся пленум ЦК грузинской компартии, на котором стоял вопрос о последствиях скандала, о раскрытии всех лиц, с ним связанных. Но добраться до них будет нелегко. Даже новому первому секретарю ЦК Шеварднадзе, который действует по поговорке: «новая метла чисто метет». Сообщая о пленуме, «Заря Востока» писала: «Имели место феномены, противоречащие стилю и методам ленинской работы. И разъясняла дальше, что это значит: «Жены и члены семьи начали заменять в их функциях высокопоставленных глав семейств. Государственные дела решались в узком кругу родственников и близких... Все чаще и чаще в аппарате можно было слышать: так говорит хозяин, так хочет хозяйка». Газета признает, что «в ряде случаев комбинаторы, жулики, шантажисты добивались нечестным путем до руководящих постов. Именно в эту эпоху стало возможным, чтобы известный комбинатор Бабунашвили потребовал и получил для себя пост министра».

В Грузии ни для кого не является секретом, что речь идет о совсем недавнем времени, когда хозяином республики был первый секретарь ЦК Мжаванадзе, а хозяйкой — его супруга.

Апрель 1973

Чтобы решение не показалось первоапрельской шуткой, опубликовано оно было 3 апреля. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли очередное решение, игриво названное «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью». По дальнейшему совершенствованию... Значит, что все уже совершенно

замечательно, но надо дальше совершенствовать, ибо, как известно, нет конца совершенству. Впрочем, как сказано в заголовке, достаточно всего лишь «некоторых мероприятий», и все будет как нельзя лучше.

Нетрудно представить себе, с каким удовольствием советские читатели склоняются над текстом решения, но находят там ставшие привычными за последние 50 лет слова: «путем укрупнения предприятий, создания комбинатов, всесоюзных и республиканских промышленных объединений, приближения органов хозяйственного руководства к производству» — все трудности будут устранены. Панацея найдена — укрупнение.

Вот уже пятьдесят с лишним лет играют советские руководители в забавную игру: сегодня укрупняют, завтра — дробят. В 19 главе романа Александра Солженицына «В круге первом» объяснения этой игре даны: «Самым плодотворным временем Сталина были ночи. Недоверчивый мозг его медленно разрабатывался с утра. Хмурым утренним мозгом он смещал с должностей, срезал расходы, сливал министерства по два и по три вместе. Гибким же исхищенным мозгом ночи он придумывал, как министерства дробить, делить, как называть новые...»

Можно полагать, что новое решение было создано «хмурым утренним мозгом». Во всяком случае, давно уже не было создано такой фантастически сложной системы управления хозяйством. Достаточно сказать, что предусмотрено создание двухзвенной системы управления, трехзвенной, в виде исключения может быть и четырехзвенная, в случае необходимости может одновременно осуществляться управление по двухзвенной и трехзвенной системам и т.д. и т.п. Если бы автору знаменитого «закона Паркинсона» пришлось в голову ознакомиться с этим текстом, он вынужден был бы признать, что настоящей бюрократической машины он и в глаза не видел.

Впрочем, возможно, что советские экономисты могут позволить себе играть своей чудовищной бюрократической машиной, ибо все равно капиталисты им помогут. Пока американцы колеблются, ведут разговор о каких-то непонятных еврея, японцы готовы, кажется, дать Советскому правительству все, чего оно просит. Просит оно прежде всего кредиты в размере каких-нибудь полутора миллиардов долларов на поиски нефти и природного газа в районе Сахалина и в Восточной Сибири. 6 марта Брежнев принял в Кремле посла Японии, прибывшего с посланием премьера Танака. После визита, прошедшего в «дружеской обстановке», советские газеты изменили свой тон по отношению к Японии. Речь идет теперь уже не о «территориальных претензиях японских реваншистов», а, как выразился директор ТАСС Леонид Замятин в «Советской России», о «развитии наших отношений на солидной базе и урегулировании вопросов, остающихся нерешенными со времени второй мировой войны».

В апреле 1941 г. Сталин, после подписания с Японией договора о нейтралитете, провожая министра иностранных дел Мацуоку до вагона поезда — Вождь народов не делал этого никогда ни до, ни после, — сказал представителю Японии: «Мы, азиаты, всегда пойдем друг друга».

Повторил ли Леонид Ильич эти слова послу Японии в Москве — пока неизвестно.

В начале марта «Правда» оповестила советских граждан, что продовольственное положение в стране совершенно нормальное. Давно уже умный агитатор на вопрос: «Почему в магазинах нет продуктов?» ответил: «Нечего по магазинам шляться, надо газеты читать». Жителям Горького, Волгограда, Астрахани (нехватка продуктов особенно остро ощущается в Поволжье) остается читать «Правду», ибо нет в магазинах картошки, масла и других товаров. Известно, что в прошлом году был плохой урожай. «Подготовка к новому урожаю уже началась, объявлена всеобщая мобилизация на сельскохозяйственном фронте. Известно уже, что надо собрать в 1973 г. 197,4 млн. тонн зерна, на 30 млн. тонн больше, чем в 1972 г. и на 11 млн. тонн больше, чем в рекордном 1970 г.

Газеты запестрели заголовками: «Все на борьбу за урожай», «День, выигранный на севе, — неделя, выигранная во время урожая», и т.д. Но это заголовки дежурные, каждый год появляются они с поразительной регулярностью в начале весны. Статьи эти заказаны редакцией, повторяют одно и то же, одно и то же. Выделяется из этого потока официальных увещеваний и заверений статья Бориса Можаяева, озаглавленная по-человечески просто: «От чего зависит урожай». Борис Можаяев деревню знает отлично. В 1966 г. он опубликовал в «Новом мире» одно из самых страшных обвинений в адрес советского сельского хозяйства — повесть «Из жизни Федора Кузькина». О тех пор он очень редко появляется в печати, главным образом как журналист.

«От чего зависит урожай?» — спрашивает Борис Можаяев. «Чем, — спрашивает он, — можно объяснить такой парадокс — мощность машинного парка за последние десять-пятнадцать лет выросла в несколько раз, производительность механизатора тоже, количество удобрений, что вносились и вносятся, и сравнить нельзя, а урожайность гектара в среднем по стране повысилась всего на 4–5 центнеров?» Ответ простой: колхозники разлюбили землю, ибо перестали себя чувствовать ее хозяевами. Колхозники не хотят работать на земле. Интересно отметить, что к этому же выводу несколько лет назад пришел Андрей Амальрик в своей книге «Нежеланное путешествие в Сибирь».

Борис Можаяев пишет, заключая свою статью: «хлебороб, освобожденный от мелочной опеки, поставленный трудовыми условиями в полную самостоятельность, чудеса творит». Но писатель отлично понимает, что таких «самостоятельных хлеборобов» в колхозах нет и не будет.

Если не все ладится в экономике, в сельском хозяйстве, серьезные успехи отмечает советская печать в области идеологии. Серьезным успехом является прежде всего присоединение Советского Союза к Всемирной конвенции по авторскому праву. Западная печать, как правило, с одобрением отметила этот факт, свидетельствующий — по мнению той же западной печати — о дальнейшей демократизации общественной жизни в СССР. Тов. Стукалин, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговле откликами на Западе вполне доволен. «Хотел бы подчеркнуть, — заявил он, — что в целом мировая общественность весьма положительно относится к решению Советского Союза». Для тов. Стукалина одним из важнейших результатов участия СССР в авторской конвенции будет «улучшение отбора и увеличение выпуска книг наших авторов за рубежом», что даст возможность иностранному читателю «получить более полное и объективное представление о многонациональной советской литературе».

Если «мировая общественность» в целом положительно относится к решению Советского Союза, советская общественность относится к нему резко отрицательно. В «самиздате» появилось заявление группы писателей, не печатаемых в СССР, озаглавленное «Нож в спину русской литературе». «Советское правительство, — говорится в документе, — получило на литературу права в таком объеме и такого окончательного характера, каких оно никогда не имело. Наши книги и статьи будут подвергаться теперь не только национальной цензуре, но и «шмону при выходе из зоны» (то есть обыску при выходе из лагеря)...

Присоединился к протестам и академик Сахаров, выславший в начале апреля открытое письмо ЮНЕСКО. Нужно отметить, что Андрей Сахаров написал это письмо после продолжительной беседы, которую имело с ним в марте КГБ. В феврале впервые открыто в советской печати напал на Сахарова редактор «Литературной газеты» Александр Чаковский, назвавший выдающегося ученого «юродивым», обозвавший знаменитый меморандум Сахарова «стряпней... наивным конгломератом избранных отрывков из Евангелия, «Общественного договора» Руссо, советской и американской конституций и собственных пожеланий автора». Чаковский, как обычно, придает своей статье знакомую форму доноса, утверж-

дая, что идеи Сахарова «не новы», что это утопии, которые «давно используются на Западе для антисоветских целей».

Не испугавшись доносов Чаковского и угроз КГБ, Андрей Сахаров пишет о присоединении Советского Союза к конвенции: «Государства могут и должны защищать права авторов — своих граждан, но они не имеют права их присваивать. В особых условиях нашей страны закон о монополии внешней торговли может быть использован для ограничения и также полной ликвидации международных прав советских авторов. Идеологическая и эстетическая цензура была у нас всегда очень строгой. В последние годы она становилась все более и более произвольной и суровой. Если эта цензура получит власть над международными правами, русская и мировая культура окажется лишенной многочисленных замечательных произведений Ахматовой, Пастернака, Солженицына, Твардовского, Бека и многих других авторов, композиторов, художников, публицистов и т.д. Нельзя допустить, чтобы эта цензура могла сегодня дать себя почувствовать в международном масштабе, опираясь на Женевскую конвенцию». В письме Сахарова обращает внимание ссылка на то, что после подписания конвенции передача рукописей за границу будет рассматриваться как нарушение закона о монополии внешней торговли, т.е. как контрабанда. Советский уголовный кодекс предусматривает за это наказание — заключение в лагерь сроком от 3 до 10 лет и ссылка на 5 лет.

Почитав письмо Андрея Сахарова, человек, незнакомый с советской литературой, может подумать, что издавать на Западе будет некого. Это неверно. Есть и такие, кого на Западе советские власти будут усиленно пропагандировать. В марте, например, советская литература радостно отмечала 60-летие своего самого выдающегося деятеля (писателем назвать его не решаюсь). Сергей Михалков, носящий на своей груди кроме разных мелких орденов и медалей три медали Сталинских премий, одну — Ленинской премии, получил к юбилею звание Героя социалистического труда. Увы, выше награды нет. Может, и надо было бы, да нет. Впрочем, такой наградой можно, пожалуй, считать ласковые слова самого Леонида Ильича Брежнева, назвавшего Михалкова в числе писателей, без чьих произведений нельзя себе представить детство. В многочисленных письмах, телеграммах, статьях, посвященных славному дню рождения (почему-то все эти документы подписаны либо чиновниками, либо не известными в литературе именами) подчеркивается, как вершина, сказано даже «прекрасная вершина», трилогия Михалкова «Дядя Степа» — поэма из жизни милиционера дяди Степы и сына дяди Степы — тоже милиционера. Можно понять, что тов. Брежнев не представляет себе детства без поэм о милицио-

нерах, удивляет лишь то, что в числе тех произведений, за которые юбиляру платили медалями (и просто наличными), не упоминаются слова к гимну Советского Союза. Правда, в последние годы советский гимн превратился в «песню без слов», его играют, но не поют. И все же обидно, что так быстро забыли автора замечательных слов: «нас вырастил Сталин...» и т.п.

Пораженный размахом, который приобрело чествование Михалкова, я обратился к его творчеству, пытаюсь найти литературные основания высокой награде чиновнику и специалисту по доносам. В журнале «Крокодил» (№ 4, 1969) я обнаружил его знаменитую басню «Трудный хлеб». Чтение этого текста убедило меня, что за него следовало дать звание Героя социалистического труда. Ибо именно «социалистический труд» воспевает в басне Михалков.

В прозаическом переводе (читатель ничего не теряет от перевода на язык прозы, Михалкова поэзия не интересовала, он заботился о передаче мысли!) текст звучит так: на конном заводе работает Конь, он возит овес, вывозит навоз, но он ужасно завидует рысакам, которые живут в великолепных стойлах, кушают отличный корм, которым подстригают хвосты и гривы. Завидует трудовой Конь, но, утверждает автор, никогда он не видел, как трудно работает рысак на ипподроме, каких трудов стоит ему бег. И Михалков заканчивает афоризмом: «Так гражданин иной судить-рядить берется о тех, кто на виду, и как кому живется».

Можно с уверенностью сказать, что Михалков является автором наиболее откровенной проповеди социального неравенства в Советском государстве. Он смело сказал то, что думает начальство: рабочий должен возить навоз, начальство — жить в роскоши, ибо начальство «бегает на ипподроме». Начальство не пожалело наград для своего певца.

История эта непосредственно связана с советской печатью, хотя произошла она в Париже. В сентябре 1972 г. выходящий в столице Франции бюллетень советского информационного бюро Новости «СССР» опубликовал наряду с другим поучительным материалом статью «Школа обскурантизма». В Советском Союзе такой материал давно уже никого не удивляет — антисемитская литература печатается там широко и открыто. Во Франции, однако, статейка в бюллетене «СССР» привлекла внимание Международной лиги против расизма и антисемитизма, которая, используя закон от 1 июля 1972 г., подала на бюллетень советского посольства в суд.

26 марта состоялось первое заседание суда. Свидетели обвинения утверждали, в частности, что со времен гитлеровской оккупации «во Франции не появлялась в печати такая ядовитая и антисемитская статья». Французов можно понять: они не читали на польском языке опусов Таде-

уша Валихновского или Казимежа Сидора, не читали на русском «трудов» Т.Кичко или Е.Евсеева. Впрочем, французов удивил не только «яд и антисемитизм» статьи, их удивило и то, что статья, опубликованная в журнале «СССР», оказалась плагиатом.

Специалисты по антисемитизму быстро узнали в статье, опубликованной советским посольством в Париже, материал, принадлежащий перу заслуженного русского антисемита Алексея Химакова, одного из идеологов «Черной сотни», напечатанный впервые в 1906 г. Статья Химакова подверглась «модернизации»: вместо «еврей» всюду было проставлено «сионист», но — и это, кажется, особенно возмутило парижских адвокатов, — орфографические ошибки, содержащиеся в статье Химакова, перекочевали в статью, появившуюся в бюллетене «СССР». Недобросовестные люди могли бы из этого сделать вывод, что знание русской грамматики у русских антисемитов за последние 50 лет не повысилось. Заслуживает, однако, внимания другой вопрос: почему Советская власть не использует свои испытанные кадры, а обращается за помощью к старым мастерам? Любопытно, что Химакова в свое время разоблачал Ленин, так что можно предполагать, что, изучая труды В.И.Ленина, руководители советского антисемитизма нашли имя Алексея Химакова. Кто сможет после этого сказать, что изучение трудов основателя Советского государства не приносит практической пользы?

Составляя обзоры советской печати, читая регулярно в значительном количестве советские газеты и журналы, получая, следовательно, ежедневно солидную порцию антисемитизма, я признаюсь, начал задавать себе вопрос: а может быть, нет дыма без огня, а может, действительно они, то есть евреи, виноваты — если не во всем, то во многом. Скрывал я эти сомнения от редактора «Культуры» до самого последнего времени. Но больше не могу. Ознакомился я со свидетельством, которое окончательно меня убедило: да, виноваты! Среди грузинских евреев, приехавших недавно в Израиль, оказалась 110-летняя Ханна Моишашвили. В разговоре с журналистом она припомнила, что хорошо знала мальчика Сосо Джугашвили. Больше того, кормила и поила его, одевала, помогала ему. И Сосо часто говорил доброй женщине: «Ты сделала из меня порядочного человека, ты меня кормила, одевала и учила. Без тебя я остался бы на всю жизнь вором и хулиганом».

Можно задать вопрос: не было бы для всех лучше, если бы добрая еврейская женщина оставила в покое Сосо Джугашвили, и остался бы он обыкновенным вором и хулиганом, а не превратился бы в Иосифа Сталина? Как видим, и здесь виноваты евреи.

Советская печать высоко оценила работу Анджея Вайды, поставившего в московском театре «Современнику» пьесу американского драматурга Дэвида Рабэ «Палки и кости», отмечая разоблачительный пафос спектакля, клеймящего американских агрессоров.

Автор пьесы ознакомился с хвалебными рецензиями и... остался ими недоволен, даже выразил протест.

Во-первых, он обижен, что ему не платят за авторские права. Во-вторых, он обижен на постановщика Анджея Вайду и художественного руководителя театра Олега Ефремова. «Судя по рецензиям, — пишет автор пьесы, — в ваших попытках понять смысл пьесы нет ни искусства, ни серьезности. Пьеса показывает, как искажается перцепция в личных целях. Вы это и сделали — исказили перцепцию в личных политических целях... Пьеса эта — о вас и о вашем народе. Если вы этого не поняли, значит, вы лжете или пьеса лжет. Если вы нашли в ней только Америку, значит, вы ничего в пьесе не поняли или ничего не поняли в себе».

Июнь 1973

Редко можно встретить в советской печати такое бессильное отчаяние, такую безнадежность. Очерк Н.Мельникова, напечатанный 16 мая в «Литературной газете», носит нейтральное название: «ГУМ. У фонтана». Подзаголовок поясняет, о чем хочет рассказать писатель: «Как школьник попал на скамью подсудимых». Необыкновенно просто, ограничиваясь лишь самыми необходимыми фактами, Н.Мельников излагает «дело». 14-летний Андрей Матвеев, школьник из города Вознесенска, приехал в Москву. В ГУМе — самом большом московском магазине — он залез в карман гражданину Суворину и вытащил два рубля шестнадцать копеек. Матвеев был задержан на месте преступления и доставлен в отделение милиции. Признал себя виновным. Деньги пострадавшему возвращены. Андрея Матвеева привлекли к суду по статье 144 за кражу.

«На подсудимом Матвееве была школьная форма. Когда он сидел, опустив голову, то из-за барьера выглядывала лишь стриженная макушка его. Он был мал ростом, а барьер высокий... — Встать, суд идет!

Встал Матвеев, встали женщина в первом ряду и я. Больше никого посторонних не было. Кроме меня. Женщина из первого ряда оказалась матерью подсудимого. Прокурор и защитник отсутствовали. Защитника родители подсудимого не наняли, а прокурор не считал нужным участвовать в этом деле. Оно и правда было яснее ясного».

Начинается суд. Безразличный равнодушный судья. Безразличная равнодушная мать, которая ждет, что сына «сделают человеком» в тюрьме.

«Судья поглядел на подсудимого. — Тебе предоставляется последнее слово. — Матвеев не двинулся. — Встань, Матвеев. — Он встал. — Тебе предоставляется последнее слово. Понял?

— Понял.

— Тогда говори.

Матвеев, глядя в пол, попросил: «Дайте поменьше». Статья 144 Уголовного кодекса РСФСР гласит, что «тайное похищение личного имущества граждан (кража) наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года». Судья не внял просьбе Андрея Матвеева — «дайте поменьше» — он дал ему все, что позволял Кодекс: два года.

К самому концу суда подоспел и отец Андрея, не живущий с семьей. Узнав о приговоре, он обратился к судье с волновавшим его вопросом: «Как теперь алименты — не будут с меня вычитать?»

Н.Мельников заканчивает своей очерк так: «Нет, суд был как суд. Я о Матвеевых-старших, о тех, кто среди бела дня предал мальчишку». Частично с писателем можно согласиться: родители предали сына. Но только ли родители? А государство — за два рубля осудившее ребенка на два года? Социалистическое государство, некогда выступившее против частной собственности, а теперь хранящее его не хуже, чем Англия времен Диккенса. Впрочем, вся эта история чрезвычайно напоминает сцены, описанные Диккенсом, Англию начала XIX века.

В очерке Н. Мельникова, к нему великолепно подошло бы название книги Юзефа Чапского «Нечеловеческая земля», удивляло только одно: каким образом попал он в газету?

30 мая «Литературная газета» разъяснила загадку, опубликовав заявление: «От редакции». В заявлении этом говорится: «В № 20 «Литературной газеты» был опубликован очерк Н.Мельникова «ГУМ. У фонтана». Факты, приведенные в нем, при последующей проверке не подтвердились. Редакция приносит извинения читателям. Работники газеты, виновные в опубликовании материала без надлежащей проверки, наказаны».

Мне неизвестно, накажут ли работников газеты, в том числе и автора очерка, строже, чем Андрея Матвеева. Важно, что накажут. Важно, что «Литературная газета» извинилась перед читателями за то, что случайно сказала правду.

Новый положительный герой советских газет — капиталист. Причем, чем капиталист крупнее, тем он положительнее. Миллионера-нефтяника

Арманда Хаммера радостно приветствовали, ибо он «лично знал Ленина», подписал договор о строительстве химических предприятий в Советском Союзе стоимостью в 8 млрд. долларов и хочет подписать договор на строительство гигантского газопровода, стоящего в два раза больше. Но вот появился в Москве Дэвид Рокфеллер. Ленина не знавший, зато, как с гордостью пишут «Известия», руководящий «третьим по величине в капиталистическом мире» банком. А банк этот — «Чейз Манхеттен банк» — открывает свое отделение в Москве как раз напротив Кремля. (Журнал «Неделя», напечатавший с ним интервью, не преминул сообщить читателям, что активы банка на 31 декабря 1972 г. составляли 25 млрд. долларов). Не успел еще выехать Рокфеллер, как появился в Москве президент «крупнейшего в капиталистическом мире» «Банк оф Америка» А.В.Клаузен. Кроме американских миллиардеров, почетом пользуются еще западногерманские.

Советский читатель узнает из прессы, что это западные капиталисты, нуждаясь в советском рынке, мечтают о развитии торговли с Советским Союзом. «Для США — Советский Союз весьма перспективный рынок громадных размеров», — заявил корреспонденту «Известий» американский адвокат Сэм Пизар, высоко ценимый в Москве автор «капитальной работы» «Существование и торговля». Советская печать старается убедить своих читателей, что без торговли с Советским Союзом западный мир в ближайшее время рухнул бы, погиб от кризисов, безработицы и т.д. Обилие западных капиталистов, кинувшихся в Москву, их радостная готовность говорить все, о чем попросят журналисты, их желание всячески угодить советским руководителям (в Париже на первой в истории продаже картин советских художников-соцреалистов 65 кошмарнейших картин расхватали американские миллионеры, с которыми мог конкурировать только синьор Аньелли) дает советской печати достаточно аргументов в подтверждение тезиса о близящейся гибели западного мира.

На вопрос, почему первое в мире социалистическое государство должно спасти разваливающийся капиталистический мир, советская печать прямого ответа не дает. Косвенные ответы на этот вопрос, соседствующие с традиционными марксистскими клише, создают впечатление, что советские газеты пишутся шизофрениками. На одной и той же странице можно найти сообщения о кризисе американской экономики, росте безработицы и цен и одновременно — статьи о достижениях американской технологии, необходимой Советскому Союзу. Никогда еще такое количество американских слов и выражений не вторгалось в такой короткий срок в русский язык. В последние месяцы, например, выражение «ноу-хау» стало для советских читателей таким же близким, как «борьба за урожай».

Советская печать последних месяцев своей бессмысленной противоречивостью, своей шизофреничностью отлично передает чувство озабоченности, овладевшее московскими руководителями. Создается впечатление, что они вдруг поняли — каждый день отбрасывает Советский Союз все больше и больше назад, что экономический кризис углубляется. Длинная серия космических неудач, а также трагическая катастрофа «Ту-полева-144» на авиационном салоне в Бурже сигнализируют, что советская технология достигла некоего предела. Чтобы совершить НТР (сегодня самое любимое советское сокращение — научно-техническая революция), нужна помощь Запада.

Можно думать, что не все советские руководители это поняли. Едва открылся международный авиационный салон в Бурже, как заместитель советского воздушного атташе подполковник Евгений Николаевич Миронкин был задержан при выходе, ибо он пытался вынести в карманах некоторые интересовавшие его приборы. Миронкин хотел старым способом помочь своей Родине совершить НТР. Было время, когда это удавалось. Острые на язык французы, увидев в небе силуэт «Туполева-144», сразу же назвали его «Конкордом», настолько советский самолет напоминает франко-английский «Конкорд». Становится, однако, все более очевидно, что путь подполковника Миронкина в НТР бесплоден. Однако сказать об этом открыто в Москве не хотят.

Тех, кто пытается об этом говорить, преследуют все более и более жестоко. Несмотря на то, что медицинская комиссия признала генерала Петра Григоренко совершенно здоровым, органы безопасности отказывались дать согласие на его освобождение из психиатрической больницы, в которой Григоренко сидит уже три года. Спецсуд приговорил Петра Григоренко к вечному пребыванию в бывшей прусской тюрьме, переделанной советскими властями в «психиатрическую больницу» в городе Черняховске (возле Калининграда, бывшего Кенигсберга). Органы безопасности отказались освободить и Андрея Амальрика, отбывшего свой трехлетний срок и задержанного в лагере на Колыме. По дошедшим сведениям его снова привлекают к уголовной ответственности по статье 70 за «агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советского государства... распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй...» Наказание по этой статье предусматривает до 7 лет лагеря.

Академик Андрей Сахаров обратился к мировой интеллигенции с призывом выступить в защиту Андрея Амальрика и других жертв новой волны преследований в Советском Союзе.

Аресты, заключение в лагеря и психиатрические больницы — одна сторона идеологического режима, усиливающегося в Советском Союзе. Вторая сторона — перестройка культурной политики. Откровеннее всех изложил новые задачи, поставленные перед советской культурой, прежде всего перед литературой, секретарь Союза советских писателей Виталий Озеров. В журнале «Знамя» (№ 4, 1973) он опубликовал программную статью, озаглавленную «Духовная элита» или бойцы партии?» Вопрос касается писателей, это их спрашивает Озеров — кто они? Но для всех читателей очевидно, что вопрос этот риторический. Поставив слова «духовная элита» в кавычки, автор статьи сразу же дает понять, как он относится к претензиям писателей на положение «властителей дум», к их претензиям говорить на политические темы. Главная мысль статьи — писатели не должны, не имеют права вмешиваться в политику. Озеров ссылается при этом на высочайший авторитет — на Ленина. «В 1917 г., осудив пацифистское обращение Горького к Временному правительству о заключении «демократического мира», Ленин еще раз подчеркнул значение горьковского таланта, а затем задался вопросом: «Но зачем же Горькому братья за политику?»

Политика — дело партии. Писатели должны писать то, что велит партия. Даже Горький делал ошибки, когда брался за политику. Еще хуже получилось, когда «взялись за политику» чешские писатели. Кошмарным последствием вмешательства чехословацких писателей в политику Озеров посвящает треть статьи. А затем он с большим одобрением цитирует польский еженедельник «Панорама» (Озеров не дает даты, но указывает, что цитируемый номер вышел после XVIII съезда польских писателей весной 1972 г.). В «Панораме» Озерову понравилось такое место: «В течение многих веков писатели воспринимались у нас как живое воплощение совести нации. Такая точка зрения, вполне понятная при отсутствии каких-либо иных общественных институтов, которые могли бы противостоять политике поработителей, ныне стала анахронизмом». Озеров, комментируя цитату, пишет. «Обратим внимание на слова «при отсутствии каких-либо иных общественных институтов...» Теперь, — утверждает он, такой институт есть — партия. Следовательно, теперь писателю не нужно быть «совестью нации», Наоборот — это вредно.

«Под руководством партии, — торжественно формулирует Озеров, — на своем участке... художники могут и должны всесторонне воздействовать на жизнь народа... Оппозиционность социалистическому обществу губительна для художественного творчества».

Все есть в этой формуле: под руководством партии; на своем участке; оппозиционность гибельна. Лучше бы, правда, сказать, что гибельна не для творчества, а для творца. Но Озеров уверен, что его поняли.

В вышедшем «совсем недавно в Москве очередном, седьмом томе «Краткой литературной энциклопедии»: от «Совуكرانيا» до «Фиалки», напрасно искать Александра Солженицына. Как известно, он не признает руководства партии и считает, что его долг быть совестью нации. Озеров и ему подобные решили вычеркнуть Солженицына из литературы...

В прошлом «Обзоре печати» я выразил предположение, что будет усиливаться союз официальной идеологии с националистической идеологией. В последнем номере (№ 106) выходящего в Париже «Вестника русского студенческого христианского движения» напечатан текст интервью Владимира Осипова американским журналистам. Владимир Осипов — редактор «самиздатовского» журнала «Вече», «первого, — по его словам, — органа русского национального направления, выходящего в СССР». Узнав, что «ни одна редакция в США» не опубликовала интервью, данного корреспонденту АП, Владимир Осипов переслал текст своих ответов в Париж. В письме в редакцию «Вестника Р.С.Х.Д.» Осипов очень сжато и очень ярко выражает принципы движения, объединенного вокруг журнала «Вече».

«Я абсолютно убежден, — пишет он, — что нет иного выхода из нравственного и культурного тупика, в котором оказалась Россия, как опора на русское национальное самосознание, самосознание народа многочисленного и государственного. А сегодняшнему спившемуся забулдыге надо сказать: «Ты русский. У тебя великая история и великая культура. Своим поведением ты оскорбляешь прадедов. Встань и умойся». Наш так называемый «национализм» охранительный, это реализация инстинкта самосохранения исчезающей нации. Да! Это страшно звучит, но русская нация может исчезнуть. Во-первых, нравственно и культурно. Во-вторых, наш народ исчезает количественно: современная русская женщина рождает не более 1–2 детей».

Владимир Осипов делает из этого вывод: «Я считаю, что даже проблема прав человека *менее* (подчеркнуто Осиповым) важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации... Исчезновение русского начала с лица земли было бы губительным и для всего человечества».

В ответах на вопросы американских журналистов В.Осипов подробно излагает философию и цели журнала «Вече». В числе близких по духу писателей и философов Осипов называет, «отсчитывая время от Достоевского», Василия Розанова, поэтов Николая Гумилева и Николая Клюева, писателя Андрея Платонова, философа Павла Флоренского, «который удивительно смог слить активное понимание научно-технической

миссии XX века с ревностным православием», Николая Бердяева. Среди западных философов редактор «Вече» выделяет Мартина Хайдеггера, назвав его «великим философом нашего времени, да и не только нашего».

На вопрос о роли Солженицына в советском обществе, В.Осипов ответил, что «в 60-е годы Солженицын стал нравственной силой, противостоящей определенным началам современной государственности».

За последнее время Солженицын, на наш взгляд, совершил ошибки, которые могут оказаться роковыми для дальнейшего исполнения им своего предназначения».

В.Осипов признает, что «Вече» и его сторонники пытаются создать идеологию, необходимую для спасения русской нации, ибо в данный момент ей угрожают «коммунистический Китай и непрекращающаяся вражда космополитического капитала».

Терминология Осипова — сочетание наиболее употребительных выражений в советском, русском, черносотенском и гитлеровском языках. «Пока существуют мировые космополитические силы, — утверждает редактор «Вече», — деятели любого национально-культурного движения не могут рассчитывать на безопасность». Обвинения в антисемитизме, утверждает он, «выставляются против любого национально-культурного движения в любой стране при наличии еврейской диаспоры». Евреи — вечные враги национальных движений.

Для Осипова Россия — это все народы, входящие в состав Советского государства. На вопрос: «Какую поддержку для журнала вы нашли?» Осипов отвечает: «Мы нашли полную поддержку у русского народа... Нашему направлению также симпатизируют многие инородцы» (так в царской России называли всех нерусских). И добавляет снисходительно: украинцев и белорусов мы не отличаем от русских. Мысль о том, что украинцы или белорусы могут «отличать себя от русских», ему, видимо, в голову не приходит.

Интервью заканчивается вопросом: «Какой государственный строй лучший для целей вашей группы?» Ответ Осипова чрезвычайно знаменателен: «Советский социальный и политический строй, стоящий на национальных принципах и фактическом соблюдении Конституции СССР, нас вполне устраивает».

Можно думать, что идеология журнала «Вече» все больше устраивает советских руководителей. Одним из подтверждений этой точки зрения может быть увольнение с поста первого заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Александра Яковлева, назначенного послом в Канаду. В декабре прошлого года я подробно рассказал в своем обзоре о громадной статье А.Яковлева в «Литературной газете»,

посвященной росту славянофильских настроений в советской культуре. Излишне критическое отношение Яковлева к этим настроениям могло стоить ему поста в ЦК КПСС.

Июль 1973

Подготовка к визиту Леонида Брежнева продолжалась, все нарастая, целый год. В конце мая—начале июня она достигла высшей точки: газеты и журналы наперебой публиковали хвалебные статьи, очерки, путевые заметки о прелестях жизни в США. Прочно забыты были «коварные происки американских империалистов», «расовые преследования в США», «миллионы безработных», «упадок американской экономики» и т.д. и т.п. Главный редактор журнала «За рубежом» Даниил Краминов с несвойственной ему откровенностью признал: «Несколько лет назад мы бы, конечно, гораздо больше писали о грязных сторонах американской политической жизни (он имел в виду почти полное отсутствие в советской печати даже упоминаний о Уотергейте). Но мы придерживаемся старой русской поговорки: «Не пачкают дом, в который хотят войти».

Накануне отъезда Леонид Брежнев, желая во что бы то ни стало понравиться американцам, пригласил 11 американских журналистов в — некогда святая святых — в свои апартаменты в Кремле, причем сам был гидом этой экскурсии. Затем почти три с половиной часа отвечал на все вопросы. Готовясь отвечать на вопрос, который — как он знал — будет ему постоянно в США задавать, Брежнев заявил: «У нас нет ни еврейской проблемы, ни еврейского вопроса». А для доказательства прибегнул к испытанной веками формуле: «Среди моих ближайших друзей со школьной еще скамьи есть евреи».

Слова эти, как можно судить по откликам в американской печати, произвели на журналистов огромное впечатление. Но вот наконец отъезд. Начиная с 19 июня до 26 июня, все советские газеты публиковали на первой странице портрет — стоя, сидя, в очках, без очков, с пером в руке или под руку с Никсоном — Генерального секретаря. Подробно описывались горячие встречи, любовь американского народа к советскому вождю, польза, которую принесет американскому народу мир и дружба с советским народом. Американская печать, уделявшая визиту значительно меньше места, чем советская пресса, была как бы несколько потрясена настойчивостью и политической ловкостью Леонида Брежнева. Генеральный секретарь добивался в Вашингтоне условий торгового обмена и экономической помощи, какие американцы дают обычно малоразвитым

странам. Взамен он мог предложить традиционные объекты советского экспорта в США: меха, хромовую руду, платину, алмазы, водку и икру.

Брежнев добивался своего, как если бы от этого зависела его карьера. Американцы были свидетелями картины еще невиданной, от которой до сих пор, наверное, ворочаются в своих гробах и Ленин, и Сталин. Генеральный секретарь пригласил к себе группу американских сенаторов, от которых зависит предоставление СССР права наибольшего благоприятствования. Как известно, сенат не хочет дать этого права до тех пор, пока Советское правительство не разрешит свободный выезд всем желающим. И вот, желая показать, что Советское правительство делает все, что может, Леонид Ильич, вынув из кармана красный блокнотик, отчитывался перед американскими сенаторами, как приказчик, который желает убедить хозяина, что он не ворует: сколько евреев уже выпущено, сколько будет выпущено. Другое дело, что, как потом выяснилось, цифры были неверные. Главное — американская помощь нужна Брежневу действительно позарез. Лучшего доказательства, чем его «отчет» американским сенаторам, не придумать.

Можно полагать, что в ходе переговоров Брежнев встретился с еще одним требованием, которое выполнить, пожалуй, еще труднее, чем требование сенаторов. Подводя итоги визита Брежнева, «Нью-Йорк таймс» писала в статье «Рублевая дипломатия»: «Замятин (председатель ТАСС и порт-пароль Брежнева) утверждает, что должник, получивший большие кредиты, имеет тенденцию верить кредитору. Если бы Замятин лучше разбирался в капиталистических обычаях, он знал бы, что прежде всего кредитор должен иметь доверие к тому, кому он намерен дать кредит». «Нью-Йорк таймс» имеет в виду доверие вообще, но и в частности — доверие к советской статистике.

Советская статистика с давних-давних пор вызывает сомнение. Как известно, Сталин расстреливал статистиков, которые давали ему цифры, не нравившиеся Генеральному секретарю. И при других Секретарях проникали чисто случайно сведения о единоборстве советских руководителей с цифрами. Достаточно вспомнить случившийся при Хрущеве скандал с секретарем рязанского обкома партии, перегнавшего США по производству масла, скупаемого им в соседних областях. Но, пожалуй, такого случая, о котором рассказала в июне газета «Труд», советские граждане еще не знали. Точнее, многие из них знали о подобных случаях у себя. Но чтобы так, при всем честном народе — этого не было.

«Труд» напоминает, что 19 декабря 1968 г. газета «Известия» на первой странице поместила статью, в которой, в частности, утверждалось: «Завершен пуск седьмого генератора на Назаровской электростанции. В ночь на 18-е он включился в сибирскую электросеть». Не отставали и

другие газеты, называвшие Назаровскую электростанцию на юге Сибири «началом технологической революции». «Правда» писала художественно: «Еще несколько секунд гигантская машина вздрогнула и ее могучий бас слился в радостном хоре с голосами шести действующих генераторов». Так писали газеты в декабре 1968 г., а четыре с половиной года спустя «Труд» заявляет, что этот «могучий бас» седьмого генератора мощностью в 500 тыс. киловатт никогда не раздавался. Что генератор этот сгорел во время фабричных испытаний, но тем не менее включен в статистику и отлично работает на бумаге.

Если Брежнев решил показать, что он готов ради кредитов представить правдивую картину советской экономики, история с назаровским генератором — пример убедительный. Но опасный: где остановиться, начав говорить правду?..

Кто-то там утверждал, что история повторяется — первый раз это трагедия, а второй — фарс. А если история в третий раз возвращается к тому же самому? Если культ Сталина считать трагедией, культ Хрущева — фарсом, как назвать культ личности Брежнева? Забавнее всего в этом третьем культе — его сходство с первыми. Благодарность «лично тов. Брежневу», письма со всех концов страны от благодарных граждан...

3 июля «Правда» опубликовала первую «культовую» биографию Вождя. Биография подчищенная, подкрашенная, а главное «перспективная», то есть, исходя из нее, можно теперь творить легенду о божественном или, скажем, полубожественном происхождении Леонида Ильича. Прежде всего привлекает внимание в этой биографии ее происхождение. Она перепечатана из югославской газеты «Политика». Наивный московский корреспондент парижской «Ле монд» был настолько удивлен — совсем недавно «Правда» остро критиковала «Политику», обзывая ее разными нехорошими словами, — что высказал предположение: а вдруг это «враги Брежнева» «подсунули» биографию в «Правду» (и в «Известия»)? Французский журналист не понял, что именно тот факт, что «Политику» недавно ругали, что это газета югославская, придает ее высказываниям «объективность», которую жадно ищет советский читатель. Когда понадобилось «разоблачить» роман А.Солженицына «Август Четырнадцатого» советская пресса перепечатала статьи никому не известных западных коммунистических газет в целях объективности (потом, правда, выяснилось, что все эти статьи, включая статью некоего Романовского, были написаны в Москве или по прямому заказу Москвы). Теперь, когда понадобилось восхвалять Брежнева, кто может быть объективнее югославской газеты? Я не читал полного текста статьи в «Политике», но опубликованный в «Правде» текст любопытен своими пропусками, полустинами, тенденцией.

О начале карьеры Брежнева говорится: «Время требовало смелых, способных, образованных, энергичных людей. Именно тогда на уровне руководства областью Л.И.Брежнев последовательно смело проводил политику партии». Время, которое требовало того и другого — это был 1938 г. — финал гигантской чистки, проведенной Сталиным. «Надев шинель, — это о военной карьере героя статьи, — он выполнял, несомненно, опять-таки успешно, весьма ответственные политические функции в Вооруженных Силах, достигнув высокого воинского звания». Конечно, имея эту фразу, можно начать творить миф о выдающемся полководце, хотя «высокий воинский чин» был всего лишь чином генерал-лейтенанта.

«Далее, — пишет «Правда», — югославская газета отмечает, что на XIX съезде КПСС деятельность Л.И.Брежнева получила высокое признание. Он был избран членом ЦК КПСС». Это единственное место в статье — или в изложении «Правды», — которое грешит скромностью. На XIX съезде Леонид Ильич был избран не только в ЦК, но и в Секретариат, а также стал кандидатом в члены Президиума, как тогда стало называться Политбюро. Скромность объясняется просто. XIX съезд был последним съездом, который провел Сталин, готовивший очередную чистку и набиравший новых соратников, Брежнева в том числе. Как известно, сразу же после смерти Сталина он потерял все должности, приобретенные на XIX съезде.

Самым неожиданным местом статьи следует считать утверждение, что, «занимая высокие посты в советском обществе, Леонид Брежнев понимал вред тех эксцессов в политике, которые были осуждены как «культ личности». Так вплетает в свои лавры Брежнев позицию «потенциально-го антисталиниста» — понимал, но занимал «высокие посты». Вырастет Леонид Ильич в героя античной трагедии — борьба долга с совестью. Но все это минуло, а теперь, как подчеркивает «Политика» (а вместе с ней и «Правда»), «став секретарем ЦК КПСС, Л.И.Брежнев руководит всеми теми политическими акциями в международных отношениях, которые существенно повлияли на картину современного мира. С его именем связаны многие или все важные внутренние мероприятия в Советском Союзе».

Итого: все международные акции, все внутренние мероприятия связаны с именем Леонида Ильича Брежнева. В статье никаких других имен нет (во всяком случае, «Правда» их не оставила). История Советского государства представляется теперь простой и прямой: от Ильича до Ильича...

Газеты еще полны письмами трудящихся, говорящих сердечное спасибо Брежневу за его «личные усилия» в деле спасения мира, а тут — но-

вая радость: Совещание по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, собравшееся в Хельсинки. Вся советская печать наполнилась статьями, речами, декларациями о мире, дружбе и подтверждении гегемония СССР в Европе. Европейская печать наполнилась статьями, из которых следует лишь одно недоумение Западной Европы, не понимающей ни как, ни зачем она оказалась в Хельсинки. Накануне совещания западноевропейские газеты, казалось бы, нашли предлог для своего присутствия, добиваться свободного передвижения людей и идей между странами. Советское правительство среагировало немедленно и решительно: не за этим вас звали! В Москве объявили о суде над Амальриком — после окончания трехлетнего срока (за подготовку «Хроники текущих событий» № 24, вышедшей в то время, когда он уже сидел в лагере), пригрозили сумасшедшим домом Сахарову, наконец, 27 июня исключили из Союза советских писателей Владимира Максимова — в последние годы эта мера была применена лишь к Солженицыну и Галичу. Исключение Вл. Максимова — недвусмысленное предупреждение и западноевропейским идеалистам, и советским «инакомыслящим»: надеяться на «ослабление» нечего. Все эти визиты, встречи, конференции и совещания преследуют лишь одну цель — укрепление Советского государства.

Владимир Максимов приобретает известность в начале 60-х годов, публикуя свои первые повести «Мы обживаем землю» и «Жив человек». Это была известность молодого советского писателя, выступившего в период «оттепели» и пробовавшего честно рассказать кое-что из того, что он пережил. Потом начались трудности, печататься Максимов почти перестал, но не перестал писать. В 1971 на Западе вышла его большая книга, долгое время ходившая в «самиздате», «Семь дней творения». Это был роман о судьбах России после революции, роман, выражавший веру в то, что Россия, переболев революцией, отбросит ее наследство и вернется к вере отцов, к религии. «Семь дней творения» вышли на многих языках, но Максимов не пожелал от своей книги отказаться. Более того, на Западе появились два его новых романа: биографический «Прощание из ниоткуда» и «Карантин».

О первом романе, известном пока лишь частично, говорить рано, зато «Карантин» представляет собой, пожалуй, наиболее интересную книгу о сегодняшнем дне советского общества, написанную после романов Солженицына. Я не хочу здесь сравнивать двух писателей — Максимов ученик Солженицына и не скрывает этого. К роману «Карантин» можно предъявить множество различных претензий и упреков, нельзя отрицать одного — это пронзительно честный рассказ о том, чем и для чего живут сегодня люди в Советском Союзе. Действие романа происходит в течение

6 дней в поезде, остановленном в дороге на карантин, ибо шел он из Одессы, охваченной эпидемией холеры. В поезде, как в Ноевом ковчеге, собрались представители советской фауны — каждой твари по паре: от воров до работников органов, от нищих до высоких чиновников. В карантине вся Россия, заболевшая на этот раз не раком, а холерой. Главного героя водит по этому карантину — по этому чистилищу — Иван Иванович, добрый дьявол, позаимствованный Максимовым у Булгакова. И все шесть дней все обитатели поезда не переставая пьют. Вся Россия живет только водкой. Только водка позволяет заглушить угрызения совести, забыть о муках лагерей, забыть о жертвах, предательствах, подлостях. И бывшие жертвы, и бывшие палачи могут, как верит Максимов, надеяться на прощение. Не прощает он лишь так называемым представителям «творческой интеллигенции», обманывающим себя и других с беспредельным цинизмом. В романе появляются карикатурные, но очень красочные образы модных поэтов и артистов. Легко угадать, кого имеет в виду Максимов, когда пишет: «Полосатый глядит белыми, с непроглядной чернотой внутри, глазами в огонь свечи, ничего не видя и не слыша вокруг. «Когда я, — размыкает он, наконец, тонкие губы, с таким видом, словно то, что здесь говорилось до него, не имело сколько-нибудь существенного значения, — в последний раз говорил с Бобом Кеннеди, это было в ванной его манхэттенской квартиры, он сказал мне: «Женя, ты — совесть России, ты — ум России, ты — сама Россия». Легко угадать в артисте Ельцове Олега Ефремова — создателя театра «Современник», а ныне директора МХАТа.

Лучше всего удался писателю образ веселого жулика, афериста Лева Балыкина, человека, разгадавшего «секрет» советского общества: «Работаю только на проверенной научной основе, по Фрейдю и академику Павлову. Народ-то ведь у нас шалый, напуганный, у нас народ только на одни условные рефлексы и реагирует». Максимов отлично показывает, как пользуясь «условными рефлексами», заставляет советская власть совершать самые страшные преступления. Пользуясь теми же рефлексами, Лева Балыкин зарабатывает себе на безбедное существование. Великолепная сцена продажи Левого Балыкиным «китайского лакрита» иллюстрирует силу условных рефлексов. Проснувшись утром с 20 копейками в кармане, Лева покупает в аптеке пачку хвойных таблеток. Идет с этим товаром на вокзал, намечает жертву — типичного советского гражданина. Проходит мимо него и сквозь зубы бросает: «Китайский лакрит нужен?» И этого достаточно. Жертва не знает, что такое «китайский лакрит», но великолепно знает: все, что продают из-под полы достойно покупки. И Лева Балыкин забирает у своей жертвы за хвойные таблетки все день-

ги и даже вещи. Действует могучий советский условный рефлекс — и по Фрейду, и по академику Павлову.

Даже если бы в романе Максимова не было идеологии, абсолютно неприемлемой для официальной советской идеологии, его книга дает такую страшную, безрадостную и безнадежную картину советского общества, что исключение такого писателя из союза, ставящего своей задачей обман читателей, представляется актом совершенно логичным.

Наказание инакомыслящих дома, в Советском Союзе, кажется советской печати делом настолько естественным, что и писать об этом не всегда стоит. С недавних пор начинает она заглядывать и в другие страны: как там дела с инакомыслием? Начавшая выходить в 1973 г. газета «Советская культура» выразила решительное недовольство «мягкостью приговора», вынесенного судом в Болонье. Суд этот постановил «прекратить демонстрацию на экранах фильма «Последнее танго в Париже». Суд приговорил к двум месяцам тюрьмы американского актера Марлона Брандо и французскую актрису Марию Шнейдер». Автор заметки прямо умирает со смеху — такие сроки, да еще и не удалось посадить преступников, ибо они, с сожалением замечает автор П.Коллин, «поспешно ретировались за пределы Италии, чему, разумеется, не препятствовал никто». Смешно П.Коллину... Но этим его заметка не кончается. Возмущает его не только преступная снисходительность итальянских властей. Возмущает его и то, что фильм Бернардо Бертолуччи разрешен для демонстрации в Израиле. И самое ужасное: «никаких цензурных изъятий, фильм демонстрируется в «первозданном неглиже».

Забота о сохранении в чистоте нравов израильтян в советской печати дело новое. Можно, однако, не сомневаться, что заниматься этим будут все больше и больше — по мере увеличения в Израиле бывших советских граждан. Кто знает, когда и как Советский Союз пожелает воспользоваться «любовью к Родине», к «старой Родине», которую он теперь у евреев отрицает. Правда, теперь старая родина — Израиль, тогда же ею станет Россия.

Сентябрь 1973

Лето 1973 года займет в будущей истории русской свободной мысли одно из самых почетных мест. Первым был Владимир Максимов. Узнав о предстоящем обсуждении в Союзе советских писателей его романа «Семь дней творения», Максимов, хорошо зная, что его ждет исключение

из союза, пишет 15 мая письмо, в котором заявляет: «Мне не в чем оправдываться перед вами и не о чем сожалеть». Он пишет, что, работая над своим романом, искал ответ на вопросы: «Почему в стране победившего социализма пьянство становится общенародной трагедией? Почему за порогом полувекового существования страны ее начинает раздирать патологический национализм? Почему равнодушие, коррупция и воровство грозят сделаться повседневной нормой нашей жизни? Где источники всего этого, в чем первопричина такого положения?»

27 июня Максимова исключают из Союза советских писателей, но только 8 августа «Литературная газета» объявляет об этом, называя, как легко себе представить, Владимира Максимова «антисоветчиком».

В начале июля из Москвы слышится голос значительно более громкий, чем голос Максимова. Академик Сахаров, один из крупнейших физиков нашего времени, отец советской водородной бомбы, дает интервью корреспонденту шведского радио и телевидения Олле Стенхольму. Он говорит: «Социализм не приносит ничего нового. Он всего только последняя стадия развития капитализма, но с гораздо более высокой степенью монопольности». Сахаров говорит: наше общество — общество максимальной несвободы, максимальной идеологической неподвижности, а при этом общество с максимальной претензией быть наилучшим, хотя оно отнюдь не таково. Академик Сахаров считает, что партия в Советском Союзе «уже похожа на «партию», описанную Оруэллом».

15 августа Андрей Сахаров был вызван к первому заместителю Генерального прокурора СССР Михаилу Малярову. Прокурор предупредил ученого, что «государство имеет право защищаться».

Вернувшись от прокурора, академик Сахаров собирает 21 августа пресс-конференцию иностранных журналистов, излагая свои взгляды на положение в Советском Союзе значительно более подробно, чем в интервью Олле Стенхольму, а 23 августа еще раз дает интервью представителю агентства «Франс-пресс» в Москве.

28 августа Александр Солженицын приглашает к себе корреспондентов «Ле монд» и американского агентства «Ассошиэйтед пресс» и дает им интервью. Можно бы сказать, что впервые за многие десятилетия летом 1973 года не умолкал голос свободной России. Андрей Сахаров и Александр Солженицын придерживаются во многом разных взглядов. Одного на них — Сахарова — можно назвать «западником», другого — Солженицына — славянофилом. Сближает их смелость, убеждение, что «совесть дороже жизни», вера в будущее России. Анализ высказываний Андрея Сахарова и Александра Солженицына позволяет прийти к выводу, что и знаменитый ученый, и крупнейший современный русский писа-

тель решили, что они не могут молчать в связи с двумя событиями, которые тесно между собой связаны. Первое — т.н. разрядка напряженности, высшей точкой которой были советско-американские соглашения, и конференция в Хельсинки, и усиление репрессий против инакомыслящих в Советском Союзе.

Несмотря на все различия в высказываниях А.Сахарова и А.Солженицына, мы находим в них две общие черты — перечисление фактов репрессий, усиливающихся особенно в последнее время, и предупреждение Западу: т.н. разрядка отношений с Советским Союзом чревата серьезными опасностями. Академик Сахаров говорит об этом особенно ясно, он предупреждает об опасности «капитуляции перед новой реальной или мнимой силой». Он предупреждает: «Разрядка без демократизации, разрядка, в которой Запад принимает в целом наши правила игры, будет разрядкой опасной. Она не решит ни одной мировой проблемы. Берегитесь сближения с СССР, которое не будет сопровождаться демократизацией этой страны и ликвидацией ее изоляции».

Голос Сахарова раздался в тот момент, когда Европа, которая как в некоем трансe, как кролик, загипнотизированный удавом, явилась на конференцию в Хельсинки, начала задавать себе вопросы. Один из лучших знатоков Советского Союза французский журналист Мишель Татю вдруг как бы очнулся. Хорошо, — писал он 15 августа в «*Le Monde*», — разрядка, мир, дружба, торговля. «Но зачем Советский Союз перебросил на протяжении последних пяти лет в ГДР дополнительно полторы тысячи танков, хотя и без того силы Варшавского Договора обладают преимуществом над силами Атлантического пакта, выражающимся соотношением 3:1? Зачем увеличен вдвое парк тактической авиации? Зачем эти 160 дивизий, размещенных в европейской части СССР и на территории народных демократий, то есть три четверти советских Вооруженных Сил?..» Мишель Татю, видимо, знает ответ на эти вопросы, но боится отвечать, опасаясь обвинений в «антисоветизме».

Недавно я с большим интересом прочитал третий том интереснейшего труда английского историка Ричарда Ульмана «Англо-советские отношения в 1917–1921». Книга показалась мне необычайно актуальной. Ллойд-Джордж в 1921 г. заключил англо-советский торговый договор, который был первой брешью в бойкоте Советской России. Защищая свою политику, Ллойд-Джордж заявил 10 февраля 1920 г.: «Нам не удалось восстановить Россию силой. Я верю, что мы сможем ее спасти торговлей». А после подписания договора, выступая 23 марта 1921 г. в Палате общин, английский премьер утверждал: «В тот момент, когда советские вожди начнут понимать, что они не могут управлять страной, если не бу-

дут опираться на принципы, которые принесут России благосостояние, они откажутся от своих диких проектов... Это талантливые люди, а достаточным свидетельством их талантливости является то, что они отказались от своих доктрин».

Как показали следующие 50 лет, надежды Ллойд-Джорджа не оправдались. Западные деятели, однако, по разным причинам продолжают тешить себя надеждами.

Андрей Сахаров предупреждает о тщетности этих надежд. И если бы нужны были какие-либо подтверждения, мы найдем их в высказываниях прокурора Малярова. Академик Сахаров, выйдя из кабинета заместителя Генерального прокурора СССР, записал по памяти текст разговора, продолжавшегося час десять минут. В ходе разговора прокурор не только угрожал Сахарову, напоминая ему о судьбе «недоученного студента Амальрика», о судьбе «вашего Даниэля», якобы «открыто призывавшего к убийству руководителей партии и правительства в рассказе «День открытых убийств». Он и высказывал свои «собственные» взгляды. В ответ на обвинение, что Сахаров дал интервью «реакционному шведскому журналисту», академик ответил, что «Стенхольм — социал-демократ и гораздо более социалист или коммунист, чем, например, я». Прокурор ответил на это «золотыми словами»: «Социал-демократы убили Розу Люксембург». Прокурор Маляров, развивая свою мысль, заявил, что в Советском Союзе «не время отменять смертную казнь». Вот, например, в США ее отменили, а теперь там растет преступность и случилось даже «Уотергейтское дело». Впрочем, прокурор Маляров нашел рецепт на это дело: «Никсону нужно только проявить побольше твердости, и все дело лопнет».

Прокурор Маляров, возможно, и не рассчитывал, что его «золотые мысли» станут достоянием мировой общественности. Зато секретарь Московского комитета партии В.Ягодкин твердо уверен, что все то, что он говорит, хотя и не предназначено, быть может, для мировой общественности, станет руководством для всех советских историков. Выступая на семинаре, посвященном идеологической борьбе в исторической науке (14–15 июня в Москве) В.Ягодкин прежде всего заявил, что «противоборство с империалистическим миром все более обостряется». (Может быть, в этом Мишель Татю найдет ответы на вопросы об увеличении Вооруженных Сил Советского Союза), В.Ягодкин отмечает появление среди советской интеллигенции двух тенденций. Одну он называет «догматическим негативизмом», другую — «оппортунистическим иллюзионизмом». Первые считают, что с империалистами и за стол нечего садиться, с ними надо бороться. Но это позиция неправильная, ибо, как напоминает В.Ягодкин, Маркс писал в одном из своих писем, что в политике можно

заключать союз даже с чертом, будучи уверенным, что ты сможешь черта обмануть. Все собравшиеся, естественно, поняли, что советские руководители империалистических чертей обманут легко и просто. Вторая тенденция — «оппортунистический иллюзионизм» — опаснее. Она порождает теорию смягчения противоречий, притупляет бдительность, порождает идейную беспечность. В.Ягодкин напомнил, что любая ревизия партийных решений инспирируется извне, даже если самому историку кажется, что это он самостоятельно пришел к тем или иным выводам. Секретарь Московского комитета указал советским историкам, что обращение к ранним «незрелым» работам Маркса — это тоже ревизионизм. «Для вас, — заявил он, — главной и самой зрелой работой Маркса, на которую должны ориентироваться советские историки, является «Коммунистический манифест».

Заключил В.Ягодкин свое предупреждение советским историкам таким выводом: «Одна из самых серьезных форм идеологической диверсии состоит в отрицании того, что *все* — я подчеркиваю, *все* этапы развития советского общества должны рассматриваться как положительные». Следовательно, каждая критика Сталина становится формой идеологической диверсии.

Советский Союз, по словам Сахарова, представляет собой — как во времена Сталина — «гигантский концентрационный лагерь». К сталинским временам обращается и Солженицын, когда ищет сравнения для начавшегося в конце августа в Москве процесса Петра Якира и Виктора Красина.

Мне кажется, что именно этот процесс был одной из главных причин, заставивших Александра Солженицына прервать молчание.

50-летний историк Петр Якир и 44-летний экономист Виктор Красин, просидевшие более года под следствием, предстали перед судом 27 августа. Суд собрался в далеком подмосковном пригороде, журналистов, конечно, на него не допустили, ибо в зале «все места заняты». Якира и Красина судили по статье 70 «за антисоветскую агитацию и пропаганду», выражавшуюся в издании «Хроники текущих событий». Впервые за последние 10 лет обвиняемые целиком и полностью сотрудничали с властями, охотно называя имена всех тех, кто был с ними связан, кто выражал «антиправительственные взгляды». Еще в апреле 1973 г. Якир написал в тюрьме письмо Андрею Сахарову. Письмо это было старательно передано ученому офицером КГБ. В письме, написанном, несомненно, под диктовку следователя, излагалась схема процесса. Якир писал в нем, в частности: «Я хранил, размножал и распространял антисоветскую литературу и передавал на Запад различную информацию, которая была явно

тенденциозной, зачастую носила клеветнический характер, а в ряде случаев прямо призывала к борьбе с существующим строем...» Якир упрямил Андрея Сахарова «прекратить антисоветскую деятельность», связывая тем самым себя с академиком. Во время процесса Якир утверждал, что был связан с ним и Солженицыным.

Из письма Якира Сахарову, из скупых сообщений ТАСС о ходе процесса раскрываются планы его авторов. Фактически Якира и Красина судили не столько за составление «Хроники текущих событий», сколько за то, что эту «Хронику» перепечатывал орган русской эмигрантской организации НТС («Народно-трудового союза») журнал «Посев». В сообщениях о суде, в многочисленных «письмах трудящихся» в советскую печать вырастает образ чудовищной организации — НТС, угрожающей самой сильной в мире державе, самому монолитному в мире государству.

Можно предположить, что, став перед необходимостью «укрепления тыла» в связи с внешнеполитической разрядкой, советские органы обнаружили отсутствие врага, необходимого для мобилизации «любви к Родине». Престал быть «полноправным врагом» американский империализм, перестал им быть и «западногерманский ревизионизм». Остается, конечно, Китай, есть сионизм. Но такие «инакомыслящие», как Сахаров, Солженицын, как составители «Хроники текущих событий», не могли быть отнесены в число «китайцев», нельзя было их целиком отнести и к «сионистам». Был воскрешен труп старого, как Октябрьская революция, врага — эмиграции. И сейчас, оказывается, выступления Сахарова и Солженицына, вредящие престижу Советского государства за рубежом, успешно используются для подогревания «патриотизма» дома. Сахаров и Солженицын стали осязаемым воплощением внутреннего врага, стали объектом «пятиминуток ненависти».

Поток писем, хлынувших с разрешения и по указанию властей на страницы советской печати, — с осуждением, возмущением и негодованием по поводу «недостойного поведения Сахарова» (пока главный удар направлен против Сахарова), свидетельствует, что власти давно и тщательно подготовились. Письма эти свидетельствуют и о другом. Долгие годы борьбы с инакомыслящей интеллигенцией в послесталинское время дали свои плоды. Письма против Сахарова подписывают трактористы, слесари и доярки. Их упрекать трудно. Но письма эти — впервые после 1958 г., после антипастернаковской кампании — подписывают писатели, в их числе Василий Быков и Сергей Залыгин, композиторы, в их числе Шостакович и Хачатурян, ученые, бывшие друзья Андрея Сахарова.

Суд над Якиром и Красиным прозвучал как звоночек, которым в свое время академик Павлов вызывал условный рефлекс у подопытных собак.

Значительная часть советской интеллигенции ответила на «звоночек» восстановлением рефлексов, созданию которых посвятил столько сил Сталин.

Эти рефлексы имеет в виду Александр Солженицын, когда говорит о том, что «малодушное поведение Якира и Красина повторяет через сорок лет и в иной ситуации бесславный опыт потеряннного поколения... капитулянтов 30-х годов».

Интервью Солженицына свидетельствует о том, что живой дух, дух сопротивления злу сохраняется. Писатель приводит примеры мужества и самопожертвования — рассказывает о поведении генерала Григоренко, Владимира Буковского, Андрея Амальрика, готовых пожертвовать жизнью за свои убеждения. Писатель называет этот дух самопожертвования «лучом надежды для нашего будущего».

Через несколько дней после опубликования интервью с Александром Солженицыным я прочитал траурную речь Андре Мальро на открытии памятника горстке французских партизан, погибших в бою с 12 тысячами гитлеровцев. Не знаю, знаком ли был Мальро с текстом Солженицына. Но французский писатель как бы отвечал писателю русскому, когда заявил: «Слово «нет», брошенное в лицо злу, обладает мистической силой, идущей из глубины веков». И еще: «Раб всегда говорит «да».

Сахаров и Солженицын говорят «нет». «Опыт последних десятилетий, — заявил Александр Солженицын, — убедил меня, что только твердость человеческого духа... готового к жертвам и смерти, заявляющего «Ни шагу больше», только эта твердость духа обеспечивает личности подлинную защиту мира, мира для всех, для всего человечества».

Быть может, самым страшным оружием, запугавшим советскую интеллигенцию, были в последние годы психиатрические больницы, о которых Александр Солженицын говорит, что они хуже газовых камер. Советские власти понимают кошмарную силу этого оружия и не собираются от него отказываться. Более того, они хотят получить одобрение мировой медицинской общественности — согласие психиатров всего мира на использование в Советском Союзе психиатрических больниц для преследования инакомыслящих. Гитлеровские врачи уже использовали эту меру борьбы с врагами режима, но они делали это тайно. Советские врачи решили воспользоваться «разрядкой» для того, чтобы убивать людей шприцами явно. После того, как собравшаяся в Осло международная конференция психотерапевтов отказалась осудить советскую практику заключения инакомыслящих в психбольницы под предлогом, что это может «помешать развивающемуся в настоящее время процессу

сближения со странами Восточной Европы», советские власти решили действовать дальше.

В октябре 1973 г. в СССР (в Ереване) собирается международная конференция психиатров, посвященная шизофрении. Уже известен состав советской делегации. В нее вошли, в частности, Г.Морозов, Р.Наджаров, А.Снежневский — главные теоретики тезиса о том, что только шизофреник может критиковать Советскую власть, а следовательно, каждый, кто ее критикует, является шизофреником.

Увы, есть все основания полагать, что съехавшиеся из разных стран мира психиатры одобряют человекоубийственные теории палачей в белых халатах.

Октябрь 1973

7 октября газета «Известия» напечатала на первой странице сообщение: «Израиль напал на Египет, Сирию и Ливан». «Известия» выходят во второй половине дня, так что война на Ближнем Востоке шла уже сутки, и всем хорошо было известно, кто на кого напал. В последующие дни советская печать продолжает публиковать только арабские военные коммюнике, настаивать на победах арабского оружия и агрессивных намерениях сионистов. Нет, однако, в этих советских победных репортажах настоящей страсти и особого удовольствия. Советская печать, излагая выступление представителя СССР в ООН Малика, жаловавшегося, что в Дамаске израильские бомбардировщики разрушили советский культурный центр, выбросила из речи упоминание о гибели советских граждан. То ли граждане не погибли, то ли в Москве не хотят доводить «антисионистские настроения» до температуры кипения.

Я пишу «Обзор» в дни, когда четвертая арабско-израильская война только разгорается. Никто еще, кажется, не решается делать долгосрочных прогнозов о ее результатах и последствиях. Но один результат — сегодня, через неделю после начала войны — сделать можно. Советское оружие, в том числе новейшие образцы ракет, оказалось решающим фактором, определившим удачи арабских армий на первом этапе боев. Сегодня можно предположить, что советские руководители — независимо от всех других планов и намерений используют войну на Ближнем Востоке как полигон для испытания своего оружия в боевых условиях.

Западные военные эксперты с изумлением отмечают необычайно возросшую эффективность советских ракет по сравнению с их действием совсем еще недавно во Вьетнаме. Теперь ни у кого нет сомнения, что

вьетнамский опыт использован, вьетнамский полигон помог усовершенствовать вооружение Советской Армии.

Как известно, еще древние римляне утверждали: хочешь мира, готовься к войне. На протяжении последних двух лет советские руководители не перестают твердить, что они хотят мира. И сегодня это видно особенно хорошо — не перестают готовиться к войне. Но против кого?

Если мы вспомним, что после окончания второй мировой войны Советские Вооруженные Силы воевали только на реке Уссури (нельзя назвать войной прогулку в Чехословакии), ответ будет очевидным. В последние месяцы вопрос о возможности советско-китайской войны привлек внимание публицистов. В «Литературной газете» от 3 октября штатный комментатор по международным вопросам Эрнст Генри отвечает сразу на две статьи западных специалистов: на статью американского профессора Вернона Аспатуриана в журнале «Сервей» и на статью американского публициста Джозефа Олсопа в «Ридерс дайджест». Стоит отметить, что статья Олсопа появилась в октябрьском номере «Ридерс дайджест», а ответ на нее — уже 3 октября (видимо, чтобы не было впечатления излишней поспешности, Э.Генри заявляет, что статья Олсопа появилась в августовском номере американского журнала).

Что отвечает советский комментатор — известно. Он отвечает то, что сегодня нужно: выхватывая из статей американцев упоминания о китайских приготовлениях к войне против СССР, он утверждает, что Советский Союз всеми силами стремится к миру, против войны. Короче: китайцы хотят с нами воевать, а мы им в ответ — мир, дружба. Статья Джозефа Олсопа, «журналиста-антисоветчика», по выражению Э. Генри, называется «Нападет ли Россия на Китай?» В августе 1973 г. на Запад попала написанная в Советском Союзе большая статья, озаглавленная: «Зачем нужна война с Россией?» Эту статью упомянул в своем интересном октябрьском обзоре «Брюссельчик», назвав, правда, ее «странным документом». Мне думается, что эта статья, подписанная псевдонимом «Андрей Самохин», заслуживает значительно большего внимания, чем ей уделил «Брюссельчик».

Начну, однако, со статьи Джозефа Олсопа, старого опытного журналиста, давно занимающегося Китаем, недавно побывавшего там, имевшего беседы с руководителями китайской политики, в том числе — трехчасовую беседу с Чжоу Эньлаем. Джозеф Олсоп рассказывает, что в 1969 г. советские военные атташе в Токио, Канберре и «еще одной столице» в одно и то же время задали своим американским коллегам один и тот же вопрос: «Не считаете ли вы, что неплохо было бы ликвидировать одним ударом китайский атомный потенциал?» В августе 1959 г. Никсон се-

рзнейшим образом предупредил, что США эта идея совершенно не нравится. И тогда, пишет Олсоп, Советский Союз от своего плана временно отказался, сочтя себя неподготовленным. С 1969 г. начинается усиленное наращивание советского военного потенциала на границе с Китаем. «Было бы смешным, — пишет американский журналист, — полагать, что люди никогда не делают того, к чему они явно готовятся». Китайское правительство принимает угрозу превентивной войны всерьез. В ответ на вопрос, каково его мнение о нынешних советских руководителях, Чжоу Эньлай «горько ответил: «Гораздо хуже Хрущева». Джозеф Олсоп называет три причины, которые могут побудить Советский Союз совершить нападение на Китай: первая — советские притязания на верховное руководство мировым коммунистическим движением, вторая — инстинктивный, «быть может, иррациональный», страх перед монголами, перед желтой опасностью, наконец, третья причина — страх перед изменением в балансе мировых сил, которое произойдет, когда Китай станет достаточно сильным, чтобы превентивная война против него не оплачивалась. Американский журналист считает, что имеется 25% вероятности, что Советский Союз нападет в ближайшие три года на Китай. Анализ Джозефа Олсопа заслуживает внимания, но по существу он повторяет все то, что уже говорили на Западе по этому вопросу. Проблему возможного советско-китайского конфликта Олсоп и другие западные исследователи вопроса рассматривают прежде всего с точки зрения международных отношений. Статья Андрея Самохина анализирует вероятность нападения СССР на Китай с точки зрения внутренних советских проблем. И в этом ее особое значение. Автор статьи не ставит вопроса: нападет Россия на Китай или не нападет? Он считает ответ на этот вопрос очевидным. Да, нападет, ибо это нападение необходимо советским руководителям прежде всего для решения внутренних проблем. «Оценивая обстановку в целом, можно с уверенностью сказать, что такого тугого и запутанного узла экономических, социальных и политических проблем в истории страны не было, начиная с гражданской войны. Что нужно для того, чтобы «развязать» этот узел? Или разрубить его? Даже если рубить придется термоядерным мечом?»

Андрей Самохин перечисляет цели, какие мечтают достигнуть советские руководители в результате войны (победной, конечно!). Война позволит достигнуть «единства партии и народа», сплотить народ перед лицом опасности — мнимой или подлинной — безразлично; после термоядерной войны, даже короткой, будет не до требований свободы личности, слова, печати; на войну можно будет свалить все невыполненные обещания, все просчеты, все неудачи, можно будет на десятки лет от-

ложить «закладку фундамента величественного здания коммунизма»; после войны можно будет полностью закрыть страну и основательно ее, по сталински, почистить.

Автор статьи отмечает, что среди руководителей Советского Союза не все одинаково смотрят на необходимость войны с Китаем, одна группа настаивает на немедленной войне, другая предпочитает «подождать». Деление проходит не по линии — военные, с одной стороны, партийные деятели — с другой. Те, кто хочет ждать — надеются, что после смерти Мао в Китае начнется смута, которой можно будет воспользоваться; те, кто ждать не хочет, считают, что силу придется применять все равно, следовательно лучше это сделать раньше, чем позже.

Все западные наблюдатели отмечают концентрацию советских вооруженных сил на границе с Китаем. Пишет об этом и Андрей Самохин, цитируя, в частности, советский учебник военной истории (Москва, 1971 г., стр. 273), в котором говорится: «Опыт Маньчжурской операции (имеется в виду война с Японией в 1945 г.) подтвердил возможность боевого использования основных родов войск в специфических условиях дальневосточного театра военных действий». Но кроме того Андрей Самохин приводит факты, на Западе неизвестные. «Изменения во внутренней жизни страны, — по его словам, — говорят намного больше о подготовке к войне, чем концентрация советских войск на китайской границе».

В числе этих «изменений» автор статьи называет введение строгой системы пропусков на поезда и самолеты во многие районы Дальнего Востока, примыкающие к китайской границе, куда до недавнего времени пропуска не требовались; кроме того введены ограничения передвижения населения на Крайнем Севере, ибо туда переводятся заключенные, которых убирают из зоны конфликта; установлены новые, более строгие правила приема и снятия военного учета; усиливается заготовка запасов продуктов длительного хранения; начиная с мая 1972 г., политработники в армии получили негласное указание возбуждать всемерно неприязнь к Китаю, китайскому образу жизни, к китайцам; реорганизация Политбюро в апреле 1973 г. имела целью максимальную централизацию власти в одном, небольшом по численности главном управляющем органе; подготавливается объявление Китая «несоциалистической страной» и исключение «из всемирной коммунистической лжецеркви».

Андрей Самохин предполагает, что конфликт может вспыхнуть в ближайшие 4–5 лет. Выводы автора статьи, конечно, предположительны. Он сообщает, однако, достаточно данных, которые придают его предположениям серьезную основу. Стоит, в частности, отметить, что буквально на днях вышел очередной «Ежегодник» Большой советской энциклопедии,

в котором в статье о Китае выброшено определение Китайской народной республики как «социалистического государства». Это как бы подтверждение точности информации Андрея Самохина.

Война на Ближнем Востоке, в которой советское оружие играет такую важную роль, может послужить еще одним аргументом в пользу превентивной войны с Китаем, которого сторонникам превентивного удара не хватало.

Кампания против Андрея Сахарова, начавшаяся с огромным размахом в августе, вдруг в сентябре захлебнулась. Еще попадают там и сям (например, в «Литературной газете» № 40) перепечатки из западных коммунистических газет (особенно широко используется «Юманите»), но — свои кричать перестали. То ли подействовало письмо американской Академии наук, пригрозившей прекратить научное сотрудничество с Советским Союзом, если травля академика Сахарова не прекратится, то ли западные коммунисты жаловались. Во всяком случае перестали появляться петиции писателей, академиков, композиторов и доярок, требующих наказания ученого. Но в тот самый момент, когда подписи собирались, петиции публиковались, собрания собирались, журнал «Новый мир» (№ 8) напечатал рассказ, в котором вся эта процедура беспощадно высмеивалась.

Должен сразу признаться, что я не знаток персидской литературы. Конечно, в далекой молодости случалось читать Фирдоуси, Омар Хайяма или Рудаки. Но современная иранская литература, стыдно сказать, совершенно мне неизвестна. Поэтому увидев в последнем номере «Нового мира» в рубрике «Голоса двух континентов», приуроченной к V конференции писателей стран Азии и Африки, рассказ Хосроу Шахани «Ураган», хотел я его пропустить. Но случайно увидев на первой же странице знакомые слова «Вот запрут тебя в каталажку», я стал читать дальше — благо в рассказе всего три с половиной страницы — и получил удовольствие, какого давно не испытывал, читая произведения, публикуемые «Новым миром» (да и другими советскими журналами).

Итак, дело происходит в Иране. В городе, в котором круглый год свирепствует ураган, не оставивший ни кустика, ни деревца. И вот как-то вечером герой рассказа, спасаясь дома от очередного урагана, написал письмо другу, который проживает в Тегеране. И, в частности, упомянул, что «и врагу не пожелаю жить в городе, где царит беспросветный мрак, где из-за этого проклятого урагана все ходят, зажмурив глаза, и никто не решается оглядеться вокруг или раскрыть рот, а уж высказаться и подавно...» Письмо ушло. Зашел к нашему герою друг и сообщил, что в городе «составили длинную петицию, и все сограждане сейчас под ней

подписываются. Там говорится, что в нашем городе вообще никогда не дует ветер, что благодаря неустанным заботам господ губернатора, председателя муниципалитета и уважаемых начальников отделов наш город не имеет себе равных по чистоте и порядку. Утверждать обратное может только предатель и враг. Все подписавшиеся требуют немедленно привлечь тебя к суду».

Измученный автор письма может выдавить из себя только один вопрос: «Значит, выходит, что хоть у нас и дует ветер, надо говорить, что ветра нет. Так я тебя понял?» На следующий день явились за ним «двое в штатском» и привели к губернатору, которому «соответствующие органы» письмо передали. «Как письмо попало в соответствующие органы, — говорит герой, — я не могу понять и по сию пору». Разговор с губернатором был коротким. Обвиняемому показали карту. «Что это? — спросили его. — Мне кажется, что это карта нашего города. — Посмотри на нее внимательно и скажи, что нарисовано по ее краям? — По краям нарисованы сосны, ели и другая растительность. — Знаешь ли ты, что все это значит? — Нет... — Это карта запланированных лесонасаждений. Они должны будут преградить дорогу урагану. Понял? — Да, ваше превосходительство, понял. — А если ты все так хорошо понимаешь, зачем же ты написал это письмо? — По глупости...»

Приговор был легкий. Учитывая чистосердечное раскаяние и применяя максимум снисхождения, обвиняемого приговорили в течение шести месяцев три раза в день по часу выкрикивать на центральной площади города лозунг: «Долой предателей».

Когда члены суда вместе с обвиняемым вышли на улицу, началась такая песчаная буря, что все «тут же потеряли друг друга из виду. Ветер так свистел и выл, что мы стояли зажмурившись не решаясь оглядеться вокруг. Мне хотелось кричать: «Господин губернатор, уважаемые судьи! Если это не ураган, так что же это?» Но из-за урагана нельзя было раскрыть рта, а уж высказаться и подавно. Двери все были заперты, на улицах ни души, а ветер выл, как голодный волк, и сметал все на своем пути». Так рассказ кончается.

Возможно, конечно, что все описанное верно передает положение в Иране. Совершенно точно можно утверждать, что рассказ исключительно актуален для Советского Союза. Впрочем, уже Николай I очень не любил, когда кто-либо писал, что в России нехороший климат. Цензура того времени вычеркивала все упоминания о нездоровых петербургских туманах или сибирских ветрах не только из романов, но и из путевых очерков.

Как бы там ни было, можно думать, что советский цензор, пропустивший рассказ иранского писателя, будет иметь серьезные неприятности.

Не будем, однако, его жалеть. Рассказ Хосроу Шахани — некоторая компенсация за все то, что печатает в последние годы «Новый мир». Одним из самых красочных образцов «рядовой литературной продукции», заполняющей страницы журнала, можно считать длинную поэму одного из секретарей московского отделения Союза советских писателей Сергея Наровчатова «Василий Буслаев».

Новгородский купец Василий Буслаев — один из любимых героев русских былин — силач и смельчак, никогда никому не желавший подчиняться, жертвовавший всем ради свободы. Сергей Наровчатов делит свою поэму на две части: в первой Васыка Буслаев таков, каким его описывают былины, во второй — властолюбивый, самодержавный глава Великого Новгорода. Это не соответствует историческим данным, но очень хорошо соответствует желаниям руководителей советской литературы. В начале 20-х годов советский поэт Николай Асеев писал: «Да здравствует революция, свергшая власть стариков». Сергей Наровчатов пишет иначе: Молодости — буйство. Молодости — удаль. Молодости — воля. Старости — власть. И затем следует несколько страниц с перечислением того, на что может рассчитывать молодость: в частности — на поцелуи, вино, тоску. Но в конце каждого перечисления следует утверждение: Старости — власть. В поэме легко обнаружить множество актуальных намеков: на Китай и ФРГ, на США и Маркса. Но за всем этим следует неумолимое: Старости — власть. Самому секретарю Союза писателей, в конце концов, не так уж много — 54 года. Зато, как известно, Генеральному секретарю ЦК гораздо больше. Ему поэма может понравиться. Может быть, поэту удалось угадать его чувства. Секретарь понял секретаря.

Завершается организационная работа по закреплению тех преимуществ, которые получило Советское правительство, подписав 27 мая 1973 г. Конвенцию об авторских правах. В сентябре в Москве было создано специальное Всесоюзное агентство по авторским правам. В интервью, которое дал председатель агентства, бывший редактор «Комсомольской правды» Борис Панкин, цели и задачи агентства изложены с чарующей простотой: «Авторские права советских литераторов, ученых, композиторов, художников подлежат *непрерывной* охране...» Охранять их будет агентство. Ибо, как выразился Борис Панкин, переговорами с издательствами, вопросами гонораров «в нашей стране целесообразнее заниматься агентству». Для самих авторов это было бы «хлопотно и неэкономично». «К тому же, — добавил председатель агентства, — «в нашей стране, как известно, существует монополия государства на внешнюю торговлю. Акт

продажи иностранной фирме прав на использование произведения — операция внешнеторговая, которую частное лицо у нас осуществлять самостоятельно не может».

Агентство таким образом автоматически приобретает права на все произведения — литературные, музыкальные, художественные и т.д., создаваемые в СССР. Продает их, получает за них гонорар и выплачивает его авторам. Уже известно, сколько выплачивает. В начале сентября опубликован в «Бюллетене Верховного Совета СССР» декрет, позволяющий реквизирировать у писателей 75% их гонорара. Раньше налог на иностранный гонорар не превышал 13%.

В ответ на вопрос: выиграли мы (Советский Союз) или проиграли от присоединения к Авторской конвенции? — Борис Панкин не уклоняется от прямого ответа: выигрывает дело мира, выигрывают создатели духовных ценностей, ибо «повышается уважение к их нелегкому труду».

Ноябрь 1973

Бывало, Сталина слушали народы Советского Союза и мировой пролетариат, потом и все миролюбивое человечество, Хрущева слушали народы мира, Брежнева, как заявили советские газеты, слушала 25 октября 1973 «вся планета». Если кто и сомневался в том, что мир вступил в космическую эру, убедился в своей ошибке. Леонид Брежнев выступил с двухчасовой речью на всемирном конгрессе миролюбивых сил. Все было, как полагается. Обзор международного положения. Заявление, что те, кто говорит о «либерализации» (кавычки в речи Брежнева), «имеют в виду ликвидацию реальных завоеваний социализма», а те, кто говорит о правах человека, не подозревают, что таких прав, какие имеют человек в «стране победившего социализма», не имеют граждане ни одной другой страны. Все было, как полагается, в том числе и спокойная уверенность единоличного вождя могущественнейшего государства.

Неожиданным оказалось только заявление, сделанное уже в самом конце речи, когда утомившиеся слушатели дремали, ожидая, когда можно будет начать «бурные, продолжительные аплодисменты». Как бы мимоходом, как бы не придавая особого значения, Брежнев объявил, что в нынешнем году будет собрано «более 215 млн. тонн зерна». Это значило бы, что урожай превысит прошлогодний на 47 млн. тонн, или на 28%. Это значило бы, что будет побит рекорд 1970 г., когда было собрано 186,8 млн. тонн. Это значило бы, наконец, что будет значительно превышено задание пятилетнего плана — 197,4 млн. тонн.

Как известно, Советский Союз — «страна неограниченных возможностей», и там все может случиться — даже хороший урожай. Тем более что на сборку урожая в нынешнем году была брошена армия. Как писал «Коммунист Вооруженных Сил»: «воины трудятся беззаветно... С благодарностью говорят об этой огромной помощи хлеборобы Кубани и Дона, Ставрополя и Украины, Оренбуржья и Сибири». Важно однако, сколько же собрали колхозники и горожане, солдаты и школьники — ибо все были мобилизованы в этом году. И здесь-то начинаются чудеса. Чудеса с цифрами. 9 октября «Правда» сообщила, что Украина собрала рекордный урожай: больше 45 млн. тонн. Но в этом же самом абзаце говорится, что засеяно было около 14 млн. гектаров, собрано в среднем по 28,2 центнера с гектара. Достаточно произвести простое действие — умножение, чтобы получить не 45 млн. тонн, а 39,5 млн. 30 октября — такие же чудеса с результатами сбора зерновых в РСФСР; общая цифра — 128 млн. тонн, а умножение площади на урожай с гектара дает 119 млн. тонн. Коротче говоря, подсчет урожая по трем основным районам (включая Казахстан), дающим 90% урожая страны, дает не 198 млн. тонн — официальную цифру, а 185,5 млн. тонн, в границах урожая 1970 г.

Игра с цифрами была издавна любимой забавой советских руководителей. Но, пожалуй, никогда они не поступали с такой беззастенчивой уверенностью в том, что цифры служат Политбюро. Цель этих арифметических манипуляций пока не очень ясна. В течение ближайшего года Советский Союз закупит в США очередные шесть с лишним миллионов тонн зерна. Быть может Брежнев рассчитывает, что его победные цифры приведут к снижению зерновых цен на мировом рынке, что позволит стране социализма и в будущем году приобрести хлеб у капиталистов. Как бы там ни было, подтвердилась правота Маркса, утверждавшего, что статистика — это гнусное орудие обмана рабочего класса. Теперь, правда, обман ведется в масштабах планеты.

Только чудовищное обилие цифр в советской периодической печати последних месяцев заставляет меня обращаться к нелюбимой мною с детства арифметике. Но, как писал знаменитый русский ученый Дмитрий Менделеев, «всегда и в каждом деле для сознательности совершаемых в нем действий преполоздно подсчитаться». Менделеева я вспомнил не случайно. Летом нынешнего года советские статистики объявили, что население СССР достигло 250 миллионов. Не было газеты или журнала, который не опубликовал бы этой цифры: нас 250 миллионов. Не было бы в этом ничего неестественного, если бы каждый раз эта цифра не сопровождалась утверждением, что только благодаря Советской власти и «чуткому руководству партии и правительства» удалось советским народам

достигнуть этих результатов. И снова приводились цифры, доказывавшие, что в царской России в связи с «гнетом и нищетой» население не росло, а теперь, под солнцем бывшей сталинской Конституции, «растет и размножается» изо всех сил.

В 1939 г. была в Советском Союзе проведена перепись населения. Когда ее результаты были показаны Сталину, они ему не понравились, прирост оказался слишком ничтожным, что было неудивительно, если вспомнить о кровавой бане предшествующих лет, и вождь народов приказал ликвидировать всех статистиков, представивших неудовлетворительные цифры. Помня об этом (все советские статистики тем более помнят), я обратился к знаменитой книге Менделеева «К познанию России», опубликованной в 1905 г. великий ученый дал в ней, как сказали бы сегодня, футурологический прогноз, в частности, демографического развития России. Менделеев исходил из годового прироста в 2 млн. человек (население России в 1900 г. насчитывало 134,1 млн.). Советские демографы принимают за норму годовой прирост в 3 млн. человек. По подсчетам Менделеева, в 1963 г. население России должно было насчитывать 308 млн. человек. Советские демографы едва-едва насчитали к 1973 г. 250 млн. Где же остальные десятки и десятки миллионов человек?

Методы, используемые для статистического обмана, в Советском Союзе не меняются: цифры подчищаются, искажаются, вычеркиваются и вписываются новые. Меняются методы, используемые для борьбы с людьми, становятся все хитрее и жесточе.

8 июня 1973 г. председатель президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный подписал декрет, дающий милиции широчайшие права, каких она не имела вот уже 20 лет. Милиции поручено сотрудничать с КГБ в борьбе с «антисоциальными элементами», ей дано право входить в жилища для проверки паспортов, охранять важные объекты и памятники (!) с оружием в руках. Нет сомнения, что расширены права и других «органов». В августе КГБ пять дней допрашивал ленинградскую жительницу Елизавету Воронянскую, требуя выдать местонахождение рукописи книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Воронянская не выдержала допроса, сообщила, где хранится рукопись, а вернувшись домой, убила себя. Можно было бы подумать, что это единственный случай, если бы в октябре в Москве после многодневного допроса не покончил самоубийством Илья Габай, один из видных представителей демократического движения. Арестованный в 1967 г. в первый раз, отсидев два года, он был арестован снова, осужден на 3 года, но и после освобождения КГБ не оставляло его в покое. Не исключено, что передовая

советская наука нашла новые методы воздействия на непокорных. Их вынуждают признаваться, а затем отпускают, чтобы они могли покончить самоубийством и усилить страх и смятение в кругах недовольных.

Хитроумие КГБ не знает пределов. Через неделю после начала войны на Ближнем Востоке Андрей Сахаров ответил на вопросы ливанского журналиста, пребывающего в Москве. Ученый не скрывал своих взглядов. На вопрос журналиста: «Намерены ли вы в настоящее время выступить с критикой политики руководства Израиля?» — Андрей Сахаров ответил со свойственной ему прямоотой: «Нет. Эта страна, воплощающая в себе право на государственность еврейского народа, ведет сегодня борьбу за существование во многократно превосходящем ее по численности и материальным ресурсам враждебном окружении. Враждебность в значительной мере возбуждается безрассудной политикой других государств».

Прошло несколько дней, и на квартиру академика явились два араба, заперли изнутри двери, перерезали телефонные провода и, вынув оружие, заявили, что они члены террористической организации «Черный сентябрь». Они потребовали от Андрея Сахарова написать, что он отказывается от поддержки Израиля: «Берите карандаш и пишите, у нас мало времени». Сахаров отказался. Попугав Сахарова, его жену и сына полтора часа, террористы ушли.

Андрей Сахаров немедленно сообщил в милицию, которая странным образом не могла ничем ему помочь. Как хорошо известно, вооруженные террористы толпами бегают по Москве и трудно найти на них управу.

Александр Солженицын направил Сахарову письмо, в котором называет вещи своими именами: «...учитывая тотальное наблюдение, осуществляемое над вашим телефоном и вами, нападение на вас могло произойти только с ведома и при поддержке властей. Смешно думать, что в условиях, в которых мы живем, эти люди осмелились бы шевельнуть малым пальцем без разрешения. Но это новый метод. Что можно противопоставить свободному слову свободного человека? У них нет аргументов, ракетами ничего не сделать, а тюрьма зачернит их репутацию. Остаются наемные убийцы».

Александр Солженицын говорит: «У них нет аргументов». Они стараются аргументы найти. На этот раз аргументы против академика Сахарова и Александра Солженицына постарался найти Рой Медведев, автор неизданных в Советском Союзе книги о Сталине «К суду истории», книги «О социалистической демократии», соавтор — вместе с А.Сахаровым и физиком Турчиным — письма правительству, протестующему против намерения реабилитировать Сталина.

На этот раз Рой Медведев написал длинную статью «Проблема демократизации и проблема разрядки» и раздал ее иностранным корреспон-

дентам 7 ноября — в день праздника. И эта деталь, несомненно, не была случайной: Медведев хотел подчеркнуть свою верность идеям Октября, идеям Ленина. Автор статьи полемизирует с советскими диссидентами, называя поименно Андрея Сахарова и Александра Солженицына, которые хотят связать с политикой разрядки надежды на либерализацию в Советском Союзе. Главную мысль Медведев выражает так: «Идеи все более и более крайние, предложения все менее и менее конструктивные» выгодны только «реакционным элементам» в Политбюро. Сахаров утверждал, что «разрядка» не дает ничего, если она не связана с либерализацией режима. Медведев возражает: разрядка важна сама по себе.

Автор книги о сталинизме дает понять, что «на самом верху», в Политбюро, идет ожесточенная борьба между «реакционерами» и «либералами». Главный либерал — Леонид Ильич Брежнев, который, в частности, по словам Медведева, готовит «более либеральную конституцию». (Что может быть более либеральным, чем нынешняя Конституция, трудно даже представить). Задача всех советских диссидентов — помогать Брежневу, ибо никакие реформы в Советском Союзе не могут быть осуществлены, если они не придут сверху. «Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция пассивны, люди слишком привыкли молчать и подчиняться». В этих условиях надеяться можно только на то, что «в кулуарах власти» победит «либерал Брежнев».

Взгляды Роя Медведева не изменились. Он их высказывал и в своей книге о Сталине, и в книге о социалистической демократии. Густав Херлинг-Грудзинский совершенно справедливо писал («Культура» № 11, 1973), что Медведева следует «поместить где-то возле группы, издававшей «Политический дневник», группы фрондирующих коммунистов, сторонников «конструктивной критики». Можно лишь добавить, что Рой Медведев — один из активнейших авторов «Политического дневника», некоторые свои статьи в «Дневнике» он перенес целиком в «Книгу о социалистической демократии». В рецензии на «Политический дневник» я писал (прошу простить за самоцитирование): «Целью всех предлагаемых ими (составителями «Политического дневника») реформ является расширение и укрепление Советского государства, расширение коммунистического влияния во всем мире».

В своей последней статье Рой Медведев остается на тех же позициях. Но теперь он присоединяется к тем, кто вот уже несколько месяцев ведет беспощадную кампанию против Сахарова и Солженицына, обвиняя их в том, что они просят помощи на Западе. Обвиняя их прежде всего в том, что они просят помощи «не у левых сил Запада, а у правых». В «Мертвых душах» Гоголя кучер Чичикова ругает деревенскую бабу, которая не может

показать правильно дорогу: «Эх, ты, баба, не знаешь, где право, где лево». Для Роя Медведева правые — это Никсон, Помпиду, Хиз, но и — Сахаров и Солженицын, а левые — Брежнев и те западные коммунистические газеты, статьи которых, обливающие грязью всех, кто произносит в Советском Союзе слово «свобода», заполнили страницы советской печати.

Было бы странным отрицать за Роем Медведевым право на свободу слова. В его статье имеются интересные наблюдения, касающиеся положения в Советском Союзе. Но его призыв — сидеть и ждать, пока Брежнев соблаговолит «открутить гайку», пока «сверху» придет «либерализация», нельзя рассматривать иначе, как капитуляцию перед силой, перед всемогущим государством. Рой Медведев имеет право писать и думать все, что он хочет, но публикация этих его мыслей в данный момент, поименное обвинение Андрея Сахарова и Александра Солженицына в том, что они «просят помощи» у «правых сил» на Западе, нельзя назвать иначе, как предательством.

Если нужно было бы доказательство того, что обращения к Западу, крики негодования по поводу преступлений, совершаемых властями, какой-то результат дают, можно было бы сослаться на итоги Международного съезда психиатров, закончившегося в октябре в СССР. Накануне съезда Американская психиатрическая ассоциация послала в Москву Всесоюзному обществу психиатров телеграмму, в которой выражалось беспокойство по поводу обвинений в использовании психиатрических больниц для заключения оппозиционеров. Когда американские психиатры приехали, встречавший их чиновник горько жаловался: «Ваша телеграмма причинила нам массу хлопот». В результате два члена конгресса — английский и шведский психиатры смогли посетить Петра Григоренко, а другие смогли ознакомиться с историей болезни 6 человек, содержащихся в психиатрической больнице.

Врачи, особенно психиатры — народ осторожный, к тому же и они, наверное, опасаются, что их зачислят в число «реакционеров».

Президент Американской психиатрической ассоциации д-р Альфред Фридман не согласился с двумя из шести диагнозов. Процент солидный если учесть, как тщательно подбирали истории болезни. «Советские граждане, — сказал чрезвычайно дипломатично американский психиатр, — могут быть обвинены в преступлениях и насильно заключены в психиатрические больницы в ситуациях, которые в США имели бы иной исход». И добавил: «Создалось впечатление, что к отклонениям от нормы относятся терпимо до тех пор, пока эти отклонения не связаны с политикой». Генерал Петр Григоренко отказался отвечать на вопросы западных

психиатров через переводчика, предоставленного властями. Он предложил, чтобы переводила его жена. Советский психиатр, сопровождавший гостей, не только отверг эту просьбу, как наглое вмешательство в действия властей, но и заявил, что сам факт отказа пользоваться официальным переводчиком служит убедительнейшим симптомом паранойи. Американский психиатр осторожно подчеркнул, что не все западные психиатры с этим согласились.

Тех западных психиатров, которые все же согласились со своим советским коллегой, можно понять. Станет ли психически нормальный человек выступать против властей, пытаться словом правды изменить политику могущественнейшей империи, наводящей ужас на весь мир? Ответ очевиден. Нормальный человек будет — как Рой Медведев — возлагать все надежды на властителей империи. И тем не менее сам факт, что западным психиатрам дали возможность заглянуть в советские психбольницы, свидетельствует, что разоблачение преступлений властей перед всем миром кое-какие результаты дает.

Прошло всего несколько месяцев после выступлений Александра Солженицына и Андрея Сахарова, а кое-где власти уже вынуждены отступить. Перестали глушить некоторые западные радиостанции. Приоткрыли щелку в психбольницы — теперь психиатры и КГБ будут вынуждены дважды подумать, прежде чем сажать туда недовольных. В ноябре московский апелляционный суд пересмотрел дело Андрея Амальрика, автора книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?', и заменил ему три года лагерей тремя годами ссылки. Амальрик закончил свой предыдущий трехлетний срок заключения в мае прошлого года. Не освобождая его, власти на месте, в лагере на Колыме, дали ему следующие три года. Произвол был настолько бессовестным, что объяснить его можно лишь желанием мести, желанием уничтожить бесстрашного историка.

Против нового приговора Амальрику, как и против заключения диссидентов в психиатрические больницы, протестовало мировое общественное мнение. Но обратили его внимание на эти преступления Солженицын, Сахаров, все те, кто не боялся говорить правду. И можно думать, что Советское правительство попытается сейчас проявить свой «либерализм», освобождая тех узников советских лагерей и психбольниц, имена которых стали известны Западу.

Недавно случайно попали мне в руки «Керунки» от 5.8.73, номер, в котором я обнаружил перевод статьи ленинградского профессора Леонида Ершова «Новые труды польских русистов». Статья эта перепечатана была из журнала «Русская литература». Я не собираюсь спорить с Леонидом

Ершовым, считающим крупнейшим польским русистом Базиля Белокозовича, лишь однажды критически вспоминающим Рышарда Пшибыльско-го, ничего не говорящего о книгах Виктора Ворошильского. Не собираюсь с ним спорить, если этого не делают «Керунки». В статье Ершова мое внимание привлекла его дискуссия со Збигневом Баранским, положительно оценившим «образ поляка» в прозе Исаака Бабеля. Бабель не в чести у советской критики, упрекавшей его в «невосприимчивости к национальной традиции». Особенно нападают на «национальную неполноценность» Бабеля в книге «Русский советский рассказ», одним из авторов которой является профессор Ершов. О Бабеле тоже не буду спорить — что-то у него с национальностью действительно не все в порядке.

Но отвергая образ поляков в рассказах Бабеля, Леонид Ершов противопоставляет им другой образ поляков. И называет три произведения, в которых польский народ представлен «тепло», в «полных доброго и ясно-го юмора тонах». Вот об этих-то «образах» я хотел сказать несколько слов.

Прежде всего Леонид Ершов называет «Рассказы Назара Ильича, господина Синябрюхова» Михаила Зощенко. И утверждает, что рассказано в этой книге «о рабочей Польше и простых поляках». Так вот, неприятно мне это говорить, но выдумал это все профессор Ершов. Единственным «польским персонажем» в этой книге Зощенко является «прелестная полячка Виктория Казимировна», супруга какого-то князя, а потом любовница прапорщика Лапушкина. Вторым «польским героем» советской литературы называет Леонид Ершов Юзефа из повести А.Малышкина «Падение Даира». Если учесть, что повесть Малышкина является образцом «повести без героя», если учесть, что «Юзеф», о котором нигде не сказано, что он поляк, угадать это можно вроде бы по акценту, произносит в повести ровно две фразы: дважды повторяя, что он бедный и готов умереть за бедных, за интернационал, — трудно назвать Юзефа воплощением черт польского характера. И, наконец, третий герой. Леонид Ершов пишет о нем так: «А разве можно забыть героя иного плана — персонажа романа «Золотой теленок» Адама Козлевича, человека со сложной биографией, но волнующего своей любовью к автомобилю». Скажем сразу: сложность биографии Адама Козлевича состоит в том, что он большую часть жизни был вором. Конечно, любовь к автомобилю несомненно важная черта, характеризующая поляка, но все же трудно говорить об Адаме Козлевиче как о персонаже, лучше представляющем поляка, чем герои Бабеля.

Профессор Ершов — специалист по советской сатирической литературе, и его рассуждения можно принять за шутку. Но польскому журналу, перепечатавшему такую статью, следовало бы сказать что-нибудь о ней.

Назар Ильич Синебрюхов побывал в Польше в первую мировую войну. И, как он утверждает, «конечно, изучил эту нацию... Нет, это уже очень чересчур гордая нация...» Много изменилось с тех пор...

Декабрь 1973

Читая западную печать — газеты и журналы разных стран, я за последний месяц нашел лишь одну небольшую заметку, которая в заглавии объявила: «Хорошие новости». Из текста, однако, выяснилось, что речь идет о «хороших новостях» для белых медведей, которым даны какие-то облегчения и льготы. Все остальные новости плохие. Зато в советской печати подавляющее большинство новостей хорошие. Во всяком случае, это относится к новостям, касающимся жизни советских граждан. Газеты и журналы не устают утверждать, что им живется все лучше и лучше, все радостнее и веселее. Есть, конечно, и уголок плохих новостей, но это о жизни на Западе.

В последнее время этот уголок заполняется материалами о жизни на Западе в условиях нефтяного кризиса. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что нет в этих материалах торжества и ликования по поводу приближающейся и теперь уже, кажется, вполне реальной гибели капитализма. Нефтяной кризис изображается с точки зрения трудящихся масс, которые, как сообщают корреспонденты «Правды», «Известий» из западных столиц, начинают страдать от холода в нетопленных квартирах, увольняются с работы, не могут ездить в автомобилях, по воскресеньям гулять. Короче, ведут жизнь, на которую никогда в жизни советский рабочий бы не согласился. Корреспондент «Правды» из Бонна сообщил, в частности, что западногерманские граждане, запасаясь бензином, хранят его в ваннах. Это наверняка убедит читателей газеты, что дела в ФРГ плохи, ибо советские граждане всегда поступают именно так, запасаясь продуктами в периоды кризисов.

Создается, однако, впечатление, что главная забота авторов материалов, публикуемых на тему нефтяного кризиса, заключается в том, чтобы убедить западных наблюдателей в непричастности Советского Союза к кризису. А сомнения такого рода имеются. Джеймс Рестон в «Нью-Йорк таймс» предположил, что, быть может, Москва, «не сумев осуществить научно-техническую революцию, как это сделали развитые промышленные страны, использует свое влияние на Ближнем Востоке, чтобы отбросить назад производство на Западе и в Японии». Виктор Зорза в «Таймсе» выдвинул предположение, что Советский Союз стоит за сокращением поставок нефти арабами, ибо нуждается в нефти сам.

Все это предположения, но судя по негодованию, которое они вызвали в советской прессе, можно бы сказать, что задето больное место. Западным журналистам отвечали «Литературная газета», «Правда», «Советская Россия», большую подробную статью поместил на эту тему журнал «Новое время». Как нетрудно догадаться, во всех этих статьях излагаются идентичные аргументы, которые должны доказать, что Советский Союз в нефтяном кризисе «ни при чем». Прежде всего, говорится в советской печати, причины кризиса надо искать в действиях «империалистических и сионистских кругов...» Советский Союз не мог побуждать арабов закрыть «нефтяной кран» по причинам, которые называют Зорза и Рестон, ибо арабская нефть Советскому Союзу не нужна, у него своей по горло; во-вторых, две третьих арабской нефти производят три страны, правительства которых нельзя заподозрить в просоветских симпатиях: Саудовская Аравия, Ливия, Кувейт. «Можно ли придумать что-либо более смешное, чем король Фейсал, слушающий то, что ему диктует Москва? — пишет в «Новом времени» Рубен Андерссян, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений. — А ливийский президент Каддафи тоже действует по наущению СССР? Еще абсурднее было бы видеть в эмире Кувейта русского агента». Трудно признать доводы советской печати убедительными. Мир знал и более странные союзы, чем, скажем, сотрудничество короля Фейсала с Брежневым. Даже заявление полковника Каддафи, что он [пропуск] израильской колониализм советскому империализму, говорит лишь о том, что в борьбе с одним врагом можно всегда воспользоваться помощью другого. Конечно, смешно себе представить эмира Кувейта в роли русского агента, но не смешно ли обращение алжирской конференции арабских стран, начинавшееся словами: «Арабские короли и президенты выражают социалистическим странам свою благодарность...»

Неверно и другое утверждение — относительно полной обеспеченности Советского Союза нефтью. Конечно, СССР добыл, по предварительным подсчетам, в 1973 г. 420 млн. тонн нефти. Это меньше плана, который предусматривал — в 1971 г., когда план приняли, добычу 429 млн. тонн и меньше даже пересмотренного плана, сокращенного до 424 млн. тонн. Конечно, Советский Союз обладает фантастическими залежами нефти в Сибири и Арктике, но добраться до них советская промышленность самостоятельно не в состоянии. Нужна помощь Запада. Западу же платить придется нефтью, и Западу нужно продавать нефть сегодня — ибо нефть и другое сырье до сих пор остаются единственными источниками валюты. Не говоря уже о том, что все социалистические страны (за исключением Румынии) потребляют советскую нефть. Нефть СССР нужна не меньше, чем Западу. Но от Запада нужно еще так много, что прихо-

дится с невероятной горячностью отрицать всякое участие — если оно есть — в арабском давлении на Запад.

О том, как много нужно, пишет, например, Александр Левиков в «Литературной газете». Статья называется «Симуляция деятельности» и посвящена она советской системе управления. «Чрезмерное планирование и жесткая централизация, — пишет А. Левиков, — привели к дезинтеграции экономики, наподобие того, как падение одной косточки домино влечет падение других. Советские хозяйственные деятели проводят слишком много рабочего времени на бесконечных конференциях и заседаниях, в том числе партийных и профсоюзных, к их прямой деятельности никакого отношения не имеющих. Если вы будете сидеть за своим столом и ковырять в носу либо ловить мух, люди будут над вами смеяться, но если вы будете кружиться в вихре партийной или профсоюзной деятельности, вас будут уважать, хвалить, ставить в пример, хотя производство от всего этого не будет иметь никакой пользы». — Не было бы в этих утверждениях ничего нового — писалось и пишется об этом от случая к случаю, и ничего не меняется. Новым является рецепт, предложенный автором статьи, рецепт, найденный им в книге заместителя министра внешней торговли Николая Смелякова, посвященной американским — капиталистическим — методам управления. Конечно, — пишет Александр Левиков, — «я не люблю пресловутый американский образ жизни (попробовал бы он сказать, что любит!) с его лицемерными стандартами, вечными страхами, жестокостью и социальными контрастами». Оказывается, американские бизнесмены умеют работать лучше советских хозяйственников, и хотя все, что они делают, «диктуется интересами конкурентной борьбы», учиться нужно именно у них.

Одновременно, однако, с призывом учиться у американских бизнесменов, с сообщениями о визитах американских капиталистов в Москве принимаются решительные меры для того, чтобы советско-американское сближение не приняло характера «свободного обмена идей». Острое предупреждение всем, кто на это рассчитывает, сделал секретарь ЦК, главный партийный идеолог Михаил Сулов. В большой речи, произнесенной в Вильнюсе, Сулов резко обрушился на «реакционные силы, которые в последнее время усилили попытки подорвать доверие к мирной политике Советского Союза». «Они не перестают говорить о — Сулов берет эти слова в кавычки — «советской военной угрозе», они выдвигают лживый тезис, что якобы в разрядке заинтересован только Советский Союз и социалистические государства».

Сулов нигде не называет таинственные «реакционные силы». Он говорит об «экспансионистских правящих кругах Израиля, которые пользуются

ся поддержкой «внешних реакционных империалистических сил», говорит о сайгонском режиме, который также «поддерживается империалистическими кругами». Зато он, не стесняясь, говорит о «маоистском руководстве», «пекинских политиках», «китайском руководстве», которое пытается запугать свой народ мнимой «опасностью с севера». Сулов заявил — это новая формула, что «Советский Союз не имеет территориальных притязаний к Китаю». Китай, следовательно, может спать спокойно.

Беспокоиться зато должны империалисты. Секретарь ЦК объявил: «Стремясь к разрядке... мы будем усиливать и совершенствовать борьбу с идеологическими диверсиями империализма, против всех попыток оживления всякого рода буржуазных теорий «идеологической конвергенции», против правых и против «левых» ревизионистов...» Он снова и снова предупреждает: те, кто надеется, что взамен за разрядку Советский Союз пойдет на какие-нибудь уступки, горько разочаруются. Подытожил он свой призыв к усилению борьбы, которая должна привести к миру, признанием: наша политика нигде и ни при каких обстоятельствах не отступит от принципиально классовых позиций.

Речь Сулова вызвала переполох на Западе — слова второго секретаря ЦК «резко расходятся» с тем, что говорит Генеральный секретарь. В то время как Брежнев нажимает на «разрядку», Сулов — на усиление борьбы. Вывод, который делает западная печать, прост: Брежнев — сторонник мягкой политики, Сулов — сторонник политики жесткой. Этот тезис, в частности, выдвигает Рой Медведев в своем заявлении, о котором я писал в прошлый раз. Нужно, однако, не знать царящих в Политбюро порядков или не хотеть их знать, чтобы представить себе возможность публичного выступления против политики Генерального секретаря. Западная печать считает признаком «крамольности» выступления Сулова тот факт, что оно не было полностью опубликовано в «Правде». Не было опубликовано в «Правде» и недавнее выступление Косыгина в Минске, посвященное проблемам экономики и нефти. Советские пропагандисты давно знают, что именно таким образом легче всего привлечь внимание Запада к словам, предназначенным на экспорт.

Один из излюбленных советских методов допроса — смена следователя. Сначала допрашивает хам и садист. Ему на смену приходит милый, любезный человек. Редко кто из заключенных выдерживает и не рассказывает ласковому следователю все, что тому нужно. Теперь, кажется, этот метод перешел в советскую дипломатию. Можно ли будет отказать милому Леониду Ильичу, которому угрожает старый сталинист Сулов?

Перешел этот метод и в советскую репрессивную политику. Освобожден из лагеря Амальрик (но оставлен на поселении на Колыме), Якиру по-

сле освобождения из тюрьмы разрешено поселиться под Москвой — в Рязани, но сразу же прошел суд над другом А. Сахарова, талантливым математиком Юрием Шихановичем, отправленным в психиатрическую больницу. Суд состоялся в отсутствие обвиняемого. Приговор вынесен на основании показаний «экспертов-психиатров». Они подтвердили: если Шиханович, как заявил прокурор, участвовал в редактировании «Хроники текущих событий», читал «20 писем к другу» Светланы Аллилуевой, распространял Нобелевскую речь Альбера Камю, произнесенную в 1957 г. и осуждавшую действия советских властей в Будапеште, — он опасный психический больной. Прекратились нападки на Андрея Сахарова, но вот уже несколько недель КГБ ежедневно допрашивает его жену, угрожая ей тюрьмой или психбольницей. Совершенно очевидно желание советских властей тем или иным путем от Сахарова избавиться. Именно он является сегодня центром, вокруг которого сплачиваются остатки демократического движения. Из круга друзей Сахарова вышли заявления, отвергающие тезис Роя Медведева, что все надежды на улучшение положения в СССР следует связывать с доброй волей таких «прогрессистов», как Брежнев, что разрядка приведет к либерализации строя, что нельзя обращаться к «правым» силам на Западе. Друзья Сахарова напомнили, в частности, что именно в эпоху советско-американского сближения в период Франклина Рузвельта Сталин уничтожил миллионы людей, что как раз на это время приходится годы террора. Андрей Сахаров подытожил дискуссию в коротком заявлении: «Я не согласен со многими утверждениями и общей направленностью недавних выступлений Роя и Жореса Медведевых... Своим прагматизмом Медведевы противопоставили себя тем, кто сегодня ведет нравственную борьбу за право человека свободно жить и мыслить... Я считаю, что о наших трагических проблемах мы должны говорить открыто и громко, обращаясь ко всем честным людям, каковы бы ни были их политические убеждения. Это наш долг перед нашей страной и перед всем миром. Позиция Медведевых, подчеркнуто апеллирующих к так называемым «левым силам», кажется мне ошибочной».

Желание советских властей избавиться от Андрея Сахарова настолько сильно, что можно думать, что нажим на его жену усилится до такой степени, что Сахаров вынужден будет уехать из Советского Союза.

Соцреалистическая литература понесла тяжелую утрату. В Москве умер в возрасте 61 года редактор журнала «Октябрь» Всеволод Кочетов, автор романов, воспевающих Сталина и сталинизм. Древние римляне предупреждали, что о мертвых следует либо молчать, либо говорить хорошо. О Кочетове, следовательно, надо было бы молчать, ибо трудно

сказать о нем что-либо хорошее. Быть может, только то, что за двадцать лет, следовавших после смерти Сталина, он, как многие другие, взглядов не менял. Твердо оставался на одних и тех же позициях: все, что Сталин ни делал — все замечательно, а все, что делают его преемники — от Маленкова, Хрущева, до Брежнева, — все это либерализм, распушенность, безобразие. Вряд ли даже самые старательные историки литературы будут читать его романы о секретарях райкомов и секретарях обкомов — покупились Господь Бог на талант верному сталинисту. Но историки, которые пожелают узнать, как жили московские интеллигенты в конце 60-х годов, с любопытством ознакомятся с последним опусом Кочетова — романом «Чего же ты хочешь?», написанным в 1969 г. Ответ на вопрос, поставленный в заглавие, автор дает сразу: хочет он возвращения сталинизма. Интересно другое: злобное ненавистное описание либеральной московской интеллигенции, «либеральных западных» — прежде всего итальянских — коммунистов. По своей открытой, примитивно-зоологической реакционности, черносотенности роман Кочетова займет в истории советской литературы особое место. Впрочем, его имя может сохраниться и потому, что Абрам Терц (Андрей Синявский) в двух своих книгах — «Суд идет» и «Любимов» описывает пару агентов КГБ, друзей Витю Кочетова и Толю Софронова, преуспевающего и сегодня редактора журнала «Огонек».

Но может быть и не надо плохо говорить о Кочетове? Он писал то, что думал, думал то, что писал. У советских писателей случается это необыкновенно редко. И поэтому о Кочетове вспомнил я, читая в ноябрьском номере журнала «Молодая гвардия» острую критику пьесы Чингиза Айтматова и К.Мухамеджанова «Восхождение на Фудзияму». Пьеса эта с большим успехом идет в московском театре «Современник» и действительно на фоне советского репертуара успех этот вполне заслуживает. Действие происходит в Киргизии, встречаются старые школьные друзья со своей старой учительницей. Собираются они на горе, которую называют Фудзияма, ибо так называется священная гора буддистов, куда верующие приходят исповедоваться. Исповедуются и друзья — решают они говорить в этот вечер правду и только правду: о себе, своей жизни, о своих товарищах. Причиной исповеди стал разговор о пятом друге, самом способном из них. Его судьба сложилась иначе, чем у других. Во время войны он написал поэму, в которой раздумывал о печальной судьбе своего поколения, о погибших — своих и чужих. Поэму он написал для себя, не собиравшись, конечно, ее печатать, но один из друзей сообщил «куда следует». Дальше — тюрьма, лагерь, после выхода из лагеря поэт запил... Встретившись в 1965 г. друзья пробуют выяснить: кто донес? Кто уничтожил жизнь друга?

Автор статьи в «Молодой гвардии» Юрий Зубков пишет о пьесе с позиций 1973 г. Авторы пьесы спрашивают: какие моральные качества должен иметь человек, чтобы он мог называться человеком? Авторы пьесы спрашивают: человек вообще и советский человек — это одно и то же? Есть ли некие общие моральные критерии для человека и для советского человека?

Юрий Зубков своей статьей доказывает, что таких общих критериев нет. Он анализирует пьесу с позиции следователя КГБ. Он ставит вопрос: правильно арестовали поэта во время войны за его поэму или нет? И утверждает — правильно! Он так и пишет: «Остается выяснить вопрос о правомерности, справедливости наказания, которое понес Сабур (имя поэта) в дни войны». «Поскольку, — говорит Ю.Зубков, — Сабур написал «пацифистскую поэму», скажу, что пацифизм остается пацифизмом во все времена, в том числе и в дни мира». Следовательно, не только следовало Сабур предать, а потом засадить в лагерь, следует присмотреться и к авторам пьесы, пропагандирующим «пацифизм в дни мира», что не менее вредно и опасно, чем его пропаганда в дни войны.

Но не Ю.Зубков заставил меня вспомнить покойного Кочетова, а один из авторов пьесы «Восхождение на Фудзияму» — Чингиз Айтматов — киргизский писатель, в последнее время пишущий по-русски, быть может, один из самых талантливых советских прозаиков сегодня. Во всяком случае, его повесть «Белый пароход» (1970) — лучшее из того, что дала в последние годы советская литература. И в «Белом пароходе», и в пьесе Чингиз Айтматов утверждает общечеловеческую мораль и скорбит о ее гибели у него на родине.

Но когда «Правда» опубликовала в августе 1973 г. письмо писателя, обвиняющее Сахарова и Солженицына во всех смертных грехах, первой среди подписей, может быть по алфавиту, стояла подпись Чингиза Айтматова. Пошел ли он потом на Фудзияму? Не знаю. Во всяком случае, подпись под письмом в «Правду» не помешала публикации критической статьи о пьесе, которая, можно быть уверенным, вскоре будет снята со сцены.

Недавно прочитал я документ, по сравнению с которым кажутся бледными и смешными все труды западных ученых, анализирующих советскую систему, советскую пропаганду, психологию советского человека. Документ это озаглавлен торжественно, но просто: «Протокол общего собрания осужденных 5-го отряда Исправительно-трудовой колонии № 41 (Новая Ляля Свердловской области). Президиум: заместитель начальника колонии, начальник политвоспитательной работы капитан Смирнов, на-

чальник 5-го отряда капитан Булатов, бригадир 51-й бригады осужденный Фошкин, осужденный Потаскуев, секретарь — осужденный Шукружев».

Итак — собрание как собрание, образец советской демократии, но собрание в лагере, в президиуме — рядом с начальством, заключенные. Это уже советская демократия в квадрате, самая передовая в мире. Повестка дня собрания — обсуждение статьи, опубликованной в газете «Уральский рабочий» под заголовком «Тель-Авив находит героя» о деятельности осужденного Кукуя В.И.

Итак — заключенные вместе со своими старыми товарищами — начальниками — собрались обсудить деятельность сиониста Кукуя, также заключенного. Дадим голос советским заключенным: самым свободным в мире.

Фошкин (осужден по ст. 21 за транспортную аварию): «Я считаю, что, исходя из фактов, изложенных в статье, Кукуй в чем-то виноват и должен признать свою вину, но этого не делает, хотя, исходя из статьи, распространял антисоветскую литературу... Кукуй в лагере инертный какой-то, работает без полной отдачи сил. Ясно, что если дали наказание, то исправься или отбудь так, чтобы выйти из исправительно-трудового учреждения, не чувствуя за собой вину».

Серенький (ст. 120 — растление малолетних): «Прочитав статью, я не мог понять, отчего Кукуй не мог понять того, о чем написано в этой статье. Честные евреи живут у нас в Советском Союзе без зажима, живут хорошо, в дружбе с украинцами и другими народами. Честные евреи не поддадутся сионистской агитации... Мы находимся в изоляции и должны отсидеть, как следует, а не писать по разным инстанциям... Кто такой Кукуй? Зачем Кукуй без высшего образования для Израиля? Люди выше него, и намного, после перехода на их сторону и выдав секретные сведения, выбрасываются за борт жизни. То же будет и с Кукуем. «Золотого рая» ему не будет в Израиле. Сколько туда уехало — больше половины возвращаются. А вернуться хотят все. Но многим не разрешают. Уехали — и живите».

Потаскуев (ст. 144 — кража): «Кукуя вырастила и воспитала Советская власть, и ей не понравилось, что он — изменник Родины. Его посадили. Он имел преступления в Советском Союзе и должен искупить свою вину».

Захаров (ст. 89 — хищение государственного имущества): «Кукуй клеветал на Родину. Мученика из него делают. Он должен сам это осознать и написать, что он не мученик, и пусть прекратят это, и пусть исправляется».

Иванов (ст. 145 — грабеж): «Кукуя я знаю долго. Я поддерживаю выступление Серенького. Зря Кукуй наводит клевету. Хотя есть пословица:

«У всякого Абрама — своя программа», но здесь Кукую не дадут заниматься антисоветской деятельностью. Все бесполезно против Советского Союза...»

Затем последовало длинное выступление воспитателя капитана Смирнова, значительно менее интересное и красочное, чем речи его подопечных, потом — как полагается — резолюция собрания: «общее собрание осужденных 5-го отряда осуждает поведение Кукуя...»

Кто посмеет сказать, что нет в Советском Союзе подлинной демократии? А после собрания Кукуя посадили на 4 месяца в БУР (барак усиленного режима), Пусть подумает над резолюцией...

Февраль 1974

В первые дни января газета «Известия», подводя итоги, объявила минувший 1973 год лучшим годом в истории Советского Союза после окончания второй мировой войны. Возможно. Но начался год менее удачно — по вине Александра Солженицына. Публикация «Архипелага ГУЛАГ» застала «органы» врасплох. Проходит 5 дней, прежде чем агентство ТАСС публикует первый комментарий. Но — только для заграницы. Еще два дня — и «Архипелаг ГУЛАГ» упоминается на телевидении, но комментатор говорит лишь, что Солженицын «предатель», который в своем «романе» (?) обеляет предателей Родины. Видимо, еще книга не прочитана, как следует. На следующий день появляется на голубом экране небезызвестный Юрий Жуков — «специалист по международным вопросам». Перед ним на столе лежит гора читательских писем, в каждом из которых, утверждает Жуков, выражается негодование честных советских людей по поводу книги Солженицына. Если учесть, что «Архипелаг ГУЛАГ», вышедший в Париже за 10 дней до выступления Юрия Жукова, в Москве не продавался, нужно признать, что советские граждане проявили высокую оперативность, успев не только ознакомиться с книгой, но и возмутиться ею, и тут же написать сотни писем. Но недаром говорят, что Советский Союз — страна неограниченных возможностей...

А потом пошло и поехало. Статья в «Правде» — через 17 дней. Статьи в «Литературной газете», «Советской культуре» и т.д. и т.п. В газетах — письма возмущенных читателей, возмущенных писателей, отклики возмущенных братских компартий. Кампания разворачивается по всем надоевшим образцам: все газеты, журналы, ораторы повторяют одни и те же лживые и пустые слова, но во всех этих выступлениях чувствуется растерянность: что же делать с Солженицыным?

Спрашивают себя руководители государства, спрашивают простые советские люди. На лекциях по международному положению, организуемых обществом «Знание», слушатели не перестают задавать вопросы. Вопросы и ответы — как правило — очень похожи. «Кто такой Солженицын?» Стандартный ответ: «Сын ростовского помещика, осужденный в военное время за действия, которые наказывают в каждой армии». Хоро-

шо известно, что Солженицына арестовали за письма, в которых он критиковал Сталина. Любопытно, в какой бы армии еще арестовали за это? Наглой ложью является и утверждение о помещицьем происхождении писателя. Забавно, однако, что на 57-м году революции приходится прибегать к такого рода аргументам. Еще вопрос: «Есть ли какие-нибудь литературные достоинства у книги Солженицына?» Стандартный ответ: «Никаких. Она написана скучно и плохо, хотя некоторые советские люди и сионисты за рубежом утверждают, что он — новый Достоевский». Этот ответ, думаю, в комментариях не нуждается. Но главный вопрос: «Почему его не судят?» И главный ответ: «В конце концов, я думаю, что воля народа будет осуществлена».

Эти ответы были даны на лекции в Москве в середине января. Нет сомнения, что подобные ответы даются всюду, где задаются вопросы. А вопросы задаются все чаще, ибо теперь-то советские люди начинают узнавать по радио, о чем же пишет Солженицын. Можно предполагать, что Политбюро все еще не решило, что же делать с человеком, который в одиночку бросил вызов Советскому государству. Но план борьбы с книгой Солженицына разработан. Книга называется «Архипелаг ГУЛАГ» и рассказывает о советской лагерной империи со дня ее возникновения в 1918 г. На эту тему советские пропагандисты предпочитают с писателем не дискутировать. Изобретен такой прием: в нашей истории имели место нарушения социалистической законности, но они уже решительно осуждены партией. Точка. Говорить об этом больше не только не нужно — нельзя. Трудно себе представить, как бы обиделись советские пропагандисты, если бы кто-то предложил им забыть о гитлеровских преступлениях только потому, что германская социал-демократическая партия их осудила. Нет, от немцев совершенно справедливо требуют наказания всех военных преступников. А когда Солженицын настаивает на условном наказании сталинских преступников, которых, как он подсчитал, может быть не менее 250 тысяч, когда он требует, чтобы их хотя бы привлекли к суду и заставили публично сказать: да, я был палачом — ему Юрий Жуков, редактор «Литературной газеты» Александр Чаковский и сотни и сотни им подобных заявляют: нет, об этом говорить нельзя, об этом все сказано. Где об этом сказано — не очень-то известно. Доклад Хрущева на XX съезде так и остался тайным документом, а разоблачения сталинских преступлений на XXII съезде касались только невинно осужденных членов партии. А Солженицын говорит о миллионах и миллионах невинно осужденных — в том числе и о тех (а их было подавляющее большинство среди жертв), кто в партии не был. О миллионах крестьян, замученных в годы коллективизации, о миллионах пленных, зачисленных в изменники Родины. И этого ему не могут простить.

В многочисленных статьях против Солженицына чаще всего встречается слово: «предатель», а следующее — по частоте употребления — слово «кошунство». Каста жрецов нечеловеческой религии кинулась на человека, осмелившегося поднять руку на идола, которому они поклоняются. Как он смел: кошунство, святотатство, богохульство. И самое ужасное для жрецов то, что писатель их не боится.

Ознакомившись с образчиками «критики», Александр Солженицын бросил им в лицо: вы лжецы, вы искажаете мой текст. «Укажите страницы, господа!» — потребовал автор «Архипелага ГУЛАГ». Но как же они могут? Каждая точная цитата разбивала бы в пух и прах все с величайшим трудом склеенные ложью комбинации и обвинения.

Важно, мне думается, отметить, что в Советском Союзе нашлись люди, выступившие в защиту Солженицына. Совершенно ясно, что их немного. Важно, что они есть. Среди них историк Рой Медведев, недавно очень резко выступавший против Солженицына. В большой статье, написанной по поводу «Архипелага ГУЛАГ», Медведев заявляет, что он не согласен с некоторыми мнениями и выводами Солженицына (это касается, главным образом, оценки Ленина, которого писатель считает первопричиной зла), но «категорически подтверждает абсолютную подлинность всех фактов, изложенных в книге». В частности, Рой Медведев подтверждает рассказанную Солженицыным историю освобождения Праги в мае 1945 года власовскими частями, повернувшими оружие против немцев. Эти страницы книги Солженицына вызывают у советских пропагандистов особую злобу. Рой Медведев пишет: «это исторический факт, которого нельзя игнорировать».

«Дело Солженицына» далеко еще не закончено. Еще только на немецком языке, кроме русского, вышла книга. Еще опубликован только первый том. Но уже сегодня видно, что книга эта — один из важнейших документов XX века. И значение ее не только историческое. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что руководители западных компартий, собравшиеся на конференцию в Брюсселе, вынуждены были вспомнить об «Архипелаге ГУЛАГ».

Ожесточенность борьбы с Александром Солженицыным кроме всех прочих причин объясняется и тем простым фактом, что советские граждане имеют возможность услышать эту книгу. Советская пропаганда впервые оказывается вынужденной спорить с противником, аргументы которого также известны. В «Литературной газете» № 2 на 13-й странице центральное место занимает большая заметка, озаглавленная: «Почему в моде Оруэлл?» Название удивительное. Как может быть в моде пи-

сатель, имя которого всегда было проклято? Оказывается, русская редакция Би-би-си организовала серию передач, посвященную Оруэллу, и, видимо, он стал и среди советских читателей модным. Нет нужды говорить о жалких аргументах автора заметки, пробующего полемизировать с великим английским писателем. Но для советских читателей заметка содержит некоторые полезные сведения. Из нее можно узнать, например, что в романе «1984» Оруэлл оказался, как выражается автор заметки, «всеюнавсего жалким подражателем Евгения Замятина, русского писателя-эмигранта, автора романа «Мь». Оставляем на совести автора заметки утверждение о «жалком подражательстве», но надеемся, что теперь в моду войдет Замятин.

Как известно, недавно снова радовалась вся планета: Леонид Ильич Брежнев посетил Индию. Потом он успел побывать и на Кубе. Но на Кубе особо интересных разговоров не было (во всяком случае, до меня не дошли), а вот в Индии такой интересный и очень поучительный разговор состоялся. В день отъезда Генеральный секретарь узнал, что один из лидеров индийской оппозиции мистер Малху Лимайе очень обижен, что советский гость беседовал только с Индирой Ганди. Генеральный секретарь чрезвычайно удивился, но великодушно, из любопытства, видимо, отложил свой отъезд на полчаса и оппозиционера принял. Тот сразу же — чуть поздно, но все же — пожелал гостю «добро пожаловать от имени оппозиции». И на это Леонид Ильич задал ему вопрос: а зачем, собственно говоря, нужна оппозиция? В Советском Союзе, — объяснял Генеральный секретарь, — Центральный комитет обсуждает все вопросы, а потом принимает решения. И на прощание поучил лидера индийской оппозиции: «Существование оппозиции мешает созданию между народом и правительством дружественных отношений» («Индиан экспресс», 1.XII.1973).

Этот замечательный афоризм Брежнева припомнился мне в связи с дискуссией по эконометрии, которая ведется на страницах журнала «Плановое хозяйство». Дискуссия ведется между двумя группами советских экономистов: одна группа — ортодоксальные марксисты, стоящие на «ленинских принципах планирования», обвиняют другую группу в приверженности к «буржуазной» эконометрии и политэкономии. Марксисты заявив, что «центр тяжести идеологической борьбы заметно переместился в область экономической науки», приступили к разоблачению «буржуазных, реформистских и ревизионистских экономических концепций». Все это оставалось бы набором многозначных и ничего не означающих слов, если бы один из лидеров марксистов-экономистов не привел в качестве решающего аргумента цитату из Ленина. А заявил однажды основа-

тель Советского государства следующее: «Математика хуже, чем подозрительная. Никуда не годная».

И так сомкнулись два Ильича: одному не нужна оппозиция, другому — математика. Достаточно иметь Центральный комитет. А о том, как работают по планам, созданным на основе решений ЦК, можно прочесть в очерке Анатолия Злобина «Этот младенец Акоюн...» («Литературная газета», № 46, 1973).

Упомянутый в заглавии Акоюн — знаменитый в Советском Союзе фокусник. Сравнивает себя с ним в разговоре начальник какой-то большой стройки (пожелавший сохранить свое имя в тайне). Строитель этот утверждает, что для выполнения плана необходимо обмануть всех начальников сверху донизу, необходимо предупреждать доносы, давать взятки, прятаться, обманывать, — и все это для пользы дела.

Очерк этот был показан трем крупнейшим советским строителям. Они единодушно ответили, что написали бы гораздо острее. Министр промышленного строительства Белоруссии объясняет это, в частности, тем, что «в плановых органах сейчас действует тенденция: давать планы несбалансированные, но зато максимально напряженные. Там, видимо, рассуждают примерно так: запланируем рост на десять процентов, пусть он будет выполнен только на семь процентов, но это лучше, чем запланировать на семь процентов, а еще неизвестно, что получится...»

Так сказать, марксистское планирование «без математики». Если, однако, такого рода планирование возмущает советских строителей, которым приходится фокусничать, чтобы выполнять план, оно почему-то не смущает американских капиталистов, предпочитающих Москву всем другим городам мира, судя по их словам. Вот, например, корреспондент журнала «Неделя» (№ 2) посетил вице-президента «Банк ов Америка» Алекса С. Янковича в его апартаментах на 20-м этаже одной из московских гостиниц. Вице-президент «не без гордости показал мне свои апартаменты — 3 небольшие комнаты». Видимо, у себя на родине мистер Алекс С. Янкович ютится вместе с женой и детьми в одной комнате и счастлив получить в Москве такое помещение. Зоркий советский журналист немедленно заметил на полу прислоненную к стене только что купленную гравюру — Дворцовая площадь в Ленинграде. Американский банкир поделился с гостем своей сокровенной мечтой: «Я хотел бы повесить рядом с этой гравюрой еще одну, которая рассказала бы об Октябрьской революции. Пусть гости смотрят и думают о том, что произошло. Для многих наших бизнесменов вы все еще Россия, а ведь вы уже давным-давно Советский Союз. Надо открывать им глаза на ваш сегодняшний день».

Можно быть уверенным, что с такими американскими банкирами Советский Союз не пропадет. Как любят говорить в Москве: такие банкиры нам нужны!

Китай снова занял видное место на страницах советской печати: обвинения в измене марксизму, в агрессивных намерениях, в культе личности, в преследованиях интеллигенции — таково содержание многочисленных статей, комментариев, заметок. Чтобы окончательно «разоблачить» Солженицына, сообщают, что китайская пресса его хвалит. Чтобы окончательно разоблачить агрессивность китайской политики, «Новое время», не стесняясь, осуждает поведение Китая в конфликте с Южным Вьетнамом по вопросу Парасельских островов. На всех советских картах эти острова значатся принадлежащими Китаю, и тем не менее высадка китайских солдат на островах Спратли, по утверждению «Нового времени», «еще раз показала шовинистический аспект маоистской великодержавной политики».

Особое место в антикитайской кампании предназначено выпущенной в самом конце прошлого года книге Петра Владимиров «Особый район Китая. 1942–1945». Огромный том в 650 страниц сразу же стал бестселлером. Книга действительно представляет значительный интерес. Это дневник Петра Владимиров, служившего в Яньани (Особом районе) в течение трех лет связным Коминтерна при руководстве ЦК КПК. Автор дневника умер в 1953 г., а дневник издан через двадцать лет после смерти Владимиров. Поскольку известно, что Коминтерн был официально распущен в мае 1943 г., можно смело назвать Владимиров агентом Сталина при Мао Цзэдуне. Мы находим в «Дневнике» множество сведений о внутренней жизни китайских коммунистов в годы их борьбы за власть. Мао Цзэдун, судя по записям в «Дневнике», высоко ценил Владимиров: «Лучшего работника из Москвы, чем вы, в Китае еще не было, да мне и вообще не доводилось встречать». Возможно, что Мао и был прав, ибо Владимиров тщательно регистрирует все услышанные им слова Мао и других деятелей, подробно записывает все, что видит. Главное впечатление: Мао не терпит Сталина. «Сталин, — говорит он, не знает и не может знать Китая. А в то же время он хочет обо всем судить. Все его так называемые теории о нашей революции — дурацкая болтовня». 29 июля 1942 г. Владимиров записывает, что во время боев под Москвой в 1941 г. Мао заявил: «Вот куда Сталина привела его болтовня. Хотел бы я видеть теперь этого вождя, болтающего в Москве». И этим же летом появляется другая запись: «Враждебность (Мао к Советскому Союзу) для меня теперь уже не такая еретическая мысль. Есть множество незначительных и

значительных подробностей, которые меняют мое представление об этом человеке».

Есть в книге и описания пирушек, которые устраивал Мао, в то время как «военные и партийные кадры в Яньани получали в день всего три миски чумизы без приправы... зимой две миски...» Есть описания страшного и коварного Кан Шэна — китайского Берия. Оказывается, китайская Красная армия не воевала с японцами, как многие годы уверяла советская печать, не воевал Мао и с Чан Кайши, зато он все время вел какие-то тайные переговоры с американцами. Нет сомнения, что немало в книге подчищено, подкрашено, вычеркнуто и дописано — уж очень все звучит посегодняшни. Тем не менее теперь нельзя будет без нее обойтись при изучении советско-китайских отношений. «Дневник» Владимирова убедительно показывает, что советско-китайские трения возникли не вчера. Впрочем, нельзя забывать, что у Мао Цзэдуна были основания чрезвычайно подозрительно относиться к Сталину. В августе 1945 г. Сталин заключил договор с Чан Кайши, добившись от него множество уступок, которые потом отобрал — после победы — Мао Цзэдун. И в то самое время, когда Владимиров записывал в «Дневник», что Мао не любит русских, Молотов заявил американскому генералу Хэрли: «так называемые китайские коммунисты на самом деле вовсе и не коммунисты».

Взаимная вражда пропитана подлинной взаимной ненавистью.

Март 1975

Идеологическое наступление нарастает в Советском Союзе с каждым днем. Появился новый враг, борьба с которым принимает самые разнообразные формы. Советское государство счастливым образом никогда не оставалось без врагов: едва уничтожался один, назначался другой. После истребления всех белогвардейцев, кулаков, вредителей, террористов, мечтавших о покушениях на Сталина, филателистов и эсперантистов, в последние годы обязанность врага исполняли сионисты. У сионистов в качестве врагов — масса достоинств и главное: они под рукой. Мудрый советский народ давно разгадал, что сионисты — просто евреи. Но великое это достоинство оборачивается недостатком. На всех заводах, фабриках, во всех колхозах и учреждениях прошли собрания, разоблачающие израильскую военщину и сионистов, планирующих захват мирового господства. Пора давать приказ: бить жидов и спасать коммунизм. Однако по некоторым соображениям с приказом таким медлят. Правда, в провинции, вдали от культурной Москвы, примериваются: в Виннице арестовали доктора Михаила Штерна и долго искали наиболее удачную форму обвинения. В числе предлагаемых было и обвинение в отравлении младенцев (в свое время говорили — христианских, теперь — наших, советских). На Западе, однако, послышались недовольные голоса (все те же сионисты!), пришлось осудить доктора на 8 лет за получение взяток. Тут уж недовольных быть не может: в Советском Союзе все взятки брать обязаны.

С недавнего времени надоевших сионистов с успехом стали заменять эмигранты. Сионистов, конечно, не забыли, но они стали лишь соусом, в котором подается главное блюдо — эмигранты.

Новый враг обладает очевидными достоинствами. Его нет под рукой, но зато под рукой те, кто поддерживает с ним связь (или потенциально может поддерживать). Во-вторых, эмигрантов стало очень много. Можно, следовательно, ввести целую иерархию, составить целую гамму и разыгрывать сложнейшие мелодии. Недавно, например, «Литературная газета» перечислила такие категории: «эмигрантские подонки», ими «движет ностальгия по дооктябрьским временам»; «предатели, служившие нацистам», они «сокрушаются о том, что в сорок пятом победили наш народ и

наш строй»; наконец — «литературные власовцы», они «изображают из себя «борцов за свободу духа».

Есть и еще одна причина, «вызвавшая такое пристальное внимание к эмиграции советских руководителей: нарастающая волна новой эмиграции и оживление ее деятельности: публикация книг Солженицына, появление журнала «Континент», книги Синявского, Максимова...

В борьбе с новым врагом применяются формы прежде всего старые, испытанные, но пробуются и неожиданные методы. К наиболее испытанным, можно бы сказать привычным, принадлежит процесс. В конце июля прошлого года был арестован писатель Владимир Марамзин, 19 февраля он предстал перед судом по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Статья 70 Уголовного кодекса, трактующая это преступление, предусматривает за него наказание до 7 лет лишения свободы. Ровно девять лет назад, в феврале 1966 г. Андрей Синявский был приговорен по этой статье по тому же самому обвинению к 7 годам лагеря, а Юлий Даниэль — к 5 годам.

Главным обвинением против В. Марамзина было составление пяти-томного собрания сочинений его друга поэта Иосифа Бродского и пересылка его за границу. Кроме того, писатель обвинялся в пересылке на Запад собственных произведений. Как раз накануне суда во втором номере «Континента» появилась отличая повесть Марамзина «История женитьбы Ивана Петровича».

За девять лет, прошедших после процесса Синявского и Даниэля, советские следственные органы добились немалых успехов. Процесс Марамзина прошел на таком же высоком идеологическом уровне, как и состоявшийся полтора года назад процесс Якира и Красина.

Видимо, этот сценарий уже испытан и утвержден соответствующими органами. Арестованных держат много месяцев в тюрьме, там добиваются от них признания и раскаяния (возможно скоро станет известно, какие меры воздействия применяются), а потом выводят в зал суда. Раскаявшийся «диссидент» разоблачает соблаздивших его эмигрантских агентов и отделяется условным наказанием.

Дело В. Марамзина было разыграно точно по этому сценарию. Со знаменательными видоизменениями. После того, как Марамзин в тюрьме накануне процесса раскаялся, он немедленно написал письмо в парижскую газету «Монд». Советское агентство печати ТАСС немедленно известило об этом весь мир, добавив, что письмо Марамзина в парижскую газету переслал адвокат (в Советском Союзе ведь это просто: и заключенные, и адвокаты только и делают, что переписываются с буржуазной печатью). «Монд», однако, сообщила, что письмо от Марамзина по-

лучено не от адвоката арестованного, а из советского Министерства иностранных дел. Другой особенностью процесса была редкая даже для советского суда неясность обвинения: «изготовление и распространение антисоветской литературы». А какой — не сказано. Солженицын рассказывает, что Ивана Денисовича Шухова обвинили в измене Родины, в том, что он бежал из немецкого плена с заданием. «Какое задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто — задание». И В. Марамзину тоже так и оставили просто — «антисоветская литература». А приговорили к 5 годам условно.

В том же сообщении ТАСС, в котором извещалось о кающемся письме Марамзина в «Монд», указывалось, что связь с заграницей — пересылку литературы он осуществлял через двух французов. Париж, где собралось слишком много, на советский вкус, эмигрантов (снова!), был главной целью процесса Марамзина. Предупреждением французским властям.

Второй фронт идеологического наступления наметила «Литературная газета» 26 февраля 1975 г. в огромной, на всю страницу статье вынырнувшего из безвестности Григория Козлова под заманчивым заголовком «Рим, улица Лютеции, дом № 8» повествуется о деятельности некоей страшной организации МЛИА — Международной литературной ассоциации. МЛИА, говорится в статье, создана американским Центральным разведывательным управлением для распространения всякого рода враждебной «литературы» среди советских людей. Григорий Козлов ставит слово «литература» в кавычки — дело идет об идеологической диверсии, которая должна «подорвать наш строй». Сразу отметим, что во всей колоссальной статье ни разу не названа ни одна книга, распространяемая МЛИА. Зато подробно перечислены все адреса в Риме, Париже, Лондоне, Стокгольме, других городах, в которых бесплатно раздают «враждебную литературу», и даже даны имена руководителей местных центров МЛИА.

Полезная эта информация, надо думать, была с удовлетворением встречена всеми советскими гражданами, которые могут рассчитывать побывать в «загнивающей, но все еще прекрасной загранице». Но не это, разумеется, было целью Григория Козлова и его хлебодателей. Григорий Козлов щеголяет своей информированностью: он хочет сказать: я, то есть мы, наши органы, все знают. А знают они потому, что явился к нам бывший руководитель МЛИА американец Гейтер Стюарт и все рассказал. Кто такой Стюарт — не очень ясно: то ли это новый доктор Зорге, то ли новый капитан Чехович, а может быть, просто спившийся и проворовавшийся американец. (Судя по опубликованной фотографии и это возможно). Явился он к своим советским коллегам в июле 1974 г., а вынесли его на всесоюзную и международную сцену в феврале 1975 г. Одновременно с

раскасянием Марамзина. Это снова предупреждение не только эвентуальным советским посетителям центров МЛА, но прежде всего эмигрантам и приютившим их правительствам: мы все знаем!

Сегодня, когда разоблачение деятельности ЦРУ в такой моде, информация о связях МЛА с американской разведкой и с сионистами должна, по мнению КГБ, давно признанного во всем мире оплота мира, нанести серьезный удар по эмигрантам.

Третий фронт идеологической войны значительно своеобразнее. В последнее время используется в этой войне немало методов неортодоксальных. Достаточно сказать, что во время процесса Марамзина московские власти разрешили «неофициальным художникам» организовать официальную выставку в официальном помещении — в павильоне пчеловодства на Выставке достижений народного хозяйства. Это был, как говорят военные, отвлекающий маневр. К такого рода отвлекающим маневрам можно, мне думается, отнести и выход в Москве первого номера нового «самиздатовского» «социального, политического и литературного» журнала «XX век».

Составитель и главный редактор журнала Рой Медведев объявил, что журнал «будет руководствоваться заботой о развитии социалистического общества в СССР на основе сочетания социализма и демократии». Журнал предполагается выпускать раз в два-три месяца, его страницы открыты как для марксистов, так и для немарксистов.

Журнал интересен по многим причинам. Прежде всего, своим содержанием. В нем опубликована первая часть мемуаров старого лагерника Дмитрия Витковского, который должен был быть редактором «Архипелага ГУЛАГ». Витковский умер, прочитав, — как пишет Солженицын, — «лишь несколько законченных глав и убедившись, что обо всем будет рассказано». Мемуары Витковского хотел публиковать Твардовский в «Новом мире», но разрешения не получил. Теперь их публикует Рой Медведев как ответ на «Архипелаг», как голос из могилы человека, прошедшего в лагерях несравненно дольше Солженицына, но веры в Советскую власть не потерявшего. Сам редактор публикует в «XX веке» свою работу об авторстве «Тихого Дона», во многом подтверждая, а то и повторяя выводы автора «Стремени «Тихого Дона», изданного с предисловием Солженицына. Анонимный автор поместил ответ на «Письмо вождям Советского Союза» Солженицына, называя его «нереальным, утопическим и реакционным». Сергей Елагин (быть может псевдоним?) посвятил статью «кровавому христианству Владимира Максимова», редактора журнала «Континент». Михаил Якубович, бывший меньшевик, ставший пламенным большевиком и отсидевший 26 лет в лагере, написал воспомина-

ния о кануне революции. М. Якубовичу Солженицын посвятил почти целую главу в первом томе «Архипелага ГУЛАГ». Известна их переписка. В последнее время, однако, М. Якубович ведет ожесточенную кампанию против автора «Архипелага» и даже выступил в антисолженицынском фильме, подготовленном Агентством печати «Новости».

Даже из этого кратчайшего изложения содержания журнала «XX век» тенденция его проглядывает совершенно очевидно. Журнал посвящен разоблачению преступлений Сталина и только Сталина. Журнал вырывает монополию на разоблачение сталинизма у Солженицына, чтобы помешать распространению разоблачения на Ленина, на советский режим. Журнал задуман — в этом не может быть сомнения — как конкурент «Континента». Будучи изданием «самиздатовским», «XX век» несомненно имеет возможность противодействовать деятельности эмигрантского «Континента». Станным образом позиция Солженицына, трактующего эмиграцию пренебрежительно, придает вес «XX веку».

Я включил журнал Роя Медведева в правительственную акцию борьбы с эмиграцией, хотя никаких сомнений в личной честности историка сталинизма у меня нет. Его писания, его журнал, однако, активно в этой борьбе участвуют. Может быть, и не совсем уместно цитировать Солженицына в связи с деятельностью Роя Медведева — так неприязненно относятся они друг к другу. Но все же мне кажется очень точной оценка Роя Медведева, сделанная Солженицыным на пресс-конференции в Стокгольме: «Рой Медведев в точном смысле этого слова не относится к инакомыслящим в СССР. Ему ничто не угрожает лично, потому что он, в общем, наилучшим образом защищает режим — более умно и более гибко, чем это может сделать официальная печать».

Выход «XX века» знаменателен не тем, что «умный и гибкий» защитник советского строя начал выпускать журнал, а тем, что ему, видимо, дали такую возможность, что организаторы идеологической борьбы решили использовать такое неортодоксальное и, пожалуй, довольно опасное оружие. Согласие на «оппозицию его величества» — свидетельство силы противника. Опасность же заключается в том, что «оппозиция его величества» может превратиться просто в оппозицию.

Апрель 1975

Не меняясь по своему существу, официальная, любимая советским государством литература периодически меняет своего главного героя. Наиболее ловкие из писателей, особенно острым нюхом улавливают — кого

нужно любить на данном этапе, а за ними идут стаей менее ловкие, но не менее преданные. Вот уже несколько лет, как произошел очередной переосмотр положительного героя. Известный советский критик Лев Аннинский определил нынешнее положение в литературе так: «Блаженные деревенские старики отправились вслед за своими предшественниками, юными интеллектуалами начала 60-х годов. Два поколения романтиков канули в Лету. 70-е годы — время практиков... Самое молодое поколение писателей — гибкие, переимчивые, ироничные, хорошо знающие, чего они хотят, хорошо защищенные» («Литературная Грузия», № 9, 1974).

На смену литературе романтиков — т.н. молодой прозе, потом деревенской прозе — пришла литература «практиков», людей дела. И творят ее также люди дела, писатели, как великолепно определил их Аннинский, «гибкие». Советские писатели всегда были «гибкими», но сегодня гибкость, которую некогда приходилось вырабатывать с некоторым трудом, дается молодым как бы при рождении, она, гибкость эта, на 60-м почти году революции уже вписана, кажется, в генетический код советских писателей.

Советские бестселлеры представляют собой великолепнейший материал для изучения очередного положительного героя, который показывает всегда, чем занято сегодня государство. Последний бестселлер — роман Олега Куваева «Территория». На гнилом, растленном Западе, страдающем от кризиса, успех книги может определяться десятками, в лучшем случае сотнями тысяч экземпляров. В Советском Союзе роман Куваева был сначала опубликован в журнале «Наш современник» (№ 4–5 1974) тиражом в 110 тыс. экземпляров, потом вышел в «Роман-газете» двумя миллионами экземпляров, потом отдельной книгой и т.д. Если Советская власть кого-нибудь полюбит, то ничего — ни бумаги, ни денег для него не жалеет.

«Территория» — обыкновенный плохой советский роман, И не было бы причин говорить о нем, если бы не новый герой. Территория — название романа и место его действия. Территория — это далекий советский Север, огромный район, в котором ведутся добыча и поиски золота. Фабула романа — история поисков и нахождения новых золотых месторождений. Приходится преодолевать многочисленные трудности, тем большие, что десятилетия руководители поисков и эксплуатации использовали армии заключенных. «Территория» — это территория легендарного «Дальстроя» — самого большого и, возможно, самого страшного из островов Архипелага ГУЛАГ. В романе «Дальстрой» носит прозрачный псевдоним «Северстрой».

Интерес «Территории» в образе главного ее героя — Чинкова, руководителя одного из управлений «Северстроя». Чинков интересен тем, что старый положительный герой. Главная его черта — железная (лучше, по-

жалуй, сказать стальная!) воля. Его воля движет и направляет всех других на Территории. Один из персонажей романа выражает свое восхищение Чинковым: «Он великий... У него есть цель. Есть ум. И абсолютно нет предрассудков, именуемых этикой». Отправляя экспедицию за золотом, Чинков наставляет ее начальника: «Обязываю вас быть безжалостным и мудрым во всем, что касается золота... Ваши личные перспективы целиком зависят от этого лета». Успех или неуспех поисков определит судьбу начальника экспедиции. Чинков работает по принципу: «Делай или умри». Это основное качество Чинкова: через труды — к цели, к успеху.

Значение романа Олега Куваева в том, что после почти двадцатилетнего перерыва он вновь воспекает сильную личность, волевого руководителя, рассматривающего подчиненных, как навоз. Герой этот — любимый в сталинское время, был, казалось, погребен после торжества т.н. коллективного руководства. Казалось, что время «солдат Сталина», для которых приказ был достаточным основанием для любых преступлений — Александр Бек в «Новом назначении» дал яркий портрет такого руководителя, — прошло. И вот мы видим их новое рождение в литературе: «Территория» — лишь одно из многочисленных произведений, в которых сегодня безумствуют сильные личности советских руководителей.

Это, быть может, одна из характернейших достопримечательностей современного советского общества: научно-техническая революция и сильный руководитель, требующий беспрекословного выполнения приказов. Стремление сочетать новейшую технику и кнут.

Стремление это, возникшее в конце 20-х годов, в эпоху первой пятилетки, никогда не исчезало, даже когда волевой руководитель переставал быть любимцем советских писателей. Не исчезало и не исчезнет. Ибо советская школа с детских лет воспитывает граждан в необходимом направлении.

В № 9 за 1974 г. «Новый мир» опубликовал повесть Владимира Тендрякова «Ночь после выпуска», вызвавшую горячие споры среди критиков и читателей. Роман О. Куваева споров вызвать не мог — и ситуация, и персонажи традиционны, привычны. Повесть Тендрякова непривычна своей правдой. Писатель ставит с большей тревогой вопрос: кого мы растим? Кого мы воспитываем?

«Литературная газета» (№ 1, 1975) опубликовала статью Любоми Кабо «Экзамен всегда впереди», в которой изложены взгляды многочисленных читателей, писавших в газету после прочтения повести В. Тендрякова. Часть писем — от простых советских людей: «Тендряков, в сущности, не верит в будущее, выражает неуважение к молодежи»; «мне было стыдно за автора», писатель «приносит вред советской школе»... В других письмах, утверждает автор статьи, звучит другой вопрос: не слишком

ли низок нравственный потолок у советских школьников? Не слишком ли легко стираются у них грани между добром и злом? Авторы этих писем поразил образ полной нравственной неграмотности советских школьников, представленный В. Тендряковым.

«Ночь после выпуска» во многом необычна для советской литературы. Выпускной вечер — группа девушек и юношей закончили среднюю школу. Выступая от имени бывших школьников, лучшая ученица Юлечка неожиданно для всех обвиняет школу в подавлении индивидуальности, в воспитании посредственностей. Юля признается, что боится покинуть школу, ибо ничего не любит. Выступление Юли поражает и учителей, и учеников. И далее Тендряков организует два сеанса коллективного психоанализа: 6 преподавателей и 6 выпускников — каждая группа в своем углу — пробуют выяснить, кто они такие? Учителя говорят друг другу правду о своей работе, признаются, что они дают детям знания ненужные, бесполезные в жизни, но зато всегда «в самой категорической, почти насильственной форме».

«Психоаналитический» сеанс выпускников, решивших говорить все, что каждый думает о другом, — это как бы результат того образования и воспитания, которое они получили в школе. И дело даже не в том, что они узнают горькую правду, обнаруживая зависть, честолюбие, себялюбие в других и в себе. И не в том, что, прожив рядом друг с другом десять лет из семнадцати, они оказались незнакомцами. Главное в том, что, привыкнув к безапелляционным и однозначным оценкам — к ним приучает школа, — не имея представления об оценках моральных, юноши и девушки с жестокой беспощадностью дикарей уничтожают чужое достоинство и теряют свое.

В. Тендряков строит искусственную схему, позволяющую ему обнаружить основной порок советской школы: аморальность ее целей. Воспитание, которое дает школа, — причина того, что один член комсомола называет другого, своего ближайшего друга, на заседании комсомола «растленным», ибо тот увлекается нетрадиционной живописью. Это же воспитание формирует у юношей и девушек лицемерие и ханжеские чувства. Главное, однако, что выявляется в процессе мучительного «психоаналитического» сеанса, — это страх перед выходом из школы, страх выйти из теплого, безопасного лона школы, где дают все ответы — простые и ясные — на все вопросы. Выпускники подсознательно ощущают, что в жизни, быть может, придется встретиться с проблемами, ответ на которые не всегда ясен. И эта предстоящая необходимость искать ответы, выбирать решения страшно пугает.

Советская школа готовит стандартных, пугающихся незнакомых вопросов людей, привыкших подчиняться авторитетам и получать готовые

решения. Один из учителей вспоминает во время разговора о своем сыне. Не сумев сдать экзамена в институт, юноша с облегчением пошел в армию: «Армия его устраивала потому только, что там не надо заботиться о себе: по команде поднимают, по команде кормят, учат, укладывают спать. Каждый твой шаг размечен, записан, в уставы внесен — надежно».

Л. Кабо в статье о повести Тендрякова признает, что тревога писателя обоснована, что именно школа требует «безукоризненного внешнего поведения, благополучных мнений, обкатанных фраз». Есть, однако, основания считать, что даже эта школа кажется советским властям излишне «одухотворенной». И действительно, среди выпускников, описанных Тендряковым, нашлась же девушка, задумавшаяся, задавшая вопросы. Все очевиднее проявляется тенденция еще больше — если это возможно — духовно обеднить школу.

Недавно «Правда» с некоторым опозданием отметила пятилетие постановления об организации в СССР учебных заведений нового типа — средних профессионально-технических училищ (ПТУ). Основная цель этих училищ, говорилось в постановлении, подготовка квалифицированных рабочих, имеющих среднее образование. Причина появления ПТУ очевидна: подавляющее большинство выпускников средней школы стремится в высшие учебные заведения. Это ведет, с одной стороны, к возникновению нехватки рабочих рук, а с другой — к фрустрации молодежи, безнадежно пытающейся пробиться в вуз. Введение всеобщего среднего образования еще более обострило проблему: лишь один из 8–10 выпускников может рассчитывать попасть в вуз. Поскольку диплом вуза — даже если он потом не используется по назначению — единственное средство сделать карьеру в советском обществе возникла опасность возникновения огромной армии недовольных, не сумевших попасть в вуз и получить желанный диплом.

Создание 5 лет назад ПТУ было попыткой решить проблему: после окончания 8 классов школьники распределяются по двум направлениям: часть идет в девятый класс для получения потом диплома средней школы, дающего право на поступление в вуз, часть направляется в ПТУ, а потом — на завод.

Система эта существует недолго, но уже сегодня видно, что позволяет она осуществить далеко идущие цели. Прежде всего — сократить число выпускников, бьющихся в двери вузов. А также, что в конечном счете не менее важно, — определить характер будущих специалистов с высшим образованием. Письмо, опубликованное в газете «Известия» (26.5.1974), отлично демонстрирует характер и цели новой системы: «На собрании в 76-й школе Выборгского района директор сообщила, что со-

гласно разнарядке райотдела народного образования из трех восьмых классов (119 человек) будет укомплектован лишь один девятый (37 человек). Остальные 82 человека должны пойти в ПТУ... При этом было замечено, что в число тех, кого школа оставит у себя в девятом классе, попадут лишь ученики, которые учатся на «4» и «5», имеют примерное поведение, активные общественники».

Как видно из этого письма, лишь 30% школьников получают возможность продолжать учебу. Важнее, однако, критерии отбора: успехи в обучении, но кроме того — примерное поведение и «общественная работа». Легко себе представить атмосферу в школе, в которой дети знают, что в конце 8-го класса будут определять их дальнейшую судьбу до конца жизни, и атмосферу в советских семьях, где от детей требуют приспособления к школьным требованиям, послушания, лжи, лицемерия. В языке появилось новое пугало: «Будешь плохо учиться — пойдешь в ПТУ».

Критерий — казалось бы, беспристрастный — отметок позволяет после создания системы ПТУ формировать состав будущих специалистов с высшим образованием по желанию властей. Известно, что уровень в сельских школах гораздо ниже уровня городских школ. Поэтому из сельских школ можно брать в ПТУ больше, чем из городских. Можно также начать всерьез создавать наследственные классы руководителей и руководимых.

Право государства определять, кто, где и сколько может учиться, создаст через несколько лет школу, в которой сомнения, тревоги, проблемы, описанные в повести Тендрякова, станут невозможными. Будет сделан еще один шаг к окончательной победе коммунизма.

В советской печати можно при желании, затратив немало времени на преодоление скучнейших статей, найти крупницы правдивой информации о положении в стране. Гораздо проще, однако, для желающего познакомиться с действительным положением в СССР — читать статьи советских авторов о Китае. Есть такая русская пословица: «Кто о чем, а вшивый о бане». В статьях о положении в Китае советские авторы неизменно пишут о своей жизни. В огромной статье о новой конституции Китая, опубликованной в «Правде» (5.2.1975), Игорь Александров (этим именем всегда подписываются директивные материалы) совершенно откровенно говорит об «антидемократизме режима, который опирается не на народ, а на штыки». Речь идет, правда, о китайском режиме. Прошедшая в Москве 3–5 февраля конференция, посвященная китайскому государству и обществу, нарисовала такую картину: «Нехватка товаров первой необходимости, практическое отсутствие отпусков и свободы передвижения по стране, разрушение семьи путем депортации молодежи в сельские местности, ограничение рождаемости, распространение коррупции, черный рынок...»

Заканчивается эта картина словами: «Таковы черты нынешнего положения в Китае». Что касается Китая, то мало что о нем известно. Нетрудно поверить, что в республике Мао происходит все так, как пишут московские газеты. Но поскольку о Советском Союзе известно сегодня больше, чем о Китае, можно с уверенностью сказать, что описание страны, где нет предметов первой необходимости и свободы, сделано в Москве с натуры.

Май 1975

Празднование 30-летия Победы над гитлеровской Германией прошло в Советском Союзе без того блеска, какой всего несколько месяцев назад предполагали придать юбилею партийные руководители. Не было военного парада, в Москву не потрудились приехать первые секретари братских компартий, даже из самых родных партий, из западных стран прибыли давно вышедшие в отставку адмиралы и генералы. Отсутствие энтузиазма в соседних с Советским Союзом странах (а сегодня все страны мира — соседи Советского Союза) можно объяснить тем, что за несколько месяцев до юбилея стало очевидным, что главная его цель отнюдь не празднование Победы над гитлеризмом или память о 20 миллионах граждан, погибших во время войны. Николай Подгорный, председатель президиума Верховного Совета СССР, конституционный глава государства, в огромной статье в официальных «Известиях» (12 февраля) задал тон: «Великая Отечественная война была по сути дела глобальным столкновением между двумя противоставными силами нашей эры: германским фашизмом, представителем наиболее реакционных и наиболее агрессивных кругов Старого Мира... и первым в мире социалистическим государством, Советским Союзом, оплотом всех прогрессивных и демократических сил планеты, основным препятствием авантюристских планов империалистической реакции. Исход этой борьбы определил судьбу человечества на многие десятилетия». Война, следовательно, велась не только с Германией, она велась с империалистической реакцией за будущее планеты. Победило в этой борьбе первое в мире социалистическое государство — СССР. Генерал Павел Жилин, директор Института военной истории, в интервью ТАСС (28 марта 1978) разоблачает «фальсификаторов истории... преувеличивающих значение боев на второстепенных фронтах, переоценивающих значение боев англо-американских войск в Африке, в Западной Европе, в Италии». Правда, — утверждает советский генерал, — это то, что «советский народ и его армия преградили путь агрессору, разгромили его основные силы, освободили Европу и спасли мир от фашистского ига».

Вывод отсюда очевиден: все народы, весь мир, вся планета, как полюбили выражаться советские руководители, должны быть бесконечно благодарны своим спасителям. Все, что произошло в мире после 1945 г, произошло благодаря победе Советского Союза. Об этом должны помнить народы Европы, но этого не должны забывать также народы Африки, Азии, Латинской Америки, которые, — по утверждению Н. Подгорного, — «благодаря разгрому гитлеровской Германии освободились от колониального рабства и уверенно стали на путь независимого развития».

Ровно 160 лет назад русские войска пришли в Париж, разбив Наполеона. Победа эта дала России законное право стать «жандармом Европы». И сегодня Советский Союз превращает свою победу над Германией в основание для притязаний на право определять судьбу планеты. Предстоящая встреча глав государств, которые явятся подписывать финальный документ конференции по безопасности Европы, закрепит это притязание юридически. А пока соседи решили слегка испортить праздник Большому Брату, показывая, что они подчиняются ему без удовольствия.

Внутри Советского Союза праздник Победы дал возможность печати выдвинуть на первый план несколько новых пропагандистских тем. Темы эти не совсем новые, но упор, сделанный на них в период торжественного юбилея, подчеркивает их значение.

Первая тема — героическая деятельность во время войны нынешнего Генерального секретаря ЦК Леонида Брежнева. Почти до самого конца войны бывший секретарь Днепропетровского областного комитета партии не поднялся выше звания полковника. Лишь перед победой получил он погоны генерал-майора. Никогда не занимал он командной должности, он не был даже комиссаром, что в его скромном воинском звании потребовало бы непосредственного участия в боях. Леонид Брежнев всегда занимал должность начальника политотдела — должность аппаратчика в армии. Несколько раз ему все же пришлось побывать на линии фронта. Сегодня советские военные историки начинают утверждать, что появление полковника Брежнева на третьестепенном участке фронта оказало решающее влияние на исход войны, а следовательно — на судьбы планеты. Военных историков поддерживают некоторые военачальники, прежде всего маршал Гречко.

Но превращение Леонида Брежнева в гениального полководца скорее факт симпатичный: тщеславие, поразившее душу Генерального секретаря ЦК, — чувство человеческое. Возможно, правда, что это прецедент, и в будущем каждый генеральный секретарь будет сразу же после избрания на этот пост получать звание «гениального полководца». Значительно важнее, мне думается, другая новая тема: новое освещение генезиса советского пар-

тизанского движения во время войны. Я отмечал уже недавно в связи с публикацией книги Владимира Богомолова «В августе 44-го», восхваляющей деятельность СМЕРШа (военной контрразведки «Смерть шпионам»), что органы безопасности стали претендовать на решающую роль в победе. Во время празднования 30-летия Победы над Германией об этом говорилось уже не в «художественной» литературе, дающей возможность разного толкования, а в публицистике. В приложении к газете «Известия» — «Неделе» (14–20.5) полковник В. Николаев начинает с полемики с фальсификаторами истории: «Господа, фальсифицирующие нашу военную историю, до сих пор вопреки логике утверждали, что наше партизанское движение было инспирировано органами безопасности...» После такого вступления читатель, естественно, ожидает аргументов, доказывающих, что фальсификаторы, как им и полагается, фальсифицируют, лгут. Но дело оказывается не таким простым. Партизанское движение, пишет полковник Николаев, действительно создавалось органами безопасности. Дело, однако, в том, что для фальсификатора «органы безопасности всегда над народом. Их сознание просто не в состоянии понять и осмыслить того факта, что могут быть у самого народа, на службе у него, а не над ним разведка и контрразведка».

Советские органы безопасности, оказывается, служили и служат народу, а поэтому они имели полное право создавать партизанское движение. Было у них на это еще одно право: руководил ими лично и непосредственно товарищ Сталин. Он, как мы узнаем из многочисленных повествований, появившихся в дни юбилея, любил органы, бережно о них заботился. Полковник Николаев рассказывает, как Сталин, узнав о рейде капитана НКВД М. Наумова в южную Украину, сказал со своей обычной заботливостью: «Какой это капитан? Это генерал!» И М. Наумов, перепрыгнув через три звания, стал генералом. В молодежном журнале «Смена» (тираж 1 200 000) Петр Андреев рассказывает о деятельности Центрального партизанского штаба, руководимого работниками НКВД. И туда ночью звонит телефон: «Дежурный слушает... В ответ раздался знакомый глуховатый голос с грузинским акцентом...» И знакомый этот голос произносит трогательные слова: «Передайте, товарищ дежурный, вашему начальнику, что я понимаю: нужно и отдохнуть, и отвлечься».

Так из миллиона слов, из тысяч статей появляется концепция истории, концепция прошлого и будущего; победа над гитлеризмом спасла планету, победа одержана была под руководством Сталина, главной его опорой были органы безопасности. Это они заслужили благодарность человечества, это в их руках его будущее на многие десятилетия.

Знаменательно, что в потоке приветственных статей, присланных иностранными писателями в Москву, нашлась одна, целиком поддерживаю-

щая эту концепцию. Статья Ежи Путрамента, опубликованная в «Литературной газете» (30 апреля 1975), носит короткое и выразительное название: «Гордость и бдительность». Заканчивается она зловещими словами: «Так будем же гордиться победой и хранить бдительность». Начиная с пасмурного дня декабря 1917 г., когда родилась ВЧК, слово «бдительность» было девизом органов безопасности и сигналом к очередной «чистке».

Советская история — несомненно самая интересная из советских наук. Прежде всего потому, что она изменяется, переписывается от «а» до «я» заново при каждом повороте государственной политики. Поскольку, как учил первый советский историк-марксист Михаил Покровский, история — это политика, опрокинутая в прошлое, каждый очередной вариант советской истории позволяет судить о советской политике.

Тема вышедшей недавно монографии доктора исторических наук Н. Яковлева видна из названия: «1 августа 1914 г.» Сначала об авторе — до недавнего времени он занимал высокий пост в отделе культуры ЦК партии, был одним из тех, кто намечал идеологическую линию для советской культуры. Взгляды свои он несколько лет назад изложил в огромной статье, опубликованной в «Литературной газете», и через некоторое время пост в ЦК потерял. Теперь о заглавии книги. В 1965 г. в Москве вышла книга историка Александра Некрича «22 июня 1941 г.» — о начале советско-германской войны. Н. Яковлев пишет о начале первой мировой войны. Но название его книги ассоциируется, конечно, в первую очередь, с названием романа Александра Солженицына.

Издавна идут споры о воздействии «самиздата»: читают его или не читают, доходит он до «рядовых» советских граждан или не доходит. Может показаться, что у противников «самиздата» — властей — отношение к нему гораздо более почтительное, чем у его сторонников. Вот уже несколько лет, после появления в 1971 г. первого узла эпопеи А. Солженицына, советские идеологические вожди стараются перехватить название его романа. Под названием «Августовские пушки» был выпущен в Москве исторический труд американки Барбары Такман, книга В. Богомолова называется «В августе 44-го», наконец, Н. Яковлев пишет свой «Август 14-го», добавляя лишь точную дату — 1 августа.

Бывший сотрудник ЦК хочет присвоить не только название, он хочет присвоить и некоторые мысли Солженицына, придав им нужный поворот, нужную окраску. Монография Н. Яковлева посвящена предыстории первой мировой войны, а следовательно — предыстории революции. Н. Яковлев выражает взгляды не только свои, но и определенной группы советских идеологов. Он выражает эти взгляды иногда, быть может, излишне откры-

то. За это и был наказан. Но взгляды его достаточно правоверны, чтобы издательство «Молодая гвардия» решилось опубликовать их в книге.

Прежде всего Н. Яковлев разоблачает старый марксистский миф об отсталости России накануне первой мировой войны. Он приводит цифры: с 1885 по 1914 год промышленное производство возрастало в среднем ежегодно в Англии — на 2,11%, в Германии — на 4,5%, в США — на 5,2%, а в России — на 5,72%. Россия занимала первое место в мире и по концентрации производства: в 1910 г. на предприятиях с числом рабочих более 500 человек в России было занято 54% рабочей силы, а в США — 33%.

Было, следовательно, замечательно. Россия опережала другие страны и быстро шла вперед. Но вот началась война. И начались неполадки. «Нехватки в русской армии 1914–1916 гг., — пишет Н. Яковлев, — явились следствием нарастающего хаоса, создаваемого в определенной степени умышленно соперниками царизма...» Следовательно, соперники царизма начали «умышленно» вредить. Это очевидно. Но кто же были эти соперники царизма? Н. Яковлев пишет таинственно, нагнетая напряжение! «Кто-то был заинтересован в том, чтобы императорская (выше говорилось — русская, следовательно, это как бы синонимы: русская—императорская. — *Авт.*) армия терпела поражения из-за нехватки снарядов, в то время как тыловые склады забивались ими до предела...» Н. Яковлев как бы мимоходом замечает: «Перебои снабжения раздувались буржуазной печатью...» Он негодует: «Кто виноват, что Великое Отступление 1915 г. представляют только как побоище чуть ли не безоружной армии, оставляя в тени ее доблесть и умелое ведение борьбы».

Прежде чем перейти к ответу на вопрос: кто виноват в поражении русской императорской армии или кто виноват в революции, я хочу только отметить спор Н. Яковлева с автором «ГУЛАГа» по вопросу военнопленных. Н. Яковлев ведет спор с А. Солженицыным по всем вопросам. Но о военнопленных он спорит именно с автором «ГУЛАГа», а не «Августа 14-го». Солженицын обвиняет Советскую власть, не подписавшую Женевскую конвенцию, в том, что во время войны хуже всего «было быть русским». А Н. Яковлев пишет: «Русские в плену страшно голодали»... «Среди французов и самый круглый сирота имел свои полочки — хлеб, сахар, шоколад, табак, книги... У русских почти ни у кого ничего не было... В каждом лагере как будто были люди двух рас: русские и все остальные...» Но кто же все-таки был во всем этом виноват?

Н. Яковлев дает на этот вопрос исчерпывающий ответ: «До революции довели масоны и буржуазия плюс интеллигенция». До революции «довели» (быть может впервые советский историк употребляет этот глагол для выражения неизбежности исторического процесса) такие отрица-

тельные персонажи, как генерал Деникин: «такие, как Деникин, — обвиняет Н. Яковлев, — и сеяли панику, распространяя настроения безвыходности», как Родзянко, Гучков, Союз земств и городов, Военно-промышленный комитет... Всеми ими двигают не «интересы русского народа, а достижение своих целей...», «сотни тысяч русских людей приносились в жертву корыстным интересам буржуазии. Это была национальная измена, выдача страны врагу...»

Подлость буржуазии, ее «национальная измена» довели, по утверждению бывшего сотрудника ЦК, до того, что она начала — даже! — клеветать на его императорское величество Николая II. Н. Яковлев так прямо и пишет: «Усилиями буржуазии в стране складывается твердое убеждение, что царь — марионетка в руках Распутина»... Он пишет: «Распутин — козырный туз в крапленой колоде буржуазии, ведшей нечистую игру, где высшей ставкой была власть». Буржуазия, масоны и интеллигенты создали легенду о Распутине, на самом же деле Яковлев приводит слова видного монархиста: «Нет Распутина — есть распутство». Нет Распутина — есть буржуазия, масоны и интеллигенты.

Н. Яковлев хорошо знает, что кое-кто из читателей может пожелать задать кое-какие вопросы. Не вслух, конечно, даже не в письменном виде, а так — про себя, в уме. Он отвечает на эти вопросы заранее: «Агитационная и пропагандистская работа большевиков, строившаяся на базе марксизма-ленинизма, никоим образом не причастна к тому представлению о троне, которое захлестнуло Россию в годы первой мировой войны. Скандальную славу двору создавали те, кто был заинтересован в отстранении от власти Николая II и обязательном сохранении в стране эксплуататорского строя». В обязательном сохранении «эксплуататорского строя» были заинтересованы все те же силы: масоны, интеллигенты, буржуазия. Не заинтересованы царь Николай II и... большевики. «Только ленинская политика большевиков могла спасти в этих условиях нашу Родину от катастрофы, к которой вели ее правящие классы...» И, можно думать, что только буржуазия и ее союзники помешали императору заменить на посту главного советника двора Распутина Лениным.

Вывод этот, кажущийся юмористическим, всего лишь логичен. И подтверждается историей. Каждый раз, на протяжении последних 60 лет, когда Советское государство оказывалось в опасности, оно искало опасения в националистических лозунгах. Так было в 1920 г.: после захвата Пилсудским Киева в Советской республике оживают патриотические лозунги, казалось, навсегда отвергнутые интернационалистами, а генерал Брусиллов и его коллеги призывают всех русских офицеров идти на спасение России от ее исконного врага — ляхов. Так было в 1934 г., когда Сталин после прихо-

да Гитлера к власти приказывает превратить себя в законного потомка Петра I, Ивана Грозного, Александра Невского. Так было в 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз, когда война была объявлена Отечественной.

Обращение сегодня к идеологии, которая уже в 1920 г. получила красноречивое название — национал-большевизм, представляется мне следствием глубокого внутреннего кризиса, переживаемого Советским Союзом, находящимся внешне на вершине могущества.

Идеи, изложенные Н. Яковлевым, не носят еще вполне официального характера. Это официозные идеи, хранимые в запасе. Но они лишь чуть более четко, чуть более откровенно выражают характер идеологии официальной.

Июнь 1975

В начале июня газета «Ле монд» поместила торжествующую заметку: наконец-то все препятствия на пути европейской конференции по безопасности устранены, Советский Союз и другие социалистические страны пошли на колоссальные уступки по единственному остававшемуся спорному вопросу, касавшемуся обмена идеями и людьми. При ближайшем рассмотрении советская «уступка» выразилась в согласии предоставить иностранным журналистам некоторые условия для работы: давать им визы, разрешать совершать ограниченные поездки по стране. А всего за несколько дней до появления этой торжествующей заметки та же газета (31.5.1975) опубликовала статью Александра Солженицына «Третья мировая война?» Автор «Архипелага ГУЛАГ» пишет в ней: «Когда после первой мировой войны пришла вторая, кто не был в мыслях и словах одержим вопросом: не вспыхнет ли в свою очередь третья? ... Но лишь очень немногие нашли в себе мужество сказать, что третья война уже происходит, что она почти закончилась, что она в нынешнем году как раз завершилась — и свободный мир ее безнадежно проиграл.

Третья мировая война началась сразу же после второй, едва та закончилась, она родилась в 1945 году в Ялте благодаря дебильным перьям Рузвельта и Черчилля, спешивших праздновать победу многочисленными уступками: Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, Монголия, миллионы советских граждан, насильно отданных смерти и в лагеря, создание асамблей Объединенных Наций, лишенной какой-либо действенной силы, а потом Югославия, Албания, Польша, Болгария, Румыния, Чехословакия, Венгрия, Восточная Германия, оставленные беспредельному наси-

лию... Стремясь избежать любой ценой третью мировую войну, Запад открыл ей дорогу, позволил уничтожить, закабалить два десятка стран и совершенно изменить облик земного шара...

Могучие западные державы, вышедшие победоносно из двух предыдущих мировых войн, на протяжении тридцати лет мира только и делали, что слабели, только и делали, что теряли своих реальных или потенциальных союзников, теряли в их глазах свой престиж, оставляли безжалостному врагу территории и население, огромный Китай, который был важнейшим их союзником в годы второй мировой войны, Северную Корею, Кубу, Северный Вьетнам, сегодня Южный Вьетнам, сегодня Камбоджу; Лаос уже по ту сторону, угроза висит над Таиландом, Южной Кореей, Израилем».

Александр Солженицын предрекает: «Два или три десятилетия мирного сосуществования такого же славного, как и прошедшие три десятилетия, сама концепция Запада исчезнет с лица Земли».

Солженицын добавляет: «Я описал положение, каким его видят рядовые граждане стран Востока от Познани до Кантона». Некий либеральный французский журналист горячо запротестовал: «От Китая до Вьетнама, от Кубы до России миллионы людей, умиравших с голоду, перестали голодать, миллионы детей, не знавших школы, пошли в школу, а миллионы обманутых и забытых нашли надежду...»

Либеральному французскому журналисту, очень ясно изложившему взгляды проигравшего «третью мировую войну» Запада, ответил авторитетный голос из Москвы. На собрании избирателей выступил председатель КГБ Юрий Андропов, несомненно наиболее интеллигентный из советских руководителей.

Юрий Андропов говорил о положении в Советском Союзе, но нарисовал картину хорошо знакомую всем жителям стран «от Познани до Кантона», картину, с которой, возможно, ознакомятся жители и других стран. Выступление главы КГБ носило характер теоретический, это был его вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма. Тема выступления: социалистическая демократия и буржуазная демократия.

Прежде всего глава КГБ отметил, что между социалистической демократией и буржуазной псевдодемократией ничего общего нет. «Коммунисты, — заявил он, — никогда не отрицали, что социалистическая демократия носит классовый характер». Отсюда следует замечательная дефиниция этой классовой демократии: «Все советские граждане, интересы которых совпадают с интересами общества, пользуются нашими демократическими свободами. Совершенно иначе обстоит дело, если эти интересы не совпадают. В этом случае мы открыто говорим, что интересы общества в целом, интересы трудящихся имеют приоритет, и мы счита-

ем, что этот принцип справедлив... Социалистическая демократия это не только права и свободы...»

Мысль председателя КГБ можно, следовательно, изложить так: «Кто согласен с нами, совершенно свободен быть с нами согласным». Кто же с нами не согласен — не обижайтесь...

Юрий Андропов позволил себе даже слегка поиронизировать над умирающими с голоду западными безработными: «Судьба этих миллионов несчастных и их семей не станет лучше оттого, что они смогут пойти к Белому дому или в Гайд-парк и сказать то, что они думают».

В условиях социализма ходить и говорить, кто что думает, нет нужды: за всех думает Партия. За всех она и говорит. В случае «несоответствия» — голосом КГБ.

Председатель КГБ изложил основу социалистического порядка в общем, так сказать, теоретическом виде. Частный случай этого порядка разбирает в «Литературной газете» (21.5.75) Н. Павлов, занимающий пост доцента в Академии МВД СССР. Создана эта полицейская академия совсем недавно, но уже теперь мы можем ознакомиться с философией, которой там будут обучать практических работников. Статья Н. Павлова называется «Осуд до суда». Посвящена она вопросу, который с некоторого времени очень робко начали себе задавать советские граждане. Вопрос этот можно сформулировать так: кто объявляет человека преступником? Казалось бы, ответ прост: суд. Но простота эта кажущаяся. Суд действительно, приговаривая человека к тому или иному наказанию, объявляет его преступником. Но, как правило, после того, как решение было уже принято кем-то другим. Есть такая симпатичная поговорка: браки заключаются на небесах. Приговоры в Советском Союзе оглашаются судом, но выносятся в более компетентных органах, хотя, видимо, не на небесах.

Н. Павлов признает, что такая практика осуждения человека до суда действительно существует. В газетах до суда сообщают о ходе следствия, заранее не только осуждают, но даже назначают наказание. Н. Павлов приводит в качестве примера уголовные дела. Но хорошо известно, что такая практика распространена еще шире в случае политических процессов. Так было в 30-е годы в период сталинского террора, так было во время процесса Синявского и Даниэля, так было совсем недавно во время процесса Якира и других. «В настоящее время, — сообщает Н. Павлов, — широкое распространение получила такая практика: следователь по находящимся в его производстве делам, представлявшим определенный общественный интерес, выезжает на предприятие, в организацию, учреждение и там на общем собрании коллектива докладывает материалы дела... Заканчивается такое собрание обычно вынесением соответствующего реше-

ния: коллектив человека осуждает». Н. Павлов признает: «...Происходит самый настоящий суд общественности над обвиняемым, его фактическое осуждение до осуждения специально на то учрежденным органом власти...» В переводе с советского языка на американский: суд общественности значит и «суд Линча». Н. Павлов отмечает и результаты такого рода «судебной» политики: «Неискушенные в правовых науках люди считают: раз арестовали — значит, виноват, «зря не сажают»; раз обвиняют — значит, преступник, «дыма без огня не бывает». Короче, как выражается автор статьи, возникает «стереотип мышления».

Этот «стереотип мышления» вбивался в головы «неискушенных в правовых науках» советских граждан более столетия: органы никогда не ошибаются, арестовали — значит, враг народа. Сегодня в условиях научно-технической революции и всеобщего десятилетнего образования некоторые очень еще немногочисленные советские граждане стали задавать вопросы. Чрезвычайно «искушенный в правовых науках» Н. Павлов им отвечает: возможно, этот «стереотип мышления» неидеален. Однако, во-первых, товарищ Ленин заметил однажды, что «суд обязан... учитывать все местные обстоятельства». В свое время одной этой замечательной цитаты было бы достаточно. Но Н. Павлов приводит и второй аргумент: «В законе (т.е. в советском законодательстве) нет точных указаний о запрете «досудебных» публикаций». А поэтому «они, очевидно, будут появляться и впредь».

Длинная и умышленно запутанная статья доцента академии МВД подтверждает основной принцип советского законодательства. Одна его сторона повернута к гражданам: что не разрешено законом — запрещено. Другая повернута к властям: что не запрещено законом — разрешено.

Статья Н. Павлова — образец нового стиля советской пропаганды, идущей навстречу некоторым острым вопросам и пытающейся ответить на них с помощью словесной эквилибристики.

В литературе известнейшим мастером такой эквилибристики является Евгений Евтушенко. В марте 1975 г. журнал «Огонек» (тираж 2 050 тыс.) опубликовал поэму Е. Евтушенко «Беглец из Китая». Сам поэт в коротеньком вступлении объяснил: «Будучи в Гонконге в качестве специального корреспондента «Огонька», я только записал стихами исповедь одного из многочисленных беженцев из Китая». Итак, рассказ китайца, бежавшего из Китая в Гонконг, в капитализм. Допрашивающий беглеца Евтушенко задает многочисленные вопросы: почему вы бежали; кто такой Шекспир, Моцарт, Гете, Толстой; уважаете ли вы Мао; кто такие русские? Беглец отвечает (все время стихами): сбежал, потому что хотелось есть; председателя Мао раньше уважал; никаких Шекспиров и т.п. не знает; русские — «наши

враги». Тут Евтушенко задал дополнительный вопрос: «Кто такие американцы?», на который беглец отвечает: «Лучше русских, но... иностранцы».

Евгений Евтушенко уже писал о Китае в 1969 г. после боев на Уссури. Свой тогдашний вывод: «Кто топчет культуру, растопчет потом человека», он повторяет и в 1975 г.: «В бескультуре есть всегда семена преступного». На этот раз он подробнее останавливается на китайском бескультуре. Оно выражается в «лживой пропаганде» («Как народ ни оболваньте, правда все-таки одна»); бескультуре выражается в голоде, которого пропаганде не скрыть: «Вы орете о народе, но народ ни так уж глуп. Из того, что вы орете, не сварить народу суп»; бескультуре выражается в том, что китайцам простая народная пепси-кола, которую можно купить в любом (почти любом) московском магазине, кажется «буржуазного общества ядом»; бескультуре, наконец, проявляется в том, что в Китае у крестьян забрали весь скот в колхозы.

Трудно что-либо возразить советскому поэту. О Китае, наверное, можно рассказать и не такое. Евтушенко, однако, представляет все происходящее в Китае как следствие великодержавного китайского шовинизма, как китайское изобретение. Он заявляет, что «линия бескультурия» может стать линией огня, то есть, что «бескультурный» Китай угрожает миру, а культурный Советский Союз стал уже сегодня «пшедмужем культуры».

Жонглёрский трюк Евгения Евтушенко заключается в том, что, сочиня самую бессовестную пропагандную агитку, он всегда ухитряется подкинуть несколько двусмысленных намеков, которые при желании можно представить и так, и совсем по-другому. Нет сомнения, что Евтушенко хорошо понимал, когда сочинял своего «Беглеца из Китая», какие ассоциации в связи с «лживой пропагандой», «коллективизацией», «культутом Мао» могут возникнуть у советских читателей. Но, с другой стороны, он настойчиво доказывает, что имеет в виду только Китай.

Психология творчества раскрыта еще не до конца. Случается, что писатель как бы помимо своей воли говорит о себе больше, чем ему хотелось бы. Евгений Евтушенко дал сам себе великолепную характеристику в своей поэме: «Он понял: власть недаром ценит лишь тех, кто гибок, как она. Он жил, вынюхивая ветер. Примером сделались ему лишь те, кто верит в то, что верит, хотя не верит ничему».

В начале 30-х годов советские писатели И. Ильф и Е. Петров, обращаясь к писателям, выбросили лозунг: мало любить Советскую власть, надо сделать так, чтобы Советская власть нас полюбила. Нет сомнения, что Е. Евтушенко этого добился. Но так было всегда: нельзя иметь всего. Любовь Советской власти обошлась поэту дорого... Тот, кто живет, «выню-

живая ветер», окончательно теряет даже остатки таланта. Достаточно сравнить два стихотворения Евтушенко о Китае, разделенные годами.

Поэма Евтушенко — образец «культурной» советской пропаганды, рассчитанной на тех, кого Солженицын называет «образованцами», не желая назвать их интеллигентами. Образцом пропаганды, оставившей за дверями само слово «культура», является брошюра Владимира Бегуна «Ползучая контрреволюция». На ней помечено: «Книга адресована массовому читателю». Тема книги — борьба с сионизмом, «ползучей контрреволюцией». «Каких-нибудь 5–7 лет назад многие из нас слабо представляли себе, какой перед нами враг, какова степень его влияния, насколько длинны его щупальца, какова его главная стратегическая цель, формы и методы подрывной деятельности». Года полтора назад я упомянул в одном из «Обзоров» о брошюре В. Бегуна, главы из которой печатались в минском журнале «Неман». Сегодня перед нами опус целиком. Сегодня можно при желании составить целую библиотечку советской антисемитской литературы: «Осторожно: сионизм» Ю. Иванова, «Фашизм под голубой звездой» Е. Евсеева, «Сионизм на службе антикоммунизма» В. Большакова, «Сионизм — враг молодежи» заслуженного антисемита Т. Кичко и др.

Брошюра В. Бегуна заслуживает внимания по нескольким причинам. Прежде всего — это последний по времени опус, отражающий советскую политику на сегодня. А политика эта заключается в том, что основной корпус информации о всемирном еврейском заговоре с целью захвата мирового господства, включая разоблачение Моисея, взятый без изменений из «Протоколов сионских мудрецов», облекается в марксистско-ленинскую форму. В. Бегун утверждает, что антисемитизм носит классовый характер, а поэтому необходим и исторически оправдан, ибо является выражением «народного гнева». Он был таковым «во времена Богдана Хмельницкого, в годы восстания гайдамаков, в ходе Кричевского восстания в Белоруссии в XVIII столетии». Он остался таким же и сегодня, ибо мировой капитализм — это еврейский капитализм. На этот счет имеются, как выясняет В. Бегун, «указания В. И. Ленина по вопросам борьбы с еврейским национализмом, в том числе и сионизмом». Ленин становится одним из отцов нынешнего советского антисемитизма.

Третьей особенностью брошюры В. Бегуна являются источники, использованные автором. Если мы сравним источники, использованные Ю. Ивановым, написавшим в 1969 г. первую «теоретическую» антисемитскую книгу, с библиографией В. Бегуна, мы обнаружим, что пользовались они почти одной и той же литературой. С той лишь разницей, что многие работы, которые Ю. Иванов цитировал по английским изданиям, Р. Бегун цитирует по изданиям польским. Польские авторы, переводы на польский,

«Трибуна люду» и «Политика» составляют основную базу, на которую опирается В. Бегун. Это зримые черты польско-советской дружбы.

И, наконец, четвертая особенность брошюры В. Бегуна — жгучая личная ненависть автора к объекту «исследования». Автор предисловия отмечает эту особенность «Ползучей контрреволюции», называя брошюру «публицистически острой, наступательной».

Джордж Орвелл, все угадавший и понявший, рассказал о ежедневных «минутах ненависти», организуемых в 1984 г. Брошюра В. Бегуна — «час ненависти» (столько времени нужно, чтобы с ней ознакомиться), организуемый в Советском Союзе в 1975 г.

Неудивительно поэтому, что в герои современности попал у В. Бегуна бесстрашный борец с еврейским всемирным заговором президент Уганды Иди Амин Дада. В. Бегун цитирует интервью, которое Иди Амин Дада дал «Комсомольской газете», рассказывая о своем опыте борьбы с евреями. Недавно мне довелось увидеть фильм о президенте Уганды, сценарий которого написал он сам, как и музыку, сам же он выступил и в роли самого себя. Замечательный этот фильм объясняет причины популярности Иди Амин Дада у советских руководителей, ставших сегодня главными поставщиками оружия для Уганды. Дело совсем не в стратегическом положении Уганды в Африке. Просто характер Иди Амин Дада очень напоминает им характер незабвенного Вождя Народов. Иди Амин Дада — это Сталин, почерневший в боях за коммунизм.

Июль 1975

Июль 1975 в биографии Брежнева будет обозначен красным цветом: мало кому из советских вождей удавалось добиваться таких дипломатических побед, не платя взамен ничего. В Советском Союзе июль прошел под знаком полета «Союз»—«Аполлон» и завершения конференции по безопасности.

Газеты, журналы, радио, телевидение не говорили ни о чем другом: «советско-американское рукопожатие в космосе», разрядка, поворотный пункт в истории человечества... С дрожью в сердце наблюдали советские граждане старт «Союза» — еще никогда советские руководители не осмеливались непосредственно транслировать старт космических кораблей, опасаясь неудачи. А потом — телеграммы Брежнева, Форда, десятков глав государств, общественных деятелей Запада, Востока, Севера и Юга, гордые заявления граждан СССР, стихи Евтушенко. Короче, триумф! Триумф, который должен загладить в умах советских граждан пора-

жение в космической гонке на Луну. Первыми на Луне оказались американцы, но встреча «Союза» и «Аполлона» в космосе стала как бы свидетельством полного равенства двух соперников.

Легко подсчитать, что выиграли советские руководители: пропагандный эффект, возможность ознакомиться с передовой американской технологией. Невозможно подсчитать, что приобрели американские руководители, ибо они только теряли. Полученная ими информация, которую со скрежетом зубов вынуждены были раскрыть советские партнеры, о значительном отставании советской космонавтики, да и вообще техники, вряд ли была новинкой. Вышедшая два года назад книга Леонида Владимиров «Космический блеф» была написана лет 8 назад, когда автор — советский научный журналист — бежал на Запад. В течение нескольких лет ни одно западное издательство не хотело публиковать его рукописи, не желая, видимо, огорчать Брежнева. Л. Владимиров рассказал о примитивности советской техники, о стремлении советских вождей и в области космонавтики навязывать конструкторам и инженерам свою — партийную! — волю, об использовании полетов в космос в целях пропаганды, даже ценой человеческих жертв. Сегодня западные журналисты с некоторым смущением отмечали в своих праздничных репортажах одну черту, отличающую «Союз» от «Аполлона»: в советском космическом корабле пилот не может принять ни одного самостоятельного решения, управление кораблем производится с Земли, американские пилоты управляют сами. Западные журналисты эту особенность «Союза» отметили, но не настаивали на ней, полагая, видимо, что советским людям так и положено — даже в космосе они не могут избавиться от надзора и контроля.

Упоенные победой советские лидеры решили вознаградить и простой народ. Во-первых, дали ему зрелища. Хотя старт «Союза» длился секунды, телевидение передавало знаменательный момент в течение 4 часов. Но, как известно, зрелища — это еще не все. На рынок были выброшены духи под изящным названием «ЭПАС», что значит: «Экспериментальный полет Аполлон-Союз». Духи созданы американской фирмой «Ревлон» и поступили в продажу одновременно в СССР и в США. Дружба, так дружба! В США флакон стоит 10 долларов, в Москве — в пересчете — 50 долларов 75 центов (видимо, в такой же пропорции следует рассчитывать и стоимость космических кораблей — американского и советского). Духи продаются всюду, и даже простой советский рабочий может купить на месячную зарплату два флакона духов. Но советские руководители не ограничились духами.

В продажу поступили космические папиросы, выпускаемые московской табачной фабрикой совместно с фирмой «Филипп Моррис». А в свя-

зи с ними немедленно родился анекдот, лучше длинных рассуждений говорящий о состоянии умов в Советском Союзе. В славные сталинские времена папиросам давали имена концлагерей — сталинских строек. Поэтому популярным был анекдот: покупатель просит в табачной лавке: дайте папиросы, где я был. Ему отвечают: где вы были — нет. Есть только, где вы будете. Это означало, что папирос «Беломорканал» нет, а есть папиросы «Волга—Дон». Анекдоты в Советском Союзе рождаются циклами: были анекдоты «армянского радио», ленинские, сегодня все анекдоты связаны с именем Василия Ивановича Чапаева, героя гражданской войны, и фильма, ставшего символом советского руководителя: глупого, неграмотного, жестокого. После появления новых папирос рассказывают: к Чапаеву является его ординарец Петька и докладывает: Василий Иванович, Филиппа Морриса привезли. Чапаев отвечает: Филиппа посадить, Морриса расстрелять.

Можно бы сказать: обертка меняется, а содержание остается прежним. И, несмотря на «успехи в космической области», советские граждане об этом догадываются. Успехи достигнуты и в «дипломатической области», быть может, более важной сегодня, чем даже космос. Сумев собрать в Хельсинки три десятка глав государств и правительств, подписавших заключительный документ «Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе», Брежнев добился того, о чем даже Сталин не мог мечтать: Запад признал официально и юридически гегемонию СССР в Европе. Александр Солженицын назвал подписание этого документа президентом США «предательством по отношению к Восточной Европе», «признанием навсегда порабощения Восточной Европы».

В советской печати объяснение причины успеха политики Брежнева однозначное: давление прогрессивных сил. Западная печать объяснения причин согласия Европы на конференцию дать не может. Сама не понимает, как случилось, что все поехали в Хельсинки. Объяснения вроде того, что на конференцию поехали, чтобы угодить Брежневу, ибо без конференции он бы, несчастный, пропал, а вместо него пришел бы Некто Ужасный, вряд ли убеждают авторов этих объяснений. Не выдерживают никакой критики утверждения, что Запад добился чего-то от Советского Союза. Из опубликованного текста заключительного документа видно, что Советский Союз не уступил ни на йоту. Тем более что в преамбуле говорится, что документ юридической силы не имеет и никаких санкций в случае нарушения его пожеланий не предусматривает. Таким образом, теряют всякое значение даже упоминания о каких-то правах человека и т.п. 22 июля, когда уже дата подписания заключительного документа конференции была установлена, Андрей Амальрик, вернувшийся из колымского лагеря, где он от-

бывал срок за книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984?», обратился к иностранным журналистам с просьбой передать его обращение: советские власти запрещают ему проживать в Москве, где живет его жена. Его выселяют в Рязанскую область, где у него был дом. Недавно неизвестные этот дом разрушили. Амальрик, обращаясь с просьбой помочь ему, называет лицемерием поведение советских руководителей, подписывающих декларацию конференции в Хельсинки, в которой есть параграф о признании принципа объединения семей, члены которой живут в разные странах, и «запрещающих в Советском Союзе мужу жить вместе с женой».

Завороженные, как кролик удавом, главы европейских государств явились в Хельсинки и поставили свои подписи под позорным документом. Недавно мне удалось прочесть замечательную книгу, вышедшую в Москве: «Советский этикет». Среди множества незаменимых советов, которыми стоило бы поделиться, и тонких замечаний, я нашел мысль, непосредственно относящуюся к конференции в Хельсинки. Авторы «Советского этикета» утверждают: «В гости ходят добровольно». И это — почти всегда правда. Во всяком случае, в Хельсинки три десятка европейских лидеров поехали добровольно. И никто не заставлял их силой, как президента Гаху в 1938 г., подписывать бумагу.

Давно уже разоблачен культ личности, давно уже доказано, что личность — ничто, а массы — все. И вот оказалось, что личность, человек не имеющий за собой никакой военной мощи, сумел испортить праздник Брежневу. В день «космического рукопожатия» Александр Солженицын выступил на банкете, организованном в его честь американскими профсоюзами и в течение 100 минут говорил американцам правду в лицо. Можно думать и можно надеяться, что последствия выступления Солженицына еще дадут о себе знать. Во всяком случае, 26 июля президент Форд в интервью «Нью-Йорк таймс» признал, что совершил ошибку, не пригласив в Белый дом Солженицына. В этой необыкновенной самокритике — признание впечатления, произведенного словами автора «Архипелага ГУЛАГ» на американцев.

Александр Солженицын не открывал, если так можно выразиться, Америки. Он повторял то, что говорили до него десятки лет сотни, тысячи людей. Но, быть может, впервые к словам этим прислушаются. Начал автор «Архипелага ГУЛАГ» с «маленького исторического обзора». Я хочу напомнить вам, — обратился он к слушателям, — с какой системой вы имеете дело. Это система, «которая пришла к власти путем вооруженного переворота, разогнала Учредительное собрание, капитулировала перед Германией — общим тогда противником, ввела бессудную расправу, ЧК, расправу без всякого суда, давила рабочие забастовки, невыносимо граби-

ла деревню до мужицких восстаний, а когда происходили мужицкие восстания — давила их кроваво, разгромила Церковь...» Таким было начало системы. Потом она «ввела первые в мире концентрационные лагеря, это была система, которая в XX веке первая ввела систему заложников... это была система, которая уничтожила все остальные партии... это была система, которая провела геноцид крестьянства: пятнадцать миллионов крестьян было послано на уничтожение, это была система, которая ввела крепостное право, т.н. «паспортный режим», это была система, которая в мирное время на Украине искусственно вызвала голод. Шесть миллионов человек умерло от голода на Украине, на самом краю Европы, в 32–33 годах...»

И вот с этой системой, продолжал А. Солженицын, западные капиталисты пошли на сговор. «Пятьдесят лет мы наблюдаем непрерывную, постоянную поддержку со стороны бизнесменов Запада, которые помогли советским коммунистическим вождям, их неуклюжей, нелепой экономике, которая не могла бы никогда справиться сама со своими трудностями, непрерывную помощь материалами и технологией... И если сегодня Советский Союз имеет могучие военные и полицейские силы в стране по современным меркам нищей — эти силы он имеет для подавления нашего свободного движения в Советском Союзе, то мы также должны благодарить западный капитал». «Это, — говорит А. Солженицын, — то, что почти непонятно человеческому разуму: та сжигающая жажда наживы, которая теряет всякие границы разума, всякие границы самоограничения, всякую совесть, только бы получить деньги...»

Запад не ограничился экономической помощью. А. Солженицын напомнил, как «Запад неограниченно помогал, а потом неограниченно уступал. Уже в Ялте без всякой необходимости были молчаливо признаны оккупация Монголии, Молдавии, Эстонии, Латвии и Литвы. Вслед за тем почти ничего не было сделано для защиты Восточной Европы, и отдали еще 7 стран Восточной Европы...»

Годы после окончания второй мировой войны А. Солженицын называет «годами постоянных отступлений и отдачи страны за страной». Он предупреждает своих слушателей: «Это очень опасное мироощущение, когда начинает вкрадываться такое чувство: «Ну отдайте!» Мы уже сейчас слышим голоса на Западе и в вашей стране: «Отдайте Корею, и будем жить тихо. Отдайте Португалию, конечно. Отдайте Японию. Отдайте Израиль. Отдайте Тайвань, Филиппины, Таиланд, Малайзию. Отдайте еще десять африканских стран, дайте нам только возможность спокойно жить. Дайте возможность нам ездить в наших широких автомобилях по нашим прекрасным автомобильным дорогам. Дайте возможность нам спокойно играть в теннис и гольф. Дайте спокойно нам смешивать кок-

тейли, как мы привыкли. Дайте нам видеть на каждой странице журнала улыбку с распахнутыми зубами и с бокалом».

А. Солженицын заключил свое выступление выводом: «Сегодня в мире происходят два важнейших процесса. Один процесс... это процесс близируких уступок. Это процесс отдавать, отдавать, отдавать, и, может быть, когда-нибудь волк насытится. А второй процесс, который я считаю ключевым, и я предсказываю, что он принесет нам всем будущее, — это процесс тот, что под чугунный жорой коммунизма в Советском Союзе уже лет двадцать, а в других коммунистических странах меньше идет освобождение человеческого духа, вырастают новые поколения, непоколебимые в борьбе со злом, и те, которые не идут на беспринципные компромиссы, которые предпочитают потерять все: заработок, всякие условия существования, саму жизнь, только не пожертвовать совестью, только не войти в сделку со злом... Если мы сумеем задержать, хотя бы не остановить, но задержать этот процесс уступок и дать возможность продолжаться процессу освобождения в коммунистических странах, то эти два процесса, в конце концов, дадут нам наше будущее...»

А. Солженицын хорошо знает, в чем его будут упрекать (в чем его уже упрекают). Он спрашивает: «Разрядка нужна или нет?» и отвечает: «Не только нужна. Она нужна. Она нужна, как воздух! Это единственное спасение Земли». Но разрядка будет подлинной разрядкой лишь при трех условиях. А. Солженицын перечисляет их: разоружиться не только от войны, но и от насилия, чтоб не осталось аппарата не только войны, но и насилия, т. е. не только того оружия, которым уничтожают соседей, но и того оружия, которым дают соотечественников; чтобы разрядка была «не на улыбках» поставлена, не на словесных уступках, а «на камне», т. е. чтобы «вторая сторона, которая входит в разрядку, имела над собой контроль: контроль общественности, контроль прессы, контроль свободного парламента»; третье условие — простое условие, — по словам А. Солженицына: «какая же это разрядка, если вести человеконенавистническую пропаганду — то, что в Советском Союзе гордо называют идеологической войной? Нет уж — дружить так дружить, разрядка так разрядка! Идеологическую войну надо кончить!»

Почти все, что говорил Александр Солженицын, американцы знали. Но впервые с такой силой, с такой уверенностью в своем моральном праве говорить правду в лицо прозвучал голос «оттуда», голос, говорящий от имени миллионов мертвых и сотен миллионов поработанных.

Могут сказать: снова пророчества Кассандры. Но сегодня события происходят с такой головокружительной быстротой, что пророчества сбываются прежде, чем их успевают забыть. Не успел А. Солженицын

упрекнуть Запад в том, что он уступил Португалию, как доктор Киссинджер, сделавший все, чтобы не допустить автора «Архипелага ГУЛАГ» в Белый дом, обратился к Советскому Союзу с предупреждением: не поддерживать португальских коммунистов. Не успел А. Солженицын изложить историю экономической помощи Запада Советскому Союзу, как стало известно, что США продало около 10 млн. тонн зерна СССР, который намеревается закупить в этом году 20 млн. тонн зерна. (Стоит напомнить, что весной Брежнев хвастался невиданным урожаем, который он собирался собирать нынешним летом).

Быть может, такое мгновенное подтверждение правоты слов А. Солженицына придаст им особенную силу. Их перестанут рассматривать, как пророчество. В них увидят констатацию фактов.

А. Солженицын назвал советскую систему наглухо закрытой. Она «так закрыта, — сказал он, — что ее почти невозможно понять отсюда (т.е. на Западе). И ваши самые ученые теоретики пишут научные труды, стараются объяснить и понять, что происходит у нас, и вот несколько таких наивных объяснений, которые нам, советским людям, просто смешны». А. Солженицын приводит в качестве примера два таких объяснения: «То говорят — советские вожди теперь отказались от своей человеконенавистнической идеологии. Нисколько. Нисколько от нее не отказались. То говорят — в Кремле есть «левые» и «правые», и там идет борьба, и мы должны вести себя так, чтобы не помешать «левым». Всё фантазия: левые—правые. Ну есть там какая-то борьба за власть — но в главном они все за одно. Или еще есть такая теория, что теперь благодаря росту техники растет технократия в Советском Союзе, растет инженерия — и инженеры теперь правят хозяйством, и вот скоро они будут определять судьбу, а не партия. Скажу вам — инженеры столько же будут определять судьбу, сколько наши генералы — судьбу армии, то есть — ноль. Все будут делать так, как скажет партия».

А. Солженицын назвал эти объяснения «смешными» для советских людей. Но незадолго до выступления А. Солженицына именно такого рода объяснения характера советской системы предложил человек как нельзя более советский — Рой Медведев. В интервью, опубликованном лондонским «Обсервером» 15 июня, автор монографии о сталинизме «К суду истории» изложил свою политическую программу и высказал свое мнение о движении «диссидентов» в Советском Союзе. Интервью озаглавлено: «Как бы я управлял Советским Союзом». Прежде чем рассказать, как бы он управлял, Рой Медведев оценил, как бы управляли его наиболее известные современники. Об Андрее Сахарове: «У меня впечат-

ление, что он не имеет четкой системы идей... Он действует под воздействием моральных и эмоциональных импульсов. Его взгляды носят прежде всего отрицательный характер. Он знает, чего он не хочет. Если бы Сахаров стал главой государства, то он не знал бы, что делать». Об Александре Солженицыне: «Если бы Солженицын с его религиозными идеями стал бы главой государства — это было бы ужасно».

— А если бы вы стали главой правительства? — спросили Роя Медведева. — Я бы, — ответил он, — во всяком случае знал бы, что делать в ближайшие пять лет.

Из чего состояла бы «медведевская пятилетка»? Рой Медведев предупреждает: все меры, которые он предпринял бы, имели бы своей целью «сохранение социалистической системы и общественной собственности». Прежде всего он нашел бы новых людей для осуществления важнейших задач: «Есть много талантливых, ясно мыслящих и разумных марксистов, которые великолепно справились бы с управлением различными аспектами социальной и политической жизни. Есть много способных людей, которые лучше управились бы с сельским хозяйством». Главное же: «Есть люди, которые замечательно развернули бы пропаганду».

Кроме привлечения новых людей — «разумных марксистов», Рой Медведев предоставил бы свободу печати, например, разрешил бы частные издательства наряду с большими — партийными, свободу ассоциаций, в том числе политических организаций, предоставил бы свободу частной инициативе в области обслуживания. Нам необходимо, — добавил Р. Медведев, — иметь «одну-две газеты, независимые от политики». Все это — и здесь Р. Медведев особенно настойчив — «все это не будет ни в коей мере угрожать коммунистической партии... Это сделает партию здоровее, оживит ее».

Программа Роя Медведева — никогда еще он не излагал своих взглядов так четко и ясно — имеет одну цель: сделать компартию сильнее, ее деятельность эффективнее. Свою роль Рой Медведев сравнивает с ролью Лютера и Кальвина, стремившихся «восстановить истинную религию, как они ее понимали». Р. Медведев подчеркивает, что в советских спецбиблиотеках обязательно можно найти сегодня книги Солженицына, Максимова, журнал «Континент», но ни в одной библиотеке нет «К суду истории» Р. Медведева: «Ее не разрешают читать партийным работникам, ибо она написана на том марксистском языке, на котором они говорят, в котором они выросли».

Рой Медведев заключает: «По моему мнению, положение в Советском Союзе может быть изменено марксистами недогматического толка, способными создать новый облик социализма. Наше сегодняшнее обще-

ство поймет их лучше, чем, например, людей религиозных, таких, как Солженицын и Максимов».

От Солженицына и Максимова Рой Медведев не ждет ничего хорошего. Зато некоторые нынешние советские лидеры кажутся ему людьми достойными во всех отношениях. «Некоторые считают, — делится Р. Медведев с журналистами, — что после партийного съезда в будущем году произойдут значительные изменения в структуре руководства. Такие вещи предсказать трудно, но я думаю...» И Рой Медведев излагает свой прогноз на будущее: «Брежнев и Косыгин останутся у власти. Люди вокруг них будут заменены представителями более молодого поколения и другого рода. Разумные и более молодые, они не будут иметь тех комплексов, которыми мучились их предшественники». Кто же эти «разумные и молодые»? Р. Медведев называет двоих: «Я думаю, что такие люди, как Катушев (секретарь ЦК), смогут понять проблемы интеллигенции лучше, чем их понимает Сулов. Может быть, даже Андропов (председатель КГБ) понимает проблемы интеллигенции лучше, чем Сулов и Кирилленко».

Впрочем, Р. Медведев утверждает, что «сам Брежнев в настоящее время лучший из возможных вождей».

Мне думается, нет нужды комментировать эту программу улучшения деятельности коммунистической партии. Самым лучшим комментарием являются слова присутствовавшего во время интервью физика Валентина Турчина, председателя советской секции «Амнести интернэшнл»: «Никто на Западе не представляет, до какой степени наше положение напоминает ситуацию, описанную Орвеллом в «1984». В. Турчин добавил: «Система стремится уничтожить всех, кто способен к самостоятельному мышлению. Партия в таких людях не нуждается. Наша система ужасна для всех, у кого есть мозги в голове». Каким образом можно реформировать такую систему простой заменой нескольких людей, остается тайной Роя Медведева, мечтающего не только о лаврах Лютера и Кальвина, но также о лаврах Франклина Рузвельта — спасителя капитализма.

Через несколько дней после интервью Р. Медведева, из которого читатели «Обсервера» узнали о том, что Андропов понимает лучше других проблемы интеллигенции, стало известным открытое письмо советского писателя Владимира Войновича Андропову. В этом письме писатель рассказывает, как вызвали его в КГБ, как беседовали с ним некие сотрудники этого учреждения, упрекали его за публикацию за границей своих произведений, предлагали вернуться в советскую литературу. А затем один из сотрудников «задумчиво и даже с грустью сказал, что жизнь человека — штука очень прерывистая, потом вдруг сказал, что он бы меня еще

понял, если бы мне было 70 лет. В 70 лет жизнь по существу уже кончена, но кончать ее в неполных 43 года... Он недоуменно развел руками...»

Честь быть приглашенным в КГБ и выслушать философские рассуждения о бренности человеческой жизни (с примерами случаев, когда жизнь обрывалась от пули пьяного шофера, которых в Москве хоть пруд пруди), честь эту Владимир Войнович заслужил публикацией за границей великолепного сатирического романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Это история простого русского мужика, Иванушки-дурачка, попавшего в страшный механизм Советской власти. Один из собеседников автора романа заверял его в КГБ, что «Чонкина» можно было бы напечатать в Советском Союзе, если бы писатель выбросил одно только слово — «пукс». Для тех, кто еще не прочел этой книги, поясню: «ПУКС» — т. е. путь к социализму — название чудесного овоща: снизу картошки, сверху помидора, выращиваемого деревенским селекционером, «вдохновленным прогрессивным учением Мичурина и Лысенко». Можно, однако, сомневаться в том, что выброшенный «ПУКС» успокоил бы советскую цензуру. Главное, однако, что не могло не обидеть сотрудников Андропова заключается в том, что В. Войнович позволил себе избразить работников НКВД — предка и учителя КГБ.

Изобразить как нельзя более реалистически, правдиво. Вот, например, по ошибке начальник районного НКВД капитан Миляга попал в плен к советским солдатам, которые приняли его за немца. Он тоже принял советских солдат за немцев. Поскольку ни допрашивавший Милягу лейтенант, ни Миляга не знали немецкого языка, допрос шел на языке, который и тот и другой считали немецким.

«Намен? — нетерпеливо повторил младший лейтенант, не будучи уверен, что правильно произносит слово. — Ду намен? Зи намен?.. — Их бин капитан Миляга... Их бин ист арбайтен... Он задумался, как обозначить свое Учреждение, и вдруг нашел неожиданный эквивалент: — Их бин арбайтен ин руссиш гестапо. — Гестапо? — нахмурился белобрысый, поняв слова допрашиваемого по-своему. — Ду коммунистов стрелирт, пиф-паф? — Я, я, — охотно подтвердил капитан, унд коммунистен, унд беспартийнен, всех расстрелирт, пиф-паф, — изображая пистолетную стрельбу, капитан размахивал правой рукой».

Хорошо известно, что капитан Миляга говорил чистую правду. Но, видимо, правда эта пришлась не по душе знатоку проблем интеллигенции Андропову, к тому же обидевшемуся за другого знатока этих же проблем, начальника капитана Миляги — Лаврентия Берия.

Впрочем, есть вероятность, что Андропов ничего о деятельности своих сотрудников, своего Учреждения не знает. Брежнев, например, клят-

венно заверял Брандта, что он, Генеральный секретарь ЦК, ничего о Гильоме, шпione, работавшем при Брандте, не знал.

Август 1975

Едва умолкло эхо прощальных поцелуев, которыми Брежнев обменялся с американским президентом, в Хельсинки началось, как выразилась «Правда», «дальнейшее продвижение по пути прочного мира». В 40-е годы американский писатель Эдмонд Вильсон написал историю социалистической мысли XIX в. и назвал свою книгу «Финляндский вокзал». По мысли Э. Вильсона, склонявшегося к марксизму, мир шел на протяжении века к Финляндскому вокзалу в Петербурге, куда 3 апреля 1917 г. прибыл Ленин. На Финляндском вокзале, взобравшись на броневик, объявил он о начале новой эры. 3-го июля 1975 г. с Финляндского вокзала прибыл в Хельсинки другой Ильич — Брежнев, чтобы заявить о конце послевоенного этапа Европы (и мира) и начале следующего. Европа (и мир) оставили за собой очередную станцию на пути к последней остановке — Финляндскому вокзалу.

Сигнал к отправлению поезда дала как и полагается, «Правда». Совсем недавно европейская печать подняла страшный крик: французская газета «Котидьен де Пари» предоставила свои страницы португальской газете «Республика», закрытой на родине, а лиссабонские журналисты напечатали секретную директиву Москвы португальским коммунистам: руководство, как захватить власть. Коммунисты и сторонники разрядки кричали, что это фальшивка, но замолчали, когда какой-то дотошный журналист обнаружил, что сотрудники «Республики» изложили своими словами текст статьи секретаря ЦК КПСС Бориса Пономарева, напечатанной в журнале «Проблемы мира и социализма». Можно думать, что в Москве были недовольны тем, что западные журналисты так долго искали статью Пономарева. Свою очередную директиву, намечающую новые цели после Хельсинки московские вожди напечатали в «Правде». Эту-то газету все читают! Чтобы подчеркнуть невежество западной печати, написал статью-директиву Константин Зародов, редактор «Проблем социализма и мира». В «Правде» он скромно назвал себя «доктором исторических наук». Статья называется «Ленинская стратегия и тактика революционной борьбы», в подзаголовке же сказано: «К 70-летию работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Брошюра Ленина, написанная 70 лет назад, становится предлогом для лекции: «книга Ленина сегодня читается, как будто дело касается

ся событий, развертывающихся на наших глазах». Статья К. Зародова и посвящена этим событиям, развертывающимся на наших глазах: событиям в Португалии и событиям в Италии.

К. Зародов — сторонник демократии. Он утверждает: «недопустима недооценка демократических форм борьбы». Но «необходимо постоянно руководствоваться стремлением идти гораздо дальше самого далекого конца демократической революции». Этот «самый далекий конец» — гегемония пролетариата. Термин этот, давно уже употреблявшийся на Западе компартиями с большой осторожностью, вбивается в голову читателям статьи Зародова без всякой жалости: «В современных условиях подлинная народная революция невозможна без этой гегемонии». Гегемония пролетариата «выражает волю и интересы трудового большинства народа». Гегемония пролетариата — это гегемония народного большинства. А если пролетариат в меньшинстве? Для Ленина и для ленинцев, — торжественно формулирует К. Зародов, — «большинство понятие не арифметическое, а политическое». Вторая часть статьи, посвященная Португалии, заканчивается словами: «Как бы ни называлось создаваемое народом правительство, с помощью каких бы форм борьбы оно не установилось (опыт показал, что это не должно быть вооруженное восстание, возможен и мирный путь, который марксисты-ленинцы считают предпочтительным), цель его одна... обеспечить через каналы государственной власти проведение политики пролетариата, трудовых масс». Тут все ясно: коммунисты в Португалии во все не обязаны вести вооруженную борьбу с армией (ибо и не могут этого сделать), они должны вступить с армией в союз и взять власть.

В третьей части, посвященной Италии, директива носит совершенно противоположный характер. «Современные соглашатели (речь идет о лидерах итальянской партии) даже на словах не пекутся о самостоятельности пролетарской партии. Они хотели бы растворить ее в идеологически аморфной организации, в любом союзе, созданном по формуле «единство ради единства». К. Зародов называет эту точку зрения «меньшевистской логикой». В коммунистическом словаре только «троцкизм» считается ругательством хуже.

Последовательное проведение в жизнь указаний «Правды» марксистско-ленинскими партиями позволит, как утверждает К. Зародов, «превратить международное коммунистическое движение в наиболее влиятельную политическую силу в современном мире».

Можно думать, что у статьи К. Зародова несколько адресатов. Западные коммунистические партии — это очевидно. Но также и западные государственные деятели, которым «Правда» после конференции в Хельсинки излагает новые задачи советской политики: вы оставьте нам

Португалию, мы оставим в покое Италию. Тем, кто не сразу понял смысл статьи К. Зародова, «Правда» 10 августа дополнительно разъяснила: никто кроме нас вмешиваться в дела Португалии не имеет права, ибо мы действуем на основе решений в Хельсинки. «Мировая общественность, — говорится в передовой «Правды», — вправе напомнить тем, кто продолжает вмешиваться в дела Португалии... о главном выводе из Заключительного акта общеевропейского совещания: никто не должен пытаться диктовать другим народам, как им надлежит устраивать свои внутренние дела».

Таков главный вывод, сделанный Москвой после конференции, благословившей т.н. разрядку: никто не имеет права вмешиваться в новую сферу интересов СССР, которую он сам себе обозначил.

Сегодня, когда я пишу эти заметки, будущее Португалии еще не ясно. Но Советский Союз уже изложил свои новые стратегические цели: Португалия, открывающая ворота в океан для советского флота, оспаривающего сегодня у США позицию первого флота в мире. Будущее Португалии еще не ясно. Но Советский Союз умеет ждать. Конференцию в Хельсинки он ждал 20 лет. Теперь, быть может, придется ждать меньше, учитывая экономический, а главное, психологический кризис, переживаемый Западом. Или, лучше сказать, руководителями западных государств. Иногда создается впечатление, что они с облегчением следуют великоллепному совету Мао Цзэдуна. Гениальный вождь китайского народа, приняв в июле нынешнего года премьер-министра Таиланда, выслушал с большим сочувствием жалобы последнего на таиландских коммунистов, ведущих вооруженную борьбу с правительством. Мао дал три совета, как вести себя с коммунистами-партизанами: 1) воздержаться от антикоммунистической пропаганды; 2) не посылать против них солдат; 3) не убивать их, чтобы не превратить их в мучеников. Короче: самый лучший способ бороться с коммунистами — поддаться им...

Несмотря на то, что Мао Цзэдун дает такие замечательные советы, в Москве его и Китай вообще очень не любят. И продолжают безжалостно разоблачать. Некий «очевидец» рассказывает в двух номерах «Литературной газеты» (№ 32 и 33) о невыносимой жизни в Китае. «Для меня, — заявляет он, — Китай — это огромная казарма, постоянно живущая в напряжении и страхе». И поясняет: «Китайский образ жизни заключается в слезке за гражданами. Несколько домов составляют ячейку, члены которой должны делиться друг с другом своими мыслями и своими делами... Каждую неделю глава семьи отчитывается перед революционным комитетом своего квартала об идеологическом положении в семье». Как тонко замечает «очевидец»: «Это не что иное, как система доносов». Он про-

должает: «Человек не имеет права на личную жизнь: каждый его шаг является объектом строгого контроля. Все, что он делает дома, куда он ходит, что говорит, что он есть, что читает, что слушает по радио, немедленно регистрируется его окружением и доводится до сведения революционного комитета квартала!»

«Очевидец» так и закончил абзац восклицательным знаком, желая выразить все свое негодование вмешательством государства в личную жизнь граждан. И действительно все описанное может вызвать негодование свободолобивого человека. Но странным образом того же 13 августа, когда в «Литературной газете» была опубликована заключительная часть описаний «китайской казармы» (вполне, быть может, правдивых), в «Правде» появилась статья под названием «Улица, дом, семья». Подписал ее Ю. Лукаш, первый секретарь Кропоткинского городского комитета партии. А в этой статье утверждается, что советского гражданина нельзя оставить без надзора ни на улице, ни дома, ни в семье. Ю. Лукаш так прямо и пишет: «Всем известно: человек занят на производстве треть своего времени». На производстве все в порядке — человек окружен коллегами, и они за ним присматривают. Но «остальное время проводит дома. А чем он там занимается?» Этот вопрос очень интересует секретаря горкома партии. Чем человек занят дома, где он проводит две трети своего времени, две трети своей жизни? «Иногда говорят, — замечает Ю. Лукаш, — что это его личное дело». Секретарь горкома партии с возмущением отменяет такую точку зрения: «Использование свободного времени, поведение в быту, общественном месте — проблема не только отдельно взятой личности. Как уже не раз говорилось, это вопрос общегосударственный, требующий самого серьезного внимания партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов».

Все эти «органы», — утверждает секретарь горкома, — должны сделать так, чтобы те «две трети времени», которые человек проводит в кругу семьи и друзей, потеряли свое нелепое название «свободное время». Все эти «органы», включая по деликатности не названные, должны держать советского человека под неусыпным наблюдением 24 часа в сутки. То есть добиться того, о чем писал «очевидец» китайского общества: превратить страну в «огромную казарму, которая живет в постоянном напряжении и страхе». А ведь так было в Советском Союзе. Еще до Китая.

Читая антикитайские статьи в советской печати, трудно отделаться от впечатления, что диктует их не только страх перед соседом-гигантом, но и зависть по отношению к идеологическим конкурентам, ясно и недвусмысленно, без всяких комплексов выражающих все, что они думают.

Вот, например, вышла недавно в Китае книга, посвященная сексуальным проблемам молодежи. И в ней, в частности, перечисляются отрица-

тельные последствия мастурбации: бессонница, общее ослабление организма, «ослабление революционной энергии». А среди мер борьбы со склонностью к мастурбации наряду с китайской гимнастикой и акупунктурой видное место занимает «глубокое изучение трудов Маркса, Энгельса и Мао Цзедуна». Именно это последнее средство как будто действует особенно хорошо в борьбе с онанизмом.

Как хотелось бы и советским идеологам написать, что изучение трудов Маркса, Ленина, Брежнева излечивает от онанизма. Но не решаются. Стесняются, зараженные западным влиянием. И безумно завидуют китайским конкурентам...

Может быть, стеснительность, а может, и упомянутый выше контроль мешает говорить откровенно не только идеологам, но и писателям, которым вроде бы это по штату полагается. Но бывают исключения.

В 6-м номере московского журнала «Юность» по случаю 20-летнего юбилея были напечатаны воспоминания о рождении популярного ежесемечника. Поделился воспоминаниями и первый редактор «Юности» Валентин Катаев, воспользовавшийся случаем свести кое-какие старые счеты. Попутно, быть может, и не желая этого, рассказал В. Катаев, как и где делается советская литература. Однажды, — рассказывает редактор «Юности», — разузнал он, что Эрнест Хемингуэй написал выдающуюся повесть «Старик и море». Быстро был сделан перевод, и редактор уже готов был отослать текст в типографию. Но, — повествует В. Катаев, — «ко мне в кабинет... лисьими шагами с лицемерной улыбкой на губах, в которых дымилась вонючая сигара, согбенно вошел редактор одного из дружественных нам журналов и, отведя меня в сторону, конспиративно прошептал: — Не делайте этого. Умоляю. — Его очки мягко, но грозно сверкнули. — Я только что был, так сказать, в сферах... У одного товарища, не буду называть его имени... Вы сами понимаете... И он — только это строго между нами! — весьма неодобрительно отозвался о творчестве Хемингуэя в целом и о «Старике и море» в частности. Он назвал старого Хема недорезанным декадентом, а «Старика и море» — вредной мелкобуржуазной чепуховиной.

Я побледнел, так как знал, что мой доброжелательный собрат — редактор дружественного журнала — постоянно вьется в сферах, и его советами пренебрегать опасно.

Поэтому, будучи от природы мальчиком сообразительным, я с душевной болью отказался от печатания «Старика и моря» и горячо пожал руку своего собрата, спасшего меня от крупного погара. Каково же было мое удивление, когда через месяц прелестная повесть «Старик и море»

появилась в дружественном журнале, редактируемом, как вы сами понимаете, моим добрым собратом».

«Доброго собрата» легко узнать не только потому, что «Старик и море» появился в марте 1955 г. в журнале «Иностранная литература», редактором которого был Александр Чаковский, ныне главный редактор «Литературной газеты». Его легко узнать по портрету, удивительно похожему на портрет Чаковского, который мы находим в «Бодался теленок с дубом» Александра Солженицына.

Не менее интересным кажется мне и автопортрет Валентина Катаева. Услышав, что кто-то в «сферах» неодобрительно отозвался о Хемингуэе, он «побледнел» и отказался печатать повесть, даже не позаботившись узнать, правду ли говорит «собрат». Катаев приводит и второй случай — со сказкой Сент-Экзюпери «Маленький принц»: снова некий «крупный теоретик на идеологическом фронте» обозвал Сент-Экзюпери «французской декаденщиной», и снова редактор «Юности» немедленно отказался от намерения печатать сказку. В. Катаев очень хорошо сказал о себе: «будучи от природы мальчиком сообразительным...» Биография Валентина Катаева, сегодня в свои 78 лет одного из мэтров советской литературы — биография «сообразительного мальчика», ухитрившегося, несмотря на имевшийся у него литературный талант, спокойно дожить до почтенного возраста. Но задатки преуспеть в советском обществе были у него уже в ранней молодости. В своих последних произведениях В. Катаев представляет себя учеником выдающегося русского прозаика Ивана Бунина, с которым он познакомился в Одессе в 1919 г. Иван Бунин вел в тот год дневник, который он опубликовал в 1925 г. в Париже под названием «Окаянные дни». И среди многих других записей мы находим такую (апрель 1919 г.): «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей просто невероятен. Говорил: «За сто тысяч рублей убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки». Можно сказать, что уже в 1919 г. В. Катаев был готов стать редактором советского журнала.

Не полагалось бы упоминать в одном ряду с Чаковским и Катаевым Александра Твардовского. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь. И он был — редактором советского журнала. Краковское «Жице литерацке» с непонятной смелостью перепечатало из итальянской «Унита» открытое письмо дочери Твардовского Александру Солженицыну. Дочь покойного редактора «Нового мира» обвиняет автора «Одного дня Ивана Денисовича» в том, что он дал очень непривлекательный портрет ее отца в книге «Бодался теленок с дубом». (Редакция «Жице литерацке» побоялась, видимо, сообщить русское название книги и дала его с французского перевода). Трудно спорить с дочерью, обиженной за своего отца. А. Солженицын дал

гениальный портрет человека, разрывающегося между тем, что ему диктовали подлинный поэтический дар и партийный билет. Солженицына нетрудно упрекать в нетерпимости, прямолинейности, безграничной убежденности в своей правоте. В этом его сила, в этом иногда его слабость. Но вот в последнем, четвертом номере журнала «Континент» появились превосходные «Записки зеваки» Виктора Некрасова. В умных, доброжелательных к окружающим, чуть ироничных по отношению к себе и очень грустных записках о жизни писателя в Советском Союзе Виктор Некрасов вспоминает и о встречах с А. Твардовским. У Солженицына Твардовский всегда антипод, у Некрасова — редактор журнала, милый, симпатичный в жизни, но иной на службе. Автор «В окопах Сталинграда» рисует сцену редактирования второй его книги «В другом городе». Редактируя Солженицына, Твардовский добивался устранения всего «антисоветского», при редактировании повести Некрасова речь шла о повышении морального уровня советских людей. А. Твардовский либо вычеркивал упоминания о том, что герой выпил водки, либо сокращал ее количество — скажем, написано: выпил сто пятьдесят грамм, редактор заменял: выпил — сто грамм. Чаще всего водка вообще вычеркивалась — герои пили пиво.

В. Некрасов рассказывает: когда наконец борьба с алкоголем на страницах его повести была закончена, А. Твардовский облегченно вздохнул и сказал: А теперь пошли, выпьем! Советский редактор свое дело сделал, ему на смену пришел советский человек.

Октябрь 1975

Сообщение о пятидневном пребывании заместителя государственного секретаря США по экономическим вопросам Чарльза Робинзона в Москве и его переговорах с советским министром внешней торговли Патолычевым в советских газетах не появилось. Зато изо дня в день в этих газетах самое видное место занимают победные репортажи об успехах на зерновом фронте: районы, области, республики докладывают о миллионах тонн зерна, которые они сдали в «закрома государства». А между тем Робинзон вел в Москве переговоры о заключении договора, по которому США продавали бы ежегодно в течение пяти лет значительное количество зерна: говорят о 8 млн. тонн.

О советских закупках зерна за границей пишут уже многие годы. В № 9 «Культуры» была на эту тему деловая, хорошо информирующая заметка Богдана Бродзинского «За хлебом». Решение советских лидеров перейти на положение постоянного клиента США (а потом, очевидно, и

других экспортеров зерна) — результат, мне думается, очень важного решения, касающегося перспективных планов развития СССР.

Богдан Бродзинский совершенно правильно писал: «Много говорят о климатических причинах советских неурожаев. Гораздо важнее, однако, климат институциональный, который не допускает интенсификации советского сельского хозяйства, повышения его производительности» (стр. 80).

В недавно вышедшей на русском языке (можно надеяться, что скоро появится и польский перевод) книге Андрея Сахарова «О стране и мире», рассказывающей страшную правду о Советском Союзе сегодня, упоминается «социально-экономический эксперимент» Худенко. История этого эксперимента так ясно раскрывает характер Советского государства, что кажется специально придуманной. Но все было в действительности. А до того как имя Худенко появилось в книге А. Сахарова, это имя можно было встретить в «Известиях», в «Комсомольской правде», «Литературной газете». Худенко можно было увидеть на экране — его эксперименту был посвящен фильм «Человек на земле».

История началась 12 ноября 1960 г., когда Совет Министров СССР разрешил крупному чиновнику аппарата Совета Министров Ивану Никифоровичу Худенко провести эксперимент по организации в совхозе новой системы труда и оплаты. Коротко, не вдаваясь в детали, систему Худенко можно изложить так: работа выполняется небольшой группой — звеном. Звено получает полную хозяйственную самостоятельность: от него требуется только произвести такой-то продукт в такой-то срок. Оплачиваются достигнутые результаты, причем никакого ограничения зарплаты нет. Не прошло и года, как советская печать начала петь дифирамбы Худенко. Результаты действительно были удивительными. Работники совхоза стали работать как на себя. В Илийском совхозе до эксперимента в зерновом производстве было занято 830 человек и 227 тракторов. После введения системы Худенко ту же продукцию дали 67 человек и 67 тракторов.

Потом произошло падение Хрущева — покровителя Худенко. Его перевели в другой совхоз. И там система продолжала действовать. Себестоимость зерна упала в 4 раза, зарплата возросла в 4 раза, а прибыль на одного работающего — в 7 раз.

Иван Худенко представил расчеты, из которых следовало, что введение его системы во всей стране позволит увеличить производство зерна в 4 раза, сократив занятых в сельском хозяйстве в 6 раз: вместо 30 млн. — 5 млн.

В июле 1970 г. совхоз, в котором работал Худенко, был закрыт до конца сезона, в связи с чем рабочим не выплатили зарплату. Худенко подал в суд на Министерство сельского хозяйства Казахстана (там находился руководимый им совхоз). Суд решил дело в пользу рабочих совхоза. Но ре-

шение это было отменено, арестован был Иван Худенко. Его обвинили в попытке «хищения государственного имущества» в крупных размерах. По советскому закону за это полагается от 15 лет лагеря до расстрела. Гуманный советский суд ограничился осуждением Худенко на 6 лет лагеря. 12 ноября 1974 г. Иван Худенко умер в тюрьме.

Дело Худенко и решение постоянно закупать зерно в США неразрывно связаны: став перед дилеммой: проведение коренных реформ в сельском хозяйстве (а они стали бы началом реформ и в других областях) или закупка зерна за границей, советские руководители выбрали второе решение.

С советской точки зрения оно вполне логично, продолжая выбор, сделанный Сталиным в конце 20-х годов. Насильственная коллективизация разрушила сельское хозяйство, поставила население в условия перманентного недоедания или голода. Но, закабалив крестьян, создала условия для утверждения тоталитарного режима. Каждая реформа сегодня должна неизбежно опираться на свободную инициативу граждан. А это было бы началом конца. И поэтому решено: никаких реформ.

В первом, самом дорогом подарке советским гражданам перед XXV съездом партии — в двухтомном сборнике речей и докладов Л. И. Брежнева «Об основных вопросах экономической политики КПСС на современном этапе» (1964—1975) — дан анализ условий развития народного хозяйства на стадии так называемого «зрелого социализма». Брежнев говорит ясно и открыто: никаких реформ, никакой научно-технической революции: «Только партия, вооруженная учением марксизма-ленинизма и опытом политической организации масс, способна определить главные направления общественного развития». Главные черты советского «менеджера»: «высокая идейность и компетентность». Сначала идейность, а только потом, если уж нельзя иначе, компетентность.

К тому же сегодня, в условиях «детант», компетентность можно оставить бездейным капиталистам. Пусть они получают зерно, делают передовую технику, а потом продают или дают нам.

Советским людям от всей этой капиталистической, т.н. передовой техники одно только беспокойство. И никакого толка, ибо не понимает эта техника особых советских условий. В повести А. Черноусова «Практикант» молодой студент-практикант Гена беседует с главным инженером: «Вы, конечно, знаете, что такое автоматические системы управления? — Ну положим, — отвечает главный инженер. — А если знаете, так почему же не устанавливаете? Ведь электронно-счетная машина за секунду переварит вам тысячи фактов информации и выдаст оптимальное решение. — Бросьте вы мне, — с досадой отмахнулся главный инженер. — Да никакая машина не сможет учесть, предсказать, что Иванов—Петров завтра во

время рабочего дня не перелезет через заводскую стену и не сбегает в магазин за бутылкой портвейна...» Не сделано еще, следовательно, электронной машины, которая могла бы угадать действия советского рабочего, которому наплевать на свою работу, за которую ему ничего не платят.

Но, как давно известно, рабочие — народ несознательный. 22 августа 1975 г. «Правда» опубликовала заметку о министерстве строительства Туркменской Республики, которое, решив идти в ногу с научно-технической революцией, купило электронно-вычислительную машину «Минск-22». А потом вдруг оказалось, что девать машину некуда, да и делать с ней неизвестно что. Тогда, — пишет «Правда», — «последовало руководящее указание: упрятать машину в подвал». А тут выяснилось, что хотя машина советская, все же ей нужны «отдельная трансформаторная подстанция, линолеум на пол, обитые пластиком стены, лампы дневного света...»

Оказалось, что для машины нужны почти такие же условия, как для министра. Машина осталась в подвале — без всяких удобств. А заметка в «Правде» заканчивается словами: «Нужно вывести электронно-вычислительную технику из подвалов на божий свет»

Да только где этот «божий свет» взять в Советском Союзе? Партийные руководители отвергли путь реформ, опасаясь, что любая реформа, даже минимальная, подорвет советский монолит. Горько разочаровался в возможности реформировать советский строй Андрей Сахаров. И только Рой Медведев продолжает проповедовать возможность и необходимость реформ. Я писал недавно об интервью, которое Рой Медведев дал в июне лондонскому «Обсерверу». 5 сентября западногерманский журнал «Ди цайт» поместил огромную статью Роя Медведева «Пророки без последователей». Как и в интервью, Рой Медведев остро атакует новую эмиграцию: прежде всего Солженицына, но также журнал «Континент», в особенности его главного редактора Владимира Максимова. Рой Медведев упрекает «Континент» в том, что он обращается в первую очередь к Западу, что он считает своей главной задачей разоблачение в глазах западной интеллигенции марксизма и социализма. Это Роя Медведеву кажется очень вредным и опасным, ибо авторы, публикующиеся в «Континенте» — советские и восточноевропейские — очевидцы, а поэтому им могут поверить. В действительности же они «вводят в заблуждение западных читателей». Необходимо, утверждает Рой Медведев, строить новое учение, основанное «не на отрицании социализма, а на требовании реформ. Никто не сможет отбросить Россию и Европу обратно в XVI век».

Россия XVI в. — далекое прошлое. И туда не вернуться. Советский Союз — с 1917 до 1975 — реальность, от которой не уйти. Еще раз с невероятной силой рассказал об этом Георгий Владимов.

Через 10 лет после написания дошла до широкого читателя (раньше распространялась в «самиздате») повесть Георгия Владимова «Верный Руслан». В 1961 г. журналист Георгий Владимов входит в советскую литературу повестью «Большая руда», которая единодушно приветствуется критикой как обновление жанра производственного романа. Правда, уже и в этой повести были в характере главного героя, шофера Пронякина, некоторые беспокоившие официальную критику черты. В опубликованном почти десять лет спустя романе «Три минуты молчания» — правдивом повествовании о жизни советских китобоев, о жизни советских людей, эти беспокоившие черты вызвали уже гнев критики. Теперь выясняется, что в промежутке между повестью и романом написал Георгий Владимов «Верного Руслана», которого, возможно, надеялся напечатать на родине, но, убедившись в невозможности, опубликовал в журнале «Грани», выходящем во Франкфурте-на-Майне (№ 96, 1975).

Значение удивительной по мастерству и силе повести Г. Владимова становится очевиднее, если мы сравним ее с другой книгой, ждавшей публикации 45 лет. «Верный Руслан» — история собаки. Повесть Владимова можно считать продолжением другой собачьей истории — повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Между двумя повестями — столетия, 50 лет Советской власти. Герой М. Булгакова — собака Шарик, превратившаяся по воле гениального хирурга профессора Преображенского в человека с собачьим сердцем Шарикова, смотрит своими собачьими глазами на Москву, на советскую жизнь в 1925 г. — через 7 лет после революции. Герой Г. Владимова — Руслан — смотрит на советскую жизнь, на советских людей в 1956 году, а писатель смотрит на них из 1965 года — через столетия после победы Октября.

Михаилу Булгакову казалось, что самое страшное — это превращение человека в собаку, самое страшное — появление людей с собачьим сердцем. Г. Владимов говорит своей книгой: наивен был автор «Собачьего сердца». Самое страшное было впереди. «Верный Руслан» рассказывает о превращении собак в людей, о появлении собак с человеческим сердцем.

Руслан — сторожевая собака, выращенная и воспитанная для охраны лагерей. Но в 1956 г. многие лагеря закрываются, в том числе и Руслана. Пес остается без работы. Хозяин должен был застрелить его, но, нарушив приказ, отпустил на волю. Для Руслана, однак, нет воли. Приученный к Службе, он отказывается верить в то, что больше никогда не понадобится. Перебравшись в поселок, расположенный недалеко от бывшего лагеря, Руслан каждый день бежит на станцию — ждет поезда с заключенными.

Преданный Хозяином, он остается верным Службе. И каждый день ходит вместе с бывшим заключенным Потертым собирать доски для шка-

фа, который строит бывший ээк приютившей его хозяйке. Руслану кажется, что он выполняет Службу, что он конвоирует Потертого. Руслан не знает, что Потертый свободен. Потертому кажется, что он свободен. Он не знает, что не сможет уехать из поселка, расположенного рядом с бывшим лагерем. Потертый поймет в конце повести, что выход из «маленькой зоны» — лагеря — в «большую зону» — советскую страну — свобода не дает. Руслан не поймет этого до конца.

Немало есть описаний советского общества: реалистических, соцреалистических, натуралистических, символических. Лучше всех видит его Руслан: в скверике, в поселке «два неживых человека, цвета алюминиевой миски, зачем-то забрались на тумбы и вот что изображают: один, без шапки, вытянул руку вперед и раскрыл рот, как будто бросил палку и сейчас скамандует: «Апорт!» Другой же, в фуражке, никуда не показывает, а заложил руку за борт мундира, всем видом давая понять, что «апорт» следует принести ему».

Это создатель Советского государства вводит систему дрессировки подданных, это его лучший ученик доводит ее до совершенства.

Немало написано и о системе воспитания советских людей. Но никто не сделал этого лучше, жатее, понятнее, чем Г. Владимов. Берется щенок: добрый, доверчивый, наивный. И обучается злобе, недоверию, бдительности. Обучается жестоко, беспощадно, так, что злоба, недоверие и подозрительность ко всем, кроме Хозяина, впитывается в кровь. Процесс обучения не идет легко: человеческие качества воспринимаются собаками с трудом. В нейтральной сцене повести пассивный бунт заключенных, отказывающихся выйти на работу, ибо температура упала ниже 40° и даже по гулаговским нормам не работу не должны выводить, подавляется начальником лагеря простейшим методом. Он приказывает залить водой — при температуре -44° — бараки, из которых не выходят заключенные. Охранники-люди, говорящие о своем начальнике: «суровый, но справедливый» или «справедливый, но суровый», послушно выполняют приказ. Охранники-собаки не выдерживают. Следуя за лучшей из них — Ингусом, самой умной, самой собачьей, самой неподдающейся очеловечиванию, сторожевые псы поднимают бунт, рвут зубами шланг, не вынося вида убиваемых заключенных. Погибает Ингус, спасающий честь собаки, сходит с ума собачий инструктор. Не желая оставаться человеком, желая освободиться от ненавистной человечьей шкуры, он становится собакой.

Но собачий бунт — лишь эпизод, рецидив собачьего свободолюбивого доброго духа. Духа зверя, убивавшего только для еды. Служба, верность Хозяину берет свое. И на последних страницах повести безработ-

ные сторожевые собаки, живущие в поселке, принимают приехавших на стройку рабочих за вернувшихся наконец-то заключенных. Бой собак, пытающихся удержать рабочих в строю, с людьми, кончается победой людей и убийством Руслана. Верный Руслан дрался до последней капли крови. Умирает он как верный солдат, обманутый и преданный. Но хозяйка его — те, кто обучил собаку злобе и недоверию, те, кто сделал из собаки человека-охранника. Они живы.

Умер Руслан. Но живы русланы, ждущие, чтобы раздался голос Хозяина: строить в колонну по пять человек. Ждущие приказа Хозяина: «Фас, Руслан! Фас! Взять его!»

У Александра Галича есть стихотворение «Ночной дозор», в котором говорится, как по ночам выходит на улицы советских городов процессия памятников Вождю. Поломанных и гипсовых. Но, — заключает поэт, — «Им бы, гипсовым, человечины, они вновь обретут величие...» Гипсовые памятники, живые охранники, воспитанные ими собаки и люди ждут своего часа, ждут приказа.

Об этом рассказывает в своей повести Георгий Владимов.

В прошлом своем «Обзоре» я очень много места посвятил статье в «Правде» редактора журнала «Проблемы мира и социализма» Константина Зародова. Статья эта мне показалась изложением новых стратегических планов советских руководителей, изложением их новых претензий после успеха в Хельсинки. Статья К. Зародова была замечена на Западе, но либеральная печать сочла ее выражением точки зрения «правых» в Политбюро. 17 сентября Брежнев, вернувшись из отпуска, прежде всего принял на аудиенции Константина Зародова, о чем сообщила «Правда». Случай этот — публикация в «Правде» информации о приеме Генеральным секретарем редактора журнала, пусть даже такого, как «Проблемы социализма», — совершенно уникален. Л. Брежнев хотел, видимо, чтобы статью Зародова прочитали на Западе еще раз.

Ноябрь 1975

Награждение Андрея Сахарова Нобелевской премией мира не захватило советских руководителей врасплох. Они, правда, рассчитывали, что премию получит президент Финляндии Урхо Кекконен в благодарность за гостеприимство, оказанное в Хельсинки любителям «детант». Комиссия норвежского парламента решила иначе. И тем не менее, несмотря на разочарование, в Москве все оказалось готово. Борьба с предыдущими

нобелевскими лауреатами многому научила, главное, имеется уже сценарий «антинобелевских кампаний».

Сценарий выглядит так. Информация об очередной вылазке реакции приходит из-за границы. Советские газеты перепечатавают возмущенную заметку, осуждающую очередного лауреата, из какой-либо «прогрессивной» или открыто коммунистической газеты. Награждением Сахарова первой возмутилась «Юманите». Из нее заметку и перепечатали. По стилю она была так похожа на то, что пишут обычно в Москве, что, очевидно, труда с переводом не было.

За информацией следует «идеологическое» обоснование кампании. Смысл его всегда одинаков: премию дали не за то, за что дали, а совсем за другое. Пастернаку дали не за роман «Доктор Живаго» (за него дать не могли, ибо Союз советских писателей решил, что Пастернак плохой прозаик), а за клевету на революцию. Солженицыну дали не за его романы (и по его поводу было соответствующее решение), а за антисоветские взгляды. Андрей Сахаров — говорится в «Литературной газете» (15.X) — получил эту награду не за научные исследования (автор статьи делает вид, будто не знает, что Нобелевскую премию мира за научные исследования не дают. *Авт.*), а за многолетнюю антисоветскую пропаганду, кощунственно названную нобелевскими «судьями» «борьбой за мир».

Короче: награждение Нобелевской премией было «политическим жестом», что на советском языке означает — неприязненным по отношению к СССР.

Как учат марксисты: теория без практики мертва. От «идеологических обоснований» переходят к практике. Сначала — возмущенные письма в редакции газет от негодующих советских граждан. Награждением А. Сахарова возмутились, например, 72 советских ученых, цвет ученого мира, коллеги лауреата Нобелевской премии мира по Академии наук. Следующая стадия — митинги протеста на заводах, в колхозах. Протест и возмущение выражают самые «простые советские люди», строители коммунизма.

Наконец финал, развязка. Пастернак отказался от премии. Солженицын был выслан из страны. Андрей Сахаров...

До сих пор сценарий «антинобелевской кампании» был разыгран как по нотам. Не решен еще только на советском «верху» вопрос развязки. Уже известно, что Андрею Сахарову выехать в Осло для получения Нобелевской премии не разрешили, сославшись на то, что он «хранитель государственных тайн». Можно думать, что советские вожди и в самом деле так думают, хотя А. Сахаров с 1968 научной работой в области вооружения не занимается. Таким образом, развязка «солженицынского типа» отпадает. Что остается?

Елена Сахарова, жена лауреата Нобелевской премии мира, находящаяся на лечении в Италии, впервые открыто сказала, что боится за жизнь мужа.

А прецедент есть. Ровно 39 лет назад мировую печать обошла фотография невысокого худого человека в тюремной одежде, стоящего навытяжку перед гигантским эсэсовцем. Человек в тюремной одежде был лауреатом Нобелевской премии мира 1936 г. немецким журналистом Карлом фон Оссецким. Посаженный за принятие премии в концлагерь, он был освобожден из-за поднятого за границей шума, но освобожден в таком состоянии, что сразу же умер. Немало похожих случаев знает и советская история. Неудобные люди исчезали, как Фрунзе в 1925 г., под ножом хирурга, или, как Михозлс в 1948 г., под колесами грузовика.

В последнее время из Советского Союза стали приходиться странные вести. Писатель Владимир Войнович, автор «Приключений Ивана Чонкина», приглашенный в мае 1975 г. на дружескую беседу в московский КГБ, долго потом болел. Врач обнаружил отравление. 10 ноября иностранные журналисты в Москве смогли ознакомиться с письмом грузинского писателя З. Гамсахурдиа, в котором рассказывается, как в Тбилиси дом его окуривается какими-то ядовитыми газами. И здесь есть прецеденты. Ягода, шеф НКВД в 30-е годы, очень любил изучать действие ядов на людях.

А. Сахарову несомненно грозит опасность. Гитлер ответил на Нобелевскую премию Карлу фон Оссецкому решительно и просто: подписал декрет, запрещающий немцам принимать Нобелевскую премию. Советские руководители на такой простой шаг пойти не хотят: они готовы получать Нобелевскую премию, если она будет выдаваться по их спискам. Поэтому, с их точки зрения, лучше всего, если потенциальные кандидаты заранее будут знать, с каким риском получение премии связано. Поэтому А. Сахарову грозит опасность.

Антисахаровская кампания, разыгрываемая по утвержденному, повторяющемуся сценарию, обладает, однако, одной особенностью, отличающей ее от антипастернаковской и антисолженицынской кампаний. Она менее интенсивна. Заметки из коммунистических газет, скажем, из колумбийской «Вос пролетариа», публикуются, но их сравнительно немного. Идеологические «обоснования» печатаются, но занимают мало места. Письма приходят, но нет потока. Даже 72 академические подписи весят, сравнительно не очень много, если вспомнить, что в Академии наук — 245 действительных членов и 448 членов-корреспондентов (среди подписавших и те и другие). Создается впечатление, что советские руководители убеждены в том, что нет необходимости сегодня устраивать такой дьявольский шабаш, какой устроил Хрущев в 1958 г. в связи с награждением Пастернака. Советские руководители как бы убедились, что граждане

страны победившего социализма достаточно подготовлены для того, чтобы реагировать надлежащим образом при одном лишь сигнале: Нобелевская премия дана не тому, кому надо!

Русский физиолог Иван Павлов, разработавший теорию условных рефлексов, показал на животных, как действует т.н. первая сигнальная система: на повторяющийся звуковой или световой сигнал, сопровождающий еду, собака через некоторое время начинала реагировать выделением слюны, даже если еды не было. Достаточно было звонка или вспышки света — и у собаки текла слюна, как при виде еды. В конце 40-х годов сталинские физиологи разработали «учение о второй сигнальной системе». Они утверждали, что слово, достаточно часто повторенное, может вызывать у человека необходимую экспериментатору реакцию. В 1950 г. Сталин пишет свои гениальные труды о языкознании, указывая путь, по которому пойдут советские пропагандисты: разработка слов-сигналов, вызывающих необходимые условные рефлексы. «Нобелевская премия» занимает в арсенале таких слов важное место. Произнесено слово — нажата кнопка — следует нужная реакция. Быть может, не всегда все происходит идеально, как задумано, но нельзя отрицать: успехи советской пропаганды немалые.

Радостью от получения нового слова-сигнала можно объяснить торжество, с каким советская печать приветствовала решение ООН, объявившего 72 голосами сионизм расизмом. Советская пропаганда вправе торжествовать. Это в Советском Союзе впервые было сформулировано равенство: сионизм—расизм. Конечно, в Польше в 1967–68 гг. оно было очень в ходу, но приоритет все же принадлежит Старшему Брату. Но мало этого. Расизм был — до резолюции ООН — одним из немногих слов в репертуаре советской пропаганды, имевших однозначный смысл. Расизм — было ясно, что это значит. Рядом с таким однозначным словом многозначность слов: свобода (формальная и реальная), демократия (буржуазная и социалистическая), гуманизм (псевдо- и пролетарский) становилась двусмысленностью. Теперь расизм встал в шеренгу.

Идеологическая победа Советского Союза в мировом масштабе, ставшая возможной благодаря помощи таких гуманистов и демократов, как Иди Амин Дада и король Саудовской Аравии, имеет и практические результаты. Теперь не нужно будет искать предлога для ареста евреев, желающих выехать в Израиль. Статья 74 Уголовного кодекса СССР предусматривает за «пропаганду или агитацию с целью возбуждения расовой или национальной вражды» лишение свободы до трех лет. А главное, слово «сионизм» можно сегодня использовать для получения всех необходимых рефлексов. Еще вчера, до принятия резолюции, т.е. до одобрения антисемитизма «мировым общественным мнением», приходилось

облекать антисемитизм в подобие марксистской теории. Сегодня и этого не нужно.

Задолго до резолюции ООН советские лекторы в подготовленной аудитории заявляли, что сионисты ставят своей целью добиться мирового господства к 2000 году, и что на картах «Великого Израиля», якобы официально изданных в Израиле, его границы проходят южнее Киева. Лекторы — в подготовленной аудитории предупреждали, что борьба с мировым сионизмом будет более тяжелой и кровопролитной, чем борьба с нацистской Германией. В «Новом журнале» (№ 118) М. Агурский опубликовал две антисемитские (т.е. антиссионистские) «самиздатовские» статьи, в одной из которых предлагается начать публикацию специального журнала, который должен выходить под лозунгом: «Смерть сионистским захватчикам».

Сегодня со всеми этими лозунгами, со всеми этими словами-сигналами можно выйти перед самой широкой аудиторией. Говорить открыто о страшном враге, угрожающем СССР, — о сионизме. Открыто говорить, как это делается в антисемитских «самиздатовских» статьях, что Сахаров и Солженицын — прямые агенты сионизма, помогающие Израилю превратить Россию в свою колонию. И не нужно больше опасаться обвинений в антисемитизме — 72 государства проголосовали, что сионисты — это расисты. Советская пропаганда торжествует победу: в любую минуту можно будет — пока на территории социалистического лагеря — нажать на сигнал и начать борьбу с «расизмом», ведя ее в необходимых размерах: преследования, аресты или — если понадобится — «смерть сионистским захватчикам».

Советские идеологи хорошо знают, что получение необходимой реакции на данный сигнал-слово — идеальный случай. Бывают срывы, неудачи. Важно держать население в подходящих условиях. Можно думать, что перманентное состояние опьянения — одно из таких условий. Только согласием государства на спаивание народа можно объяснить размах алкоголизма в СССР. Конечно, поголовное пьянство создает проблемы, с ними борются привычным советским путем — усиливая уголовную ответственность. В том же самом номере «Литературной газеты», в котором «осуждался» Сахаров, кстати, вспоминающий в своей последней книге о спаивании государством населения, приводятся официальные, но тем не менее потрясавшие цифры. Они приводились на пленуме Верховного суда СССР, посвященном «борьбе с алкоголем и наркоманией».

В 1974 г. к суду было привлечено 600 тысяч шоферов за вождение машины «в нетрезвом виде». Каждое дело, как правило, заканчивалось осуждением на лагерный срок. На пленуме были приведены результаты исследования, проведенного в одном районе Литовской Республики. В 1963 г. на одного жителя приходилось в среднем 8 литров водки, в 1973 г. — 28,5 ли-

тра водки. В среднем каждый житель района (хорошо известно, что Литва — одна из передовых по культуре республик СССР) израсходовал на водку 230 руб., а на книги — 2 руб. Видимо, учитывая тот факт, что сильное подорожание водки может сократить ее потребление, государство разрешило официально производство местного алкоголя. Выступавший на пленуме начальник управления Министерства здравоохранения СССР отметил по этому поводу: «дешевые алкогольные напитки местного производства технически не отвечают даже самым заниженным стандартам. Эти напитки, которые в отличие от алкоголя производятся легально и продаются в магазинах, быстрее приводят к нравственной деградации, к различного рода психическим явлениям, чем водка».

Водка по сравнению с этими «легальными напитками» кажется бальзамом. Они «приводят быстрее...» И, — добавил представитель здравоохранения, — начинают «приводить» значительно раньше. «Алкоголизм помолодел», — так сформулировал он новое явление. По его статистике: «75% мальчиков — учеников 8-го класса (т.е. 15 лет) потребляют спиртные напитки, 80% — ученики 9-го класса, 95% — ученики 10-го класса. Вместе с аттестатом зрелости можно будет скоро выдавать всем выпускникам аттестаты зрелых пьяниц, по крайней мере с 3-летним стажем.*

«Алкоголизм помолодел», в связи с этим помолодела армия заключенных. В ноябре проникли на Запад дневниковые записи Анатолия Марченко, 39-летнего автора «Моих показаний», рассказывающих об ужасах хрущевских лагерей, осужденного в марте 1975 г. на четыре года ссылки. Поездка в арестантских вагонах от Москвы до Чуны (вблизи славной стройки коммунизма — Братской ГЭС) позволила А. Марченко побывать в основных пересыльных тюрьмах, лежащих на самой знаменитой из гулаговских трасс Москва—Владивосток. В Новосибирске, рассказывает

* По сравнению с доброжелательно-либеральным отношением к алкоголизму особенно суровыми выглядят меры, принимаемые против наркоманов и торговцев наркотиками. Недавно был принят Закон об усилении борьбы с наркоманией, предусматривающий заключение в лагерь на 15 лет за торговлю наркотиками. Пленум Верховного суда посвятил проблеме особое внимание, «ибо как ни ничтожно по сравнению, например, с ужасающими цифрами западной статистики число наркоманов, зарегистрированных нашими органами здравоохранения, с этим явлением ведется решительная борьба». Обращает внимание, что советский, журналист говорит о числе наркоманов, «зарегистрированных органами здравоохранения». Число незарегистрированных растет сегодня очень быстро. Но советские власти действительно ведут с наркоманией жестокую борьбу: Советское государство строго охраняет свою монополию, как и все другие монополии, — отравлять население ядом по своему выбору. Не говоря уже о том, что отравление населения водкой приносит государству-монополисту огромный доход.

А. Марченко, в камере № 11 размером в 120 м² находилось 163 заключенных. «Днем, — говорит бывалый зэк, — жить еще можно было. Но ночью!» Он пишет: «Я не знаю сколько в свердловской тюрьме таких камер, как № 11, но заключенные уверяли меня, что тюрьма может вместить 25–30 тыс. человек. Возможно. Официальной статистики нет. Это государственный секрет. Я могу сказать только о том, что я видел: тюрьмы, через которые я прошел, битком набиты, в особенности молодыми».

Пропаганда, основанная на использовании «учения о второй сигнальной системе» для получения необходимых реакций со стороны граждан обладает еще одним, кроме упомянутых выше, преимуществом. Всегда можно слово, ставшее ненужным, вызывающее уже ненужные рефлексы, выбросить из словаря. Совсем недавно из восточнонемецкого словаря были выброшены как потерявшие актуальность слова вроде «выборь», «выборность». Из советских словарей и энциклопедий регулярно выбрасываются не угодившие начальству писатели, политические деятели. Практика эта широко применяется в Польше. Но как всегда китайцы — ученики — перещеголяли Советский Союз — учителя. Оказывается, в КНР перестал употребляться иероглиф «Сулинь», означающий Советский Союз. Вычеркнут из языка, не просто из словаря весь Советский Союз. Оставлен пока иероглиф «Сулю», означающий советские ревизионисты.

Легко понять, с какой злобой обрушивается автор статьи «Иероглифика на службе антисоветизма» («Литературная газета», 29.X.1975) уже не только на Мао Цзэдуна, но и на иероглифы, на систему китайской письменности, ставшей «в руках маоистов инструментом, при помощи которого сужается круг идей и понятий, в сознание внедряется только маоистская лексика, лишь тот образ мышления, который угоден маоистам».

Автор статьи хорошо знает, как действует механизм «внедрения лексики», формирующей «удобное» властям сознание. Ему обидно лишь, что лексика маоистская.

А ведь могло быть иначе. В конце 20-х годов в Москве в Научно-исследовательском институте по Китаю Коммунистической академии разрабатывалась китайская азбука на основе латинского алфавита. Как известно, такие азбуки были разработаны для всех среднеазиатских советских народов. Когда они перешли с арабского алфавита на латинский, их немедленно перевели на русский алфавит. Видимо, такой же проект существовал и по отношению к китайскому языку.

Легко себе представить, какие возможности по формированию «удобного мышления» существовали бы, если бы 800 миллионов китайцев, просыпаясь утром, сразу бы хватались за «Правду» — русскими буквами на китайском языке...

Судя по статье в «Литературной газете», советские руководители еще надеются... А пока можно радоваться успеху кампании по борьбе с А. Сахаровым и приобретению новой богатой возможностями формуле: сионизм=расизм.

Декабрь 1975

Даже лучшие из мастеров детективного жанра — Агата Кристи и Альфред Хичкок могли бы пойти в ученики к советским руководителям, как никто на свете, умеющим создавать «сюспенс». 2 декабря, выступая на сессии Верховного Совета СССР, председатель Госплана Байбаков сначала нарисовал кошмарную картину кризиса, поразившего капиталистический мир. Когда дошла очередь до главной темы — положения в СССР, выяснилось, что в стране, достраивающей коммунизм, также не все в порядке. Ни в нынешнем году, ни в ближайшие годы. В числе «отстающих» участков экономики было названо и сельское хозяйство. Но мастер «сюспенса» Байбаков ограничился туманной фразой: «Нехватка фуража отразится на поголовье скота». Подробности, — пообещал он, — узнаете в феврале 1976 г. на 25-м съезде. На следующий день в выступлении председателя плановой комиссии Совета Союза были все же даны некоторые намеки на развязку. Дельфийская сивилла не выражалась более туманно: «средняя годовая урожай зерновых за текущее пятилетие превысит на 8% среднюю за минувшее пятилетие». Советские граждане приняли эту загадку равнодушно, достаточно заглянуть в магазины, чтобы знать разгадку. Но иностранные журналисты кинулись считать и легко вывели результат: урожай 1975 г. составит примерно 135 млн. тонн вместо 215 млн. тонн по плану, дефицит — 60 млн. тонн. Хуже урожай был только в 1965 г. — 121 млн. тонн. Дефицит внешней торговли СССР достигнет 5 млрд. долларов, а долги погибающему от кризиса капиталистическому миру составляют ныне от 10 до 15 млрд. долларов.

Плохи дела не только в сельском хозяйстве, но и в других областях экономики. Мы знаем, почему было плохо раньше: то был культ личности, потом был «волюнтаризм». А сегодня?

Посмотрим, какой ответ хотели бы дать нынешние руководители. А когда я говорю: посмотрим, я имею в виду прежде всего фильм «Премия», получивший на VIII всесоюзном фестивале Большой приз.

Фильм «Премия» по сценарию бывшего секретаря парткома А. Гельмана, поставленный режиссером Микаэляном, имел необычайный успех у критики, успех у зрителей, его обсуждали на закрытых партийных со-

браниях, отмечая правильность политической линии. Это фильм «о высших коммунистических нравственных принципах, о рабочей чести, о творческом отношении к труду... В конечном итоге — о научно-технической революции и человеке», — так говорит о «Премии» кинокритик газеты «Известия» (4.10.75). «Премия» может быть названа одним из этапных произведений советского кинематографа в раскрытии темы подлинного хозяина производства — рабочего человека...», — так пишет критик в журнале «Звезда» (№ 10, 1975). Так писали все критики, во всех журналах и газетах. Излагали сюжет фильма советские критики так: бригада строителей отказывается от премии, считая, что она незаслуженна. На заседании парткома выясняются причины отказа от премии, идет высокий разговор о подлинном коммунистическом отношении к труду, о том, кто хозяин на производстве в Советском Союзе.

Не поняв из рецензий, в чем привлекательность фильма для советских зрителей, я решил его посмотреть. И не жалею, ибо увидел один из хитрых пропагандистских советских фильмов последних десятилетий.

Фильм начинается действительно с неожиданной сцены: бригада бетонщиков отказывается получать премию. Бригадир Потапов готов дать объяснения, но только на заседании парткома. Его вызывают в партком. Весь фильм — это заседание, проходящее в небольшой комнате. Сценарист и режиссер сумели, однако, тщательно изучив американский фильм «12 гневных мужчин», создать напряжение с помощью неожиданных поворотов в сюжете.

Бригадир Потапов объясняет, почему бригада отказалась от премии. Оказывается, в результате плохой организации труда каждый член бригады потерял за год не менее 400 рублей, а премию ему дают 40 руб. Бригадир требует улучшения организации труда, ибо плохая ему, членам бригады невыгодна. В ходе заседания выясняются вечные советские неполадки: строительство начали без всякой подготовки, без дорог, без вспомогательных помещений, необходимый материал поставляется нерегулярно, планы меняются ежедневно и т.д. Хозяин строительства — начальник треста — объясняет все вечным советским объяснением: вся страна строится, нет времени, надо спешить, догонять и перегонять... Заместитель начальника треста дает другое стандартное обвинение: за спиной бригадира притаился враг... Это реалистические черточки фильма. Нет сомнения, что именно они привлекает зрителей. Но пафос его, конечно, не в этом. Главная мысль может быть сформулирована так: рабочий человек — Хозяин страны — недоволен неполадками, плохой организацией, из-за которой страдает материально, но страдают и производство, и страна. Он идет жаловаться в партком. Инженеры — члены парткома — встречают его в

штыки. Понимает рабочего, Рабочий класс только Партия в лице Секретаря парткома. И недаром секретарь напоминает начальнику треста — ты со мной не советовался! Именно потому, что начальник треста не советовался с секретарем парткома, возникли на стройке неполадки. Настоящее партийное руководство все бы наладило, как следует.

«Премия» — одно из многочисленных произведений, в которых вина за все недостатки сваливается на инженеров, на руководителей местных советов, на интеллигенцию, в которых спасителем всегда приходит, как кавалерия в «вестернах», — Партия.

О подлинном положении вещей в Советском Союзе советскому писателю рассказать невозможно. Но иногда намеки на подлинные причины кризиса, в котором находится Советский Союз, можно найти и у советских писателей. В № 10 за 1975 г. журнал «Звезда» опубликовал рассказ Георгия Гулиа «Все видели спящую реку».

Георгий Гулиа, абхазец по происхождению, пишущий по-русски, стал знаменитым в 1948 г., после того как его повесть «Весна в Сакене» получила Сталинскую премию. Это был слащаво-сентиментальный рассказ об экзотической Абхазии. Потом Г. Гулиа много писал, в последние годы перебрался на исторические романы из жизни древних египтян и не менее древних греков. Новый рассказ — возвращение в Абхазию через четверть века. Герой, абхазец, живший в Свердловске, навещает после долгого отсутствия родной город. Ему уже больше 50 лет, пора подводить итоги. Глядя на друзей детства, на себя, он оценивает прожитую жизнь: их, свою и родного города. Итоги катастрофические. Город — в руках воров и бандитов, в руках мафии. Некий Возба купил всю местную власть — совет, прокуратуру, следователей, милицию. У него «золото, серебро, хрусталь, новенькие гарнитуры самой дорогой мебели», четыре машины. «Он разговаривал со мной, — рассказывает приехавшему герою его школьный товарищ, — как главарь мафии». Но и этот самый Возба — главарь мафии — тоже их школьный товарищ. Ходит герой по родному городу и видит, что все продались, что коррупция, жажда наживы, пьянство, неверие ни во что внутренне растлили всех его друзей детства. За исключением одного, Рыжего, учителя, который не хочет учить, не хочет работать, ибо только не прикасаясь к обществу, можно остаться честным. «Не все так ужасно, как тебе кажется», — пробует утешить своего друга герой рассказа. Но Рыжий знает лучше. Рыжий бросается под поезд.

Герой рассказа вспоминает старое абхазское предание: кто увидит спящую реку, реку, на мгновение остановившую течение вод, — тот будет счастлив. Однажды школьниками герой рассказа и все его друзья, долго глядя на реку, заявили в один голос: мы видели спящую реку. Со-

бираясь на похороны Рыжего, герой рассказа знает, что спящая река была иллюзией, друзья его хотели верить, что они будут счастливы. В маленьком абхазском городке нет счастья.

Г. Гулиа сделал редакции одну уступку: секретарь райкома партии, появляющийся в коротенькой сцене, готов охотно помочь крестьянам — в отличие от всех других, бескорыстно. Но живет этот секретарь как бы в другом измерении. Мафии, правящей городом, он не видит. Или не хочет видеть.

Картину положения в Советском Союзе раскрывает социологическое исследование профессора Ильи Земцова. Исследование настолько страшное своей подлинностью, документами, что даже на Западе работу эту все еще не опубликовали. Профессор Земцов, молодой и способный социолог, уроженец Азербайджана, в течение некоторого времени занимал пост заведующего сектором информации ЦК КПСС Азербайджана, открывший ему доступ к фактам, сообщаемым в Советском Союзе только самым высоким руководителям, да и то под грифом «совершенно секретно». По причинам, о которых Земцов подробно не пишет, он решил из СССР выехать и сумел это сделать. Работая в Иерусалимском университете, он написал уже несколько работ, в том числе и книгу «Диалектика преступления».

Книга эта заслуживает подробного разбора, и к ней необходимо будет вернуться, когда она наконец — я в этом уверен — будет издана. Сегодня мне хотелось бы привести лишь некоторые факты и цифры из «Диалектики преступления», объясняющие, как мне кажется, многие причины сегодняшнего кризиса советской экономики.

Прежде всего материальное положение советских граждан. По очень осторожным подсчетам советских экономистов, — пишет И. Земцов, — минимальный прожиточный минимум составляет на человека 92 рубля 50 коп., а средний доход по Союзу — 53 рубля на человека. Автор берет эти цифры из отчета проф. Галкина на президиуме Советской социологической ассоциации 6 января 1971 г. Отчет был основан на материалах комплексного обследования Курганской, Ростовской и Новосибирской областей. Средний размер пособия по старости составляет 59–62% прожиточного минимума для городских жителей и 47% — для сельских жителей. Эти цифры получены в результате обследования Архангельской, Волгоградской, Саратовской и Чкаловской областей. По данным сектора, которым руководил И. Земцов, в 1971 г. в Азербайджане 3,5 млн. чел., т.е. 75% населения жило в бедности и лишениях, 300–310 тыс. человек — в достатке изобилии.

Предмет исследования проф. Земцова — Азербайджан, в котором пороки советской системы выражены с поражающей очевидностью, но ко-

торый в принципе ни в чем от других республик не отличается. Небольшие размеры Азербайджана позволяют, как на модели, проследить все тенденции, характерные для Советского Союза.

Самый простой образ: республика в лапах мафии. К сожалению, образ этот не передает положения в Азербайджане. Мафии такие возможности пока еще и не снились. Аристотель дал определения формам государственной власти, которыми пользуются и сегодня: олигархия, тирания, республика. Ни одно из этих определений не подходит к Азербайджану, в котором царят всеобщее воровство и взяточничество.

Воруют все, ибо не заработную плату нельзя прожить, а без взятки нельзя ничего получить. Проф. Земцов приводит пример: рядовое преступление. Время действия — 1970 г., место — г. Баку, цех, изготавливающий краски. Краски изготавливаются из белил и растительного масла. Вместо них берутся заменители, стоимость которых в 30 раз меньше. Годовой доход от замены — 600 тыс. рублей в год.

«Все, что я описал на модели одного цеха, переведите в масштаб страны — тысячи и тысячи цехов, фабрик, заводов — и вы получите близкую к действительности картину гигантского организованного подпольного бизнеса». И автор исследования приводит несколько примеров: в 1970 г. выявилось, что в транзисторах рижского завода ВЭФ не хватало по одному диоду: каждый стоит 32 коп., в год завод выпускает 132 тыс. радиоприемников. По одному камешку не добавляли в часы «Чайка» и «Полет» мастера Московского первого часового завода. Камешек стоит всего 42 коп., а часов выпускают в год 750 тыс. штук. И т.д., и т.д., и т.д.

Совершенно понятно, что организовать хищения в таких масштабах невозможно без соучастия огромного количества людей. Поэтому при разработке плана хищения прежде всего решаются вопросы как дать, кому дать, сколько дать.

Проф. Земцов свидетельствует, что разработана четкая тарифная сетка: кому и сколько (как дать — решить проще). В качестве основы взята заработная плата, исходя из нее применяется коэффициент 10. Скажем, начальник районной милиции получает зарплату 200–250 рублей. Ему полагается давать 2 тыс. в месяц. Районный прокурор зарабатывает 150–180. Ему — 1000–1500 руб. И так всем, кто может помешать или может помочь. С другой стороны, нельзя отрицать право всех участвовать в плодах воровства, ибо каждый начальник заплатил за свое место. Проф. Земцов дает настоящий преискурант: за место начальника милиции следует заплатить 50 тыс. рублей, за место секретаря райкома — 300 тыс., председатель колхоза стоит 50 тыс., столько же — академик, зато за место ректора вуза приходится выкладывать 200 тыс., больше, чем за пост

министра культуры — 180 тыс., но меньше, чем за должность министра торговли — 250 тыс. Место ректора вуза стоит так дорого, ибо оно приносит большой доход: чтобы поступить в Медицинский институт, нужно выложить 30 тыс., в университет — 20–25 тыс., в Институт народного хозяйства — 35 тыс. За каждый сданный экзамен студент должен платить 50–100 руб. Сравнивая цены, которые нужно платить за пост, мы можем легко определить, где больше всего можно заработать — секретарь райкома. (Правда, И. Земцов рассказывает, что член Верховного суда был обвинен в получении взяток на 987 тыс. рублей. Но это было уже слишком! Впрочем, ордера на арест не дали).

Все в продаже: сверху донизу, от ЦК до секретаря райкома, от Совета министров до районного совета, от прокурора республик до последнего прокурора республики. И может ли удивить после этого отказ врачей бакинской больницы им. Семашко сделать операцию ребенку — сыну генерала Рожкова, ибо отец был в отъезде и некому было дать полагающихся 200 руб. Ребенок умер от перитонита.

Совершенно очевидно, что если директор завода не может организовать кражу без тихого согласия секретаря райкома и начальника районной милиции, хищения и взяточничество в масштабах республики невозможны без согласия центральных властей. И. Земцов рисует схему круговой поруки в масштабе страны. Каждый местный лидер республиканского масштаба имеет в Москве своего — в соответствии со своим рангом — покровителя. И когда местный деятель приезжает в Москву он везет подарки. Когда, например, первый секретарь ЦК Азербайджана Ахундов решил, что ему пора искать другое место (говорят, в профессии вора главное — это вовремя скрыться. Ахундов сумел это сделать), он привез заместителю президента Академии наук СССР Миллионщикову декоративный поднос из полутора килограммов золота, инкрустированный драгоценными камнями. Стоимость подноса — 22 783 руб. И Ахундов добился своего — был назначен президентом Академии наук Азербайджана.

Всеобщее воровство и взяточничество. Быть может, это и есть человеческие черты коммунизма. Коммунизм с человеческим лицом это и есть, может быть, нищее общество, в котором единственными сохранившимися человеческими чертами являются стремление урвать что-нибудь для себя у государства и соседа.

Всеобщая нищета, не считая те 7%, которые дорвались до пирога, заставляет хитрить, комбинировать, воровать, обманывать. Всеобщая нищета и постоянный дефицит товаров позволяет выпускать часы с недостающим камушком, радиоприемники с украденным диодом, автомашины без запасных частей (да и вообще — мало ли что можно украсть в

автомобиле: столько разных частей и столько желающих купить все, что угодно, на четырех колесах)...

Советская экономика, живущая в мире черного рынка, не может выйти из кризиса, ибо кризис — ее естественное состояние. И, быть может, самым лучшим доказательством безнадежного положения советской экономики являются успехи советской промышленности вооружений. Ракеты, танки, самолеты, автоматы — единственные промышленные изделия, которое делаются в Советском Союзе хорошо. Потому что это единственные промышленные изделия, изготавливаемые в условиях здоровой капиталистической конкуренции. Можно было, наверное, сэкономить немало деталей в какой-нибудь ракете или танке, но ведь потом их не продашь требовательным заграничным покупателям. И приходится в этой области работать хорошо.

Но это и есть диалектика. Как замечательно сформулировал современную советскую философию М. Суслов, окончательно поставив Гегеля с головы на ноги: «Действительно только то, что партия считает разумным».

Накануне вручения Нобелевской премии мира супруге Андрея Сахарова, ибо лауреату, конечно, поехать в Осло не разрешили, в Москве в очень торжественной обстановке вручена медаль мира известному борцу Л. И. Брежневу. Медаль была золотая. Вряд ли она весила полтора килограмма, но все же золотая. Другого металла партийные руководители в СССР не признают.

Советский Союз: важнейшие события 1975 г.

Есть много способов представлять важнейшие события минувшего года: классифицировать их по важности, делить на внешние и внутренние и т.д. Я выбрал самый простой способ: хронологический.

30 апреля: советские танки Т-34 ломают ограду президентского дворца в Сайгоне. Сокрушительное поражение США, размеров которого не предвидели даже советские руководители. Немедленно начинают перестраивать свои планы, с учетом победы коммунистов во Вьетнаме.

Май: Александр Шелепин — руководитель профсоюзов, член Политбюро, «железный Шурик», лишается своих постов. Брежнев устраняет слишком честолюбивого претендента в ходе подготовки к съезду партии.

Июнь: встреча в космосе космических кораблей «Союз» и «Аполлон». Советский Союз добивается реванша за поражение в гонке на Луну.

Июль: в Хельсинки 35 государств подписывают документ, закрепляющий «статус-кво» в Европе и гегемонию в этом районе мира — СССР.

Август: советская печать торжествующе объявила о завершении строительства первого участка Байкало-Амурской магистрали (БАМ) длиной в 650 км от Тюмени до Сургута. По плану строительство предполагалось завершить в 1970 г. Строительство БАМа, имеющего важнейшее стратегическое значение дороги, общая длина которой составит 5 тыс. километров, проходящей по территории, граничащей с Китаем, ведется в тяжелейших условиях: нет жилищ, не хватает машин. Газеты призывают заменять все недостающее энтузиазмом.

Сентябрь: пересмотрен закон о «тунеядцах», давший властям широчайшие полномочия для борьбы с «элементами, ведущими паразитический образ жизни». Не исключено, что осужденные по этому закону будут посланы на строительство БАМа.

Октябрь: советская ракета сфотографировала Венеру и совершила на ней посадку. Были еще раз продемонстрированы мощь и точность советских ракет.

Октябрь: подписано долгосрочное соглашение с США о поставках в течение 5 лет американского зерна Советскому Союзу.

Ноябрь: ООН приняла резолюцию, называющую сионизм формой расизма. Советская печать назвала резолюцию победой советской политики «разрядки» и мира.

Ноябрь: Андрею Сахарову присуждена Нобелевская премия мира.

Ноябрь: Советский Союз организует воздушный мост для переброски в Анголу вооружения и советников. Куба начинает переброску солдат для обслуживания советского оружия.

Декабрь: Советский биолог Сергей Ковалев осужден на 7 лет заключения в лагере и 3 года ссылки за составление «самиздатовской» «Литовской хроники текущих событий».

Декабрь: заместитель министра юстиции СССР заявил, что в Советском Союзе нет политических заключенных, а только — уголовные. Число заключенных, — добавил он, — «уменьшилось с конца второй мировой войны». А. Амальрик ответил заместителю министра: «Статья Сухарева наполняет меня радостью и отвращением. Радостью потому, что показывает, насколько Советское правительство чувствительно к реакции мирового общественного мнения на нарушение прав человека в СССР. Отвращением потому, что Сухарев лжет, а всякая ложь отвратительна».

24 декабря: «Известия» в ответ на предупреждение американского государственного секретаря Киссинджера относительно вмешательства СССР в дела Анголы сформулировали основной принцип советской внешней политики: «Разрядка не означает и не может означать сохранения «статус-кво» в мире».

Декабрь: Л. Брежнев на пленуме ЦК подвел итоги IX пятилетки. Генеральный секретарь назвал ее «лучшей пятилеткой в истории нашей страны. Наша Родина стала еще богаче, еще сильнее. Советские люди стали жить лучше. А это высшая оценка деятельности партии».

11 января: газета «Сельская жизнь», признав, что в Рязанской, Белгородской, Ростовской, Ярославской, Псковской, Калининской, Челябинской, Липецкой, Горьковской, Омской, Днепропетровской областях имеются «трудности» в снабжении хлебом, объяснила их плохой работой торговой сети.

Февраль 1976

В середине февраля, когда я пишу этот «Обзор», советская печать торжествует победу — победу в Анголе. Прошло полгода после подписания в Хельсинки документа, гарантирующего советскую гегемонию в Европе, и политика «разрядки» дала свои первые плоды. Атака коммунистов

в Португалии не дала результатов, зато в бывшей португальской колонии результаты налицо. Советский Союз показал американцам, как надо вести войну вдали от своей территории: не прекращаясь ни на один день, шел в Анголу поток советского оружия, одновременно прибывали инструктора и кубинцы, ставшие на этот раз пушечным мясом Москвы. И в то же самое время Москва вела беззастенчивую дипломатическую акцию против «южноафриканских наемников» и их «китайских подручных». Советское вмешательство изображалось и изображается как гуманитарная акция, как выполнение Хартии ООН.

«Всему миру известно, — заявил комментатор «Правды» (1.2.76), — что Советский Союз не ищет в Анголе ни экономической, ни военной, ни иной выгоды. Ни один советский человек не сражается с оружием в руках на ангольской земле». Формула эта: ни один советский человек не сражается с оружием в руках на ангольской земле составлена по знаменитому рецепту Ленина: по форме правильно, а по существу издевательство.

Все, что нашел возможным ответить Киссинджер, говорилось много раз в 1939 г. английскими и французскими дипломатами, наблюдавшими, сложа руки, акции Гитлера. «Впервые, — заявил Киссинджер, — Советский Союз действует военным путем на далеком расстоянии, чтобы навязать режим, им выбранный. Впервые США не реагировали на военные действия Советского Союза вне его сферы». И единственное, что нашел сказать Киссинджер, это робкое: «Правительство США считает своей обязанностью ясно известить Советский Союз и Кубу, что Ангола не станет прецедентом и такого рода действия в будущем не будут допускаться».

«Правда» ответила на это твердо и решительно: «Обвиняя нашу страну и Кубу в «экспансии», г. Киссинджер заявляет, что она, дескать, происходит там, где ни СССР, ни Куба «не имеют никаких исторических интересов». Насчет экспансии — это неправда. Если же говорить об исторических интересах, то они заключаются не в том аспекте, который имеет в виду государственный секретарь США, а в полной и последовательной поддержке Советским Союзом борьбы народов за свободу и независимость».

Комментариев не нужно: где начнется борьба народов там Советский Союз уже заранее имеет «исторические интересы».

Победа Советского Союза в Анголе заставила задуматься даже самых ярых сторонников «детант». С любопытным признанием выступил влиятельный в американских правящих кругах журналист Виктор Зорза. «Вчера я думал, — пишет он, — что нужно помогать «голубям» в Кремле... Я из тех, кто долгие годы утверждал, что стратегические и военные силы Советского Союза не что иное, как законная реакция на американское превосходство... Я из тех, кто утверждал, что США должны идти на уступки

во время переговоров с СССР о вооружении». Виктор Зорза, поучая руководителей внешней политики западных стран, исходил из теории о борьбе в Кремле «голубей» и «коршунов», о борьбе, отражение которой он находил в советской печати. Легко себе представить гомерический смех, каким встречают в Москве истории о кремлевских «голубях» и «коршунах», появляющиеся регулярно в западной печати. «Специалистам», для которых Советский Союз точно такая же страна, как и, скажем, Франция либо США, в которой лишь чуть больше порядка, Москва охотно подбрасывает материал. На протяжении последних трех месяцев в «Известиях» писали, что СССР готов согласиться на коалиционное правительство в Анголе, в «Правде», что СССР не согласен на коалиционное правительство. Потом наоборот: в «Правде» — за, в «Известиях» — против. А западные комментаторы и руководители внешней политики судорожно хватались за надежду на победу «голубей». Впрочем, в своей покаянной статье В. Зорза вздыхает в заключении: «А может быть, Запад должен был пойти на большие уступки Брежневу после его первой встречи с Никсоном?..» Может быть... Тогда, конечно, все пошло бы гораздо скорее.

Трудно, конечно, угадать, как пойдут дела в Анголе после окончания войны. Но некоторое представление о будущем дает корреспонденция из НРК, опубликованная в советском молодежном двухнедельнике «Смена» (№ 10, 1975). НРК расшифровывается легко: Народная Республика Конго. Западная печать обычно добавляет: Конго-Браззавиль. Корреспонденция из НРК интересна тем, что если бы не фотографии, на которых у жителей Народной республики слишком темный цвет кожи, можно было бы решить, что рассказывается о Рязанской области или Польской народной республике. Корреспондента «Смены» встречает секретарь ЦК СКСМ, что значит ЦК Союза конголезской социалистической молодежи. Корреспонденту цитируют слова председателя ЦК КПТ, т.е. Конголезской партии труда, являющего одновременно президентом НРК, подчеркнувшего, что «нет социализма африканского или конголезского. Есть только один — научный марксистско-ленинский социализм». Первый секретарь обкома партии заявил, что Союз конголезской социалистической молодежи — это «резерв партии, кузница кадров». Его главная задача: «Воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма, патриотизма, пролетарского интернационализма». Начинается кооперация сельского хозяйства, и государство направляет сельскохозяйственную технику прежде всего в кооперативы. Армия, носящая советскую тропическую форму, «очищается от антипартийных элементов и оппозиционеров». Слова такие знакомые, действия такие привычные, что читатели «Смены» не сомневаются: НРК — «наша страна». Корреспондент, правда, очень откровенно объяснил, что кое-что в НРК «не

совсем, как у нас». Наблюдал он танцы конголезской молодежи: «Танец продолжается не три—четыре минуты, как мы привыкли, а минут пятнадцать, может, даже больше, и поэтому стоит взвесить свои возможности, точно оценить собственную спортивную форму, прежде чем рискнуть пригласить даму». Короче: представители советской молодежи убедились, что в Конго они не танцоры... Придется потренироваться в этой области. Учитывая успехи в других областях, можно надеяться...

Прочел я недавно в «Месенчнике литераткем» дискуссию о современной советской прозе, в которой участвовали Анджей Дравич и Рене Сливовский, а журнал представлял Эдвард Павляк. Дискуссия производит странное впечатление: два специалиста говорят о современной советской литературе, говорят, быть может, не всё и не всегда так, как бы им этого хотелось (такое у меня создалось впечатление), а Эдвард Павляк, представляющий, очевидно, не только журнал, но и еще кого-то, страшно боится, как бы Дравич и Сливовский не сказали ничего, что могло бы повредить журналу и ему, Павляку. Было бы, конечно, интересно поспорить с участниками дискуссии, однако им, наверное, трудно было бы мне ответить. А. Дравич совершенно правильно отметил, что центральная тема советской литературы — тема военная, добавив, что «30-летие Победы вызвало огромную волну баталистических произведений». Волна эта захлестнула советскую литературу задолго до юбилея. Советский критик Ю. Андреев пишет в книге «Наша жизнь, наша литература» (1974): «Сотни и сотни современных произведений о войне и смерти — это непрекращающаяся, разрастающаяся грозная манифестация в защиту мира». Я привожу эту цитату, чтобы показать, что польским литературоведам еще следует немало учиться, чтобы овладеть до конца советской диалектикой и писать: литература о войне — грозная манифестация в защиту мира.

Польский и советский литературоведы сошлись в одном: война — главная тема советской литературы. Возникает, однако, вопрос: какой военной литературы? Высоко ценя знания и профессиональную добросовестность А. Дравича, я позволил бы себе сказать, что он допускает при анализе советской литературы серьезную методологическую ошибку: он ищет в ней выдающиеся произведения. И поэтому он называет военные дневники К. Симонова, которые печатались в захудалом журнале «Дружба народов», поэтому он называет официально признанный лучшим романом года «Берег» Ю. Бондарева, честно оговариваясь: «Выдающийся не как целое, а фрагментами» и упоминает сцену артиллерийского боя, которую Бондарев в своих прежних произведениях описал, по крайней мере, десять раз. Методологическая ошибка А. Дравича заключается в

том, что он ищет выдающиеся произведения советской военной литературы, а следовало бы искать важные. Мне лично важной кажется та линия современной советской военной литературы, в которой главными героями являются разведчики — работники «Смерш». Важным мне представляется не только герой, но и место его деятельности, его враги. В самые последние годы место действия советских разведчиков переместилось в районы Западной Украины и Польши. А. Дравич называет роман Богомолова «В августе сорок четвертого...», о котором я в свое время писал, и который польский литературовед называет «смелым», не объясняя, что это значит. Но роман Богомолова лишь образец целого потока книг на тему о разведчиках, ведущих борьбу в 1941–45 гг., прежде всего с украинскими националистами. Достаточно назвать книги Льва Константинова «Удар мечом» и «Схватка с ненавистью», где «советская чекистка» Мария Шевчук «проникает в самое логово буржуазных наймитов, кровавых главарей украинского националистического движения. «В романе «Схватка с ненавистью» привлекает внимание сюжетная линия вербовки полковником МГБ «бывшего сотника бывшей УПА Буй-Тура», объясняемая автором, как линия «борьбы за человека». Превращение Буй-Тура в агента МГБ изображается как его превращение в «человека».

В № 1 за 1976 г. журнал «Молодая гвардия» опубликовал «Записки армейского чекиста» М. Белоусова. Журнал представляет автора: «За годы войны прошел путь от старшего оперуполномоченного до начальника отдела управления «Смерш». Читая это представление, нельзя отделаться от мысли, что трудно себе представить русский дореволюционный журнал, в котором об авторе говорилось бы: «прошел путь от старшего жандарма до начальника жандармского управления». Михаил Артемьевич Белоусов, ныне генерал-майор КГБ в отставке начинает свои записки просто: «Батальонный комиссар Сенько в который раз уже перечитывал докладную. Сомнений быть не могло и ксендз Фыд, и учитель Буцько активно занимаются шпионажем». Дело происходит, как подчеркивает автор, «в одной из новых областей советской Украины». И далее в своих записках, бывший оперуполномоченный рассказывает, как боролись чекисты с украинскими националистами, а заодно с неким советским офицером Гольдиным, который продался германской разведке, ибо был евреем.

15 недель публиковал в 1975 г. журнал «Огонек» (№№ 37–52, тираж 2 млн. 30 тыс.) роман Юлиана Семенова «Третья карта». Вряд ли есть в советской литературе герой, известность которого даже приблизительно могла бы сравниться со славой Штирлица—Максима Исаева, неувлимого разведчика, героя полдюжины романов, изданных миллионами тиражей, показанных на экранах кино и телевидения. В новом романе —

«Третья карта» Штирлиц, видный сотрудник Гестапо, помощник Шелленберга, отправляется в Польшу, во Львов, для наблюдения за украинскими националистами. В романе действуют Бандера, Мельник, Шухневич, Оберлендер. Задача автора показать, что украинского национализма не было и не могло быть, что были только агенты немцев. К ним относит Ю. Семенов и главу униатской церкви Шептицкого.

Важность этой литературы, как мне кажется, состоит в том, что она точно отражает актуальные заботы партии и правительства. И если сегодня десятки, сотни книг разоблачают украинский национализм, происходит это не случайно. Важность этой литературы состоит и в том, что она представляет советской молодежи в качестве положительного героя человека лгущего, обманывающего, убивающего во имя высшей цели.

Начальник Академии МВД СССР генерал-лейтенант Сергей Крылов обвинял советскую массовую информацию в развращении советской молодежи, объяснял преступность среди молодежи тем, что «сплошь и рядом при помощи средств массовой информации мы показываем нашей молодежи экзотические картины быта богачей, «красивую» жизнь великосветских бездельников за рубежом, где наряды, роскошные машины, особняки, великолепные сцены охоты, яхты и прочие атрибуты праздной и пустой жизни настолько ослепляют незрелое сознание подростка, что он порой принимает все это за настоящую жизнь» («Смена», № 15, 1975). Виноваты, следовательно, западное кино, литература и «советская массовая информация их распространяющая». Объяснение это как нельзя более соответствует умственному уровню и положению начальника Академии МВД. А. Сахаров приводит более убедительное объяснение причин разложения советской молодежи, советского общества. «Недавно, — пишет А. Сахаров, — большую группу хороших студентов-выпускников различных вузов страны собрали на месяц в Ленинграде (комсомольцев, конечно)... Их сытно кормили и много поили в лучших ресторанах, всячески развлекали — все бесплатно. В общем, дали «покататься, как сыр в масле». А потом спросили: хотите всегда так жить? Поступайте в ВПШ! (Высшая партийная школа, самый бездарный станет там минимум вторым секретарем райкома).

В конце прошлого года «Литературная газета» опубликовала в двух номерах (№№ 47, 48) судебный очерк «Уроку». Рассказывается в нем о том, как группа 15-летних девочек, примерных учениц «в черных фартуках, в белых воротничках», как и полагается советским школьницам-комсомолкам, зверски избили свою подругу так, что пришлось ее положить в больницу. Случай этот, конечно, не стал бы темой огромного очерка, если бы не произошел в одном из появившихся в последние годы «заумных городков»,

где обитают ученые, творцы научно-технической революции, если бы ученицы и ученики, наблюдавшие избивание подружки с интересом и безучастием, не были учащимися элитарной математической школы, где в 7 лет начинают изучать алгебру и иностранные языки, а в 14 лет — высшую математику. Если бы, наконец, не были эти ученицы детьми людей, живущих по советским масштабам не просто в довольстве, а в богатстве.

Возможно, конечно, что учащиеся элитарной школы избивали свою подружку под влиянием западных фильмов. Нет сомнения, что они гораздо лучше знакомы с героями советской военно-детективной литературы. И, безусловно, поэтому им не хватает, как выражается автор очерка, «усиленных доз витамина «Н» (нравственности).

А где взять этот витамин, если воспитатели: руководители страны, руководители идеологического фронта сами мечтают только об одном: о деньгах, о вещах, о материальных благах. В трех номерах «Правды» (30.I, 1.II и 4.III.) со смаком повествуется очередная детективная история: рассказ о чешском капитане Чеховиче, который на этот раз называется Павлом Минаржиком. Был уже и советский капитан Чехович. Любопытно, что все они похожи друг на друга, как близнецы: все работают в Мюнхене 7 лет, все капитаны, все всё знают и ничего толком рассказать не могут. На этот раз капитан Чехович, он же капитан Минаржик, появился для того, чтобы «разоблачить» письмо Александра Дубчека Федеральному собранию Чехословакии. Все эти «разоблачения» настолько шиты белыми нитками, что не заслуживают даже упоминания. Зато обращает на себя внимание безудержная тоска автора статей по западной валюте, по деньгам, по машинам. Есть такая русская поговорка: «свекровь-курва снохе не верит». Чувствуется в статьях журналиста «Правды» готовность сделать все, что угодно, если ему заплатят.

Состоявшийся в Москве в январе процесс — еще одно свидетельство продажности и цинизма, ставших чертами коммунистической элиты, ставших «человеческим» лицом коммунизма. Судили Андрея Соколова, 48 лет, заместителя начальника 2-го отдела «Главлита», т.е. советской цензуры, ведавшего цензурой иностранной литературы, поступавшей в Москву из-за границы. Случайно, ибо в других отделах Главлита, куда попадали патефонные пластинки, зонтики, шарфы, стали воровать так, что это обратило внимание высших властей, выяснилось, что Андрей Соколов в течение 15 лет конфисковал приходившую с Запада литературу и продавал ее на черном рынке.

По приказу Косыгина сняли шефа Главлита товарища Соконтикова. Сняли за халатность: проглядел воров. Возможно, впрочем, что одним глазом он их видел, а второй прикрывал, получая долю.

Март 1976

В предыдущем «Обзоре печати», рассказывая о чешском «капитане Чеховиче», подвигам которого «Правда» посвятила три своих номера, я несколько пренебрежительно, каюсь, добавил: «был и советский капитан Чехович». Видимо, обиженный таким невниманием, советский капитан Чехович — он подписывается сегодня Юрий Марин — развил необычайно живую деятельность: огромная статья в «Литературной газете» (№ 4) под игривым заголовком «Радио «Свобода»: кто есть кто и что есть что», еще длиннее интервью в приложении к правительственной газете «Известия» — «Неделя» (№ 7).

Биография Юрия Марина — стандартная для всех «Чеховичей»: окончил среднюю школу, затем педагогический институт иностранных языков, был журналистом, имел звание капитана... (Я думаю, что сегодня можно уже просто говорить — «капитан», и для всех будет ясно: тайный агент КГБ). Биография капитана Марина стандартная, как у всех «капитанов». И сведения, которые он сообщает, делая вид, что раскрывает секреты невероятной государственной важности, тоже стандартные — имена работников радиостанции «Свобода». Когда герою романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» великому комбинатору Остапу Бендеру расхваливают краску для волос, говоря: она контрабандная, Остап компетентно заявляет: вся контрабанда изготавливается в Одессе, на Малой Арнаутской улице. Вся информация «капитанов» изготавливается в Москве на площади Дзержинского. Поэтому каждое новое «капитанское» откровение представляет интерес, ибо раскрывает очередное главное направление удара КГБ.

Судя по информации капитана Марина сегодня, я думаю, можно это сказать, не опасаясь быть обвиненным в отсутствии скромности, в числе главных врагов Советского Союза и его политики беспощадной борьбы за мир числится парижская «Культура», «журнал реакционной польской эмиграции», как со свойственной ему военной четкостью выражается капитан Марин. «Культура» удостоилась чести быть введенной в состав страшного антисоветского трио: сионизм, американская разведка Си-ай-эй и маоизм. Так что сегодня вместе с «Культурой» это уже квартет. Интервью с Мариным опубликовано в «Неделе» (тираж — 8 млн.) № 7, но уже в предыдущем номере, посвященном сионизму и его коварным планам захвата мирового господства, «Культура» упоминается как важное звено в кольце врагов, окруживших миролюбивую советскую державу. Читатель (все 8 млн. читателей) был, таким образом, подготовлен к шпионскому роману, опубликованному в «Неделе» № 7.

Было время, когда советским шпионам приходилось трудно: могли повесить, как это сделали японцы с Рихардом Зорге, могли арестовать, как сделали англичане с Лоновым, и тогда надо было ждать, пока обменяют. Сегодня капитану Марину достаточно было сесть в самолет Мюнхен—Москва, и он возле родного памятника Феликсу Дзержинскому. И вот этот шпион со всеми удобствами добывает важные сведения. Происходит это так: «Однажды в задушевном разговоре за чашкой кофе с одним из руководящих сотрудников «Свободы»... Вот так, за чашкой кофе (платил, конечно, собеседник) узнает капитан Марин о существовании в Париже секретного бюро Си-ай-эй, руководимого мистером Ралисом. В скобках капитан Марин добавляет: настоящая его фамилия Марк Израэл — намек ясен для каждого из 8 млн. читателей «Недели».

И это бюро, как узнал из «задушевного разговора» советский агент, собирает «шпионскую информацию об СССР», используя, прежде всего, конечно, «сионистские организации во Франции», потом белоэмигрантов, «некоторых отщепенцев», выехавших из СССР, а «также отдельных французских граждан». В списке «шпионов» — профессор Сорбонны, корреспондент французской газеты «Монд» Мишель Татю (кстати, он давно уже не корреспондент газеты, а заведующий ее иностранным отделом), а также «переметнувшийся на Запад бывший советский гражданин Михаил Геллер, который активно выступает на страницах журнала реакционной польской эмиграции «Культура» с грязными антисоветскими пасквилями».

Странно, конечно, слышать слово: «грязный» от платного агента КГБ, продающего сведения, полученные в «задушевной беседе», но во всяком случае несколько статей Михаила Геллера были действительно опубликованы в «Культуре», и читатели журнала могут сами составить о них представление. Но вот, например, о французском профессоре Сорбонны, президенте Славянского института Бонамуре капитан Марин нагло говорит: «Ралис неоднократно направлял с «особыми заданиями» в Советский Союз». В «Одном дне Ивана Денисовича» А. Солженицын рассказывает, что герой повести Иван Шухов бежал из плена, был арестован чекистами, и следователь заставил его дать показания: «сдался в плен, желая изменить Родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое же задание — ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто — задание». И капитан Марин через 33 года поступает так же, пишет просто: «особое задание», зная, что на страницах «Недели» он может лгать совершенно безнаказанно.

Говорят, что убийца непреодолимо влечет к месту преступления, а лжецов — хоть раз в жизни сказать правду. В статье, опубликованной в «Литературной газете», капитан Марин проговаривается: «Нельзя верить ни одно-

му человеку, выступающему на волне «Свободы», даже его имени, ибо имя это фальшивое». И добавляет: «Я с полной убежденностью заявляю это на основании собственного опыта». Он имеет право это сказать — 7 лет работал на «Свободе». На этот раз — и только на этот! — мы ему поверим.

Февраль 1976 г. был месяцем, богатым событиями. И я имею в виду не только явление капитана Марина советскому народу. Два съезда занимали внимание советской печати. Первый происходил в Брюсселе и назывался «2-я международная конференция еврейских общин». Советская печать говорила об этом съезде не иначе, как «сионистский шабаш». В дни конференции советские газеты, радио, телевидение буквально обезумели: статьи, письма, литературные и публицистические передачи, в том числе с участием «полезных евреев», разоблачающих сионизм. Если бы гость из космоса мог ознакомиться с продукцией советских «масс медиа», он пришел бы к выводу, что СССР находится накануне нападения сионистских сил на страну. Два художественных, если так можно выразиться, образа иллюстрируют мировоззрение советских пропагандистов в середине февраля. Журнал «Неделя» (№ 6) в том самом номере, в котором «Культура» стала членом «квартета» главных врагов СССР, поместил рисунок, заимствованный без всяких изменений (только подпись отсутствует) из «Штюрмера»: страшная морда с вытянутыми когтистыми пальцами пытается ухватить земной шар; на ладонях когтистых рук, чтобы не было экивоков, — шестиконечная звезда. В эти же дни в Москве вышел новый советский фильм о создателях миролюбивой советской атомной бомбы «Выбор цели». Фильм открывается символической сценой: конец войны, советский сержант вылавливает из вод Эльбы большой глобус и взваливает себе на плечи. Советский Атлас, спасающий Земной шар. И вот сегодня на этот самый Глобус посягают грязные сионистские лапы. Есть от чего возмутиться.

Но сионистская опасность временно миновала. Глобус находится в надежных руках советского сержанта (сегодня, он, видимо, уже получил звание капитана). И можно было открывать XXV съезд КПСС.

Начиная с 25 февраля, когда был опубликован доклад Леонида Брежнева, занимающий 6 газетных страниц, вся советская печать в течение 10 дней была заполнена съездовскими материалами.

Л. Брежнев начал свой доклад с проблем международных и говорил о них два часа. Начало естественное — в этой области Генеральный секретарь ЦК КПСС мог говорить об успехах: победа во Вьетнаме, потом Лаос и Камбоджа, потом Африка. «Возьмите, — предложил докладчик, — Народную Республику Анголу... Борьба Анголы в защиту своей независи-

мости встретила поддержку прогрессивных сил во всем мире...» А потому победила. Л. Брежнев не пропустил ни одного уголка земного шара: от Кипра до Гвинеи, от Ближнего Востока до Пакистана — всюду имеются советские интересы, всюду СССР ведет борьбу «за мир», за разрядку. А на будущее, на следующее 5-летие Л. Брежнев призвал вести «политику мира с удвоенной энергией». И тут же объяснил, что это значит: «Наша партия оказывает и будет оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу», «разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы». Л. Брежнев признается совершенно откровенно: «Мы не скрываем, что видим в разрядке путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства», т.е. мирного установления в других странах социализма и коммунизма.

Откровенность Л. Брежнева может показаться чрезмерной, но, оказывается, Запад не верит Генеральному секретарю. Лондонский еженедельник «Обсервер» озаглавил передовую, посвященную докладу: «Брежнев прав». По мнению английского либерального еженедельника: Брежнев прав, надо с удвоенной энергией бороться за разрядку, помогая, чем можно, Брежневу для общего блага.

Может показаться странным, но по отношению к капиталистическому миру у Брежнева слова самые благожелательные: отношения со всеми складываются отлично, хорошо или — на худой конец — благополучно. Хуже обстоят дела со «своими». И прежде всего с Китаем. Брежнев начал тему словами: «Особо и отдельно стоит, конечно, вопрос об отношениях с Китаем». Закончил словами: «Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему». После этих слов единственный раз в тексте дано примечание в скобках: «Возгласы из зала: «Правильно». В форме более завуалированной, но совершенно недвусмысленной, Брежнев выразил недовольство тактическими маневрами западноевропейских компартий: итальянской, французской, испанской. «Можно с уверенностью сказать, — учит Л. Брежнев, — если уступка оппортунизму и даст какое-то временное преимущество, в конечном счете это обернется ущербом для партии». Особенно Генеральной секретарь подчеркивает «важность в наше время пролетарского интернационализма», т.е. преданности Советскому Союзу. «С нашей точки зрения, — предупреждает Брежнев, — отказаться от пролетарского интернационализма означало бы лишиться компартии и вообще рабочее движение мощного и испытанного оружия».

Подчеркивая, что КПСС помнит о преданных ей борцах, Брежнев предложил соорудить в Москве «монумент в память героев международ-

ного коммунистического и рабочего движения... павших от рук классового врага». Можно думать, что монумент этот станет на то место, на котором должен был стоять предложенный 15 лет назад другим докладчиком, другим секретарем ЦК — Никитой Хрущевым, памятник коммунистам, павшим от рук Сталина.

После внешней политики, в которой так много достижений, нужно было возвращаться к политике внутренней, в которой достижений было уже меньше. Вступление в эту часть доклада тоже, конечно, бравурное: «девятая пятилетка не имеет себе равных», но добавлено в отношении «абсолютных приростов», т.е. если считать в абсолютных цифрах. Когда Брежнев перешел к цифрам относительным — основания для восторга исчезли. Катастрофа в сельском хозяйстве, отвратительное качество выпускаемой продукции, невыполнение плана многими министерствами. И даже там, где, казалось бы, успех: первое место в мире по выплавке стали, по добыче нефти, по минеральным удобрениям, при ближайшем рассмотрении успех оказывается пустой цифрой. «Из года в год увеличивается выплавка стали, — говорит Л. Брежнев. — Но потребителю в конечном счете нужна не сталь, а конкретные изделия из нее... Точно так же увеличение производства сырой нефти мало что дает, если значительная ее часть будет сжигаться в виде мазута». Низкое качество выпускаемых товаров сводит на нет все достижения в абсолютных цифрах. Секретарь ЦК Грузии Шеварднадзе, выступая на съезде компартии Грузии, дал — до доклада Брежнева — отличный к нему комментарий. Шеварднадзе говорил то, что Брежнев с кремлевской трибуны сказать не решался. Доклад грузинского секретаря был опубликован в тбилисской «Заре Востока» (23 января) и рассчитан лишь на местное употребление.

Вот, что говорил Шеварднадзе о качестве: «Каждое четвертое изделие массового потребления неудовлетворительного качества». Секретарь риторически спрашивал: «Для кого мы производим такую низкопробную продукцию? Если для наших людей, для нашего трудового народа, то это не делает нам чести. Если для капиталистических стран, то... капиталисты не так уж глупы, чтобы покупать у нас низкопробную, не находящую у них сбыта и не дающую им выгоды продукцию». (Можно думать, что низкопробная продукция идет в страны социалистического лагеря, где ее берут из чувства пролетарского интернационализма).

Брежнев говорил об успехах жилищного строительства. Шеварднадзе дал цифры: «На каждые 10 000 жителей за 4 года девятой пятилетки в Грузии ежегодно строилось в среднем 50 квартир, на Союз — 91 квартира». В Грузии дела с жилищным строительством плохи, но можно ли говорить об успехах по всему Союзу, если на 10 тыс. человек приходится

91 квартира (об их качестве и говорить не приходится). Брежнев говорит, что в новой пятилетке на сельское хозяйство ассигновано 172 млрд. рублей, а Шеварднадзе признает: «На каждый рубль, вложенный в наше сельское хозяйство, мы получаем 39 копеек в виде отдачи».

Впервые говорится, что в новой пятилетие «темпы роста продукции предусмотрены несколько ниже, чем были в девятой пятилетке». Как всегда, объявляется, что «темпы роста развития тяжелой промышленности будут значительно опережать темпы роста развития группы «Б», то есть товаров широкого потребления.

Академик А. Сахаров, отвечая на следующий день после доклада Брежнева на вопросы корреспондента итальянской газеты, отметил что «девятая пятилетка закончилась серьезным провалом», при этом причины трудностей академик видит не в метеорологии, а в «глубоких и постоянных факторах статического характера». Реформы нужны больше, чем когда-либо, но, по словам А. Сахарова, руководство страны «боится их, как черт святой воды». В докладе Брежнева царят, как выразился академик, «старый догматизм, нетерпимость, двуличие партийного аппарата».

Съезд закончился подтверждением прочности положения Брежнева. Все западные политические деятели, все советологи, на протяжении последних лет требовавшие уступок Генеральному секретарю, ибо «иначе на его место придут «ястребы», могут быть довольны. Брежневу никто не угрожает. Правда, о любимом детище — Конституции, над которой Генеральный секретарь трудится уже более десяти лет и, как он выразился, «без спешки» (очень уж хочется войти в историю как автор «брежневской Конституции», заменившей действующую «сталинскую») никто в прениях не вспоминал. Но зато в руководящие органы партии прошли только верные Брежневу люди, а выброшен из Политбюро Дмитрий Полянский, ответственный за сельскохозяйственную катастрофу. Не выбран в Центральный комитет «железный Шурик», Шелепин, закончивший таким образом свою карьеру.

Вошли в Политбюро секретарь ленинградского комитета партии Григорий Романов и специалист по вопросам вооружения и космонавтики Дмитрий Устинов, бывший при Сталине министром вооружения. Кандидатом в члены Политбюро избран первый секретарь ЦК Азербайджана Алиев, всего за несколько лет сделавший блестящую карьеру от министра КГБ Азербайджана до члена Политбюро ЦК КПСС. Избрание Алиева отражает общую тенденцию, проявившуюся в последнее время: на съездах республиканских компартий, прошедших накануне XXV съезда во многие Политбюро вошли министры КГБ республик. Они представлены теперь в Политбюро Молдавии, Украины, Азербайджана, Белоруссии,

Таджикистана. В Казахстане, Литве и Узбекистане министры КГБ введены как кандидаты в члены Политбюро. Можно сказать, что происходит слияние аппарата партии и КГБ. Л. Брежнев специально отметил деятельность «органов», подчеркнув: «Наши чекисты берегут и развивают традиции, заложенные рыцарем революции Феликсом Дзержинским».

Похвала чекистам и призывы к бдительности, занимающие важное место в докладе Брежнева, нашли живой отклик у всех, выступавших в прениях. Особенно хорошо понял призывы Генерального секретаря ЦК председатель Союза композиторов СССР Тихон Хренников, предупредивший всех присутствующих в зале (5 тыс. человек) и всех граждан СССР (250 млн.) об опасности, угрожающей миру со стороны «сионизма, оппортунизма, маоизма и модернистской музыки».

Апрель 1976

24 февраля, выступая со своим марафонским докладом на съезде партии, Л. Брежнев, перечисляя внешнеполитические успехи СССР, породовал слушателей упоминанием о «договоре о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом, который мы рассматриваем как долговременную основу отношений, отвечающую интересам не только наших стран, но и всего арабского мира». «Долговременность» этой «основы» длилась три недели: 15 марта египетский парламент денонсировал советско-египетский договор. «Правда» ответила обвинением Садата в том, что он толкает Египет на «неверный путь», нанося вред «борьбе с сионизмом и империализмом». Советская печать старается уменьшить значение факта денонсации договора утверждениями о том, что фактически он уже давно не имел силы. Нетрудно, однако, обнаружить в статьях и комментариях советской печати глухой гнев.

Гнев этот понятен. Впервые после второй мировой войны союзник, привязанный договором к СССР, посмел сам цепь разорвать. Но есть и другая, не менее, а, быть может, и более важная причина гнева. Принято считать, что в Советском Союзе нет общественного мнения. И это, конечно, верно. Но только до определенного предела. Есть несколько тем, по которым общественность свое мнение выражает. Прежде всего это тема помощи другим государствам, т.н. братской помощи, которую советские граждане считают основной причиной их нищеты и полуголодного состояния. Власти поддерживают это убеждение. Ненависть к Китаю разжигается постоянными упоминаниями: мы им помогали, а они нам отплатили черной неблагодарностью. Оккупация Чехословакии была при-

нята большинством советских граждан, ибо снова: мы кормили чехов, а они нам свинью хотели подложить. И сейчас в советской печати прежде всего говорится о неблагодарности египтян, которых «мы трижды спасали от поражения». Власти пользуются этими настроениями, но знают, что если «братская помощь» не дает дивидендов, придется как-то отвечать за напрасно раздаренные миллиарды.

Советские газеты упрекают Садата в том, что он мешает борьбе с «сионизмом и империализмом», но немедленно после денонсации договора Виктор Луи, журналист в штатском, выполняющий задания КГБ, отправил телеграмму в израильскую газету «Едиот ахронот», в которой сообщал, что «разрыв Садатом договора о дружбе вызвал такое возмущение в среде широкой общественности в СССР, какого мы еще не знали». Есть и другие признаки, свидетельствующие о том, что советская политика по отношению к Израилю может измениться. Но главным, конечно, союзником Советского Союза, приходящим ему на помощь всякий раз, когда он испытывает трудности, являются США.

Американские журналисты Боб Вудвард и Карл Бернштейн, способствовавшие раскрытию Уотергейтского дела, рассказывают в своей новой книге «Последние дни», как Никсон накануне ухода с поста президента, отчаявшийся во всех, с тоской вспоминал о своей поездке в СССР, о своих встречах с Брежневым. «С особым энтузиазмом говорил он о своих личных отношениях с Брежневым... Он рисовал картину двух мировых лидеров, разделяющих схожие консервативные взгляды на общество, на сущность политического руководства. Он и Брежнев были двумя членами самого избранного клуба в мире. Только они могли понять друг друга. Только они могли понять бремя и тяжесть руководства супердержавой».

Никсон давно ушел. Но, как любят выражаться в Москве, дело его живет. В апреле в печать проникла информация о совещании американских послов в европейских странах, на котором ближайший советник Киссинджера, «Киссинджер Киссинджера», как любит выражаться государственный секретарь США, Хельмут Зонненфельд наметил главные линии политики США. Западная печать начала говорить о «доктрине Зонненфельда». Посыпались многочисленные разъяснения, объяснения, поправки. Смысл выступления Зонненфельда, т.е. внешней политики США, остается, однако, очевидным: страны Восточной Европы должны спокойно ждать, рассчитывая на либерализацию советского режима. Выступление против Советского Союза (можно думать, что помощник Киссинджера имеет в виду выступления, вроде венгерских в 1956 г., чехословацких в 1968 г.) могут привести в мировой войне.

По существу, Зонненфельд упрекает Советский Союз только в одном: он не сумел привить любовь к себе у народов, включенных им в свою им-

перью, поэтому руководители американской внешней политики ждут теперь, что сами народы будут сознательными и научатся любить СССР. В качестве примера Зонненфельд приводит «успехи польской политики». Он пишет: «Поляки сумели обуздать свои романтические порывы, которые в прошлом приводили к несчастьям, и умело создали политику, соответствующую нуждам их национального сознания и не вызывающую возражений с советской стороны». Так, поучает советник Киссинджера, должны поступать все народы советской империи.

Среди множества версий выступления Зонненфельда трудно выловить подлинные его слова, нужно, однако, помнить, что в историю мировой дипломатии он войдет как первый в истории иностранец, у которого русские отобрали часы в московском Кремле. Во время последнего посещения Киссинджером Москвы Брежнев заметил у Зонненфельда отличные золотые часы и отобрал их, дав гостю советские, железные. В лагере, когда блатные грабили заключенных, они им всегда давали «сменку»: например, отбирали сапоги, а как «сменку» давали рваные галоши. Мысль о том, что психология заключенных, готовых отдать блатным все, что они потребуют, проникла в ряды работников госдепартамента США, не принадлежит к числу радостных...

В своем докладе на съезде Л. Брежнев вопросам литературы, искусства посвятил немного места, но сказал главное: «Главным критерием оценки общественной значимости любого произведения, разумеется, была и остается его идейная направленность».

Разумеется. И сразу же после съезда «Правда» (10 марта) напечатала юбилейную статью, посвященную 80-летию со дня рождения А. А. Жданова — Вышинского советской литературы, музыки, искусства. «Особое внимание, — пишет «Правда», — Жданов уделял вопросам идеологии и теории марксизма-ленинизма. Его выступления по вопросам науки, литературы и искусства, о которых он судил с полным знанием дела, были важным вкладом в идеологическое воспитание советского народа и развитие его духовной культуры». Это Жданов потребовал выбросить из литературы М. Зощенко и Анну Ахматову, это он, разоблачив антинародную сущность музыки С. Прокофьева, Д. Шостаковича и других крупнейших композиторов, сел за пианино и, наигрывая одним пальцем, учил, как нужно писать музыку для народа.

«Правда» подтвердила место А. Жданова, как святого патрона советской культуры. И сразу же «Литературная газета» практически осуществила указания Учителя. В № 11 опубликован фельетон некоего Бориса Данилова «Без царя в голове». Мишень — Александр Солженицын. Ред-

ко упоминают советские газеты имя автора «Архипелага ГУЛАГ», полагая, видимо, что само это имя опасно. Последние выступления Солженицына в Англии, Франции, Испании вынудили советских пропагандистов ответить. Ответом и стал фельетон в «Литературной газете». Прежде всего обращает внимание, что газета не называет ни одного произведения писателя. Она негодует, возмущается тем, что А. Солженицын осмелился заявить: большой писатель в стране — это то же самое, что правительство. В советской стране писатель может быть только слугой. Два тяжелейших обвинения, не считая претензий быть правительством, выдвигает Данилов против Солженицына. Во-первых, А. Солженицын говорит, что для России преждевременен иной путь, кроме авторитарного. Автора фельетона, пишущего в либеральнейшей газете, это возмущает и он делает логический вывод: раз Солженицын за авторитарный строй, то, следовательно, он монархист. А если он монархист — это следующее обвинение, он не может не мечтать о возвращении ему земель, которыми якобы обладали его предки.

Жданов обвинял Анну Ахматову в распутстве, ибо обнаружил у нее эротическую лирику. Зощенко он обвинял в антисоветской деятельности, ибо в молодости писатель говорил, что у него нет политических взглядов. Данилов обвиняет А. Солженицына, ибо нашел у него дедушек и бабушек помещиков. И тут, надо признаться, фельетонист «Литературной газеты» переборщил. Если бы он ограничился неизвестно как добытой информацией о двух дедушках и двух тетушках-землевладельцах, то, возможно, советский читатель не взял бы в руки ни «Архипелага», ни «Ленина в Цюрихе», вообще ни одной книги автора «В круге первом». Но Данилов обнаружил еще одного дядю, который был, как выясняется, разбойником. И эта биографическая деталь губит все дело: ведь если был дядя разбойником, то ведь был до революции. Значит, он грабил богатых (может, своих родственников-помещиков) и раздавал бедным. Значит, был революционером. Как известно, и Владимир Ильич не брезговал деньгами, которые добывали разбойники. Да и Иосиф Виссарионович лично выходил на большую дорогу. Желая окончательно разоблачить писателя, фельетонист возвеличил его в глазах читателей. А. Солженицын — потомок разбойников! Защитник униженных и угнетенных! Не этого, наверное, хотел фельетонист. И конец фельетона легковесен: в заключение Данилов утверждает: Солженицын дурак. Даже фельетонист «Литературной газеты» понимает, что должен привести доказательства. Даже он понимает, что советским доказательствам не поверят. Он обращается за помощью — это уже стало привычкой! — к американцам: «как пишет один американский еженедельник, «Запад смущен и разочарован тем, что один из его ведущих

идеологических героев на деле оказался дураком-святошей». Мало одного еженедельника, Данилов берет второй: «Другое американское издание высказалось лаконичнее: «Умственно нестабилен». Видимо случайно фельетонист не называет имени ни одного, ни другого издания.

Мне приходилось вспоминать о вкладе в советскую пропаганду и литературу «капитанов Чеховичей». Можно было думать, что «капитаны» — это дно. Борис Данилов преодолел барьер, спустился еще ниже. Возможно потому, что он уже майор.

Евгений Евтушенко не знал, конечно, что его поэма пойдет в одном номере с фельетоном Данилова на соседних страницах. Редакция, однако, сочла материалы совместимыми, дополняющими. С одной стороны, идиотский пасквиль на величайшего русского писателя современности, а с другой, горькие сетования по поводу событий в Ольстере, где «все взорвано», где разоблачена «ложь позорная, что существуют, мол, свобода и прогресс». В Ольстере, на Западе вообще нет ни свободы, ни прогресса. Они, видимо, только там, где трудятся Даниловы. Недавно вышел из печати роман плодovitого, но мало пока известного писателя Александра Кулешова «Заколдованный круг». А. Кулешов — специалист популярного в сегодняшней советской литературе жанра: он развенчивает Запад. О его последнем романе критик пишет: «В своих романах Александр Кулешов не дает точных адресов. Да они и не нужны — разве важно, происходит ли действие в США, Японии, Канаде или Франции? Оно происходит в капиталистическом мире, и этим все сказано! Своей гневной целью автор поставил разоблачение и, несомненно, достиг ее» («Смена», № 2, 1976). Это замечательное определение боевой поэзии Евтушенко: разве важно, где происходит действие, куда приехал на гастроли поэт? В США, Японию, Ольстер? Главная цель: разоблачение — достигнута.

И все же было бы несправедливо ставить Данилова и Евтушенко в один ряд. Нет, они — на соседних страницах. Данилов — верное дитя Жданова: тупо, не размышляя, он выполняет приказ. Евтушенко страдает, жалуется, что его не все любят. И ему разрешают вставлять некие личные психологические размышления. Евтушенко тоже дитя Жданова, но ему позволили надеть джинсы.

Джинсы, надетые на Жданова, — характерная черта новой культурной политики. Власти действуют не только кнутом, но и пряником. История с Георгием Владимовым — пример использования пряника. В конце 1975 г. на Западе вышла повесть Г. Владимова «Верный Руслан», повесть о собаке, которая, по словам Андрея Синявского, ввела ее автора в большую литературу. Кое-кто из советских писателей и до Георгия Владимова публиковал свои произведения за границей. Достаточно назвать Була-

та Окуджаву, А. Гладилина, Владимира Войновича, Варлама Шаламова. От каждого из них требовали формального отречения. И все из них такое отречение публиковали, полагая, видимо, что возможность отдать книгу в руки читателей стоит нескольких холодных, казенных слов. Более полугода не было слышно о репрессиях по отношению к Г. Владимову, не появлялось и его отречение. Но вот в феврале «Литературная газета» (№ 7) опубликовала большое, на целую страницу, интервью, которое писатель дал критику Ф. Кузнецову. Критик пытался подсказать писателю, что нужно говорить: «Недрузи за рубежом пытаются порой использовать недостаток зрелости, присущий иным нашим писателям, в своекорыстных и даже враждебных нашей стране целях, эксплуатируя подчас и тщеславие, и обиды, и человеческие слабости или издательские неурядицы». Г. Владимов отвечал уклончиво: «Уважающий себя писатель, знающий цену и значение своей ответственности перед обществом, ни строки во вред своей стране написать себе не позволит и все попытки использовать его произведения таким образом категорически отвергнет». И подчеркнул, что «в наших силах... вовремя вмешаться и исправить издательские неурядицы...», т.е. опубликовать книгу, которую задерживает цензура. Мы узнаем из интервью, что роман Г. Владимова «Три минуты молчания», опубликованный в свое время в «Новом мире», четыре года пролежал в издательствах и только теперь (после публикации «Верного Руслана») будет издан отдельной книгой.

Появление на Западе группы талантливых советских писателей — А. Солженицына, В. Максимова, В. Некрасова, А. Синявского, И. Бродского, Н. Коржавина и других, успех журнала «Континент» (в апреле вышел № 7), непрекращающийся интерес к русской литературе создали новый полюс притяжения для советских писателей, работающих на родине. Наиболее смелые и талантливые увидели возможность прорыва цензурной стены, возможность напечататься на Западе. И советские власти оказались вынужденными считаться с этим. И идти на уступки тем писателям, которые защищают свои права.

Впрочем, руководители советской литературы могут всегда рассчитывать на помощь своих коллег из КГБ (офицеры КГБ, выходя в отставку, обычно идут в литературу). В марте парижские «масс медиа» жадно набросились на сенсационное сообщение: из Франции был выслан полковник КГБ Иванов. Потом выяснилось, что у него другая фамилия, что его давно и хорошо знает под разными именами французская контрразведка. Главная сенсация заключалась, однако, в том, что полковник КГБ (это вам не капитан!) явился в столицу Франции, чтобы поугадать русских писателей, недавних эмигрантов. Владимир Максимов в статье, опублико-

ванной в парижской «Русской мысли», оценил шантаж КГБ как высочайшую оценку деятельности русских писателей в эмиграции.

Май 1976

9 мая 1976 года, 31-я годовщина Победы, в Советском Союзе была особенно торжественной. На первых страницах всех советских газет был опубликован Указ о присвоении Леониду Брежневу звания маршала. А под указом — фотографии бронзового бюста молодого красавца, дважды героя, генерального секретаря, маршала Леонида Ильича Брежнева. Бюст был открыт 8 мая на родине героя в Днепропетровске.

Присвоение Брежневу звания маршала — неожиданность, которую, однако, можно объяснить логично. После внезапной смерти министра обороны маршала Гречко, выглядевшего самым здоровым, среди давно перешагнувших за 70 лет членов Политбюро, его место занял введенный в Политбюро на 25-м съезде Д. Устинов, долголетний сталинский министр вооружения. Устинову было немедленно присвоено звание генерала армии. Генеральный секретарь ЦК, который генералом армии стал год назад, решил, очевидно, что ему полагается следующий чин.

Глядя на бронзовый бюст Генерального секретаря, на котором очень хорошо вышли многочисленные звезды, украшающие грудь героя, я вспомнил замечательное письмо Сталина. В 1933 г. член партии И. Н. Бажанов, награжденный двумя орденами, решил переслать свой второй орден Сталину, выразив тем самым свое восхищение вождем. Сталин ответил ему так: «Ордена созданы не для тех, которые и так известны, а, главным образом, для таких людей-героев, которые мало известны... Кроме того, должен Вам сказать, что у меня уже есть два ордена. Это больше чем нужно — уверяю Вас». К концу жизни, правда, Сталин почувствовал, что два ордена — это нищенская награда за то, что он сделал, и стал награждаться обеими руками. Нынешний Генеральный секретарь, видимо, поклонник позднего Сталина.

Изучение процесса создания «культы» представляет несомненный психологический интерес. Скромная деятельность начальника политотдела 18-й армии (в звании полкового комиссара, т.е. полковника), воевавшей в 1942–43 гг. на второстепенном участке фронта, представляется сегодня как подвиг, решивший участь войны. Первый секретарь ЦК Украины Владимир Щербицкий, открывший бюст Генерального секретаря, назвал его просто «выдающимся стратегом».

Но не только. Щербицкий сначала вспомнил о недавнем событии — 25-м съезде партии и о докладе на нем Брежнева. Докладу «рукоплескал

съезд, вся наша страна, все честные люди планеты». И не могло быть иначе, ибо съезд продемонстрировал, что Брежнев — выдающийся «теоретик и политик, лидер нашей партии и народа, авторитетнейший деятель мирового коммунистического и рабочего движения». Съезд продемонстрировал, что Генеральный секретарь принадлежит к числу тех, кто «могут подняться выше, видеть дальше, обзреть больше». Наконец, — заявил В. Щербицкий, — «мы с полным правом можем сказать: прочный справедливый мир на земле и имя Леонида Ильича Брежнева неотделимы».

Следовательно: пока с нами маршал Брежнев — мир обеспечен. Нельзя, конечно, подозревать первого секретаря ЦК Украины, что это он лично придумал такие красивые слова о Герое. Ему их написали «инженеры человеческих душ» — писатели. В речах украинских писателей, собравшихся в апреле на свой съезд, звучат слова радости по поводу того, что им довелось жить в одно время с Леонидом Ильичом Брежневым. Особенно лирично говорил о своей радости поэт Богдан Чалый. О докладе на 25-м съезде: «Радостно, с пересохшим горлом припадаем мы к этому чистому источнику, наполняясь утренним настроением, щедрым духовным здоровьем». Короче, как выразился украинский поэт, Леонид Брежнев — «лучший друг писателей» («Литературна Украина», № 34).

Необходимый элемент культа Вождя — любовь к нему не только советских людей. Это нормально, естественно. Но и иностранцев. Их любовь должна как бы подтвердить правильность выбора советских людей. И оказывается, что Брежнева любят и за пределами его родины. И там считают его лучшим другом писателей, а также лучшим другом Польши. «Особую атмосферу создало присутствие на съезде (речь идет о VII съезде ПОРП) товарища Леонида Ильича Брежнева, и его яркая и глубокая речь стала кульминационным пунктом съезда. Почти каждая фраза его выступления встречалась бурными аплодисментами. Наш народ (имеется в виду польский народ. *Авт.*) обладает, я бы сказал, шестым чувством: он чувствует отношение к себе оратора. И зал почувствовал, что товарищ Брежнев не только хорошо знает Польшу, но и любит ее». Автор этого лирического слова — «член ЦК ПОРП, писатель» Ежи Путрамент. Лирическое это слово напечатано в «Литературной газете» (№ 7), и «Литературная газета» назвала Путрамента сначала членом ЦК, а потом уж писателем.

Можно ли, однако, объяснить присвоение Леониду Брежневу звания маршала только его любовью к золотым звездам, только неумолимым ходом процесса творения культа личности? Думаю, что — нет. Западная печать обратила внимание только на то, что штатский получил звание маршала, и со свойственным ей невежеством утверждала, что этот случай — если исключить Сталина — уникальный. А между тем маршалами были

и Николай Булганин, и Лаврентий Берия. Дело, конечно, не в предшественниках, хотя они представляют некоторый интерес. В указе о присвоении Брежневу звания маршала говорится, что звание это присваивается «председателю Совета обороны СССР». В последний раз Совет этот был упомянут почти 20 лет назад, в 1957 г., в момент конфликта между Хрущевым и маршалом Жуковым. Жуков был обвинен в том, что мешает работе Совета обороны СССР. Упоминание этого Совета в 1976 г., в разгар разрядки, заставляет задуматься. Почему Советский Союз, достигший паритета в области вооружений с США, а по мнению некоторых экспертов, опередивший США, пожелал подчеркнуть наличие Совета обороны, пожелал дать своему руководителю воинское звание маршала? Начальник Генерального штаба Советской Армии генерал Куликов в статье, опубликованной 7 мая в «Известиях», говорит о военной опасности, которая грозит миру со стороны «империализма». Опыт второй мировой войны, — заявляет он, — «предупреждает нас о серьезной опасности недооценки угрозы войны, которую может развязать империализм».

Трудно принимать всерьез заявления об угрозе Советскому Союзу со стороны «империалистов». Последние годы западная печать с неким мазохизмом повествует о росте военного могущества СССР. Газета «Монд» сообщает, что каждые 6 недель советская промышленность производит столько танков, сколько имеет в настоящее время вся французская армия (13.II.75). Таблица, опубликованная в еженедельнике «Тайм» (15.3.76), показывает, что в 1965 г. США располагали 854 межконтинентальными ракетами, а СССР — 224. В 1975 году соотношение изменилось: США — 1054, СССР — 1603.

Причина нагнетания военной истерии — в трудном положении Советского Союза. Ежедневная «Экономическая газета» (апрель 1976) впервые признала, что коммерческий дефицит Советского Союза в торговле с западными странами составил в 1975 г. 3,6 млрд. рублей, т.е. 5 млрд. долларов. На этой почве возник конфликт с финнами, которые хотели бы повысить цены на продукты, которые они продают Советскому Союзу, а он хочет покупать их по ценам 1973 г., хотя сам повысил в 1975 г. цены на нефть в три раза. Внутренние трудности ощущаются непосредственно всеми советскими гражданами: впервые введен день без мяса. В четверг официально не будет мяса, в остальные дни его не будет «по вине торговой сети». Даже в Москве, не говоря уже о провинции, сегодня очень трудно достать не только колбасные изделия, но и овощи — капусту, картошку.

После шестимесячного смущенного молчания шведы и французы официально признали, что их радио зарегистрировало мятеж на советском во-

енном корабле «Сторожевой», который пытался уйти в Швецию. Грузинские газеты писали о поджогах правительственных зданий в Тбилиси.

Все вместе — это признаки серьезного внутреннего кризиса, переживаемого Советским Союзом, несмотря на его блестящие внешнеполитические успехи. А может быть, именно из-за них.

Сегодня становится очевидным, что Советский Союз не в состоянии иметь мировую империю, т.е., сохраняя последнюю континентальную колониальную империю, защищать свои интересы на Кубе, в Сомали, Индии, Мозамбике, Конго, Анголе. Для этого он слишком беден и неразвит. Быть может, успехи советского оружия в Анголе были первым предупредительным звонком.

Когда Сталин произвел себя в генералиссимусы, были на свете еще три главы государства, носившие это звание: Франко, Чан Кайши и Трухильо. Сегодня, если не ошибаюсь, только в трех государствах глава носит звание маршала — в Уганде, в Центральноафриканской республике и в Советском Союзе.

Для преодоления внутренних трудностей недостаточно раздувать психоз военной опасности, делать Генерального секретаря маршалом. Усиливается идеологическая обработка, которая все больше и больше переходит в руки КГБ. Яркое свидетельство об этом предоставление права выступить с «идеологическим» докладом в 106-ю годовщину со дня рождения Ленина председателю КГБ Юрию Андропову. Первый полицейский страны выступил с философским обоснованием необходимости усилить идеологическую борьбу с «военно-индустриальным комплексом империалистической реакции, фашистами и колонизаторами, с маоистскими руководителями Китая». Кроме того, философ из КГБ предупредил тех западных коммунистов, которые выбрасывают из своего арсенала понятие «диктатуры пролетариата», ибо слово «диктатура» вызывает у избирателей неприятные ассоциации. Даже в самых демократических буржуазных странах царит диктатура, зато в странах диктатуры пролетариата царит «истинная демократия». Например, в Советском Союзе царит истинная демократия, но необходимо еще больше «укреплять законность». А это значит, что «советские законы не признают ни за кем» права «вредить обществу, нарушать общественный порядок, мешать честным гражданам спокойно жить, работать и отдыхать». Советские законы уже сейчас «не признают ни за кем» права делать то, что не нравится КГБ, но, требует Ю. Андропов, необходимо законы эти еще укрепить, «необходимо воспитывать советских людей в духе нетерпимости по отношению к антисоциальным проявлениям».

И через несколько дней в газете «Известия» (25.4.) появился образец воспитания советских людей в «духе нетерпимости». Статья называется

«Вопреки клятве Гиппократата. Кто на Западе попирает медицинскую этику и мораль». Авторы статьи утверждают, что врачи на Западе — мракобесы, которые держат в психиатрических больницах здоровых людей. В частности, приводится заметка (будто бы взятая из «Газетта дель пололо»), в которой говорится о том, что в психиатрических больницах Турина содержатся около «800 человек с абсолютно здоровой нервной системой». Объективные авторы признают, что на Западе встречаются «не только мракобесы», но они сделать ничего не могут, ибо их мало, нет коек, больниц и т.д.

Последняя фраза статьи раскрывает ее смысл: на Западе врачи-психиатры, мракобесы, нарушающие клятву Гиппократата, выступают в защиту советских людей, заключенных в психиатрические больницы за свои убеждения. Понятие «свобода», которым «так часто оперируют на Западе, понимается кое-кем как свобода уже без кавычек использовать психически больных людей в провокационных политических, антисоветских целях».

Высылка за границу Леонида Плюща, просидевшего в «психушках» около 3 лет, нанесла тяжелый удар «истинным гуманистам» — советским психиатрам, работающим по заданию КГБ. Психиатры всего мира смогли убедиться воочию в том, что Л. Плющ совершенно в здравом уме.

Защищая мундир (в данном случае употребляю это слово в прямом смысле) советских психиатров, советские журналисты обращаются за помощью к Гиппократу, хотя врачи в СССР дают клятву служить не больным, а государству. Пытаясь «дискутировать» с книгой А. Сахарова «О стране и мире», «Литературная газета» обратилась за помощью к «американскому ученому». Авторитет своих явно недостаточен.

Советские читатели уже знакомы с выступлениями американских певцов против А. Солженицына, никому не известных канадских писателей против А. Сахарова, читают статьи против «диссидентов», переведенные с русского на норвежский, с норвежского — на финский, а потом обратно на русский. Но даже в этой коллекции «Открытое письмо американского ученого» Ганса Апеля, опубликованное в никому не известном западногерманском журнальчике, занимает почетное место. После письма «Литературная газета» дает биографические сведения о профессоре. Бросается прежде всего в глаза почтенный возраст Ганса Апеля: «Профессор Ганс Апель родился в Восточной Пруссии в конце прошлого века». У нас сейчас год Господень 1976. Профессору выходит значительно более 80 лет. Это заставляет задуматься. Кроме того «его научная специальность — экономика европейских стран, в особенности ГДР».

И вот, несмотря на возраст, несмотря на «специализацию» в экономике ГДР, профессор Апель отправился в путешествие по Советскому Сою-

зу, дабы разоблачить А. Сахарова, высказывания которого стали, по выражению американского профессора (на пенсии с 1961 г.), «излюбленным инструментом самой дешевой антисоветской и антикоммунистической пропаганды». Г. Апель поучает Андрея Сахарова: «нельзя механически сравнивать заработную плату советских и американских трудящихся», «у Сахарова явно отсутствуют правильные данные, когда он пишет об уровне жизни советского народа». У А. Сахарова отсутствуют, а у Г. Апеля они есть. Ибо, как он утверждает, он «провел опрос советских людей». А. Сахаров, живя в Советском Союзе, не знает того, что узнал Г. Апель из, как он выражается, «моих бесед с советскими людьми». Советские люди рассказали престарелому гостю, что они живут гораздо лучше, чем замученные кризисами и капитализмом американцы. Он им поверил. Теперь этому должны поверить читатели «Литературной газеты» (№ 16).

Беседы Ганса Апеля с советскими людьми шли, возможно, особенно хорошо, если он не знал русского языка. В заметке «Маркиз де Кюстин и... интурист» («Литературная газета», № 15) советский журналист возмущается тем, что во Франции в 1975 г. переиздали знаменитые «Письма из России». Особенно возмущает его то, что «советологи» сравнивают Россию 1839 г. и 1975 г. В частности, жалуются, что и сегодня, как при императоре Николае, нельзя путешествовать по России без «гида». Как же вы будете путешествовать, не зная языка? — удивляется советский журналист. Как путешествовали с гидом при Николае, пишет де Кюстин: «Путешественник, который позволит местным людям внушить ему их мнение, проедет всю империю из конца в конец и увидит только фасады». Как путешествуют сегодня, видно по «Открытому письму американского ученого». Впрочем, де Кюстин отмечает и другой феномен, хорошо известный сегодня: «Я удивляюсь престижу, который оказывает русское правительство на умы. Оно добивается молчания не только от своих подданных — это еще ничего, оно заставляет уважать себя, даже на расстоянии, иностранцев, ускользнувших от его железной дисциплины...»

И действительно — редко можно встретить иностранцев, ускользнувших от советской «железной дисциплины» и осмелившихся рассказать правду об увиденном. Среди этих редких исключений — американский журналист Хедрик Смит, три года проживший в Москве. В своей книге «Русские» он дает много верных наблюдений, сообщает множество малоизвестных фактов.

В частности, мы узнаем от него, что Генеральный секретарь ЦК получает зарплату 900 рублей, а маршал — 2 тысячи.

Июнь 1976

В одной области Советский Союз, несомненно, занимает первое место в мире — в области процессов. Ни одно другое государство не может равняться с ним ни по количеству, ни по многообразию обвинений. За что только не судили в СССР за минувшие 60 лет! И все же процесс, о котором рассказала «Правда» 18 апреля, удивлял: семью колхозников Новгородской области судили за то, что они кормили свой скот хлебом. Стадо обвиняемых вряд ли удивит своим размером даже польских крестьян: корова, пять свиней, дюжина поросят, пара овец и куры. Но, оказывается, что даже и его нельзя прокормить сеном. Чтобы получить мясо, нужно кормить скотину хлебом, которого нет. Сообщения о процессах, подобных новгородскому, появляются и в других газетах. В школах пишут сочинения: «Что я знаю о хлебе?». Сочинения эти не публикуются, но советские школьники, если бы могли писать правду, написали бы: «Я знаю о хлебе, что его нет».

Нет хлеба (мяса и других сельскохозяйственных продуктов), но зато в течение двух недель ЦК принял два огромных постановления по вопросам сельского хозяйства.

В первом — перечисляются конкретные меры, которые необходимо принять для того, чтобы собрать урожай 1976 г. Постановления такие принимаются каждый год, ибо в условиях колхозной системы сбор урожая важнее даже выращивания урожая. Значительная часть выращенного урожая, как правило, остается в поле или теряется при перевозке в хранилища или погибает из-за отсутствия хранилищ.

В 1962 г. хорошо знающий советскую деревню писатель Федор Абрамов написал рассказ: «Вокруг да около». Председатель колхоза целый день уговаривает колхозников пойти косить сено. Под разными предлогами они уклоняются: наплевать им на колхозное сено. Крепко — с горя — выпив, председатель обещает колхозникам 20% скошенного сена как плату за работу. Когда на следующий день председатель просыпается в полдень и выходит на улицу, он обнаруживает, что вся деревня косит сено.

В майском постановлении ЦК КПСС приказывает использовать рецепт пьяного председателя из рассказа Ф. Абрамова. Ничто, быть может, не рисует так убедительно трудности продовольственного положения в СССР, как уступки, на которые пошла партия, используя т.н. принцип материальной заинтересованности трудящихся. Шоферы, трактористы, горожане, мобилизованные на уборку урожая (несмотря на то, что 30% населения занято в сельском хозяйстве), даже колхозники получают определенную долю собранного урожая. Никогда еще доля эта не была такой значительной.

Сразу же, однако, после майского постановления было опубликовано июньское, определяющее стратегию советского сельского хозяйства, ее конечную цель. Новое постановление предупреждает: уступки, сделанные колхозникам, временные, вынужденные.

Как и каждое постановление, это также начинается с победных реляций: «Научность и реалистичность аграрной политики КПСС, ее мобилизующая сила подтверждается достигнутыми результатами в развитии сельского хозяйства». И дальше следуют дежурные эпитеты: возросло, повысилось, увеличилось, расширилось. Затем, однако, следует: но темпы «еще не удовлетворяют наши возросшие потребности». Полстолетия ищет партия философский камень, который позволил бы совершить чудо: заставить колхозы давать необходимую стране продовольственную продукцию. Сначала была «кооперация», потом «коллективизация», потом чего только не было: «лысенковизация», «кукурузация», «химизация». В июньском постановлении чудодейственное средство называется: «специализация и концентрация».

Специализация, на первый взгляд, требование, объясняемое эффективностью производства монокультур: колхозы, совхозы должны посвятить себя одной, наиболее выгодной в данных условиях культуре.

Но нажим на «специализацию» связан и с другой острейшей проблемой советского государства — с национальным вопросом. В постановлении говорится: «В стране сложились крупные специализированные зоны товарного производства зерна, хлопка, сахарной свеклы, овощей, фруктов и винограда, чая, цитрусовых культур, льна-долгунца, молока, шерсти. Зональную специализацию необходимо углублять и дальше». Известно, например, что Узбекистан мог бы выращивать — и было бы ему выгоднее — многие сельскохозяйственные культуры, его «специализировали» на хлопке. В каждой республике внедряется монокультура, что усиливает экономическую зависимость данной республики от центра.

Концентрация сводится, в конечном счете, к превращению колхозов в совхозы, или, как говорится в постановлении, к «сближению двух форм социалистической собственности», к ликвидации деревни, к замене ее гигантскими агрообъединениями промышленного типа.

Нет сомнения, что план этот на долгие годы. Не исключено, однако, что катастрофическое положение сельского хозяйства может заставить партию попытаться сделать «большой прыжок» и прибегнуть к очередному «чудесному» средству: концентрации. Первым шагом к ней будет лишение колхозников приусадебных участков. Тогда, наверное, советские школьники будут писать сочинения не на тему «Что я знаю о хлебе?», а на тему «Что такое хлеб?».

Неутомимые братья Медведевы выпустили новую книгу: «Н.С.Хрущев. Годы у власти». В этой книге собрана воедино уже известная информация о деятельности Хрущева в бытность его Вождем. Поскольку Н. С. Хрущев много занимался сельским хозяйством, братья Медведевы посвятили аграрной политике партии в 50–60 гг. много места. Трудно не согласиться с выводом, который они делают: «Неудачи в сельском хозяйстве были связаны не только с тем, что не хватало тракторов, удобрений или хороших руководителей. Дело было и не в том, что крестьяне не имели опыта выращивания кукурузы. Дело было в том, что еще с периода коллективизации были уничтожены в деревне люди фермерского склада, настоящие потомственные крестьяне, исчезнувшие в попытке сделать сельский труд разновидностью индустриального труда, а крестьянина превратить в менее полноправного рабочего, подчиненного бюрократической дисциплине начальства, связанного с землей бесправностью и ограничениями в перемене места работы, а не свободным фермерским или артельным трудом и личной заинтересованностью».

Юрий Орлов, известный физик, член-корреспондент Армянской академии наук, друг Андрея Сахарова, в статье под названием «Возможен ли социализм нетоталитарного типа?» (распространяемой, конечно, в «самиздате») рассматривает, в частности, вопрос о «праве на труд» в обмен на беспрекословную лояльность». Профессор Орлов говорит о том, что советский человек, в том случае, если он абсолютно лоялен по отношению к государству, получил «освобождение от значительной доли ответственности за результативность своего труда». Он присвоил себе право «работать хуже, иногда намного хуже, чем он мог бы», а государство с этим смирилось. Более того, — пишет проф. Орлов, — «диктатуре полезно, если средний гражданин обладает некоторым комплексом вины и благодарности за снисхождение».

На днях вышла книга бывшего советского писателя, а с недавнего времени эмигранта Григория Свирского. В бытность еще советским писателем Г. Свирский много ездил по стране, а потом рассказывал в репортажах и путевых очерках, как живет и строится великий Советский Союз. В своей новой книге «Полярная трагедия» он рассказывает о том, что видел на далеком советском Севере и о чем не мог рассказать в советских газетах. Он видел, как плохо работают рабочие. Однажды на строительстве Братской ГЭС, «на передовом крае коммунизма», он был свидетелем остановки работы. Гигантский кран перестал разгружать гигантские грузовые автомашины. Их очередь растянулась на километр. Сигнализация не работала, бригадир послал рабочего влезть на кран и выяснить в чем дело. В конце концов выяснилось, что у крановщика в кабине девчонка и ему не

до разгрузки бетона. В ответ на возмущенное негодование журналиста бригадир ответил, что виновата Москва. Там решили, что крановщики зарабатывают сдельно слишком много. Им стали платить помесечную зарплату. Работает он или не работает — зарплата одинаковая.

И в этой же книге показано, что снисхождение к плохой работе обобщается отношением начальства к рабочим, как к заключенным (сегодня заключенные составляют значительную часть рабочих Севера, но кроме того есть на стройках и добровольно прибывшие). Рабовладельцы никогда не относились так к рабам. И это понятно: за рабов нужно было платить. Строители коммунистической Сибири, те, кто дает государству его главное богатство — нефть, газ, золото, терпят холод, голодают, живут в землянках и временных бараках. Только одного им Советская власть не жалеет — спирта. Он есть всегда.

Хорошей иллюстрацией к положению рабочих в Советском Союзе и к промышленному уровню могущественнейшей военной державы мира может послужить история гостиницы, которую французы собираются строить в Москве. Это будет вторая по размерам гостиница в столице СССР. И должна она открыть свои двери к началу Олимпийских игр 1980 г. Французы поставляют весь строительный материал (не считая песка, гравия, цемента, воды и электричества), все строительные машины и всех рабочих. Французская фирма подрядила 200 югославов, но не взяла ни одного местного рабочего. И тут возникла проблема. Югославы, как пишет парижский «Монд», «привыкшие к социалистическому образу», соглашались на привычные советские бараки. 600 французских рабочих, конечно, не соглашались. «Ленинская норма жилплощади» — 6 м² на человека — жертвам капиталистического угнетения оказалась неподходящей.

Роман Сергея Снегова «Творцы», занявший три номера журнала «Знамя» (3–5, 1976) — история создания советской атомной бомбы. Фальшивая история, много говорящая и о положении «творцов» — ученых в Советском Союзе, а еще больше о положении писателей, послушно выполняющих «заказ». Роман начинается в 1933 г., когда возникают первые, ломающие классические представления, теории атома. Герой романа — Игорь Курчатов, утвержденный сегодня посмертно на должность «отца советской атомной бомбы». Вокруг него — посредственного ученого, но талантливого организатора, властолюбивого человека — плеяда советских физиков. Только одно имя — Андрея Сахарова — не упомянуто ни разу. Даже в очередном томе второго издания «Большой советской энциклопедии» А. Сахарову посвящено 75 слов, упомянуто, что он «физик и академик», «трижды герой Социалистического труда». В роман о советских физиках войти ему не удалось.

Главная мысль, которую настойчиво проводит С. Снегов, — советские ученые раньше всех других поняли, что такое атом, раньше всех поняли, что нужно сделать атомную бомбу, ибо они больше всех любят свою Родину. В одной из первых сцен романа глава советской физической школы академик Иоффе приглашен к секретарю ленинградского комитета партии Кирову. «Знаете ли вы о сожжении книг в Берлине?» — спрашивает Киров академика и дает ему читать «какие-то листки». В листках этих (специнформация для руководства) говорилось: «Из университета выгоняли прогрессивных профессоров, из академии исключали академиков. Список изгнанных ученых, литераторов, композиторов, художников, артистов дошел до тысячи фамилий — многие были известны всему миру... «Отвратительно, не правда ли?» — взволнованно сказал Киров, когда Иоффе молча возвратил листки». Трудно не согласиться с Кировым: отвратительно. Намерения автора очевидны: гитлеровская Германия — отвратительно, сталинский Советский Союз — превосходно. Один из персонажей романа так и говорит: «Из Германии бегут крупные умы, фашисты потом пожалеют о потере таких творцов в науке, как Эйнштейн, Бор, Франк и сотни, тысячи других. Куда стремятся беглецы? Туда, где есть условия для научного творчества. Харьков открывает двери для изгнанных фашизма». Говорит это Александр Лейпунский, директор физико-технического института в Харькове. Лейпунского мы встречаем через несколько лет в сцене, таинственность которой автором не раскрывается: «Лейпунский появился утром. Он подолгу разговаривал с сотрудниками, улыбался в ответ на поздравления — его возвращению все радовались; он непродолжительное время отсутствовал... Флеров почти с испугом разглядывал бывшего директора института. Он видел его на одном из семинаров в Ленинграде. У Лейпунского тогда были темные густые волосы, он их часто приглаживал рукой. Сейчас он был очень небрежно, под машинку, подстрижен». Где же был Александр Лейпунский, один из крупнейших физиков страны? Ответ мы находим в единственной книге, в которой подробно рассказано о харьковском институте, который открыл «двери для изгнанных фашизма», — в «Большой чистке» Александра Вейсберга-Цибульского. Сравнение «Творцов» С. Снегова и «Большой чистки» А. Вейсберга, австрийского физика, нашедшего в Харькове «условия для научного творчества», арестованного НКВД вместе со множеством других советских и иностранных ученых (в том числе и А. Лейпунским), позволяет понять, какие чудовищные размеры приняла фальсификация истории в советской литературе. А с другой стороны, какие низкие литературные критерии прилагаются к книгам, «идеологически ценным».

Как становятся таким бездарным, но ценным писателем (или представителем любой другой профессии), рассказывает Юрий Трифонов в своем новом романе «Дом на набережной», опубликованном в журнале «Дружба народов» (№ 1, 1976). Юрий Трифонов сегодня, быть может, самый крупный из русских писателей, публикующихся на родине. «Дом на набережной» — одна из интереснейших его работ. Московский черный рынок, безошибочно определяющий ценность литературы, реагировал на появление романа Ю. Трифонова повышением в 30 раз цены того номера журнала, в котором «Дом на набережной» появился. «Дом на набережной» — это т.н. Дом правительства, построенный в начале 30-х годов на берегу Москвы-реки. В нем жили народные комиссары и их семьи, партийные и государственные вожди второго разряда. Первый разряд ютился в Кремле.

Герой романа Ю. Трифонова — мы знакомимся с его жизнью на протяжении 30 лет — не жил в Доме на набережной, он приходил туда в гости к школьным друзьям. Но он становится обитателем «Дома на набережной», в том смысле, что становится членом советской элиты, теряя на пути вверх любовь, честь, совесть. Он становится «настоящим советским человеком» и делает карьеру, побеждает в жизни.

О том, что представляет собой идеальный советский человек, можно узнать из большой статьи в «Литературной газете» (№ 20), озаглавленной «Люди модели Мао». В этой статье даются черты идеального «человека Мао» и утверждается, что «люди модели Мао» — неправильные «новые люди». Присмотревшись, однако, к подзаголовкам статьи: «безропотное подчинение «вождю», «каждый должен стать «винтиком», «контроль и слежка», «воспитание в духе милитаризма», «за стеной изоляции», мы приходим к убеждению, что автор говорит, конечно, о советском «новом человеке», что «люди модели Мао» и «люди модели Ленина, Сталина, Брежнева» — близнецы.

В 1974 г. В Москве вышла книга «Советские люди». Ее первая глава называлась «Хомо советикус». В главе этой говорилось, что миллионы лет развивалась природа, чтобы дать — как венец — хомо сапиенс, человека разумного. А затем в течение нескольких десятков лет «родилась новая цивилизация... Родина нового высшего типа человека разумного — «Хомо советикус». Что же отличает этот «высший тип человека разумного»? В книге сказано ясно: «Первым важнейшим качеством советского человека следует назвать его коммунистическую идейность, партийность (подчеркнуто в книге). А в Китае? Читаем: «Основное в процессе формирования «нового человека» — это воспитание народа в духе безропотного повиновения и безграничной покорности «вождю» — Мао Цзэдуну». В Китае «теперь повсюду во «дворах» имеются глаза масс... К доносам

людей приучают с самого раннего возраста». А в книге «Советские люди» мы читаем о «высшем типе человека разумного»: «Ему есть дело до всего, будь то явления масштаба глобального или жизнь соседей по лестничной площадке». Совершенно очевидно, что к «явлениям масштаба глобального» у советского человека отношение скорее умозрительное, а вот к соседям по лестничной площадке — безусловно активное.

Зная об этих важнейших качествах «людей модели Брежнева», не удивляешься, читая в «Литературной газете» (№ 21), что редакция «получила письма из Москвы, Тбилиси, Таллина, в которых конкретно и убедительно говорится о враждебной подрывной деятельности господ «корреспондентов в штатском» в Советском Союзе». Это представители «Хомо советикус» сигнализировали в «Литературную газету», что американские корреспонденты в СССР ведут шпионскую деятельность. Приходится удивляться, что при наличии у «Литературной газеты» таких бдительных читателей, Советский Союз еще нуждается в сверхмощном аппарате КГБ.

Однако аппарат КГБ нужен. В частности, для борьбы с «Культурой». Третий раз на протяжении нескольких месяцев сотрудники КГБ откладывали «пролетарские мечи», которые они носят на погонах, и брали в руки перо, дабы «разоблачить» «Культуру». В июне счел нужным вспомнить «Культуру», «реакционный журнальчик польской эмиграции» — правительственный орган «Известия». Особое негодование правительственного органа вызывают «антисоветские статьи» и «рецензии на пасквили Солженицына», принадлежащие перу Адама Кручека.

Начав сотрудничать в «Культуре», я и помыслить не мог, что скромные обзоры печати, новых книг могут вызвать такой бешеный гнев советских специалистов по идеологической войне. Гнев этот является даже чрезмерной наградой за мою работу. Я помню, что говорил Ленин: если враг тебя ругает, если он вешает на тебя собак, значит, ты прав, значит, ты делаешь правильное дело.

Сегодня «Культура» может с гордостью констатировать, что атаки на нее ведутся одновременно с атаками на Солженицына. В конце мая Александр Солженицын разослал газетам письмо, в котором рассказал об очередной акции против него, принявшей на этот раз совершенно смехотворную форму. КГБ сфабриковала какие-то бумаги, из которых должно следовать, что Солженицын в 1952 г. сотрудничал с... КГБ. А. Солженицын пишет: «Никогда еще руководители нашей страны не были такими пошлостью слабыми, такими неуверенными в себе. Теперь они дошли до того, что они обвинили своего врага в сотрудничестве... с ними! с советским режимом, с ЧКГБ. Для такого могучего военного государства какое свидетельство умственной растерянности». И действительно...

Август 1976

Лето 1976 года глазами советской печати: как выглядит мир, какие события заинтересовали советских пропагандистов, как они их представляют? Увидеть мир в зеркале советской печати можно, конечно, только в том случае, если есть возможность увидеть этот мир в зеркале западной печати. Это два разных мира: одни события в «советском зеркале» не отразились вообще, другие в карикатурном, искаженном виде.

Ни словом не упомянула советская печать о событиях в Польше 25 июня. В «Правде» Польша появилась только 29 июня: на 5-й странице можно было прочесть короткую заметку. Из нее следовало, что «металлурги республики, стремясь досрочно завершить план первого полугодия, решили дать стране дополнительно сотни тонн металла». 5 июля читатели «Правды» узнали, что «тов. Э. Герек выразил благодарность трудящимся Польши за поддержку политики VI и VII съездов ПОРП». Далее говорилось, что Герек, «благодарил трудящихся за доверие, оказываемое ему, ЦК партии и правительству ПНР». Газета отметила, что секретарь ЦК ПОРП коснулся «трудного вопроса — политики цен», отметил, что «нужна более гибкая политика цен» и заявил: «мы постановили вынести этот вопрос на общественное обсуждение». В заключение Э. Герек подчеркнул: «Мы никогда не сойдем с пути VI и VII съездов».

И с тех пор до середины августа, когда я пишу обзор, о событиях в Польше не говорилось, их не было.

Была зато конференция европейских коммунистических партий в Берлине. Но если мы сравним то, что пишет о ней советская печать и западная (в том числе коммунистическая), легко можем прийти к выводу, что было не менее двух разных конференций. На той, которую расхваливает западная печать, западноевропейские компартии получили свободу действий, благословение Москвы на отказ от доктрины «пролетарского интернационализма», разрешение использовать парламентский путь для прихода к власти. В советской печати не перестают подчеркивать, что «пролетарский интернационализм» — один из главных принципов «марксизма-ленинизма», а верность Москве — «интернациональный долг коммунистов». В советской печати подверглись значительной цензурной правке речи тех коммунистических лидеров, которые позволили себе выразить некоторые не совсем ортодоксальные мысли. Зато усиленно подчеркиваются и многократно цитируются те, кто говорил, как надо. В большой статье «Партия пролетарского интернационализма» («Красная звезда», 5.8) доктор философских наук В. Егоров в поучение не совсем послушным цитирует председателя Германской компартии (Западная

Германия): «скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем ГКП... хоть на йоту отступит от учения Маркса—Энгельса—Ленина, от великой идеи пролетарского интернационализма». Западная печать с огромным удовлетворением отмечала, что в заключительном документе Берлинской конференции не было слов «пролетарский интернационализм». Вместо них употреблено выражение «интернационалистское сотрудничество и солидарность на основе великих принципов Маркса, Энгельса, Ленина». Советская печать совершенно ясно дает понять, что это выражение — синоним «пролетарского интернационализма». Тех, кто нападает на «главный принцип марксизма-ленинизма», советская печать обзывает правыми и левыми ревизионистами, маоистами, националистами разных мастей и оттенков.

Противоречия между советскими и некоторыми западноевропейскими коммунистами, о которых так много писала западная печать, лишь однажды упоминает «Правда». Известный партийный теоретик Георгий Шахназаров (15.8) говорит о них так: «Различия (на пути к социализму) не представляют собой постоянного фактора. Это временный фактор, отражающий главным образом уровень развития каждой системы. По мере созревания социализма черты, общие для всех стран, приобретают все большее и большее значение». Это значит, следовательно, что Москва допускает некоторые варианты на пути к захвату власти, но утверждает, что после захвата власти коммунистами все «социалистические» страны становятся похожими друг на друга, как горошины. А следовательно, «полицентризм», так восхваляемый западной печатью, становится расширением коммунистических возможностей прихода к власти.

И советская, и западная печать писали о Берлинской конференции хотя и по-разному, но много. О годовщине подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на Западе писали, немного стесняясь, и мало, в советской печати — победно и бесконечно много. В передовой статье журнал «Новое время» (№ 31) перечисляет «достижения» конференции в Хельсинки, перечисляет победы советской дипломатии: 35 государств признали «принцип нерушимости существующих в Европе границ», т.е. доминирующее положение СССР в Европе; «буржуазный мир признал, — пишет автор статьи, — что все последующие дела с социализмом необходимо вести только мирным путем и только на началах равенства». Решения в Хельсинки, добавляет статья, «дали серьезный импульс развитию экономического сотрудничества между Востоком и Западом», т.е. Запад согласился помочь «социалистическим странам» решить ряд экономических проблем, которые они сами решить не в состоянии. На одну только тему советская печать не любит распростра-

няться: о сотрудничестве «в так называемых “гуманитарных областях”», т.е. в области расширения обмена информацией, развития контактов между людьми. Каждый упрек западной печати в этой области воспринимается как «сомнительный пропагандистский трюк», «вмешательство во внутренние дела социалистических стран». Одновременно советская печать придумала оригинальный трюк для разоблачения «западного мифа» о том, что советское общество — «закрытое общество». Любимый сталинский теоретик академик М. Митин («Красная звезда», 1.8) приводит «факты реальной жизни», опровергающие «миф» о «закрытом обществе». Он пишет, что в 1975 г. «страны—члены СЭВ посетило более 58 млн. гостей из-за рубежа. И в свою очередь около 35 млн. граждан стран социалистического содружества выезжали за границу». Цифры с шестью нолями всегда выглядят внушительно. Трюк академика Митина заключается в том, что он свалил в одну кучу все страны «социалистического содружества» и смог таким образом не приводить цифр, касающихся СССР.

Подлинным свидетельством отношения Советского Союза к «так называемым “гуманитарным областям”» было решение юного советского прыгуна в воду, члена олимпийской команды, остаться в Канаде, ибо на родине ему не разрешили бы любить американку; решение советского гроссмейстера Виктора Корчного не возвращаться в Москву, где ему не позволяют играть в шахматы так, как он хочет; решение известного советского историка Александра Некрича, автора книги «22 июня 1941», эмигрировать, ибо на родине ему не позволяют работать; решение Андрея Амальрика эмигрировать, ибо на родине КГБ угрожало ему тюрьмой и убийством.

Андрей Амальрик в статье «Год после Хельсинки», напечатанной в нескольких западных газетах, также подвел итоги. Он подтвердил, что Советский Союз добился крупной победы, убедив 35 европейских государств подписать акт Совещания в Хельсинки. Амальрик задает вопрос: что получил за это Запад? Когда я задаю этот вопрос на Западе, — пишет он, — мне отвечают: обещание СССР не трогать Западный Берлин и некоторое расширение связей Восток—Запад, что влечет за собой улучшение положения внутри СССР. Амальрик комментирует этот ответ: СССР обещал не трогать Берлин уже в 1945 г. и добавляет: «я не исключаю, что через 5 лет вновь возникнет проблема Берлина, и Западу опять придется уступать, чтобы избежать серьезного кризиса». Что же касается внутреннего положения, то Амальрик напоминает об осуждении на 7 лет члена советского комитета «Эмнисти» Сергея Ковалева, об убийстве в подъезде своего дома поэта и переводчика Константина Богатырева. «КГБ — пишет Амальрик, — как бы компенсируя себя за невозможность в нынешних условиях осуществлять массовые «законные» аресты, все чаще и чаще ис-

пользует такие методы, как убийства, избиения, поджоги квартир, автомобильные катастрофы. Одновременно КГБ стремится к тому, чтобы все эти случаи служили «предостережением» для других».

В июне Андрей Сахаров созвал в Москве пресс-конференцию, на которой представил материалы о попытке возбудить уголовное дело против зятя академика — Ефрема Янкелевича. Янкелевича пытаются обвинить в том, что он совершил автомобильную аварию. На пресс-конференции Захаров напомнил, что людей, желающих эмигрировать, и диссидентов обвиняют «в хулиганстве, как Александра Фельдмана и Леонида Тымчука, во взяточничестве, как доктора Штерна, в сопротивлении властям, как Льва Ройтбурда, в изнасиловании, как тбилисского историка Теймураза Джваршейшвили».

Ожесточение политики КГБ — один из результатов конференции в Хельсинки. Конференция позволила советским руководителям занести всех своих противников, всех диссидентов, просто всех тех, кто позволяет себе мечтать о расширении человеческих контактов, в разряд врагов «разрядки», в разряд «поджигателей войны». Советское государство не может существовать без врагов. Только наличие Врага позволяет руководителям требовать от населения жертв, согласия на лишения. Польское правительство, лишившее себя возможности представлять опасным врагом Западную Германию, вынуждено метать громы и молнии против единственного оставшегося Врага — Хулигана. Это звучит не очень серьезно: рабочий класс, воспитываемый коммунистической партией 30 лет, в любую минуту поддается влиянию Хулигана. В Советском Союзе также испытывают в последние годы, в период «детант», некоторые трудности с «врагами». Враг теряет свою конкретность: нужно делать тонкое различие между американским империалистом — сторонником «детант» и его близнецом — противником «детант», между «хорошим» западно-германским социал-демократом, скажем, Брандтом и «не очень хорошим», скажем, Шмидтом.

Через месяц после подписания Соглашения в Хельсинки в сентябре 1975 г. в крупнейшем московском кинотеатре «Россия» начал демонстрироваться фильм, билеты на который не продавались, а распределялись: партийными, профсоюзными и т.д. организациями. Фильм назывался «Паутина» (режиссер Л. Мохнач) и показывал «конкретного врага». Зрители — пропагандисты должны были нести образ врага в массы. Это, кстати, один из важнейших приемов советской пропаганды: наиболее ядовитые, самые лживые сведения распространяются во время лекций, докладов в доверительной интимной форме. «Паутина», сделанная в жанре документально-монтажного фильма, демонстрировала прежде всего

могущество КГБ. Скрытые камеры КГБ регистрировали все, что происходит на Шереметьевском аэродроме в Москве и на международном сионистском конгрессе в Брюсселе. К подъезду дома в некоей скандинавской стране подъезжает машина, водитель входит в дом, возвращается со свертком книг под мышкой. Следующий кадр — советская граница, водителя машины уже ждут и немедленно находят спрятанные «нелегальные» книги. Могущество КГБ, демонстрируемое в фильме, направлено на разоблачение врага: враг — эмигранты, диссиденты, сионисты. Именно они, в первую очередь, выступают против «духа Хельсинки».

Особенно по душе советской пропаганде в качестве врагов «сионисты». Захват палестинцами французского «Эрбус» и посадка его на аэродроме Энтеббе не вызвал комментариев. 2 июля, то есть уже после того, как вся мировая печать сообщала на первых страницах историю нападения на самолет, «Правда» поместила на 5-й странице среди мелких сообщений заметку: «Воздушные пираты... потребовали... освободить палестинцев... угрожая взорвать самолет вместе с пассажирами, если ультиматум не будет принят. После длительных переговоров похитители согласились освободить всех заложников, кроме 80 граждан Израиля и экипажа самолета». И в этом сообщении есть дезинформация: задержано было более ста пассажиров, причем не только граждане Израиля, но и граждане других стран — евреи. Тем не менее «Правда» называет «похитителей» — «пиратами» и не выражает прямого одобрения: все же самолет французский. Но вот в ночь на 4 июля израильтяне освобождают заложников. И советская печать приходит в неистовство: «разбойническая акция нападения в Энтеббе», «разбойничий налет израильской военщины», «акт международного бандитизма» и т.д.

По очевидному недосмотру редакции «Красная звезда» (№ 7) поместила не только на одной странице (3-й странице), но просто рядом два сообщения. Одно — под заголовком: «Осуждение агрессии», другое — «Убийцы на свободе». В первом осуждался «пиратский налет израильской военщины на территорию суверенного государства Уганды», во втором выражалось возмущение тем, что турецкий суд освободил из-под стражи отца и сына Бразинкасов, литовцев, которые в 1970 г. захватили самолет Аэрофлота и заставили его приземлиться в Турции.

Определенные трудности испытывает советская печать при освещении событий в Ливане, которым ежедневно уделяется в газетах значительное место. Ни в одном сообщении ни разу не упоминалось о том, что сирийские войска находятся в Ливане: у Сирии с Советским Союзом договор о дружбе и взаимопомощи такой же, какой недавно был денонсирован Египтом. Война в Ливане представляется как борьба между «Палес-

тинским движением сопротивления и национально-патриотическими силами», с одной стороны, и «правохристианскими» отрядами, с другой. Однако же инициатор войны, по утверждению советской печати, это израильское руководство, которому «нужна война в Ливане», это они «разожгли гражданскую войну и стремятся всеми силами воспрепятствовать ее прекращению».

Что касается Советского Союза, то, как пишет «Красная звезда» (3.8), он «твердо стоит на стороне Палестинского движения сопротивления и национально-патриотических сил Ливана». На протяжении минувших двух месяцев, судя по советской печати, произошла эволюция в отношении советских руководителей к войне в Ливане. Сегодня, в середине августа, они не только изображают главным инициатором гражданской войны в Ливане Израиль, они выбрали в качестве своего главного друга палестинскую организацию Арафата. В связи с этим делается различие между террористами: есть «правые террористы» и есть террористы-революционеры, которые уже перестают тем самым быть террористами.

Совершенно очевидно, что «правые террористы» — это провокаторы, с которыми нужно расправляться беспощадно. 8 августа «Правда» с возмущением писала о провокаторах и террористах: «шесть западногерманских пограничников с оружием в руках перешли границу и бросили в сторону пограничников ГДР дымовую шашку». Кто после этого посмеет упрекнуть пограничников ГДР, застреливших итальянского шофера грузовика, вполне законно переезжавшего границу между двумя Германиями в Берлине?

Среди событий внутренней жизни советская печать особое внимание уделила VI съезду писателей СССР, который проходил в начале июля. Первый съезд советских писателей состоялся в 1934 г., второй собрался уже после смерти Сталина. Теперь съезды созываются регулярно, и регулярно каждый съезд ничтожнее предыдущего. Трудно сказать, как будет выглядеть VII съезд, но нужно признать, что стать ничтожнее VI будет трудно.

Съезд открыл Николай Тихонов, которому в этом году исполнится 80 лет и который давно-давно, в «баснословные года» был талантливым поэтом. Его вступительная речь заняла одну минуту, но он успел за это время пять раз процитировать Брежнева. От себя он добавил, что «и сегодня звучат призывным набатом слова Фучика: будьте бдительны». Вождь советских писателей Георгий Марков начал с того же: «Нас окрыляет высокая оценка писательского труда, данная Леонидом Ильичом Брежневым... Мы счастливы вместе с народом под мудрым руководством коммунистической партии, ленинского ЦК, Политбюро во главе с тов. Л. И. Брежневым...» Г. Марков перечислил качества, которые требуются

сегодня от советской литературы: «верная идейная направленность, партийная страстность, зрелость социалистической мысли, зоркость писательского взгляда» и — в самом конце — «большое профессиональное мастерством». Если подойти с этими критериями к русской классической литературе, то можно смело сказать, что ни один из писателей экзамена не сдаст. Марков предупредил, что после съезда начинается «обмен билетов», т.е. чистка писателей.

В 1952 г. Сталин собрал для «разговора» группу писателей. Они его спросили: «Что нужно сейчас писать?» Со свойственной ему прямотой вожь народов ответил: «Пишите правду». Через четверть века от писателей требуют все той же сталинской «правды», называя ее «верной идейной направленностью», «партийной страстностью», «зрелостью социалистической мысли».

Съезд прошел под знаком «бдительности», требования беспощаднее разоблачать врага. Редактор «Литературной газеты» А. Чаковский отметил необходимость внесения поправок в портрет основателя государства: «Временами Ленин стал изображаться в виде некоего «мягкотелого гуманиста», добренького, спорящего лишь по чисто теоретическим вопросам... примиренчески настроенного к врагам, чуть ли не всепрощающего». Съезд прошел под знаком «детант», т.е. под знаком ожесточения борьбы с врагами, разжигания военного психоза в стране, под знаком «идеологического наступления».

Сентябрь 1976

Профессор Преображенский, герой повести Михаила Булгакова «Собачье сердце», предупреждал своего ассистента: Боже вас сохрани, не читайте советских газет. «Вы знаете, — говорил профессор, — я произвел 30 наблюдений у себя в клинике... Пациенты, не читающие газет, чувствуют себя превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать «Правду», — теряли в весе... Мало этого. Пониженные коленные рефлексы, скверный аппетит угнетенное состояние духа». Ассистент пробовал возражать: Да ведь других газет нет. «Вот никаких и не читайте», — ответил профессор.

Герой повести Булгакова поставил свой диагноз 50 лет назад, но и сегодня он продолжает оставаться абсолютно точным: потеря веса, угнетенное состояние духа. Аппетит, быть может, у читателей «Правды» и есть, но удовлетворить его становится все труднее и труднее.

Впрочем, может быть и аппетит портился у читателей советских газет в августе 1976 г. Две главные темы волновали в этот чудесный летний ме-

сяц пропагандистов-журналистов: хлеб и Намибия. От «Правды» до «Сельской жизни», от «Известий» до «Красной звезды» — все газеты твердили о негодовании советских граждан жестоким террором, обрушившимся на прогрессивный народ Намибии, о требованиях: свободу Намибии! От этих сообщений у советских читателей не могли не понизиться коленные рефлексы: они их понимают дословно — надо помогать освободительному движению Намибии, надо снова платить. Состояние духа становится тем более угнетенным, что рядом с Намибией — статьи, лозунги, декларации, письма Брежневу — о хлебе.

Летом каждого года советские газеты пишут о хлебе, об урожае: уговаривают, просят, угрожают. Каждый год придумываются различные способы сделать, казалось бы, самое естественное в мире дело: собрать урожай. Каждый год летом советских руководителей охватывает ужас: не хватит хлеба. И очень, очень часто опасения их подтверждаются. Катастрофический неурожай прошлого года нанес экономике страны тягчайший удар. За урожай нынешнего года взял на себя ответственность лично маршал Советского Союза, Генеральный секретарь ЦК Леонид Брежнев.

В прошлом своем «Обзоре» я перечислял «чудотворные средства», к которым прибегали на протяжении последних 45 лет советские руководители, чтобы получить нужной стране хлеб. В этом году Брежнев обратился к «чуду», которое никогда не подводило партию. «Кубанские хлеборобы» обратились с письмом к маршалу и Генеральному секретарю с обещанием сдать зерно сверх плана. Леонид Ильич Брежнев ответил им благодарственным письмом. Немедленно все районы, области, республики СССР «последовали примеру» кубанцев. Дали повышенные обязательства. Ежедневно все советские газеты публикуют письма такого рода: «Работники сельского хозяйства Узбекистана с большим воодушевлением восприняли письмо Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева земледельцам Кубани. Труженики колхозов и совхозов Узбекской ССР, обсудив его, изыскали резервы и наметили новые высокие рубежи» («Правда», 15.8). Дальше говорится, что в нынешнем году Узбекистан сдаст государству 1 млн. тонн зерна, «что на 465 тысяч тонн больше плана».

Что это значит? Обязательства берутся еще до завершения сбора урожая. Следовательно, колхозы, не зная еще результатов сбора, обязуются сдать государству — иногда вдвое больше того, что было запланировано. А планы, как правило, натянуты до последнего зерна. Следовательно, если урожай будет нормальным, то колхозы отдадут сверх плана то, что они могли продать по цене выше государственной или раздать колхозникам. Если урожай будет ниже запланированного, то колхозы отдадут то, что они должны были дать колхозникам — и те поголодают. Брежневское

«чудесное средство» — это старое испытанное сталинское средство: выжать из колхозников все, до последнего зернышка.

3 сентября Брежнев, выступая в Алма-Ате, объявил всеобщую мобилизацию для «битвы за хлеб». В этом году, заявил он, «страна будет с зерном». Брежнев поехал в Казахстан, потому что 22 года назад он, сравнительно молодой еще ставленник Хрущева, поднимал целину казахских степей, и потому, что в нынешнем году ожидается там урожай. С Казахстаном связаны серьезные надежды. «В нынешнем году, — заявил Брежнев в Алма-Ате на собрании партработников, — Казахстан даст Родине 27 миллионов тонн зерна». А потом, видимо, не желая, чтобы говорили, что он навязывает какие-то свои цифры, Генеральный секретарь ЦК спросил своих слушателей: «Кто, товарищи, поддерживает это обязательство?» И к своей великой радости услышал из зала крики: «Все!» Так трудящиеся Казахстана обязались помочь Брежневу.

Нажим на колхозников — первая часть «битвы за хлеб». Вторая — нажим на город. Это уже гораздо легче. Достаточно, например, выпустить инструкцию: «Меры по эффективному использованию мяса и мясных продуктов на 1976 год». Инструкция предусматривает сокращение в процессе изготовления колбасы (она составляет почти 40% производимых в стране мясных изделий) содержания мяса. В колбасу эта — секретная! — инструкция разрешает добавлять все, при условии, что там будет как можно меньше мяса. Наконец, третий фронт «битвы за хлеб», единственный, где победа обеспечена наверняка, — покупка хлеба за границей. По договору, подписанному в конце 1975 г., СССР имеет право закупить в США без предварительных соглашений от 6 до 8 млн. тонн. На 31 августа 1976 г. было закуплено в счет нынешнего года 4,6 млн. тонн.

Можно думать, что меры, предпринятые Брежневым в нынешнем году — дополнительные поставки колхозов вот уже несколько лет перестали быть нормой советской жизни, — связаны с тем, что возникла угроза на третьем, «победоносном фронте». «Американские деловые круги, — пишет «Ле монд» (31.8.76), — проявляют определенное беспокойство... относительно кредитоспособности клиентов с чудовищным аппетитом, какими стали коммунистические страны». Торговый дефицит социалистических стран, достигший в 1975 г. 6,9 млрд. долларов (по сравнению с 2,4 млрд. в 1974 г.), в 1976 г. возрастал примерно на 20% ежемесячно по сравнению с соответствующим периодом прошлого года. Можно думать, что коммунистические, лидеры встревожены: а что если прогнанный капиталистический Запад, погибающий от кризиса, откажется давать деньги цветущим, не знающим кризиса странам социалистического планирования?

Решение Брежнева взять за горло колхозников — свидетельство этого страха.

Альберт Эйнштейн до конца своей жизни пытался найти единый закон, единую формулу, объясняющую все явления природы. Великому физики это не удалось. Зато единую формулу, объясняющую природу Советского государства, удалось найти В. М. Саульченко. Человечество может узнать об этом из небольшого труда (но, кажется, и теория относительности была изложена на нескольких страничках) под заглавием «Идеологические диверсии империализма». Труд сей вышел в 1976 г. в Минске, издательство «Беларусь». Судя по тиражу — всего 7 тыс. экземпляров — книга В. М. Саульченко рассчитана на агитаторов, лекторов, журналистов, т.е. на подготовленных читателей, которые будут затем нести свет в массы. В книге множество примеров «диверсий» империализма против социалистических стран. Большинство этих примеров уже известны, ибо они повторяются во всех произведениях этого жанра. Но всегда любопытно прочитать — еще раз — о том, например, что «в день нападения Израиля на арабские страны замаскировавшиеся сионисты показали свое истинное лицо. В Варшаве они вывели на улицы обманутую и дезориентированную студенческую молодежь, развернули в стране антисоветскую, антисоциалистическую, произраильскую пропаганду. Во главе их встал матерый враг социализма, сионист Леопольд Унгер, подвизавшийся на должности секретаря редакции газеты «Жиче Варшавы»... Сионистами оказались философ Адам Шафф и ряд других работников идеологического фронта...» (стр. 95). Все это много раз повторялось прежде, а сегодня в силу повторений стало истиной, не требующей доказательств. Но не в повторении этих истин заслуга В. М. Саульченко. Его открытие состоит в том, что — как оказывается — в основе империалистической диверсионной деятельности лежит использование «так называемого приема 2 x 2». Оказывается империалистические диверсанты, подрывая социалистический строй, приводят факты, информацию, которая «подводит слушателя к нужным буржуазии выводам» (стр. 94). Коварные диверсанты, используя прием $2 \times 2 = 4$, разлагают социализм. В. М. Саульченко отвергает это империалистическое уравнение. Подлинный социалистический результат умножения 2×2 знают только настоящие советские люди. Только они знают, что редко он совпадает с вычислениями империалистических диверсантов.

Открытие В. М. Саульченко позволяет понять многое из того, что оставалось неясным многим зарубежным читателям советской печати. Вот, например, история, о которой рассказывает «Литературная газета» (№ 34) в

статье Л. Великановой «Страсти вокруг талонов». В свое время я писал о замечательной находке советских хозяйственников: было предложено всем желающим купить «Королеву Марго» Дюма или «Сказки» Андерсена — сдать 20 кг макулатуры. Было это два года назад. Советские граждане пришли от идеи в восторг. Всего за 20 кг макулатуры получить книгу для чтения! Инициаторы плана не подозревали, что в стране имеется столько макулатуры. Начали тащить и тащить — книги (сочинения Ленина в макулатуру не берут!), газеты. Тащили на себе — пунктов сбора очень мало. Тащили по нескольку раз — ибо пункты сбора часто закрыты на обед, на переучет товаров. За принесенную макулатуру выдавали талоны. И тут начала действовать система В. М. Саульченко: 2×2 составляет сумму, размеры которой решают вышестоящие инстанции. Поскольку трудно было собрать в один раз ровно 20 кг, приносили по нескольку раз. И получали талоны на 2, 5, 10 кг макулатуры. Как вскоре выяснилось, в книжных магазинах принимают только талоны на 20 кг. Два талона по 10 кг, или 4 по 4 не принимались. Вражеская система 2×2 была разоблачена. Советская «система» позволила макулатуру собрать, ничего за нее не давать.

По империалистической системе « $2 \times 2 = 4$ »: фотографии детей в военной форме, стреляющих из боевого оружия, статьи, восхваляющие обучение детей военному делу, все это «проповедь милитаризма». Так и пишут в советской печати, когда речь идет о Китае. 2×2 перестает давать в сумме 4, когда речь идет о советской молодежи. Всю третью неделю августа газеты публиковали восторженную информацию о финале «комсомольской военно-спортивной игры «Орленок». В течение недели лучшие из лучших отобранные в ходе всесоюзных соревнований юноши и девушки воевали: стреляли, бросали гранаты, атаковали врага и т.д. Газеты были заполнены фотографиями молодых людей в форме, с оружием в руках. «Игрой» руководили генералы Советской Армии. Наблюдали за ней генералы. Сидевший на трибуне генерал армии М. Казаков выразил некоторое недовольство отсутствием «четкого представления о взаимодействии» родов войск у «юнармейцев». Потом, однако, генерал добавил: «Они еще не солдаты». Ему хотелось бы, чтобы они — юнармейцы — уже были солдатами, но он согласен немного подождать («Комсомольская правда», 22.8). Милитаризация молодежи (для детей младшего возраста существует отдельная военная игра «Зарница») является, по признанию руководителей «игры», формой «воспитания молодежи». Воспитания, как утверждают советские пропагандисты, для борьбы за мир. В предисловии к сборнику речей и статей Л. Брежнева, выпущенному «Ксёнжкой и Ведзой», говорится, в частности, что «выражением высокого признания личного вклада товарища Л. И. Брежнева в дело разгрома фашизма, а также последова-

тельного укрепления мира и международной безопасности было присвоение ему звания Маршала Советского Союза». Заботясь о мире, детей учат воевать. А за заслуги в деле «укрепления мира» дают маршальские звания. Это снова действует советская система.

И еще один пример. Московское издательство «Прогресс» выпустило на французском языке сборник материалов и документов: «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, сентябрь 1938—август 1939». В сборнике приводятся документы, которые должны доказать, что Советский Союз был прав, не подписав договора с Францией и Англией. Что Англия и Франция виновны в провале переговоров. В документах нового ничего нет. Они снова подтверждают, что Советский Союз, вступая в переговоры, хотел приобрести на своей западной границе гласис: базы в прибалтийских странах, право прохода через Польшу. Когда выяснилось, что Англия и Франция не могут ему дать то, чем они не распоряжаются, Советский Союз обратился к Гитлеру, который раздавал то, чего у него не было, чрезвычайно охотно. В сборнике нового ничего нет, он любопытен тем, что на 530 страницах ни разу не упомянуты переговоры между СССР и Германией. 2 x 2 снова не дают в результате 4.

Советская «математика» находит все более широкое применение и в братских странах. И я имею в виду не только экономику, но и пропаганду. Отличным примером может служить история, происшедшая в Праге. Ее герой — известный уже читателям «Культуры» (см. № 3.76) чешский «капитан Чехович», капитан Минаржик.

После того, как сказки о кошмарных приключениях мужественного капитана в логове врага, публиковавшиеся в чехословацкой печати приелись, было решено сострелять документальный фильм, подтверждающий все, о чем Минаржик писал и говорил. И пражское телевидение показало «Скандал в Риме», фильм, разоблачающий связь бывшего директора телевидения Иржи Пеликана, одного из ведущих деятелей «пражской весны», с мюнхенской радиостанцией «Свобода». Зрители могли увидеть, как где-то в Италии Минаржик встретился с Пеликаном, и ас разведки вынудил врага саморазоблачиться. Фильм должен был выглядеть документальным. И действительно, зрители узнали в «Пеликане» загримированного начальника отдела кадров научного института, а в итальянском кафе — пражское кафе «У сапожника Матеуша».

Злые языки могут сказать: чешские капитаны Минаржики работают, как сапожники. Думаю, что дело не только в этом. Действовала советская система: какое значение имело — кого снимают и где снимают. Приказано верить, что это Пеликан и Италия. Надо верить, ибо в данном случае 2 x 2 равнялось нулю.

В августовской советской печати обращает на себя внимание тема, которой не посвящено ни одной строчки: американцы на Марсе. На протяжении последних пятнадцати лет проблемам космических полетов, спутникам, межпланетным делам посвящалось множество места. У советских читателей воспитали настоящий интерес к Космосу. И вот, когда человек сумел послать на Марс сложнейшую аппаратуру, получить удивительные фотографии, в советской печати обо всем этом глухо. Как в гробу. Ибо успеха добились американцы. За месяц до посадки «Викинга I» на марсианскую почву журнал «Юность» (№ 6) опубликовал (несомненно, по оплошности цензора) фантастический рассказ Я. Голованова и Ю. Гусмана «Контакт». О полете на Марс. Больше 10 лет назад Я. Голованов опубликовал рассказ о полете на Марс. Это было время первых советских спутников — и на Марс летел советский корабль с советским экипажем. Во втором рассказе летит на Марс советский корабль «Гагарин». Командир корабля — советский генерал Седов, но на 3 советских членов экипажа — 3 американца. И мы снова в системе советской «математики». Сначала 2×2 равнялось 2. Потом 3×3 — 3. А теперь вообще цифры исчезли вместе с планетой Марс.

Чудовищность, иррациональность, которая становится своеобразной логикой советской системы, становится все более очевидной, прежде всего советским людям. Они разоблачают эту систему с помощью сатиры. Корреспондент «Вашингтон пост» в Москве Питер Оснос рассказал недавно о великолепной шутке, которую сыграл с системой, поплатившись, конечно за это математик Юрий Гастев. Отец Юрия Алексей Гастев — старый большевик, талантливый поэт, организатор Института труда — был расстрелян в 1938 г. Была арестована его жена, двое сыновей, в том числе и Юрий, вышедший после 5 лет лагеря с туберкулезом легких. В 1971 г. Юрий Гастев защитил диссертацию на звание кандидата естественных наук. Работа его называлась «Гомоморфизмы и модели — логико-алгебраические аспекты симуляции». Изданная в количестве 5 500 экземпляров, она была рассчитана, конечно, только на специалистов-кибернетиков. Нашелся среди специалистов один, особенно рьяный. Проштудировав 232 названия в списке использованной литературы, он прежде всего обнаружил двух диссидентов, которых Юрий Гастев включил по дружбе. Затем, однако, рьяный специалист задумался над очень странным названием: «Д. Шейн и В. Стокс. Дыхание смерти возвещает возрождение духа, Майнд, март 1953». Никто из кибернетиков и математиков авторов книги не знал. После тщательного расследования выяснилось, что Шейн и Стокс — ирландские врачи, жившие в XIX в. и описавшие особый тип затрудненного дыхания. Термин «дыхание Шейна—Сто-

кса» означает в медицине симптом близкой смерти. Выяснилось также, что в бюллетене о состоянии здоровья Сталина говорилось: дыхание Шейна—Стокса. Юрий Гастев был в марте 1953 г. в туберкулезном санатории. Услышав бюллетень, один из пациентов, врач, воскликнул: Шейн—Стокс значит конец. И с тех пор Юрий Гастев пьет вместе с друзьями ежегодно 5 марта за здоровье Шейна—Стокса. Не довольствуясь этим, решил он почтить их память — и день освобождения духа — в своей диссертации.

Этого ему не простили: система не любит ни шуток над собой, ни насмешек над отцами-созидателями.

Октябрь 1976

В летнем номере «Культуры» (№ 7/8) за этот год была опубликована удивительная рецензия: рассказывалось в ней о книге «Зияющие высоты», но не называлось имя автора. Объяснялось это тем, что автор, находящийся в Москве, опасался, что о предстоящем выходе книги узнают власти до ее публикации и постараются появлению книги помешать. В конце сентября «Зияющие высоты» появились в продаже. Лозаннское издательство «Л'а ж д'Ом» выпустило книгу на русском языке. Нет сомнения, что вскоре она будет издана и на других языках.

Теперь можно назвать имя автора «Зияющих высот» — Александр Зиновьев.

По странному стечению обстоятельств польские читатели могли ознакомиться не только с некоторыми взглядами профессора Зиновьева, но и с его портретом. 27 января 1974 г. журнал «Тыгодник повшехны» опубликовал интервью с Александром Зиновьевым, озаглавленное «О методологии наук». Збигнев Подгужец, проводивший интервью, в коротенькой биографической заметке назвал А. Зиновьева «одним из самых выдающихся советских логиков», перечислил важнейшие из его специальных работ. Это, конечно, не могло дать представления о судьбе советского ученого, решившего подвергнуть научному анализу мир, в котором он живет. У Александра Зиновьева было, казалось бы, все, чтобы преуспеть в Советском Союзе. Родился в 1922 г. в бедной крестьянской семье, русский, участник Отечественной войны, награжденный орденами и медалями, член партии, вступивший на фронте. Но все эти положительные качества перекрываются отрицательными: выдающиеся способности, блестящий, острый, как нож, ум, нежелание слепо подчиняться нормам, установленным свыше, просто наличие совести и чести.

Мысли, высказываемые А. Зиновьевым на лекциях, в статьях, так и не появившихся в печати, в разговорах, дошедших до сведения начальства, кладут конец его педагогической деятельности, а потом и научной.

Александр Зиновьев пишет книгу — «Зияющие высоты». Советская литература нескольких последних лет достигла зрелости, на которую трудно было надеяться после полувека Советской власти. Внутреннее освобождение талантливейших писателей родило «вторую литературу», имеющую очень мало общего с официальной литературой. Книги Александра Солженицына, Андрея Синявского, Владимира Максимова, Аркадия Белинкова, которых заставили покинуть страну, книги Владимира Войновича «Приключения Чонкина» и «Иванькиада», «Верный Руслан» Георгия Владимова, «Демобилизация» Владимира Корнилова, мемуары Льва Копелева «Хранить вечно» — писателей, продолжающих жить и писать в СССР, помогли понять характер советского режима, суть советского общества. Но даже рядом с этими книгами «Зияющие высоты» — явление особое. Книга Александра Зиновьева «Суммум советикум» — анализ советской системы как явления не только русского, но универсального.

Я не сомневаюсь, что вскоре «Зияющие высоты» начнут цитировать по самым разным поводам, настолько глубоко и тонко понял автор самые разные стороны советской структуры. Вот пример: VI съезд советских писателей создал «Совет по творческим связям Союза писателей СССР с МВД СССР». У Зиновьева советские интеллектуалы рассуждают так: «Театр Шекспира был при короле. Театр Мольера был при короле. Ибанский (Ибанск — страна, о которой рассказывает книга) балет зародился под покровительством императора... Бомарше был стукач. Мильтон был стукач. Оскар Уайльд был педераст. Бернард Шоу был...» Совершенно очевидно, что теория эта не только оправдывает, она благословляет «творческие связи» советских писателей с МВД, КГБ и другими «органами».

Книга Александра Зиновьева трагична, ибо он приходит к выводу, что советское общество сумело воспитать советских граждан — людей, для которых советские нормы — это нормы жизни. Быть может, однако, что вывод философа чрезмерно пессимистичен. Старейший советский поэт Павел Антокольский, писавший при жизни Сталина стихи во славу вождю, в период оттепели — стихи, порицавшие вождя, написал в связи со своим 80-летием и награждением орденом Ленина: «Мы верим в бдительное поколение, что сменит нас не сегодня завтра...» Кто идет на смену поколению Антокольского? Есть некоторые основания полагать, что советская молодежь, быть может, не так «бдительна», как мечтают Антокольский и его работодатели. О настоящем и будущем начи-

нает задумываться Советская Армия. Почти год назад вспыхнул мятеж на советском корабле «Сторожевой». 6 сентября 1976 г. старший лейтенант Беленко посадил свой сверхсекретный МИГ-25 на аэродроме в Японии и попросил политического убежища в США. 23 сентября советский военный летчик посадил свой самолет в Иране и также попросил убежища в США.

О мятеже на «Сторожевом» шведы известили мир через много месяцев после события. О летчике, бежавшем в Иран, пока ничего не известно. Много зато пишут о старшем лейтенанте Беленко, сделавшем американцам замечательный подарок к 200-летию независимости. Меньше всего писали о нем советские газеты. Только через 9 дней после посадки МИГ-25 в Японии — 15 сентября — агентство ТАСС опубликовало длинное заявление с плаксивым заголовком: «Кому это нужно?» Япония обвинялась в недружественном отношении к соседу — СССР, в захвате заблудившегося в небе самолета и летчика, в допуске к секретному самолету «третьего государства», в отравлении Беленко «наркотиками или другими средствами», в результате чего во время беседы с представителями советского посольства он «находился в ненормальном состоянии». И нужно признать, что по советской логике Беленко «ненормальный». Он бежал из Советского Союза и не хочет туда вернуться. Если ненормальными считаются люди, верящие в Бога, поющие стихи Мандельштама, или выпускающие «Хронику текущих событий», то Беленко и подавно. Прошло еще 9 дней, и советские газеты опубликовали новое заявление по этому поводу. На этот раз автором было общество «СССР—Япония». На этот раз, видимо, придя к выводу, что Беленко не вылечится, от Японии требовали только возвращения самолета. На всякий случай неподалеку от советских территориальных вод были захвачены 6 японских рыболовных шхун.

Трудно сказать, какие секреты узнают западные специалисты, разобрав легендарный МИГ-25. Не исключено, что были они о нем значительно лучшего мнения, чем следовало бы. Мания преувеличивать успехи советской техники, как и советского образа жизни, — род раковой болезни, разъедающей западный мир. Известно, однако, что два настоящих секрета Беленко привез. Первый секрет — военный. Оказывается, во время полета ветровые стекла МИГа замерзают. И никакие усилия советских инженеров проблему решить не могут. Дело в том, что есть средство борьбы с замораживанием стекла — спирт. Но весь спирт, находящийся в специальных устройствах, выпивается экипажем еще до полета. Второй секрет — политический. И на него как-то не обратили внимания. Парижская газета «Русская мысль» даже выпустила эти слова из заявления Бе-

ленко. А заявил старший лейтенант советских Военно-Воздушных Сил, приземлившись в Японии, что бежал он из Советского Союза потому, что господствующий там режим еще хуже царского строя.

Это заявление кажется мне чрезвычайно знаменательным. Беленко — 29 лет. Можно думать, что не только он, но и его родители родились при Советской власти. Воспитаны Советской властью, советской пропагандой, утверждавшей, что хуже царского строя нельзя себе ничего представить. И молодой советский человек, представитель второго, полностью советского поколения приходит к выводу, что советский строй — хуже царского. Других критериев у него нет. А этот критерий дала ему советская пропаганда. И он обратил его против пропаганды.

Состояние армии, положение в армии всегда отражает положение в стране. О состоянии Советской Армии сегодня можно судить не только по рождающемуся там недовольству, выражением которого являются мятеж на «Сторожевом», бегство старшего лейтенанта Беленко. В маршалы был произведен Генеральный секретарь ЦК партии Брежнев. Маршалом стал секретарь ЦК, назначенный на пост министра обороны, Д. Устинов. В начале сентября звания генерала армии были присвоены председателю КГБ Андропову и министру МВД Щелокову.

Мне уже не раз приходилось отмечать, что для понимания происходящего в Советском Союзе полезно знакомиться с тем, что советские идеологи пишут о Китае. При знакомстве с «китаеведческими» трудами, выходящими в Москве, нередко создается впечатление, что их авторы, пишут, глядя в зеркало.

Недавно московское «Военное издательство» выпустило сборник статей «Милитаризм в идеологии и практике маоизма». Составитель сборника полковник Ю. Иванов включил в книгу статьи генерал-майора Д. Волкогонова об основах военной теории и практики маоизма, капитана первого ранга Н. Шумихина «Армия в политических маневрах Пекина», Г. Апалина «Пекин: идеология на службе экспансии» и др.

Из статей сборника читатель узнает, что «милитаристские тенденции в идеологии маоизма... рядятся в «марксистские одежды», используют социалистическую фразеологию, затрудняя в ряде случаев возможность видеть их откровенно реакционный характер». Читатель узнает, что маоисты помимо политико-идеологической обработки населения, создания в своей стране атмосферы «осажденной крепости», расширяют милитаризацию экономики. Тратят на военные нужды около 40% бюджета. В результате: «направляя львиную долю государственных средств на расширение военного производства, форсированными темпами наращивая ракетно-ядерный потенциал, пекинские правители... держат свой народ на нищенском

пайке, сохраняют строгую карточную систему фактически на все виды продовольственных и промышленных товаров». Читателю нет нужды выезжать в Китай, чтобы убедиться в справедливости анализа.

Много места посвящают авторы сборника «непрекращающейся борьбе между различными группировками в правящей пекинской верхушке».

Рецензия на сборник, опубликованная в органе Министерства обороны СССР газете «Красная звезда» (7.9.76), заканчивается словами: «Именно поэтому борьба против маоизма, разоблачение его агрессивной милитаристской сущности является насущной задачей».

Рецензия эта, в которой председатель китайской компартии назван, в частности, людоедом, была опубликована ровно за два дня до смерти Мао Цзэдуна. Смерть его советская печать отметила сразу же — на редкость оперативно, как радостную новость, но с лаконизмом, который войдет, наверное, в историю журналистики.

Информация была озаглавлена: «Кончина Мао Цзэдуна». И дальше следовало: «Пекин, 9 сентября. Здесь объявлено, что 9 сентября в 0 часов 10 минут на 83-м году жизни в Пекине скончался председатель ЦК Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун».

С такой же молниеносной для советских газет быстротой было опубликовано в августе 1940 г. сообщение о смерти другого страшного врага Советского Союза — Троцкого. Но Сталин умел ликовать по случаю смерти врагов, в особенности, если он их сам убивал, с гораздо большим размахом, чем нынешние кремлевские обитатели. Статья о смерти Троцкого была озаглавлена: «Собаке — собачья смерть».

Советская печать радость по случаю смерти Мао выразила хитрым монтажом из статей, появившихся на Западе, доказывающих, что весь мир счастлив, ибо умер предатель коммунистической идеи.

Следует признать, что по отношению к врагу № 2, т.е. к американскому империализму, советская пропаганда относится сегодня значительно менее резко, чем к врагу № 1 — маоизму. И для этого есть все основания. Это китайская печать утверждает, что Советский Союз грабит своих партнеров по СЭВ, стремится превратить страны третьего мира в свои колонии и т.д. Зато американский президент Форд заявляет, что «он не думает, что югославы, румыны и поляки считают себя зависимыми от СССР. Эти страны независимы, автономны и полностью располагают своей территорией». Весной нынешнего года советник Киссинджера Зонненфельд изложил эти взгляды на совещании американских дипломатов в Лондоне и тогда кое-кто пытался усомниться: мог ли один из руководителей американской внешней политики выражать такие взгляды. Сегодня президент Форд официально подтвердил существование т.н. доктрины

Зонненфельда, требующей, чтобы народы, входящие в советскую империю, полюбили СССР.

Удовлетворение, которое политика США вызывает в Москве, омрачается изредка тем, что кое-кто из «буржуазных идеологов» «не проявляет намерений отказаться от борьбы против социализма». 24 сентября «Правда» опубликовала большую «теоретическую» статью «Разрядка и классовая борьба», подписанную доктором философских наук профессором Ю. Красиным. Автор статьи чрезвычайно недоволен «видным идеологом антикоммунизма З. Бжезинским», который пропагандирует «концепцию политико-идеологических методов давления на социалистические страны, рассчитанную на постепенную «эрозию» социализма».

Проф. Красин излагает нынешнюю официальную советскую доктрину «разрядки и классовой борьбы»: Советский Союз — идеальное общество; следует цитата из Брежнева: «мы создали общество людей равноправных в самом широком смысле слова, не знающих сословных, имущественных, расовых или иных подобных привилегий, общество, которое не только декларирует права человека, но и обеспечивает на деле возможность их использования»; это общество — социалистический Советский Союз и дружественные ему страны — единственная надежда человечества; «интересы человечества совпадают с классовым интересом международного рабочего класса, социализма». Следовательно, — завершает свой вывод советский философ, — «курс на разрядку... ни в малейшей степени не противоречит революционной стратегии борьбы за освобождение народов от классового и национального гнета, за социальный прогресс».

Иными словами: «эрозия» капитализма, переход власти в руки коммунистов там, где она им еще не принадлежит, — «объективное требование времени». Тот, кто этому сопротивляется, даже тот, кто этим недоволен, — враг Советского Союза, коммунизма, а тем самым — человечества.

Доктрина «эрозии» капитализма — мирным или вооруженным путем — подробно изложена в вышедшей год назад книге Константина Зародова «Три революции в России и наше время». К. Зародов, редактор журнала «Проблемы мира и социализма», органа международного коммунистического движения, летом минувшего года звал португальских коммунистов к захвату власти. И был принят Брежневым на частной аудиенции, означавшей, что взгляды Зародова одобрены на высшем уровне. Книга Зародова издана небольшим тиражом — 9 тыс. экземпляров, т.е. рассчитана на узкий круг руководителей пропаганды. Изложенные в ней идеи распространяются сегодня всеми советскими газетами и журналами миллионными тиражами.

Анализируя опыт трех русских революций — 1905 г., февраля и октября 1917, — К. Зародов приходит прежде всего к выводу об универсаль-

ности этого опыта, о необходимости для всех компартий им руководствоваться. Новое в доктрине Зародова — указание на то, что нынешнее состояние капиталистического мира позволяет значительно ускорить его «эрозию», перейти к решительным действиям по захвату власти — мирным или немирным путем. Зародова интересуют прежде всего страны Европы — Португалия, Испания, Италия, Франция.

Новое в доктрине Зародова — указание на необходимость переходить в наступление сразу, сегодня: «было бы ошибочно тормозить искусственно, сдерживать открытые выступления масс, дожидаясь стечения каких-то «особо благоприятных», «безукоризненно надежных шансов»... Надо рисковать! — требует Зародов. Он приводит в качестве примера поведение чехословацких коммунистов в феврале 1948 года, когда они «пошли на риск фронтального столкновения с буржуазией и одержали победу». Зародов утверждает: «И сегодня решимость пойти «на риск первого опыта»... обеспечивает успех в руководстве революцией».

К. Зародов — представитель того слоя партийных руководителей, которые завтра-послезавтра сменят стариков, находящихся сегодня у власти. И пока молодые, рвущиеся к власти, строят планы расширения «сферы коммунизма», старики ставят себе памятники.

Сегодня в Москве это последняя мода. В мае соорудил себе бюст — памятник в Днепродзержинске — Леонид Брежнев. 25 сентября открыли бронзовый бюст Николая Подгорного. 3 октября желающие могли любоваться бронзовыми чертами Михаила Суслова. В ближайшее время будет и памятник Андрею Кирилленко.

После разоблачения «культ личности» было решено при жизни руководителей партии памятников не ставить. Но ведь хочется! И был найден выход. По статуту — дважды Герой Советского Союза — получает свой памятник, на своей родине. Это хорошо. Но одновременно не очень. Ибо все зависит, кто где родился. Брежнев, например, угадал родиться в деревушке, которая стала большим городом. Памятник его могут видеть — если захотят — все, т.е. все, кто приедет в Днепродзержинск. А вот Подгорный родился в Карловке Полтавской области. Кто туда поедет? Суслов ухитрился родиться еще хуже — в деревне Шаховское Ульяновской области. Где родился Кирилленко, пока неизвестно. Он только на днях получил вторую звезду Героя и — выбирает скульптора.

Статут Героя Советского Союза предусматривает установление бюста Героя в Москве в случае трехкратного награждения Золотой звездой. Боюсь, однако, что никто из нынешних руководителей памятника в Москве не дождетя.

Кое-кто из читателей нынешнего обзора мог бы подумать: как мрачны, как скучны советские газеты, журналы, книги. И это правильное впечатление. Случается, однако, что и в советской печати появляются материалы, полные неподдельного юмора.

31 августа «Известия» напечатали фельетон под названием «История болезни». Не знаю, помнил ли его автор, что есть у Зошенко рассказ под таким именем. Начинается он словами: «Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома». То есть герой рассказа хочет сказать этим, что если уж болеть, то не в больнице, а дома. Потому что, в частности, первое, что он увидел, попав в больницу, была надпись: выдача трупов с 3 до 4. А когда герой рассказа попробовал слабым голосом указать на некоторую неуместность надписи, врач отрезал: сначала вылечись, а потом критикуй. А то смотри, выдадим тебя с 3 до 4...

Зошенко написал свой рассказ в 1938 г. Через 38 лет снова — «История болезни». Много изменилось. То есть многое осталось прежним: привезли больного с острым аппендицитом на больничный двор и оставили. Да и потом — уколы не делают, воды не дают, температуру не меряют. Или вернее — все, что нужно делают... При условии... И в этом виден прогресс по сравнению с 1938 г. Герой фельетона был опытным больным: то ли сам бывал в больницах, то ли знакомые. Он хорошо знал сигнал, знак. Когда, например, его оставили лежать в машине «скорой помощи» на больничном дворе, он слабым голосом сумел достаточно, однако, слышно прокричать: «ку-ку». Сразу же подошел санитар и всего за два рубля отвез в операционную. Так было и с уколами, с термометром, с водой. Волшебное: «ку-ку» устраняло все помехи на пути к быстрому выздоровлению. В газете не сказано, но можно не сомневаться, что и хирург стал точить свой скальпель, только услышав волшебные звуки.

Сравнивая два юмористических рассказа, мы можем еще раз убедиться в том, как выросло материальное благополучие советских трудящихся.

Ноябрь 1976

Не раз уже мне приходилось отмечать молчание советской печати о событиях, потрясавших страницы мировой печати. На этот раз молчание советских газет и журналов особенно выразительно. События, происходящие в Китае после смерти Мао Цзэдуна, в Советском Союзе остались как бы незамеченными. А казалось бы — какая великолепная возможность! Сколько пролито было советских чернил для разоблачения вдовы Мао в то время, когда она еще не была вдовой и главой «четверки предателей», а

числилась руководительницей «культурной революции»! Да что там чернила! В «документальном фильме», разоблачающем «клик Мао», демонстрировавшемся на советском телевидении, прямо говорилось даже о безнравственной молодости гражданки Цзян Цзинь, соблаздившей Мао. И вот теперь, когда можно было поговорить обо всем этом поподробнее, со ссылкой на сегодняшние китайские газеты, — полное молчание.

Очевидное объяснение: советские руководители выжидают, как обернется положение в Китае, кто останется победителем в борьбе за власть. Сдержанность советского руководства дошла до того, что министр обороны маршал Устинов, выступая на военном параде 7 ноября, не назвал в числе врагов Советского Союза Китай. Как это сделал в прошлом году министр обороны маршал Гречко.

Есть, однако, как мне думается, еще одна причина молчания советской печати в связи с китайскими событиями: поразительное сходство языка, приемов между китайскими и советскими «разоблачительными кампаниями». События в Китае разыгрываются точно по уже известному сценарию. История с «Завещанием» Мао, которое «подделывается» изменниками. Это уже было — с «Завещанием» Ленина. Внезапное превращение вчерашних наследников в лютых врагов — это было после смерти Сталина с Берия. Название «четверки предателей» — «антипартийная группа» — тоже было: после свержения Хрущевым Молотова и компании. С большим интересом рассматривал я карикатуру из китайской газеты, перепечатанную в парижском «Ле монд»: могучая рука, сжимающая четырех отвратительных карликов. Интерес мой вызван был не восторгом перед мастерством художника.

Я узнал карикатуру: видел ее 40 лет назад. Только тогда в могучей руке, сжимавшей отвратительных карликов, корчились Троцкий и его соратники. А под карикатурой — происходило это в незабываемом 1937 году — была подпись по-русски, а не по-китайски (опубликована была в газете «Известия»): «Ежовые рукавицы». Что означало: верный исполнитель воли Сталина Николай Ежов раздавит — как тогда говорилось — гадов.

Прошло 40 лет, изменились лица «карликов», которых давят, подпись на китайском языке. А рука все та же. Ежовая, неумолимая.

Главная особенность советского человека — отсутствие исторической памяти*. И, конечно, в принципе советская печать не заботится о том, что она говорила вчера. На этот раз, правда, сходство поразительное. И кое-какие смутные воспоминания может вызвать.

* Из письма Стефана Киселевского в «Зешиты хисторичны» (№ 34, 1975) следует, что процесс формирования «советского человека» в Польше идет через лишение поляков исторической памяти.

Удивительное это сходство позволяет сделать еще одно допущение: быть может, новые китайские руководители, пользуясь эзотерическим языком подлинных марксистов, обращаются к советским руководителям. Большинство наблюдателей — журналисты, «советологи», «китаологи» — считают маловероятным советско-китайское сближение. Однако и в советской, и в китайской политике — не только последнего времени — было столько внезапных, совершенно неожиданных поворотов, что исключать возможности примирения Москвы и Пекина, Пекина и Москвы нельзя. Тем более что во главе Китая и Советского Союза стоят — как всегда — люди исключительные. О чем свидетельствуют почти дословно совпадающие хвалебные характеристики, которые дают лидерам их благодарные подданные. «Лично выращенный...», «выдающийся марксистский руководитель», «обогащенный исключительным опытом, полученным в ходе сложных внутренних и международных боев», «преданный», «бескорыстный», «скромный», «прямой», «благодаря ему партия...», «умеет сочетать теорию и конкретную революционную практику...» — это один Вождь. А вот другой: «богатый опыт руководителя партии и государственного деятеля», «мудро содействовал...», «законно заслужил любовь миллионов жителей нашей планеты». Опытный читатель легко догадается: в первом случае дифирамбы обращены к Хуа Го-фену. Во втором — к Леониду Брежневу. Но каждый читатель согласится, что от замены дифирамбов местами абсолютно ничего не изменится. «Партия и народ любят тебя, Леонид Ильич! — читаем мы в «Правде» за 16 октября. — Они любят тебя за твой гуманизм и твою сердечность, за твою мудрость и твою безграничную преданность ленинизму...» Китайский народ выразил свою любовь к премьерику Мао выйдя, как один, на площади городов и селений.

В 1956 г., выступая на XX съезде, Никита Хрущев, расчищая себе путь к престолу Сталина, вспомнил неожиданно Маркса: «Энгельс и я присоединились к тайному обществу коммунистов при условии, что все содержащиеся в уставе этого общества положения, допускавшие возможность суеверного почитания каких-либо авторитетов, будут исключены из этого документа». Когда «тайное общество коммунистов» стало явным и пришло к власти, оказалось, что без «суеверного почитания авторитетов» оно жить не может. А «суеверно почитаемые авторитеты» могут без всяких извинений и оправданий менять политику, как они считают нужным, выгодным для себя.

Тем легче будет это сделать сегодня, когда оба Авторитета засчитали себе победы. Победа Хуа Го-фена на сегодня очевидна. Устранив серьезных соперников, он занял пост председателя партии и премьер-министра. Победу Брежнева объявил он сам. В речи на пленуме ЦК гене-

ральный секретарь заявил 25 октября: «Сегодня мы вправе сказать, что битва за хлеб 1976 года выиграна и выиграна с честью». И подробнее: «На сегодняшний день намолочено более 216 млн. тонн зерна. Уборка продолжается. Можно считать, что мы либо вплотную приблизимся к показателям рекордного 1973 г., либо даже превзойдем его. Это огромная победа!»

Знаменитый рекордный урожай 1973 г. составлял 222 млн. тонн зерна. Следовательно, уже 25 октября рекорд был близок. Через пять дней, на 1 ноября, было уже собрано, по заявлению секретаря ЦК Федора Кулакова, 220 млн. тонн зерна. Так что нет сомнения: рекорд будет побит. И неважно, что «миллионы тонн», которыми жонглируют секретари ЦК (сам Брежнев в своей речи говорил даже о «миллиардах», перейдя для этого от тонн к древним российским пудам), — это только намолоченное зерно, которое нужно еще довести до амбаров (в ходе этого процесса потери доходят до 30–40%). Неважно, что уже закуплено в США 6,5 млн. тонн зерна. Важно, что неурожая нет. Следовательно — есть победа, связанная «лично» с товарищем Брежневым, который «лично» участвовал в «битве за хлеб».

Формы «личного участия» Вождя в трудовой деятельности советских людей не меняются вот уже полвека. Снова в газетах, начиная с августа, когда стало очевидным, что катастрофы в сельском хозяйстве не будет, замелькали «письма трудящихся» и — главное — ответы Генерального секретаря. Трудящиеся писали о выполнении плана, а Генеральный секретарь их поучал. Например, картофелеводам он писал: «картофель — это ценнейшая продовольственная, техническая и кормовая культура», зерноводам указывал на огромное значение зерна как основного продукта питания, хлопководов раскрывал роль хлопка в народном хозяйстве и т.д. И поэтому сегодня Л. И. Брежнев может считать себя победителем. За поражения в сельском хозяйстве отвечают министры, тяжесть победы берут на себя генеральные секретари.

В речи на пленуме ЦК Брежнев не только поздравлял себя с победой, он обещал победы и в будущем. Он заявил об ассигновании на нужды сельского хозяйства колоссальной суммы в 170 млрд. рублей в течение 5 лет. С помощью этих средств, заверил Генеральный секретарь, можно будет «подтянуть аграрный сектор нашей экономики до самого современного уровня». Опыт минувших 45 лет колхозной деятельности позволяет утверждать, что и эти 170 млрд. рублей провалятся в колхозное болото, а сельское хозяйство вытянуть из него не удастся. Более конкретным было обещание Брежнева повысить к концу X пятилетки, т.е. к 1980 году, среднюю заработную плату рабочих и служащих до 170 руб., а колхозников — до 116 руб. Здесь было бы, конечно, уместно вспомнить обещания

покойного Никиты Хрущева, заверявшего, что в 1980 г. Советский Союз закончит строительство коммунизма, а все советские граждане будут жить, как в раю, гораздо лучше, чем граждане гнивающего капиталистического мира. Но не будем тревожить дух покойного Первого секретаря. Имя его вычеркнуто и забыто. Генеральный секретарь может давать новые обещания, не заботясь о невыполненных старых.

Случилась, однако, вещь не совсем предвиденная. Л. Брежнев дал интервью французскому телевидению. То есть он должен был дать интервью. Но поскольку неизвестно, что может спросить несерьезный французский журналист, Генеральный секретарь прочитал длинную статью о счастливой жизни советского народа. Французы передали эту речь вечером, когда все включают телевизор. Взамен советское телевидение обязалось передать интервью с французским президентом. Но французский президент оказался не на высоте. Отвечая журналисту, он позволил себе упомянуть, что минимальная заработная плата французского рабочего составляет 1 676 франков, что в пересчете по завышенному советскому курсу означает 324 рубля. То есть почти в два раза больше, чем будет (если будет!) зарабатывать в среднем советский рабочий и служащий в 1980 году. Цифры эти сами по себе, быть может, и не являются откровением. Уровень советской жизни достаточно известен. Любопытна реакция советских властей на выступление Жискара д'Эстена.

Прежде всего переводчик — а от него потребовали, и он согласился, чтобы переводчик был советский, — фразу о минимальной зарплате с пересчетом на советские рубли не перевел. Бывает... Затем интервью с президентом Франции дали вместо детской передачи. Дети его слушать не сгали, а взрослым не пришлось в голову, что стоит в это время включить телевизор. После этого «Правда» опубликовала статью из «Юманите», в которой выступление французского президента было подвергнуто острой критике. В частности, высмеивалось утверждение президента Франции, заявившего, что 74% французских семей имеет автомобиль. Оказывается, автомобили покупают только потому, что во Франции «городской транспорт в два и даже в три раза дороже, чем в СССР». Несчастливым французам приходится ездить в собственных машинах, в то время как строители коммунизма могут всего за 5 копеек ехать куда угодно в метро.

И все же этого советским идеологам показалось мало. К борьбе с последствиями выступления французского президента были привлечены органы. КГБ. И через неделю после выступления по советскому телевидению Жискара на экранах советских телевизоров снова появился француз, молодой тулузский фотограф Жан-Кристиан Тира, арестованный 1 сентября в Москве за распространение листовок с требованием осво-

бождения политических заключенных. В отличие от французского президента молодому французцу для раскаяния дали самое лучшее время: в перерыве между таймами во время встречи на кубок Европы футболистов киевского «Динамо» и греческой команды. Все советские телезрители были возле экранов. Мало этого, «Правда» и «Комсомольская правда» поместили полный текст заявления кающегося француза.

Жан-Кристиан Тира нарисовал мрачную картину кошмарной жизни на Западе, противопоставив ей «замечательные успехи советской системы», чистоту московских улиц и отсутствие автомобильных пробок, а также «политические свободы», о которых на Западе и не подозревают. Советские телезрители несомненно с большим интересом слушали рассказ о своей счастливой жизни из уст француза, прибывшего в Москву 31 августа, арестованного 1 сентября и расхваливавшего советские свободы из тюремной камеры. Стоит отметить, что организация, подготовившая несчастного фотографа к выступлению, воспользовалась случаем для бессовестной саморекламы. Самые горячие слова восторга посвятил Тира капитану КГБ Голубинскому и КГБ в целом. Он даже успел выучить знаменитые слова любимца советских людей Феликса Дзержинского об идеальном чекисте, который «должен иметь холодную голову, горячее сердце и чистые руки».

В награду за выступление Жан-Кристиан был выслан в капиталистический ад, на родину. Там он, конечно, рассказал, как его принудили к раскаянию, но по советскому телевидению об этом не было уже ни слова. Операция «анти-Жискар» была закончена.

Продолжается операция, которую можно назвать «борьбой с невежеством Запада», т.е. с политическим невежеством Запада в отношении Советского Союза. Специальный корреспондент «Литературной газеты» в США публикует свои «наблюдения», из «американского блокнота» под заголовком «Что они знают о нас?». Из «заметок» следует, что «они» о «нас» ничего не знают. Корреспонденту «Литературной газеты» признался в этом, в частности, профессор Колумбийского университета Маршалл Шульман, возглавляющий Русский институт при университете. Американский профессор, якобы, так прямо и заявил: «В США преобладает незнание и даже невежество в отношении Советского Союза». В Америке распространяются такие странные взгляды на СССР, будто бы «там слишком большая военная мощь и слишком мало свободы», что будто бы в советских лагерях сидят миллионы заключенных, что будто бы — можно ли себе представить страшнее клевету? — «всех духовных и прихожан взяли на учет». В том самом Русском исследовательском институте, директор которого признался в американском невежестве, разрабатывается

такая, например, тема: «Писатель как совесть человечества: Толстой и Солженицын». Московский корреспондент возмущен этим чудовищным «невежеством!» «Великий художник слова, зеркало русской революции, с одной стороны, и мракобес, литературный власовец, — с другой, ставятся на одну доску!»

Московский корреспондент серьезно предупреждает некультурных американцев: «невежество всегда опасно». Он обрушивается на тех, кто виноват в распространении невежества: на журналистов, позволяющих себе после возвращения из СССР писать «антисоветские книги», на советологов, скрывающих правду о первой стране социализма.

Картина, представленная советской печатью, привлекает своей ясностью и простотой: с одной стороны, «человек с улицы», широкие массы «трудолюбивого талантливого американского народа», с другой — реакционные журналисты и советологи, являющиеся «агентами военно-промышленного комплекса». В связи с выборами Картера в советской печати все чаще публикуются предупреждения в адрес советников нового президента. В «Правде» за 24 сентября разоблачался как «идеолог антикоммунизма», «не желающий прекратить борьбу с социализмом», профессор Збигнев Бжезинский, давно уже признанный одним из главных «распространителей невежества». В «Правде» за 13 ноября предупреждались организаторы «Комитета актуальной опасности», созданного с целью разъяснения американской общественности «угрозы советского экспансионизма». Советская печать не только разоблачает грубое невежество американского — западного вообще — общественного мнения, обманутого «идеологами антисоветизма». Она дает положительные примеры знаний, которые нужно внедрять. Запад должен знать прежде всего, что Советский Союз — страна полной свободы и счастья. В отличие от западного мира, где «подозреваемого или обвиняемого сначала, как правило, арестовывают, а потом уже начинают решать, стоит ли его выпустить на свободу», в Советском Союзе «лишь в исключительных случаях арест применяется до предъявления обвинения подозреваемому обвинению», причем в этом случае подозреваемого можно держать в заключении «не более 10 суток» без предъявления обвинения. Это свидетельство советской свободы и человеколюбия приводит в статье «Гарантировано законом» первый заместитель министра юстиции СССР А. Я. Сухарев (Литературная газета, № 43). В Советском Союзе, продолжает А. Сухарев, никого не арестовывают, не преследуют за критику — это буржуазная клевета. Могут арестовать лишь в том случае, если критика перестает быть «конструктивной», «исходящей из общих интересов». Тогда другое дело, ибо «неконструктивной критикой» начинают пользоваться «свободы», «волны», «голоса».

Итак, прежде всего Запад должен знать, что подлинная свобода есть только в СССР. Затем он должен знать, что только СССР держит на своих плечах «защиту мира во всем мире». Выступая 7 ноября на военном параде, маршал Устинов так прямо и заявил: «Советская Армия находится в состоянии полной боевой готовности и готова выполнить свой патристический и интернациональный долг плечом к плечу с бойцами стран социалистического содружества... Верные священным принципам пролетарского интернационализма, защищая интересы социализма, дело свободы и независимости народов, советские люди бдительно следят за коварными действиями врагов мира».

Запад, следовательно, должен ликвидировать свое невежество и понять, что гарантией мира является «Советская Армия, находящаяся в полной боевой готовности».

Признаться, был я несколько удивлен, обнаружив в числе участников кампании по просвещению Запада Жореса Медведева. В органе Компартии Британии «Морнинг стар» (9 октября) я обнаружил изложение выступления советского биолога, лишённого советского гражданства и живущего в Лондоне. Выступая перед британскими профсоюзными деятелями, Жорес Медведев объяснял: в течение ближайших 6–10 лет Советский Союз превратится в более демократическое социалистическое государство, изменения происходят медленно, но происходят; Советский Союз искренне хочет сотрудничать с западными странами. Запад должен изменить свое враждебное отношение к СССР, перестать его судить по эпохе сталинского террора или вторжения в Чехословакию. Запад не должен враждебно относиться к СССР. В то же время, например, Запад не должен обижаться на Советский Союз, когда тот помогает ангольским марксистам. «Россия не намерена завоевывать Европу», — заверил Жорес Медведев. И, видимо, за одно это ей нужно все простить, за одно это нужно ее полюбить. И не нужно, — подчеркнул Жорес Медведев в странном унисоне с советской печатью, — верить таким советским диссидентам, как Александр Солженицын. «Я, — подчеркнул Жорес Медведев, — не доверяю таким людям, которые, покинув Советский Союз, переходят от одной крайности к другой». Можно полагать, что если сам Жорес Медведев не доверяет Солженицыну, то уж никто на Западе не должен этого делать.

Наконец, третья тема, которую разрабатывают советские просветители, ликвидирующие западное невежество: экономическая помощь Советского Союза Западу. Достаточно вспомнить, как это делает «Литературная газета» (№ 42), что «6 тысяч фирм ФРГ и 400 тысяч человек, работающих на предприятиях этих фирм, живут за счет обмена с Советским Союзом и другими социалистическими странами». Что бы стало с ФРГ

без этого обмена? Советский журналист дает понять, что без этого обмена ситуация в ФРГ была бы катастрофической.

Впрочем, как известно, не только капиталистический мир несет на своих руках СССР. Совершенно погибли бы без него социалистические страны. Ясно чувствовалось это в подаче советской печатью визита Эдварда Герека в Москву в ноябре нынешнего года.

Ликвидация «политического невежества» западного общественного мнения встречает некоторые трудности, хотя советским пропагандистам и удастся свои идеи протаскивать. Значительно легче идет дело обработки советских людей. И нужно ли удивляться, что подавляющее большинство советских граждан встречает как заслуженную кару подавление строптивых чехословаков, которых «мы кормили и поили», «спасли от немецких фашистов», дали «счастливую жизнь»...

Декабрь 1976

Суровые редакционно-типографские требования заставляют меня писать этот «Обзор» за неделю до события, о котором второй месяц не перестают писать советские газеты, утверждая, что его «с замиранием сердца» ждут «все прогрессивные люди» планеты. Подразумевается: кто не ждет с замиранием сердца — тот не прогрессивный... Событие это произойдет 19 декабря 1976 г. В этот день Генеральному секретарю ЦК КПСС маршалу Советского Союза Леониду Ильичу Брежневу исполнится 70 лет.

Сегодня праздновать советскому Вождю семидесятилетие и легко, и трудно. Легко потому, что было уже два прецедента: 21 декабря 1949 г. человечество отмечало 70-летие Сталина, 17 апреля 1964 г. — 70-летие Хрущева. Трудно потому, что каждый раз в празднике все меньше и меньше блеска и размаха. В 1949 г. коммунисты всего мира собирали подарки Отцу Народов, сцена московского Большого театра не могла вместить вассалов, приехавших на поклонение к Гению всех времен и народов. В 1949 г. — сам Мао прибыл с подарком. В 1964 г. и блеску было меньше, и число вассалов поредело.

В 1976 г. юбиляру приходится самому ездить за подарками и орденами: до дня рождения получил Леонид Брежнев орден в Белграде, потом — в Бухаресте. (Из Варшавы, должно быть, доставят на дом). Порадовало меня сообщение, опубликованное советскими газетами 1 декабря: «Золотая медаль перуанского общества Л. И. Брежневу». Вот, подумал я, перуанский народ любит Леонида Ильича. Но из текста заметки, напечатанного шрифтом поменьше, выяснилось, что это всего-навсе-

го Перуано-советская ассоциация культурных связей дарит золотую медаль. Получив, конечно, приказ из Москвы. Приходится, как видно, собирать подарки среди своих.

В Советском Союзе, однако, подготовка к празднику нарастает с каждым днем. Сделаны фильмы: «История коммуниста» (юбиляра конечно!), «Леонид Ильич Брежнев в Казахстане», «Программа мира в действии» и «Трудные дороги мира»; всюду в главной роли — Генеральный секретарь ЦК. Вышел альбом фотографий «Леонид Брежнев: страницы жизни, страницы эпохи». Вышла книга юбиляра «Вопросы управления экономикой развитого социалистического общества». Рецензию на эту книгу «Правда» (30.XI) озаглавила коротко и убедительно: «Наука побеждать». Л. Брежнев учит в собранных в книгу речах, докладах, выступлениях, как управлять экономикой, т.е. как побеждать. В рецензии подчеркивается важная черта брежневской «науки побеждать»: «бережное, заботливое отношение к кадрам». Сменив Хрущева, чувствовавшего себя диктатором, хозяином, Брежнев положил в основу своей внутренней политики иммобилизм. Как пишет «Правда»: «покончено с неоправданной перестановкой и частой сменяемостью работников». Речь идет, конечно, о «кадрах», о «руководящих работниках». И они выражают свое удовлетворение, не жалеют слов любви и восхищения Вождем.

На сессии Верховного Совета СССР артистка тбилисского театра С.М.Чиаурели от имени всех женщин Грузии просила разрешить ей: «Влить наши чувства в тот огромный океан благоговения, благодарности и любви, которые питают все честные люди нашей планеты к вам, дорогой Леонид Ильич! Мы благодарны вам за нашу мирную жизнь, за вашу отцовскую заботу, благодарны за улыбки наших детей!»

Можно объяснить благодарность Брежневу за улыбку «наших детей» злым наследством: артистка тбилисского театра — дочь самого знаменитого из придворных кинорежиссеров Сталина — Чиаурели. Но чем объяснить ответ начальника академии Генерального штаба Советской Армии генерала армии Ивана Шаврова, заявившего на вопрос журналиста «в чем сила советской стратегии?»: «в руководящей и направляющей руке партии, лично товарища Л. И. Брежнева»? Объяснение одно. Культ Вождя является фундаментом советской системы. И уже без удивления читаем мы в комментариях к Закону об охране памятников истории и культуры, принятом через 59 лет после революции, что одной из важнейших задач закона будет охрана бюста Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Леонида Ильича Брежнева, открытие которого «в мае этого года советский народ встретил с огромным удовлетворением и сердечным теплом».

Подозреваю, что 19 декабря Брежнев будет награжден — третьей звездой Героя, это даст ему право на сооружение бюста в Москве. Успеет ли он соорудить себе памятник в столице СССР рядом с памятниками Ленину, Марксу и Энгельсу — покажет время. Сталин после своего юбилея правил еще три с половиной года, Хрущев — всего шесть месяцев...

В конце ноября, когда подготовка к 70-летию Брежнева была уже в самом разгаре, на последней странице «Известий» с трехдневным опозданием появилось сообщение о смерти на 78-м году жизни Трофима Лысенко. Вряд ли кто-либо, если не считать Сталина и Гитлера, принес столько вреда Советскому Союзу, сколько этот агроном, один из величайших мистификаторов в истории человечества. Сотни памятников были поставлены ему. Самым удивительным был памятник скамейка: на гипсовой скамейке сидят Сталин и Лысенко. Но если обычно на многофигурных композициях со Сталиным все фигуры смотрят Сталину в рот, слушая мудрые слова, или, не задумываясь, следуют за ним, на скамейке с Лысенко вожь народов внимательно смотрит на фокус, который показывает ему преобразователь природы.

Лысенко мог стать «чудотворцем», оказывавшим на Сталина и Хрущева такое же магическое воздействие, какое Распутин оказывал на последнюю русскую царицу, лишь потому, что, как Александра Федоровна, так Иосиф Виссарионович и Никита Сергеевич всю свою жизнь ждали чуда. И когда явился человек, заявивший, что достаточно изменить среду, внешнее окружение, чтобы изменить врожденные свойства растений, его приняли с распростертыми объятиями. От овса, который Лысенко превращал в пшеницу, был всего один шаг до превращения бывших граждан Российской империи в Нового Советского Человека. А изменение внешней среды Сталин брал на себя.

К славословиям вождям советские читатели так привыкли, что, наверное, чувствовали бы себя без сравнений генеральных секретарей с океаном одиноко и неуютно. Но совершенно новым для подавляющего большинства граждан СССР были два матримониальных объявления, опубликованные в «Литературной газете» (№ 46). В 20-е годы, в далекие годы нэпа, в газетах появлялись матримониальные объявления, существовали частные матримониальные бюро. Но уже более 50 лет все это объявлялось признаком капиталистического разложения. Однако в последние годы советская печать все чаще и чаще пишет о нарастающем демографическом кризисе. «Почему детей становится меньше?» — называется статья в том самом номере «Литературной газеты», в котором «одинокий мужчина, 48/66, образование гуманитарное, домосед» выражает желание познакомиться «с блондинкой до 36 лет, любительницей

театра и симфонической музыки), а «разведенная, 32/162, с ребенком шести лет» ищет знакомства с «мужчиной — любителем спорта, жизнерадостным, непьющим».

Детей становится меньше. Рождаемость сократилась по сравнению с 1960 г. на 1 млн. в год. Это сегодня знают все. Вопрос: почему? Советские демографы начинают приходить к выводу, что «нынешний спад рождаемости — это, видимо, стихийный ответ женщины на перегрузки», т.е. ответ женщины на тяжелое положение, в котором она находится. Эмманюэль Тодд*, французский историк и демограф, считает падение рождаемости убедительным свидетельством недовольства системой. «Молча, но повсеместно русские прибегают к «забастовке животов», — пишет он. Добавляя, что отсутствие пилюли, несуществующей в России, заставляет прибегать постоянно к «традиционной противозачаточной технике», что, в свою очередь, свидетельствует о глубоком убеждении в необходимости «забастовки животов».

Советское государство пока еще не нашло способа борьбы с этой забастовкой, поэтому борьба за повышение рождаемости идет на другом фронте. Статистические данные свидетельствуют о том, что неуклонно растет число мужчин и женщин, не вступающих в брак. По подсчетам проф. Сонина («Неделя», октябрь 1976) почти 25% мужчин в возрасте от 25 до 29 лет и свыше 11% в возрасте от 30 до 34 лет не состоят в браке. Еще больше незамужних женщин. В 1970 г. на одного мужчину приходилось 2,26 женщины. Это и есть новый фронт борьбы за повышение рождаемости: увеличение числа браков. На вопрос: «почему советские люди не женятся?» есть немало ответов. Сегодня наиболее популярный ответ среди демографов: мужчины и женщины остаются холостыми, ибо не могут встретиться, не могут найти друг друга. Следовательно, задача Советской власти, которая заботится — как ни одна другая — о своих гражданах, — организовать встречи, которые закончатся браком, а затем — ростом деторождения. Проф. Сонин выступает за создание брачных бюро, бюро знакомств, как он их называет. «Литературная газета» реабилитирует брачные объявления, ссылаясь при этом на авторитет Германской Демократической Республики, где газеты публикуют предложения желающих вступить в брак.

В многочисленных статьях, посвященных проблемам демографии в СССР, все чаще проскальзывает упоминание одной из важнейших причин сокращения рождаемости, числа браков, увеличения числа разводов: алкоголизм. Не случайно среди двух объявлений, помещенных в «Лите-

* См. рецензию М. Бронского на «Окончательное падение» Эмманюэля Тодда в «Культуре» № 12, 1976.

ратурной газете» одно — от имени женщины — перечисляя качества, необходимые мужчине, называет главное: непьющий. Проф. Сонин признает, что именно «качества мужчины», т.е. «пристрастие иных к алкоголю» мешает увеличению числа браков.

Американский экономист Владимир Тремель, проанализировав статистические данные ежегодника «СССР в цифрах», пришел к выводу, что смертность в Советском Союзе в 1975 году подскочила с 8,7 до 9,3, т.е. почти на 7%. Особенно выросла смертность среди славянских народов, у мужчин производительного (а следовательно — пьющего) возраста. По подсчетам проф. Тремля средняя советская семья расходует ежегодно на алкоголь столько же, сколько средняя американская семья на автомобиль.

Можно предполагать, что одна из причин падения рождаемости в Советском Союзе — непрекращающаяся военная истерия, вбиваемое в голову с утра до вечера представление об угрозе войны, нависшей над миром вообще, Советским Союзом в частности. Э. Тодд приводит сравнительные данные о самоубийствах в странах Европы. В течение 5 лет число самоубийств в странах т.н. народной демократии: Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, ГДР выросло с 14 до 23 на 100 000. В странах Западной Европы за это же время — с 12,4 до 14 на 100 000. Не имея статистики самоубийств по Советскому Союзу, Э. Тодд рассматривает алкоголизм, как специфически советскую форму самоубийства.

Как известно, средние цифры могут скрывать странные вещи. Средние цифры сокращения рождаемости по Советскому Союзу скрывают резкое падение рождаемости в Советской России, высокий процент рождаемости в мусульманских республиках Средней Азии и Кавказа. В ближайшее время число русских в составе СССР будет составлять менее 50% населения и продолжать падать. Одно из важнейших средств, к которому прибегают власти для противодействия «дерусификации» Советского Союза, — насильственное внедрение русского языка в нерусских республиках.

Председатель Совета национальностей СССР Виталий Рубен, выступая в «Литературной газете» (№ 48) по случаю праздника советской Конституции (бывшей Сталинской), напомнил, что «и раньше было немало попыток создания обширных многонациональных империй, начиная от деяний Александра Македонского и кончая гитлеровским «рейхом». Многонациональные империи Виталий Рубен по каким-то причинам считает мечтой человечества и утверждает: «Лишь с возникновением социалистического государства... вековая мечта человечества нашла реальное воплощение». В этой идеальной империи «нет единого государственного языка. Вместе с тем быстрый рост межнациональных связей ведет к повышению значения русского языка — он стал средством общения всех

наций и народностей СССР». В. Рубен с гордостью сообщает, что при последней переписи населения СССР в 1970 г. русский считали своим родным языком 13 млн. человек из числа нерусского населения.

О том, каким образом русский язык становится родным для нерусского населения, рассказал грузинский писатель Реваз Джапаридзе, выступив на съезде писателей Грузии. Он привел факты: в московской «Учительской газете» была опубликована статья министра просвещения Грузии «Неисчерпаемый резерв». В статье рассказывалось об опыте средней школы в Зугдиди, в которой часть предметов стали преподавать на русском. Статья заканчивалась словами: «За год дети достигли больших успехов в овладении русским языком». Следовательно, — заявил Реваз Джапаридзе, — начнется распространение опыта школы в Зугдиди, и грузинский язык будет постепенно вытесняться из грузинских школ. Тбилисский университет принял обязательство перевести преподавание ряда предметов на русский язык и пригласить с этой целью крупнейших русских специалистов. В 1975 г. министр высшего образования СССР подписал приказ о публикации всех учебников для высших учебных заведений только на русском языке. Все диссертации, все материалы с ними связанные, даже протоколы заседания жюри, должны быть представлены в Москву на русском языке для утверждения.

Реваз Джапаридзе говорил о Грузии. Положение это характерно для всех советских республик. Не всюду только нашлись смельчаки, открыто выступившие против политики ликвидации национальных языков.

Французский ученый Анри Гобард, работающий в области социолингвистики, пишет в книге «Лингвистическая алиенация»: «Рим никогда не заставлял галлов изучать латынь: она навязывалась сама собой. Латинский язык был необходим для тех, кто хотел сделать карьеру в римском свете: галльская аристократия изучала его, чтобы сохранить свое положение... Латынь была обязательным языком торговых сношений... Таким образом, само собой значительные слои населения стали двуязычными...» Но римляне не заставляли галлов изучать латынь. А если бы заставляли? Если бы вводили его как главный в школах, в университетах?.. Скорее всего, французы говорили бы сегодня на итальянском языке.

Почти каждый месяц появляются новые рукописи из Советского Союза, опубликованные на Западе. Поток не только не исчерпывается, он, кажется, нарастает. В числе последних книг самой замечательной показался мне дневник Лидии Чуковской «Записки об Анне Ахматовой». Страницы из этого дневника были напечатаны два года назад. Теперь русское издательство в Париже начало публикацию полного текста, который займет два тома. Том I — 1938–1941 годы. Это подлинный дневник, кото-

рый велся — изо дня в день — в 1938–41 годах. После каждой встречи с Анной Ахматовой Лидия Чуковская поздним вечером или ночью записывала все, о чем они говорили. Много писала намеками, иногда просто шифром. Восстанавливая текст для печати, Лидия Чуковская иногда не может сегодня вспомнить, кого из участников разговора или упоминавшихся в разговоре она зашифровала странным словом. Но это лишь усиливает удивительную атмосферу книги: чудовищный мир за стенами маленькой коморки, в которой живет Анна Ахматова, мир кажущийся нереальным; реальными представляются прошлое и поэзия, в которых живет великий поэт.

Мне кажется, что еще никому не удалось передать непобедимую силу поэзии, духа, над нечеловеческой реальностью, как это сделала в своем дневнике Лидия Чуковская. Необыкновенность книги — в простоте содержания: две женщины, у одной арестован сын, у другой — муж, хождение по тюрьмам, полуголодное существование, холод, ежедневные заботы по хозяйству. И постоянно — стихи. Которые пишет и читает вслух Анна Ахматова, которые запоминает наизусть — для хранения, ибо записать нельзя — Лидия Чуковская. Книга о поэзии. Книга о героизме.

5 февраля 1977

Три события конца старого, 1976, и начала нового — 1977 — годов отразили неустойчивость положения в Советском Союзе, нерешительность властей, не знающих, какую политику выбрать для решения множества проблем: экономических, внутривнутриполитических, внешнеполитических. Первое из этих событий — долгожданное, к нему долго готовились, не жалея средств: 70-летие Генерального секретаря Леонида Брежнева; второе — неожиданное, но идея которого была сформулирована советскими эмигрантами, казавшееся невероятным: обмен узника Владимирской тюрьмы Владимира Буковского на узника чилийской тюрьмы Луиса Корвалана; третье — совершенно неожиданное: взрыв в московском метро.

День рождения Леонида Ильича прошел, как и следовало ожидать, хорошо: статьи в газетах, многочисленные фотографии: со всеми орденами, с частью из них, с детьми, с рабочими, в поле — по плечи в пшенице, со строителями ракет и т.д. и т.п. В течение 10 дней — поздравительные письма от благодарных жителей нашей планеты. Лучшее всех выразили чувства, которыми полно было в те торжественные дни человечество, два человека. Бывший адъютант Л. И. Брежнева подполковник в отставке И. Кравчук написал: «Подчеркиваю, моего командира любили беспрельдно за то, что сам он по своим человеческим и офицерским качествам был нам идеальным примером всегда и во всем» («Правда», 19.12.1976). Польский писатель Ежи Путрамент написал: «Вот почему я хочу повторить (адъютант писал: подчеркиваю. *Авт.*), что заслуга в предотвращении третьего мирового пожара принадлежит прежде всего и главным образом миролюбивой Стране Советов, Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ее Центрального Комитета товарищем Л. И. Брежневым... Мы гордимся партией, которую возглавляет Леонид Ильич Брежнев: у нее достаточно опыта и мудрости, осторожности и внимательности в любых ситуациях» («Литературная газета», 15.12.1976).

* Неясным остается, кого имел в виду «польский писатель Ежи Путрамент» — так подписана статья говоря: «мы гордимся». Впрочем, возможно, что это плюралис мажестатис.

Кульминацией праздника было вручение юбиляру третьей Золотой звезды, дающей — теперь уже полное — право на памятник в Москве. На фотографии, украсившей первую страницу всех советских газет, мы видим торжественный момент: Подгорный дрожащими руками вкалывает в пиджак Брежнева Золотую звезду, а полукругом стоят вожди — советские и братских компартий — и радостно бьют в ладошки. Потом вожди говорили благодарственные слова юбиляру. Особый интерес представляли благодарственные речи гостей. Одно и то же чувство — глубокой радости по поводу 70-летия — руководители «братских компартий выражали чуть-чуть разными словами. Секретарь монгольской компартии Ю. Цеденбал говорил открыто: «Приветствуя нашего близкого друга и старшего брата...»; секретарь болгарской компартии Т. Живков влюбленно: «каждое болгарское сердце... хранит ваш образ и ваши заслуги перед социалистической Болгарией...»; секретарь чехословацкой компартии Г. Гусак взволнованно: «Наша партия и наш народ уважают вас, Леонид Ильич...» И чехословацкий народ, оказывается, «хранит в сердцах память» о Брежневе, правда, только память об участии Генерального секретаря в войне с немецким фашизмом, победа над которым «принесла свободу Чехословакии». Секретарь польской компартии Э. Герек говорил поделовому: «Мы высоко ценим людей, которые отдают свои силы делу благополучия народу» и не упомянул личных заслуг Леонида Ильича в деле повышения благополучия Польши. С восхищением говорил об «огромной деятельности лично товарища Л. И. Брежнева» Рауль Кастро, передавший ему «чувства нерушимой дружбы и огромной любви и вечной благодарности всех кубинских коммунистов».

Среди десятков приветственных речей не привлек особого внимания тост секретаря компартии Уругвая Родней Арисменди, предложившего выпить «за интернациональную солидарность, которую всегда проявляет по отношению к народам Латинской Америки Леонид Ильич Брежнев». Р. Арисменди знал уже о тайных переговорах, которые велись между Брежневым и Пиночетом при посредничестве американцев — относительно обмена Владимира Буковского на Луиса Корвалана.

Прибытие товарища Корвалана на юбилей должно было стать кульминацией праздника. Но все вышло не совсем удачно. ТАСС сообщил 18 декабря всему миру: «Товарищ Луис Корвалан на свободе! В результате широкого движения солидарности с чилийскими патриотами и демократами* народов Советского Союза и других социалистических стран, благодаря энергичным усилиям международных организаций и прогрес-

* Обращает на себя внимание тонкое различие между «патриотами», т.е. коммунистами, и «демократами», т.е. попутчиками.

сивной общественности всех стран мира вырван из тюремных застенков...» Но за день до этого, 17 декабря, Андрей Сахаров сообщил иностранным журналистам, что советский диссидент Владимир Буковский, осужденный в январе 1972 г. на 7 лет лишения свободы, освобожден в обмен на освобождение Луиса Корвалана. 18 декабря на аэродроме в Цюрихе на глазах всего мира произошел обмен пленников.

Советская пропаганда оказалась в трудной ситуации: нужно было представить черное белым. Советской пропаганде это не было внове, 60 лет она этим занимается. На этот раз обстоятельства были особенными: фокус приходилось делать в открытую.

Когда Политбюро приняло решение менять Корвалана на Буковского, имея в виду, очевидно, сделать подарок Генеральному секретарю, оно опиралось на традиции. Традиции торговли людьми между генеральными секретарями советской компартии и диктаторами — давние. В 1934 г. Сталин выменял у Гитлера Георгия Димитрова на немецких шпионов, пойманных в СССР. В 1940 г. Сталин выменял у Хорти Матиаса Ракоши на венгерские знамена, захваченные русскими солдатами в 1848 г. Впрочем, в поисках традиции торговли заложниками можно пойти еще дальше, к отцу Советского государства. В 1922 г. он написал знаменитую статью: «Мы заплатили слишком дорого», в которой резко упрекал Бухарина и Радека, которые обещали европейским социалистам не расстреливать членов партии социалистов-революционеров, судимых на одном из первых сфальсифицированных советских процессов, в обмен за поддержку Советской власти. Владимир Ильич знал цену заложников. Правда, с социалистами торговаться было легче. Поклонники «буржуазного гуманизма», они дорожат человеческой жизнью. Труднее торговаться с братьями по духу — диктаторами. Тут жалостью не возьмешь. Приходится меняться: голову на голову. Так получилось, что за голову «генерального секретаря Коммунистической партии Чили» пришлось отдать голову «антисоветчина Буковского».

Цинизм обмена, явная его невыгода, с точки зрения советской пропаганды, были подчеркнуты очевидным нежеланием «товарища Корвалана» участвовать в спектакле. «Подарок» не явился к столу юбиляра. Радостные заголовки в газетах: «Победа солидарности». «Здравствуй, дорогой друг», даже ласково-фамильярное «Здравствуй, товарищ Лучо», радостные цитаты из болгарских, гаванских, восточноберлинских газет, славящие «непоколебимую верность СССР принципам пролетарской солидарности» — но «товарищ Лучо» явился к своему освободителю только 23 декабря. И на следующий день все советские газеты поместили фотографию, которую, бесспорно, я думаю, можно считать фотографией года: большой, толстый,

напоминающий медведя, Брежнев широко раскрыл объятия, в которые падает маленький, как мышка, товарищ Корвалан. И Брежнев, и Корвалан показывают в улыбке зубы. Расцеловавшись с Леонидом Ильичом, товарищ Лучо выехал из Советского Союза. Как пишут — в турне по братским странам. Но, во всяком случае, родину мирового пролетариата он покинул.

Можно думать, что Луис Корвалан надеялся освободиться иначе: действительно под натиском мирового общественного мнения. Как известно, когда впервые начали ходить слухи о возможном его обмене на Буковского, генеральный секретарь чилийской компартии, беседуя из своей тюрьмы по телефону с иностранным корреспондентом (во Владимирской тюрьме заключенные пока еще телефонами не пользуются...), твердо говорил, что он, если его будут менять, на свободу не пойдет. Но, как любит говорить в Москве: не можешь — научим, не хочешь — заставим!

Чего достиг Брежнев, заказывая себе в виде юбилейного торта Корвалана? Сегодня можно уже подвести итог. В результате обмена уравнение «Брежнев—Пиночет» стало привычным для миллионов читателей газет во всем мире, для телезрителей. Обмен Корвалана на Буковского оказался с точки зрения интересов Брежнева глупостью. Так кончился праздник.

Праздник кончился, и начались будни. 8 января 1977 г. ТАСС распространил коротенькое сообщение: «8 января взрыв слабой мощности произошел на щелковской линии метрополитена. Среди пассажиров имеются раненые, им оказана медицинская помощь. Ведется следствие». Сообщение это было напечатано одной только газетой — «Московской правдой» — в нижнем углу 3-й страницы. Заголовок — самый незаметный: «Информация». На Запад известие о взрыве в московском метро передал Виктор Луи, советский корреспондент лондонской газеты «Ивнинг ньюс», которого Андрей Сахаров назвал «известным агентом КГБ». Луи уже знал, что следствие ищет виновников среди «диссидентов». Советские «диссиденты» — Андрей Сахаров, представитель Комитета по наблюдению за выполнением соглашений в Хельсинки Юрий Орлов, представитель «Эмнести интернейшнл» в Москве Турчин 14 января сделали заявление: назвали «объявление «диссидентами» настоящих или вымышленных террористов провокацией, рассчитанной на компрометацию диссидентов в Советском Союзе».

Прошел месяц после «реального или вымышленного» взрыва в московском метро. Следствие пока не дало никаких результатов. Совершенно очевидно, что «диссиденты», т.е. те, кто в Советском Союзе борется за права человека, за соблюдение соглашений в Хельсинки, за амнистию для политзаключенных, никакого отношения к взрыву — если он был — не имеют. Я пишу: если взрыв был. До сих пор кроме сообщения ТАСС

и заявления Виктора Луи нет никаких свидетельств о взрыве. Можно, следовательно, допустить предположение, что слух о взрыве распространил КГБ в провокационных целях. Достаточно перелистать «Архипелаг ГУЛАГ», чтобы найти десятки примеров безудержной фантазии работников «органов», выдумывавших детали чудовищных заговоров и террористических актов, никогда не существовавших в природе. Сотни тысяч людей были расстреляны или погибли за «участие» в выдуманных террористических актах. Поэтому ничего удивительного в том, что КГБ распространил слух о взрыве в метро, который в КГБ же придумали не было бы. Однако можно и возразить. Советские органы охотно пользовались обвинениями в террористической деятельности, когда о терроре в Советском Союзе никто не думал, когда даже книги о русских террористах XIX в. — народовольцах — были запрещены. Сегодня ложный слух о взрыве может дать идею о взрыве. Несколько лет назад советские газеты, захлебываясь, писали о подвигах героев-палестинцев, захватывавших самолеты. Красочные описания «героических действий» борцов с сионизмом дали результаты: начались захваты советских самолетов.

Советские газеты немало писали и о террористах: с удовлетворением описывали убийство израильских спортсменов в Мюнхене, с возмущением — о мерах, принимаемых Израилем против террористов. Виктор Луи, рассказывая о взрыве, говорил, что «диссиденты» организовали его под влиянием западной прессы, слишком рекламировавшей подвиги банды Баадера и Патрисии Херст. В действительности это советская печать рекламировала и террористов-палестинцев, и банду Баадера, и Патрисию Херст. Когда в «Правде» рядом с докладом Брежнева, с призывами повышать производительность работы комбайнов публикуется небольшая заметка о подвигах террористов, она производит гораздо более сильное впечатление, чем сообщение об этих же террористах на первой странице «Нью-Йорк таймс», где на следующих 40 страницах имеется и другой материал для чтения.

Если взрыв в московском метро все же был, нельзя исключить версию о террористическом акте, совершенном террористом или террористами. Нет сомнения, что нарастающее недовольство в Советском Союзе должно искать другие формы, кроме «защиты прав человека», «борьбы за соблюдение советской Конституции».

Говорят, что история никогда никого ничему не научила. Это верно. Но история позволяет искать — и находить — аналогии, параллели. В России XIX в. после мирного периода «хождения в народ» начался период террористической деятельности, закончившийся убийством Александра II. История последних лет дает примеры, подтверждающие воз-

возможность подобного развития ситуации. В 1969 г. 22-летний лейтенант Ильин стрелял у Кремлевских ворот в кортеж автомашин, в одной из которых сидел Брежнев. В 1973 г. произошел взрыв в мавзолее Ленина. Если проанализировать сообщения о судебных процессах в Советском Союзе за последние годы, о процессах, регистрируемых «самиздатской» «Хроникой текущих событий», но не находящих отклика за границей из-за неизвестности обвиняемых, легко сделать вывод: мысль о необходимости активных действий распространяется все шире и шире. Восстание на советском военном корабле в ноябре 1975 г. — пример таких действий.

Сегодня мы еще не можем сказать, был ли «взрыв в метро» взрывом или только слухом, делом террористов или провокацией КГБ. Можно, однако, сказать, что сообщение о взрыве начинает новую главу в репрессивной политике КГБ. 4 февраля стало известно об аресте Александра Гинзбурга, одного из самых известных советских диссидентов, уже дважды сидевшего в лагере, хранившего фонд помощи советским политзаключенным. 5 февраля стало известно о высылке из Советского Союза американского журналиста, представителя агентства «Юнайтед пресс». Это первый случай высылки иностранного журналиста после подписания соглашения в Хельсинки.

Эти два события показывают, в каком направлении намерены действовать «органы». В течение минувших полутора лет после Хельсинки органы не могли решить: какую политику выбрать? Какими средствами бороться с инакомыслящими? Сегодня, видимо, решение принято. По отношению к диссидентам решено применить суровые репрессии. Для того чтобы никто не смог обвинить КГБ в аресте за «политические взгляды», Гинзбургу во время обыска подбросили иностранную валюту. В «Литературной газете» было напечатано письмо долголетнего узника сталинских, хрущевских, брежневских лагерей Петрова-Агатова, пошедшего на службу КГБ. Он обвиняет Александра Гинзбурга, с которым сидел год в одной камере, в связях с «преступным миром», с уголовниками.

Второе направление удара — западные журналисты. Осмелевшие после Хельсинки (может быть, еще не совсем, но хотя бы чуть-чуть), они с помощью диссидентов добились невероятного: КГБ вынуждено работать на глазах всего мира. О каждом аресте, о каждом обыске становится известно на Западе.

Положение это тем более неприятно, что европейские коммунистические партии, бывшие еще совсем недавно надежным вторым занавесом, прикрывавшим работу КГБ, начали менять отношение к «родине мирового пролетариата». Все чаще поэтому в дополнение к пропагандистской кампании против «внутренних врагов» — диссидентов и внешних врагов — западных

журналистов появляются статьи, направленные против некоторых европейских компартий, прежде всего итальянской, в последнее время — и французской. Тон некоторых из этих статей напоминает о добром старом времени, когда руководители иностранных компартий, вызывавшие гнев Москвы, слетали со своих постов, как по мановению волшебной палочки. Кто знает, не станем ли мы скоро снова свидетелями персональных перемен на посту, например, секретаря ЦК французской компартии...

Хорошо известно, что в борьбе с внутренним недовольством палки недостаточно. Нужен еще и пряник. В связи с серьезными трудностями в области снабжения советское руководство решило дать народу пряник особого рода. Идею этого «пряника» сформулировал глава российских писателей Михалков в длинном докладе о достижениях советской литературы и культуры. Он отметил, правда, один серьезный недостаток: отсутствие антисюионистских фильмов, хотя уже имеется богатая антисюионистская литература. И немедленно в ответ на слова автора текста к советскому гимну московское телевидение показало 22 января фильм «Соблазнитель душ», в котором с помощью «художественных средств», которым позавидовал бы Юлиус Штрейхер, разоблачались советские еврей-сионисты. И если кто-либо еще сомневался в действенности телевидения как орудия пропаганды, новый советский фильм развеял бы все сомнения. Маршалл Мак-Люган утверждал, что «мессаж — это массаж». Он и не подозревал, насколько он прав: после фильма, в котором обильно представлены были фотографии еврейских активистов, их детей начали «массировать», просто — бить в школах. Успех фильма побудил руководство московского телевидения объявить, что вскоре он будет показан снова. Возможно, чтобы «мессаж» был понят не только детьми.

Статистика утверждает, что в Советском Союзе живет более ста национальностей. Нет сомнения, что советские руководители прекрасно обошлись бы двумя национальностями: русскими и — евреями. И трудно даже сказать, какая из этих двух наций для них важнее. В самые трудные минуты обращение к антисемитизму представлялось выходом из положения.

Но в то же время обращение к этому верному испытанному оружию свидетельствовало всегда о трудности положения власти...

Март 1977

В прошлом номере я писал о таинственном (до сих пор необъясненном) взрыве в московском метро. Нынешний «Обзор» приходится начать с пожаров в Москве. «Обзор советской печати» превращается в рубрику происшествий. Трудно, однако, не говорить о трех пожарах, вспыхнув-

ших в течение одной недели в Москве. Конечно, Москва большая, и вряд ли проходит там день без пожара. Но февральские пожары были — по крайней мере два из них — особенными. Первым загорелся отель «Россия», расположенный напротив Кремля. Это самый большой отель в стране, один из самых больших в мире.

Официальное объяснение причин пожара: короткое замыкание в лифте. И сразу же официальное объяснение вызвало множество вопросов, сомнений. Ответа на эти вопросы нет и сегодня, когда я пишу обзор, — прошло уже больше месяца после пожара. Иностранным журналистам, которых беспощадно гнали от «России», немедленно окруженной милицией, удалось сфотографировать фасад отеля, на котором отчетливо видно, что очагов пожара было несколько. Официальная версия вызывает сомнение и потому, что «Россия» (лучше бы назвать отель — «Советский Союз») была во многом не похожа ни на одну гостиницу в мире (т.е. была чисто советской). Например, лифты. В «России» они автоматические. И тем не менее в каждом лифте есть лифтерша. А на каждом этаже кроме дежурных — ответственный лифтер. И, конечно, главный лифтер, отвечающий за всех лифтеров. При наличии всей этой армии лифтеров трудно себе представить, что пожар начался именно в лифте.

Потом вспыхнул пожар в Министерстве торгового флота. Почти визави здания КГБ. И тут все непонятно — загорелось здание поздно вечером, когда никого из сотрудников там не должно было быть. Третий пожар — овощной ларек возле Киевского вокзала — не привлек бы внимания иностранных журналистов, если бы не следовал сразу же за двумя первыми и если бы не предшествовал ему — по свидетельству соседей — взрыв.

Мрачное молчание советской печати, породившее множество панических слухов в Москве, выглядит особенно странным по сравнению с естественным вниманием, уделенным московским пожарам мировой печатью. Впрочем, поскольку никакой информации — ни официальной, ни неофициальной — о причинах пожаров нет, журналисты ограничиваются изложением немногочисленных известных фактов. В большинстве сообщений мировой печати можно прочесть между строками убеждение — московские пожары, как и взрыв в метро, — провокация КГБ. Андрей Амальрик в интервью парижской «Русской мысли» со свойственной ему определенностью заявил: «Я полагаю, что взрыв в метро — акция КГБ, чтобы получить «карт-бланш» для борьбы с инакомыслящими». Предположение это не лишено оснований: КГБ и все предшествующие организации: ВЧК, ОГПУ, НКВД — использовали провокацию как самое любимое оружие. Но если мы присмотримся к провокационным террористическим актам советских «органов», то обратим внимание на одну важную деталь: имя обвиня-

емого было известно до террористического акта. Не успел развеяться дым над домом № 3/6 по Малой Лубянке, как газета «Правда» (6 июля 1927 г.) опубликовала сообщение: «Подробности последней «операции» белогвардейцев на советской территории. Беседа с заместителем председателя ОГПУ». Взрыв на Малой Лубянке был делом провокационной организации «Трест». Не успел замолкнуть грохот выстрела, убившего 1 декабря 1934 г. в коридоре Смольного Кирова, как «Правда» напечатала сообщение о расстреле белогвардейских шпионов, совершивших террористический акт. А потом не менее четырех лет продолжали арестовывать и расстреливать «убийц Кирова».

Впрочем, заранее выбрать жертву — «виновника» террористического акта — это, как бы, азбука провокационного дела: не успел загореться рейхстаг, а Геринг уже знал, кто должен был его поджечь. И наоборот: если виновник не подготовлен, его можно и не найти. Если речь идет о московских пожарах, то есть знаменитый исторический прецедент: 28 мая 1862 г. в Петербурге начались пожары. Один за другим загорались дома в столице Российской империи, так что Федор Михайлович Достоевский счел необходимым побегать к Чернышевскому, чтобы просить его «приостановить все это». Поджигателей до сегодняшнего дня не нашли. (Чернышевского, правда, через полтора месяца арестовали, но не по этому делу). Сегодня о взрывах и пожарах в Москве можно сказать только одно — это в любом случае симптомы кризиса в обществе. И в том случае, если КГБ спровоцировало их, — к такого рода «спектаклям» прибегают лишь в трудные минуты, и в случае, если это действия террористов, — они появляются в периоды кризисов.

Важнейшим событием февраля—марта 1977 г. были, однако, не московские взрывы и пожары, а официальное признание существования советской оппозиции. 5 февраля президент США Картер отправил письмо академику Андрею Сахарову, в котором писал, в частности: «Вы можете быть уверены, что американский народ и мое правительство будут придерживаться твердых обязательств добиваться уважения прав человека не только в нашей стране, но и за ее пределами». Андрей Амальрик после приема премьер-министром Голландии явился в Париж и потребовал аудиенции у президента Франции. Президент Амальрика не принял, но советский диссидент не только держал в течение целого дня в осаде Елисейский дворец, он в течение недели не сходил со страниц всей французской печати, только о нем говорили по радио, он выступал по телевидению. Явившись в ФРГ, он был немедленно принят министром. 1 марта президент США принял Владимира Буковского. Американцы долго колебались, Картер разговаривал с Буковским всего десять минут, фотографии

не были допущены. Возможно, что это имеет значение для американского общественного мнения: президент разговаривает не час, а десять минут. Для советских вождей и для советских граждан значение имеет только одно: президент США разговаривал с Владимиром Буковским в Белом доме. «Правда» выразила это как нельзя более четко: «президент США Д. Картер принял вчера Буковского, уголовного преступника, изгнанного из Советского Союза, известного как активного противника советско-американских отношений». О продолжительности приема — ни слова. Только о самом факте. О факте колоссального значения.

Впервые — быть может, впервые после 1922 г. — окончания гражданской войны — Запад признал существование оппозиции в Советском Союзе. Впервые отказался видеть в СССР монолит, на котором нет ни одной трещины. О значении этого факта может свидетельствовать и согласие голландского министра иностранных дел, приехавшего с официальным визитом в Прагу, принять одного из авторов «Хартии-77». До сих пор таким правом обладали только советские лидеры: Брежнев, являясь в Париж, беседовал сначала с французским президентом, а потом отправлялся к генеральному секретарю французской компартии Парше...

Все может случиться. Запад может взять свое признание обратно. И Советский Союз делает все, чтобы этого добиться. И чтобы ликвидировать последствия признания оппозиции Западом в Советском Союзе.

Внутри страны террор усиливается — план борьбы с инакомыслящими становится все более очевидным. Методы утверждены. В предыдущем «Обзоре» я писал, что после ареста Александра Гинзбурга «Литературная газета» опубликовала донос «раскаявшегося «диссидента», в котором Гинзбург обвинялся в уголовных преступлениях и связи с иностранцами. 4 марта уже не «Литературная газета», а правительственный орган — «Известия», опубликовал письмо «раскаявшегося» еврея Липавского, из которого следует не более не менее, что «советские диссиденты являются агентами Си-ай-эй». Доносчик пишет: «На своих собраниях диссиденты постоянно обсуждали вопросы помощи американцам в получении секретной научной, технической и военной информации». Письмо-донос опубликовано 4 марта 1977 г., но оно целиком — дословно — повторяет тексты писем, которыми заполнялись страницы «Известий», «Правды» и других советских газет в самый разгар борьбы с космополитизмом и сионизмом в 1952 и начале 1953 г. доносчик добавляет: «Речь шла о помощи агентам Си-ай-эй, маскирующимся в Москве под видом официальных представителей». В длинном комментарии к доносу «журналисты» газеты ставят точки над *i*: агенты Си-ай-эй в Москве — это работники американского посольства — все, как на подбор, с хорошо знакомыми советским гражданам фамилиями:

Натансон, Левицкий, Презель. Названы и «диссидентъ», помогающие агентам, — и у них «знакомые» фамилии.

Проверенные десятилетиями испытанные формы террора не дают сегодня гарантии успешного подавления инакомыслия. Прежде всего потому, что стены Советского Союза стали как бы просвечивать: о положении в социалистическом мире становится известно все больше и больше, в него поступает все больше и больше информации. Западные корреспонденты начинают немного меньше бояться писать о том, что они видят, и все чаще появляются там, где им не следовало бы — по мнению КГБ — быть: на пожаре «России», например, 8 марта на Красной площади, в тот самый момент, когда группа советских немцев развернула плакаты с требованием разрешения на выезд из СССР. Люди в штатском, забравшие западных журналистов в милицию, приговаривали: всех журналистов надо выгнать, да и туристов тоже!

Наверное, так и надо бы поступить, но уж очень нужен Запад Советскому Союзу. Поэтому против журналистов, аккредитованных в Москве, применяется тактика запугивания, шантажа, провокаций. Но тем не менее советские руководители видят необходимость борьбы не только с западными журналистами, но и с информацией, которую они публикуют. И которая доходит до советских граждан.

25 февраля «Правда» опубликовала на первой странице большую статью, в которой некоторые местные партийные организации критикуются за «формализм» в пропаганде. Улучшения пропаганды требует «Правда». Если террор — это кнут, то пропаганда — это пряник. И если нет никакого сомнения в реальности кнута, пропаганда — это искусственный пряник. Перед советскими пропагандистами поставлена задача — ответить на вопросы, которые открыто задаются на Западе и — все более громко — в Советском Союзе. Советских пропагандистов вынудили публиковать на страницах советской печати такие вопросы, как: «преследуют ли в СССР инакомыслящих?», «нарушаются ли в СССР права граждан?», «почему СССР покупает хлеб в США?»

Советские пропагандисты вынуждены эти вопросы публиковать, пока еще они могут отвечать на них, как им заблагорассудится. И нет сомнения, что в Советском Союзе сегодня тщательно изучают опыт Геббельса по обману населения, по изготовлению лжи.

На все «щекотливые» вопросы вырабатывается единственный ответ, который повторяется дословно всей советской печатью.

«Преследуют ли в СССР инакомыслящих?» — на этот вопрос дал руководящий ответ первый заместитель министра юстиции Виталий Александров. Сначала ответ опубликовала «Литературная газета», потом журнал «Спутник», предназначенный для иностранцев. Заместитель министра

юстиции ответил так: «Когда говорят о якобы гонениях за «инакомыслие» в СССР, то сознательно смешивают два понятия: образ мыслей и определенные конкретные действия». Заместитель министра юстиции допускает — для него это, несомненно, гигантский шаг вперед к либерализму, что в СССР гражданин может мыслить «инако». Если он выскажет эту мысль другому гражданину, начинаются «конкретные действия». А тогда уж — извините, и не жалуйтесь! По всей строгости советского закона! И заместитель министра юстиции приводит пример «некоего Буковского, который «за реальные противозаконные действия» был осужден в 1963 г., и снова в 1967 г., и опять в 1972 г., пока наконец не был «в декабре 1976 г. выдворен из СССР». Заместителю министра юстиции задают другой вопрос: «На Западе нередко утверждают, будто в СССР людей преследуют за религиозные убеждения, и верующие подвергаются гонениям вплоть до уголовных наказаний». Ответ: «В нашей стране не существует различий в правах граждан в зависимости от их религиозных убеждений...» Более того, в распоряжении верующих имеется «более чем 20 тысяч церквей, костелов, мечетей, синагог, дацанов и т.д.». Не было бы это так уж много на 250 млн. жителей, но и эта цифра вызывает сомнения. В мае 1976 г. заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР сообщил, что в республиках, где распространен ислам на 40 с лишним миллионов человек имеется 1000 мечетей. Из журнала «Спутник» (№ 3, 1977) мы узнаем, что на два с лишним миллиона евреев имеется в СССР 92 синагоги. Православных церквей — не более 10 тыс. Возможно, что счет сойдется, если учесть «и т.д.», названные заместителем министра юстиции. Впрочем, он добавляет, что «не всякое религиозное объединение у нас... находится под охраной закона».

Ответы заместителя министра юстиции можно отнести к разряду «диалектических». Есть ответы, которые можно назвать «уклончивыми». Например, в ответ на обвинения в нарушении Хельсинкских соглашений, вся советская печать отвечает: «В большинстве западных стран рядовые люди не знают и не могут знать конкретного содержания Заключительного акта Хельсинкских соглашений...» («Известия», 6.3.1977). Не знают и не могут знать, ибо буржуазная печать скрыла содержание от «рядовых граждан». В действительности же ни о каких «правах» там нет ни слова. И даже в рубрике писем в журнал «Тайм» (14.3.1977) я обнаружил письмо московского журналиста Владимира Мисюченко, заявляющего, что авторы статей о нарушении якобы СССР «духа Хельсинки» просто незнакомы с текстом Соглашений.

Есть разряд ответов, который нельзя назвать иначе, как идиотским, ибо рассчитаны эти ответы на идиотов. К такого рода ответам относится,

например, заявление президента Сельскохозяйственной академии П. П. Лобанова («Литературная газета», № 8, 1977). Журналист задает академику вопрос, подказывая, как обычно, ответ: «Общезвестно, что Советский Союз является одним из крупнейших производителей зерна в мире. Он не только обеспечивает себя, но и поставляет зерно во многие страны. В то же время СССР делает закупки зерна в США, Канаде и других странах. Покупка и продажа зерна является нормальной практикой в международной торговле. Что вы можете сказать по этому вопросу?» У академика есть, что сказать: «Мы покупали и продавали зерно во все годы и считаем это вполне естественным в условиях расширяющейся международной торговли... (Это пересказ ответа, имеющегося в вопросе. Но академик идет дальше. *Авт.*) Мы не только не делаем секрета из наших закупок (до сих пор советская печать молчала о закупках зерна, как в рот воды набрав. *Авт.*), мы даже готовы объяснить тем, кто искренне хочет разобраться в этом вопросе: для нас экономичнее ввозить хлеб на Дальний Восток из Америки, чем везти его по железной дороге через всю страну, скажем, с Украины».

Академик сразу же предупредил: он отвечает тем, кто «искренне хочет разобраться», т.е. тем, кто готов поверить всему, что говорит представитель Советской власти. Те же, кто захотел бы, например, спросить: нужны ли малочисленному населению Дальнего Востока миллионы тонн зерна, закупаемого в США и Канаде, или почему закупаемое «для Дальнего Востока» зерно везут в одесский порт, т.е. на Украину, выразили бы тем самым недоверие, инакомыслие «в форме конкретных действий»...

Замечательный пример «идиотского» ответа мы находим в журнале «Огонек» № 4, 1977. В 1974 г. Александр Солженицын опубликовал книгу умершего советского историка литературы, посвященную авторству «Тихого Дона». В книге этой были приведены различные аргументы, доказывавшие, что автором романа не был Михаил Шолохов. Среди прочих аргументов был и такой: странным образом отсутствует рукопись «Тихого Дона». Во время празднования 70-летия со дня рождения Шолохова в 1975 г. многочисленные почитатели советского классика пытались осторожно, намеками, ответить на упреки в плагиате. Но рукописей «Тихого Дона» как не было, так не было. И вдруг нашлись. Оказывается, как сообщает «Огонек», рукопись есть! Всего, правда, 137 листов. Найденных во время войны. Переданных в 1968 г. исследователю творчества Шолохова К. Прийме. И только сегодня — почему? — отданных на хранение в Институт русской литературы Академии наук СССР. Фотокопия (!) двух страниц автографа передана в Стокгольм, в Королевскую библиотеку, чтобы убедить шведских академиков: Нобелевская премия была вручена

правильно. Фотокопия должна засвидетельствовать подлинность авторства Шолохова.

Есть ответы «предостерегающие». Рязанская областная газета «Приокская правда» задает вопрос, который, можно думать, задает немало ее читателей: «Ну а что, разве нельзя слушать западные радиостанции, ведь этого же никто не запрещает?» Газета отвечает: «Если следовать такой сверхнаивной логике, то можно серию подобных вопросов продолжить до очевидного абсурда. Скажем, с таким же успехом можно спорить о том, можно ли лезть под колеса близко идущего транспорта или прыгнуть с высотного здания просто так, из-за принципа?» И далее рассказывается о «бывшем юрисконсульте одного из автомобильных хозяйств города некоем Данилюке», который «стал на кривую дорожку. На протяжении ряда лет он систематически прослушивал антисоветские радиопередачи...» «Кривая дорожка» привела Данилюка в тюрьму: «Прокуратура была вынуждена привлечь клеветника к уголовной ответственности, и он был осужден областным судом».

И, наконец, есть ответы «научные». Журнал «Сибирские огни» (№ 12, 1976) опубликовал повесть Анатолия Черноусова «Чужие», в которой автор пытается дать ответ на вопрос, который, по-видимому, все больше интересует его соотечественников: есть ли Бог? Можно бы иронически улыбнуться при виде небольшой повести, ясно и четко решающей вопрос, который интересует человечество не один год. Но — это советская повесть советского писателя. Впрочем, если бы Анатолий Черноусов ограничился беллетристикой, его повесть была бы не хуже многих других, заполняющих страницы советских журналов. Сюжет «Чужих»: история любви преподавателя института и студентки. Молодые люди любят друг друга, но, оказывается, они «чужие», ибо девушка — из религиозной семьи. Забеременев, девушка, переполненная чувством греха, кончает самоубийством. Эта линия повести хорошо передает психологию сегодняшней советской молодежи, интересующейся только джинсами, магнитофонами и западными танцами. Столкновение такого советского молодого человека с религией, с верующими напоминает встречу обитателей двух разных планет. Герой повести Валерий Климов предпринимает попытку разъяснить своей возлюбленной Лине, а заодно и ее родителям, что Бога нет. Для этого он с помощью своего друга философа-марксиста Сени в две-три недели «овладевает Библией», потом «Кантом и его в себе», «философией экзистенциализма», Ницше и т.д. и т.п. Вооружившись, он начинает борьбу: «доказывает», что «Христа не было». Философ-марксист Сеня убедил Валерия Климова: «Нет исторического Христа — нет и христианства». И Валерий — дважды два — доказывает: Христа не было. Однако почему-

то его доказательства не оказали магического влияния ни на родителей Лины, ни на девушку. Верующая Лина повесилась, а неверующий в Бога Валерий Климов нашел утешение в труде.

Страницы повести Черноусова, на которых «научно» доказывается несуществование Христа и Бога кажутся дословным повторением знаменитого разговора с Дьяволом из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Прошло почти 40 лет, но по-прежнему не дают покоя советским гражданам вопросы, на которые власть и сейчас дает ответы, никого не удовлетворяющие.

4 апреля 1977

Поведение государственного секретаря США Сайруса Вэнса в Москве, куда он нанес визит в конце марта, вызвало у советских руководителей горькое недоумение. Прямо скажем, очень их обидело. Сразу же после отъезда Вэнса министр иностранных дел СССР, член Политбюро Андрей Громыко — впервые на памяти иностранных журналистов, аккредитованных в Москве, созвал пресс-конференцию, во время которой очень жаловался на американцев. Главный упрек в адрес США состоял в том, что американские руководители «недостаточно учитывают интересы безопасности Советского Союза».

Никто из журналистов не задал вопроса Андрею Громыко: почему американцы должны заботиться о советских интересах? Если бы такой вопрос был задан, возможно, что советский министр иностранных дел ответил бы: мы к этому привыкли, ибо вот уже лет восемь США, т.е. Генри Киссинджер, ввели такую политику.

Приход новой американской администрации обеспокоил Москву, еще больше она встревожилась после целого ряда выступлений президента Картера в защиту прав человека. В советской печати началась кампания запугивания американского президента, очень скоро принявшая грубые формы личных нападок на Джими Картера. Одновременно советские журналисты уверяли своих читателей, что «антисоветское словоизвержение из конгресса и Белого дома» — это «всего лишь трескотня горстки политиканов». Этой «горстке политиканов» противопоставлялись «хорошие американцы» из финансовых и промышленных кругов, из некоторых политических кругов. Советские руководители рассчитывали на то, что администрация Картера «на деле», а не на словах будет продолжать внешнюю политику Киссинджера. Выступая 21 февраля на съезде профсоюзов, Брежнев с некоторой надеждой в голосе объявил: «На днях в Москву при-

езжает для переговоров государственный секретарь США г-н Вэнс. Посмотрим, с чем он прибудет».

Привыкшие вести переговоры с Киссинджером, который всегда, в любых обстоятельствах старался достичь соглашения, даже если приходилось жертвовать своими интересами (это как бы о нем поется в советской песне: «...нам нужна одна победа <...> мы за ценой не постоим»), советские руководители отвергли предложения президента Картера о сокращении вооружений. Они увидели в этих предложениях попытку нарушить положение, которое кажется им очень выгодным для них, достигнутое в результате соглашения, подписанного во Владивостоке президентом Фордом и Брежневым в 1974 г.

Сайрус Вэнс уехал из Москвы ни с чем. Мировая печать пишет о неудаче внешней политики Картера. Можно, однако, думать, что Москва продолжает пугать американского президента, надеясь, что он откажется от своей политики и вернется к политике предшественников, которая вполне устраивала советских руководителей. Есть несколько причин, позволяющих предполагать это.

Первая причина становится очевидной после прочтения романа Николая Горбачева «Битва». Опубликованный в ленинградском журнале «Звезда» (№№ 11, 12 за 1976), роман этот даже по самым льготным критериям к «большой литературе» или даже просто к литературе отнесен быть не может. Но, думаю, что именно этим он интересен. Николай Горбачев точно излагает — без всяких потуг на литературу — точку зрения т.н. военно-индустриального комплекса на внутреннюю и внешнюю политику СССР.

Сюжет «Битвы» — история создания системы противоракетной защиты. Роман Н. Горбачева — одна из редких советских книг, в которых представлен процесс принятия решения советским руководством. Спор идет между двумя группами руководителей: одна считает, что Советский Союз может использовать для защиты от вражеских ракет систему «Щит», состоящую из имеющихся ракет; другая утверждает, что необходимо создать совершенно новые ракеты, из которых и возникнет непроницаемая система «Меркурий».

Перед читателем проходят министр обороны, маршалы, ученые — создатели оружия, военные, испытывающие это оружие, отрицательный персонаж — журналист, который пытается протаскивать идейки о необходимости сокращения роли армии. Ученый изобретает новую ракету, но консерваторы не хотят дать средства на ее строительство. Тогда группа маршалов обращается с письмом в ЦК. Организуется совещание, а потом решение принимается на самом высоком уровне — в Политбюро. Решение принимается положительное: строить систему «Меркурий». А после

того, как система уже начала строиться, «по дипломатическим каналам договорились с американцами сесть за стол переговоров. Центральный вопрос — ограничение противоракетных систем...» То есть переговоры только с позиции силы, при наличии новейшего оружия.

Роман «Битва» стремится убедить читателя, что создавать все новые и новые виды оружия необходимо. В самом трогательном месте романа к министру обороны маршалу Янову (не слишком рискованным будет предположение, что автор имеет в виду министра обороны маршала Устинова) приходит пятилетняя внучка и — мудрый советский ребенок! — говорит: «Это что такое — грозят термоядерными ракетами? А ты военный, чтобы грудью защищать от них? Да, дедушка?» И дедушка — маршал — довольный, что даже пятилетние дети в Советском Союзе понимают опасность американских термоядерных ракет, говорит: да! И приказывает приступить к строительству системы «Меркурий».

Идея романа нехитрая: мы живем под угрозой нападения американцев, поэтому надо строить все новое и новое оружие: только имея его, можно вести переговоры с врагом; строить оружие должны военные — их надо любить и давать им столько средств, сколько они потребуют. Но, пропагандируя эту идею, автор «Битвы» приводит немало фактов, деталей жизни, свидетельствующих об удивительно низком жизненном уровне жителей страны, в том числе строителей оружия и военных — испытателей ракет, о хронической нехватке всего необходимого. Короче — о трудном экономическом положении государства.

В добрые сталинские времена все было просто: реальная жизнь, т.е. условия, в которых жили советские граждане, и «сюрреальная», по выражению Алена Безансона, т.е. описываемая в газетах и литературе, были отделены непроходимой пропастью. Население голодало, а Сталин утверждал: жить стало лучше, жить стало веселее. И даже те, кто голодал, должны были верить Сталину, потому что голод был только их личным ощущением, а со всех сторон могучая пропагандистская машина твердила о сытости и радости.

Сегодня положение несколько иное. По-прежнему существуют рядом реальная действительность и фантастическая «сюрреальность». Желая, например, доказать, что Октябрьская революция была невероятным благом для России, ЦК партии в тезисах к 60-летию Октября приводит цифры роста промышленного производства по сравнению с 1913 годом! Это из области «сюрреальности». Но сегодня между реальностью и «сюрреальностью» перебрасываются мостики — информация о подлинном положении в стране, проникающая с Запада. Из западных радиопередач, из газет, книг — с трудом, но все же попадающих в Советский Союз — со-

ветские граждане узнают, как они живут, точнее, находят подтверждение тому, что они видят вокруг. И «сюрреальность» начинает терять свою власть над людьми.

И с этим не могут не считаться власти. Поэтому сегодня случается найти описание подлинных фактов жизни в книгах советских авторов, можно найти упоминание о трудностях в речах Брежнева (больше никому говорить о трудностях не разрешается).

Неприглядная картина советской экономики, представленная Брежневым в речи на съезде профсоюзов, — вторая причина, позволяющая предполагать, что Советский Союз, попробовав напугать американского президента, вернется через некоторое время к столу переговоров.

Прежде всего в речи Брежнева обращает внимание признание в трудном продовольственном положении страны. В гитлеровской Германии говорили: пушки вместо масла. В брежневском Советском Союзе речь идет о ракетах вместо хлеба и мяса. Трижды употребляет Генеральный секретарь ЦК выражение «бесперебойное снабжение населения продовольствием», добавляя, что оно «не обеспечено». Это признание факта, который знают все советские граждане: вне Москвы, Ленинграда и еще нескольких больших городов даже хлеб приходится «доставать», стоя в многочасовых очередях. На официальном языке это называется «перебои в снабжении».

Брежнев признает, что очередное «чудесное средство» — «перевод животноводства на индустриальную основу» — т.е. создание колхозов и совхозов, специализирующихся в производстве птицы, свиней и т.д., — не помогло. Было принято постановление ЦК, созданы «специализированные» животноводческие совхозы и колхозы, гигантских, как полагается, размеров. Они пока еще мяса не дают, но в других колхозах и совхозах, как отметил Брежнев, «перестали держать свиней, заниматься птицей». В результате — пока — производство мяса резко сократилось.

Не лучше обстоит дело и в промышленности. И выход, по мнению Брежнева, «укрепление трудовой дисциплины». Генеральный секретарь приводит любопытную цифру: потери от прогулов и простоев измеряются миллионами человеко-дней. Советские рабочие не имеют права бастовать, но они либо, находясь на своем рабочем месте, не работают, либо прогуливают, не выходят на работу. Поскольку все это происходит «в индивидуальном порядке», нельзя говорить о забастовке. Но если уж сам Брежнев говорит о «миллионах» потерянных человеко-дней, можно полагать, что фактически в Советском Союзе бастуют больше, чем в Италии.

Интересно отметить, что в речи на съезде профсоюзов 21 марта 1977 г. Брежнев повторил дословно то, что он уже говорил на пленуме ЦК 25 октября 1976 г. Пять месяцев назад он уже говорил: «специализи-

рованные предприятия еще только строят, а фермы в хозяйствах уже ликвидированы» — это о производстве мяса; «слишком много у нас прогулов, опозданий, простоя. Это большое зло, из-за которого теряются миллионы человеко-часов» — это о промышленности.

Совершенно очевидно, что Генеральный секретарь ЦК не может выступать три часа и говорить о недостатках и пороках. Он должен дать своим слушателям в зале и в стране (а потом читателям) что-то положительное. Брежнев назвал своим слушателям врага, который и виноват в «некоторых трудностях». Враг этот — «реакционные силы старого мира», а более конкретно — «видимость внутренней оппозиции». Впервые в последние годы Генеральный секретарь ЦК «лично» обрушивается на «инакомыслящих», впервые он открыто характеризует деятельность «диссидентов» как «помощь врагам», впервые открыто призывает к расправе с ними.

«У нас не возбраняется «мыслить иначе», — утверждает Генеральный секретарь... — Другое дело, когда несколько оторвавшихся от нашего общества лиц активно выступают против социалистического строя, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным центрам — пропагандистским и разведывательным. Наш народ требует, чтобы с такими, с позволения сказать, деятелями обращались как с противниками социализма, людьми, идущими против собственной Родины, пособниками, а то и агентами империализма». В этом месте благодарные слушатели разразились «бурными, продолжительными аплодисментами». Брежнев заявил, что «мы принимаем и будем принимать в отношении них меры, предусмотренные нашим законом», ибо дело идет «о защите прав, свобод и независимости 260 миллионов советских людей». Неясно, каким образом «несколько оторвавшихся от нашего общества лиц» могут угрожать «правам, свободам и безопасности 260 миллионов», но нужно признать, что только этот пассаж о «диссидентах» Брежнев прочитал с вдохновением и видимым удовольствием. Всю остальную речь читал скучно, мямлил, путался во вставных зубах.

Силы реакции — США — диссиденты-агенты США и реакции — Брежнев объединил все это в понятие «угроза Советскому Союзу». И когда выяснилось, что президент Картер хочет вести политику, не нравящуюся советским руководителям, они отправили ни с чем Сайруса Вэнса (временно, как мне думается), но немедленно использовали его пребывание и неудачу переговоров в собственных целях: повысили цены, свалив за это вину на Картера и «диссидентов».

Не знаю, что думает руководитель кампании против «диссидентов», бушующей сегодня в советской печати. Но, читая бесчисленные статьи,

эссе, корреспонденции, а в последнее время и романы, разоблачающие «инакомыслящих», читая всю эту «беллетристику», наполняющую страницы советских газет и журналов, я иногда думаю: а может быть, этот руководитель тоже хотя бы слегка инакомыслящий? Предположение еретическое, но возникающее само собой, ибо материалы о «диссидентах» — единственное, что можно читать в советской печати без скуки.

Возьмем ли мы статьи профессиональных «писателей в штатском», всегда имеющих под рукой досье КГБ, в последнее время особенно охотно использующих показания бывших заключенных, рассказывающих ныне «всю правду» о своих бывших товарищах, возьмем ли мы возмущенные выступления профессиональных писателей, как 80-летнего Валентина Катаева или профессиональных режиссеров, как Сергея Бондарчука — всюду мы находим одно и то же. Легко скаламбурить и сказать, что заглавие очередного шпионского романа чекистов Олега Шмелева и Владимира Востокова «Знакомый почерк» характеризует всю пропагандистскую продукцию, направленную против «диссидентов». Более того, это не просто знакомый почерк, это один и тот же почерк. Есть все основания полагать, что все это пишет одна бригада, один коллектив. И не случайно Виктор Некрасов, прочитав в «Правде» (20.3.1977) статью В. Катаева, обратился в парижской газете «Русская мысль» к автору «Беллет парус одинокий» с вопросом: «Скажите мне по секрету... кто вам писал статью?..» Почерк автора бесчисленных статей узнается прежде всего потому, что в каждой из них идет речь о деньгах — о долларах, которые получают диссиденты. Гнетущая тоска по долларам гложет автора этих статей, с мучительной завистью не перестает он повторять о долларах и товарах, которые могут себе купить «диссиденты», живущие в эмиграции. Но даже и те, кто живет в СССР пользуются недоступными рядовому советскому гражданину товарами. В шпионском романе «Знакомый почерк», печатавшемся с продолжением в журнале «Огонек» тиражом в два с лишним миллиона экземпляров, рассказывается о сборище «диссидентов» и перед каждым лежали на столе пачка американских сигарет «Честерфилд» и пачка жевательной резинки. И тут же «журнальчики» «Континент», «Посев», «Грани», «Вольное слово».

Легко предположить, что нашлось бы немало советских граждан, которые охотно посетили бы «сборище», место, где можно не только ознакомиться со «страшными» журнальчиками, о которых столько плохого было сказано, но и покурить «Честерфилд» и пожевать резинку, страсть к которой овладела сегодня советскими людьми.

Единственный способ преодоления страсти к инакомыслию и резинке, который советские руководители знают, — угрозы. Во второй полови-

не марта «Неделя» (№ 11), приложение к правительственной газете «Известия», опубликовала статью «Под фальшивой личиной борцов за права человека», подписанную В. Апариним и К. Брянцевым (авторы такого рода статей обычно ходят парами, как полицейские на службе). Авторы предупреждают: «Нам приходится браться за перо вовсе не потому, что мнимые «борцы за права человека» представляют угрозу советской стране. Дело в другом: т.н. инакомыслящие становятся по существу исполнителями и участниками антисоветских провокаций и диверсий, организуемых ЦРУ и другими западными разведками, орудиями в их руках».

Это комментарий к заявлениям Брежнева: инакомыслящие — враги народа, агенты империалистических разведок. Это предупреждение им и одновременно предупреждение Западу. Советские руководители в самое последнее время сообразили, что «диссиденты» — это не только зародыш внутренней оппозиции, но и разменная монета.

Первыми додумались до этого немцы. Недаром русская пословица говорит: немец обезьяну выдумал. В 1964 г. ГДР начал торговать своими заключенными. В книге Мишеля Мейера, вышедшей в Париже, «Марки в обмен на людей», подсчитано, что за десять лет — 1964–1974 гг. ГДР продала Западной Германии одиннадцать тысяч заключенных на общую сумму 762 млн. западногерманских марок. Социалистические страны последовали примеру родины Маркса! Польша продала силезцев, правда, за кредит, который придется возвращать, Советский Союз вынужден был отдать за Корвалана Буковского. Не исключено, что начавшаяся в СССР кампания арестов и судов имеет — кроме всех других целей — также и цель: создание валютного резерва. Опыт ГДР показывает, что поскольку при торговле, т.е. обсуждении цены, которую ФРГ должна заплатить за заключенного, учитывается в первую очередь, срок, на который он осужден, восточногерманские суды стали давать все более тяжелые приговоры, преимущественно по 15 лет. Такая тенденция наблюдается сегодня и в Советском Союзе. Не исключено, что именно торговля живым товаром — если найдутся покупатели — сможет вывести страны социализма из тяжелого экономического кризиса. Ведь именно в этих странах запасы человеческого материала почти неисчерпаемы. А товарищ Сталин давно уже обратил внимание на то, что «самым ценным капиталом является человек».

14 мая 1977

Доклад на торжественном заседании в Москве по поводу 107-й годовщины со дня рождения Ленина сделал недавно выбранный секретарем ЦК М. В. Зимянин. Информация эта представляет интерес лишь постоль-

ку, поскольку публично вводит бывшего главного редактора «Правды» в ареопаг советских вождей, в число официальных идеологов, хранителей Слова. В самом докладе ничего нового по сравнению с мартовским докладом Брежнева не было, как не было ничего нового в мартовском докладе Брежнева по сравнению с его октябрьским выступлением в 1976 г.

22 апреля 1977 г. М. В. Зимянин повторил, что, несмотря на «новые замечательные успехи ленинской аграрной политики партии» в 1976 г., последствия засухи 1975 г. «преодолеваются, хотя пока ощущаются трудности в обеспечении населения продуктами животноводства». Но секретарь ЦК потребовал не обращать на трудности внимания, ибо «социалистические страны не знают кризисов, присущих капитализму, идут вперед динамично и уверенно».

Наряду с предупреждением тем западным коммунистам, которые «отходят от ленинизма», которые не понимают, что «грядущие социалистические революции» во всех странах, несмотря на некоторые отличия, должны быть подобны русской, а следовательно, «скатываются к оппортунизму, к соглашательству с буржуазией», Зимянин остро предупреждает «организаторов провокационно-демагогической кампании, развернувшейся на Западе под надуманным предлогом «нарушения прав человека в странах социализма». При этом — со злобой подчеркивает секретарь ЦК — дело доходит до попыток прямого вмешательства в нашу внутреннюю жизнь, до официального поощрения отдельных отщепенцев, пособников и агентов иностранных пропагандистских и шпионских центров, которых буржуазная пропаганда тщетно силится выдать за некую «внутреннюю оппозицию».

Все эти предупреждения не сходят со страниц советских газет, не перестают гудеть по радио, телевидению. Приведенная мною цитата из Зимянина заслуживает внимания, ибо официально утверждает слово-клеймо, которое повсеместно употребляется сегодня советской пропагандой по отношению ко всем тем, кто так или иначе высказывает недовольство системой, кто выступает в защиту законов, кто требует от Советского государства, чтобы оно соблюдало собственные законы. Их называют сегодня отщепенцами.

Советская система — система логократическая: она держится на слове, поэтому судорожно держится за слово, строго следит за каждым словом, использует слово как важнейшее орудие борьбы с врагами системы. Обнаружив противника, советские идеологи прежде всего наклеивают на него ярлык, клеймят его словом. В самом слове может не быть ничего одиозного: например, слово «меньшевик», или «махист», по имени австрийского физика и философа Маха, или «менделист» по имени моравского монаха Грегора

ра Менделя. В послевоенные годы удивительную карьеру сделало слово «космополит»: еще в 30-е годы оно звучало гордо — гражданин мира, а потом вдруг стало обозначать участника всемирного еврейского заговора и агента американской разведки. На наших глазах криминальный смысл приобрело слово «сионист». Сегодня появилось новое прозвище, новое клеймо — «отщепенец». И оно само по себе не содержит ничего предосудительного. «Толковый словарь» Владимира Даля, составленный в XIX в., объясняет это слово так: «отщепенец — отщепившийся по разномуслию от общества, паствы, церкви; раскольник, отступник, еретик». В «Словаре русского языка» С. Ожегова издания 1953 г.: «отщепенец — человек, отколовшийся от какой-нибудь среды, отступник», но к слову дано примечание: неодобрительно, т.е. слово употребляется в неодобрительном смысле.

Я привожу эти цитаты из словарей для того, чтобы обратить внимание на чрезвычайно важный феномен: советская система, едва почуяв противника, немедленно его клеймит, противники советской системы не могут найти себе имени. Как легко и просто возникло слово «самиздат», как ярко и беспощадно определяет сущность советской системы слово «ГУЛАГ», но те, кто после смерти Сталина начал сначала задавать неудобные вопросы о прошлом, а потом — предъявлять властям все более и более серьезные требования, те, кто шел в лагеря, в психиатрические больницы, изгонялся из страны, — себе имени не нашли. Не нашли себе имени, хотя среди них — крупнейшие писатели сегодняшней России. Им пробовали давать родовое название со стороны — блажелатели на Западе. Их называли диссидентами, но это иностранное слово, не звучащее на русском языке, их пробовали называть инакомыслящими — это длинно и неуклюже. Можно думать, что отсутствие имени не случайно. Найти слово нетрудно. В истории известны случаи, когда оппозиция, бунтари принимали презрительные прозвища, даваемые врагами, например санкюлоты. Презрительное прозвище становилось вызовом, боевым лозунгом.

Отсутствие имени у советской оппозиции не случайно. Впрочем, феномен этот характерен и для других стран «социалистического лагеря». Даже в Чехословакии, где так хорошо находят названия для манифестов: «Две тысячи слов», «Хартия-77», оппозиция не имеет имени.

Имя дается новорожденному. При рождении перерезается пуповина, связывающая с телом матери. Советская оппозиция (как и оппозиция в других соцстранах) как бы еще не решается заявить громко и открыто о своем рождении, не решается окончательно перерезать пуповину. Это свидетельство слабости оппозиции, несмотря на достигнутые ею успехи, это, конечно, свидетельство неоднородности оппозиции (которой, впро-

чем, трудно было бы ожидать), но это также подсознательный страх перед окончательным разрывом и — быть может — еще не до конца преодоленным страхом перед могуществом Советского государства. Если судить по советской печати, могущество это несомненно. Будущий историк, просматривая газеты весны 1977 г. напишет, возможно, что это было время, когда советское могущество достигло своего зенита. Над сферой советского влияния не заходит солнце. Когда-то Советский Союз был единственным социалистическим государством. Сегодня существует сложная иерархия социалистических государств. Прежде всего — Советский Союз. Он называется — снова слово-клеймо! — «страна развитого социализма»; затем идут социалистические страны второго сорта, например Польша. Но совсем недавно появилась еще одна категория: «страны социалистической ориентации». К ним относятся, например, Сирия и Алжир, Ангола, Танзания, Гвинея, Сомали.

Особенно много места занимает в советской печати весной 1977-го Африка. Лет 15 назад Александр Галич написал песню «Красный треугольник» и рассказал в ней о типичном советском семейном конфликте. Жена, узнав об измене мужа, подала на него заявление в партийную организацию. Дело его обсуждается на партсобрании: «У них первый был вопрос — свободу Африке! — а потом уж про меня — в части «разное». Несчастный муж добавляет, что когда стали с трибуны говорить «про Гану — все в буфет за сардельками». Легко понять советских рабочих, кинувшихся в буфет за внезапно появившимися сардельками, вместо того, чтобы слушать «про Гану», про «свободу Африке». Сегодня советских рабочих кормят уже не лозунгами о «свободе Африки» (сарделек нет в связи с временными трудностями в области продуктов животноводства), а рассказами о братской дружбе между СССР и странами Африки, «ставшими на путь прогрессивного развития», выбравшими «социалистическую ориентацию».

Три критерия определяют «прогрессивность развития» и «соориентацию»: дружба с СССР, лучше всего заключение договора о дружбе и взаимопомощи, создание единой монолитной партии и принятие в качестве базы марксизма-ленинизма.

Можно представить себе радость советских граждан, читающих в газетах сообщение ТАСС: «Начались занятия в кружках идеологической и политической учебы населения Котону — крупнейшего города Народной Республики Бенин. Инструкторы партии народной революции Бенина дважды в месяц выступают перед членами исполнительных секретариатов местных революционных советов с лекциями о задачах бенинской революции и основах марксизма-ленинизма». Трудно сказать точно, насчи-

тывает ли «крупнейший город Бенина» две или три тысячи человек, но впечатление создано: в своем триумфальном марше марксизм-ленинизм достиг Бенина.

Журнал «Новое время» (№ 9, 1977) рассказывает об успехах Революционной партии Танзании: «Революционной партии предстоит стать руководящей силой в строительстве новой жизни. Она будет осуществлять контроль над всеми органами государственной власти. Это положение соответствует принятой еще в 1975 г. поправке к конституции, в которой провозглашалась главенствующая роль партии». В «Международной жизни» (№ 3, 1977) мы читаем, что в конституции Мали говорится о том, что единая партия — Демократический союз малийского народа — выражает национальное единство и верховную политическую власть в стране*.

Советский читатель понимает: и в Африке — как у нас! А идеологи подчеркивают: «Наличие многонациональных оппозиционных партий приносит вред прогрессивному развитию».

Можно ли, однако, считать появление марксизма-ленинизма в Бенине, создание монолитной партии в Танзании, даже наличие кубинских солдат в Анголе признаком усиления советского могущества? Появляется все больше и больше признаков, свидетельствующих о том, что Советскому Союзу все труднее нести тяжесть фантастически разросшейся сферы влияния. Тем более что экономические трудности внутри страны становятся все острее.

Подлинная история, происшедшая в московском Театре на Таганке, хорошо рисует положение в стране, психологию руководителей. Руководитель Театра на Таганке Юрий Любимов после отчаянных усилий, как говорят, «по личному указанию Л. И. Брежнева», получил разрешение на инсценировку романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Однако руководители советской культуры все еще чинили препятствия. Друзья посоветовали Любимову пригласить на генеральную репетицию делегатов съезда профсоюзов профсоюзных и партийных боссов. Они, — говорили друзья режиссера, — все равно ничего не поймут, но будут польщены приглашением в самый знаменитый театр Москвы. Друзья режиссера, как оказалось, недооценивали своих руководителей.

В первой сцене Дьявол, прибывший в Москву под именем Воланда, встречает в парке двух советских писателей. Он вмешивается в их разговор, услышав, что они отрицают существование Христа. — Вы говорите, — спрашивает Дьявол, — что Бога нет? — Нет, — твердо отвечают советские писатели. Воланд радостно их благодарит и задает второй во-

* Видимо, после африканских стран «социалистической ориентации» эту поправку было предложено внести в конституцию ПНР.

прос: А дьявол есть? — Нет, — так же решительно отвечают советские писатели. И тогда дьявол, обернувшись в зрительный зал, комментирует: странная страна, о чем ни спросишь, у них этого нет.

Для делегатов съезда этого было достаточно. На следующий день в ЦК партии пошел донос, в котором заявлялось, что некий персонаж спектакля, обращаясь к зрителям, утверждает: странная страна, о чем ни спросишь, у них ничего нет: ни хлеба, ни мяса. Делегаты съезда профсоюзов великолепно знали, чего у них нет, и без подсказок дьявола.

И вот эта страна, в которой ничего нет, претендует на роль мировой державы, на роль хозяина гигантской империи. Все больше признаков свидетельствует, однако, о том, что сила советского государства прежде всего в слабости Запада. Особенно хорошо свидетельствует африканская политика СССР.

Есть такая сказка: забытое в кастрюле тесто начало расти, заполнило дом, вытекло на улицу, угрожая другим домам. Советское влияние заливает Африку — как тесто, проникая туда, куда его выпускают, туда, где образуется вакуум. Выброшенное из Египта, приостановленное в Сирии «советское тесто» внезапно залило Абиссинию, где группа подполковника Менгисту, захватившая власть, обиделась на США и обратилась за оружием к Москве. В мае Брежнев в засос целовал абиссинского подполковника, приехавшего в страну развитого социализма после кровавой бани, организованной в Аддис-Абебе.

Брежнев удовлетворил все просьбы Менгисту, несмотря на то, что положение подполковника чрезвычайно шатко, и несмотря на то, что Сомали, старый и верный друг Советского Союза, непримиримо враждует с Абиссинией. Создается впечатление, что Москва воспользовалась случаем: появилась возможность лезть в Абиссинию — влезли. Тем более что имеются кубинцы, которых можно использовать в качестве пушечного мяса. Кастро, получающий ежедневно от Москвы 4 млн. долларов, без чего его экономика рухнула бы, дает — за рубли — солдат.

В конце апреля 1977 г. Лондонский международный институт стратегических исследований опубликовал свой ежегодный отчет. В отчете отмечается, что в 1976 г. советские Вооруженные Силы продолжали расти быстрее, чем во всех других странах мира. «Советский Союз, — резюмирует отчет, — неконкурентоспособный в области экономики, репрессивный в области культуры, бесплодный в области идеологии, видит в военном могуществе единственное средство сохранить позицию великой державы».

Военное могущество — десятки тысяч танков, тысячи самолетов и ракет, сотни военных кораблей — это, конечно, сила. Но если государст-

во обладает только такой силой, да внутри тайной полицией — это, несомненно, признак слабости.

В Москве рассказывают сегодня такой анекдот: в поезде, который стоит на станции, сидят Сталин, Хрущев и Брежнев. Поезд все не едет, и Сталин говорит: выйду, налажу дело. Возвратившись, сообщает: приказал расстрелять машиниста и всю поездную бригаду, сейчас поедем. Но поезд стоит. Тогда поднимается Хрущев, говорит: я все сделаю. Возвращается, заявляет; я реабилитировал машиниста и всю поездную бригаду, сейчас поедем. Но поезд стоит. И Брежнев предлагает: давайте завесим окна и сделаем вид, что мы едем.

Можно спорить: идет советский поезд или стоит. Но нет, мне кажется, никакого сомнения, что в обоих случаях — едет ли он или стоит — окна в вагонах закрыты. Мир не виден, поезд живет в собственном, искусственном, выдуманном мире, в котором все возможно.

И даже необъяснимый пожар в самой большой московской гостинице «Россия». Я писал в одном из «Обзоров» об этом пожаре. В предыдущем номере «Культуры» (№ 5, 1977) Густав Херлинг-Грудзинский высказывает в своем «Дневнике» предположение, что подожгли соперники Брежнева в партии, и делает великолепный каламбур: вместо «пламенный партийный привет» — «пламенный партийный ответ».

Ответ Густаву Херлинг-Грудзинскому пришел из Москвы. 20 апреля «Литературная газета» напечатала большую статью «Следствие продолжается. Пожар в гостинице «Россия»: факты и домыслы». Автор статьи обрушивается на западных журналистов за «домыслы» и приводит «факты».

Прежде чем перейти к «фактам», отметим, что пожар произошел 25 февраля 1977 г., первая статья о нем в советской печати появляется 20 апреля, т.е. почти ровно — без пяти дней — через два месяца. И сразу же добавим, что автор статьи приводит в заключение слова следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР: «Следствие продолжается, и о каких-то определенных выводах говорить пока рано».

Какие же «факты» приводит автор статьи? Сообщение о пожаре было сделано «взволнованным, прерывающимся мужским голосом» в 21 час 23 мин. 35 сек. Первые машины выехали через 1 мин. 25 сек. Через полтора часа пожар тушили 52 машины, а всего было использовано 143 машины (легко сделать вывод, что если бы прислали сразу нужное количество машин, пожар был бы потушен быстрее). В общей сложности тушение продолжалось 4,5 часа. Автор статьи подробно рассказывает, сколько лестниц было использовано во время тушения, сколько воды подавалось в секунду на 1 м². Но любовь к цифрам покидает его, когда речь заходит о жертвах. Сначала точная цифра: «Пожарные вывели и вынесли из горя-

шего здания 463 человека». Потом цифра менее четкая: «Несколько десятков человек «скорая помощь» доставила в больницы, и врачи вернули их к жизни». Потом еще менее ясно: «Но всех спасти не удалось, среди погибших были и пять иностранных гостей». Жертв среди «иностранных гостей» не скрыть, а своих можно не считать. Настоящий советский человек не должен гибнуть в гостинице на глазах всего света, а если уж погиб — обойдется без рекламы.

Автор статьи приберегает главный аргумент к концу: западная печать столько писала о пожаре в «России», а на Западе то и дело горят гостиницы. И перечисляет пожары — в Брюсселе, Сеуле, Сан-Паулу, Новом Орлеане. Правда, он не добавляет, что нигде причины пожара не скрывались, нигде следствие не тянулось так долго.

Впрочем, причины пожара в Тбилиси, случившегося в мае 1973 г. (тогда сгорел оперный театр), были объяснены во время суда, состоявшегося в январе 1977 г. Правда, как многие считают, судили вовсе не тех, кого надо было. Но, быть может потому, что следствие велось всего три с половиной года.

5 июня 1977

В Москве любят говорить: «с Советской властью не заскучаешь». Очередной спектакль под названием «Новая советская Конституция» был поставлен с использованием эффектов, которые не перестают смешить советских людей и не перестают удивлять Запад.

26 мая все западные газеты поместили на первой странице сенсационное известие: председатель президиума Верховного совета СССР, номинально глава Советского государства — уволен со службы. В советской печати сообщение о конце карьеры Николая Подгорного заняло ровно две строчки: в коммюнике о решениях пленума ЦК, заседавшего 24 мая, говорилось между прочим, что Николай Подгорный перестал быть членом Политбюро. Это означало, что свой государственный пост он потерял также. Занимал он его с 1966 г. И сразу же — в лучших традициях Орвелла — исчезли все портреты бывшего главы государства, имя его перестало упоминаться в советской печати, на радио, телевидении.

Западные комментаторы, не перестающие искать разгадки «кремлевских тайн», выдвигали множество объяснений. Даже член Политбюро французской компартии Жан Канапа нашел, что «было бы нормальным, если бы стало известно, почему принято такое важное решение». Западные комментаторы искали разгадку тайны, которой не было, искали и не могли найти, ибо даже сегодня, после 60 лет существования Советского государ-

ства, не перестают анализировать его, как если бы это было государство нормальное, западного типа. Вильям Буллит, американский дипломат, рассказывает в своих воспоминаниях о беседе с президентом Рузвельтом накануне конференции в Ялте. Рузвельт сформулировал свою линию поведения по отношению к Сталину так: «Если я дам ему все, что могу, не требуя от него нечего взамен, то noblesse oblige, он не сможет ничего оккупировать и согласится сотрудничать со мной в обстановке демократии и мира».

Вильям Буллит, бывший первым американским послом в Москве и знавший Сталина, возразил своему президенту: «Не забывайте, говоря о noblesse oblige, что вы имеете дело не с герцогом Норфолкским...» До сегодняшнего дня западные государственные деятели и западные комментаторы полагают, что в Политбюро сидят одни только герцоги Норфолкские.

Причина изгнания Подгорного из рая советских вождей не была тайной. О причине этой было сказано открыто в коммюнике, посвященном пленуму ЦК от 24 мая. В коммюнике говорилось, что пленум «единогласно утвердил проект Конституции», доклад которой сделал лично Леонид Ильич Брежнев. Подгорный был изгнан, ибо занимал место, которое должен занимать Брежнев. А то, что изгнание Подгорного произошло в форме хамской, так ведь и сам бывший председатель президиума Верховного Совета тоже ведь не герцог Норфолкский...

4 июня все советские газеты опубликовали проект Конституции, принятый ЦК десять дней назад. Новая, брежневская Конституция, рождалась долго. В начале 60-х годов Никита Хрущев (кто такой? — спрашивают сегодня дети, которым исполнилось 15 лет) заявил о необходимости сотворить новую Конституцию. Но не успел. Его ближайший соратник и преемник Леонид Брежнев, свергнув Хрущева, вернулся к идее новой конституции в 1966 г. и объявил, что она будет готова к 1967 г., т.е. к 50-летию Советской власти. Беременность была очень затяжной, и плод появился на свет лишь десять лет спустя, к 60-й годовщине Октября.

Брежневская Конституция — четвертая по счету советская Конституция. Первая, принятая в июле 1918 г., называлась Конституцией Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В 1924 г. вступила в действие Конституция СССР. В 1936 г., в разгар террора, Сталин даровал советскому народу «самую демократическую» Конституцию в мире. Под «солнцем сталинской Конституции» советский народ живет и сегодня, ибо новая — брежневская — вступит в силу в ноябре 1977 г.

Что представляет собой плод, который десять лет носил в своем чреве Брежнев? В самых общих чертах можно сказать, что новая Конституция лишь очень немногим, некоторыми формулировками только отличается от предыдущей.

В 1936 г. сталинская Конституция была уже «Конституцией победившего социализма». Никита Хрущев, царь Никита, мечтал, введя бесплатный проезд в трамваях, провозгласить «Конституцию победившего коммунизма». Более сдержанный Брежнев провозглашает государство «развитого социализма». Брежневский социализм ничем не отличается от сталинского, ибо Конституция сохраняет принцип: «от каждого по способностям, каждому по труду». В отличие от Конституции 1936 г., заявлявшей, что «СССР — социалистическое государство рабочих и крестьян», Конституция 1977 г. провозглашает СССР «всенародным социалистическим государством, выражающим волю и интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции...» Итак, через 60 лет после революции интеллигенцию «впустили в Конституцию», официально признали, что она существует. О фактическом положении советской интеллигенции можно многое сказать. В связи с новым ее положением — по Конституции 1977 г. — достаточно, мне думается, отметить две заметки, появившиеся в советской печати. В первой, опубликованной в газете «Московский комсомолец» в апреле, рассказывается с законной гордостью, что в день ежегодного всесоюзного «субботника» отдали свой труд — бесплатно — Родине и писатели: 80 прозаиков, поэтов и критиков чистили в этот день московский зоопарк. 29 мая — т.е. когда все советские люди уже радовались новой Конституции (правда, не зная ее содержания, что не мешало им писать одобрительные письма в «Правду») — «Правда» опубликовала разгромную статью, посвященную постановке «Мастера и Маргариты» в московском Театре на Таганке. «Правда» категорически возражает против попыток представить на сцене «необоснованные субъективистские «аналогии», ведущие к искажению исторической перспективы...»^{*} Интеллигенция должна знать свое место!

Нельзя считать нововведением статью 6 первой главы, определяющей место и роль партии в Советском государстве. В Конституции 1936 г. уже говорилось, что коммунистическая партия является «авангардом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляет собой руководящее ядро всех общественных и государственных организаций». В новой Конституции эта формула повторяется, но в значительно более расширенном, подробном виде: «Компартия СССР является руководящей и направляющей силой советского общества центральным элементом его политической системы и всех государственных и общественных организаций... определяет общие перспективы развития общества, ориентацию внутренней и внешней политики, руководит вели-

^{*} Упомянув в предыдущем обзоре («Культура» № 6) о хлопотах Юрия Любимова с цензурой, я полагал, что хлопоты эти кончились. Оказывается, они только начались...

ким творческим делом советского народа, придает плановый и научный характер борьбе советского народа за коммунизм».

Всемогущество партии, существовавшее на деле вот уже 60 лет, теперь записано в Конституции. И административно оформлена введением в состав президиума Верховного Совета поста первого заместителя председателя. Это значит, что Генеральный секретарь ЦК будет избран председателем и станет таким образом — одновременно — главой партии и государства, а первый заместитель председателя будет выполнять функции подсобного рода: вручать ордена, встречать на аэродромах гостей второго ранга и т.п.

2 июня советские телезрители смогли лицезреть Отца Конституции, Вождя и Руководителя. Леонид Брежнев, выступая по случаю окончания Недели Франции на советском телевидении, показал себя одновременно и Западу — французское телевидение транслировало речь. Отец Конституции выглядел как памятник самому себе: золотые медали украшали пиджак от одного борта до другого, за плечами виднелась небольшая полочка, на которой лежали пять томов собрания сочинения Леонида Брежнева.

Конституция Брежнева сохранила все демократические права, которые предоставляла советским гражданам Конституция Сталина: самые разные свободы и права — от свободы слова, собраний, демонстраций до гарантии неприкосновенности жилища, корреспонденции, телефонных разговоров. Правда, небольшое добавление разъясняет, что все свободы и права гарантируются лишь при условии их совпадения «с интересами трудящихся», и если они направлены «на укрепление социализма». Оговорка эта имелаась и в сталинской Конституции, которая была оглашена в Москве в тот момент, когда только что прошел первый большой процесс и готовились следующие. По странному совпадению брежневская Конституция опубликована в Москве одновременно с сообщением о предстоящем процессе еврейского активиста Анатолия Щаранского, обвиняемого в шпионаже, связях с враждебными разведками и т.д.

Самая трудная проблема, перед которой стояли авторы брежневской Конституции — это самая трудная проблема, которая стоит перед Советским государством: национальная. Сегодня известно, что среди гигантских планов, которые лелеял Хрущев — прародитель новой Конституции, был и план административной перекройки Советского Союза, лишавшей федеративные республики даже формально их власти. Можно думать, что десятилетнее вынашивание брежневской Конституции связано с отчаянными поисками путей ограничения власти республик. В результате все осталось по-прежнему, как при Сталине. В таких случаях используют метафору: гора родила мышь. В данном случае можно действительно говорить о маленькой «мышке», которая осталась в Конституции как след мучи-

тельных исканий. Республики сохранили все свои права, в том числе и право выхода из СССР. Лишились они только права создавать территориальные воинские соединения. Конечно, это право, как и все остальные, было только теоретическим, существовало только на бумаге. Дело, однако, в том, что среди планов, которые извергал из себя Хрущев, был и план значительного сокращения армии, но одновременного создания территориальной милиции — местных воинских соединений в республиках.

За полтора десятка лет, прошедших после выдвижения Хрущевым своей идеи, демографические тенденции стали в Советском Союзе значительно отчетливее, опасность «пожелтения» Советской Армии — вполне реальной. Покойный министр обороны СССР маршал Гречко в книге «Вооруженные Силы Советского государства» (Москва, 1975) остро критикует идею создания национальных воинских соединений как враждебную «многонациональному характеру» Советской Армии. Можно думать, что у этой идеи было немало сторонников, если результат споров пришлось включить в Конституцию.

Новая глава в Конституции — внешняя политика. Основные линии советской внешней политики закреплены в основном законе государства, так сказать, навечно. Обращает на себя внимание, что в тексте нет слова, которое заставляет трепетать сердца западных государственных деятелей — слова «детант». Цели советской внешней политики изложены ясно и недвусмысленно: «...внешняя политика СССР должна обеспечить международные условия, благоприятные для строительства коммунизма в СССР». Для этого она должна «укреплять позиции мирового социализма, поддерживать народы, борющиеся за свою национальную независимость и социальный прогресс...»

Таким образом дело помощи «борющимся народам» становится внутренним делом Советского государства, и всякая критика, например, советского вмешательства в Анголе, Эфиопии, будет рассматриваться как недопустимое вмешательство во внутренние советские дела. Советская внешняя политика обязана отныне — в соответствии с Конституцией — распространять советское влияние в мире, чтобы «способствовать строительству коммунизма в СССР».

В своем первом международном телевизионном выступлении после рождения Конституции Леонид Брежнев выглядел необычайно торжественно, уверенным в себе, и в несколько угрожающем тоне предупреждал Запад, прежде всего США, не вмешиваться во «внутренние дела» Москвы, даже если они и выходят за границы «лагеря мира и социализма».

Необходимо однако, отметить, что торжественность и самоуверенность Отца новой советской Конституции несколько нарушались тем, что

примерно 30% слов, которые ему нужно было прочитать, он произносил с большим трудом. Александр Зиновьев, автор «Зияющих высот» — этой энциклопедии советского общества, — вспоминает о том, что Заведующий Ибанском вывихнул себе челюсть «при попытке произнести слово «межконтинентальная». Последствия вывиха давали себя знать при чтении Л. Брежневым послания Западу.

Новая советская конституция мало чем отличается от старой. В конечном счете ее главная цель свелась к возведению Генерального секретаря на самую верхушку советской пирамиды власти. Теперь ему желать уже нечего. Памятник в Москве обеспечен. Чтобы завершить окончательно смену сталинского мундира на брежневский, принято решение утвердить новый советский гимн. Как известно, уже более 30 лет советский гимн — песня без слов, ибо в тексте его было утверждение: «нас вырастил Сталин...» Утверждение это совершенно справедливо по отношению к нынешним руководителям, но Брежнев не хочет иметь других родственников — кроме Ленина. Поэтому с 1 сентября 1977 г. советские граждане запоют новые слова, музыка — как говорят — останется без изменений. Это тем более правильно, что до того, как эта музыка генерала Александра стала Гимном Советского Союза, она была Гимном партии большевиков.

Впрочем, для характеристики нового гимна, которого еще никто, кроме членов комиссии во главе с секретарем ЦК Сусловым, не слышал, достаточно снова обратиться к Зиновьеву. «Государственный гимн, — писал автор «Зияющих высот» о сталинском гимне, — музыки не имеет, исполняется молча, стоя, руки по швам, пока не поступит распоряжение посадить всех». Брежневская Конституция изменила в сталинском гимне несколько слов, которые абсолютно ничего не изменили.

6 августа 1977

«Культура» в предыдущем номере (№ 7–8, 1977) предложила свой вариант изменений текста советского гимна, который все прогрессивное человечество начнет петь с 1 сентября. Советская печать поспешила опубликовать официальный текст. 12 июня все советские газеты напечатали на первой странице слова и ноты гимна. Необходимо признать, что «Культура» ошиблась, ввела своих читателей в заблуждение. Оказалось, что никаких изменений в тексте гимна нет. Музыка осталась прежней. Авторы слов те же самые. В тексте советского гимна были две ключевые фразы: первая — «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь» и вторая фраза припева — «Партия Ленина — партия Сталина нас от победы к победе ведет!».

Новый текст оставил без изменений первую фразу: «Великая Русь» остается официально главной, ведущей, руководящей силой Союза «свободных республик». Во второй фразе произведена косметическая ретушь, которая красноречиво свидетельствует, что ничего не изменилось. Фраза звучит сегодня: «Партия Ленина — сила народная нас к торжеству коммунизма ведет!» Вместо — «от победы к победе» дан более точный адрес: «торжество коммунизма», место Сталина занял Ленин. Косметика этого рода хорошо знакома советским людям. Примером могут служить, например, разные издания т. н. советских народных пословиц. В издании 1948 г. мы читаем: «Сталинский указ, что отцовский наказ», «За Сталиным идти — в счастья жить и цвести», а в издании 1961 г. «народная мудрость» звучит уже иначе: «Ленинский указ, что отцовский наказ», «За Лениным идти — в счастья жить и цвести».

Советские люди хорошо знают, что косметика — замена имени Сталина именем Ленина — главной своей целью имеет подтверждение неизменного характера режима. И не случайно аресты членов групп содействия выполнению Хельсинкского соглашения произошли в радостные дни опубликования новой Конституции. В Москве были арестованы Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, на Украине — Микола Руденко и Олекса Тихий, в Грузии — Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава. И не случайно, что первыми судили украинцев — в дни публикации нового гимна и открытия конференции в Белграде. И не случайно дали им чудовищно высокие сроки: учитель истории Олекса Тихий осужден на 10 лет лагерей и 5 лет ссылки, бывший секретарь союза писателей Украины Микола Руденко — на 7 лет лагерей и 5 лет ссылки. Процесс, как теперь водится, состоялся в маленьком городке Дружковке, который можно найти только на крупномасштабной карте Украины, при закрытых дверях. Теперь на повестке дня другие процессы.

Никто лучше Сталина не сумел сформулировать основную черту т.н. советской демократии: неразрывную связь между осуществлением конституционных обязанностей и террором. Выступая на XVIII съезде партии (1939), Отец советской Конституции выразил свою мысль четко и недвусмысленно: «В 1937 г. были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6% всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4% всех участников голосования». Профессора логики, возможно, могли бы обнаружить ошибку в сталинском силлогизме, но 60-летняя со-

ветская практика всецело подтверждает — до сегодняшнего дня — правоту Сталина: чем жестче террор, тем более высокий процент голосующих за «Советскую власть».

На Западе нередко слышатся голоса: нынешний советский террор нельзя сравнить с террором сталинского времени. В действительности изменились только формы террора. Они не могли не измениться: прошло четверть века со дня смерти Отца Народов, мы живем в эпоху, как любят выражаться советские газеты, научно-технической революции, НТР. Совершенно очевидно, что репрессии сталинского масштаба, аресты миллионов, даже всего лишь сотен тысяч человек ежегодно разрушили бы в течение короткого времени советскую экономику, всю государственную машину. В то же время коллективная память народа о «ежовщине», о миллионах арестованных, о сотнях тысячах расстрелянных, уверенность советских людей в том, что власти в любой момент могут — если сочтут нужным — начать массовый террор, позволяет ограничиваться сегодня нацеленными арестами руководителей оппозиции или высылкой за границу. Лидия Алексеева, активный член московской «Группы Хельсинки», эмигрировавшая из СССР в июне 1977 года, говорит: «Всячески затрудняя выезд, скажем, евреям, немцам, практически лишая возможности выезда людей всех других национальностей, советское правительство очень благосклонно смотрит на такое желание, если оно исходит от активного диссидента». Лидия Алексеева ждала разрешения на выезд вместе с семьей 10 дней.

Коллективную память сохраняет не только советский народ, но и руководители, вожди. Опыт научил их, что неудержимая инерция массового террора доносит его волну до самого верха, не щадит вождей; изменились формы советских репрессий, неизменным остается его содержание: беспощадное подавление всякого отклонения от официальной линии, всякого инакомыслия, всякой попытки сказать правду.

И тем не менее, несмотря на все усилия КГБ, оппозиция продолжает существовать: меняя формы, выдвигая новых людей, замещающих тех, кто был арестован, кто вынужден был выехать. Еще не написана история советской оппозиции послесталинской эпохи. Но вся эта история — на наших глазах: и одно можно сказать со всей определенностью — с каждым годом все жестче становятся репрессии, но и оппозиция начинает говорить все резче и резче. Сбывается предвидение Солженицына. В январе 1972 г., после смерти Александра Трифоновича Твардовского, автор «Архипелага ГУЛАГ» писал, обращаясь к власти: «Безумные! Когда раздадутся голоса молодые, резкие, вы еще как пожалеете, что с вами нет этого терпеливого критика, чей мягкий увещательный голос слушали все.

Вам впору будет землю руками разгрести, чтобы Трифоныча вернуть. Да поздно».

Не являются ли выражением этих «молодых резких голосов» взрывы и пожары в Москве, происхождение которых расследуется вот уже полгода? 7 июля агентство ТАСС опубликовало коротенькое — в четыре строчки — сообщение: «Органы КГБ арестовали преступника, организовавшего 11 июня взрыв в такси перед гостиницей «Советская». Раньше об этом взрыве никаких сообщений не было. Андрей Амальрик, после взрыва в московском метро категорически утверждавший, что это «дело КГБ», в недавнем интервью парижской «Русской мысли» свое мнение несколько изменил: «Взрыв в метро может быть делом КГБ, но мы уже знаем несколько примеров одиночного террора, взрывов к поджогов, не инспирированных властью». И А. Амальрик продолжает: «Если террористические акты не получили широкого распространения, то только потому, что практике всегда предшествует теория. Как только появятся книги и брошюры, идеологически обосновывающие терроризм, терроризм распространится по стране». Быть может, убеждение Амальрика в том, что «практике всегда предшествует теория», носит излишне марксистско-ленинский характер, быть может, слишком велика у него вера в «книги и брошюры, идеологически обосновывающие», но есть все основания полагать, что террористический этап развития советской оппозиции близок.

Все более резкими становятся высказывания советских граждан, критикующих режим. Недавно появилось в «самиздате» письмо правительству СССР украинского писателя Гелия Снегирева. Писатель, кинорежиссер, член партии, племянник Вадима Собко, одного из самых преданных Советской власти писателей, Гелий Снегирев был в 1974 г. исключен из Союза писателей «по идеологическим мотивам с запрещением печататься». Был он исключен и из Союза кинематографистов, тоже с запрещением работать в кино. Тогда же очень серьезно заболел, почти ослеп. И все же успел закончить «лирико-публицистическое исследование» «Мама, моя мама...» Гелий Снегирев собрал материал — в газетах, в беседах с современниками — о процессе т.н. СВУ, Союза вызволения Украины. Сфабрикованный от начала до конца ГПУ, процесс этот закончился осуждением на тяжелые лагерные сроки 45 крупных украинских ученых — историков, лингвистов — во главе с академиком Ефремовым. Писатель заинтересовался старым процессом, одним из многих, ибо свидетелем выступала на судебном заседании его мать, бывшая в 1930 г. школьницей. «Я... хочу понять, — пишет Гелий Снегирев, — и взвесить, какую тяжесть должна была носить мама в душе своей все годы до самой своей

преждевременной смерти в 36 лет, если ей в самом деле пришлось свидетельствовать против друзей своей юности — ни в чем не повинных, как она отлично о том знала». Написав книгу, Гелий Снегирев решил передать ее для издания за границей, оставаясь в Харькове. «Я передал на Запад рукопись своего произведения, — говорит писатель в предисловии, — потому что мной это произведение написано. Когда литератор вещь напишет, он хочет выстраданный свой труд держать в руках книжечкой, изданной многими экземплярами, дошедшей до многих читателей. У себя на Родине я этого не мог...»

Книгу Гелия Снегирева напечатал журнал «Континент». Когда был опубликован проект брежневской Конституции, писатель направил письмо правительству, заявив об отказе от советского гражданства. С удивительной смелостью, не оставляя никаких сомнений относительно своего отношения к режиму, Гелий Снегирев с беспощадной резкостью характеризует новую Конституцию: «Ваша Конституция — ложь от начала до конца... Ваша Конституция продиктована политической охранкой, которой в СССР подвластно все, без которой и дня не протянет ваш лагерный режим». Украинский писатель заявляет, что не хочет быть гражданином государства, лишившего его прав и свобод, не хочет быть гражданином государства, «которое дохозяйничалось до того, что вынуждено на высокие скрижали Основного Закона персонально выводить скот и птицу, содержащиеся в подсобном хозяйстве граждан»*. «Наконец, — заявляет Гелий Снегирев, — я не желаю более оставаться гражданином государства, которое уничтожило элиту моего украинского народа, лучшую часть крестьянства и интеллигенции, извратило и оболгало наше историческое прошлое, унизило настоящее. Вы лишили моих соотечественников-украинцев национального достоинства, вы добились от нас того, что мы боимся и не хотим называться украинцами».

Название книги Гелия Снегирева — «Мама моя, мама...» — позволяет обнаружить важную особенность нынешней оппозиции в Советском Союзе. Стало банальным выражение: «Революция пожирает своих детей». Советская «революция» пожирает уже не только своих детей, но и внуков. Среди диссидентов все больше и больше людей в возрасте 30–40 лет. Они чувствуют себя ответственными за свою страну и участниками всего того, что делают они, и того, что делали их отцы и деды. Молодая поэтесса Нина Королева пишет в стихотворении, в котором вспоминает

* Г. Снегирев имеет в виду 12-ю статью Конституции, гарантирующую колхозникам право на индивидуальные участки, занимающие 1% земельных угодий и дающие $\frac{1}{3}$ продуктов питания страны.

трагическую судьбу «царицы с ребенком»: «И я задыхаюсь в бессилье, Спасти их не властна, Причастна беде и насилью, И злобе причастна»*.

«Смена поколений» в оппозиции сопровождается необычайно важным явлением: впервые за 60 лет Запад услышал свидетельство советских диссидентов. Пройдет некоторое время, прежде чем будет полностью осознано значение, которое сыграл Александр Солженицын, прежде всего «Архипелаг ГУЛАГ», в изменении отношения мирового общественного мнения к Советскому Союзу, но и сейчас можно утверждать, что значение это огромно. Оно открыло глаза и уши Запада на другие свидетельства. Более того, впервые, под несомненным влиянием русского писателя Александра Солженицына, под влиянием советского опыта «строительства социализма» рождается во Франции «бунт против Маркса». Появляется целая плеяда молодых философов — Андре Глюксман («Кухарка и людоед», «Учителя-мыслители»), Бернар-Анри Леви («Варварство с человеческим лицом»), Жан-Мари Бенуа («Маркс умер») и другие, — анализирующих истоки тоталитаризма, невзирая на его цвет: коричневый он или красный. Французская критика необычайно высоко оценила «Зияющие высоты» Александра Зиновьева, с большим интересом встречена вышедшая совсем недавно на русском и французском языках книга выдающегося математика Игоря Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Основные идеи книги Шафаревича были изложены автором в статье «Социализм», вошедшей в сборник «Из-под глыб». Московский математик, почетный член американской Академии наук, член Комитета защиты показывает на огромном материале, что коммунизм не является «изобретением Маркса», что это некая константа человеческого характера. Французский историк Эмманюэль Тодд пишет в своей рецензии: «Шафаревич определяет характер трех структур: современного коммунизма, утопического коммунизма и стихийного коммунизма зари человечества. Отдельно взятые эти структуры известны. Советский математик реализует синтез удивительной силы. И всюду обнаруживает, независимо от географических условий, уровня развития, одну и ту же систему, ту же иде-фикс. Он приходит к выводу о существовании постоянной ментальной системы в человеческой натуре. Есть многое от Леви-Стросса — с добавлением ясного стиля — в этом открытии психологии при анализе общества и его идеологий».

* Стихотворение, описывающее сибирский город Тобольск, где в 1918 г. содержалась царская семья, было опубликовано в ленинградском журнале «Аврора» (№ 11, 1976). Только через два месяца цензоры поняли, о чем идет речь в стихотворении Нины Королевой. Немедленно были уволены главный редактор «Авроры» и его заместитель.

Демонстрацией нового отношения к советским диссидентам была встреча, организованная французскими интеллектуалами — писателями, философами, — с советскими диссидентами (были приглашены и диссиденты из всех стран Восточной Европы). Как говорят старожилы, впервые в одном зале, на одной встрече присутствовало столько французских «властителей дум», причем самых разных направлений — от Сартра до Ионеско. Встреча эта была особенно знаменательной, потому что в это же самое время на другом берегу Сены президент Франции принимал Леонида Брежнева.

Поездка Брежнева во Францию в июле была его первым выездом на Запад за последние два с лишним года. Советская печать заверяла своих читателей, что французский народ, благодарный товарищу Брежневу за честь, в течение недели не ел, не пил, думал только о вожде прогрессивного человечества... Поездка Брежнева во Францию дала два результата. Первый — французы смогли увидеть тяжелобольного человека. Все французские газеты обошла удивительная фотография: Брежнев, схватившийся за голову, явно не понимающий, где он находится, перед памятником Неизвестному солдату. Впечатление тяжелобольного человека не меняет тот факт, что Брежнев два часа читал приветственную и поучающую речь Жискара д'Эстена. Как выразился главный редактор «Ле монд», наркотики не имеют права принимать только велосипедисты. Второй результат — французский президент после бесед с Брежневым выступил как защитник советской политики «детант», упрекая президента Картера в том, что тот нарушил «кодекс благопристойного поведения в условиях детант». Антиамериканские выступления обязательны для всех французских политических деятелей, тем более в предвыборный период. Удивление вызывает, однако, заявление президента Франции о том, что «научный анализ советской жизни в период между 1967 и 1977 годами свидетельствует — идет ли речь о расширении допуска к информации или феномене диссидентов — о происшедших значительных изменениях». Удивление вызвано не только тем, что изменений в сторону т.н. либерализации в советской жизни обнаружить невозможно, но и тем, что французские ученые, занимающиеся Советским Союзом, такого рода изменений и не обнаружили. Удивление исчезает, если вспомнить, что главным советником президента Франции по Советскому Союзу является Самуэль Писар, адвокат ряда крупных американских фирм, ведущих торговлю с СССР, и горячий защитник детант, автор книги «Оружие мира».

Любопытным комментарием к взглядам Писара может служить книга американского профсоюзного деятеля, экономиста и социолога Чарльза

Левинсона «Водка-Кола». Первая глава книги называется — как бы в ответ Писару — «Прибыль от мира». Чарльз Левинсон приводит многочисленные факты и документы, доказывающие, что западные многонациональные компании хотят использовать свое могущество для поддержки коммунистических режимов в Восточной Европе. Гениальная идея — по выражению автора «Водки-Колы» — многонациональных компаний заключается в превращении граждан восточноевропейских стран в дешевых производителей товаров по западным лицензиям. С тем, чтобы товары эти продавались затем на западных рынках с прибылью в первую очередь для многонациональных концернов.

Автора книги «Водка-Кола» кое-кто из рецензентов упрекает в преувеличении, в защите интересов американских рабочих. Но вот орган американских банкиров, журнал «Форчун» публикует специальное досье, посвященное сети банков, создаваемых СССР за рубежом. Американские банкиры приветствуют своих советских коллег. Досье носит радостное название: «Этот коммунистический интернационал говорит с капиталистическим акцентом». Журнал «Форчун» почти дословно повторяет то, что пишет Чарльз Левинсон: необходимо позволить Советскому Союзу получить как можно больше твердой валюты, ибо в конечном счете эта валюта будет использована для приобретения оборудования и технологии на Западе, с помощью этого оборудования будет добываться сырье, которое также придет на Запад. Деловые банковские связи влекут за собой установление связей политических. С 9 по 13 июля под Ригой, в курортной местности Юрмала, вели разговоры, с одной стороны, советские специалисты по США, а с другой — бывшие ближайшие сотрудники Киссинджера во главе со знаменитым Зонненфельдом, и Давид Рокфеллер.

Самое оперативное из всех искусств — кино (я имею в виду американское кино) — уже подхватило идею о единстве капиталистов всех стран, независимо от их политического строя. В последнем фильме Сиднея Люмета «Network» выступает с программной речью богатейший американский капиталист, владелец всех банков, заводов и телевизионных станций. Он провозглашает: банкиры всех стран, соединяйтесь. Он заявляет: деньги не знают границ, а рубль так же дорог ему, как и доллар.

Не подозревая того, Сидней Люмет показал на экране того самого капиталиста, о котором Ленин говорил, что он продаст Советскому Союзу веревку, на которой его же повесят. Ленин ошибся только в одном: капиталист не хочет продавать веревку, он хочет дать ее в кредит.

9 сентября 1977

В советской печати о всемирном конгрессе психиатров в Гонолулу писали мало. В немногочисленных сообщениях писалось глухо о происках Си-ай-эй, о «клеветниках», утверждающих, что в СССР и других социалистических странах «психиатрия используется как оружие против диссидентов». Западная печать уделила конгрессу в Гонолулу, работавшему с 31 августа по 3 сентября, значительно больше места. Лучше всего итоги конгресса сформулировала французская газета, озаглавившая статью: «Плющ выиграл большинством в два голоса». И действительно — 90 голосами против 88 конгресс принял резолюцию, в которой осуждалось «систематическое злоупотребление психиатрией в политических целях в Советском Союзе».

Два голоса — не очень большое большинство. Если, однако, вспомнить, что в последние годы не было случая осуждения политики Советского Союза на международном форуме, если вспомнить, что мировое общественное мнение, в том числе мнение значительной части западных психиатров изменилось в результате доказательств, предоставленных советскими диссидентами, заплатившими — и платящими все еще — годами пребывания в «психушках» и лагерях можно считать резолюцию конгресса в Гонолулу замечательной победой духа над безжалостной звериной силой.

Шесть лет назад, накануне предыдущего конгресса психиатров в Мехико, Владимир Буковский переслал на Запад досье, составленное из документов, в том числе текстов «психиатрических экспертиз», свидетельствовавших об использовании психиатрии в борьбе с диссидентами. Буковский назвал собранные им документы: «Новая психическая болезнь в СССР: оппозиция». Собравшиеся в Мексике психиатры обсуждать положение в Советском Союзе отказались: советская делегация пригрозила, что в случае включения вопроса в повестку дня она покинет конгресс и уйдет из федерации. Виктор Файнберг, сидевший осенью 1971 г. в советской психиатрической больнице, куда он был заключен за демонстрацию на Красной площади против оккупации Чехословакии, после выезда на Запад рассказывал, что во время работы конгресса в Мексике отношение к заключенным в «психушках» заметно улучшилось. На следующий день после окончания конгресса их стали мучить, принудительно лечить вспрыскиванием одуряющих медикаментов как раньше.

Трудно сказать изменится ли положение заключенных в советских психиатрических больницах после решения конгресса в Гонолулу. Достаточно присмотреться к составу советской делегации на всемирном конгрессе. К 30-летию Победы над Гитлером Лешек Колаковский написал

замечательный фельетон, рассказывавший о том, как выглядел бы мир, если бы победила в 1945 г. Германия. Но даже Лешку Колаковскому с его богатейшей фантазией не пришло в голову изобразить всемирный конгресс врачей, на котором доктор Менгеле рассказывал бы об опытах, которые он производил в Освенциме и которые двинули вперед медицину. В Гонолулу в состав советской делегации входили главный теоретик борьбы с диссидентами путем заключения их в «психушки» академик Снежневский и директор печально знаменитого Института им. Сербского в Москве проф. Морозов. Трудно ожидать от таких людей изменения отношения к больным после какой-то там резолюции. Можно думать, что попытаются использовать резолюцию для облегчения положения больных рядовые врачи-психиатры. Следует помнить, однако, что для этого советским врачам пришлось бы нарушить «присягу», которую они подписывают при получении диплома. До революции русские врачи давали «клятву Гиппократата». Сегодня в стране «зрелого социализма» о Гиппократе речи быть не может. «Торжественно клянусь, — заявляет советский врач, — поддерживать и развивать благородные традиции национальной медицины, основывать все свои действия на принципах коммунистической морали, постоянно помнить о высоком звании советского врача и постоянно помнить о моей ответственности перед народом и Советским государством». О больных в присяге нет ни слова.

Осуждение конгрессом всемирной ассоциации психиатров Советского Союза — прежде всего победа советских диссидентов, тех, кто находится в Советском Союзе — на свободе или в заключении, и тех, кто в эмиграции говорит правду о стране «зрелого социализма».

Можно предполагать, что Советская власть постарается расплатиться за поражение в Гонолулу. Вот уже около полугода фабрикуется в Москве процесс, цель которого нанести смертельный удар движению, возникшему вокруг «Группы наблюдения за соглашениями в Хельсинки». В Голливуде большой популярностью пользуются «ремейки»: фильм, пользующийся успехом, ставится еще раз по старому сценарию, но с новыми актерами. В Москве готовят сегодня «ремейку» суда над лидерами демократического движения Петром Якиром и Виктором Красным. Раскаяние обвиняемых в 1973 г. принесло им свободу, но демократическое движение заглохло. Ему на смену пришла «группа Хельсинки». В начале 1977 г. были арестованы проф. Юрий Орлов, потом Александр Гинзбург, в марте — Анатолий Щаранский. Незадолго до его ареста в газете «Известия» появилась статья провокатора, излагавшего основные пункты будущего обвинительного акта: связь с иностранными разведками, измена Родине.

Имеются, следовательно, важнейшие элементы советского показательного процесса: арестованные, сфабрикованные обвинения, провокатор. Необходимо теперь добиться раскаяния кого-либо из обвиняемых. Жорес Медведев, посетивший в августе Париж по случаю выхода книги братьев Медведевых «Н. С. Хрущев. Годы у власти», рассказал представителю «Ле монд», что в Москве допрашиваются сотни свидетелей по «делу Гинзбурга, с тем, чтобы придать процессу особый размах». Дело Якира и Красина составило 150 томов — немногим меньше, чем дело Геринга и его товарищей во время процесса в Нюрнберге. Готовясь к процессу Орлова, Гинзбурга, Щаранского КГБ собрало уже, видимо, несколько сотен томов показаний, но, возможно, что все еще нет тех, какие нужны для осуждения обвиняемых за измену Родине.

Процесс еще только готовится, а международная книжная ярмарка уже — впервые! — открылась в Москве. Впервые москвичи смогут увидеть, простояв долгие часы в очереди за билетами множество иностранных книг, выпущенных западными издательствами. В вечной надежде на колоссальные доходы, которые может дать соблазняющий капиталистов вот уже 60 лет мифический советский рынок, западные издательства согласились подвергнуться строжайшей цензуре: не дай Бог, посетители увидят какую-нибудь недозволенную книгу.

Организаторы ярмарки хорошо понимали, на какой риск они идут: несмотря на строжайшую цензуру на стенде могла оказаться книга, по внешнему виду невинная, но где-то в чем-то (с книгами никогда не известно!) вреднейшая. Организаторы пошли на этот риск прежде всего для «развития культурных связей». С момента подписания Хельсинкского соглашения советская пропаганда настаивает на «расширении связей», которое — по мнению ЦК КПСС — должно выражаться в увеличенном вывозе советской литературы на Запад. Председатель советского Агентства по авторским правам Борис Панкин заявил накануне книжной ярмарки, что в центре внимания ярмарки будет художественная литература. Советский Союз, — подчеркнул Панкин, — рассчитывает лучше познакомить Запад с советскими писателями и «ликвидировать диспропорцию, существующую в обмене литературой между Востоком и Западом».

Кандидат филологических наук Александр Мулярчик жалуется в «Известиях» на «неэквивалентность» культурного обмена между СССР и США по части книгоиздания, постановок переводных пьес, закупок фильмов, теле- и радиопрограмм и прочего. Член-корреспондент Академии наук Н. Т. Федоренко в «Литературной газете» возмущается «поразительной диспропорцией» в издании книг западных авторов в СССР и советских пи-

сателей на Западе. С 1946 по 1972 год в СССР было издано 6 350 названий советских авторов, а за тот же период в США — только 450 названий книг советских писателей. Советские пропагандисты утверждают, что это абсолютно недопустимо. Они рассуждают, примерно так: если Советский Союз добился равенства с США в области межконтинентальных ракет и боеголовок, то теперь пришло время добиваться такого же равенства в области издания книг, демонстрации кинофильмов к т.д. Советское издательство перевело, скажем, Фолкнера, американское — немедленно — Г. Маркова. Причем советские руководители требуют для себя не только права самим выбирать, кого переводить из иностранных писателей, но и права указывать западным издательствам, кого из советских писателей переводить.

Специфика советской системы — причина того, что в СССР действительно издается немало книг крупнейших западных писателей. Объясняется это просто. Каждый подлинный писатель критически относится к своему времени, к обществу, в котором он живет. Как выражался Евгений Замятин: каждый настоящий писатель — еретик. Советская пропаганда использует западную литературу как материал для «разоблачения капитализма». «Настоящий советский писатель» — это писатель, восхваляющий режим. Его советская пропаганда хотела бы использовать для распространения лжи о стране «зрелого социализма».

Бывают, однако, советские писатели, которые отходят от предписанных норм. И касается это не только «диссидентов», которых, как с горечью замечает А. Мулярчик, «предпочитают печатать буржуазные издательства», но и более или менее правоверных писателей, умудрившихся протащить в своих книгах атомы правды. И поэтому необходим контроль над тем, что из советской литературы переводят на Западе. И поэтому произошел первый скандал на книжной ярмарке еще до ее открытия. Советские органы отказали в визе итальянскому коммунисту, профессору русской литературы Витторио Страде, консультанту издательства «Эйнауди». Слишком хорошо знает он советскую литературу, мог бы посоветовать не то, что надо. С Витторио Страдой у Советской власти разногласия начались уже давно. А в 1970 г. он удостоился сомнительной чести стать главным отрицательным персонажем — коварным врагом, разлагавшим советский строй в романе Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» Витторио Страда показал, что он предупреждения не понял, выпустив два номера журнала «Россия», в котором поместил не одобренных советским Агентством по охране авторских прав авторов. В том числе поляков — Войцеха Карининского и Рышарда Пшибыльского. После вмешательства итальянского министерства иностранных дел Страда все же визу получил. Но предупреждение сделано.

Предупреждение Витторио Страде — прежде всего предупреждение «буржуазным издателям»: при выборе книг советских переводов строго соблюдайте указания руководителей советской литературы. Впрочем, этим указаниям следовать нетрудно: все советские писатели легко различаются по количеству орденов и медалей, которыми их украшает благодарная Советская власть. Можно, не читая книг (даже лучше — не читая), сразу же сказать, какое место занимает советский писатель на небосклоне литературы по фотографиям. Или — по некрологам.

20 июля в Москве похоронили писателя, которого настоятельнейшим образом рекомендуют к переводу на иностранные языки, хотя единственную книгу, из-за которой имя его останется в литературе, он написал в 1924 г. В некрологе, опубликованном в «Литературной газете», о покойном говорилось: умер «выдающийся советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, академик, председатель правления Союза писателей СССР». Далее перечислялись награды, «которыми был удостоен писатель»: «Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, 4 ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, 2 ордена Трудового Красного Знамени, многочисленные медали». Кроме того, упоминались «знак лауреата Государственной (когда-то это была — Сталинская) премии» и награды Болгарии, ГДР и Монгольской Народной Республики. Любопытно, что в огромном тексте, посвященном покойнику, названы только два его романа, но не названа лучшая его книга.

Константин Федин, это о нем идет речь, великолепный пример того, что Аркадий Белинков назвал «сдача и гибель советского интеллигента». А. Белинков взял в качестве примера Юрия Олешу. Он мог с полным основанием взять судьбу Константина Федина, начавшего отличным романом «Города и годы», кончившего чиновником, активно участвовавшим в травле Бориса Пастернака и Александра Солженицына. Вениамин Каверин писал своему бывшему другу Федину в 1968 г.: «Писатель, накидывающий петлю на шею другого писателя, — фигура, которая останется в истории литературы, независимо от того, что написал первый, в полной зависимости от того, что написал второй».

Вопрос о том, как производятся «советские писатели», писатели, которых усиленно рекомендуют для перевода на иностранные языки, представляет не только теоретический интерес: фабрикация писателей-чиновников-орденоносцев не прекращается ни в Советском Союзе, ни в других социалистических странах. Частичный ответ на этот вопрос дали популярнейшие советские писатели братья Стругацкие. Авторы многочисленных научно-фантастических романов, они написали во второй половине 60-х годов три романа: «Улитка на склоне», «Сказка о тройке» и «Гадкие

лебеди», которые без всякой скидки следует отнести к настоящей литературе. Эти романы переведены на западные языки без всякого понукания советских властей. Наоборот — они запрещены в Советском Союзе. Однако с начала 70-х годов братья Стругацкие, не выдержав натиска властей, стали писать все хуже и хуже. В последнем своем большом романе — «За миллиард лет до конца света» — они объясняют почему. Действие романа происходит в Москве во второй половине 70-х гг. Герои романа — крупные ученые — начинают переживать чудеса. Один из них, только что проводивший жену на курорт, с удовольствием садится за работу. Работу прерывает звонок в дверь: посыльный вносит посылку с коньяком, икрой, шоколадом. За посыльным приходит молодая красавица, остающаяся ночевать у молодого ученого. Поработать ему не удастся, другой ученый не может работать, ибо является милиция, производит обыск, арестовывает. Потом выясняется, что произошла ошибка, но работать и этот ученый не может. Третий теряет способность к работе, ибо внезапно почти теряет разум от непонятного страха, поразившего его. Мудрейший из персонажей романа находит объяснение: некая галактическая цивилизация, опасаясь соперничества Земли, мешает земным ученым заниматься проблемами, которые могут способствовать прогрессу нашей планеты. Нехитрая символика «научно-фантастического» романа разгадывается легко: существует некая всемогущая сила, способная дать ученым (писателям!) все, чего душа пожелает: деньги, вино, женщин, шоколадные конфеты «Пиковая дама», или же их уничтожить. Что остается делать, каков выбор? «В конце концов, — заявляет главный персонаж романа, — существуют такие давления, которых никакому человеку не выдержать». Персонаж этот хорошо объясняет, что происходит с тем, кто хочет сопротивляться «давлению»: «...еще вчера я был человеком, членом социума, у меня были свои заботы и свои неприятности, но пока я соблюдал законы, установленные социумом, — а это было вовсе не так уж трудно, — пока я соблюдал эти законы, меня от всех мыслимых опасностей надежно охраняли милиция, армия, профсоюзы, общественное мнение, друзья, семья... и вот, что-то сместилось в окружавшем мире, и я превратился в одинокого пескаря... достаточно легкого движения плавника, чтобы стереть меня в порошок, расплющить, обратить в ничто». Все персонажи романа не выдерживают давления, сдаются, бросают свои занятия, свои темы. И обретают спокойную, сытую жизнь.

Представив разные виды «давления» могущественнейшей, непреодолимой силы, давления, которое состоит не столько из угроз, сколько из соблазнов, Стругацкие объяснили причины падения советских ученых, писателей — интеллигенции. Они упустили из виду, забыли или не хоте-

ли вспомнить важнейшего элемента давления, главного, быть может соблазна. Соблазна власти.

Советский Союз — страна принципиального неравенства, в которой иерархия привилегий создала множество групп, слоев, сословий, атомизировала общество: есть привилегии денежные, продовольственные, привилегии информации и т.д. и т.п. Есть, конечно, и привилегия власти. Особенность советского общества и важнейшее условие его прочности — привилегия власти, которая распространяется на всех советских граждан. Конечно, Брежнев обладает большей властью, чем председатель Союза советских писателей Федин. Но и Федин имел достаточно власти для того, чтобы запретить появление «Доктора Живаго» и «Ракового корпуса».

60 лет политики, историки, советологи и кремлеведы ищут разгадку секрета прочности советского строя. Секрет этот раскрыл — не подозревая об этом — журналист А. Рубинов в статье «Операция «Алколметр» («Литературная газета», 27.7.77).

Статья посвящена теме, как нельзя более банальной, — всеобщему алкоголизму в Советском Союзе. А. Рубинов рассказывает об эксперименте, произведенном впервые в мире. В данном случае советский приоритет абсолютно неоспорим. Во всех странах мира проверяют трезвость, точнее — уровень пьянства, водителей автомашин. Водителю дают баллон, в который он дует, — и все ясно. Корреспондент «Литературной газеты» «в некоем весьма крупном городе» — город не назван, пригласив врачей, пошел по городским магазинам, проверять степень трезвости, точнее, степень пьянства продавцов. В первом же магазине выяснилось: половина продавцов — пьяные, половина — трезвые. «Фифти-фифти», — как определил ситуацию журналист. Причем Людмила Николаевна, заместитель директора магазина, не без гордости, удовлетворенная результатом, заявила: «Да разве у нас в магазине пьют? У нас ангелы. Вы бы посмотрели в других магазинах». А. Рубинов пошел в другие магазины и — оставляем данные на его совести — нашел, что и там — «фифти-фифти».

Открытие, не лишнее интереса. Важнее, однако, другое: все продавцы: и пьяные и трезвые, пьяные значительно больше, чем еще не выпившие, издеваются над покупателями, тиранизируют их, беззастенчиво используют свою власть. Открытие, раскрывающее суть советской системы. А. Рубинов, обнаруживший, что в магазинах самообслуживания продавцы пьют меньше, формулирует так: «Самообслуживание представляет собой прогрессивную форму организации торговли, хотя бы потому, что разделяет покупателя и продавца. Последний не может чинить произвол, не может куражиться...»

У всех советских граждан есть власть, пусть хоть только атом власти, и все имеют право широко использовать эту власть — чинить произвол. Куражиться над тем, кто стоит на нижней перекладине иерархической лестницы.

Исходя из формулы репортера «Литературной газеты» о «прогрессивности» разделения покупателя и продавца, можно было бы представить магазин самообслуживания как идеальную модель советского общества в эпоху коммунизма. Все дело, однако, в том, и советский журналист об этом не упоминает, что в магазинах самообслуживания в СССР на каждого покупателя приходится не менее двух контролеров. Не говоря уже о том, что каждый покупатель следит за всеми другими покупателями, ожидая мгновения, когда он сможет схватить кого-нибудь за руку или хотя бы только заподозрить и покуражиться...

Секретарь Союза советских писателей Н. Т. Федоренко, особенно жалующийся на «диспропорцию» перевода книг западных и советских писателей, имея прежде всего в виду свои книги, выпустил недавно сборник афоризмов, который несомненно заслуживает перевода на все мировые языки. В особенности один афоризм, никогда ни в какие антологии не включавшийся. Автор — Феликс Дзержинский — как философ был до сих пор мало известен. А это он, оказывается, сказал: «жизнь длинна, а смерть коротка, так нечего ее бояться». Известно, что Феликс Эдмундович был крупным специалистом по вопросам смерти. Но, быть может, он прав и в отношении жизни — советской. После такой жизни смерти бояться нечего.

14 октября 1977

Необходимо отдать должное советским руководителям: юбилейные торжества по случаю 60-летия Октябрьской революции они начали — совершенно справедливо и логично — с празднования юбилея отца ВЧК Феликса Дзержинского и с выступления нынешнего преемника «Железного Феликса» — товарища Андропова. Причиной праздника, на котором выступил с докладом («Известия», 10.10.1977) председатель КГБ, было столетие со дня рождения Дзержинского.

Два великих достоинства находит председатель КГБ у председателя ВЧК: во-первых, Дзержинский, «горячий патриот Польши сумел подняться выше узконациональных интересов...», во-вторых, Дзержинский, «Железный Феликс», как называли его товарищи по партии... до последнего удара сердца защищал дело партии...» Ну и, конечно, был Дзержин-

ский главой ВЧК, которая «с первых же дней Октября взяла линию на соблюдение ленинского принципа социалистической законности». В кратком изложении истории «органов»: ВЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ Ю. Андропов подчеркивает именно эту черту — беспощадную борьбу за соблюдение законности. «Враги, — продолжал председатель КГБ, — утверждали, будто диктатура пролетариата несовместима с законностью и правопорядком. Это была ложь». Впрочем, признает продолжатель дела Дзержинского, «отдельные годы были омрачены незаконными репрессиями, нарушениями принципов социалистической демократии, ленинских норм партийной и государственной жизни... Но они не могли приостановить поступательное движение социализма». Не могли, ибо «эти нарушения были связаны с культом личности...»

На этом заканчивается краткий исторический обзор: «подлинный интернационалист», поднявшийся «выше узконациональных интересов», Дзержинский создает по поручению Ленина «органы», они борются за законность, «подлинный демократизм и гуманность», «отдельные годы» — не сказано какие, «омрачены» в связи «с культом личности» — не сказано кого. И начинается рассказ о светлых днях, когда во главе КГБ стоит Ю. Андропов, а управляет им Леонид Ильич Брежнев.

Светлые дни, радостную жизнь под солнцем брежневской Конституции омрачают, однако, «так называемые “диссиденты”». Доклад Андропова занимает целую страницу «Известий» — 8 колонок. Три с половиной занимает «предыстория» КГБ. Из оставшихся — три посвящены «диссидентам». Председатель КГБ полагает, что «сам термин «диссидент» является ловкой пропагандистской выдумкой, призванной ввести в заблуждение общественность». Дело в том, что «в переводе это слово, как известно, означает «инакомыслящий». Выдумав термин «диссидент», буржуазная пропаганда «рассчитывает изобразить дело так, будто советский строй не терпит самостоятельной мысли своих граждан, преследует любого, кто «думает иначе». Такая картина, заявляет председатель КГБ, «не имеет ничего общего с действительностью». В Советском Союзе, как выясняется, можно «думать иначе», можно «самостоятельно мыслить», если это «инакомыслие» носит характер положительный, если это «инакомыслие» не «мешает советским людям спокойно жить и работать», если оно не вредит делу партии. Если же «инакомыслие» не нравится КГБ, то, как выражается председатель: «пусть нам не твердят в таких случаях о гуманизме».

Слово «гуманизм» всегда вызывало истерику у советских руководителей, начиная с Ленина и Дзержинского. И сегодня они могли бы сказать: когда я слышу слово «гуманизм», я вытаскиваю пистолет...» Но, по мнению Ю. Андропова, слово «гуманизм» особенно раздражает, если его

применять по отношению к «диссидентам». Ибо кто же они — по определению председателя КГБ? Люди, побуждаемые «политическими или идейными заблуждениями, религиозным фанатизмом, националистическими вывихами, личными обидами и неудачами... наконец, в ряде случаев психической неустойчивостью». Следовательно, «диссиденты» — это все, у кого имеются политические, или идейные расхождения с партией, кому не нравится ее национальная политика, кто выступает за свободу религии. Они становятся в глазах властей фанатиками, сумасшедшими, «преступную деятельность» которых необходимо «пресечь».

Доклад Ю. Андропова не содержит ничего принципиально нового, да и как бы мог содержать что-либо новое доклад председателя КГБ, хотя бы даже и члена Политбюро. Все новое содержат всегда только доклады Генерального секретаря. Выступление Ю. Андропова вызывает некоторое удивление лишь одним: количеством места, уделенного «диссидентам», хотя это — по его словам — всего «несколько оторвавшихся от нашего общества лиц». Несколько лиц — и столько разговора?

Есть, конечно, простое объяснение: председатель КГБ не может выступить и заявить, что всех врагов он выловил. Ему останется тогда пойти на пенсию. Однако объяснение это слишком простое. «Диссиденты» в Советском Союзе есть, ибо конфликты национальные, экономические, а следовательно — политические не только не исчезли к 60-летнему юбилею, но обострились. И КГБ, советское руководство, по-настоящему боятся, что «идеологическим диверсантам» удастся «размыть, расшатать коммунистическую убежденность советских людей, навязать нам чуждые социализму взгляды и нравы...» Поэтому Ю. Андропов повторяет снова и снова вечный призыв руководителей «органов» к «бдительности», требуя «бдительности» от «всех государственных и общественных организаций, всех коммунистов, всех граждан нашей страны». Пятьдесят пять лет назад Ленин говорил, что каждый коммунист должен быть чекистом. Вот уже пятьдесят лет говорят, что чекистом, т.е. осведомителем органов, доносчиком должен быть каждый советский гражданин.

Впрочем, слово «доносчик» не передает смысла того, чего требует Андропов и чего требовали его предшественники от советских граждан. В слове «доносчик» есть некая моральная оценка акта. На официальном жаргоне КГБ — доносчик, «стукач», называется «заявитель», т.е. тот, кто пишет заявление. Называют его еще «свидетель».

Самая популярная передача на советском телевидении — серия «Следствие ведут Знаатоки». Это цикл детективных историй, героями которых являются майоры московской милиции, раскрывающие разного рода преступления, которые еще случаются в стране зрелого социализма.

Главная, однако, проблема цикла — не преступники, а свидетели. В каждой из детективных историй подчеркивается: только свидетель, простой советский человек, пришедший в милицию и рассказавший все, что он видел и знает, дает возможность раскрыть преступление. Советских зрителей убеждают, что «свидетельство» — не просто их долг перед государством, что «свидетельство» необходимо самим гражданам для очищения их души. Милиционер, работник КГБ представлены как исповедники. Полицейский — в роли духовника.

В Польше издавна существовала тенденция рассматривать Советскую власть как прямое и естественное продолжение царской власти, Советский Союз — как законного наследника царской России. Свое замечательное исследование русской истории Ян Кухажевский назвал «От белого царя к красному». Эту тенденцию ныне активно развивают многие советские «диссиденты»-эмигранты (Александр Янов, Борис Шрагин, Леонид Плющ и др.), утверждающие, что со времен Ивана Грозного Россия не изменилась, если не считать того, что в Кремле поставили телефон. Нет сомнения, что есть немало оснований для утверждений подобного рода. Книга маркиза де Кюстина читается сегодня как путеводитель по брежневскому Советскому Союзу. И тем не менее мне кажется, что утверждения об идентичности России и Советского Союза уводят мысль от главного: от различий между Россией и Советским Союзом. Слишком легко и просто говорить: только в России мог возникнуть такой строй. Слишком легко и просто говорить об этом сегодня, когда книга маркиза де Кюстина стала путеводителем по Праге, Восточному Берлину, Гаване, Тиране, Пекину, по Варшаве, наконец.

Болеслав Сулик рассказывает в одном из своих очерков («Культура», № 10, 1977) о том, что разговор на рискованную тему между двумя собеседниками предваряется шуткой: «Кто из нас будет записывать?», заканчивается шуткой: «Кто теперь позвонит на Раковецкую?» Болеслав Сулик пишет, что «черный юмор и черная автоирония» выражают комплексы, а не панику, что в Польше психоз страха не достиг еще таких глубин, каких он достиг в Советском Союзе. Это, конечно, совершенно верно. Советский опыт показывает, однако, что «черный юмор и черная автоирония» не спасает психику от разложения. В самые страшные годы сталинского террора родился советский анекдот: человек смотрит в зеркало и говорит: или ты, или я. И, несмотря на этот черный юмор, советские граждане шли (и идут!) доносить на себя и на других.

Сегодня изучать советское общество, советский менталитет стало легче, ибо можно наблюдать, как «советский менталитет» формируется в других странах. Болеслав Сулик пишет: «Презрение к полиции само по

себе здоровое защитное средство, но в коллективном сознании имеются уже элементы полицейского психоза, убеждение, что полиция все слышит и видит, что она повсюду». И это как бы первый этап. А потом начинает воспитываться любовь к полиции. Жандармский генерал Герасимов рассказывает в своих воспоминаниях «Царизм и терроризм» о презрении к жандармам, царившем в русском обществе. Считалось неприличным подать жандарму руку. Сегодня в Советском Союзе «кагэбист», полицейский — герой, образец для детей. В 20-е годы Маяковский рекомендовал юноше, обдумывающему, как жить, брать пример с Дзержинского. Сегодня образец этот стал обязательным для всего «социалистического лагеря».

В Москве вышла книга «Разведчики разоблачают...» В ней собраны рассказы, печатавшиеся уже в газетах и журналах, представленные на телевидении, рассказы советских агентов, работавших на радиостанциях «Свобода» и «Свободная Европа». Перед нами настоящий интернационал шпионов: поляк Чехович (глава о нем названа: «Чехович был первым»), чех Минаржик, болгарин Христов, русский Марин. У каждого есть национальность, но каждый из шпионов прежде всего советский человек, хомо советикус, для которого измена, предательство, подлость — дело славы, доблести и геройства. Никогда в России не было культа шпиона. В Советском Союзе, а за ним и в других странах, где формируется хомо советикус, сначала шпионов, сотрудников органов, презирали, потом боялись, потом начинают — во всяком случае, в этом цель воспитания — любить.

Не было еще в истории общества, в котором настоятельно рекомендуют изливать свою душу, каяться, жаловаться полицейскому. Ибо больше некому...

Впрочем, это не совсем так. В апрельском номере журнала «Беларусь», выходящем в Минске, опубликована поэма Максима Лужанина «Бессонный телефон». Белорусский поэт настоятельно рекомендует в случае личных или общественных неполадок жаловаться непосредственно Владимиру Ильичу Ленину. Звонить ему по телефону. Недоброжелатели могут заподозрить меня в кощунстве, в злой шутке. Но Максим Лужанин совершенно серьезно пишет: «Имеем право мы: буди! Имеем право мы: звони!.. Не стерпишь ты, я не смолчу, Мы все позвоним Ильичу». Так и пишет белорусский поэт: все позвоним Ильичу!

Больше, следовательно, звонить некому, обращаться не к кому...

К полицейскому (к Андропову, например), к Ленину... Или — к Сталину. Писатель Анатолий Гладилин, недавно выехавший на Запад, опубликовал в журнале «Континент» повесть «Репетиция в пятницу». Исходная ситуация повести несколько странная, раньше я бы сказал — фанта-

стическая, но теперь, после поэмы М. Лужанина, достаточно сказать — странная: товарищ Сталин, которого вовсе не сожгли, как уверяли советские газеты, а заморозили, проснулся. В одну прекрасную (скажем так) ночь, товарищ Сталин, лежавший в глубоком подземном хранилище, открыл глаза, встал и потребовал от охранявшего замороженное тело старшего лейтенанта госбезопасности, чтобы тот вызвал верных людей. У Герберта Уэллса есть роман «Когда спящий проснется». Но это роман фантастический. У Гладиллина если не считать условную завязку, повесть реалистическая. Сталин, выступая на партийном собрании, говорит точно то же самое, что говорят сегодняшние вожди, но говорит лучше, т.е. прямо, ясно, без экивоков. Он говорит: «Нельзя забывать о капиталистическом окружении, которое засылает в нашу страну шпионов, вредителей и убийц». Он совершенно справедливо критикует «почти официальное разрешение» на эмиграцию «некоторым группам населения», ибо, как с подлинно марксистско-ленинской логикой, разве не очевидно, что «надо, чтобы каждый гражданин Советского Союза, где бы они ни находился и где бы ни работал, твердо осознал, что коммунизм лично для него неизбежен и неотвратим. Только при этом условии мы можем построить новое общество». Буря аплодисментов встречает эти слова Сталина. Сталин — такой же, как и нынешние вожди, но подтверже. Нынешние вожди — такие же, как Сталин, но помягче. А хомо советикус требует твердости. В «Хронике текущих событий» (№ 44), самиздатском журнале, приводится сообщение о совещании редакторов журналов и газет, которое состоялось в Москве в феврале—марте. Докладчик ЦК партии изложил линию партии так: «В редакции газет и журналов приходят многочисленные требования советских людей проявить, наконец, твердость и обуздать диссидентов. В связи с этим решено посадить 50 наиболее активных диссидентов и строго обойтись с «примазавшимися». Пора показать силу и не обращать внимания на Запад».

КГБ так и поступил. В частности в октябре, накануне совещания в Белграде, был арестован украинский писатель Гелий Снегирев, о котором я вспоминал в одном из «Обзоров». Арестовали его за открытые письма, в которых он называл брежневскую Конституцию «ложью от начала до конца» и отказывался быть гражданином государства, «лишившего его прав и свобод». Однако во время «всенародного обсуждения» Конституции десятки тысяч советских граждан, как заявил товарищ Брежнев, предлагали поправки, направленные на усиление централизации, на ужесточение наказания для т.н. антисоциальных элементов. Товарищ Брежнев пошел навстречу этим пожеланиям советских граждан, которые представляются мне вполне правдоподобными. Были и другие предложения.

Доктор юридических наук В. Патюлин в «Литературной газете» (№ 37) ответил тем гражданам, которые сомневались в смысле статьи 39, ограничивающей права «интересами общества и государства». Советский юрист разъяснил, что советская «свобода» это не что иное, как «свободный осознанный долг», а все остальное — это «псевдосвобода». Можно думать, что формирование homo советикус дает результаты, что большинство советских граждан «свободно» «осознали свой долг». Полюбили поллицейского.

14 ноября 1977

В советских тюрьмах камеры, в которых сидят «малолетки», несовершеннолетние заключенные, называют «Индия». «Индия» — ибо в этих камерах постоянно «пляшут и поют», а советские зэки считают, что именно так обстоит дело в Индии — постоянно пляшут и поют. Относительно Индии — не знаю. Кажется, там с песнями и плясками дело обстоит не очень хорошо. В действительности постоянно «пляшут и поют» в Советском Союзе. Причем не только в камерах для «малолеток» — во всем СССР с 1968 по 1970 г. танцевали и пели по поводу столетия со дня смерти Ленина; в 1974 г. — уже меньше — пели по поводу 50-летия со дня его смерти; в 1976 г. радовались 70-летию Леонида Ильича Брежнева; с 21 января 1977 г. веселились по поводу 60-летия Октябрьской революции. 7 ноября праздник завершился военным парадом на Красной площади.

Праздник 60-летия совпал почти день в день с 13-летием прихода Брежнева к власти. И, может быть, эта несчастливая цифра была причиной того, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Верховного Совета СССР, читая незнакомый ему текст своего выступления на празднике, потерял одну страничку, на которой — так уж случилось — оказалась главная фраза доклада — предложение прекратить все ядерные испытания. Фраза эта появилась на следующий день в газетах, возле нее, как полагается, стояло в скобках — бурные аплодисменты.

Дряхлый, с трудом выговаривающий каждое слово (и страничку со знаменитой фразой Брежнев, может быть, просто выбросил, чтобы быстрее дочитать текст до конца), глухой Генеральный секретарь был великолепным символом революции, празднующей 60-летие. Подводя баланс, Брежнев перебросил дугу от Ленина прямо к себе: от Ильича до Ильича. Все бывшее посредине замазал он светло-розовой краской.

Следует, однако, объективно признать достижения Брежнева. На праздник явились 103 делегации от коммунистических партий, некоторых

(самых лучших!) социалистических, от прогрессивных освободительных движений (непрогрессивных освободительных не пригласили).

На приглашение отказом ответил только Жорж Марше, вспомнивший, возможно, что нелюбимые Москвой генеральные секретари нередко испускали там дух. Явившийся на праздник Сантьяго Карильо слова не получил, как ему потом объяснили, из-за нехватки времени.

Тем не менее приезд 103 делегаций — несомненно, достижение Октябрьской революции. Таким же достижением следует считать и тот факт, что в далеком Огадене сомалийцы и эфиопы убивали друг друга советским оружием. Советской дипломатии удалось то, о чем американцы и мечтать никогда не смели. Два союзника Советского Союза ведут ожесточенную войну между собой. И кто бы ни победил, Советский Союз надеется выиграть. И никто в мире не только не протестует против нового Вьетнама, наоборот, Запад как бы доволен, что его не втягивают в конфликт, освобождая от хлопот, связанных с Африкой.

С большими успехами явился на праздники Комитет госбезопасности. Проба пера — процесс, состоявшийся в Праге в октябре 1977 г., показал, что Москва может смело открывать процесс у себя. Конференция в Белграде отреагировала на пражский процесс, как и ожидали в Москве, — несколькими словами осуждения. О том, что подготовка процесса закончилась, можно судить по заявлению главного редактора «Литературной газеты» Александра Чаковского во время его выступления по французскому телевидению. Никогда еще французам не доводилось видеть хомо советикус в его чистом виде: А. Чаковский не обманул надежд. Не моргнув глазом, автор пятитомной «Блокады» — апологии Сталина — заявил, что «Советский Союз самая свободная страна в мире», что «старая Конституция, сталинская, была хорошей, а новая — брежневская — лучше», а смена конституций — типичный советский конфликт — борьба хорошего с лучшим. Растерявшиеся французские журналисты не нашли ничего лучшего, как задать вопрос о готовящемся процессе Щаранского, обвиняемого в измене Родине. А. Чаковский заявил, что да, процесс будет, и заявил: да, вход в зал суда будет свободным. Но, добавил главный редактор «Литературной газеты», неизвестно, во всяком случае, он не может сказать, будет ли зал заседания суда достаточно большим, чтобы вместить всех желающих.

КГБ смогло похвастаться серьезными успехами. Это не только готовящийся большой процесс о связях — по выбору, в зависимости от советско-американских отношений — с американской разведкой Си-ай-эй или с «империалистическими разведками». Это, например, третье место в мире по числу преследуемых писателей. По подсчетам ПЭН-клуба, Аргентина опережает Советский Союз — 118 арестованных или «похищен-

ных» против 78 арестованных. Но зато КГБ сумел опередить Чили, где сидят в тюрьмах и лагерях 57 писателей.

Главным, однако, достижением Ю. Андропова следует считать использование эмиграции как орудие борьбы с «диссидентами». Считая непродуктивным организацию большого количества процессов в Советском Союзе, что могло бы произвести плохое впечатление на Западе, Андропов часть «диссидентов» арестовал, а другим создал такие невыносимые условия жизни, что когда им предоставляется выбор: лагерь или эмиграция, они выбирают эмиграцию. В этом отношении председатель КГБ оказался верным учеником Ленина. Летом 1922 г., в условиях страшного голода, когда американцы (АРА) кормили 10 миллионов голодающих русских, Ленин выслал из Советской республики несколько сотен философов, историков, юристов, писателей: «людей мысли», как назвал их Фритьоф Нансен, критически оценивавших политику Советской власти. Высылкой руководил Генрих Ягода, будущий сталинский любимец. Каждый из высылаемых должен был подписать бумагу, на которой значилось, что в случае возвращения в СССР будет расстрелян.

Сегодня у всех высылаемых отбирают советские паспорта, давая бумагу, годную для выезда в Израиль. Стоит отметить, что вынуждаемые в последнее время к выезду — не евреи: последний распорядитель Солженицынского фонда помощи советским политзаключенным Татьяна Ходорович, бывший председатель советской секции «Эмнести интернешнл» Валентин Турчин, один из основателей Всероссийского социал-христианского союза освобождения народов Евгений Вагин, вышедший недавно из лагеря после 8 лет заключения. Выезжает генерал Петр Григоренко.

Очередной этап развития оппозиционного движения в СССР закончен. КГБ одержал победу. Леонид Плющ в своих мемуарах («В карнавале истории») приводит разговор Петра Якира со следователем (Якир рассказал Плющу об этом разговоре до своего ареста): «Мы, — убеждал Якир следователя КГБ, — играем роль «кадетов», мы «конституционные демократы» режима, т.е. мы сторонники эволюционного движения страны в сторону демократии, мы не хотим, чтобы в вас стрелял Желябов*, или чтобы Пугачев поднял знамя бунта. Новый Пугачев зарежет кагэбистов и начнет строить новый «рай»... Если вы нас раздавите, после нас придут каляевы**, которые будут стрелять в вас, потом X или Y объявит о необ-

* Андрей Желябов, один из вождей «Народной воли», организатор убийства Александра II в марте 1881 г.

** Иван Каляев, социалист-революционер, в феврале 1905 г. взорвал великого князя Сергея Александровича.

ходимости «идти иным путем», потом новая ЧК развернет «античекистский» террор».

КГБ одержал победу... Но при всех этих успехах следует признать, что ни с одними только достижениями пришел Леонид Брежнев на праздник. О некоей иллюзорности побед свидетельствует не только то, что после вынужденной эмиграции Валентина Турчина его место во главе московской секции «Эмнести интернешнл» сразу же занял писатель Георгий Владимов, автор известного романа «Большая руда» и замечательной повести «Верный Руслан», вышедшей на Западе. Более серьезно омрачила праздник неудача космического корабля «Союз-25». Два космонавта должны были проникнуть в космическую лабораторию «Салют-6» и провести там какое-то время: наверняка дожидаться 7 ноября и приветствовать Леонида Ильича из космоса. «Правда» посвятила, этому событию целую первую страницу, подчеркивая, что космонавты захватили с собой в космос новую советскую Конституцию. На следующий день «Союз-25» вернулся на Землю, не соединившись с «Салютом». Злые языки могли бы сказать — Конституция оказалась для космоса слишком тяжелой. Если бы вот уже 7 лет не преследовали советскую космическую программу неудачи. В апреле 1971 г. экипаж «Союза-10» не смог проникнуть в «Салют 1», в июне 1971 г. три космонавта сгорают в «Союзе-11», в апреле 1973 г. взрывается «Салют-2», в августе 1974-го «Союз-15» не может соединиться с «Салютом-3», неудачи в апреле 1975, в октябре 1976, в октябре 1977 г. Советская техника не в состоянии осуществить сложнейшую задачу, связанную с дальнейшими этапами завоевания космоса. Через два года, когда новая американская система летающих лабораторий вступит в строй, «Союзы» и «Салюты» будут выглядеть, как дилижансы рядом с «фордами».

Быть может, прав советский марксист-кибернетик академик В. Глушков, утверждающий, что «социальный прогресс зависит от прогресса в материальном производстве». Правда, академик Глушков формулирует свой закон, желая доказать, что Советский Союз достиг невиданных высот в социальном прогрессе, ибо он же достиг тех же самых высот в материальном производстве. Но, как любил повторять Ленин, факты — упрямая вещь. Об успехах в «космической области» можно писать в газетах, даже когда успехов нет, тем более что об американских успехах легко не писать. Однако когда в советских газетах начинают расхваливать достоинства конского мяса, ситуация проясняется. «В наше время, — читаем мы, — нечасто встретишь человека, который не знал бы о том, что конское мясо вкусно и полезно для здоровья, а мясо жеребенка является настоящим лакомством». Как крупное достижение объявила «Правда» о сооружении завода, который будет производить колбасу из конского мяса. 50 лет назад, в

1927 г. был напечатан в Москве роман Юрия Олеши «Зависть». Один из главных персонажей романа, коммунист и член правительства Андрей Бабичев, добивается удивительного успеха: на руководимом им заводе — через 10 лет после революции — изготавливается замечательная колбаса — 80% телятины и 20% говядины, всего за 35 копеек за кило. Но Андрей Бабичев не успокаивается, он мечтает сделать сосиски. «Настоящие сосиски должны прыскать, — говорит он. — Я добыюсь, вот увидите, сделаю такие сосиски». Минуло после этих смелых мечтаний 50 лет, прошло 60 лет после революции — мечтой теперь стала уже конская колбаса, цена которой измеряется, конечно, уже не копейками, а рублями.

5 ноября, накануне праздника, умер Алексей Стаханов, имя которого стало синонимом одной из наиболее коварных форм эксплуатации пролетариата. В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. он, работая в вахте, добыл 102 тонны угля, перевыполнив норму в 14 раз. Ему помогала целая бригада шахтеров, но нормы для всех были немедленно повышены. Еще до смерти Стаханова Владимир Высоцкий, актер и автор популярнейших песен, которые без официальных записей известны всем советским гражданам, написал эпитафию стахановскому движению. Песня позволяет понять, почему, несмотря на все успехи, в Советском Союзе жизнь людей не улучшается. Высоцкий рассказывает в своей песне о том, как сидели себе шахтеры, пили водку, вдруг вызывают их — «всех до одного» — вниз, завалило «стахановца». Всегда его ставили в пример, всегда он «всегда готов» — короче: стахановец. Когда спустились в шахту рабочие, «бывший зэк, большого риска человек» говорит товарищам: у нас у всех одна беда — мы его выкопаем, он снова начнет выполнять по три нормы. И нам — конец. Поэтому: не стараться, работать с прохладцей, один за всех и все за одного. И заканчивает «бывший зэк» словами: по-человечески нам жаль его, т.е. стахановца. Как человека жаль, но жить с ним нельзя.

Нежелание рабочих работать — барьер, о который разбиваются все «советские успехи», барьер, который определяет границу развития страны. Рабочие не хотят работать, ибо за заработанные деньги нечего купить. В декабре 1976 г. рабочие тульских заводов не только перестали работать, оставаясь на своих рабочих местах, но и отказались идти в кассу. События в Туле нашли даже — непонятно, по какой причине, возможно, по недосмотру — отражение в «Правде». 17 января 1977 г. в Тулу явился лично Л. И. Брежнев с Золотой звездой Героя, которую он вручил городу вместо продуктов, которых не было в магазинах. На торжественном собрании Брежнев после похвал в адрес советского режима, после подробного рассказа о том, как рабочим хорошо живется, нехотя добавил: «Не все у нас идеально». И вернулся к счастливой жизни. В одном месте он

остановился, ожидая услышать аплодисменты. И услышал молчание. В тексте, опубликованном в «Правде», мы читаем: «Что, вы уже больше не аплодируете?» В этом месте, пишет «Правда», раздались бурные аплодисменты.

Недавно в Париже вышла книга, написанная крупнейшим французским социологом Мишелем Крозье и его учеником Эберхардом Фридбергом. Называется она «Актер и система» и дает, быть может, наиболее глубокий из всех известных анализ современного общества, механизма его действия. Авторы книги обнаружили, что руководители отдают такие приказы, которые могут быть приняты подчиненными. А подчиненные подсыказывают приказы, которые они получают. Отсюда делается вывод: чем категоричнее вера в достоинство одного принципа или одной модели, тем настоятельнее нужда в централизации, в создании гигантской машины, управлять которой должны бюрократы. Советский Союз представляет собой, по словам Мишеля Крозье, карикатурную иллюстрацию этого феномена. Французский социолог формулирует общий закон: каждая иерархическая система, каждая авторитарная система терпит неудачу, т.е. она не достигает большинства поставленных перед собой целей. Для того чтобы система добилась успеха, она должна быть открытой, мобильной, гибкой, способной к немедленной адаптации. Западные системы более эффективны, чем социалистические, потому что они более гибки.

Все ученые-теоретики, даже самые способные, останавливаются в недоумении перед практикой. Нет сомнения, что западные системы более эффективны, чем социалистические. Баланс 60-летнего существования Советского Союза убедительно свидетельствует об этом. Можно, однако, добавить, что без помощи «западных систем» советская система давно бы развалилась под тяжестью своих пороков. Величайшим достижением эпохи Брежнева — независимо от того, будет ли его преемник признавать это или нет — является установление особых отношений с Западом. На протяжении всех 60 лет Запад помогал Советской власти. Но никогда еще экономическое сотрудничество не было таким тесным, никогда еще западная помощь не была такой щедрой и обильной.

В 30–40-е годы Запад не переставал надеяться, что Советский Союз станет, достигнув высокого экономического уровня, рынком сбыта. Мечта о необозримом советском рынке манила капиталистов. Но уже не манит. Для западных капиталистов стало очевидным, что социалистические страны с их ничего не стоящей валютой никогда ничего купить не смогут. Сравнительно недавно Советский Союз, весь социалистический лагерь стал рассматриваться как производственная зона, сулящая огромные прибыли. Капиталисты обнаружили, что трудящиеся социалистических

стран могут быть использованы как рабочая сила. Стало ясно: капиталистический рай существует в СССР и других соцстранах. Рай, в котором рабочие и служащие получают низкую заработную плату, в среднем в 5–10 раз ниже, чем на Западе, рай, в котором нет забастовок, в котором профсоюзы защищают интересы не рабочих, а работодателя.

Советский Союз получает и будет получать огромные кредиты на строительство заводов, продукция пойдет в уплату долгов. Получает лицензии на технологические новинки. Шарль Левинсон в книге «Водка-Кола» приводит совершенно удивительные примеры советско-американского сотрудничества. 25 февраля 1975 г. госдепартамент США признал, что, начиная с 1972 г., в Советском Союзе производятся по американской лицензии специальные шарикоподшипники, без которых нельзя построить системы управления новейших межконтинентальных ракет с множественными боеголовками — MIRV. Шарль Левинсон даже предлагает наладить производство американских ядерных ракет в СССР, что, по его мнению, значительно удешевит их продукцию. Это, конечно, злая шутка. Но с другой стороны...

В советской печати в связи с расширением советско-капиталистического сотрудничества можно найти все больше статей, резко осуждающих такого рода сотрудничество между «империализмом и странами «третьего мира». Журнал «Международная жизнь» (№ 9, 1977), рассчитанный на пропагандистов и печатающий статьи, написанные таким языком, после которого газета «Правда» кажется образцом литературы, опубликовал материал, носящий название: «Неоколониализм под флагом «партнерства». Советские пропагандисты должны вбивать в головы своим слушателям, что капиталистические кредиты, продажа капиталистами лицензий, «партнерство» (форма сотрудничества, еще не применяемая в Советском Союзе, но уже используемая в Венгрии, Румынии и Польше) — все это «неоколониализм». Многонациональные компании, особенно тесно сотрудничающие с Советским Союзом, обозначаются в советской печати уже только инициалами — МНК как нечто привычное и хорошо знакомое. По подсчетам Шарля Левинсона, в 1977 г. долг соцстран Западу составлял примерно 60 млрд. долларов. Через несколько лет, нарастая примерно на 1–1,5 млрд. в месяц, он достигнет 100 млрд. долларов.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что Запад сделает все возможное, чтобы сохранить социалистическую систему, уберечь ее от встрясок, волнений, беспорядков. Ибо иначе как же сможет она расплатиться с долгами?

Зная, что за спиной у него верная опора, Леонид Брежнев мог с уверенностью говорить о светлом будущем, ожидающем не только социалистические страны, но и весь мир.

13 декабря 1977

Сев в середине декабря писать «Обзор советской печати» для январского номера «Культуры», я решил посмотреть, о чем я писал в предыдущих «Обзорах», какие события минувшего года отмеченные — или «незамеченные» — советской печатью, обратили мое внимание. Чтения оказалось много — в каждом «Обзоре» около 10 машинописных страниц. А все «Обзоры» вместе дают картину жизни в Советском Союзе. Может быть, не такую, какую думали дать редакторы и цензоры советских газет, но такую, которую можно извлечь, при чтении московских газет и журналов. Картина страны, которая не перестает праздновать победы в разных областях, но в которой рекомендуется есть конское мясо, ибо другого «временно не хватает», которая не перестает говорить о невиданных свободах, предоставленных гражданам, но в которой ежедневно руководители партии и правительства и их наемные писаки обрушиваются на всех «инакомыслящих».

Какие же события, происшедшие в «стране зрелого социализма», нашли место в «Обзорах советской печати»? Я выбрал те, которые сегодня, в декабре, кажутся мне важными, заслуживающими интереса.

В январе 1977 г. главным событием было 70-летие Неонида Ильича Брежнева, Генерального секретаря ЦК партии, маршала и т.д. и т.п. В «Обзоре» отмечены также усилия по внедрению русского языка в нерусских советских республиках, в частности в Грузии. Мне показалось это интересным, ибо почти год спустя — в конце 1977 г. — в журнале «Коммунист», центральном органе ЦК КПСС, первый секретарь грузинской компартии возвращается к проблеме, настаивая на необходимости развития изучения русского языка нерусскими народами. «Русский язык, — пишет секретарь грузинской компартии, — стал свободно выбранным (!) иностранным языком, который особенно хорошо позволяет осуществлять связи между национальностями... Каждый должен знать русский язык, язык дружбы народов СССР, язык Октября, язык Ленина». Поскольку еще год назад в «Обзоре» приводились факты, свидетельствующие, что точку зрения первого секретаря грузинской компартии разделяли не все грузины, секретарь ЦК их откровенно предупреждает: «Национализм — это измена. Сегодня в нашей стране у него нет социальной базы. Констатируются изолированные случаи проявления национализма, но, как правило, речь идет о заявлениях, инспирированных карьеризмом, или жадность, некоторых неуравновешенных элементов».

В февральском «Обзоре» — опять Брежнев. Это я не устоял перед потоком славословия и лести, который обрушивался на всех советских чи-

тателей. Среди наиболее верноподданных излияний в любви выделяются строчки, написанные для «Литературной газеты» Ежи Путраментом. Через год в одном из декабрьских номеров «Литературной газеты» (1977) польский писатель получил вознаграждение: газету украшает его художественный портрет — сидит Ежи Путрамент и читает газету. Кажется «Литературную».

И еще два события в февральском «Обзоре». Во-первых, взрыв в московском метро. На следующий день известный агент КГБ Виктор Луи объявил взрыв делом рук советских диссидентов. Андрей Сахаров выступил с гневным протестом. До сегодняшнего дня тайна взрыва остается нераскрытой. Второе событие — значительно более обычного характера. Телевидение показало первый советский антисемитский (антисионистский, разумеется) фильм. Год спустя можно говорить о серьезных успехах, достигнутых в этой области. В армии показывают другой фильм: «Вещи тайные и явные», в котором режиссер Борис Карпов собрал документы, свидетельствующие, что на протяжении всей истории Советского Союза главным его врагом были евреи. Сцену покушения на Ленина в 1918 г., например, диктор комментирует: «Вот как еврейка Фанни Каплан покушалась на убийство Ленина». Много места посвящено в «документальном фильме» некоему Льву Бронштейну, некогда известному под именем Троцкого. Документам о второй мировой войне предшествует категорическое заявление диктора: «Приходу Гитлера к власти способствовали еврейские капиталисты». Но антисемитские фильмы — это для массового употребления. Для подготовленных товарищей, для агитаторов и пропагандистов в 1977 г. Академия наук СССР подготовила научный труд, сборник статей «Международный сионизм: история и политика». Статьи сборника значительно двигают, лучше сказать, пихают вперед марксизм-ленинизм. Главное теоретическое открытие заключается в развитии известного ленинского тезиса об империализме, как высшей стадии капитализма. Теперь выясняется, что высшая стадия империализма — это сионизм. «Еврейская ветвь империализма», — пишет теоретик В. И. Киселев. Одновременно, — но это уже из другой теоретической работы, — еврейская ветвь американской мафии является высшей стадией мафии.

Богат событиями был март. Прежде всего, пошли по Москве пожары. Горела гостиница «Россия», еще одна гостиница, министерство. И здесь следствие до сегодняшнего дня не дало результатов. Но знаменателен март прежде всего международным признанием советских диссидентов. В феврале Владимир Буковский был обменен на генерального секретаря чилийской компартии Корвалана. А в марте Буковский был принят в Белом доме. Президент Картер отправил письмо Андрею Сахарову. Андрей

Амальрик целый день держал в осаде Елисейский дворец, добиваясь приема у президента Франции. Приема он не добился, но целую неделю французская печать, радио, телевидение говорили только о советских диссидентах. Ответом советских властей было усиление кампании против инакомыслящих и, в частности, публикация покаянного письма некоего Липавского о связях его бывших друзей-диссидентов с американской разведкой. В качестве «главного шпиона» называется Анатолий Щаранский, арестованный член московской группы по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений.

Начинается подготовка «большого процесса». С марта по декабрь — а по советскому Уголовному кодексу следствие не должно превышать 9 месяцев — ведутся аресты, публикуются подготовительные статьи, в которых есть уже не только обвинение, но и приговор, испытывается международное общественное мнение похожим процессом в Праге. Процесс в Москве заставляет себя ждать. Потому — и тут не может быть сомнений, что президент Картер заявил о том, что будет рассматривать процесс А. Щаранского как явное нарушение прав человека. Проба сил между Москвой и Вашингтоном перенесена на 1978 г. Хотя на конференции в Белграде — продолжение конференции в Хельсинки — США делают все, чтобы не раздражать СССР. Удивительные отношения между двумя странами в Белграде лучше всего характеризуют слова руководителя американской делегации Артура Гольдберга. Они заслуживают быть зарегистрированными для истории: представитель США говорил — скромно и робко — о нарушении прав человека в СССР, представитель СССР ответил ему рассказом о чудовищных нарушениях прав человека в США, о тысячах арестов и т.д. На это А. Гольдберг возразил: если вы перестанете говорить обо мне ложь, я перестану говорить о вас правду. Только будущий историк сможет ответить, почему нужно перестать говорить правду, чтобы не слышать лжи.

Апрельский обзор посвящен двум темам: неудаче миссии государственного секретаря США Вэнса в Москве и речи Брежнева об экономических трудностях, переживаемых СССР. Неудача Вэнса, отказ московских руководителей рассматривать предложения США, был вызван неожиданностью предложений. 70-летнему Брежневу и его старшим товарищам следовало дать время подумать, привыкнуть к мысли, понять. Через несколько месяцев после визита Вэнса в Москву переговоры между СССР и США возобновились. Что же касается экономических трудностей — ничего не изменилось. Они не исчезли. Трудности — вечные, имманентные — сельского хозяйства, трудности в промышленности, страдавшей, в частности, от потерь миллионов рабочих часов.

В мае советская печать много писала об Африке, об успехах «прогрессивных стран» и об освободительном движении в странах, еще не ставших «прогрессивными». В ноябре советские читатели с некоторой растерянностью обнаружат из скупых строчек советских комментариев, что не все «прогрессивные» страны с одинаковой силой любят Советский Союз. Сомали, связанная с СССР договором о дружбе и взаимопомощи, как нельзя более прогрессивная республика, располагающая единой монолитной партией, одухотворяемой идеями Маркса—Ленина—Сиди Бара, изгнала московских советников. Советские комментарии, естественно, говорили о том, что это Советский Союз, озабоченный «шовинистскими и экспансионистскими тенденциями, взявшими вверх в сомалийском руководстве», отозвал своих советников. Но читатели «Правды» хорошо помнят изгнание из Египта. Египет, прежде всего президент Садат, еще до его визита в Израиль стал мишенью ожесточенных нападок советских пропагандистов. Теперь такой мишенью становится Сомали. Но советники не возвращаются.

Изгнание советских советников из Сомали позволяет обнаружить характерную черту советской сферы влияния. Москва пытается создать империю, в которой идеология заменила бы силы оккупации. Хорошо, когда можно сочетать и то и другое. В случае невозможности послать оккупационные войска — высылается идеология. Для ее внедрения, для воспитания слоя руководителей, преданных идеологии и составляющих самооккупационные силы, необходимо время, без этого советская зона влияния остается чрезвычайно неустойчивой.

В июне небывалая радость упала на советских граждан. Леонид Брежнев подарил им новую Конституцию. Как скажет потом главный редактор «Литературной газеты», выступая перед французскими телезрителями, предыдущая Конституция была хорошая, а новая — ещё лучше. Новая Конституция — проявление вечного советского конфликта: борьбы хорошего с лучшим. Вместе с Конституцией был подарен и новый гимн, т.е. старый, но с изъятием имени Сталина. Одновременно был выброшен председатель Верховного Совета Николай Подгорный, который не сразу, т.е. не в ту же минуту, согласился уступить свое место Брежневу. И сейчас — через полгода — имя Подгорного можно встретить только в «Обзоре советской печати». Как выражался Орвелл, бывший председатель превратился в «нонперсон».

В июле новый Солон — Генеральный секретарь ЦК, председатель Президиума Верховного Совета, маршал Брежнев — посетил Париж. Автор советской Конституции не был на Западе два с половиной года. Вряд ли Запад его когда-либо еще увидит. Выступления Брежнева, его поведе-

ние убедили, видимо, всех, что он, может быть, еще достаточно хорош для появления на съездах братских компартий, но не в западных столицах.

В сентябрьском «Обзоре» — два главных сюжета: всемирный конгресс психиатров в Гонолулу и международная книжная ярмарка в Москве. В Гонолулу — впервые — большинство психиатров мира признало, что даже страна, обладающая межконтинентальными ракетами и 50 тыс. танков (на 1977 г.), поступает не совсем хорошо, заключая в сумасшедшие дома людей, осмеливающихся критиковать политику этой страны. Позиция всемирного конгресса психиатров вызывала резкое неудовольствие в Москве и была объяснена в «Правде» и «Литературной газете» временным психическим недомоганием психиатров, вызванным кознями сионистов. Значительно больше удовольствия доставила советским руководителям международная книжная ярмарка. В Москву рвались все крупнейшие мировые издательства (за редчайшими исключениями), соглашась не выставлять ничего, что могло бы вызвать неодобрение организаторов. Перечитав «Обзор», я обнаружил, что много места посвящено в нем злоключениям итальянского слависта проф. Витторио Страды. Московские власти не давали ему визу, он очень просил, за него вступились все итальянские партии, правительство. Наконец все вздохнули с облегчением: проф. Страда получил визу и побывал в Москве на ярмарке.

Историю поездки в Москву итальянского слависта я закончил словами: «После вмешательства итальянского министерства иностранных дел Страда все же визу получил. Но предупреждение сделано». В голову мне не приходило, как скоро подтвердится справедливость этих слов. В октябре–ноябре 1977 г. в Венеции состоялось бьеннале, посвященное диссидентам стран Восточной Европы. И, в частности, семинары, посвященные литературе этих стран. Витторио Страде, профессору университета в Венеции, не нужны были визы для появления на семинаре. Ему, возможно, даже в гондолу не нужно было садиться — мог дойти пешком. Но — не дошел. Ни на одном семинаре не был. Предупреждение Москвы подействовало.

Октябрьские торжества открыл, как нельзя более заслуженно, Ю. Андропов. В своем докладе, посвященном 100-летию со дня рождения Дзержинского, председатель КГБ рассказал о славной деятельности «органов» и наметил основную мишень, новую жертву — «диссидентов».

Ноябрьский «Обзор» содержит материалы об успехах и неудачах Советской власти за 60 лет, о помощи, которую в настоящее время оказывают советской экономике крупнейшие международные монополии, видящие в сфере, контролируемой Москвой, производственную зону, использование которой может принести им выгоду. Одновременно это будет

способствовать укреплению Советского Союза, что, как будто, капиталистов не пугает.

В декабре главным событием была инициатива президента Садата, приведшая Москву в ярость. Внутри страны все было по-прежнему. ЦК партии и правительство нашли очередную панацею, чудесное лекарство для излечения сельского хозяйства: в деревню зовут «опытных, политически грамотных специалистов, хороших организаторов, способных руководить производством на основе современной науки и техники». Специалистам обещают разного рода льготы. Совершенно очевидно, однако — призывы такие периодически повторяются уже около 50 лет, — что только дурак обменяет город на советскую деревню. Но все-таки даже в сельском хозяйстве удалось кое-чего добиться. Советские специалисты, должно быть, не только политически грамотные, снова обманули американцев — закупили у них зерно.

Все лето американские эксперты, в том числе «специалисты» из Си-ай-эй, утверждали, что урожай в нынешнем году будет отличный, не менее 215 млн. тонн. Советские специалисты говорили, что будет еще лучше, но недоверчивые американцы отвечали: нас не обманешь, будет 215 млн. тонн. Когда Брежнев объявил, что урожай составляет всего 194 млн. тонн (интересно, каков он в действительности?), Советский Союз совершенно незаметно уже закупил около 20 млн. тонн зерна в Австралии, Канаде, США, даже в Индии.

Быть может, наиболее важным событием декабря 1977 г. была пресс-конференция, которую собрали в Москве рабочие. Не интеллигенты, не евреи, а несколько рабочих пригласили на частную квартиру американских журналистов и рассказали о положении пролетариата в стране зрелого социализма через 60 лет после пролетарской революции. Среди рабочих были шахтер, официантка, слесарь, водопроводчик. Этим людей нельзя назвать «антисоветчиками», это лояльные граждане СССР, которые убедились, что ответа на свои жалобы они найти не смогут. Все они побывали всюду, вплоть до ЦК партии. И — как в последнюю инстанцию — обратились к американским журналистам. Жалобы их — жалобы на обычную советскую жизнь. Шахтер Владимир Келбанов, начальник смены, протестовал против завышенных планов, заставлявших вахтеров работать не 6 часов, а 12. Кроме того, работа такими безумными темпами вела к авариям: только в его шахте, рассказал Келбанов, ежегодно погибали 12–15 человек, получали увечья 600–700. Когда Владимир Келбанов стал жаловаться, искать «правды», его на четыре с половиной года отправили в сумасшедший дом. Когда Анатолий Позняков, работавший слесарем в биохимическом институте в Москве и получавший 75 рублей

в месяц, попросил повышения жалования, директор обругал его и выгнал. Он обратился в парторганизацию, ему напомнили, что его доля — жрать из свиного корыта. Когда же он продолжал настаивать, его прогнали с работы. Как пенсионер — ему 39 лет, он болен эпилепсией, он получает 21 руб. в месяц.

Американские журналисты узнали от рабочих, что недавно 38 человек из 24 городов, встретились в приемной Верховного Совета, куда все явились с жалобами, и, не добившись ответа, подписали совместное заявление. То есть совершили преступление по советским законам, ибо для властей нет ничего страшнее «коллективного заявления», эмбриона организации, зерна гражданского общества. В коллективном заявлении осуждаются «безосновательные репрессии, пренебрежение человеческим достоинством, террор, применяемый для запугивания честных граждан...»

Легко предвидеть печальную судьбу рабочих, рассказавших американским журналистам о своей жизни. Но сам факт обращения рабочих к Западу, преодоление не только страха, но недоверия к иностранцам заслуживает того, чтобы видеть в этом событии событие года.

Есть у Булата Окуджавы замечательное стихотворение — «Мастер Гриша». Говорится в нем о «нашем доме», в котором «всюду сквозняки» и «под ветром корежится крыша». И вся надежда в этом доме только на мастера Гришу: он придет, засучит рукава и «все наладит». «На кого ж нам надеяться кроме?» — спрашивает поэт. И действительно — на кого?

3 февраля 1978

Лев Толстой начинает «Анну Каренину» словами: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему». Всю жизнь я верил в правильность этой мысли, пока не прочитал «Манифест оппозиционной группы». В нем, в частности, перечислялись пороки режима: миллионные потери времени, денег, рабочей силы, отсутствие запасных частей для станков и автомашин, невероятное воровство, чудовищный рост бюрократического аппарата, повальное пьянство и т.д. и т.д.

В какой стране все это происходит? Граждане Польской народной республики легко узнают знакомые черты. Но не ошибутся и граждане Советского Союза. Или Болгарии. Или Румынии... Оказывается, все несчастливые народы, находящиеся под властью одной и той же идеологии, несчастливы одинаково. «Манифест», о котором я говорю, написан оппозиционной группой «средних и высших функционеров» ГДР. Опубликованный журналом «Дер шпигель» Манифест вызвал скандал, недовольны были, что естественно, руководители ГДР. Но неодобрительно отнеслись к нему и западногерманские социал-демократы, опасаясь ухудшения межгерманских отношений. Стали распространяться слухи, что «Манифест» поддельный, что он — провокация, что он мешает делу «детант». Судя, однако, по усилиям восточногерманских органов безопасности помешать проникновению «Манифеста» в ГДР, в нем представлена достаточно верная картина положения в «первом германском социалистическом государстве».

Подлинная картина положения в Восточной Германии особенно поучительна, ибо оказывается, что даже немцы, дисциплинированные, старательные, трудолюбивые немцы превращаются в условиях коммунистического режима в типичных для всей семьи счастливых социалистических народов — хомо советикус. Тут уж трудно сослаться на «польнише виртшафт», или на типичный русский балаган. Речь идет о немцах. Тем более что, как требуют законы подлинно научного исследования, мы можем рассматривать два сорта немцев: живущих здесь, и живущих там. «Манифест» сравнивает: почему производительность труда растет быстрее в

ФРГ, чем в ГДР, хотя Ленин учил, что именно производительность труда — главный показатель прогрессивности общества? Почему не спадает волна побегов с Востока на Запад, хотя это грозит смертью? Почему 94% граждан включают вечером западногерманское телевидение? (Единственная цифра в «Манифесте», которая меня удивила: неужели 6% смотрит родное гдзэровское телевидение?!) Почему ГДР занял одно из первых мест в мире по разводам, самоубийствам и потреблению алкоголя? Почему главной формой жизни стал «дачизм»? (Слово «дача» — как символ высокого положения в обществе — стало, как оказывается, понятным и без перевода для тех, кто пользуется языком Шиллера и Гёте).

«Манифест» написан оппозиционерами. Им положено критиковать. Но в конце прошлого года суровой критике подверглась социалистическая экономика в «Правде». С серией статей выступил, в частности заместитель главного редактора центрального органа КПСС проф. Валовой, была опубликована статья зам. министра внешней торговли Юрия Брежнева, родного сына Генерального секретаря и президента. Появились и другие статьи. Читатели были приглашены принять участие в дискуссии. Критические замечания в адрес советской экономики, обвинения в ее неэффективности, бессмысленной расточительности, неповоротливости гигантской бюрократической машины повторяются периодически уже десятки лет. Навязли в зубах примеры, которые смешнее многих анекдотов, публикуемых в «Культуре». Для харьковского металлургического завода выгоднее, например, из 200-килограммовых слитков металла делать 30-килограммовые детали. Если детали будут 50-килограммовые, т.е. если расход металла будет меньше, завод заработает меньше. Автомобильный завод, например, для увеличения тяжести выпускаемых машин ставит на них запасные колеса весом в 94 кг.

Сюрреалистический юмор советской экономики превосходит все, что мог бы придумать гениальнейший сатирик.

Авторы статей в «Правде» робко предлагали вернуться к некоторым идеям т.н. экономической реформы 1965 г., предлагали некоторые административные меры, которые могли бы — по мнению «прогрессивных экономистов» — слегка децентрализовать управление, слегка пробудить инициативу руководителей. Как писал В. Ключевский о Петре I: «Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно». Но даже эта попытка — не удавшаяся полностью Петру I, совершенно не удалась заместителю главного редактора «Правды». Объявленная дискуссия не состоялась. Критические статьи исчезли со страниц газеты. За то во всех газетах появилось Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР,

ВЦСПС, ВЛКСМ «О развитии социалистического соревнования за выполнение и перевыполнение плана 1978 г. и усилении борьбы за повышение эффективности производительности и качества продукции». Я цитирую целиком название Письма, ибо это единственная мера, принятая по случаю экономических трудностей, переживаемых СССР.

Статистические данные о выполнении плана за 1977 г., опубликованные 27 января 1978 г., свидетельствуют о трудностях минувшего года и о еще больших — предстоящего. В прошлом году не был выполнен план повышения производительности труда. Тенденция к сокращению роста экономики сохраняется: в прошлом году рост составил 5,8%, в будущем он запланирован на 4,5%.

Правда, есть уже отклики на призыв «развивать и усилить»: передовой московский телеграфист обязался перевыполнить норму приема телеграмм на 15 тысяч штук.

Не стоило бы возвращаться к вечным жалобам на неизлечимые пороки и к привычным лекарствам, которые не могут помочь, если бы не новые обстоятельства: невиданная советская экспансия далеко за пределы предоставленной ей после войны сферы влияния и начавшееся междуцарствие. Сегодня все сторонники политики «детант» могут быть довольны: плоды ее очевидны. Советский Союз активно разжигает все очаги напряженности в мире: Ближний Восток, Африка — Ангола, Абиссиния, Азия — всюду стреляют советские орудия и советуют советские советники.

Но в центре, в Москве — неуверенность. Вождь — как Луна — то появляется, то надолго исчезает из поля зрения. Когда же он появляется на короткое время, причём московское телевидение немедленно его показывает, чтобы успокоить население, зрелище заставляет сильнее биться сердца зрителей: Вождь еще движется, еще говорит. Ни у кого нет сомнения: предстоит смена караула.

Подавляющее большинство советских граждан ждет смены со страхом, убежденное, что будет еще хуже, ибо лучше быть не может. Зато Запад, западные политики, специалисты по Советскому Союзу настроены чрезвычайно оптимистично: они ждут смены поколений, прихода к власти молодых либеральных технократов. И действительно, можно ли сомневаться в розовом будущем, если, как подсчитал «Дер шпигель», Косыгин (73 года) поменял в конце прошлого года 25% своих министров, и теперь средний возраст советского министра — 57 лет. К власти идут мальчишки!

Кто же идет к власти? Советское руководство вот уже лет 60 стоит перед дилеммой квазинеразрешимой. С одной стороны, хотелось бы запретить все, объявить секретным все: как принимаются решения, кто их принимает, почему, как подбираются «кадры» и так далее. Но кое о чем не-

обходимо говорить, дабы воспитывать народ. Квазирешение дает советская литература. Мудрый Станислав Ежи Лец предупреждал: Не рассказывайте снов, к власти могут прийти фрейдисты. Соцреалистическая литература рассказывает сны советских руководителей. Читая (а тяжелая это работа!) произведения ведущих советских соцреалистов, можно узнать, кого же они готовят себе на смену. Среди «мастеров пера», вышедших за последнее годы на первое место в советской литературе, обращает на себя внимание Михаил Колесников. В литературу он пришел, как и многие его коллеги, из КГБ*. И сегодня, глядя на популярного автора, легче представить его в полковничьем мундире, чем в штатском. М. Колесников — автор саги о сибирском кузнеце Сергее Алтунине, идеальном советском человеке, легко проходящем путь — дорога эта открыта в Советском Союзе всем! — от простого рабочего до заместителя министра. Третий роман из саги об Алтунине называется «Школа министров» («Знамя, №№ 10, 11, 1977). О литературных достоинствах очередного романа долго говорить нет нужды: это воинствующая бесстыдная графомания. Интерес «Школы министров» в портрете идеального руководителя, в описании — смягченном, приукрашенном, лакированном — механизма принятия решений на верхних, но не самых верхних этажах советского руководства.

Сергей Алтунин — молодой красавец и силач (как и все советские министры!), окончил заочно институт, руководил заводом, переехал на руководящую должность в Москву. Его готовят к большим делам: «Мы должны, — рассказывает он жене, — освоить зарубежные рынки, выработать стратегию сбыта своей продукции в капиталистических странах, чтобы и там покупали наши машины». Жена наивно спрашивает: Разве их не покупают? — Бывает по-всякому, — признается Алтунин. — Сперва хорошо покупали (?!). Теперь хуже. — Почему? — резонно спрашивает жена. Вы-

* Количество сотрудников «органов», появляющихся во всех ячейках советской жизни, может дать представление о роли, какую КГБ будет играть в подготовке «смены караула». Красноречивым примером вездесущности «органов» может быть новый состав президиума Шахматной федерации СССР. После разгрома эмигрантом В. Корчным всех советских претендентов на первенство мира, состав президиума шахматной федерации был укреплен. Возглавил ее космонавт В. Севастьянов, чтобы иметь, очевидно, вид сверху. В числе членов назван скромный любитель шахмат Евгений Петрович Питовранов. В советских энциклопедиях его имени нет. Но вот в книге Джона Баррона генералу КГБ Е. П. Питовранову — первому зам. председателя советской Торговой палаты — посвящены две страницы. Генерал Питовранов, — отмечает американский журналист, — «страстный и безжалостный охотник». Качества для шахмат как нельзя более подходящие.

ясняется, что стали хуже покупать советские машины, ибо советским руководителям не хватает «маркетинга». «Не придаем должного значения рекламе», — самокритически признается Алтунин. И — как выясняется — он должен поправить дело. «В будущем году, — говорит он жене, — поеду в Англию... Уклониться не удастся... Придется посетить лондонскую и манчестерскую школы бизнеса. Британский институт управления... Потом махну в США перенимать опыт гарвардской и слоуновокой школ бизнеса... Есть еще Швеция, есть общеевропейские центры...» Сергея Алтунина можно смело показывать за границей — человек он культурный. Он так и говорит своей жене: «Рембрандта люблю, ей-богу. И «Лебединое озеро» обожаю». Два главных положительных качества Сергея Алтунина позволяют ему сделать головокружительную карьеру: жажда власти и понимание того, что высшая власть принадлежит партии.

«Власть, власть... — мечтает Алтунин, — без реальной власти ты просто исполнитель, какую бы высокую должность ни занимал» (№ 11, стр. 62).

Но жажда власти знает предел. «Партком был здесь деятельным органом. Все время контролировал работу аппарата (министерства) по выполнению директив партии и правительства. Очень бдительно контролировал» (№ 10, 113). И хитрый Алтунин особенно дорожит отношением секретаря парткома министерства: «Сергея всегда влекло к партработникам. Много лет назад он пришел к твердому убеждению: эти люди и мыслят широко, и душа у них широкая» (№ 11, 76).

Неудивительно, что Сергей Алтунин на последней странице романа назначается зам. министра. И нет никакого сомнения, что он будет точно таким, каким был его предшественник.

Герой романов М. Колесникова — идеальный представитель т.н. советских технократов, на которых с надеждой взирает Запад. Но Сергей Алтунин — образ, если так можно выразиться, литературный. О том, что собой представляют интеллектуальная элита, советские идеологи, представители гуманитарных наук, видно из любопытнейшего документа, опубликованного «самиздатским» журналом «Евреи в СССР», № 14.

Документ этот — стенограмма конференции гуманитарных институтов Академии наук СССР по «проблемам совершенствования методологии научной критики идеологии и практики сионизма». Конференция состоялась в феврале 1978 г., а ее результаты были обсуждены на совещании в Московском комитете партии с участием агитаторов, пропагандистов, общественников, всех тех, кто несет важнейшие директивы партии в массы.

Результаты конференции, на которой присутствовали академики, профессора, доктора наук, были как нельзя более положительными. Прежде

всего необходимо подчеркнуть, что председательствовал директор Института востоковедения академик Б. Гафуров, являющийся одновременно председателем постоянной комиссии при секции общественных наук президиума Академии наук СССР по координации исследований, посвященных разоблачению и критике истории, идеологии и практики сионизма. Создание такой постоянной комиссии говорит о серьезности проблемы и о том, что советские ученые, руководимые партией, не относятся к проблеме легкомысленно.

Большинство собравшихся было согласно в главном: сионизм необходимо ликвидировать, ибо «нет ему теперь равного среди других отрядов империализма и буржуазного национализма». Выступавшие твердо заявили: «Борьба с сионизмом — государственная задача». Некоторые из собравшихся, правда, полагали, что, может быть, лучше не употреблять некоторых терминов, звучащих слишком знакомо, например: «сионистский капитал», «всемирный сионистский заговор», «сионизм есть фашизм». Нашелся даже — и приходится удивляться мужеству этого ученого — академик, академик Коростовцев, который назвал выступления так, как они этого заслуживают: антисемитскими, который позволил даже себе заявить хвалебные отзывы на знаменитую книгу В. Бегуна «Ползучая контрреволюция» «позором для нашей публицистики и научной мысли». Но старый академик остался в полной изоляции. Тон задавали молодые «сионистоведы», гордость советской науки. Один из ведущих «сионистоведов» Е. Евсеев так прямо и заявил: «Для классовой борьбы пролетариата сионизм больший враг, чем антисемитизм».

Читая стенограмму научных рефлексий о борьбе с сионистами как государственной задаче, я думал о несправедливости судьбы. В 1923 г. русский антисемит В. Гладких, эмигрировавший из революционной России, опубликовал в Граце книгу с коротким и выразительным названием: «Жи́ды». Книга эта начиналась горьким сожалением: «В доброй старой царской России мне не раз говорили: «Как? Вы, человек с высшим образованием, и антисемит?!» Это восклицание очень характерно. Наши интеллигенты искренне полагали, что «жи́ды такие же люди, как и все». В. Гладких гордо излагал свое кредо: «Я держусь противоположного мнения: мне кажется, что образованный человек не может не быть антисемитом». Несправедлива судьба, не позволившая В. Гладких дожить до времени, когда после уничтожения русской интеллигенции пришло наконец время, когда каждый советский человек должен быть антисемитом. Кто знает, быть может, сбудется и главная мечта В. Гладких: «Еще перевернется одна страница в истории русской революции, и жидов в России не станет. И не только будет уничтожена их наличность, а на сотни лет впе-

ред присутствие жида на русской территории станет немислимым». Во всяком случае, эта мечта В. Гладких находит сегодня все больше и больше сторонников среди хранителей советской идеологии.

Можно с очень большой дозой вероятности предполагать, что «смена караула» в Кремле произойдет спокойно. Несмотря на многочисленные трудности, положение стабильно. Главный источник слабости сегодня — противоречие между шовинистической политикой внутри страны и интернационалистскими лозунгами, используемыми во внешней политике. Идеи борьбы за национальную независимость советских республик распространяются, приобретают разнообразные формы.

В прошлом году в Грузии был расстрелян Владимир Жвания, взорвавший три бомбы: перед зданием городского совета в Сухуми, перед домом правительства в Тбилиси, в городском саду в Кутаиси. Он хотел взрывами пробудить у грузин волю к борьбе. В прошлом же году литовская группа по соблюдению Хельсинкских соглашений опубликовала в своем «Документе № 5» целый ряд материалов, подписанных «Организацией Союза независимых народов СССР». В числе материалов — манифест организации, в котором проблемы национальностей, населяющих СССР, рассматриваются как нечто целое, а их объединенная борьба против политики Коммунистической партии — как цель. Манифест предупреждает, что политика КПСС ведет мир к третьей мировой войне и к гибели народов СССР и всего человечества. Манифест выдвигает требования полной религиозной свободы, прекращения политики «ассимиляции», наконец — создания независимых свободных национальных государств.

Совершенно новым явлением является нарождающееся движение протеста среди рабочих. Я писал уже о Владимире Клебанове, организовавшем в Москве пресс-конференцию для иностранных журналистов. После пресс-конференции он был задержан КГБ, помещен в психбольницу (до этого он уже пробыл в психбольницах четыре с половиной года), но выпущен через 9 дней. В конце января 1978 г. он снова собрал иностранных журналистов и сообщил, что группа рабочих, инженеров, техников организует «свободный профсоюз». В. Клебанов заявил, что более 200 рабочих и служащих прислали ему заявления о вступлении в «свободный профсоюз». Советские рабочие жалуются на свое бесправие на предприятиях, на низкую зарплату, на безработицу, на отсутствие продовольствия.

Подводя итог нынешнему положению — в период начавшегося междоусобицы, можно бы сказать, что, хотя все довольны, есть все больше и больше недовольных. Особый способ выражения недовольства своим положением нашли некоторые работники московской милиции. Началось все с того, что простому советскому человеку предложили на черном рын-

ке купить автомобиль «Жигули» (он же «Фиат-Т24»). Цена, однако, была такой низкой, что, хотя и говорят, дареному коню в зубы не смотрят, советский человек пошел посоветоваться в милицию. Там ему предложили договориться с продавцом о покупке, устроили засаду. И продавца арестовали. Каково же было недоумение и смущение милиционеров, когда выяснилось, что продавец дешевой машины — коллега, майор милиции. Очень скоро дело выяснилось. Майор милиции с группой товарищей-милиционеров останавливал ночью одиноких владельцев «Жигулей», просил подвезти. Убивал шоферов, труп выбрасывал в московское водохранилище, а автомобиль продавал. Подался майор на 14-й автомашине.

В советской печати об этом, совершенно очевидно, не пишут. Есть и более важные дела. Но вся Москва об этом говорит. Причем, надо признать, не без гордости. И если вдуматься — есть чем гордиться. Прогресс, достигнутый страной зрелого социализма за минувшие полвека, бесспорен. Достаточно вспомнить дело Петрова-Комарова, о котором в 1922 г. не переставали писать советские газеты. Жадный мужик Петров-Комаров, выросший и воспитанный при проклятом царском режиме, приценивался на базаре к лошади, а потом зазывал продавца к себе, поил до пьяна, убивал, а тело выбрасывал в Москву-реку. Когда его арестовали, убийца признался в 29 жертвах.

Как далеко ушла страна вперед! «Убивают уже не владельцев лошади, а автомобилевладельцев. Как писали: железный конь пришел на смену крестьянской лошадке. И убивает не темный невежественный мужик, а майор милиции, человек с юридическим образованием.

Прежней осталась только Москва-река, куда по-прежнему сбрасывают трупы.

13 марта 1978

Советская печать, так любящая юбилей, когда ей нужно, отмечающая десятилетие, двадцатилетие, тридцатипятилетие — любую дату, двадцатипятилетие со дня смерти Гениального Вождя и Учителя промолчало. И только в речи маршала Устинова на торжественном заседании по случаю шестидесятилетия Советской Армии был вспомнят «товарищ Сталин». Услышав дорогое имя, шесть тысяч генералов и старших офицеров несколько минут не давали маршалу продолжать речь, восторженно аплодируя. «Правда», публикуя речь министра обороны, слегка его отредактировала, напечатав вместо «товарищ Сталин», просто «И. В. Сталин». Но не думаю, чтобы генералиссимус обиделся, он много раз подчеркивал, как он любит скромность.

Прошло четверть века с того мартовского дня, когда советский народ, а вместе с ним весь мир узнал, что, несмотря на то, что «лечение тов. Сталина проводилось под постоянным наблюдением ЦК КПСС и Совета Министров», Вождь умер. Или, как кричал в те дни его сын, Василий Сталин, «отца убили». Прошло четверть века, и можно подвести кое-какие итоги. Лучше сказать, можно сделать вывод. Один, но важный: минувшие 25 лет убедительно продемонстрировали, что советской системе нужен Сталин. Она не может без него обойтись. И она создает необходимого ей Сталина. Хрущев пытался в первые годы своего царствования несколько модифицировать роль и образ Вождя, затем он хотел вернуться к привычным образцам, но было поздно. Ему не простили своеволия и кощунства. В очередном томе «Большой советской энциклопедии» ему уделено 30 строчек, ровно столько, сколько нужно для осуждения его «волютаризма».

Тоска по Сталину терзает души советских руководителей. Он нужен и внутри страны. И для проведения внешней политики. И ненависть к Хрущеву не знает границ, ибо он нанес очень сильный удар по вере в Сталина. За последние 13 лет сделано уже очень много, чтобы залатать дыры, которые сделал «царь Никита» в нимбе, украшающем голову генералиссимуса.

Хрущев упрекал Сталина в двух грехах: в убийстве коммунистических функционеров и в неумелом ведении войны. Сотни мемуаров, в том числе мемуары всех маршалов, вышедшие после свержения Хрущева, убедительно доказали очевидный сегодня для всех советских граждан факт: Сталин был военным гением, ибо война кончилась победой СССР. А поскольку это бесспорный факт, то очевидно, что разговоры о цене победы, о миллионах жертв, бессмысленных и напрасных, могут вести только враги Советского Союза и всего прогрессивного человечества.

Труднее было очищение Сталина от греха террора. Предлагались различные варианты: некоторые доказывали, что необходимо было ликвидировать «пятую колонну», а по дороге попадались, возможно, и невинные, но, как известно, «лес рубят, щепки летят». Другие признавали, что, может быть, кое в чем Сталин перехватил через край, наконец, третьи настаивали, что Сталина обманули люди из его окружения, например, Берия. Ни одна из этих теорий полностью не удовлетворяла.

Новая теория, обеляющая Сталина полностью, развернута в очередном шедевре советской литературы, в очередном бестселлере, озаглавленном «Вечный зов». Автор романа Анатолий Иванов уже 20 лет назад взял в руки перо, выпустил несколько романов (роман — его излюбленный жанр, как наиболее серьезный в литературе). В том числе опубликовал он 8 лет назад первый том «Вечного зова». Теперь вышел сразу тира-

жом в 1 600 тыс. экземпляров (не считая публикации в журнале). В предисловии говорится, что «идейная и философская зрелость» ставят роман «в ряд лучших произведений советской литературы». И автор предисловия совершенно прав, если он имеет в виду литературу, одобренную «наверху» (а другой, очевидно, он имеет в виду не может).

За анализ литературных качеств романа А. Иванова может взяться лишь человек, находящийся в остром припадке мазохизма. Однако не литературными качествами привлекает «Вечный зов», а своей трактовкой истории.

В № 3 «Культуры» я прочитал («Салон и кухня ПНР»), что на польском телевидении показывают фильмы по истории Польши, в которых допускается некоторым персонажам говорить — по одному разу на фильм — по одной правдивой фразе. Читая эту заметку, я вспомнил письмо Варлама Шаламова Солженицыну. Автор «Колымских рассказов», просидевший 17 лет на Колыме, писал автору «Одного дня Ивана Денисовича»: и что это за кот ходит у вас по больничному двору, почему его давно не съели? Каторжный лагерь, в котором мучился Иван Денисович, казался узнику Колымы курортом.

В романе А. Иванова давно съедены не только кот, но и мыши. А. Иванов утверждает — спокойно, совершенно уверенный в том, что никто его не опровергнет, — что террор 30-х годов был организован Троцким в сотрудничестве с гестапо. Честные советские чекисты оказались марионетками в руках троцкистов-гестаповцев. Аресты, убийства честных коммунистов и честных советских граждан вообще проходили под непосредственным руководством Троцкого. Это он составил такой «стратегический план действий»: «будем физически уничтожить наиболее преданных большевистской идеологии людей... Гражданских, военных — всех! Во всех областях» («Роман-газета», № 2, стр. 47). Во время войны троцкист, ставший эсэсовцем (как все троцкисты!), вспоминает: «Это была грозная сила! Вы много болтаете о троцкизме, но не знаете, не представляете, какая это была сила... И какое возмездие ждало Россию!» (стр. 75). Кто спас Россию от страшного врага? Анатолий Иванов охотно дает нам ответ: Сталин!

Но — как это ни печально — умер защитник России. А опасность не миновала. Троцкист и эсэсовец, видя, что гитлеровская Германия проиграла войну, тем не менее не впадает в панику. Он знает, что будет дальше. Борьба будет продолжаться: «Мы пойдем другим путем. Будем вырывать духовные корни большевизма, опоплять и уничтожить главные основы народной нравственности... Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее!» А поскольку троцкист-эсэсовец

уже весь в будущем, он не стесняется: «Вся пресса остального мира, все идеологические средства фактически в нашем распоряжении». Это А. Иванов говорит уже о сегодняшнем дне. Предупреждает об опасности, о необходимости Сталина. Ибо Англия и Америка — наследники Гитлера, продолжатели дела троцкистов-эсэсовцев-гестаповцев.

Нет нужды доказывать, что А. Иванов выражает не только свои взгляды. Впрочем, своих взглядов он вообще иметь не в состоянии. 21 декабря 1977 г. в Москве в Центральном доме литераторов состоялся «литературный вечер» под невинным названием «Классики и мы». На этом вечере выступали те, кто сформулировал взгляды Иванова. Главным было выступление литературного критика Петра Палиевского, заместителя директора Института мировой литературы им. Горького. Речь Палиевского и выступления его соратников сводились к одному: русская литература и русская культура вообще в 20-е годы находилась в состоянии декаданса, под влиянием бесталанных жуликов и мошенников Пикассо, Стравинского, Хлебникова, находилась в руках «нерусских элементов». В 30-е, особенно в 40-е годы, т.е. в период сталинского правления, советское искусство получило возможность развиваться как искусство «подлинно русское». В 70-е годы снова опасность нависла над русской культурой. Угрожает ей прежде всего режиссер Анатолий Эфрос, который, несмотря на свое еврейское происхождение, позволяет себе ставить «русских классиков». «Литературный вечер» превратился в плач по Сталину. В плач тем более душераздирающий, что состоялся он 21 декабря, в день рождения Учителя и Защитника.

Я написал, что 25-летие со дня смерти Сталина не было отмечено советской печатью. Но никогда еще впечатление, что дух Сталина жив и здоров не было так сильно, как в канун годовщины. Советские газеты и журналы февраля–марта 1978 г. были как две капли воды подобны советским журналам и газетам февраля–марта 1953 г. Только сегодня вместо портрета красавца с усами газеты и журналы украшал портрет красавца без усов. В остальном все было то же: т.е. роскошная форма — кремовая с золотом, украшенная орденами и медалями до пояса. В феврале–марте 1978 г. Леонид Ильич Брежнев был великим полководцем, спасителем мира во второй мировой войне, спасителем мира после войны и великим писателем. Был помазан в Сталины. Начался праздник с публикации произведения Л. Брежнева «Малая земля» в февральском номере «Нового мира». Это воспоминания о боевых действиях, в которых принимал участие полковник Брежнев, начальник политотдела 18-й армии. В центре рассказа история десантной операции в Новороссийской бухте, небольшого плацдарма, известного под названием «Малая земля». Весь

плацдарм занимал около 20 км² и связал силы лишь одной дивизии 17-й немецкой армии. История «участия» Брежнева в этих боях была уже детально, но без ссылок на источники, описана журналистом Ионой Андроновым в длинной статье, опубликованной в конце 1971—начале 1972 г. в «Новом времени». До этого о воинских подвигах Брежнева никому не было известно. Сейчас статью Андропова пересказал Брежнев (или подписал пересказ). Его воспоминания были по просьбе трудящихся перепечатаны в приложении к «Известиям» — «Неделе» и в «Литературной газете». Общий тираж превышает 10 млн. экземпляров. А это лишь начало. Ибо рецензии отличные. «Воспоминания проникнуты удивительным чувством человеческой теплоты, любви к соратникам» («Литературная газета» № 6), — пишет Виталий Озеров. «Значение этого труда неопределимо, — утверждает Анатолий Ананьев. — Записки полны историзма и глубоких обобщений» («Правда», 16.2.78). «Прекрасны строчки в рассказе Л. И. Брежнева...» — умиляется Б. Галанов («Литературная газета», № 7). И т.д. и т.д.

Брежнев рассказывает о своих воинских подвигах, о том, что он до войны был в числе тех, кто понял смысл договора с Германией, «обеспечившего нам необходимую передышку», а «не все понимали»; он объясняет, почему так случилось, что почти до самого конца войны он пробыл в полковниках, лишь осенью 1944 г. получив долгожданные генеральские погоны. Оказывается, он сам не хотел никакого продвижения по службе, не желая расставаться с боевыми товарищами!

Впрочем, текст мемуаров, как интереса не представляющий, оставим в покое. Интереснее причина их появления.

Л. Брежнев, которого советские газеты не называют иначе, как полностью, т.е. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, представил свои воспоминания как заявление для получения ордена. 20 февраля в Кремле в сообщении по этому случаю к его титулам прибавили еще два: Председатель Совета обороны СССР, маршал Советского Союза Брежнев получил высший военный орден — Победы.

Орден этот был учрежден в 1943 г. для награждения командующих фронтами, полководцев, осуществивших победоносные операции стратегического характера. Награжденных было очень немного. Сегодня, кажется, никого из них нет уже в живых. Единственным обладателем ордена Победы стал Брежнев.

Он дал себе орден Победы, ибо такой орден был у Сталина. Возможно, что в будущем все генеральные секретари станут получать также ордена как символ власти, как знак, что все генеральные секретари — пол-

ководцы*. Впрочем, официальные советские историки уже разъясняют, что поскольку от «Малой земли» зависела судьба Кавказа, откуда Гитлер мог выйти на Ближний Восток и в Индию, а затем перенести войну на территорию США, именно Брежнев обеспечил победу союзников в войне. Впрочем, для тех, кто мог бы усомниться в такой интерпретации истории, сам маршал Брежнев дает еще один повод награждения себя орденом Победы. 9 мая 1945 г., — заявил он, принимая награду, — Советский Союз одержал победу. «Однако, — продолжает маршал, — чтобы закрепить победу, завоеванную безмерно дорогой ценой, понадобились колоссальные усилия. Понадобились три десятилетия, чтобы нерушимость послевоенных границ была признана Европой, а также Соединенными Штатами и Канадой**». Вторая мировая война, оказывается, в действительности закончилась лишь в Хельсинки. И Брежнев получил свой орден за победу на конференции в Хельсинки. После окончания конференции в Белграде швейцарский делегат подсчитал, что она была для Запада на 99% поражением и на 1% победой. Трудно спорить с обладателями самой прочной монеты в мире о цифрах, но разве не заслуживает высшей награды полководец, одержавший победу на 99%?

Брежнев завершил дело Сталина во внешней политике. В Советском Союзе внешняя политика всегда была неотделима от внутренней, и очень часто первая приходила на помощь второй. И сейчас в условиях внутреннего экономического кризиса внешнеполитические победы поддерживают политику Брежнева. 1 марта 1978 Советское правительство объявило об увеличении на 100% цен на бензин, на 445% цен на кофе. Одновременно было объявлено, что повышение цен произведено «по просьбе трудящихся».

Но даже если трудящиеся и не просили повысить пены, то вряд ли смогут они протестовать перед лицом блистательной победы советского

* Не исключено, что в будущем имя Сталина станет титулом, как стало имя Цезаря. И если был цезарь Август, цезарь Нерон, цезарь Тиберий, то почему бы не быть сталину Брежневу, сталину Кулакову, сталину Андропову.

** Со стопроцентной точностью известно, что Советский Союз — единственное государство, увеличившее свою территорию после второй мировой войны. В «Итогах всесоюзной переписи населения 1959 г.», говорится: «Территория СССР в современных границах, помимо территории бывшей Российской империи, за исключениями, указанными выше (Польша, Финляндия, Карс), включает территорию бывшей Бухары и Хивы, а также территорию Галиции и Северной Буковины, вошедших в состав СССР в 1939 г., территорию Тувы, принятой в состав СССР в 1944 г. территорию Закарпатской Украины, г. Кенигсберга (ныне Калининграда) и прилегающего к нему района, Южного Сахалина и Курильских островов, Клайпедской области, вошедших в состав СССР в 1945 г.»

оружия в Огадене. Советские военные корреспонденты в Эфиопии рассказывают в газетах и журналах о блистательных успехах революционной эфиопской армии, не упоминая кубинского экспедиционного корпуса и советских специалистов. Но на бесчисленных партийных и прочих собраниях как бы по секрету с гордостью говорится о замечательных действиях союзных войск под руководством генерала Василия Петрова, разыгравших, как на маневрах, операцию с применением артиллерии, танков и воздушного десанта. Советские военные счастливы: даже в 1968 г., из-за отказа чехословаков участвовать в игре, они не смогли испытать своей стратегии и оружия в боевой обстановке. В Эфиопии испытание прошло отлично. Теперь можно переносить опыт в другое место: в Африке или на другом континенте...

Стоит ли по случаю такой победы огорчаться из-за кофе или бензина?

Внешнеполитические успехи ценны и другим. Они усиливают любовь к Советскому Союзу на Западе. Объяснение, почему так происходит, могут дать, возможно, психиатры. Но это факт. Николай Толстой, потомок Льва Толстого и учитель в Англии, написал книгу «Жертвы Ялты».

О «жертвах Ялты», о двух с лишним миллионах граждан бывшей Российской империи, выданных англичанами Сталину, впервые — очень уже давно — написал Мацкевич в романе «Контра». Но никто на Западе не обратил на это внимания. Обратили внимание, когда вспомнил об этом Солженицын. Потом написал о выдаче лорд Бетелл («Последний секрет»). Николай Толстой взялся за написание новой книги по двум причинам: потому, что открылись английские архивы, и потому, что решение, принятое в Ялте Сталиным и Черчиллем, носило кодовое название: «Толстой». Не удивлюсь, если станет известно, что название — имя писателя, призывавшего не сопротивляться злу насилием, предложил Сталин. В книге «Жертвы Ялты» новых фактов мало, но она впервые показывает, как и почему англичане стали помощниками палачей. Главной причиной было восхищение Идена Сталиным, подлинная любовь, которую питал английский министр иностранных дел к «московскому горцу».

Любовь Идена к Сталину сегодня — история. Но вот в марте 1978 г. английский журнал «Инкаунтер» публикует статью старейшины американского дипломатического корпуса и старейшего советолога Джорджа Ф. Кеннана. «Режим, — пишет он, имея в виду сегодняшний советский режим, — возглавляется умеренным, по сути, консервативным человеком... человеком, которого все, кто его знает, уверенно считают миролюбцем».

Джордж Кеннан любит Брежнева главным образом за то, что «сегодня в Советском Союзе осталось мало от террора сталинского времени». Кеннан — историк и не может знать, что только тиран, совершенно сошед-

ший с ума, может перманентно истреблять людей в сталинских масштабах. В масштабах террора 1937–38 годов советского населения Сталину хватило бы еще только на несколько лет. Изучавший Ивана Грозного Кеннан знает, что даже царь Иван не убивал людей без перерыва на протяжении 30 лет. А Брежневу вполне достаточно того «ползучего террора», который в стране крепнет изо дня в день.

Впрочем, западные государственные деятели любили Сталина даже в период «большого террора», находят для него убедительнейшие оправдания. Как же не любить Брежнева, если он не убивая людей в таком количестве, как Сталин, стал еще сильнее Сталина. И Брежневу платят в знак любви еще больше, чем Сталину. Запад ныне оплачивает в значительной степени советский военный бюджет.

В какой-то мере, следовательно, победы Брежнева, например, в Огадене — это и победы Запада. И неудивительно, например, что после того, как советский спутник-шпион упал в канадских снегах, разбросав на десятки километров осколки атомного реактора, в США стали подумывать о предоставлении Советскому Союзу информации и технологий, которые позволили бы ему поставить на спутниках-шпионах более совершенное оборудование.

В потоке книг о Сталине, сталинизме, о т.н. десталинизации резко выделяются мемуары бывшего посла Югославии в Москве Велько Мичуновича. Он представлял свою страну в 1956–1958 гг., а потом снова в 1969–71 гг. Воспоминания, это дневник, который посол вел в Москве, — относятся к первому его пребыванию в столице Советского Союза. Значение книги становится очевидным, когда мы сравниваем ее с воспоминаниями американского посла Чарльза Болена, находившегося в Москве в эти же годы. Американский дипломат и знаток СССР ничего не видел, а его прогнозы, предположения, оценки, как правило, были ошибочными. В чем, впрочем, он с достойной всяческих похвал искренностью признается. Мичунович — коммунист, партизан, человек из окружения Тито, очень многое увидел и очень многое понял. Он понял, во-первых, что т.н. десталинизация не коснется «ведущей роли» СССР в «лагере» социалистических стран. Хрущев, который много и доверительно беседовал с югославским послом, так ему и объяснял, в частности, интервенцию советских войск в Венгрии: «ибо иначе скажут: при Сталине все было спокойно, а теперь, после его смерти...» Велько Мичунович подробно отмечает в своем дневнике извилистый путь «десталинизации», он отмечает, как каждый шаг в сторону от Сталина сменяется двумя шагами обратно к Сталину, каждое слово осуждения Вождя — десятью словами похвал Вождю. Он рассказывает, как Хрущев и его соратники пытались исполь-

зывать Тито в качестве посредника между СССР и «волнующимися сателлитами» — Польшей и Венгрией, надеясь скомпрометировать Тито и успокоить поляков и венгров.

Два события привлекают особое внимание югославского посла: попытка свержения Хрущева в июне 1957 г., закончившаяся полной победой Хрущева, и разгромом т.н. антипартийной группы и свержение маршала Жукова в октябре 1957 г. Хрущев, возбужденный победой над победителем Гитлера, объяснял Мичуновичу, что Жуков, достигший к осени 1957 зенита власти, был свергнут за то, что он в июне помог Хрущеву в борьбе с «антипартийной группой», бросив на чашу весов всю тяжесть Советской Армии. Сегодня, — объяснял Хрущев Мичуновичу, — сегодня, Жуков помог мне, а завтра кому он поможет?

Смысл подробного описания двух переворотов в Москве, свидетелем которых был югославский посол, становится ясным в краткой главе, в которой Мичунович пишет — уже не как очевидец, а как историк, — о третьем перевороте, о свержении Хрущева.

Он отмечает, во-первых, что техника свержения Хрущева была той самой, которая была использована для свержения Жукова. И он отмечает, что после каждого из трех переворотов с докладом на пленуме ЦК, подводя итоги, выступал все тот же Михаил Сулов. Хранитель сталинского духа, сталинского наследства.

Вряд ли простым случаем можно объяснить то, что орден Победы вручал Брежневу Михаил Сулов, секретарь ЦК с 1947 г.

8 апреля 1978

Чтение советской прессы доставляет, как всем известно, огромное удовольствие: радует душу отображение жизни в единственной в истории человечества стране, в которой все счастливы, в которой существует идеальный строй. Удовольствие это увеличивается вдвойне, когда есть возможность «выслушать и другую сторону», ознакомиться с теми же фактами, предоставленными в гнилой западной печати. Вот, например, в советских газетах появилось сообщение о маневрах Советской Армии в Белоруссии, во время которых были испытаны новейшие виды оружия, подготовка солдат и офицеров. В сообщениях подчеркивалось, что на маневры были приглашены западные обозреватели: пусть, дескать, смотрят, скрывать нам нечего. Было приятно читать о такой широте взглядов и открытости. А в западной печати рассказывают такую историю: западные военные атташе, прибывшие на маневры, должны были сдать свои бинокли и полу-

чили советские, как известно, лучшие в мире. Однако сразу же выяснилось, что в советские бинокли западные военные атташе ничего не видят: что-то там в тумане движется. И это все. После настойчивых протестов военным атташе западных стран вернули их западные бинокли. Но только на другой день, когда важнейшая часть маневров кончилась.

Забавная эта история показалась мне символической. Я не знаю, где происходит выдача советских биноклей, но создается впечатление, что большинство западных политических деятелей, политологов, кремлевцев, журналистов пользуются именно этими оптическими инструментами для рассмотрения того, что происходит в Советском Союзе.

«Нью-Йорк таймс», например, писал, что победа советско-кубинских войск в Огадене в конечном счете небольшая беда, ибо, во-первых, Советский Союз защищал справедливость в конфликте между Эфиопией и Сомали, а во-вторых, он еще наплачется с эфиопами. В-третьих же, даже если бы Советский Союз добился своей следующей цели, т.е. поставил в Сомали у власти своих людей, — то тоже трагедии не будет. Даже такой пронизательный наблюдатель, как Леопольд Унгер, в своей регулярной рубрике в «Интернешнл херальд трибюн», писал из Брюсселя, что конференция в Белграде не была, в конечном счете, поражением Запада, ибо, во-первых, способствовала продолжающемуся брожению на Востоке, во-вторых, во время конференции не было политических процессов в Москве, в-третьих, наконец, решение о созыве следующей конференции в Мадриде в ноябре 1980 г. — «победа», ибо открывает «перед диссидентами многие новые возможности».

О том, что будет в 1980 г. и до него, — спорить, конечно, трудно. Дебаты между оптимистами и пессимистами идут уже тысячи лет. Брожение на Востоке несомненно, но интенсивность его различна. И наименьшая — в настоящее время — в Советском Союзе. Преследования диссидентов, в том числе и политические процессы, в частности на Украине и в Грузии, продолжались и во время конференции. К тому же особенность нынешних политических процессов заключается в том, что они носят тщательно выборочный характер: жертва выбирается таким образом, чтобы удар по ней поверг в страх как можно больший круг знакомых и друзей. В ходе подготовки к процессу Щаранского, например, допрашивают сотни людей, в том числе и те, кто не был знаком с обвиняемым.

Советская победа в Белграде определяется не только усилением репрессий в Советском Союзе. Она подтверждается политикой США, признающей все более и более Западную Европу сферой советского влияния. Около полугода советская печать ведет давно невиданную по своему размаху кампанию против «нейтронной бомбы», против «нейтронной смер-

ти», как называют ее советские журналисты. По своим масштабам кампания эта может сравниться с кампанией против атомной бомбы, которую организовал Сталин, когда у него не было еще такой бомбы.

Можно думать, что умереть от «нейтронной бомбы» так же неприятно, как и от всякой другой бомбы. Так же неприятно, как умереть вообще. Советская пропаганда утверждает в статьях, стихах, речах вождей, что смерть приносит только «нейтронная бомба», ибо — это понимают все — Советская Армия пока еще этой бомбы не имеет. К тому же «нейтронная бомба» может нейтрализовать десятки тысяч советских танков, нацеленных на Западную Европу. Западная Европа рассматривает решение президента Картера не производить — пока — нейтронной бомбы как победу советской пропаганды, как расширение советской сферы влияния, которая, казалось, была утверждена в Хельсинки на границах «социалистического мира».

О том, как будут проведены «большие» процессы в Москве, может свидетельствовать «экспериментальный» процесс Кирилла Подрабиника, состоявшийся 14 марта 1978 г. Он интересен, во-первых, тем, что процесс этот был направлен против Александра Подрабиника, брата Кирилла. Александр, член группы исследования злоупотреблений психиатрии в СССР, передал в «Эмнести интернешнл» 246 случаев помещения в психбольницы здоровых людей. Арестовали и судили его брата. Во-вторых, судили Александра Подрабиника за хранение оружия. У него нашли старинный недействующий пистолет с гладким стволом, а амуницию подбросили агенты КГБ, производившие обыск. А до этого агенты эти выкрали амуницию в клубе для подводной охоты, где Александр работал. Александр Подрабинек был осужден на два с половиной года.

В этот же день в Ташкенте был арестован 82-летний Владимир Щелоков, председатель церкви Адвентистов Седьмого Дня. Это четвертый арест Владимира Щелокова, отсидевшего уже 24 года в тюрьмах и лагерях.

Значительно больше внимания привлекли на Западе решения Верховного Совета СССР лишить советского гражданства генерала Григоренко, Мстислава Ростроповича и его супругу Галину Вишневскую. Хорошо понимая резонанс, вызванный этой мерой, в особенности по отношению к Ростроповичу, советские власти объявили о своем решении между двумя турами парламентских выборов, желая, чем можно, помочь большинству и чем можно повредить «левым».

К преследованиям диссидентов, к арестам и процессам и в Советском Союзе, и на Западе давно уже привыкли. Считают делом обычным, нормальным. За рамки нормы выходит «дело «Пиковой дамы»». Конечно, 30 лет назад и оно казалось бы нормальным, но сегодня удивление, вызванное

этим делом — и свидетельство изменений, и свидетельство того, что в действительности ничего не изменилось. Сначала была статья в «Литературной газете». В ней был атакован самый известный советский режиссер Юрий Любимов, руководитель московского театра «на Таганке». Его обвиняли в том, что будучи вместе с театром на гастролях во Франции, он в интервью коммунистической газете жаловался на «Литературную газету», которая, в частности, без его ведома осудила от его имени бьеннале в Венеции. А потом появилась статья в «Правде». В прошлом своем обзоре я писал о собрании в московском доме писателей, на котором русские патриоты обвиняли режиссера Эфроса в том, что он по своему еврейскому коварству искажает русских классиков. В «Правде» за 11 марта литовский дирижер Альгис Юрайтис обвинил русского режиссера Юрия Любимова в зловещем искажении «Пиковой дамы». Больше года назад парижская опера договорилась с Юрием Любимовым, что он поставит в Париже «Пиковую даму» в музыкальной обработке композитора Альфреда Шнитке, под руководством режиссера Геннадия Рождественского. Было, конечно, согласие соответствующих советских органов. Постановка должна была состояться в июле. Альгис Юрайтис, дирижирующий в настоящее время в Париже советской постановкой, без разрешения заглянул в партитуру «Пиковой дамы», счел ее антирусской и немедленно донес об этом властям, Любимов разрешения на приезд в Париж не получил. И тогда — впервые в истории франко-советских отношений — директор французской оперы объявил о разрыве сношений с Советским Союзом, махнув рукой на 131 тыс. долларов, потраченных на постановку «Пиковой дамы» и не пожелав взять любого другого режиссера, обещанного Москвой, убеждавшей Рольфа Либермана, что все советские режиссеры «на голову выше всех западных» и одинаково хороши. Говорят, что директору парижской оперы спели любимую советскую песню: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой». Но упрямый директор отказался. А французский сатирик подвел итог: «В наше бурное время пиковая дама часто оказывается заложницей валетов короля-идиота». Причем вместо слова «идиот» неисправимый француз употребил словечко, которого я пока еще на страницах «Культуры» не встречал и потому решил его не использовать.

Отношение к культуре в Советском Союзе всегда значительно лучше отражало положение в стране, чем отношение к оппозиции. Оппозицию всегда ликвидировали, а если делали вид, что с ней церемонятся, то происходило это лишь потому, что старались забросить сеть как можно шире. С культуры иногда — когда это было необходимо в целях борьбы за власть — приподнимали намордник. Когда же намордник снова затягивали, то это было всегда признаком прочности режима и успехов внешней политики.

Две книги, опубликованные недавно на Западе, две книги, пришедшие из Москвы, дают дополнительные свидетельства на эту тему. Книги ни в чем не похожие, но каждая по-своему очень интересные. Первая из них — «В плену времени» — воспоминания Ольги Ивинской — последней любви Пастернака, многие черты которой отразились в образе Лары, возлюбленной доктора Живаго. В книге Ольги Ивинской нет, конечно, широкой картины эпохи, глубоких мыслей, философских обобщений, живых портретов, которые мы находим в «Воспоминаниях» Надежды Мандельштам. Книга Ольги Ивинской как бы еще раз подтверждает, если такое подтверждение было нужно, что мемуары Надежды Мандельштам — одно из выдающихся произведений XX в. Тем не менее «В плену времени» дает значительный и важный материал о судьбе поэта в Советском Союзе, снова — с некоторыми неизвестными подробностями, рассказывая о чудовищном по грубости, хамству, бессмыслию и советской логике т.н. делу Пастернака. А кроме того, книга Ивинской рассказывает удивительную по своей трагичности судьбу двух влюбленных: дважды Ольга Ивинская была арестована — вместо Пастернака. В первый раз ее арестовали при Сталине. Во второй — при Хрущеве, мстя уже мертвому поэту.

Вторая книга — роман Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей». Место действия — Алма-Ата, время действия — 1937 г. Новый роман Ю. Домбровского — продолжение «Хранителя древностей», опубликованного в «Новом мире» 14 лет назад. Дилогия Домбровского займет место в ряду выдающихся произведений советского 60-летия, рядом с книгами А. Солженицына, А. Платонова, М. Булгакова.

«Ненужные вещи», о которых рассказывается в романе Ю. Домбровского, это справедливость, честь, подлинная любовь, сознание вины за совершенные преступления. «Факультет ненужных вещей» — образ эпохи, в которую лишь немногие нуждаются в «ненужных вещах», а большинство научилось — их научили! — обходиться без совести, без чести, без любви к человеку. Как ни в одном другом произведении, в советской литературе Ю. Домбровский подробно, можно бы сказать, объективно показывает труд палачей, рисует галерею энкавдистов: от мелких следователей до заместителя наркома республики. Галерею палачей завершает портрет Сталина. Вслед за Булгаковым автор «Факультета ненужных вещей» обращается к Христу в поисках исторического фона, позволяющего лучше понять сталинское время, эпоху тотальной победы Зла, эпоху ломки человеческой души.

«Факультет ненужных вещей» — независимо от своих замечательных литературных достоинств — важнейший источник для понимания психологии, менталитета современного советского человека, прежде всего его руководителей, полностью освободившихся от абсолютно всех «ненуж-

ных вещей». И в этом их колоссальное преимущество, проявляющееся во время столкновений или переговоров с западными лидерами, отягощенными множеством «ненужных вещей». К тому же советское руководство перед лицом временных, но никак не проходящих незначительных трудностей, обрело нового союзника. Казалось бы, на первый взгляд неожиданного, но для тех, кто избавился от «ненужных вещей», логичного. Они убеждены, что все в дело годится, все пойдет им на пользу.

В № 11 «Молодой гвардии» за 1977 г., в номере, посвященном 60-летию Октября, поэт Сергей Смирнов воспевает замечательных русских людей и утверждает: «С ними все по плечу и все козыри в масть, Да хранят их сам бог плюс — Советская власть». Знаменитая ленинская формула: коммунизм — это Советская власть плюс электрификация — на 60-м году революции слегка изменилась: коммунизм — это бог плюс Советская власть. И совершенно логично, что поэт Сергей Смирнов пишет «бог» с маленькой буквы, а «Советская власть» — с большой. Бог — сила вспомогательная, вроде электрификации, только немного сильнее. Нет нужды доказывать, что «бог» Брежнева, опирающийся на Советскую власть, значительно сильнее Бога Картера. «Бог» Брежнева позволяет Генеральному секретарю ЦК выступать в Огадене в защиту неприкосновенности эфиопской территории, в Эритрее — против национально-освободительного движения, в Родезии — за национально-освободительное движение, против «нейтронной бомбы», которую советская техника еще не успела создать (или скопировать), но и за в тысячу раз более сильные ракеты SS-20, нацеленные на Западную Европу.

Однако, «бог» Брежнева не всемогущ. Или, лучше сказать, его сила действует преимущественно за пределами Советского Союза, где он ухитряется снабжать политических и государственных деятелей, политологов и журналистов «советскими биноклями». (В марте ЦК партии постановил создать специальный отдел информации и пропаганды на границу, отдел снабжения Запада советскими биноклями. Его возглавил бывший директор ТАСС Леонид Замятин). В самой стране, несмотря на помощь «бога» и Советскую власть, наблюдаются хронические преходящие трудности. Прежде всего, конечно, в сельском хозяйстве. В передовой «Правде» (11 марта) за лирическим вступлением: «теплые ветры над просторами нашей Родины. Весна вступает в свои права» следует привычное предупреждение: «Ударным участком, требующим особых забот, по-прежнему остается зерновое хозяйство». Еще только начинается весна, а руководство с тревогой смотрит на будущую осень. Во второй половине марта все советские газеты опубликовали сообщение ТАСС о порочной деятельности первого секретаря областного комитета партии в Тамбове. «Правда» посвятила де-

тельности этого партчиновника, члена ЦК, длинную статью, в которой перечисляются недостатки, ошибки, недочеты. За первые два минувших года рост сельскохозяйственной продукции был в области 0,4%, падает производство зерна, молока, мяса, яиц и т.д. Здесь создали специализированные хозяйства, для которых не было специалистов и которые не могли работать, но ликвидировали многоотраслевые хозяйства, ибо таково было указание из Москвы. Короче, ни одна «буржуазная газета» на Западе никогда не осмелилась бы написать и половины того, что говорится в статье «Правды». А нет сомнения, что в «Правде» рассказывается $\frac{1}{10}$ правды. Стоит отметить, что Тамбовская область является областью-тестом. Еще в 1974 г. ей было посвящено специальное постановление ЦК. Оно, как видно, не помогло. На этот раз принято решение снять первого секретаря и поставить другого.

Трудности наблюдаются и в промышленности. В «Известиях» — в передовой (11.2.78) — отмечалось, что «из-за прогулов, простоев, неявок с разрешения администрации ежегодно теряются миллионы человеко-дней». Это, кажется, даже больше, чем от забастовок в Италии. Но главная трудность не только в этом. Мне уже не один раз приходилось рассказывать, цитируя советскую печать, о трудностях внедрения новой техники в советской промышленности. Советская система органически не принимает новой техники. Сам Маркс не придумал бы лучшего примера для демонстрации своего тезиса о противоречии между производственными силами и производственными отношениями. В большой статье «Правда» рассказывает о приключениях компьютера на советском заводе. Электрозавод в Минске купил компьютер, дабы не отстать от техпрогресса и научно-технической революции. Рассчитан компьютер был на 31 задание, потом его сократили до 26, а потом — до 8. Но даже и эти возможности электронной машины оказались для минского завода чрезмерными. Дело в том, что компьютер, когда ему дали сведения о количестве рабочих на заводе, ответил, что половина из них ничего не делает. Он стал отмечать и другие недостатки, список которых рос и рос. Дирекция вынуждена была принять меры: компьютеру стали давать фальшивые сведения. О трагической судьбе компьютера «Правда» не рассказывает. Уже давно Александр Галич рассказал, как сошел с ума автомат, разливающий газированную воду с сиропом, когда его заставили мошенничать: «Это люди — те приспособятся, — писал поэт. — А машина — та засекается».

Для разрешения внутренних трудностей Брежнев отправился в путешествие на Дальний Восток. Никогда еще я не был такого высокого мнения о медицине, как в те минуты, когда видел на экране телевизора Леонида Ильича, еле сходящего со ступенек вагона, делавшего несколько ша-

гов по платформе, с трудом произносившего речи. По американским источникам Генеральный секретарь ЦК страдает эмфиземой, доброкачественной лейкемией, подагрой; электронный аппарат регулирует нерегулярную сердечную деятельность. Лагерные врачи в таких случаях говорили: практически здоров. Можно думать, что не от легкой жизни пришлось Брежневу отправиться за 11 тысяч километров.

Первая цель, которую он ставил: сказать о недостатках. В Иркутске (2 апреля) он заявил: «Мне сообщили, что в вашей области большое количество предприятий не выполняет план». И сделал вывод: «Когда план принят, его обязательно необходимо выполнять». Брежнев отметил, однако, «слишком медленное развитие сельского хозяйства» в Сибири, он выразил пожелание, чтобы «в магазинах свежие овощи были круглый год», чтобы очереди были поменьше. Несомненно, Брежнев мог и не говорить всего этого. Жители Сибири знают о недостатках, о нехватке продуктов, жилищ не хуже Брежнева. Но в Советском Союзе недостатки признаются лишь в том случае, если о них говорит вождь партии. А в том случае, если он о них сказал, они считаются устраненными.

Если же кого-либо это не устраивает, Брежнев в ходе своего путешествия напомнил о другом: о присутствии на границах государства коварного врага — миллиарда китайцев. И неслучайно Брежнев совершил свою поездку по территории, которую Китай называет спорной. Советские люди помнят, — пишет в журнале «Коммунист» проф. Астафьев, — «что СССР имеет общую границу с Китаем протяженностью в 7 520 км». После смерти Мао советские руководители надеялись на изменение китайской политики. Когда же этого изменения не произошло, Брежнев поехал в пограничную полосу, посетил танкистов, артиллеристов, моряков. Для советских людей смысл поездки очевиден: китайские шовинисты «предъявляют бредовые территориальные притязания к СССР». Перед этой опасностью все другое отходит на задний план.

Из Владивостока, города с символическим названием, обратился Брежнев к Картеру, требуя от американского президента сделать половину пути на дороге к разоружению. Генеральный секретарь ЦК считает, что он свои полпути сделал — проехал 10 тыс. километров из Москвы в советский военный порт на Тихом океане.

14 мая 1978

Я не знаю, какое из событий, происшедших в апреле 1978 г., будущие историки назовут самым важным. Мне кажется, что важнейшим событием была публикация (правда не в Москве, а в Лозанне) второй книги

Александра Зиновьева «Светлое будущее». На этот раз писатель говорит уже не об Ибанске, стране победившего коммунизма, он отказывается от символических имен и рассказывает о Советском Союзе, стране победившего коммунизма и его столице Москве. Действие происходит в наши дни, в первую половину 70-х годов. «Светлое будущее» заслуживает подробного разговора, который, надеюсь, произойдет на страницах «Культуры». Хочу лишь привести цитату, как нельзя более актуальную. Один из персонажей книги «подсчитал число ссылок на Сталина в самом подхалимском номере философского журнала при Сталине и число ссылок на теперешнего вождя в одном из среднеподхалимских номеров того же журнала. Сталин при таком сравнении выглядит скромником».

А. Зиновьев написал это примерно два года назад. За это время культ Брежнева достиг поистине чудовищных размеров. На первомайской демонстрации нынешнего года трудящиеся умственного и физического труда несли лозунги и плакаты на одну тему — Слава Великому Брежневу, несли его портреты, цитаты из его речей и из его воспоминаний «Малая земля», которые стали Великой Книгой о Войне.

Маркс считал, что история повторяется: сначала предстает как трагедия, а потом как фарс. Но отец марксизма не знал советской системы, где все переходит в третью стадию — в норму. И трагедия и фарс становятся нормой. И никому на свете не было ни страшно, ни, что ужаснее, смешно, когда тяжело больной Брежнев, развалина, которую приходилось вынимать из кресла, путешествовал по Германии в сопровождении 12 врачей и двух специальных санитарных машин.

Советская печать представила визит Брежнева в Бонн как одно из величайших событий мировой истории. Правда, ни слова не было сказано о двух единственно интересных фактах. Во-первых, о том, что, как и подобает настоящему коммунисту, Брежнев единственный раз получил удовольствие от разговора с немецким политическим деятелем, когда его посетил Франц-Йозеф Штраус. Не только Брежнев говорил с ним так долго, что для руководителя одной из 4 западногерманских компартий, явившегося к Хану за ярлыком, осталось всего несколько минут, но и лично, еле передвигая ногами, проводил главу западногерманских реваншистов через весь парк до выхода. Но это, как говорят, в порядке вещей. Бывший президент Никсон рассказывает в своих мемуарах, что покойный президент Мао признался ему: «Я люблю правых... Я сравнительно счастлив, когда правые приходят к власти».

Второй интересный факт — диагноз болезни Брежнева. До поездки в Бонн было известно, что Маршал, Председатель и Генеральный секретарь болен по крайней мере полудюжиной разных болезней. Когда он

явился в столицу Западной Германии, даже представитель правительства признал, что гость «не напоминает юного Зигфрида». Это было верно: юного Зигфрида Брежнев не напоминал, но недуг его оказался «болезнью Альвареза», прогрессирующей болезнью артерий, вызывающей частые небольшие удары. Так что все в порядке: Вождю Советского Союза необходимо иметь «прогрессирующую» болезнь.

Брежнев в Бонне был замечательным символом страны «зрелого социализма» — тяжелобольной, окруженный врачами и тысячами полицейских, опасный для окружающих. Со времен Ленина больные советские вожди обращались за помощью к Германии: они ждали оттуда революции, медицинской помощи, оружия, техники. И получали все (кроме революции), в особенности, когда были сильнее. А Брежнев явился в Бонн сразу же после переворота в Афганистане, где к власти пришли коммунисты и офицеры, обученные в советских военных школах.

В американском фантастическом фильме «Встреча третьего типа» рассказывается о том, как трудно оказалось найти общий язык между жителями Земли и пришельцами из Космоса. В конце концов оказалось, что музыка может служить основой для такого языка. Гораздо сложнее обстоит дело в сношениях между Западом и Советским Союзом. Несмотря на то, что советский язык — ясный, откровенный, угрожающий. После переворота в Кабуле «Нью-Йорк таймс» писал: «Администрация Картера остается до сих пор, и совершенно справедливо, совершенно спокойной в связи с переворотом в Афганистане, где лидеры маленькой коммунистической партии захватили власть в Кабуле... Лет десять назад любая коммунистическая победа рассматривалась бы как явная потеря Америки. Большинство американцев сегодня считают, что мир более сложен». Возможно, но «Правда» в эти же дни (12 мая) писала: «Есть принципиальная разница между интернациональной помощью социалистического мира и неколониалистским вмешательством Запада».

Переворот в Афганистане — событие исключительной важности потому, что «интернациональную помощь» можно будет оказать афганским коммунистам с легкостью необыкновенной — через совместную границу, а помощь смогут оказать советские таджики, узбеки, туркмены своим братьям, живущим по другую сторону границы.

Если, конечно, они захотят помогать. Внешняя политика Советского Союза во второй половине 70-х годов характерна советским активным вмешательством в зоны острых национальных конфликтов: Абиссиния, Ангола, Ближний Восток, теперь Афганистан. Афганский плацдарм, использование национального движения среди патанов и белуджей, позволит Советскому Союзу стать важным фактором пакистанской политики и

создать еще одну границу с Ираном. Быть может, впервые после 1920 г., когда в Баку был созван конгресс народов Востока, а Зиновьев объявил «газават», священную войну английскому империализму, советская политика использует в такой степени национально-освободительные движения в своих внешнеполитических целях. Характерно, что в недавно вышедшем томе «Большой советской энциклопедии», в статье «Франция» говорится о многонациональном характере Французской республики. Среди «национальностей» упоминаются бретонцы, каталонцы, баски, евреи и т.д. Статья выглядит, как предупреждение Франции.

Не исключено, что характерное для сегодняшней советской внешней политики чувство величайших возможностей, которые открывает использование национальных чувств и национальных движений, связано с подспудным страхом перед вспышкой национализма в Советском Союзе — последней многонациональной империи на Земле.

Этот страх является причиной необычайно жестоких приговоров всем, кто выражает — в любой форме — идеи национальных прав. Судьба украинца Гелия Снегирева, писателя, пославшего из Киева свою книгу «Мама, моя мама» для публикации в «Континенте», смело осудившего советскую Конституцию, как нельзя более показательна. Тяжелобольной писатель был арестован, после объявления им голодовки подвергся искусственному кормлению, которое завершилось параличом. Не удовлетворенные этим власти опубликовали сначала в «Радяньской Украине», потом в «Литературной газете» письмо, под которым стояла подпись Г. Снегирева. Сегодня в Советском Союзе особенно настаивают на том, чтобы арестованные, прежде всего националисты, каялись в грехах. А если не удастся — все равно: печатают покаяния под их фамилиями без спроса.

В мае 1978 г. вышла в Париже книга, представляющая один из важнейших документов последних лет. Это записи, сделанные в лагере писателем Михаилом Хейфецем, осужденном в 1974 г. на 4 года за написание черновика статьи к «самиздатовскому» сборнику стихов Иосифа Бродского. Даже в Советском Союзе приговор этот кажется невероятно жестоким. В дни, когда записи Хейфеца были опубликованы, он еще сидел в лагере.

Эпиграфом к своим лагерным заметкам писатель выбрал анекдот: «Еврея взяли в КГБ. «Рабинович, у вас, оказывается есть родственники за границей...» — «Что вы, что вы... Я их не знаю. И не писал никогда». — «Зато теперь садитесь и напишите». — «Не хочу!» — «Рабинович, надо». — «Дорогие братья, — начал Рабинович, — наконец я нашел место и время написать вам...»

Михаил Хейфец нашел время и место написать нам о жизни в советском лагере в наши дни, во второй половине 70-х годов.

И сразу же следует признать: советские лагеря изменились. М. Хейфец рассказывает о политических лагерях в Мордовии. Они похожи на сталинские лагеря полуголодным режимом, изнурительным трудом, жестокой беспощадностью конвоя. Они отличаются составом заключенных. Сейчас все сидят «за что-нибудь». Конечно, по каким-нибудь западным нормам права может быть и не стоило бы сажать людей, критикующих политику правительства, недовольных теми или другими аспектами строя. Но по советским нормам, если человек знает, что он сидит за критику режима, за статью, за распространение книги, он чувствует себя совершенно иначе, чем сталинские узники, по 10 и 15 лет недоумевавшие: «За что меня посадили?»

Главное, что следует из наблюдений М. Хейфеца: основной состав заключенных — националисты. Националисты украинские, литовские, армянские (М. Хейфец, подружившись с одним из деятелей Национальной объединенной партии Армении, выступающей за полную независимость Армении, попросил разрешения вступить в эту партию в лагере), еврейские. И русские. Перед нами — модель Советского Союза, в которой, однако, ситуация перевернута: самым оскорбляемым, унижаемым народом в лагере оказываются русские. Все другие видят в них источник своих бед. Русские националисты в лагере должны искупать вину советской империи. И это, как отмечает М. Хейфец, порождает у русских страстное желание найти своего «оккупанта». Находится он легко.

Русские националисты, с которыми разговаривал в лагере М. Хейфец, рассуждали чрезвычайно логично: зачем разорили в «год великого перелома» сельское хозяйство, зачем уничтожили крестьянство, в результате чего ежегодно весной и осенью организуются «битвы за урожай», а в стране не хватает хлеба? Зачем строят заводы, а на них загоняют заключенных? Наконец, зачем Советский Союз всюду сует свой нос, зачем выбрасывает миллиарды на Кубу, в Анголу, Ирак? Русский не понимает политики своего государства: он нуждается, он месяцами не видит мяса, молоко — с перебоями, бывает, что и лука нет, а в это время его средства идут во все концы: и в своей стране (окраины в среднем живут лучше, чем собственно русские области), и за границу.

«Разве свое правительство может так обращаться со своим народом? — задавал М. Хейфецу вопрос Петр Сартаков, отсидевший 30-й год, четвертый срок в лагере. — Откуда у него к своему народу может быть такая жестокость? И зачем русским людям лезть в чужие страны, когда своей земли хватает...» Для Петра Сартакова, для других русских националистов в лагере — ответ очевиден: страной правят евреи.

Феномен, о котором рассказывает М. Хейфец, можно бы назвать побочным действием советской пропаганды. Уже давно антисемитизм стал

важным элементом советской официальной пропаганды. В последние годы он превратился в ее важнейший элемент. На Первомайской демонстрации наряду с изображениями Брежнева несли только призывы к борьбе с сионизмом и нейтронной бомбой. Однако антисемитская кампания в СССР дает неожиданный результат: поскольку годами вдалбливается в головы, что главный враг — евреи, что основная опасность от евреев, и все плохое от них, евреи стали синонимом Зла. И каждый, в ком пробуждается недовольство режимом, немедленно ассоциирует его с евреями. И русские заключенные, показывая М. Хейфецу портреты в газете — портреты Брежнева, Андропова, генерального прокурора Руденко, спрашивали его: неужели, если ты честный человек, ты находишь в них что-то русское? Фамилию какую хочешь можно придумать, а рожу не спрячешь!

С другой стороны, симпатиями русских националистов пользуются враги советского режима. Кто же самый страшный, непримиримый враг? Конечно, Израиль. И рождается симпатия к Израилю.

Быть может, стремлением бороться с этой противостоющей для советских людей симпатией и объясняется в какой-то мере непрерывное нарастание антисемитской-антисионистской кампании. В последнее время в ней, однако, появились и иные ноты. Все чаще в советской печати появляются статьи, в которых говорится о твердой решимости советского народа помочь палестинскому народу. Комментатор «Крисчен сайэнс монитор» Пол Вол, один из лучших знатоков Советского Союза, обратил внимание на совпадение двух дат: Арафат прибыл в Москву 9 марта, а 11 марта был совершен террористический акт в Израиле. «Правда» 10 марта опубликовала фотографию Брежнева и Арафата и заявление Арафата: «товарищ Брежнев — истинный друг палестинского народа и всецело стоит на его стороне».

О том, что заявления этого рода, статьи, фотографии не носят только пропагандный характер, свидетельствует вышедшая в Москве книга Н. В. Покормяка «Армия Израиля — орудие империалистической агрессии». Все в этой книжке привлекает внимание. Начиная с выходных данных — от сдачи в набор до подписания к печати прошло 15 месяцев. Более года рукопись утверждалась, апробировалась, переходя из инстанции в инстанцию. Тираж — 40 тысяч. Следовательно, рассчитана она не на массового читателя, а на специалистов. Книгу издало Военное издательство Министерства обороны СССР.

Подписана книга одним автором, но нет сомнения, что писали ее несколько человек, коллектив, состоящий из специалистов-антисемитов и специалистов-военных. Никогда еще, со времен войны с Германией, ни об одной армии не писали в Советском Союзе с такой лютой ненавистью:

бандиты, звери, пираты, мародеры, убийцы — иных терминов для израильских солдат в книге нет. И в то же время даны сведения о структуре армии, ее составе, мобилизационных возможностях. А в конце приведен даже словарь: воинские звания в израильской армии и перевод на русский язык. Короче говоря, книга Н. В. Покормяка представляет собой справочник для советских военных специалистов, которым пришлось бы встретиться с израильской армией.

Никсон рассказывает в своих мемуарах об угрозе Брежнева послать в 1973 г. во время войны советские войска на Ближний Восток, если израильская армия не согласится на перемирие. Сегодня советскую помощь могут попросить палестинцы Арафата, и «верность принципам интернационализма» может не позволить советским руководителям отказать. И тогда, возможно, пригодится книга Н. Покормяка. Борьба с сионистами выйдет за узкие границы Советского Союза и примет глобальный характер.

Но даже это вряд ли поможет разрешению важнейшей внутренней проблемы Советского Союза. Апрель 1978 г. дал великолепный пример нестремимости национальных чувств, национального сознания. После того, как была, наконец, выработана и принята брежневская Конституция СССР, началась выработка конституций для отдельных республик. В принципе они ничем от общесоюзной не отличаются. На этот раз было решено небольшое различие внести. В марте были опубликованы проекты конституций кавказских республик, в которых, как оказалось, выброшено было упоминание о национальном языке. Зато говорилось в Конституции о необходимости развития всех языков народов СССР и запрещении дискриминации какого бы то ни было из них. Намек был очевиден: развивать необходимо было русский язык и его же запрещалось дискриминировать.

И произошла вещь в Советском Союзе ранее неизвестная. В защиту своего языка выступили грузинские студенты. Тбилисские филологи вышли на улицу, к ним присоединились жители города. Возникла многотысячная демонстрация. Грузины реагировали на проект Конституции не только потому, что национальное движение на родине Сталина — одно из наиболее активных в стране, но и потому, что вице-король Грузии, первый секретарь ЦК партии Шеварднадзе — один из наиболее рьяных проводников русификации среди секретарей ЦК союзных республик. Это ему принадлежит формула, опровергающая космогонию Коперника: «Для нас, грузин, солнце встает не на Востоке, а на Севере, в России».

Демонстрации в Тбилиси перестали быть редкостью. Неожиданностью был пересмотр проекта Конституции после демонстрации. Товарищ Шеварднадзе лично заявил, что, «учитывая демократический характер нашего общества», легче всего «оставить в силе старую формулу». И в

новом проекте Конституции, опубликованном в апреле, статья 75 начинается словами: «государственным языком Грузинской Советской Социалистической Республики является грузинский». Статья кончается словами: «Грузия гарантирует свободу употребления в учреждениях и органах русского и других языков. Нетерпимы никакие привилегии и ограничения».

Власти пошли на некоторые уступки. Но сделали это под открытым давлением масс. Урок Грузии не пропал даром. Новые проекты конституций были опубликованы в Армении и Азербайджане, где демонстраций не было. И армянам и азербайджанцам официально разрешили считать свои языки государственными в Армении и Азербайджане.

8 июня 1978

Есть разные способы писать советскую историю. Самый полный — испытанный А. Солженицыным, — представить историю процессов. Каждый процесс имеет свое лицо, отражает экономическое, внутривнутриполитическое и внешнеполитическое положение страны на день процесса, характер Вождя и его приближенных. В такой истории Советского Союза — ее еще предстоит написать — май 1978 г. займет свое место. В мае, с 15 по 18 — в Москве судили доктора физических наук, члена-корреспондента армянской Академии наук, основателя московской группы наблюдения за выполнением Хельсинкских соглашений Юрия Орлова. Арестованный в феврале 1977 г. Ю. Орлов просидел более года в секретной Лефортовской тюрьме. В ходе следствия первоначальное обвинение звучало: «клевета на советское государство», поскольку, однако, за клевету суд может приговорить к заключению не более чем на 3 года, Ю. Орлова обвинили в «антисоветской агитации и пропаганде», за что полагаются от 6 месяцев до 7 лет и ссылка на срок от 2 до 5 лет.

Ирина Орлова, жена обвиняемого, и двое его сыновей были единственными зрителями в зале суда, не работающими в «органах». Зал был целиком занят сотрудниками КГБ и никому из «посторонних» войти не разрешалось. Ирину Орлову и ее сыновей обыскивали перед входом в зал, раздевая догола, чтобы они не пронесли магнитофон или карандаш с бумагой. Выйдя после первого дня заседаний с суда, Ирина Орлова заявила, что суд — это цирк, правда, для обвиняемого не смешной. Председательница суда отказалась вызвать свидетелей, названных обвиняемым, отказалась удовлетворить все его просьбы. Зато были вызваны все «свидетели» обвинения. Не считаясь с расходами, государство привезло из лагеря в Мордовии двух заключенных, которые заявили, что «условия жиз-

ни в лагере нормальные», спят эски «в больших и чистых бараках», в лагере «есть магазин, в котором продаются разные продукты». Короче — все советские люди не прочь жить, как живут советские заключенные.

Юрий Орлов виновным себя признать отказался. И суд приговорил его к высшему наказанию по статье 70 — к 7 годам лагеря строго режима и 5 годам ссылки. В советской печати, однако, ограничились краткой информацией о процессе над Ю. Орловым.

Одновременно в Тбилиси состоялся процесс над поэтом и переводчиком Звиадом Гамсахурдиа и музыковедом Мерабом Коставой. Их также обвинили в «антисоветской пропаганде и агитации». По сообщениям газет, обвиняемые признали себя виновными. И о них широко пишет грузинская пресса, их — прежде всего Звиада Гамсахурдиа, сына одного из крупнейших грузинских писателей XX В. Константина Гамсахурдиа — «фразоблачат» «Литературная газета» (24.5.78). Звиада Гамсахурдиа заставляют выступать по тбилисскому телевидению. Так сказать, обычный советский цирк.

О Юрии Орлове — молчание. Это, конечно, объясняется поведением обвиняемого, его нежеланием участвовать в цирке. Но не только этим. Французский журналист написал, что если Юрий Орлов совершил недопустимое преступление и вел антисоветскую агитацию и пропаганду, то «следует немедленно обвинить московский городской суд в оказании Юрию Орлову объективной помощи». С точки зрения французского журналиста, поведение московского суда — яркий пример антисоветской агитации. На первый взгляд, это верно. Наглое, вызывающее поведение, издательские насмешки подобранной аудитории над Юрием Орловым в зале заседаний, грубое, хамское поведение милиции перед зданием суда, где собирались москвичи и иностранные корреспонденты, — казалось, все делалось для того, чтобы «вести антисоветскую агитацию». Но, в таком случае, вся история советской власти это — антисоветская пропаганда.

Процесс над Юрием Орловым был организован для Запада, был вызовом Западу, очередной проверкой его возможностей, его политики, очередным маневром, рассчитанным на раскол среди западных политических и государственных деятелей. Наконец, этот процесс был решительным предупреждением Западу — понять, наконец, смысл и содержание т.н. Хельсинкских соглашений. Понять, что Советский Союз все то, что хотел, — получил, и теперь пора перестать об этом вспоминать. Тем более что права человека в СССР защищаются, как известно, гораздо лучше, чем на Западе. И не исключено, что вскоре в Москве будет создан настоящий Комитет Защиты Прав Человека по образцу того, который организовал верный союзник Москвы Иди Амин Дада. Вождь Уганды

включил в свой комитет представителей министерства юстиции, обороны и многочисленных видов угандийской полиции.

Процесс над Юрием Орловым, о котором молчали в Москве, вызвал значительный интерес на Западе. Он даже вызвал кое-где неудовольствие. Но его практическими результатами были (если не считать пощечин, которые Андрей Сахаров и его жена влепили блюстителям порядка перед залом суда, заплатив затем — за удовольствие — 90 рублей): временный отказ британского правительства подписать протокол о советско-английских спортивных связях, протест американского сената, отказ 19 американских физиков выехать на конференцию в Москву, осуждение приговора французскими физиками.

Не стоит недооценивать этих выражений возмущения западного общественного мнения. Но нельзя их переоценивать, ибо в дни процесса Япония, США и СССР достигли соглашения о развитии запасов природного газа в Якутии, что будет стоить не менее 4 млрд. долларов, а американский министр сельского хозяйства Боб Бергланд ездил по Советскому Союзу, где, как министр рассказал, все время повторяли: давайте говорить о сельском хозяйстве, не будем говорить об Африке, Кубе и правах человека. В прошлом году Советский Союз закупил 15 млн. тонн зерна в США. В этом году наверняка не меньше, несмотря на процесс (а процесс над Юрием Орловым лишь первый из запланированного цикла).

Впервые в истории держава, претендующая на мировое господство, не в состоянии удовлетворить элементарные нужды жителей метрополии. И вынуждена обращаться за помощью к своим противникам. Впервые в истории противники помощь оказывают. Советский Союз закупает за границей примерно 15% расходуемого ежегодно зерна, но эти 15% составляют разницу между хронической нехваткой продуктов и голодом.

В мае в «Литературной газете» (19.5.78) была напечатана огромная статья «Горчица в подарок. Заметки писателя о парадоксах прилавка». В ней говорилось о том, что «имеются перебои» в продаже лука, кофе, горчицы, швейных машинок и т.д. и т.п. Автор статьи находит на все объяснения: все недостатки — признаки роста. И с каждым годом становится все лучше: раньше за автомобилями стояли годами, теперь — всего несколько лет, нельзя купить хорошую мебель — идет гигантское жилищное строительство, не хватает телевизоров и холодильников — трудящиеся зарабатывают так хорошо, что расхватывают телевизоры, холодильники, ковры и т.п., как горячие пирожки.

А вот лука или, например, горчицы нет из-за «неумения торговать». В действительности все есть, только не завезли, не туда завезли, сгнили при хранении. В какой-то степени эти успокоительные разъяснения вер-

ны, если понять их как отражение пороков централизованной до безумия плановой экономики. Наиболее убедительным примером неспособности этой экономики прокормить страну являются трудности со снабжением армии. Советские солдаты едят хуже всех европейских солдат, не говоря уже об американских. В романе Владимира Рыбакова «Тяжесть», в рассказах об армии Владимира Войновича изображено полуголодное существование советских солдат, причем еда распределяется по строго иерархической системе.

Без западной помощи нехватку продуктов стали бы ощущать и советские офицеры, а солдаты начали бы голодать.

Хронические экономические трудности, переживаемые Советским Союзом это, как давно уже было сказано раз и навсегда — «трудности роста». Национальные трудности — это «пережитки прошлого», которые социализм должен ликвидировать. В мае тбилисская газета «Заря Востока» опубликовала неопубликованный в центральной печати текст выступления секретаря ЦК КПСС Ивана Капитонова, явившегося в столицу Грузии с удивительной миссией. Он приехал, чтобы успокоить грузин и заявить, что Москва не удовлетворит «многочисленных просьб» абхазцев выйти из состава Грузинской республики и войти в состав Российской республики. Точно неизвестно, сколько из 500 тысяч абхазцев пожелали уйти из-под грузинского ига и перейти под высокую руку Москвы. И можно бы даже понять желание абхазцев иметь Хозяина не в соседнем Тбилиси, а в далекой Москве, если бы появление Капитонова в столице Грузии не напоминало угрозы грузинским националистам. В случае, дескать, выступлений, подобных тем, какие произошли в связи с попыткой отнять у грузинского языка права государственного языка, мы, т.е. Москва, можем легко удовлетворить просьбу абхазцев и ампутировать Грузию, забрать прелестную курортную автономную республику на берегу Черного моря.

О том, что поездка Капитонова была предупреждением, свидетельствует тот факт, что о другом, значительно более остром национально-пограничном конфликте на Кавказе, советская печать не пишет ни слова. Абхазцы и грузины — родственные народы, не знающие традиции междоусобной вражды. Иначе складывались отношения между мусульманами-азербайджанцами и армянами. Не одну книгу можно заполнить эпизодами кровавых погромов, жертвами которых были армяне. В 1924 г., нарезая административную карту завоеванного Красной Армией Кавказа, Москва передала Азербайджану Нахичеванскую область, выделив ее из Армянской республики. Нахичеванская область, населенная в значительной части мусульманами, с Азербайджаном не граничит. В последнее время в Армении все громче раздаются протесты против преследований

армян в Нахичеванской области и требования вернуть ее Армении. Протестующих судят за национализм и отправляют в лагерь.

Есть и другие конфликты. Вышедшая в мае в США книга советского историка Александра Некрича, вынужденного два года назад эмигрировать, посвящена депортации в 1943–44 гг. народов Северного Кавказа и Крыма в Казахстан и Сибирь. Историк назвал свою книгу, написанную на основании советских архивов, «Наказанные народы». В книге, законченной в апреле 1976 г., А. Некрич рассказывает о неизвестных эпизодах борьбы чеченцев и ингушей за свои права уже после разрешения вернуться на родную землю, после реабилитации.

После возвращения ингушей на родину, начавшегося в 1955 г., возникли понятные трения между ними и теми, кто занял их земли, кто жил в их домах. Часть бывшей Чечено-Ингушской республики после ее восстановления была отдана Осетинской республике. В 1958 г. в Грозном драка между молодыми людьми, закончившаяся убийством русского, превратилась в бунт русских против чеченцев и ингушей. А. Некрич приводит текст рукописной листовки, распространявшейся во время волнений: «Товарищи, братья, русский народ! Следуйте примеру народов Иордании и Ирака. Вставайте на борьбу за русское дело! Требуйте изгнания чеченцев и ингушей! Читайте и передавайте дальше. Если не согласны, рвите. Комитет народной защиты». В феврале 1973 г. демонстрацию с требованиями возвращения Чечено-Ингушской республике отнятой у нее территории организовали ингуши, она продолжалась в Грозном несколько дней. Демонстранты ходили с портретами Ленина и Брежнева, с плакатами, напоминавшими слова вождей об интернационализме и дружбе между народами. В Грозный явился председатель Совета Министров РСФСР Соломенцев, руководители демонстраций были арестованы. Потом постепенно забирали просто участников.

В последней главе книги А. Некрич рассказывает о беседах с русскими жителями Грозного. Вы знаете, — сказала ему женщина — очевидец грозненских демонстраций, — что сказал генерал Ермолов о чеченцах? Он сказал, что этот народ перевоспитать нельзя, их можно только уничтожить. И каждый год, — добавила она, — они взрывают памятник Ермолову в Грозном.

Советские руководители «решают» национальный вопрос традиционными методами. Прежде всего — репрессиями, арестами националистов и подозреваемых в национализме. Затем — раздуванием междоусобной розни: азербайджано-армянской, осетино-ингушской, грузино-абхазской и т.д. Но широко используется и чисто советский метод — ложь, полное отрицание существования национальных проблем, утверждение любви всех народов к Старшему Брату, к Первому среди равных.

Делается это, например, так. В Грузии ставится для московского телевидения фильм — экранизация повести Льва Толстого «Кавказский пленник». Это история о том, как два русских офицера, воевавших на Кавказе с предками чеченцев и ингушей, вышедших на демонстрацию в Грозном в 1973 г., попадают в плен. Одному из офицеров удается бежать. И когда после длинного трудного пути он добирается к своим, навстречу выезжают казаки, а гнавшиеся горцы, испугавшись, поворачивают. Так кончалось у Толстого. Телевизионный фильм заканчивается иначе. Убегает русский офицер. Гонятся за ним горцы. Один из них поднимает винтовку. Другой останавливает его руку и восклицает: «Молодец, рус!» «Эти слова горца, — отмечает рецензент, — дань уважения мужеству русского человека». Новый эпизод, — подчеркивает рецензент, — «усилил глубину толстовской философии». Толстой, не подозревавший о любви завоеванных горцев к России, не был, конечно, в состоянии поднять свою философию до необходимой глубины. До зияющей высоты, как сказал бы А. Зиновьев.

Советская печать не пишет о национальных проблемах в СССР, но «национальный вопрос» не сходит со страниц советских газет и журналов. Будущий историк скажет когда-нибудь, что непрекращающиеся призывы к поддержке национально-освободительных движений народов Африки, Азии, Латинской Америки, Европы и других континентов, призывы, потерявшие всякую связь с реальностью народы, которые поддерживались сегодня, завтра превращаются в реакционные, вчерашняя героическая борьба объявляется сегодня орудием империалистической политики, — сыграли важную роль в пробуждении национальных движений в Советском Союзе. Листовка, которую привел в своей книге А. Некрич, хорошо иллюстрирует эту тенденцию. Русских призывают следовать примеру «народов Иордании и Ирака» в борьбе с мусульманами-ингушами. Авторы листовки знали о «народах Иордании и Ирака» только одно: они за что-то там борются.

Александр Солженицын прервал долгое молчание и объявил об издании на русском языке собрания сочинений в 18 томах. Писатель публикует в первоначальном виде свои известные уже произведения, в том числе романы «В круге первом» и «Раковый корпус», а главное — в томах 10–18 напечатает четыре узла своего исторического повествования. Впервые А. Солженицын объявил о том, что оно будет называться «Красное колесо». В него войдут: «Август Четырнадцатого», «Октябрь Шестнадцатого», «Март Семнадцатого» и «Апрель Семнадцатого».

«Август Четырнадцатого» был опубликован в 1971 г., а потом писатель добавил в него главу, посвященную Ленину. В июне 1978 г. «Вест-

ник русского христианского движения», ежеквартальный журнал, выходящий в Париже, опубликовал новую главу из «Августа Четырнадцатого», над которым, видимо, писатель не перестает работать. Новая глава будет, возможно, последней в «узле». В подзаголовке сказано: Этюд о монархе. Глава посвящена Николаю II.

На 100 страницах течет внутренний монолог Николая Александровича, сначала наследника, а потом русского императора, воспоминания о юношеских годах, молодости и зрелости — до августа 1914 г.

А. Солженицын использует тот же прием — иронию, саморазоблачение, которым пользовался при создании портрета Сталина в «Круге первом» и Ленина в «Ленине в Цюрихе».

Перед нами — легкомысленный, слабый, нерешительный, пустой, робкий человек, на плечи которого взвалена совершенно для него непосильная тяжесть — управление империей. Он совершенно не понимает, что он должен делать, как следует поступать, его раздражает лишь одно — почему отрывают его от спокойной жизни с любимой женщиной, императрицей Аликс, от охоты, поездок по морю какими-то глупыми, непонятными докладами, спорами министров, демонстрациями и войнами. Писатель не добавляет ничего нового к портрету Николая II, известному по дневникам, письмам, воспоминаниям современников. Да и не был последний русский император сложной фигурой. Быть может, больше, чем историки и писатели, писавшие о России XX в., настаивает А. Солженицын на роковой роли дружбы с Вильгельмом II, на коварстве германского императора, обманывавшего русского царя, безгранично верившего своему немецкому кузену.

Портрет Николая II, написанный мастерской рукой, приобретет особую силу в романе, где он встанет рядом с портретом Ленина. Два протагониста, два основных персонажа русской трагедии 1917 г.

Контраст между ними придает «Августу Четырнадцатого» особую выразительность.

20 июля 1978

Мировая печать предложила по крайней мере десятков объяснений, причин, по которым советские власти выбрали июль 1978 г. для организации процессов одновременно в разных уголках необъятной страны. Объяснения самые разные: вызов США, приуроченный к встрече Громыко и Вэнса в Женеве, желание очистить атмосферу накануне Олимпийских игр в Москве в 1980 г. и т.д. и т.д. Среди множества объяснений нет

очень важного: ровно 60 лет назад, почти день в день, сначала Троцкий, а потом сразу же Ленин официально объявили о существовании в новом революционном государстве — Советской республике — новой карательной меры — концентрационных лагерей. Можно, следовательно, считать июльские процессы в Советском Союзе юбилейными, отмечающими 60 лет существования концлагерей.

7 июля агентство ТАСС известило иностранных корреспондентов, что 10 июля в Москве открывается процесс над «гражданином А. Б. Щаранским», о ходе которого иностранных корреспондентов будут информировать в другом конце Москвы два раза в день. В этот же самый день — 10 июля — в Калуге, в 160 км от советской столицы, открылся процесс над Александром Гинзбургом. В Вильнюсе в это же время начался процесс над Виктором Пяткусом, членом литовской группы по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений. Несколько дней спустя на Украине, в маленьком городке Городня, предстал перед судом член украинской группы Лев Лукьяненко. И в это же время военная коллегия Верховного суда РСФСР приступила к рассмотрению дела по обвинению Анатолия Филатова в шпионаже в пользу неназванного иностранного государства.

Анатолий Щаранский обвинялся в шпионаже и передаче иностранным разведкам государственных секретов, Александр Гинзбург обвинялся в «антисоветской агитации и пропаганде», выразившихся в том, что он стал распорядителем фонда помощи политзаключенным и их семьям, созданного А. Солженицыным, и распространял «Архипелаг ГУЛАГ», в антисоветской деятельности обвинялись также Виктор Пяткус и Лев Лукьяненко.

Во время Французской революции впервые была испробована система, названная «амальгама»: вместе с Дантоном судили воров, фальшивомонетчиков, убийц. Организаторы советских «июльских процессов» обновили систему «амальгамы» — настоящий шпион Анатолий Филатов (хотя и в этом случае трудно что-либо утверждать) судился одновременно с диссидентами.

Особенность «июльских процессов» — отказ обвиняемых диссидентов признать себя виновными. Как Юрий Орлов в мае, так в июле А. Щаранский, А. Гинзбург, В. Пяткус, Л. Лукьяненко отказались признать себя виновными в преступлениях, в которых их обвинял советский суд. Во всем остальном «июльские процессы» ничем не отличались от обычных, так сказать нормальных советских процессов. Были закрытыми для родных и друзей обвиняемых, для иностранной печати, зал заполнялся сотрудниками органов. Суд не давал обвиняемым говорить, а зал делал все, чтобы помочь судье и прокурору: прерывал обвиняемого, оскорблял его, угрожал. И это было как нельзя более нормально. Один из немногих друзей Ленина Влади-

мир Бонч-Бруевич рассказал в своем мемуарах о том, как в январе 1918 г. в первый — и последний — день работы Учредительного собрания, матросы, введенные в зал заседания, кричали, издевались над председателем социалистом-революционером Виктором Черновым, пугали его, прицеливаясь из винтовок. И когда Бонч-Бруевич, приказавший ввести 200 матросов в зал, попросил наиболее активных слегка утихомириться, они ответили: «Ну что же? Раз папаша говорит, что нельзя, так нельзя». «Папашей» они называли Ленина. В июле 1978 г. «папаша» разрешил, и в зале суда кипели страсти.

После вынесения приговоров Щаранскому — тринадцать лет заключения, Гинзбургу — 8, Пяткусу и Лукьяненко — по 10 лет зал, точнее, залы — в Москве, Калуге, Вильнюсе, Городне — взрывались и кричали — всюду одинаково: «Мало! Расстрелять!»

«Июльские процессы» занимают в истории советских процессов, а следовательно, в советской истории особое место в связи с целым рядом их особенностей. Прежде всего обвиняемые отказались признать себя виновными. Это уже не уникальный случай. Уже в 1965 г. А. Синявский и Ю. Даниэль отказались сотрудничать с судом. Но это еще и не правило. Советским органам еще удастся ломать немало арестованных диссидентов. Отказом обвиняемых признать свою «вину» объясняется и герметическая закрытость процессов. Следующая особенность — исключительная жестокость приговоров. В западной прессе по окончании процессов немало писалось о том, что все же это «не сталинские времена», когда заключенных сразу же расстреляли бы. Западная пресса была — как и присутствовавшие на процессах — как бы несколько недовольна «мягкостью» советских судей.

Не следует забывать, что даже при Сталине не всех расстреливали. И стоит помнить, что при проклятом царском режиме Чернышевский — вождь русского революционного движения — был приговорен к 14 годам каторги, а потом срок был сокращен наполовину в 1902 г. Сталин — активный деятель подпольной революционной организации — был приговорен к ссылке на 3 года, а в 1913 г. тот же Сталин после многократных побегов был приговорен к 4 годам ссылки. Ровно 4 года ссылки получила в июне 1978 г. в Москве Ида Нудель, протестовавшая против отказа выдать ей разрешение на выезд в Израиль, а за это же преступление в тот же день Владимир Слепак получил 5 лет ссылки. Нет нужды добавлять, что царская ссылка была курортом по сравнению со ссылкой брежневской.

И, наконец, еще одна особенность «июльских процессов»: о них почти ничего не пишет советская печать. В «Правде» 19 июля была опубликована небольшая статья под скромным названием — «По поводу одной шумихи». Некто В. Большаков (как принято говорить: настоящее имя известно редакции) рассказывает, что вот ему «довелось побывать на процессах и по делу

А. Щаранского, и по делу А. Филатова, проходивших в Москве одновременно с 10 по 14 июля». Для Большакова, побывавшего на этих процессах, хотя они и проходили одновременно, все ясно и просто: судили двух шпионов (о других процессах он не упоминает ни словом). Причем по поводу Филатова Запад молчал, а по поводу Щаранского «развернул беспрецедентную антисоветскую кампанию», утверждая, что судят А. Щаранского будто бы за «убеждения» и за «национальность». За какую национальность — автор статьи в «Правде» не объясняет. Читатель должен понимать — одна есть национальность, за которую можно — и нужно! — судить. Статья в «Правде» заслуживает внимания не только потому, что это единственный «отклик» на «июльские процессы», но и потому, что адресована она прежде всего Западу, а не советским читателям. Есть в ней намеки, понятные лишь тем, кто мог знакомиться с подготовкой процессов по западной печати. Упоминаются, например, «люди весьма высокого положения», заявляющие: «обвинение Щаранского в шпионаже — это ложь». Советским читателям не было сообщено, что заявил это президент Картер. Упоминается, что «в антисоветскую кампанию, развязанную реакционными кругами в западных странах, увы, дали себя вовлечь и представители некоторых демократических организаций». Советским читателям не сообщали, что эти «демократические организации» — западные компартии — в том числе итальянская и даже французская — резко критиковали «июльские процессы».

Советский народ, конечно, кое-что, вернее, самое главное — о процессах знал: на различных собраниях, лекциях, информационных докладах ему сообщили, что диссиденты, они же евреи, являются агентами иностранных разведок. Сегодня, конечно, многие — в отличие от сталинского времени — слушают несоветское радио и могут получить тем самым дополнительную информацию. Нельзя не признать, однако, что формула советской пропаганды: евреи = диссиденты = шпионы — гораздо проще и доступнее логических аргументов западной печати и радио. Совершенно очевидно, однако, что для распространения этой формулы не нужны процессы, вызвавшие такой шум на Западе.

Зачем были нужны процессы? Читая многочисленные и самые разные ответы на этот вопрос, я вспомнил известный советский анекдот. В комнату в московском общежитии входит девушка и, видя, что ее подруга стоит, о чем-то задумавшись, спрашивает: что с тобой, Варя? — Знаешь, — отвечает Варя, — только что прибежал Петька, повалил меня на кровать, изнасиловал и убежал. Что он хотел этим сказать?

Западные общественные и политические деятели, западная печать, стоят, задумавшись, как Варя, и задают тот же самый вопрос: что же хотел сказать Брежнев?

В прошлом году с колоссальным успехом прошел фантастический фильм Стивена Спилберга «Встреча третьего типа». Астрономы различают три типа «встреч» между жителями Земли и обитателями иных планет: встреча первого типа — радиоволны, световые сигналы, второго типа — летающие блюдца, третьего типа — открытое появление пришельцев из Космоса. Американский режиссер рассказывает о встрече третьего типа — в земном небе появился космический корабль, явившийся из далекой солнечной системы. Но как с ним общаться? Нет общего языка между земной и внеземной цивилизациями. В конце фильма обнаруживается, что основой общего языка могут быть музыкальные звуки, музыка.

Можно по-разному относиться к Советскому Союзу, но для каждого непредубежденного наблюдателя сегодня ясно, что за 60 лет там создана специфическая цивилизация, непохожая на западную. Создана особая цивилизация со своим языком, с людьми, обладающими особым менталитетом. На Земле существует сегодня неземная цивилизация, с которой Запад не может — не хочет — найти способ коммуникации.

«Июльские процессы» — в этом их основной смысл, как мне кажется, — говорят Западу на языке советской цивилизации: Хельсинкский период истории, т.е. период послевоенной истории мира закончился. Результаты второй мировой войны подведены в Хельсинки и пора перестать об этом говорить. Пора начать говорить о следующем этапе, пора начать переговоры о разделе мира, лежащего за границами советской сферы, утвержденными в Хельсинки. Советский Союз передает Западу, следует, конечно, говорить, Соединенным Штатам, простой и недвусмысленный «мессаж»: стратегия СССР — перманентная экспансия. А. Косыгин так прямо и заявил летом этого года супруге президента Филиппин Имельде Маркос: «Звезда США закатывается... Советский Союз и его союзники будут в 80-е годы контролировать большую часть мира...» Конечно, нельзя так прямо — во всяком случае, это было не по-советски — заявить американцам: вам пришел конец, руки вверх. Им поэтому говорят с помощью процессов диссидентов. 18 июля в Москве впервые в истории советско-американских отношений судили корреспондента «Балтимор сан» Геральда Пейпера и корреспондента «Нью-Йорк таймс» Крейга Уитни. Судили за статьи, опубликованные в США, обвиняя в «грубой клевете в адрес Гостелерадио СССР». На этот раз на суд, как рассказывает «Правда» (19.7.78), были приглашены не только советские журналисты. А в качестве свидетеля был привезен из Тбилиси осужденный в мае грузинский диссидент З. Гамсахурдиа, согласившийся признать себя виновным. Как известно, в Советском Союзе на корреспонденции, высылаемые иностранными журналистами из СССР, нет цензуры. Но... Все, что

они пишут, читается и учитывается. Однако если раньше тех, кем Советская власть была недовольна, высылали из страны под разными предлогами, впервые журналистов привлекли к суду. И осудили на публикацию в 5-дневный срок опровержения, а в 10-дневный срок уплаты судебных издержек — в долларах! — в размере 1647 на брата.

Видимо, совершенно потеряв надежды на то, что американцы поймут, что же им хотят сказать, их начали бить. Причем не в фигуральном выражении этого слова, а в буквальном. Начали бить дипломатов, журналистов, приезжающих с визитом ученых. Когда в США поймали двух советских шпионов, в Москве работники КГБ напали на американского бизнесмена, представителя гигантской фирмы, торгующей сельскохозяйственными машинами, вытащили несчастного американца из машины и обвинили в шпионаже. Теперь придется менять его на советских агентов.

И тем не менее американские государственные, политические, экономические деятели не понимают, чего от них хотят. Что им говорят. Правда, нынешняя американская администрация ведет политику настолько непоследовательную, странную, а некоторые ее представители выступают с такими заявлениями (знаменитое выступление Эндрю Янга о том, что в США в заключении находятся сотни, а то и тысячи политзаключенных, в течение недели украшало советские газеты), что впервые можно уверенно сказать, что Ленин по крайней мере один раз был прав: каждая кухарка может управлять государством. Следует признать, что Ленин не говорил, как она будет управлять.

Советская печать давно уже завела на своих страницах «красную доску» для хороших американских государственных и политических деятелей, бизнесменов и «черную» — для плохих. О решении президента Картера запретить продажу гигантского компьютера советскому агентству печати «Новости» и ввести лицензии на продажу нефтяного оборудования «Правда» сообщила в заметке, в которой были изложены критические взгляды представителей американских торговых кругов, резко осуждавших решение Картера, ибо «жесткий курс, — по словам, якобы, «Крисчен сайенс монитор», — наносит вред» только США. Почетное место на «черной доске» занимает Збигнев Бжезинский. Большая статья, посвященная ему в «Правде» (24.7), объявляет помощника президента США автором «концепции конфронтации», проповедником «теории естественности международных конфликтов», человеком, который «хладнокровно публично рассуждает» о том, что в результате ракетно-ядерной войны «погибло бы примерно 10% человечества». Автор статьи, разоблачая бездушные проф. Бжезинского, цитирует ответ, данный помощнику американского президента лично тов. Брежневым, который «никому, ни одному человеку

не желает попасть в эти «десять процентов». Вывод из статьи: бесчеловечный поджигатель войны Збигнев Бжезинский своими «теориями и рекомендациями, несомненно, приносит немалый ущерб делу разрядки».

Экспансионистская, самоуверенная внешняя политика СССР кажется, с точки зрения западной цивилизации бредовой, алогичной, если обратиться к внутреннему положению страны, к нерешенным, а возможно, и неразрешимым проблемам.

В те самые июльские дни, когда судьи, не покладая рук, судили диссидентов, Центральный комитет партии собрался на пленум для разговора о сельском хозяйстве. Как известно, разговоры эти идут уже 40 лет и все с тем же результатом: советская супердержава не может себя прокормить, хотя занимает первое место в мире по размерам пахотной земли, хотя около 40% населения работает в сельском хозяйстве. Отсталая, нищая Индия смогла добиться урожаев, обеспечивающих ей удовлетворять свои нужды в зерне. А передовая колхозно-совхозная механизированная советская держава вынуждена покупать хлеб. На июльском пленуме Брежнев повторял то, что он говорит уже 13 лет. Требовал поднажать, поднатужиться и «устранить слабые места». И, как полагается, похвастался успехами: средний урожай в 1971–77 гг. был 190 млн. тонн зерна по сравнению со 128 тоннами в 1959–65 гг. На 1981–85 гг. Брежнев наметил средний урожай в 238–243 млн. тонн.

Брежнев, понятно, не говорил о том, что и при 190 млн. тонн и даже при рекордном урожае Советский Союз должен покупать хлеб. Брежнев не говорил о проблеме, которая стала сегодня в советском сельском хозяйстве важнейшей. Корреспондент американского агентства UPI Эмиль Свелис два года проработал и прожил вместе с семьей в Ленинграде, где он был единственным западным журналистом. Он смог увидеть то, чего не видят обычно иностранные корреспонденты. Он рассказывает, в частности, о разговоре с советским инженером, приехавшим из маленького провинциального городка. Там, — рассказывал инженер, — годами не видели в магазинах мяса. И если бы не приусадебные участки, в провинции был бы голод, не менее страшный, чем в 1922 г. В 1922 г. погибло, по самым скромным подсчетам, не менее 5 млн. человек. Спасают от голода только приусадебные участки — как в колхозах, так и в провинциальных городах. Они занимают 3% общей сельскохозяйственной площади страны и дают треть всей продукции. Год назад в «Литературной газете» (24.8.1977) В. Тихонов в статье «Маленький участок у порога» указал на значение «маленького участка» и на проблемы, связанные с ним. Советский человек может прожить без мяса. Жили ведь ирландцы в XVIII и XIX вв. без мяса, на одной картошке. Ирландцы тоже умирали от голода,

когда картошку в конце 40-х годов прошлого века поразила болезнь. 40% советского картофеля дают приусадебные участки. Было время, при Сталине да еще и при Хрущеве с ними велась борьба, их ликвидировали, сокращали площадь. Сегодня, как указывает В. Тихонов, советское правительство обеспокоено сокращением их площади и размеров продукции. В 1965 г. они давали 32% всей с/х продукции, а в 1975 г. — 28,3%. Проблема заключается в том, что старики, обрабатывающие «маленькие участки» вымирают, а молодежь работать на них не хочет.

Что делать? Ведь даже очередная победа, на этот раз над «контрреволюционными группировками, действующими в Эритрее», как пишет «Правда», не увеличит производства картошки в СССР. Что делать?

Остается одно: надеяться на чудо. Мне приходилось уже писать, что вся история Советского Союза — это история ожидания чуда, начиная с 25 октября 1917 г., когда Ленин ожидал чуда — революции в Германии. Советская история убедительно показывает, что чудеса есть.

Вот и сейчас. 1 августа 1978 г. Кристина Онассис превратилась в московском Дворце бракосочетаний в Кристину Аристотелевну Каузову, принесшую в качестве приданого своему супругу второй в мире частный торговый флот, оцениваемый в 500 млн. долларов. Любопытно, что ровно 70 лет назад уже случилось чудо подобного рода. Как пишет Н. Крупская в своих мемуарах: «В это время (конец 1908 г.) большевики получили прочную материальную базу». «Базой» этой были примерно 200 тыс. рублей золотом, принесенные в приданое богатой московской наследницей, на которой по приказу партии женился тов. Виктор Таратута. Тов. Виктор не был человеком, достойным во всех отношениях, но когда старый большевик Н. Рожков указал на этот факт Ленину, вождь партии возмутился: «А вы женились бы на богатой купчихе? Нет. И я тоже не женился бы. А Виктор женился». Причем даже отдал деньги в партийную кассу.

Как поступит тов. Каузов, молодой супруг Кристины Аристотелевны, еще неизвестно. Дело, однако, не в нем. А в ней. Любовная история наследницы Онассиса, «любовь-стори», как назвал ее французский журналист, представляется мне символичной. Молодая, не безобразная, богатая европейка выбирает себе в мужа человека на 10 лет старше ее, со стеклянным глазом, с вставными (правда, золотыми) зубами. Некоторое время назад подобный случай уже произошел: бык похитил Европу. Быть может, судьба Кристины Онассис, ставшей Кристиной Каузовой, предвещает судьбу всего западного мира?

Среди новых мыслей председателя Мао, опубликованных уже после его смерти, особенно поражает своей глубиной и мудростью одна: не бо-

яться схватить тигра за задницу. Возможно, тов. Каузов читал Мао Цзэдуна. Стоило бы посоветовать почитать его, например, президенту Картеру.

11 сентября 1978

Охотничий сезон в Советском Союзе продолжается: волна процессов, начавшаяся в июле, захватила и август, и сентябрь. В августе к 5 годам ссылки был приговорен Александр Подрабинек, составивший книгу, посвященную новейшим случаям использования психиатрических лечебниц для борьбы с диссидентами. В сентябре судили американского бизнесмена Френсиса Кроуфорда. Но о нем позже. Главным обвиняемым в сентябре был Китай. Судили его всенародно в печати, на радио, телевидении. О процессах над диссидентами кроме статьи в «Правде» можно было прочесть еще два слова в заметке в «Литературной газете» (№ 30), начинавшейся словами: «Недавно в нашей стране, как известно, состоялись судебные процессы над несколькими советскими гражданами». Далее утверждалось, что преступников судят всюду, например во Франции, где судили как раз в июле бретонских автономистов (автор заметки, разумеется, не написал, что их судили за террористические акты), и говорить об этом нечего. О Китае писали ежедневно: за поездкой Хуа Го-фена по Балканам и в Иран следили с тревожным вниманием. С тем большим вниманием, с тем большей тревогой, что 12 августа Советский Союз потерпел жестокое дипломатическое поражение: Китай и Япония подписали, по выражению «Правды», «так называемый «договор о мире и дружбе». Статья Б. Орехова в «Правде» (18.8) называется «Рискованный шаг». Японская дипломатия, отвечает автор статьи, «долгое время не поддавалась попыткам приковать Японию к антисоветской колеснице». Положение коренным образом изменилось «после визита Бжезинского в Пекин, а затем в Токио». Объяснив, как получилось, что Япония все же позволила себя «приковать» — заставил ее Бжезинский! — Б. Орехов заявляет: «Наша страна не вмешивается во внутренние дела других стран. Подобное вмешательство чуждо принципам нашей политики...» Однако... «Но, — как пишет Б. Орехов, — содержание подписанного в Пекине японо-китайского договора явно выходит за рамки двусторонних отношений. Вот почему Советский Союз не может оставаться безучастным к происходящему». И Б. Орехов показывает палку: «Его суверенное право — принять в сложившейся ситуации такие меры, какие он сочтет необходимым для защиты своих интересов».

И сразу же после подписания и ратификации договора Хуа Го-фен отправился в свое путешествие. В ежедневных коммюнике ТАСС повторя-

лось одно и то же (со ссылками на «западную печать»): западная печать «делает особый акцент на стремлении Китая внедриться на Балканы» (21 августа); поездка в Македонию рассматривается корреспондентами, «как направленная на обострение отношений между социалистическими странами на Балканах» (24) и т.д. Не ограничиваясь коммюнике ТАСС, «Правда» опубликовала собственный комментарий, подписанный «Обозреватель» и озаглавленный: «Близорукая и опасная политика», «Обозреватель» «раскрывает» «подлинные планы китайских лидеров»: «попытаться сколотить антисоветский альянс, подорвать единство социалистических государств, торпедировать достигнутый уровень разрядки в Европе...» (24.8).

Статья «Обозревателя» тоже не была еще последним словом. Приговором прозвучало сообщение о заседании Политбюро по международному положению, опубликованное 27 августа. Как известно, публичное оглашение решений Политбюро производится лишь в редких случаях.

Политбюро ЦК КПСС изложило свое отношение к международным проблемам после «дружеских встреч», состоявшихся в Крыму между Брежневым и генеральными секретарями компартий: Гусаком, Хонеккером, Кадаром, Герекком, Чаушеску, Живковым и Цеденбалом. Встречи эти происходили на протяжении июля–августа: Брежнев, отдохнувший в Крыму, принимал вассалов. Раз в неделю на первой странице «Правды» внизу появлялся тот же самый снимок, сделанный тем же самым фотографом В. Мусаэльяном: стол — слева Брежнев, рядом с ним новый фаворит, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро К. Черненко, еще кто-нибудь, справа — какой-нибудь из вассалов. Если бы не подписи, то разобрать почти невозможно, настолько они похожи. А над фотографией — большими буквами: «Дружеская встреча», а под заголовком текст сообщения. За одним исключением и тексты одинаковы, заканчивающиеся словами: «Беседа прошла в дружеской, сердечной атмосфере и характеризовалась полным единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам». В одном лишь случае сказано: «Встреча прошла в откровенной и дружественной обстановке» — это итог встречи с Чаушеску.

Сообщение Политбюро без упоминания о каких-либо разногласиях представляет советскую политику, как политику всех крымских гостей, причем «на ближайшую и более отдаленную перспективу». Упоминание о НАТО, о «рекордном военном бюджете США» сделаны мимоходом, как нечто малозначительное. Главное: «Политбюро ЦК КПСС подчеркивает серьезную опасность, которую представляют для дела мира и социализма действия нынешних руководителей Китая».

В осуждении китайской политики сквозит горькое сожаление, что «нынешнее руководство», «пекинские лидеры» отказались от политики

изоляции, которая велась в Китае в годы т.н. культурной революции. Можно предположить, что московские лидеры надеялись, что в Пекине после смерти Мао удержатся у власти наиболее радикальные его последователи. «Различные персональные изменения в китайском руководстве», как выражается «Правда» (27.8), оказались, видимо, для Москвы неприятной неожиданностью.

«Дело» американского бизнесмена Кроуфорда — один из наиболее интересных спектаклей, поставленных в Москве за последние годы (можно думать, что сам Кроуфорд, арестованный на улице, просидевший две недели в Лефортовской тюрьме, в течение нескольких месяцев регулярно ходивший на допросы в КГБ, так не считает). В один прекрасный (!) день выхватывают из автомобиля почтенного дельца, представителя как нельзя более почтенной фирмы, торгующей сельскохозяйственными машинами, и обвиняют его в фантастическом преступлении: в незаконном обмене долларов на 20 тыс. рублей.

По странному совпадению арестовали его на следующий день после ареста в США двух советских агентов, схваченных с поличным. На суде в Москве в присутствии иностранных журналистов Кроуфорд легко доказал полную лживость обвинения. Это, разумеется, никакого значения для суда не имело, и американец был приговорен к 5 годам лагеря, но, как сформулировал судья, учитывая, что Кроуфорд воспитывался в кошмарных капиталистических условиях, и что сельскохозяйственные машины, которые продает «Харвестер интернешнл», нужны советской стране, приговор условный. Несчастный бизнесмен на второй день покинул гостеприимную родину социализма.

Спектакль удался постановщикам на славу. Уже давно в советской юстиции стало широко употребляться выражение: «подобрать преступника». Происходит, например, где-нибудь зверское преступление, скажем, изнасилование, убийство, вызывающее возмущение населения. Следственные органы не могут найти виновника. Тогда им дается указание: подобрать преступника. Арестовывается человек, который должен совершить преступление: плохо работает, недисциплинирован, даже (поступали сигналы) позволяет себе иногда критические замечания в адрес власти. Подбирается по возрасту, лучше молодой (осуждение дает больше воспитательного эффекта), по национальности.

И потом «преступник» осуждается — на 15 лет, к смертной казни. Немало рассказов об этом можно найти и в советской печати: всегда это рассказы — об исправленной ошибке, о реабилитации. Легко представить сколько же не реабилитированных. Френсис Кроуфорд был подобран очень хорошо. Только фирма, в которой он работал, робко пыталась его

защищать: другие американские фирмы в Москве (и в США) не только не выступили в защиту коллеги, но начали тянуть к себе контракты «Харвестер интернешнл».

Много раз мне приходилось писать о том, что вернейшей опорой Советской власти является капиталистическая Америка. Давно уже не произошло это так ярко, как в летние месяцы 1978 г. Арест Кроуфорда был сделан как бы прямо по заказу американских дельцов. Он дал им замечательный аргумент в борьбе с робкими попытками Картера применить экономические санкции против Советского Союза. Едва президент США наложил вето на продажу Советскому Союзу счетно-вычислительной машины и заявил о возможности отказа продажи нефтяного оборудования, в Москву поспешил лучший друг Брежнева американский миллионер, кавалер ордена Октябрьской революции товарищ Арманд Хаммер. 25 августа он побывал и в Крыму, а сообщение о приеме Брежневым друга «Правда» поместила там же, где обычно публикуется информация о «дружеских встречах» с коммунистическими лидерами. Незадолго до визита миллионера Хаммера на родину пролетариата, корреспондент «Литературной газеты» рассказал о своей встрече с ним и с другими товарищами миллионерами в США. Корреспонденции (№№ 31–33) выглядят как «ху из ху?» друзей и защитников советских интересов в США, причем корреспондент захлебывается от восторга, сообщая каждый раз возможности друзей: «активы компании — 3,6 млрд. долларов», — это про компанию «Кока-кола», которая во время Олимпиады в Москве будет поить всех желающих, а уже с будущего года станет производить в СССР оранжад «Фанта»; «активы 82 млрд. долларов» — это про «Бэнк оф Америка», который «сохраняет тесные связи с американскими организациями»; «активы свыше четырех миллиардов долларов и сумма продажи в прошлом году более шести миллиардов» — это про товарища Арманда Хаммера, который поведал корреспонденту, что «был очень тронут столь высокой наградой (орденом Октябрьской революции, «которым часто награждают иностранных коммунистов и которого никогда прежде не удостоивался иностранный бизнесмен») и письмом Леонида Ильича Брежнева. Это выдающийся лидер и в то же время простой, теплый человек, человек сердца...»

Так о Брежневе говорит, по-моему, только еще генеральный секретарь Болгарской компартии товарищ Живков...

Отец Хаммера, один из основателей американской коммунистической партии, думал, видимо, что поможет Советской республике, произведя революцию в США. Сын его нашел значительно более эффективный способ помощи. Можно быть уверенным, что если бы папе Хаммеру удалось сделать в США пролетарскую революцию, сын Хаммер никогда не смог

бы подписать «делку века»: контракт на 20 млрд. долларов с предоставлением СССР дешевого кредита.

Советская печать запестрела сообщениями о поддержке единого фронта американских банкиров и промышленников стране «зрелого социализма». Под заголовком «Речь, с которой было бы полезно ознакомиться президенту США» «Литературная газета» (№ 30) напечатала выдержки из выступления заместителя помощника министра торговли США, в которой развернуты «заманчивые перспективы развития сотрудничества с Советским Союзом». Не исключено, что Джимми Картер послушался «Литературной газеты», прочитал статью и разрешил продажу нефтяного оборудования, в котором нуждается советская нефтяная промышленность.

Коронный аргумент советской пропаганды в пользу «развития сотрудничества США с Советским Союзом»: сотрудничество такое, торговля с Советским Союзом нужно исключительно США, Москва торгует с Вашингтоном, берет там кредиты лишь для того, чтобы помочь американскому пролетариату, американской экономике.

Советскому Союзу лично для себя ничего не нужно. Страна «зрелого социализма» уже достигла вершин.

Суд над Френсисом Кроуфордом позволил иностранным журналистам написать несколько статей для своих читателей о странном советском рубле, который, как они обнаружили, является единственной в мире валютой, за которую в ее собственной стране не принимают в оплату за товары и услуги. (Видимо, журналисты эти не видели других соцстран). То, чего нельзя купить за рубли, легко покупается за доллары, марки, фунты и т.д. Именно этот странный факт, неизвестный пока капитализму, позволил иностранным корреспондентам впервые прийти к единодушному мнению, что американский бизнесмен невиновен. Обычно, когда они общаются о процессах в Советском Союзе, всегда в их корреспонденциях есть тень сомнения: а может быть, по законам этой страны... На этот раз иностранцы, побывавшие в Москве, знали твердо: нормальный человек (сомнений в нормальности Кроуфорда не было даже у советского судьи) не станет приобретать на доллары 20 тыс. рублей, на которые купить ничего нельзя.

А чего нельзя купить за рубли в Советском Союзе можно узнать из статьи в «Литературной газете» (36), опубликованной за день до вынесения приговора Кроуфорду. В числе многих других вещей нельзя, например, купить горчицу и нитки. Но зато, хотя все читатели газеты жалуются на отсутствие модной одежды, оказывается, вопросами моды, изучением вкусов потребителя занимаются в Советском Союзе 2 млн. человек.

В этом отношении страна «зрелого социализма» занимает первое место в мире, возможно, что моду изучают в ней больше людей, чем во всех других странах вместе взятых (это, кстати, одно из объяснений отсутствия в СССР безработицы). Трудно купить и более простые вещи, чем горчица, нитки, модная одежда. Имеются временные трудности и с картошкой. Но снова «Литературная газета» сообщает, что «более полугода в редакцию идут письма о «картошке» (30). Это еще одно свидетельство подлинной демократии, царящей в Советском Союзе: все имеют право давать советы, что делать с картошкой: как ее собирать, как ее хранить, как ее продавать. Не говоря о том, что в рамках зрелого демократизма в сентябре—октябре каждого года миллионы горожан — от простых рабочих до докторов наук обязаны ехать в колхозы и совхозы, чтобы копать картошку. Которой потом не будет в магазинах. О чем можно будет написать в газету.

Редактор «Литературной газеты» сказал как-то, что она является советским Гайд-парком, в ней позволено пожаловаться на неизжитые еще недостатки, мелкие. После появления жалоб в газете отсутствие картошки, ниток, горчицы становится менее ощутимым. К тому же есть надежда: Арманд Хаммер, может быть, пожелает вместо строительства химических заводов заняться советским сельским хозяйством.

Надежды, как заметил великий русский поэт, «юношей питают, отраду старцам подают». Советская власть всегда очень рассчитывала, что поставлять надежду будет литература. Долгое время так и было, но в последние годы, как известно, некоторые писатели почувствовали себя тесно в клетке. Я имею в виду даже не тех, кто открыто поломал решетки: Солженицына, Максимова, Синявского... Их вынудили покинуть страну. Но появились писатели, остающиеся на родине, пишущие свободно и отправляющие свои рукописи за границу. Достаточно здесь назвать В. Войновича, Г. Владимова, В. Ерофеева, А. Зиновьева (в августе 1978 г. он выехал на Запад). Пример этих писателей, успех их книг разлагающе подействовал на тех их коллег в Советском Союзе, которые признают свой талант и убеждены, что их книги, изданные без цензурных ограничений, могли бы иметь успех. Опасаясь, что и те писатели (из числа талантливых), которые еще публикуются в советских издательствах, т.е. соглашались на соавторство Советской власти, отдадут свои рукописи на Запад, руководители советской культуры решили воспользоваться техникой советской торговли.

Было дано разрешение на создание двух литератур: валютной и рублевой. Валютная литература — это книги писателей, издаваемые одновременно в Советском Союзе и на Западе, но в разном виде. Впрочем, не-

давно советское Литературное агентство продало французскому издательству две повести Василия Аксенова, которые разрешения на публикацию в Советском Союзе не получили. Как правило, однако, писатель издается и там и там. Вот, например, московское издательство «Советский писатель» издает роман Фазиля Искандера «Сандро из Чегема» (тираж очень небольшой — 30 тыс.), а в США выходит тот же роман, но с великолепной главой о Сталине, которую советская цензура зарезала. Выходит в Ленинграде роман Андрея Битова, обрезанный до безобразия, а в США он выходит под названием «Пушкинский дом» — полностью. Таким валютным магазином по продаже советской литературы для обладателей долларов (в Москве магазин этот называется «Березка»), американской «Березкой» стало издательство «Ардис».

Возникновение «Березок» для торговли продовольственными товарами, как и возникновение «Березки» для торговли литературной «продукцией» — свидетельство кризиса. И можно только приветствовать полную публикацию, например, и «Сандро из Чегема» и «Пушкинского дома» — книг, заслуживающих внимания. Дело в том, однако, что за привилегии приходится платить. Один из «валютных писателей» — Юрий Трифонов — заплатил за разрешение побывать в США, где подписал контракт и на издание своих книг, интервью, которое он дал «Иностранной литературе» (№ 6, 1978). В этом интервью он сообщил, например, что на вопросы американских студентов о «так называемых диссидентах» он отвечал обычно: «как писатели они, я считаю, погибли, что вне родины писать невозможно», он пренебрежительно отозвался о книгах, «получивших одиозную скандальную политическую известность». Весьма положительное впечатление вынес Ю. Трифонов от встречи с главным редактором издательства «Саймон энд Шустер», которое издало книгу «Леонид Брежнев. Страницы жизни». Это же самое издательство издаст две книги Трифонова.

Быть может, однако, Ю. Трифонов платит советской власти и по-другому — в своих книгах: в знаменитом романе «Дом на набережной», напечатанном два года назад в журнале «Дружба народов», в последнем своем произведении — исторической повести «Старик» («Дружба народов», № 3, 1978). Размышляя о революции, гражданской войне, крестьянстве, Ю. Трифонов — по каплям — сочит неправду, выбрасывает имена нелюбезные цензорам, вставляет те, какие нужно. Известно, что когда кассирша в магазине ошибается при выдаче сдачи, она, по странному стечению обстоятельств, всегда делает это в свою пользу. Так и Трифонов — он всегда ошибается в пользу цензуры.

К разряду «валютной литературы» принадлежат и произведения Валентина Катаева. Образцом этой продукции является и последний его

опус: «Алмазный венец» («Новый мир», № 6, 1978). Катаев специализируется на воспоминаниях: он последний лжесвидетель своего времени. Все умерли. Такова, видимо, справедливость судьбы: сделав бессмертными произведения писателей, с которыми встречался Катаев, которых продавал — Маяковский, Пастернак, Мандельштам, Олеша, она давно их убила, оставив в живых человека, книги которого исчезнут вместе с ним. Не знаю, правда, каковы намерения судьбы, оставившей лжесвидетельствовать человека, воспевавшего Сталина, Хрущева и Брежнева. Не исключено, что именно по его воспоминаниям нынешнее поколение будет представлять себе минувшие годы XX века.

Во всяком случае, гораздо честнее (если здесь можно говорить о честности) представляются мне произведения «рублевой литературы». Их не издают на Западе, зато дома их печатают миллионными тиражами. Они, не мудрствуя, пишут то, что им велят, то, что сегодня нужно. Один из крупнейших государственных деятелей нашего времени маршал Иди Амин Дада, дал, не подозревая этого, самое лучшее определение социалистического реализма. Он приказал переименовать сифилис в «болезнь доброй надежды». Чтобы жители Уганды не стеснялись идти к врачу. 50 лет назад в Москве агитировали лечить венерические болезни, распространяя плакат: сифилис не позор, а несчастье. Но это было до введения соцреализма. Сегодня, как справедливо заметил маршал Дада, сифилис стал болезнью доброй надежды.

Примерно так и пишет Петр Проскурин в огромном романе «Имя твое», являющемся второй частью дилогии (первая часть называется просто и скромно — «Судьба»). О содержании романа (и всей дилогии) достаточно сказать, что Имя твое — это, конечно, имя Народа, но это и имя Сталина, олицетворяющего лучшие черты Народа. А раньше эта болезнь называлась — сифилис.

7 февраля 1979

Вынужденный на некоторое время прервать составление «Обзоров», я смотрю теперь на гору скопившихся газет, журналов и книг и задаю себе вопрос: что же произошло за минувшие месяцы, что из происшедшего важно? Даже беглый просмотр как советской, так и западной печати не оставляет сомнения: центр тяжести мировой политики переместился на Дальний Восток.

Подписание мирного договора между Китаем и Японией, немедленный ответ Советского Союза, подписавшего Договор о дружбе и сотрудничестве с Вьетнамом, который был немедленно реализован вторжением в Камбоджу, визит Дэн Сяопина в США, где китайский вице-премьер предложил создать антисоветскую ось Пекин–Вашингтон–Токио–Западная Европа — все эти события могут изменить ход мировой истории.

Читая одновременно западную и советскую печать, обращаешь внимание прежде всего на разницу в тоне: восторженный, захлебывающийся от восторга тон западной печати, раздраженный, слегка напуганный, но без преувеличения тон советской печати, в которой, например, 10 лет назад на повестке дня была истерия. Запад принял Китай и Дэн Сяопина, как блудного сына, вернувшегося в лоно семьи: все забыто, все прощено, во всем виновата «банда четырех», может, немножко Великий Кормчий, теперь пойдет все наилучшим образом — Китай модернизируется, и в мире наступит спокойствие. А стоимость модернизации Китая обойдется всего в каких-нибудь 200 млрд. долларов. Слышны, правда, робкие голоса: а чем Китай заплатит за кредиты? Но в ответ слышны успокаивающие голоса: найдет, страна богатая. Вот, например, в ближайшие месяцы в США начнут продавать китайское пиво и даже китайскую водку, которая по качеству не уступает советской.

Отсутствие истерии в советской печати объясняется, по-видимому, отсутствием ответа на вопрос: что делать с Китаем, какой должна быть китайская политика? Конечно, меры принимаются: захвачена Камбоджа, все западноевропейские правительства получили предупреждение: не продавать Китаю оружия. Все это, однако, вопроса не решает.

Советское руководство не имеет «китайской» политики или имеет их несколько. Недавно на Запад попала «самиздатовская» статья Андрея Са-

мохина «Китайский круг России». 5 лет назад я писал в одном из «обзоров» о предыдущей статье Самохина «Зачем нужна война с Китаем?» Андрей Самохин — псевдоним, какие круги он представляет, можно только догадываться. Из статей видно, что их автор хорошо знает историю и имеет доступ к новейшей западной литературе.

В первой статье А. Самохин отмечал, что со времен гражданской войны Советский Союз не стоял перед такими трудными для решения проблемами. Четыре проблемы: ущербность экономики, борьба за национальное самоопределение советских народов, рост политической оппозиции, брожение в странах Восточной Европы сплелись в тугую и запутанный узел». И власть, — писал Самохин, — решила разрубить этот узел «термоядерным мечом», нанести атомный удар по Китаю, начать войну, которая должна сплотить народ, позволить ликвидировать все виды оппозиции и закончиться легкой победой.

Со времени написания первой статьи прошло 6 лет — войны не было. А. Самохин объясняет — во второй статье — что прежде чем напасть на Китай, советское руководство прозондировало почву в США и услышало от Никсона категорическое «нет». А. Самохин ссылается, в частности, для подтверждения своих догадок на мемуары бывшего помощника Никсона Холдемана.

Сегодня начинать войну поздно — момент упущен. Что делать? В своих рассуждениях А. Самохин исходит из того, что Китай для Советского Союза — это не «очередная», пусть даже огромная проблема, это даже не «период нашей истории». Это вопрос жизни и смерти, вопрос существования России и народа. «История наша, — пишет он, — пошла на китайский круг».

По мнению А. Самохина советские руководители, упустив возможность использовать «термоядерный меч», решили готовиться к решению конфликта с помощью обычного оружия, используемого для расчленения Китая. В историческом обзоре русско-китайских отношений, автор статьи уделяет много места знаменитому плану Жамсарана Бадмаева, составленному в конце прошлого века. Бадмаев — бурят по национальности, хорошо известен любителям русской истории как «тибетский врач» Бадмаев, близкий к царскому двору до появления Распутина. Идея Бадмаева состояла в разделе Китая и включении в Российскую империю монгольских степей и Маньчжурии. Идею Бадмаева разработал подробно якут Цибилов, добравшийся в 1899 г. до Лхасы и сделавший там множество уникальных фотографий и собравший богатейшую разведывательную информацию. В 1912 г. Цибилов составил свой план, предусматривавший отделение от Китая всех территорий, населенных не китайцами, и создание из них неза-

висимых государств, которые стали бы чем-то вроде «санитарного кордона» между Китаем и Россией. После революции часть Монголии превратилась в Народную Монгольскую Республику, полностью зависящую от СССР. А. Самохин вспоминает, что Сталин почти сумел оторвать от Китая Синьцзян. И только война, заставившая перебросить советские войска на Запад, позволила Чан Кайши восстановить в Синьцзяне власть пекинского правительства. Сегодня, утверждает А. Самохин, советские руководители стремятся к отделению от Китая Синьцзяна и Тибета. Как он говорит, не к «финляндизации», а к «монголизации» Китая, т.е. к отделению от него по крайней мере еще двух «Монголий».

А. Самохин категорически против этого советского варианта плана Цибикова. По его убеждению все национальные республики СССР и тем более все страны Восточной Европы мечтают о советско-китайской войне, видя в ней шанс на обретение независимости. Автор статьи предвидит, что если война будет затяжной или неудачной, мечты эти окажутся вполне осуществимыми.

План А. Самохина — союз с Китаем и Японией. Мы не должны поступаться своей землей, но нам не нужны новые марионеточные государства, которые придется кормить и снабжать оружием. Россия и Китай обречены жить рядом вечно. История не кончится даже самой блестящей победой, которая — даже если это будет победа — принесет неслыханные страдания и жертвы. Необходимо заключить союз с Китаем и Японией, решив главный спор — территориальный.

Трудно сказать, много ли сторонников взглядов А. Самохина найдется в Москве. Далекое эхо этих взглядов можно, однако, обнаружить в одном из январских номеров «Литературной газеты», в котором одобрителем отмечалась появившаяся среди «дацзыбао», перед которыми ежедневно толпятся жители Пекина, голосов, выступающих за установление «дружественных отношений с великой социалистической страной — Советским Союзом». «Литературная газета» считает, что среди китайских руководителей имеются и такие, которые понимают, что «естественным союзником Китая должны быть не капиталисты, а социалистические страны». Следует подчеркнуть, что и западная печать отмечает появление просоветских дацзыбао в Пекине. А хорошо известно, что ни в Китае, ни в Советском Союзе ни дацзыбао, ни статьи в газетах не появляются стихийно, без указания сверху.

Не менее известно и то (хотя об этом часто забывают), что в социалистических странах поворот политики на 180° производится мгновенно, по решению одного или небольшой группки руководителей. Причем, как во внешней политике — достаточно вспомнить 1939 г., так и во внутрен-

ней. Поворот, произведенный сейчас в Китае Дэн Сяопином, в Советском Союзе производился по крайней мере трижды: Лениным в 1921 г., когда мир встретил введение нэпа радостью по поводу возвращения России на капиталистический путь, в 1934 г., когда Сталин после признания СССР Рузвельтом заявил, что «революцию делали не для того, чтобы народ жил после революции хуже, чем до нее», в 60-е гг. Хрущевым.

Пока, однако, все проблемы Советского Союза остаются нерешенными. Но они решаются.

Прежде всего укрепляется руководство. В декабре 1978 г. было пышно отпраздновано 72-летие Л. И. Брежнева, который наконец-то получил третью Звезду Героя Советского Союза и получил право на памятник в Москве. Одновременно вышла третья замечательная (по единогласному мнению всех советских людей) книга Л. И. Брежнева «Целина». Первый тираж — газет, «Нового мира» и отдельного издания — миллионов 15. (Автор сумел, рассказывая о том, как под его личным руководством была освоена целина, ни разу не упомянуть Н. Хрущева). Одновременно были произведены выборы в Политбюро, потерявшее в июле прошлого года Федора Кулакова, которого прочили в наследники. Место 61-летнего Кулакова занял в качестве наследника 68-летний Константин Черненко, фактически держащий сегодня в своих руках бразды правления в стране. В Политбюро — как кандидат в члены — был введен еще один старый друг Брежнева еще по Днепропетровску — 73-летний Тихонов. Сегодня власть находится прочно в руках «днепропетровской мафии». И это упрочение власти отзывается ужесточением политики. Быть может, не случайно, что появление Черненко на самой пирамиде власти сопровождалось решительными действиями, от которых в Москве немного отвыкли. Во внешней политике — это захват Камбоджи. Во внутренней — расстрел трех армянских националистов — Степана Затикьяна, Акопа Степаняна и Завена Богдасарьяна. 30 января агентство ТАСС сообщило, что несколько дней назад по приговору Верховного суда СССР С. Затикьян и два его товарища приговорены к смертной казни и что приговор уже приведен в исполнение. Смертная казнь — наказание исключительное, как объясняло ТАСС, в самом передовом обществе мира — была применена по отношению к обвиняемым, ибо они совершили террористический акт, подложили бомбу в московском метро в январе 1977 г.

О странной этой истории я в свое время несколько раз писал в «Обзорах». Сразу же после взрыва в метро известный агент КГБ Виктор Луи знал — передал об этом западной печати, — что взрыв — дело рук диссидентов. Тем не менее полтора года сверхмощный аппарат КГБ искал преступников. Об аресте «террористов» было сообщено очень коротко и туман-

но. Не были названы даже их имена. Пока во вторую годовщину покушения не появилось известие об их расстреле. Как сообщил А. Сахаров, суд был закрытым, на него не были допущены даже родственники обвиняемых. К тому же — по утверждению А. Сахарова — многочисленные свидетели заявляют, что-то время взрыва в метро С. Затикьяна не было в Москве.

Смертных приговоров в политических процессах Москва не знала уже давно. Попытка казнить двух руководителей группы, намеревавшейся в 1970 г. захватить самолет и бежать из Советского Союза, окончилась для советских властей неудачей. Возмущение мировой общественности заставило суд заменить Эдуарду Кузнецову и Марку Дымшицу расстрел 15-ю годами лагеря. Урок пошел на пользу. На этот раз обвиняемые расстреляны без шума, без процесса, без свидетелей. Выбор жертв не случаен. Это предупреждение националистам. Среди советских националистов армяне наиболее бескомпромиссные, требующие не расширения прав, а отделения, выхода из СССР и создания независимой республики.

Важную роль в программе укрепления руководства имеет идеологическая кампания, развивающаяся в нескольких направлениях. Первое направление — возвращение к Сталину как образцу Вождя, восхваление Сталина. После 20-летнего перерыва Иосиф Виссарионович вернулся в советский календарь. На листке, помеченном 21 декабря 1979 г., 15 млн. советских граждан (таков тираж календаря) найдет портрет Отца и Учителя и статью о «выдающемся руководителе КПСС, советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, теоретика и пропагандиста марксизма-ленинизма». Они узнают из этой статьи, что деятельность тов. Сталина «была отмечена теоретическими и политическими ошибками», а «культ личности» был резко осужден партией, но, впрочем, он — культ этот — ни в чем не изменил сути строительства социализма... Официальная подготовка к столетнему юбилею со дня рождения вернейшего из учеников Ленина, отца Советского государства началась. Полуофициальная подготовка к празднику носит гораздо более страстный характер. Продолжает расти число романов, посвященных различным сторонам славной деятельности Сталина.

Написав пятитомную эпопею «Блокада», в которой восхваляется полководческое искусство Сталина, Александр Чаковский, придворное перо Брежнева, приступил к новой эпопее, также рассчитанной не менее чем на 2 тыс. страниц. Новая эпопея — «Победа» — задумана чрезвычайно ловко: журналист Воронов, прибывший на «крупнейшее событие современности» — подписание соглашения в Хельсинки, вспоминает другое событие: конференцию 1945 г. в Потсдаме. А. Чаковский излагает следующую идею. Сталин победил во второй мировой войне, он заложил в Потсдаме основы

мира, но завершил его дело, окончательную победу одержал Л. И. Брежнев, заставив 30 с лишним государств подписаться под существующими границами в Европе. Выложив эту идею на первых страницах своего романа, автор «Победы» начинает затем рисовать образ генералиссимуса — победителя: мудрого, пронизательного, все понимающего, безжалостного к врагам, но любящего народ. Больше всего в трех номерах журнала «Знамя» (10, 11, 12, 1978) говорится о Польше, о польском вопросе. Это единственный вопрос, который раздражает Сталина. «У Сталина, — пишет А. Чаковский, хорошо знавший своего героя, — было много причин ненавидеть «лондонских поляков». Они подняли восстание в Варшаве, дав возможность создать легенду о том, что восставшие были преданы советскими войсками, они организовали диверсии в тылу Советской Армии — суд над организаторами этих диверсий Окулицким, Янковским и другими менее месяца назад состоялся в Москве...» Главная, однако, причина, по которой Польша вызывает у Сталина раздражение, ненависть, заключается в том, что польский вопрос становится оружием в руках Запада, т.е. в руках Черчилля и Трумэна, пытающихся влиять на позицию Сталина, пытающихся диктовать Сталину, какое правительство следует дать полякам.

А. Чаковский в подзаголовке к своему эпосу прямо указывает: «политический роман». И Польша принимает в этом романе актуальный политический характер — она символизирует весь «социалистический лагерь», всю сферу советского влияния, в которую пытаются вмешиваться западные державы. Автор «Победы» рисует советского вождя-победителя, который знает, как разговаривать с Западом: это Сталин, разговаривающий с Черчиллем и Трумэном, но это и Брежнев, разговаривающий с толпой западных глав государств.

Сталину противостоят самонадеянный аристократ Черчилль и новичок в политике Трумэн, «не без способностей», как снисходительно отмечает автор «Победы», но щенок по сравнению с гениальным Сталиным. Основное чувство, которое Сталин вызывает у английского премьера и американского президента, — это страх. Когда входит Сталин «своей медленной, словно тигриной походкой», и Черчилль и Трумэн начинают дрожать. А. Чаковский так прямо и пишет: «Трумэн... внезапно почувствовал безотчетный страх... Мысль, что он мог бы оказаться наедине со Сталиным, испугала его» («Знамя», № 11, с. 9). Первая книга романа заканчивается словами: «Трумэн вздрогнул. На мгновение ему показалось, что находившийся сейчас в своем доме Сталин услышал то, о чем только подумал американский президент» (№ 12, с. 51).

Конечно, могут найтись недоброжелатели, которые скажут, что нельзя сравнивать гениального Отца и Учителя с нынешним Генеральным Се-

кретарем, Маршалом, Президентом и т.д. и т.п. А. Чаковский достаточно ловок, чтобы возражение это предвидеть. И он объясняет: «При всем своем уме, при всей пронизательности, настойчивости, воле» главную свою силу Сталин черпал в том, что представлял «новый социальный строй» и «партию, вооруженную знанием объективных законов истории». А в том, что Л. И. Брежнев (как и каждый Генеральный секретарь КПСС) воплощает объективные законы истории, никто, конечно, не сомневается.

Второе направление идеологической кампании — антисемитская пропаганда, достигшая в настоящее время размеров, какие она знала лишь в последние годы сталинского режима. Антисемитизм (его псевдоним — антисионизм, так же прозрачен, как и псевдоним сталинского времени — космополитизм) стал ныне важнейшим элементом советской идеологии, заняв место пролетарского интернационализма, превратившись в единственную идею, которая должна объединять советский народ, все национальности, входящие в империю зрелого социализма. Советские идеологи убеждены, что после краха марксизма, ленинизма, интернационализма единственным чувством, которое одинаково воодушевляет все народы СССР, остается антисемитизм. С недавнего времени советские идеологи приступили к очередной переработке истории России. В 1974 г. доктор исторических наук Н. Яковлев в монографии «1 августа 1914», вышедшей 100-тысячным тиражом, доказывал, что Николая II свергла банда евреев и масонов, что их делом была февральская революция. В книге «Идеология и практика международного сионизма» (терминология лишь слегка изменилась по сравнению с традиционным «всемирным жидовским заговором»), вышедшая в 1973 г. под редакцией любимого философа Сталина полезного еврея академика Митина доказывается: вся история России была отравлена евреями, оказывавшими «влияние на политическую жизнь страны». В книге этой разоблачается неправильное представление о том, что якобы евреи участвовали в революционном движении. В действительности они играли в социалистическом движении «контрреволюционную роль, когда не были просто платными агентами полиции». Переписываются школьные учебники, начиная с учебников по истории Древнего мира: упоминания о евреях либо исчезает совсем, либо сопровождается комментариями, выясняющими, что евреи всегда были народом реакционным и любили деньги.

Наконец, третье направление идеологической кампании нацелено на Запад. Сегодня, конечно, немного труднее, чем каких-нибудь 10 лет назад, представить первую в мире страну социализма символом светлого будущего, но все же возможно, прежде всего потому, что Запад охотно помогает себя оболванивать. Вот, например, «Литературная газета» (29.XI.78) под заго-

ловком «Оружием правды» извещает, что американское телевидение закупило и показало «советский телевизионный фильм в 20 сериях о Великой Отечественной войне». Американская телевизионная компания заплатила две трети производственных расходов — около 2 млн. долларов — и получила великолепный образец советской пропаганды. Телекритик «Нью-Йорк таймс» (25.XI.78) перечисляет несколько «упрощений и полуправд», которые он заметил: захват польских территорий в 1939 г. представлен как возвращение земель, отнятых поляками в 1921 г., вторжение в Финляндию в 1940 г. — как пограничный спор, поражения первых месяцев войны не показаны и т.д. Американский телекритик понял, что это советская пропаганда, ибо, как он пишет, фильм этот в неизменном виде будет показан и по советскому телевидению. Он не задает лишь вопроса: зачем нужно было показывать советскую пропаганду на американском телевидении?

В рамках идеологической кампании ведется контрнаступление советских идеологов против диссидентской литературы. Борьба эта не всегда носит форму запретов, арестов. Иногда она принимает замаскированный вид: подлинное диссидентство разрушается изнутри или компрометируется. Цель этой акции — размыть границу между сопротивлением советской идеологии и ее принятием. Между отказом и признанием. Летом прошлого года москвичи часами стояли в очереди, чтобы увидеть картины Ильи Глазунова, выставленные в огромном выставочном зале Манежа. Восторженную статью о выставке написал священник Димитрий Дудко, преследуемый и советскими и церковными властями за мужественное выполнение своего священнического долга. Не менее восторженные статьи о портретисте Брежнева опубликованы в советской печати — от «Правды» до «Труда».

В январе Евгений Евтушенко должен был выступить на телевидении с 2-часовой программой. Накануне выступления председатель Государственного комитета по радио и телевидения программу снял, обидевшись, якобы на четыре строчки из поэмы «Завтрашний ветер». Случай странный, если учесть, что программа была записана в сентябре и — как полагается — прошла все цензурные преграды. Но лишенный возможности выступить на советском телевидении, советский поэт выехал в турне по Англии и США как бунтарь и диссидент.

Не менее странная история произошла с альманахом «Метрополь», подготовленным группой советских писателей, в которую входят А. Вознесенский, В. Аksenov, Ф. Искандер, А. Битов и другие. Они собрали произведения 24 писателей и решили издать альманах без цензуры. Точнее, большинство произведений цензуру проходило, но было ею отвергнуто. Один экземпляр рукописи был передан в Союз советских писате-

лей. Два экземпляра оказались на Западе — во Франции и США. Еще не зная содержания альманаха, западные журналисты встретили его появление восторженно. Наиболее знающие сравнивают его с польским «Записком» и чехословацким «Спектрум», остальные называют этот журнал доказательством того, что подлинные писатели могут прекрасно писать и в Советском Союзе. Причем, поскольку авторы «Метрополя» заявляют в предисловии, что включили в альманах только произведения аполитичные, западная печать намекает, что, может быть, и действительно писателю не стоит заниматься политикой.

Среди авторов «Метрополя» есть действительно талантливые и честные писатели. Но появление альманаха вызывает вопросы. Готовился он больше года. А пока готовился, один из главных его редакторов А. Вознесенский был выдвинут кандидатом на Государственную премию. И как раз накануне сообщения о выходе альманаха премия А. Вознесенскому была присуждена. Трудно себе представить, чтобы всеведущие органы не знали о подготовке «Метрополя», которая, кстати, велась открыто. Есть еще и другие плохо объяснимые обстоятельства, связанные с альманахом. Впрочем, один из авторов — Ю. Алешковский, написавший знаменитую песню «Товарищ Сталин, ты большой ученый...» — эмигрировал и, наверное, расскажет, как и почему создавался «Метрополь».

А пока можно только повторить за Гамлетом — есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...

11 марта 1979

16 января советский народ читал опубликованные всеми газетами «Ответы товарища Брежнева на вопросы американского журнала «Тайм». Если бы советский народ мог бы читать журнал «Тайм», он с удивлением обнаружил бы, что американский народ, имеющий возможность читать «Тайм», ознакомился с семью ответами маршала Брежнева, а советская печать опубликовала лишь пять ответов. Два последних цензура не пропустила. Седьмой вопрос был не пропущен, чтобы не пугать советский народ: «Мир, мир и еще раз мир — наша главная цель, — заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС и добавил: — Если хоть одна ядерная бомба взорвется в какой-либо части мира, не поздоровится ни журналистам, ни мне, никому на земле». Правильные эти слова могут вызвать страх у кого угодно. Тем более что главной целью Брежнева является не просто мир, а мир, мир и еще раз мир. Значительно интереснее, однако, не пропущенный советской цензурой ответ на шестой вопрос: как «драматические события в

Камбодже» повлияют на «ваши отношения с Китаем?» Брежнев ответил: «Право, я устал говорить о Китае».

Не прошло и месяца после этого ответа, как усталому Генеральному секретарю пришлось снова и снова говорить о Китае. Началась китайско-вьетнамская война. Первая война, в которой (если не считать войны коммунистического Вьетнама против коммунистической Камбоджи — она длилась слишком коротко, и столкновения — ровно десять лет назад между советскими и китайскими пограничниками на Уссури) каждый из противников имеет на своей стороне единственно научное, а потому единственно правильное учение — марксизм. Как хорошо известно, учение это правильно, ибо победоносно, и победоносно, ибо правильно. Исход войны, насколько можно судить после месяца боев, подтвердил правоту марксизма: победили обе стороны.

Будущие историки первой войны социалистического Китая против социалистического Вьетнама обратятся, наверное, прежде всего к советской печати 1978–79 годов. Они обнаружат прежде всего, что не было — не могло быть! — войны между двумя социалистическими государствами. Маоистский Китай напал на социалистический Вьетнам. Что собой представляет «маоистский Китай», можно узнать, например, из статьи обозревателя «Литературной газеты» (№ 8, 1979), озаглавленной «Подлость». «Китайский дракон уже много лет скалился на Вьетнам», — пишет обозреватель. Или: «Китайский дракон вонзил свои зубы в тело Вьетнама». И так далее, все художественные метафоры обозреватель заимствует в мире животных. Что же касается событий, предшествующих вторжению Китая во Вьетнам, о них говорил Брежнев в неопубликованном ответе журналу «Тайм»: «Кампучийский народ поднялся на борьбу против ненавистного режима, на борьбу против тирании, навязанной ему извне».

В шахматах есть такой термин: цугцванг. Им определяют положение, при котором один из партнеров вынужден ходить — его очередь делать ход, но каждый ход влечет за собой потери или мат. В январе Китай оказался в цугцванге. Захват Камбоджи Вьетнамом, изгнание из Вьетнама сотен тысяч вьетнамцев китайского происхождения — вынуждали Китай сделать ход. Советская печать с конца прошлого года обнаружила внезапно, что в Камбодже царствует не настоящий коммунист, уничтожающий не классового врага, как писалось раньше, а простых камбоджийских патриотов. С другой стороны, во Вьетнаме, в котором странным образом не оказалось евреев, легко нашли заменителя: хуацзяо. Советские люди сразу же поняли в чем дело (не говоря о знакомом звучании самого слова), как только им объяснили, что это «троянский конь», «пятая колонна»,

внутренний враг, лица китайского происхождения, т.е. расово чуждые вьетнамскому пролетариату.

Китай оказался в цугцванге и вторгся во Вьетнам. Советский Союз одержал замечательную победу. Прежде всего он еще раз подтвердил свою преданность «миру, миру, миру»: в Камбоджу вторгались вьетнамские войска. Во-вторых, что может быть еще важнее: Китай, вторгшись во Вьетнам, подтвердил то, что вот уже 15 лет твердят советские руководители о китайской угрозе. Впервые за много-много лет советские граждане, выступая на тысячах митингов, организованных по всей стране под лозунгом «Руки прочь от Вьетнама», выражали свои подлинные чувства: страх перед Китаем.

Страх этот старательно поддерживается пропагандой: с начала года советская печать публиковала в среднем 50 антикитайских статей в неделю. Лучшим свидетельством настроений в Советском Союзе всегда были анекдоты. Впервые в таком количестве появились в последнее время анекдоты на китайские темы. И все они говорят о страхе перед будущим. Ибо в анекдотах речь идет о будущем. О нем спрашивают — уже не армянское радио, как десять лет назад, а компьютер. Компьютер спрашивают: какие иностранные языки нужно изучать детям? Он отвечает: иврит — для уезжающих, китайский — для остающихся. Другой вопрос: каково будет международное положение в 2000 году? Ответ: ничего нового. На китайско-финской границе все спокойно. Самый страшный ответ на самый важный вопрос: сколько будет стоить пол-литра водки в 1990 г.? — 5 юаней.

Нападение Китая на Вьетнам разрушило прочное убеждение в абсолютной лживости пропаганды. О Китае она говорила правду. А это значит, что государство может потребовать от напуганных граждан еще больше усилий, потребовать, чтобы они еще крепче подтянули пояса. Еще бдительнее присмотрелись к соседям в поисках диссидентов, сионистов, китайцев. Но не только от советских граждан понадобятся новые жертвы. Их требуют и от граждан всех других социалистических стран. Югославские газеты сообщили, что, выступая на совещании представителей армий Варшавского пакта, генерал Яшкин, заместитель командующего Вооруженными силами пакта, заявил: перед лицом китайской агрессии Варшавский пакт готов и намерен действовать коллективно, как вооруженная рука всего социалистического содружества. Перед лицом китайской агрессии необходимо сплочение вокруг Москвы, достижение того, что «Литературная газета» в статье о советско-болгарской дружбе назвала «счастьем единомыслия».

К числу советских успехов следует отнести и поражение вьетнамской армии — нужда Вьетнама в советской помощи возрастет, зависимость от Кремля тоже.

Замечательных успехов добилась и другая сторона — Китай. Войны между коммунистическими государствами начнут новую главу в истории военного искусства: это будут войны, в которых с обеих сторон будут победители. Вторая особенность коммунистических войн — противники великолепно знают друг друга и не имеют никаких иллюзий. Незадолго до начала войны Дэн Сяопин заявил иностранным журналистам: главная черта Советского Союза — презрительное отношение к слабым и страх перед сильным. Китай, начав военные действия, объявил, что его цель — прочить Вьетнам и Советский Союз.

Вьетнам слегка проучен: китайские войска вошли и вышли, когда захотели, потрепали слегка вьетнамскую армию, разрушили на захваченной территории все, что могли, показали, что отсутствие современного оружия вполне компенсируется неограниченным резервом живой силы. Как сообщали западные корреспонденты, когда китайские войска встречали минные поля, командиры отправляли солдат выбирать мины руками. Главное: неустойчивое, казалось, продвижение Вьетнама в юго-восточной Азии приостановлено. Теперь, возможно, начнется продвижение Китая.

Первый раунд конфликта, продемонстрировавшего, что сегодня в мире все коммунистические страны в одинаковой мере одержимы духом перманентной экспансии, окончился всеобщей победой. Победил даже Вьетнам, заявляющий, что снова прогнал захватчика.

Владимир Буковский, советский диссидент, обмененный на секретаря чилийской компартии Луиса Корвалана, рассказывает в своей замечательной книге «Возвращается ветер», как приятно читать советские газеты. Мировые новости они излагают так: «новый курорт создан в Болгарии; сильный тайфун обрушился на Японию; рабочие Урала перевыполнили план; забастовка многих тысяч рабочих во Франции; богатый урожай на Украине; чудовищные статистические данные о несчастных случаях на дорогах Америки».

И сегодня, через два с лишним года после того, как Владимира Буковского прогнали из здоровой советской Владимирской тюрьмы на гнилой, погибающий от кризиса Запад, советские газеты не перестают писать о победах «у нас», о катастрофах — «у них».

В то самое время, когда китайский дракон «вонзал свои клыки» в тело социалистического Вьетнама, советский народ радостно готовился к выборам в Верховный совет. 4 марта граждане СССР — 99,58% граждан — проголосовали, причем 99,85% из них — за «блок коммунистов и беспартийных». Трудно сказать, что результат был неожиданным. Советский закон, самый демократический в мире, не запрещает выдвижения несколь-

ких кандидатов в депутаты. Но кандидат всегда один. Впрочем, как говорится в брошюре, выпущенной агентством «Новости» для иностранцев, в буржуазных демократических странах, которые так хвастаются своей так называемой свободой, тоже всегда один кандидат на выборах. Правда, в этих странах в выборах участвует много партий, но каждая партия выдвигает одного кандидата. И коммунистическая партия выдвигает одного кандидата. Других же партий в Советском Союзе нет, ибо они никому не нужны. Выборы, как в западных демократиях, совершенно тайные. Но товарищ Л. Брежнев, как засвидетельствовало телевидение, получив избирательный бюллетень, не пошел в кабину прятаться от народа: он долго читал бюллетень — фамилию кандидата, а потом у всех на глазах, сложил его и опустил в урну. Впрочем, в нынешнем году даже для Брежнева не оказалось конверта. Бюллетени опускались в урну без конвертов, чтобы все было лучше видно. В избирательной комедии не участвовали только два космонавта — они во весь голос из космоса заявили, что голодают за тов. Брежнева и тов. Косыгина.

Избирательная кампания позволила советским руководителям выступить с политическими речами перед избирателями и подтвердить существование в стране коллективного руководства: все говорили одно и то же. Нельзя, однако, сказать, что избирательная кампания совершенно лишена интереса. Как известно, в коллективном руководстве все равны, но некоторые немного равнее других. Кто равнее кого, можно узнать в период подготовки к выборам. Советские граждане мечтают только об одном — выбрать своими депутатами членов Политбюро. И всюду их выдвигают в кандидаты. А в газетах публикуют кого, где, сколько раз выдвинули. Простой подсчет позволяет легко определить, кто какое место в советской иерархии занимает. Минувшие выборы, как и следовало ожидать, показали, что товарищ Черненко стал гораздо равнее многих старых членов коллективного руководства и занял пятое место после Брежнева, Косыгина, Суслова и Кириленко. Зато совершенно исчез — не выбрали его советские граждане — Николай Подгорный, который в 1964 г. вместе с Брежневым и Косыгиным сверг Хрущева. Накануне выборов очевидным стало различие и между двумя оставшимися членами бывшего триумвирата. 19 декабря 1978 г. Леонид Брежнев [получил] в круглую дату — 72-ю годовщину рождения — седьмой орден Ленина, третью Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и право на памятник в Москве, а Алексей Косыгин — в 75-ю годовщину рождения — дешевенький орден Октябрьской Революции, который дают идущим на пенсию председателям колхозов.

Указы о награждении орденами и медалями принимает Президиум Верховного Совета СССР, председателем которого является Брежнев. Это

он поспешил на орден для Косыгина. Но свою обычную щедрость проявил по отношению к товарищам. 27 декабря прошлого года, вручив орден группе заслуженных товарищей, Брежнев заявил, что теперь он выполнит «еще одну приятную обязанность». И вручил погоны генералов армии вместе с маршалскими звездами Семену Цвигуну и Вадиму Матросову. Новыми генералами армии стали первый заместитель председателя КГБ Цвигун и командующий пограничными войсками Матросов. До этого они имели звание генерал-полковника. До сих пор генералами армии — из невоенных — были лишь председатель КГБ Андропов и министр внутренних дел Щелоков. О причинах повышения в звании командующего пограничными войсками можно лишь догадываться. О победе Семена Цвигуна, старого чекиста и — в свободное время — писателя, стало известно после расстрела т.н. армянских террористов, казненных за террористический акт в московском метро. 8 февраля «Известия» снова вернулась к этой блистательной победе КГБ, всего лишь год искавшей террористов, опубликовав письмо Дмитрия Тюжина, называющего себя «жертвой взрыва в метро». «Известия» подчеркивают, что письмо Тюжина выбрано на множестве «других, полученных редакцией».

Почему выбор пал на это письмо — понятно. «Жертва взрыва» проявляет замечательное знакомство с обстоятельствами следствия, с ходом судебного процесса, плотно закрытого даже для родственников обвиняемых. Он даже не стыдится писать в советской газете, что из иностранного радио узнал о «клеветнической деятельности академика Сахарова», в результате которой мир узнал о расстреле трех армянских националистов.

Успехи советских органов не ограничиваются борьбой с «терроризмом» и «клеветнической деятельностью академика Сахарова». Они включают также и борьбу с преступностью. К сожалению, советская статистика в этой области никаких цифр не приводит. Лишь изредка появляется скудная информация. Например, в ноябре орган ЦК грузинской компартии «Заря Востока» рассказал о совещании по борьбе с преступностью в республике, организованном в ЦК. На совещании много говорилось об успехах, о том, что преступность пошла на убыль, что сократилось число убийств, грабежей, краж, тяжелых телесных повреждений и т.п. Вместе с тем, констатировалось, что «общее положение продолжает оставаться сложным». Для исправления этого положения ЦК решил провести «месяц борьбы с туеядством». Вошедший в советское законодательство еще при Хрущеве этот термин, означающий все, что угодно судьям, стал широко известен, когда туеядцем был объявлен и отправлен за туеядство в ссылку, замечательный поэт Иосиф Бродский. Для борьбы с туеядцами были мобилизованы «все члены партии в уч-

реждениях, на заводах, фабриках, стройках, в колхозах и совхозах, работники прокуратуры, милиции и дружинники». Достигнуты замечательные успехи: после «месяца борьбы» число туенядцев сократилось в 4 раза.

«Месяц борьбы с туенядством» был не случайно организован в Грузии, где всего несколько лет назад за ограбление республики был снят с должности и послан на пенсию первый секретарь ЦК партии Мжаванадзе. Падение Мжаванадзе ничему не научило партийных вождей. В последние месяцы Брежнев и Черненко (может быть, наоборот — Черненко и Брежнев) чистят партийные авгиевы конюшни, перемещают секретарей из района в район или — гораздо реже — посылают их на пенсию. Этого давно не было. Брежнев пришел к власти, обещав партийному аппарату спокойную жизнь после непрерывных землетрясений хрущевской эры. Но это спокойствие порождает чувство полной безнаказанности. 5 февраля «Правда» в передовой статье написала о том, что четыре районных секретаря партии сняты с работы: двое — на Урале, один — в Красноярском крае, четвертый — в Ростове-на-Дону. География увольнений свидетельствует, во-первых, о распространенности явления, во-вторых — как впрочем, всегда с передовыми «Правды» — о том, что случаи приводятся в получение всем другим. О районном секретаре в Ростове-на-Дону орган ЦК пишет: «грубо нарушал этические и партийные нормы, злоупотреблял своими привилегиями в личных целях, построив, в частности, роскошную дачу на колхозные средства».

Все читатели «Правды» знают, что несчастного районного секретаря выбрали в качестве козла отпущения, ибо все секретари так делают: строят себе дачи, дома и т.п. и т.д. Впрочем, есть старинное русское выражение: не по чину берешь! Возможно, что районный секретарь партии, обнаглев, стал брать так, как если бы он был областным секретарем. Мжаванадзе, например, хватал так, как если бы был Генеральным секретарем ЦК. В таких случаях виновных быют по рукам. Но не слишком больно.

Успехи внешней политики, борьбы с террористами и туенядцами не закрывают глаза советским руководителям на некоторые все еще имеющиеся недостатки. В январе 1978 г. министр сельского хозяйства Валентин Месяц объяснил на пресс-конференции, что перебой с поставкой мяса в Москву (о положении в других городах он даже не говорил) объясняется, как легко было предвидеть, увеличенным потреблением мяса советскими гражданами. По статистическим данным получается, что советские граждане потребляют несравненно больше мяса (которого временно нет), чем при проклятом царском режиме, и чем в Западной Европе, страдающей от кризиса. Тем не менее, — мужественно признал ми-

нистр, — «партия открыто признает, что следует сделать усилия в области животноводства, и прежде всего в области производства мяса».

Пока будет сделано это «усилие в области животноводства», ЦК КПСС и Совет Министров приняли в феврале постановление об организации предприятиями и учреждениями «подсобных сельских хозяйств». Это значит, что государство, признаваясь в своей неспособности прокормить рабочих и служащих, обязывает их самих обеспечить себя мясом, молоком, овощами — на хозяйствах, создаваемых при заводах, фабриках, учреждениях. Это возвращение к системе, которая существовала в СССР в 30-е годы. Но Сталин прибег к этой мере в период коллективизации, когда индивидуальное сельское хозяйство было нарушено, а колхозы все еще ничего не давали. Возвращение к этой системе сегодня означает, что после 40 лет существования колхозы и совхозы все еще прокормить советский народ не в состоянии.

Недавно в Нью-Йорке вышел сборник «Нецензурная частушка», в котором собраны частушки, которые поют колхозники о своей жизни. И среди них такая: Когда Ленин умирал, Сталину наказывал / Много хлеба не давай, мяса не показывай.

Наследники Сталина и в этой области остаются верными учениками Ленина.

3 апреля 1979

Газета «Известия» откликнулась на событие длинной статьёй, но, что еще удивительнее, — немедленно. 28 марта 1979 г. 29-летний советский моряк Юрий Власенко взорвал себя на территории посольства США в Москве. Статья в «Известиях» появилась на следующий день. За минувших десять лет я написал сто «Обзоров советской печати», но ни одно из сотен событий, упомянутых в этих «обзорах», не вызывало у меня такого недоумения, возмущения, презрения.

Юрий Власенко проскочил мимо церберов, охраняющих американское посольство в Москве, и попросил убежища. Ему, конечно, в нем отказали. После 30-минутных уговоров Власенко по-прежнему отказывался вернуться добровольно в объятия агентов КГБ, нетерпеливо ожидавших у ворот. Тогда американский посол, несмотря на то, что человек, искавший убежища, грозил взорвать себя в случае выдачи его советским властям, пригласил «советские власти», т.е. КГБ, в посольство. Юрий Власенко предпочел умереть.

Когда около года назад шах Ирана выдал советским властям пилота, искавшего в Иране убежища, можно было сказать: что взять с диктатора, име-

ющего к тому же длинную границу с СССР? Что сказать об американском после, который, возможно, действовал по указаниям государственного департамента? В «Известиях» поведение американцев названо трусливым. И трудно на этот раз не согласиться с советским правительственным органом. Советская газета, вспомнив, вероятно, текст книги, которую в Москве не продают, пишет о том, что американцы «умыли руки» и призвали советские власти, чтобы избавиться от принесшего им хлопоты беженца.

Американский посол Малколм Тун заявил, что решение выдать Власенко было принято, ибо он казался психически больным, угрожал американским жизням и имуществу (на поясе беглеца была бомба), а главное — потому, что он был советским гражданином. Газета «Известия» согласилась с послом, что Власенко был психически больным. В Советском Союзе уже довольно давно психическое состояние граждан определяется сотрудниками КГБ с одного взгляда, а нередко даже заочно. Пробыв сравнительно недолго в Москве, Малколм Тун приобрел, кажется, эту способность — видеть советских граждан насквозь.

Только из мемуаров мы узнаем, каким образом Малколм Тун принял решение умыть руки. Может быть по собственной инициативе. Недавно советские блюстители расовой чистоты включили его в список «сионистов». То ли его жена не совсем в порядке по этой части, то ли с друзьями у него не все в порядке. Как бы то ни было, нельзя исключить того, что посол хотел показать, что никакой он не сионист, а наоборот — за «детант».

Не исключено и то, что таков был приказ госдепартамента. От американского государственного департамента можно ожидать всего. Американские журналисты Роуланд Эванс и Роберт Новак рассказали недавно о «странном госте в госдепартаменте»: на рабочее совещание бюро по советским делам государственного департамента был приглашен первый советник советского посольства в Вашингтоне Васев. Логически приглашение можно понять: кто лучше всех знает советские дела? Ответственный сотрудник советского посольства. Пока неизвестно, станет ли тов. Васев постоянным консультантом госдепартамента. Но приглашение его тем знаменательнее, что зовут его Владилен. Американские журналисты, видимо, не знают, что имя это — сокращение, которое расшифровывается — Владимир Ильич Ленин. Можно бы сказать, что, перевоплотившись, вожь партии большевиков явился, чтобы давать советы госдепартаменту США. Но советы товарища Ленина передаются не только через Владилена. Они передаются непосредственно через того, кто является «Лениным сегодня» — через Брежнева.

18 марта Леонид Ильич Брежнев обратился лично к американскому народу. Точнее, к американским читателям. Но если американская статистика

не обманывает, население США почти сплошь грамотное, следовательно, все могут (даже должны!) стать читателями книги Л. И. Брежнева «О мире, разрядке и советско-американских отношениях», опубликованной американским издательством «Хэркорт, Брейс, Джованович». Леонид Брежнев всячески расхваливает свою книгу, утверждая, что она позволяет американским читателям «по первоисточнику ознакомиться с точкой зрения «другой стороны» в духе столь уважаемой американцами «честной игры». Но рекламное выступление Генерального секретаря содержит лишь избитую пропаганду и не заслуживало бы внимания, если бы немедленно не пришел на него американский ответ. 25 марта «Известия» опубликовали отчет о торжественной церемонии, организованной американским издательством по случаю выхода «массовым тиражом» книги Брежнева. Выступления, цитируемые московской газетой, возвращают читателей на тридцать лет назад, в добрые старые времена Отца народов и Вождя всего человечества. И если можно еще объяснить слова одного из владельцев издательства Джовановича о «выдающемся руководителе Советского государства», о событии «большой важности» (так именуется публикация книги), о том, что «выдающийся руководитель» вновь «подтвердил приверженность Советского Союза разрядке и т.п. и т.д.» тем, что издательство хочет как можно больше заработать. Объяснить выступление сенатора Юджина Маккарти, бывшего кандидата на пост президента США, довольно трудно.

В сталинские времена хвалили Сталина по невежеству, по глупости, из страха. Почему сегодня американский сенатор говорит: «Работа Л. И. Брежнева проникнута величайшей заботой о мире и т.п.», «книга свидетельствует об искреннем стремлении Советского Союза...», Л. И. Брежнев «исключительно своевременно выдвинул» и так далее? И если бы не было сказано, что говорит американский сенатор, читатель никогда не догадался бы: стиль, язык, похвалы Брежневу и осуждение «определенных кругов в США» — стандартные для каждой статьи советского журналиста на международные темы. «Все мыслящие люди были потрясены книгами Л. И. Брежнева», «Л. И. Брежнев показал нам пример того...», «книги Л. И. Брежнева оказали уже и окажут дальше положительное влияние на усиление мыслительного потенциала...» — это говорит не американский сенатор, а руководитель Союза советских писателей Г. Марков («Литературная газета», 31.3.1979). Как похож, однако, тон и, главное, как похожи чувства, владеющие Юджином Маккарти и Георгием Марковым.

Нужно ли удивляться действиям американского посла в Москве или госдепартамента в Вашингтоне?

Конечно, было бы несправедливым обвинять всех американцев в противоестественной любви к Генеральному секретарю. Совсем недавно

2400 американских ученых призвали к бойкоту международных конференций в Советском Союзе, к разрыву личного сотрудничества с советской наукой до тех пор, пока не будут освобождены Юрий Орлов и Анатолий Щаранский. Информация об этом была изложена в «Литературной газете» (31.3) так: «Группа американских ученых (имена не названы. *Авт.*) недавно призвала заморозить научный обмен между США и СССР в ответ на осуждение в Москве нескольких антисоветчиков (имена не названы. *Авт.*)». Советская печать ответила на призыв американских ученых потоком статей, доказывающих — без ссылок на призыв — пользу научных контактов между США и СССР для США. Только с помощью советских ученых, только пользуясь достижениями советской науки США могут еще кое-как существовать. И даже в особом постановлении ЦК о «50-й годовщине первого пятилетнего плана» подчеркивается, что «каждый четвертый научный работник и каждый третий врач на нашей планете — гражданин Страны Советов» («Правда», 18.3).

Тем не менее, не желая, видимо, чтобы американская наука совсем захирела без советской помощи, корреспондент «Литературной газеты» без всякого труда нашел американского биохимика д-ра Аллена Сильверстона, который с огромным удовольствием ответил на вопрос: «Почему они против контактов?» Д-р Сильверстон, как и подобает человеку, которого допрашивает советский корреспондент, отвечает: «Любые попытки бойкотировать Советский Союз в сфере науки повредят профессиональным интересам самих американских ученых». Американский биохимик утверждает даже, что профессора социологии Мэрилендского университета «подвергли остракизму», ибо он осмелился «вслух заикнуться о необходимости изучения марксизма». Д-р Сильверстон подтвердил, таким образом, распространенное в Стране Советов представление о том, что на Западе Маркса и Энгельса читают лишь в подпольных кружках при свете свечек, каждую минуту ожидая налета полиции. С особым удовольствием доктор биохимии ответил на главный вопрос журналиста-следователя: кто запевала? В КГБ вопрос этот обычно формулируется: кто вас втянул в антисоветскую организацию? Запевала, втянувший американских ученых в «темную махинацию», это «консервативный сенатор Роберт Доул от штата Канзас».

Объективно говоря, советская наука, конечно, в американской помощи не нуждается. Советские руководители нашли внутренние ресурсы, которые позволяют решать мировые загадки без труда. В науку брошены работники КГБ. Советский писатель Марк Поповский, недавно покинувший Родину, рассказывает в книге «Управляемая наука» о все большем проникновении работников органов в Академию наук. Он пишет, напри-

мер, о В. Виноградове, перешедшем из КГБ в академию, где его избрали немедленно членом-корреспондентом по отделению экономики, он пишет об О. Барояне, кажется, сохраняющем звание полковника КГБ и в то же время занимающем пост директора Института эпидемиологии, микробиологии и иммунологии. Конечно, имеются и внештатные сотрудники. 2 апреля французская Академия наук торжественно приняла в число своих членов-корреспондентов советского астронома академика Виктора Амбарцумяна. Накануне торжественного дня парижский «Ле монд» опубликовал письмо советского астронома Кронида Любарского, отсидевшего 5 лет в лагере за «антисоветскую деятельность», а до ареста работавшего с Амбарцумяном. Кронид Любарский называет имена коллег и друзей академика Амбарцумяна, выданных им в руки КГБ.

В марте 1979 г. состоялись очередные выборы в Академию наук СССР. Среди избранных в действительные члены обращает на себя внимание Дзермен Гвишиани, зять Косыгина и крупнейший сотрудник КГБ, наверняка в генеральском чине. Избрание Гвишиани можно считать символическим: отец будущего академика, близкий соратник Берия, дал своему сыну имя Дзермен, составленное из первых букв двух самых дорогих ему людей: Дзержинского и Менжинского.

Вместе с Владиленом Васевым в госдепартамент вошел основатель Советского государства, вместе с Дзерменом Гвишиани вошли в Академию наук основатели органов. Дзермен Гвишиани избран по отделению философии и права.

Поведение американцев, Запада вообще в отношениях с Советским Союзом остается не вполне понятным, хотя имеется множество объяснений. Гораздо понятнее поведение советских людей. Правда, и здесь имеется много объяснений: страх, идеология и т.д. Журнал «Наука и религия» дает еще одно объяснение. Многие западные социологи и советологи, советские диссиденты стали в последнее время говорить об упадке идеологии в СССР, о том, что в нее «никто не верит». В принципе это верно. Никто не верит, но значения это никакого не имеет. Идеология стала для советских людей обрядом. Можно не верить в Бога, но соблюдать все религиозные обряды и оставаться таким образом в сфере воздействия религии. Именно этот феномен наблюдаем мы сегодня в Советском Союзе.

«Наука и религия» (№ 2, 1979) публикует большой отчет о Втором всесоюзном совещании-семинаре по социалистической обрядности. Первый состоялся в 1964 г., второй — пятнадцать лет спустя. За минувшие годы достигнуты замечательные результаты в деле разработки «теории социалистической обрядности». «Обрядотворчество... — говорится в отчете, — дело важное, государственное». Им занимаются этнографы, социологи, но преж-

де всего специалисты по так называемому научному атеизму. За годы между двумя совещаниями по социалистической обрядности «обрядотворчество» институционализировалось: в республиках возникли «комиссии по новым обрядам и праздникам» при Советах Министров республик. Как в Ватикане есть конгрегация обрядов, так и в Советском Союзе созваны подобные конгрегации. Пока еще нет, однако, и на этот недостаток указывали выступавшие на совещании, центрального координирующего органа: Всесоюзной комиссии по обрядам. Нет сомнения, что вскоре она будет создана.

Задача, которая поставлена перед советскими жрецами — блюстителями обрядов и «обрядотворцами», заключается в том, чтобы «погасить в сознании верующих иллюзорное солнце» — так назвал, как известно, Маркс религию, и зажечь настоящее советское солнце.

На совещании много говорилось о «новых советских» обрядах. Строятся монументы, причем для советских «обрядотворцев» хороши все места для памятников, лишь бы они были поставлены Советской властью: на Мамаевом кургане — в память победы над Гитлером, на Куликовом поле — в память победы над татарами, в Ясной поляне — в память рождения Льва Толстого, в Шушенском — в память счастливого пребывания в ссылке Ленина. Как сектанты-дырники, верившие, что достаточно провертеть дырку в потолке избы, чтобы можно было молиться вездесущему Богу, так и советские «обрядотворцы» убеждены, что каждый советский памятник вызовет у советского гражданина правильный условный рефлекс — благодарственную молитву, пусть даже бессознательную, советскому строю.

Значительные успехи достигнуты в борьбе с церковным венчанием: повсеместно сооружаются Дома бракосочетаний, после заключения брака молодожены идут помолиться к какому-нибудь памятнику. В Москве — к мавзолею Ленина, в других городах устраиваются по-разному, но всюду какой-нибудь памятник да находится. Пока еще не преодолены трудности с крещением, не придуман обряд-заменитель. Зато торжественно празднуется вручение 16-летним паспорта. Так сказать праздник ошейника, надеваемого государством на граждан.

Многие выступавшие на совещании жаловались на то, что некоторые новые обряды ускользают от руководства жрецов. Советские граждане добавляют в утвержденный комиссией обряд нечто от себя. Один из выступавших недоумевал, например, что делать с персонажем из уральского фольклора — Хозяйкой Медной горы, которая стала участвовать в советском свадебном обряде. Хозяйка Медной горы — злая колдунья, казалось бы, что ей делать на советской свадьбе? А она приходит.

Вся жизнь советских граждан регулируется обрядами. И борьба, которую они ведут со жрецами — это борьба не против обрядов, а за включение

ние в обряды чего-нибудь для себя. Обряд встречи дорогих иностранных гостей совершенно обязателен, и каждый, выделенный для встречи, должен явиться. С недавнего времени за время, проведенное на улице среди других встречавших, и махание соответствующим флажком рабочим и служащим стали давать отгул. Простоял день — еще день не работай. Обряд «красной субботы», когда рабочие и служащие должны явиться на работу, строго обязателен. Но никто в эту «красную субботу» не работает. Писатель Александр Крон рассказывает в своем романе «Бессонница» о поездке двух выдающихся советских ученых на конференцию в Париж. Николай Лейкин в самом знаменитом русском бестселлере дореволюционной литературы — «Наши за границей» рассказывал о поездке купеческой четы в Париж в 1900 г. Они бегали по магазинам, ходили в цирк, в ресторан. Прямо скажем, интеллектуальных запросов у них нет, писатель посмеивается за это над ними. Но все же это нормальные люди. Советские ученые в романе Крона выполняют обряд: прежде всего они бегут на кладбище Пер-Лашез, а затем — не менее торопливо — на улицу Мари-Роз, где в 1912 г. проживал Вождь и Учитель. И только потом, помолвившись, где надо, идут они туда, куда влечет их душа: на Пигаль. Для того, конечно, чтобы посмотреть, как разлагается капиталистический мир и посочувствовать его жертвам — несчастным барышням, вынужденным продавать то, чему нет названия в советском языке.

Джеймс Джонс, не успевший вывезти свою секту в Советский Союз, ощущал родственность своего культа с культом, господствующим в СССР. Он не понимал лишь, что советские жрецы ненавидят конкурентов.

Множество новых обрядов творится в Москве сейчас в связи с подготовкой Олимпиады. Об одном из самых замечательных обрядов, который должен родиться в дни Олимпиады, сообщило московское радио. Передовая советская наука дала твердое обещание, что в июле 1980 г. во всех олимпийских городах в дни соревнований не будет дождя. Советские ученые сказали: пусть всегда — в дни Олимпийских игр — будет солнце.

И нет сомнения, что обещание будет выполнено. В крайнем случае, если иллюзорное солнце на небе закроют тучи, по-прежнему будет святить настоящее солнце коммунизма. Быть может, даже в лице Генерального секретаря.

11 мая 1979

Как и следовало ожидать, самое сенсационное событие апреля 1979 г. — обмен пяти советских диссидентов на двух советских шпионов — отклика в советской печати не нашло. В ответ на вопросы французских журналист-

тов, оказавшихся в день обмена в Москве по случаю визита Жискара д'Эстена, представитель Брежнева ответил: «Были люди, которые хотели покинуть нашу страну, и были другие, в возвращении которых мы были заинтересованы». Этим комментарием советской стороны ограничились.

Вторая половина ответа представителя Брежнева соответствует истине: Советский Союз был заинтересован в возвращении двух шпионов — сотрудников ООН, схваченных с поличным и осужденных американским судом на 50 лет тюрьмы каждый. Первая половина ответа верна лишь частично: хотели покинуть Советский Союз Эдуард Кузнецов и Марк Дымшиц, приговоренные в 1970 г. за попытку захватить самолет (они в него даже не сели еще) к смертной казни, замененной 15 годами тюрьмы и лагеря; не хотели покидать родной страны ни Александр Гинзбург, ни Валентин Мороз, ни пастор Георгий Винс.

Апрельский обмен — новая глава в истории торговли живым товаром, которой Советская власть занимается уже более 60 лет. Долгие годы торговля эта носила, если так можно выразиться, самый примитивный характер: хватали иностранца, сажали его в тюрьму, а потом торговались о выкупе. Причем всегда просили очень дорого. И медлили с освобождением. В 1921 г., например, Американская организация помощи (АРА) соглашалась кормить миллионы советских граждан, умиравших от голода, но просила освободить американскую журналистку, арестованную в Москве. Тов. Ленин, соглашаясь не очень охотно брать от империалистов хлеб, ни за что не хотел освободить журналистку. В 1928 г. были арестованы немецкие инженеры, которых обвинили в ставшем модным преступлении: во вредительстве. За их освобождение тов. Сталин потребовал уже более изощренный выкуп — машины и кредиты. Тов. Сталин никогда не выкупал советских граждан, попавших за границей. Он вообще не любил, когда советские граждане ездили за границу, даже если он сам их посылал. Он отказался выкупить знаменитого шпиона Рихарда Зорге у японцев, он даже отказался обменять своего сына, попавшего в плен к немцам. Он, как известно, ограничился арестом жены сына, находившейся у него под рукой.

В одном отношении наследники Сталина на своего Отца и Учителя непохожи: они стали своих шпионов выкупать. Влияние советских разведывательных учреждений возросло, и они добились права возвращать провалившихся агентов, чтобы выяснить, что же о них знают коллеги за железным занавесом. В декабре 1976 г. своего человека — Луиса Корвалана — выкупил ЦК КПСС, отдав Западу Владимира Буковского. В апреле 1979 г. впервые советских граждан меняли на советских же.

Почему состоялся обмен, всем ясно. Брежнев во что бы то ни стало хотел заключить так называемый «САЛТ-2». И действительно, через 12 дней

после освобождения пяти диссидентов все препятствия на пути к подписанию договора были устранены. Удовлетворительного объяснения — почему американцы согласились подписать договор, в заключении которого так заинтересован Брежнев — пока еще никто не дал. Скорее всего, действует принцип западной политики, сформулированный еще в 1919 г. Ллойд Джорджем. Премьер-министр Великобритании заявил, что необходимо «задушить большевиков добротой». Операция эта длится уже 60 лет, и трудно назвать ее успешной. Французский историк Ален Безансон написал недавно, в связи с поездкой Жискара д'Эстена в Москву, что раньше дипломатия служила политике, а теперь политика служит дипломатии. Раньше дипломаты готовили встречу политиков, во время которой принимались какие-то решения. Теперь делаются политические уступки, для того чтобы добиться встречи. Так что, в конечном счете, многолетние переговоры о заключении «САЛТ-2» велись для того, чтобы Картер мог встретиться с Брежневым.

Но «САЛТ-2» — особая история. Вернемся к обмену. Советское правительство было в нем заинтересовано и по другим причинам. Присутствие в лагерях известных Западу заключенных создает напряжение, которое Москва хочет ослабить в канун Олимпиады. Конечно, остаются другие заключенные, но и их, видимо, обменяют на полезные Советской власти вещи до лета 1980 г. В 1979 г. резко увеличилось число виз, выдаваемых евреям, желающим покинуть Советский Союз. Десятки тысяч желающих останутся, но поскольку десятки тысяч выедут напряженность проблемы спадет. Ответственный работник Отдела виз и регистрации иностранцев (ОВИР) Константин Золотов вызвал в апреле 1979 г. Аллу и Марка Смулянских, которые 9 лет ждут разрешения на выезд в Израиль. Тов. Золотов любезно сообщил вызванным, что Смулянские визы никогда не получат, но кое-кто из «отказников» (тех, кому отказано в визе, часто многократно) получит визы до Олимпиады, остальные после праздника олимпийского спорта будут отправлены «в длинную дорогу, в места, которые они не любят».

Советские органы тщательно подобрали диссидентов для торговли: три еврея (А. Гинзбург — православный), украинец и баптистский пастор. Вывод напрашивается: только инородцы идут в диссиденты. Судя по «Лагерному дневнику» Эдуарда Кузнецова, тайно пересланному им из лагеря, отношения между некоторыми из высланных диссидентов не были идеальными. К тому же все они сразу разъехались в разные стороны. Придерживаются они разных взглядов. В первом своем интервью Александр Гинзбург выступает за мирную эволюцию положения в Советском Союзе, он верит в возрождение человеческого духа. Он считает, что понадобится еще не менее двух поколений, пока мирная эволюция даст пло-

ды. «Сегодня, — заявил он, — в оппозиции нет ни одного человека, который был бы готов взять власть, ни одного, который к этому бы готовился». Иначе считает Валентин Мороз: националистическое движение на Украине, — заявил он, — идет навстречу столкновению с Советской властью. Свое возвращение на родину он видит как возвращение с «людьми в форме», когда «они освободят Киев».

Советские органы имели основания считать, что пятеро диссидентов, высланных на Запад, не будут действовать совместно. Опытнейший торговец живым товаром Москва сделала все, чтобы смягчить горечь поражения. Ибо, несмотря ни на что, обмен диссидентов на шпионов — поражение советских властей. Они позволили США вмешаться во внутренние дела. Главное же — диссиденты в Советском Союзе убедились, что у них есть тыл. Что они не совсем одиноки в единоборстве с чудовищным аппаратом Советского государства.

Причины и цели обмена изложены в закамуфлированной, конечно, форме — в майском постановлении ЦК КПСС об усилении пропаганды. Постановление констатирует недостаточную эффективность советской пропаганды — скучной и примитивной; печать и телевидение критикуются за однообразие и отсутствие «огонька», за нежелание обсуждать актуальные общественные проблемы, «за тенденцию смягчать и избегать нерешенные проблемы, замазывать существующие недостатки и трудности». И авторы текста постановления, и его читатели хорошо знают, что эти ритуальные обвинения повторяются уже более 60 лет. Основная часть постановления — цели нового идеологического наступления. ЦК КПСС приказывает направить удар против Китая и Запада, информируя о том, что «империалистический Запад» и «шовинистический агрессивный Пекин» объединились для соращения умов советских граждан.

8 мая секретарь Московского комитета партии, член Политбюро Виктор Гришин на собрании писателей-членов партии уточнил задания. Он указал на необходимость «усиления патриотического и интернационального воспитания москвичей». «Задача эта, — подчеркнул В. Гришин, — особенно важна в связи с предстоящими XXII Олимпийскими играми».

Приближающаяся Олимпиада уже сегодня не дает спать советскому руководству: необходимо очистить страну и подготовить граждан к встрече с волной иностранцев. Приняты административные меры, чтобы 300 тыс. чужеземцев, которые в течение 16 дней будут одним своим видом и поведением смущать умы советских людей, поменьше общались с туземцами, поменьше их заражали. Теперь, — говорил секретарь Московского комитета, — необходимо принять идеологические меры. Образец есть. Как известно, Олимпийские игры в тоталитарной стране орга-

низируются второй раз. В 1936 г. Йозеф Геббельс убеждал берлинцев: «Каждый должен быть хозяином. Будущее рейха зависит и от того, с каким чувством покинут его наши гости». В 1979 г. Виктор Гришин приказывает: «Необходимо обеспечить, чтобы жители столицы в общении с иностранцами проявляли сердечность и гостеприимство, чтобы они подчеркивали преимущества советского образа жизни и достижения нашего общества и в то же время отвергали пропаганду враждебных идей и принципов, нападки на нашу страну, на идеи социализма и коммунизма». Геббельс еще не мог после трехлетнего пребывания у власти особенно налегать на достижения, у него все еще было впереди. У Гришина — с 60-летним опытом Советской власти — положение гораздо лучше.

Виктор Гришин официально объявляет открытым преодолительское идеологическое наступление. Писателям предписывается начать немедленно создавать «светлые характеры и современных героев, которые воплощают дух нашего сложного и героического времени и которые могут служить моделью для молодежи». Это первая задача: создать положительного героя, модель для молодежи. Как создавать этого героя-модель советские писатели знают. Их этому учит величайший советский писатель нашего времени, автор шеститомника статей и докладов «Ленинским курсом» и трехтомника художественных произведений Генеральный секретарь, председатель и маршал Леонид Брежнев. 21 апреля «по требованиям трудящихся» Ленинская премия по литературе была присуждена Леониду Ильичу Брежневу. А секретарь Союза писателей Сергей Наровчатов, поэт, редактор журнала «Новый мир», ничуть не стесняясь, заявил: нельзя себе представить художественное произведение, которое будет написано в ближайшие годы и не отразит опыт Л. И. Брежнева. Сам великий творец очень точно определил «важнейший итог прошедшего шестидесятилетия»: это, сказал он, «советский человек». «Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился...» И писатель Брежнев, конечно, прав. В сталинские времена писатели хвалили стиль, язык, замечательные художественные достоинства произведений Вождя и Учителя, ибо немножко верили и очень сильно боялись. Сегодня, когда Наровчатов хвалит художественные достоинства «брежневского» творчества, он это делает, ибо «неузнаваемо изменился», перестал быть похожим на человека, стал «советским человеком». И все ему «до лампочки», только бы платили. А сочинения Брежнева уже пошли на экран. Скоро — если успеют, ибо болен автор — перенесут на сцену, в оперу и т.д.

Идеологическое наступление нуждается в «положительном герое». Он — точка отсчета. Но главное — это «отрицательный герой», главное — враг. Врагов немало: западные империалисты, китайские шовинисты, сию-

нисты, диссиденты. Но все они объединяются в одного Врага, все они изображаются частью единого Заговора. В литературе (если позволительно в данном случае говорить о литературе) заговор этот наиболее всесторонне изобразил главный сегодня антисемитский писатель — Иван Шевцов. Свои способности он показал еще в первом своем романе «Гля», где разоблачал польских и венгерских «ревизионистов», а также отмечал еврейскую опасность. В романах «Любовь и ненависть», «Во имя отца и сына» Шевцов уже широко пользуется дореволюционной и гитлеровской антисемитской литературой для изображения дьявольской деятельности евреев, разлагающих здоровое тело советской страны. Картина, нарисованная Иваном Шевцовым, была такой безнадежной, что читателям, казалось, оставалось лишь два выхода: или погнаться под еврейской пятой, или идти и немедленно устраивать погром. Газета «Правда» слегка пожурив писателя, указала, что он недооценивает силу и могущество партии. Герои Шевцова — в 1970 г. — шли жаловаться Ленину. «Правда» намекнула, что есть у Ленина наследники, они еврейскую заразу обуздают. В 1978 г. Шевцов выпускает новый роман — «Набат». Действие его переносит в Польшу — в годы войны и первые послевоенные. Теперь в качестве модели советский писатель берет «Протоколы сионских мудрецов» и расписывает их на голоса. В финале участник Сопrotивления француз-голлист пишет письмо своему другу генералу КГБ о катастрофе, грозящей миру: «Я назову тебе три государства сионистской империи: США — финансово-экономическая и военно-политическая база, Южная Африка, «прототип будущего», Израиль, идеологический центр». Друг-голлист сообщает другу-генералу КГБ, что собрался в Тель-Авиве генеральный штаб «невидимой сатанинской и тайной силы, который, взяв из рук Гитлера факел, разрабатывает чудовищные планы мировой гегемонии». Роман Ивана Шевцова издан тиражом в 75 тыс. экземпляров в издательстве, которое носит подходящее имя «Современник». Юридическое издательство выпустило — в рамках все того же идеологического наступления — «Белую книгу». На 280 страницах советские юристы (сегодня все работники органов должны иметь диплом юриста) дают указания, как бороться с диссидентами, а главное — кто они. Это учебник по борьбе с диссидентством для среднего партийного и государственного аппарата. Тираж учебника — 150 тыс. В книге перечислены основные диссиденты, рассказано о некоторых процессах, излагаются основы советской политики по отношению к евреям, выезжающим в Израиль. Заместитель министра внутренних дел Борис Шумилин сообщает, что «в Советском Союзе отсутствует объективная база для эмиграции как социального феномена». Зато серьезные трудности с въездом и выездом есть у граждан США.

Защита прав граждан — одна из целей новой пропагандной кампании. Правда, речь идет о защите прав граждан в США, Франции, Англии. Немало пишут сегодня советские пропагандисты о нарушении элементарных прав человека — в Китае и Камбодже до ее освобождения доблестным вьетнамским народом.

Важным объектом идеологических атак объявлены радиостанции, вещающие на Советский Союз. В данном случае противник действительно существует и роль его немаловажна. Александр Гинзбург в своем интервью отметил, что советское общество «больше не состоит только из «хомо советикус», что оно освобождается «благодаря заграничному радио на русском языке». Гинзбург заявляет: оно не может существовать без радио. Негодование советских пропагандистов против западных радиостанций не знает границ. Эти радиостанции «любыми способами стремятся ослабить притягательную силу социалистических идей», они «противоречат духу разрядки». «Литературная газета» (27.3.79) специально подчеркнула зловещую роль «помощника президента США по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского», который дал «личные указания увеличить в передачах на СССР количество материалов, «содержащих критику внешней и внутренней политики советского руководства».

Совершенно очевидно, что еще более усилена война против местных возмутителей спокойствия. Продолжается нажим на авторов альманаха «Метрополь». Мне уже приходилось вспоминать в одном из предыдущих обзоров о «Метрополе» (с ударением на о, дабы подчеркнуть, что речь идет не о гостинице в Москве, а о городе с прекраснейшим в мире метро). Феномен «Метрополя» представляет значительный интерес для тех, кто интересуется советской современностью.

В конце апреля альманах появился в печати. Американское издательство «Ардис» напечатало на русском языке небольшое количество экземпляров. Но уже до публикации, до того, как они его прочли, западные журналисты объявили о вызове, брошенном в лицо советской цензуре, о бунте видных советских писателей. Подавляющее большинство авторов альманаха — В. Аксенов, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, А. Битов, Ф. Искандер и др. — много печатаются в советских издательствах, пишут для фильмов, которые идут на экранах, пишут песни, которые передаются по радио и телевидению. Короче — большинство из авторов альманаха — благополучные советские писатели. Кое-что из того, что они пишут, цензура не пожелала разрешить. Почему не разрешила, не всегда можно объяснить. «Чарна ксенга цензуры ПРЛ» Томаша Стжишевского дает отличное представление о полной иррациональности решений социалистических цензоров. Даже в Польше. Тем более в СССР. 23 писателя и поэта

решили собрать в альманах отвергнутые цензурой вещи. А потом представить альманах в советские издательства. Прецеденты были: в 1956 г. вышли тома альманаха «Литературная Москва», в 1961 — «Тарусские страницы». Но это были годы коротенькой оттепели. В 1979 г. — зима. И советские издательства отвергли альманах. Но его авторы организовали пресс-конференцию, послали рукопись на Запад, устроили скандал.

Что же есть в этом альманахе? Из-за чего крик? Василий Аксенов дал пьесу «Четыре темперамента», которую он написал в 1967 г., Белла Ахмадулина — повесть «Много собак и собака», Андрей Битов — рассказы, Фазиль Искандер — очередной эпизод из своей саги об Абхазии, Борис Вахтин — повесть «Дубленка», представляющую собой транспозицию гоголевской «Шинели» в наши дни, с рассказами выступили Петр Кожевников, Евгений Попов. Общая черта всех произведений, собранных в альманахе, — ирреальность изображаемого общества. Во всех произведениях — фантастика, сны, потусторонность. Евгений Замятин полвека назад сказал, что современная литература должна сочетать фантастику и быт. «Метрополь» — это фантастика и быт, быт, ставший фантастикой. Чуждость, жестокость, нечеловечность реальности делает ее нереальной. Но это и есть повседневная жизнь, быт.

Произведения, собранные в альманахе, значительно ближе тому, что печатают эмигрантские журналы «Континент», «Время и мы», «Эхо» и другие, чем тому, что печатают «Новый мир», «Октябрь» и прочие. «Метрополь» снова ставит проблему, легкого решения которой не может быть: насколько внутренний цензор, действующий — если не сознательно, то подсознательно — у писателя, работающего на советское издательство, позволяет писать правду?

«Метрополь», составленный из написанных для официальной публикации вещей, представляет собой прежде всего факт социологический и политический, но не литературный. И репрессии против авторов альманаха — хотя каждая репрессия остается репрессией — носят умеренный характер: снят с экрана фильм по сценарию А. Битова, и автор перестал получать гонорар, Белла Ахмадулина не получила разрешения поехать с чтением стихов, Андрей Вознесенский смог выехать в США только после настойчивых требований семьи Кеннеди. Против «самиздатовского» журнала «Поиски» — вышло 5 номеров, прежде чем органы конфисковали все материалы — началось следствие, редакторы обвинены в «распространении клеветнических антисоветских измышлений».

Постановление ЦК об усилении пропаганды, передовые «Правды», доклады членов Политбюро — все это, конечно, хорошо, все это объясняет необходимость идеологической борьбы и указывает методы. Но не-

обходима теория. Как это ни странно, теоретическое обоснование дали не хранители советской идеологии, а писательница Мариэтта Шагинян. В почтенном возрасте 90 лет и 4 месяцев она закончила очередную — трудно сказать какую по счету — версию своих мемуаров. В молодости она увлекалась религией, теософией, потом — Гёте, потом — в 30-е годы полюбила — навсегда уже — Ленина. И теперь стала старейшиной цеха лжесвидетелей. И в заключение своих воспоминаний, озаглавленных «Человек и время», Мариэтта Шагинян делает философско-теоретическое открытие: «Две тысячи лет назад, — пишет она, — некий римский вельможа Пилат спросил у стоявшего перед ним вожака из простого народа, рыбацкого проповедника: что есть истина? Тот, кто стоял перед ним, не смог ответить. Он молчал... В наше время пришел человек, по-новому организующий общество... Он ответил на вопрос, что есть истина: истина конкретна» («Новый мир», № 11, 1978, с. 228).

Из слов Мариэтты Шагинян легко сделать вывод: если истина конкретна — значит, все дозволено.

И можно ли удивляться тому, что герой «самиздатовского» рассказа «Маскировка», объясняет повальное советское пьянство маскировкой. Советские люди, скрывая от американского сателлита то, что в действительности происходит в первой стране социализма, пьют беспробудно. Но под землей построены заводы и фабрики, где идет работа на славу Родине, где никто не пьет, думая только о светлом будущем социализме. Если конкретна истина, то все маскировка.

10 июня 1979

Такой радости американские кремлеведы не знали уже несколько десятков лет: фотография «Москва. Красная площадь. 1 мая 1979 г.» выглядела в разных газетах по-разному. В газете «Вечерняя Москва», вышедшей 1 мая, секретарь Московского комитета партии Виктор Гришин придвинулся к Брежневу на одно место, а Андрей Кириленко исчез с фотографии. Но в «Правде», вышедшей 2 мая, Кириленко вернулся в фото обратно, а Гришин отскочил от Брежнева. Византийские нравы кремлевских правителей представляют, несомненно, любопытный материал для наблюдений. В 1953 г. они позволили предсказать падение всеильного Берия, ибо он не явился в театр, где должен был быть. Американские наблюдатели видят в играх кремлевских фотографов свидетельство борьбы, начавшейся за брежневский престол. Борьба за трон, конечно, идет, и уже давно. Манипуляция первомайских фотографий интересна

тем, что очень хорошо отражает психологию советских вождей. Принцип социалистического реализма — изображение желаемого вместо реальности — стал основой их мышления. И товарищ Гришин, не имея пока возможности изменить реальность, меняет ее изображение. Прodelывает магическое заклинание.

Магические штучки такого рода вряд ли нарушат стабильность советского руководства. На протяжении последних 10 лет Брежнев последовательно изгонял из Политбюро «молодежь»: в 1971 г. Геннадия Воронова (61 год), в 1975 г. «железного Сашу» Шелепина (57), в 1977 — Дмитрия Полянского (60), в 1978 — Константина Катушева (51) и том же 1978 г. внезапно умер (поговаривают — застрелился) Федор Кулаков (50), в апреле 1979 г. снят с поста секретаря ЦК Яков Рябов (51 год). В Вену на встречу с Картером явится тяжелобольной 72-летний Брежнев, представляющий своих ровесников, которые выберут из своей среды нового генерального секретаря.

Как будут происходить выборы, какие факторы повлияют на решение — вопросы эти занимают сегодня всех государственных деятелей мира.

Один из возможных вариантов будущих событий предлагает роман «В Москве все спокойно», вышедший в Париже. Димитрий Сеземан — автор романа, провел детство и юность во Франции, в 1937 г. вернулся с родителями на родину, в СССР, где родителей и его ждала обычная судьба реэмигрантов — тюрьма и лагерь. Потом Д. Сеземан был реабилитирован, был переводчиком «на верхах», но в 1976 г., приехав в Париж с визитом, остался здесь. Он великолепно знает жизнь советской верхушки, механизм системы, психологию вождей. И в тоже время знает другой мир. «В Москве все спокойно» рассказывает о заговоре, который организуется в столице Советского Союза. Идею дает интеллигенция, новое поколение, 50-летние, «пришедшие к убеждению, что если бороться, то бороться за свою свободу, а не за свободу для народа, который о ней не думает». Принимают эту идею, берут на себя ее материальное осуществление военные, группа полковников и генералов. Армия, ее верхушка, приходит к выводу, что балаган в стране мешает Вооруженным Силам, мешает государству развиваться. Писатель считает, что в Советском Союзе только армия реально видит мир, ибо только ей приходилось, приходится и придется иметь дело с реальным противником. Все нити заговора сходятся в руках личного помощника Генерального секретаря. Если сам Генеральный секретарь — Николай Ильич — больной старик, который давно уже ничего не делает, если все другие члены Политбюро такие же старики, которые также ничего не делают, их помощники — люди молодые, энергичные, амбитные. Руководитель заговора, хитро маневри-

руя, убеждает председателя КГБ Юрия Мантропова придерживаться дружественного нейтралитета.

Переворот происходит без всякого труда, совершенно спокойно: достаточно было арестовать Генерального секретаря, который — будучи также маршалом, приехал на маневры.

Переворот оставляет на месте все советские учреждения, он только (!) лишает партию ее доминирующего положения в стране. Переворот произошел легко. Проблемы стали возникать после. Прежде всего выяснилось, что чудовищный бюрократический аппарат, руководивший страной, был монстром — гигантским телом без мозга. Партия была паразитом на государственном аппарате, но без него аппарат сам решений не принимал. Сравнительно легко была решена проблема социалистических стран. Генерал Маслов, представлявший в правительстве армию, изложил военную точку зрения: я предпочитаю, как барьер, Австрию, которой мы в 1955 г. дали независимость, чем Венгрию, которая не забыла 1956 г. Социалистические страны стали нейтральными. Значительно труднее оказалась проблема советских союзных республик. Ее решить писатель не смог: на последней странице романа генерал Маслов приступает к чтению досье, посвященного Украине.

Но, как поется в старинной русской песне, «гладко было на бумаге...» Д. Сеземан легко выбросил из советской жизни партию. Партия от своей доминирующей роли отказываться не собирается. В 1979 г. она перешла в очередное наступление. Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы опубликованное «Правдой» 6 мая, — очередной призыв к укреплению роли партии, прежде всего в сознании людей.

В каждом очередном идеологическом наступлении положительная программа остается неизменной: «формирование коммунистического сознания людей», «формирование нового человека». Меняются враги, которые служат инструментом, вырабатывавшим «нового человека». Каждая идеологическая кампания дает материал для очередных «уроков ненависти», о которых так точно рассказал Джордж Орвелл.

К новой идеологической кампании приурочено издание двух книг, которые лучше всего назвать «учебниками ненависти». «Белая книга», опубликованная московским Издательством юридической литературы, посвящена проблемам диссидентства. Предисловие председателя Верховного суда СССР Льва Смирнова, интервью с заместителем министра внутренних дел СССР Борисом Шумилиным, изложение процессов над Юрием Орловым и Владимиром Слепаком, донос провокатора Сани Липавского на Александра Щаранского — все этим материалы бьют в одну точку: дисси-

денты — это евреи — агенты американской разведки. В качестве украшения в книге даны фотографии американских журналистов, работавших в СССР, и объявленных агентами ЦРУ. Книга издана тиражом в 150 тыс. экземпляров, но в продажу поступила лишь небольшая часть тиража. Остальные экземпляры распределены как учебное пособие для сотрудников КГБ, милиции и т.п. «Краткий политический словарь», вышедший тиражом в 300 тыс. экземпляров в Издательстве политической литературы, рассчитан на рядового советского человека. «Политический словарь» издается в Советском Союзе регулярно. Каждое новое издание отражает изменения, происшедшие в руководстве и намечает очередных врагов.

Предшествующий «Краткий политический словарь» вышел ровно 10 лет назад, в 1969 г. В нем, как и в новом издании, говорится: «Словарь дает объяснение слов, терминов, понятий общественно-политического характера, наиболее часто встречающихся в периодической печати, передачах по радио, телевидению». Сравнивая содержание двух словарей, прежде всего хочется сказать: много новых врагов появилось у Советской власти. В словаре 1978 г. вошли слова, о которых еще не подозревали составители словаря 1969 г. Прежде всего включено десять лет назад неизвестное слово «диссиденты». Дефиницию этого слова нельзя не процитировать: «Термин «диссиденты» используется империалистической пропагандой для обозначения отдельных отщепенцев, оторвавшихся от социалистического общества лиц, которые активно выступают против социалистического строительства, становятся на путь антисоветской деятельности, нарушают законы и, не имея опоры внутри страны, обращаются за поддержкой за границу, к империалистическим подрывным центрам — пропагандистским и разведывательным». Как последний гвоздь в гроб диссидентов дается цитата из Л. Брежнева, объявляющая диссидентов прямо «пособниками, а то и агентами империализма». Статья из «Краткого политического словаря» написана как статья для Уголовного кодекса. Впрочем, видимо, скоро Уголовной кодекс пополнится статьей «Диссиденты». В числе новых статей — новых врагов: «Маонизм», «Еврокоммунизм», «Новые левые», «Советология». В число «центров клеветнической пропаганды» наряду с «Голосом Америки», «Немецкой волной» и «Свободной Европой», которые были в предыдущем издании, включена радиостанция «Свобода», ведущая «подрывную деятельность против Советского Союза». Значительно расширена статья «Сионизм». Сионизм представлен как «несостоятельный в научном отношении» расизм, связанной с империализмом, смыкающийся с антикоммунизмом. В издании 1959 г. в статье «Геноцид» приводилось много примеров: от истребления индейцев, линчевания негров до гитлеризма и южноафриканского расизма. В новом издании приведены только

два примера геноцида: гитлеровский геноцид и политика Израиля на оккупированной территории. Впервые включенное в словарь выражение «Третья корзина» комментируется: «империалистические круги Запада пытаются использовать... для вмешательства во внутренние дела социалистических стран и идеологических диверсий».

Новое издание «Краткого политического словаря» отражает тревогу советских идеологов перед миром новых явлений, понятий, врагов. «Краткий политический словарь» может служить замечательным материалом для психиатров, изучающих паранойю. Параноик проецирует свою агрессивность на окружающих, убеждает себя, что он окружен врагами, заговорами, предателями. Он приходит к выводу, что только если он нападет первым, то сможет спастись. В издании 1969 г. имелась статья «психологическая война». В новом издании появились еще «Идеологическая война», «Классовая борьба». А в каждой из статей главное место занимают призывы к борьбе, борьбе, борьбе...

И борьба безжалостная, беспощадная со всеми проявлениями инакомыслия усиливается. Но ликвидировать диссидентское движение не удастся. Разбитое в одной форме, оно принимает другие формы. Аресты и заключения в психиатрические больницы сильно подорвали демократическое движение, движение за соблюдение соглашений в Хельсинки. В советской и западной печати основное внимание уделяется вопросу еврейской эмиграции. Эмиграция эта стала даже внешнеполитическим фактором: открывая или прикрывая кран эмиграции евреев, Брежнев регулирует свои отношения с США.

Но евреи хотят уехать из Советского Союза. Те, кто остается и хочет бороться за человеческие права, ищут пути к организации единомышленников, сохраняя при этом всегда легальные формы.

Не перестает находить сторонников идея организации свободных профсоюзов. Донецкий шахтер В. Клебанов, создавший «Свободный профсоюз советских трудящихся», арестован, посажен в психиатрическую больницу, арестованы и члены свободного профсоюза. В конце 1978 г. была создана новая организация — «Свободное межпрофсоюзное объединение трудящихся» (СМОТ). Сообщены имена членов совета СМОТ, имена его членов остаются тайными. Таким образом, после ареста членов совета их место может быть заполнено. Предосторожность была не напрасной. Сегодня все члены совета СМОТ арестованы. Один из его организаторов — геолог Владимир Сквирский — в мае 1979 г. осужден на 5 лет ссылки. Другие ждут суда.

Совершенно новое явление — массовое молодежное движение в Ленинграде, называвшее себя «левой оппозицией». Ново здесь и обращение к

левым идеям, казалось бы, совершенно себя скомпрометировавшим, и возраст оппозиционеров — 18–20-летние студенты, 16–18-летние школьники.

Молодежь объединилась вокруг «самиздатовского» журнала «Перспективы». «Группа молодежи, — говорится в программном документе, — вступает в политическую борьбу не ради игры в революцию или достижения эгоистических целей, но движимая единым желанием спасти страну от надвигающейся катастрофы и вывести ее из ужасающего положения, в котором она находилась последние 60 лет. Мы глубоко озабочены будущим как русского народа, так и других народов Советской империи. От судьбы народов России теперь зависит будущее народов всего мира...» В программе говорилось о том, против чего выступает молодежь. Но что делать дальше? Все были согласны в одном: единственный путь, который совершенно неприемлем ни для них, ни для страны — это насилие. Было решено созвать Всесоюзный слет в октябре 1978 г. Инициатором создания группы был 19-летний Александр Скобов, организовавший в своем жилище коммуны. Коммунары дискутировали о прошлом и будущем, читали Кропоткина, Бакунина, Кон-Бендита и «Правду о Кронштадтском восстании».

Накануне слета Александр Скобов был арестован. Затем арестовали его товарища, 19-летнего студента Аркадия Цуркова, членов коммуны. 5 декабря 1978 г. на площади около Казанского собора в Ленинграде собралось около 200 студентов и школьников, протестующих против арестов.

Александр Скобов 19 апреля 1979 г. приговорен к бессрочному лечению в психбольнице. Аркадий Цурков, признанный вменяемым, судился за авторство одной статьи в «Перспективах» и устное высказывание неодобрения политикой партии в кругу друзей. Приговор: 5 лет лагеря и 2 года ссылки.

«Идеологическая война» закончилась замечательной победой «единственно правильного» учения. Но выиграна ли война?

Впервые за долгие годы борьба «идеологическая», «психологическая», которая приносит почти одни победы и не перестает разжигаться партией, переросла в настоящую войну, в которой начинает гибнуть все больше советских военных. Нет сомнения в том, что были жертвы среди советских советников в Анголе, Абиссинии, на Ближнем Востоке. Все это не идет, однако, ни в какое сравнение с тем, что происходит в Афганистане. Просоветский режим Тараки—Амина держится сегодня только благодаря советской помощи.

Советская печать представляет восстание афганского населения против коммунистического правительства, как заговор Пакистана, Ирана и Китая. 1 июня «Правда» снова предупредила Пакистан, что дело идет о

«конфликте вблизи наших границ, а конфликт этот представляет собой агрессию против государства, с которым СССР имеет общую границу». Кроме того, как известно, между Советским Союзом и Афганистаном подписан договор, предусматривающий совместные действия, направленные на обеспечение безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран».

Перед советским руководством стоит задача, решение которой найти будет нелегко. Необходимо подавить восстание, которое — по сообщениям западной печати — превращается во всенародное движение. На сторону восставших переходят регулярные части афганской армии. Потери советских советников исчисляются сотнями. Впервые после пятидесятилетнего перерыва столкнулись в вооруженном конфликте коммунисты и мусульмане. Война с «басмачами», война за утверждение Советской власти в Средней Азии закончилась только в 1927 г. Но тогда война шла в границах бывшей Российской империи. Сегодня противник просоветского режима — афганцы, религиозная вражда которых к коммунистам усилилась в связи со взрывом мусульманской религиозности в мире. Трудность подавления антикоммунистического движения в Афганистане связана с воинственностью населения, горной местностью, наличием в Пакистане родственных племен.

История, конечно, ничему не учит. Но, повторяясь, дает пищу для размышлений. В 1928 г. в Афганистане ситуация напоминала сегодняшнюю: против власти Аманулы-хана поднял восстание выходец из народа Бача-Саккау. Советский Союз поддерживал дружественные отношения с Аманулой, подписал несколько договоров, в том числе в 1926 г. — о ненападении и нейтралитете. Когда в стране началась гражданская война, ОГПУ предложил поддержать мятежника, полагая, что с его помощью можно будет «советизировать» Афганистан. Народный комиссариат иностранных дел возражал, аргументируя тем, что Бача-Саккау опирается на племена Северного Афганистана и поэтому неизбежно будет вести агрессивную политику, стремясь распространить свое влияние на советский Туркестан. Аманула, который опирается на южные племена, должен — рассуждали советские дипломаты — вести агрессивную политику против Индии. Политбюро приняло точку зрения дипломатов. Поскольку положение Аманулы было трудным, советское правительство решило оказать ему вооруженную помощь. Ударная группа Красной Армии под командованием прославившегося во время гражданской войны командира «красных казаков» Примакова перешла границу и двинулась в глубь страны. Встреченная армия Бача-Саккау была разбита. Путь в Кабул был открыт. Но в это время стало известно, что Аманула-хан от трона отрекся. Советские вой-

ска были отозваны. Полвека назад Советский Союз еще не был супердержавой. И не обладал еще такими возможностями, как сегодня. И нет сомнения, что у советских руководителей не дрогнет рука, как она дрогнула у американцев во Вьетнаме. Но поддержка совершенно потерявшего доверие населения правительства потребует колоссальных расходов, приведет к жертвам, к которым Советская Армия потеряла привычку. Уход из Афганистана будет поражением, равного которому Советский Союз давно не переживал. И, возможно, голос армии будет играть немалую роль при решении афганской проблемы. Впрочем, каким бы это решение ни было, советский народ получит о нем в своих газетах, по радио и телевидению только оптимистическое изложение. Ибо «время работает на нас».

Советский писатель Сергей Довлатов, совсем недавно получивший разрешение на выезд из Страны Советов — после арестов и психиатрических больниц, — сделал важный вклад в вечный спор об оптимизме и пессимизме. В Тбилиси, — рассказывает Сергей Довлатов, — приехал редактор журнала «Новый мир» Сергей Наровчатов, первым поздравивший Л. И. Брежнева с Ленинской премией за литературу. Наровчатов, выступая перед грузинскими писателями, долго говорил им о счастливой радостной жизни, о предстоящем светлом будущем. Я оптимист, — закончил он. И тогда встал грузинский писатель и попросил разрешения задать несколько вопросов. — Пожалуйста, — любезно ответил московский писатель. Байрон был молодой? — Да, — ответил Наровчатов. — Когда он умер, ему было 36 лет. — Он был красивый? — Да, все мы знаем его портреты. — Он был талантлив? — Конечно, это был гениальный поэт. — Так вот, — заключил грузинский писатель, — Байрон — молодой, красивый, гениальный был пессимист, а ты — старый, уродливый и бесталанный, ты оптимист.

С. Довлатов не рассказывает, как ответил Наровчатов. Но он мог бы сказать: а что же делать старой, безобразной, бесталанной, даже могущественной власти, как не верить в светлое будущее?

10 августа 1979

Было это сравнительно совсем недавно — 20 января 1979 г. Центральное статистическое управление СССР опубликовало итоги выполнения плана за минувший 1978 г. Среди других успехов особенно радовали советских граждан слова: «в 1978 г. достигнут новый высокий рубеж в производстве зерна — 235 млн. тонн». Пришло лето, и оказалось, что в результате морозной зимы, неожиданных оттепелей, наводнений и засухи —

урожаем 1979 г. будет... Во всяком случае, не достигнет «нового высокого уровня». Советская печать, разумеется, пишет пока только об успехах «тружеников колхозных полей». Американский юморист Арт Бухвальд, побывав недавно в Китае, обнаружил, что центральный орган КПК — это «газета хороших новостей». Она публикует только хорошие новости. Никаких морозов, засух, землетрясений в Китае не бывает, т.е. газета о них не пишет. А если пишет, то о том, что засухи, землетрясения и наводнения произошли в СССР, но и тогда, — объясняет Арт Бухвальд — это хорошая новость, ибо каждая плохая новость о Советском Союзе — хорошая для Китая. Арт Бухвальд, видимо, не знает, что во всех социалистических странах газеты публикуют только хорошие новости. Поэтому самой лучшей, единственной утешительной новостью в советских газетах является сегодня новость о кризисе в капиталистическом мире.

Неурожаем будет покрыт американским зерном, для американских фермеров засуха в СССР — великолепная новость. Но тем не менее это проблема. Отличный урожай прошлого года был, как известно личной заслугой Генерального секретаря, президента и маршала Л. И. Брежнева. Неурожаем 1979 г. не будет ли поставлен в вину немалодому и нездоровому Брежневу? В 1964 г. заговор против Хрущева прошел так гладко, ибо очередные хронические трудности переживало советское сельское хозяйство.

Правда, собрать пятнадцать лет спустя такую коалицию против Генерального секретаря, какую удалось собрать против Хрущева, сегодня вряд ли удастся. Брежнев постарался, и за минувшие годы всех участников заговора — за исключением Сулова и Косыгина — повыкидывал из Политбюро. Тем не менее, желающие выйти в первые номера, наверное, есть. Глухая возня на самом верху ведется, и недавно в Москве стало известно о ней кое-что.

Один из ведущих советских антисемитов Евгений Евсеев написал очередной труд «Сионизм — звено в цепи империализма». Предыдущая его книга называлась «Сионизм под голубой звездой». Это как бы роман с продолжением и одним героем — сионизмом. И преступления героя одинаковые, повторенные в советской печати миллионнократно. Интерес нового произведения Е. Евсеева заключался в том, что он был издан Институтом философии Академии наук тиражом в 500 экземпляров и напечатан типографией МВД СССР. Обычно книги, издаваемые институтами АН, печатаются типографией издательства «Наука». Но прежде всего привлекает внимание тираж — 500 экземпляров — это фактически «самиздат», в данном случае «МВД-издат».

Исходная точка Е. Евсеева (это очередной рубеж советских антисемитов) — сионизм, «проявление фашизма более опасное, чем его немецкая,

итальянская и испанская разновидность». Представление о евреях — жертвах нацизма, было отброшено уже очень давно, потом в ходу была версия: евреи — соучастники нацистов, теперь нацисты — жертвы евреев. Когда-то похожую эволюцию проделала концепция Российской империи: после революции историки-марксисты утверждали, что захват народов русскими царями был абсолютным злом, потом историки стали говорить, что это «меньшее зло», потом, что это абсолютное добро.

Брошюра Евсеева привлекла внимание не этим «новым рубежом». В конце концов, в Минске в картинной галерее выставлено полотно Михаила Савицкого «Летний театр», на котором изображены гитлеровский солдат и «капо» со звездой Давида на рукаве, радостно смеющиеся перед горой тел советских людей.

Евсеев публикует проскрипционный список «пособников сионизма», тех, кто допускает на страницы печати, на экраны кинотеатров и телевизоров сионистскую заразу, кто позволяет порой изображать евреев «положительными персонажами». Эти «пособники» позволяют себе утверждать, что: 1) евреи — древний народ; 2) что сионизм в историческом плане возник как реакция на антисемитизм. В проскрипционный список попали главный редактор «Нового мира» С. Наровчатов, философ-марксист Б. Кедров, член партии с 1918 г., украинский поэт Микола Бажан, любимый сталинский философ академик Митин. Особенно, надо думать, обиделся Митин, под редакцией которого в 1978 г. вышел научный труд «Идеология и практика международного сионизма». Московский корреспондент «Лос-Анджелес таймс» Дэн Фишер сообщает, что ЦК КПСС рассматривало жалобу «пособников сионизма» на Евсеева. И «поставило на вид» автору и редактору брошюры. Евсеева стукнули по пальцам по двум причинам: во-первых, он проявил инициативу, начал составлять списки без указания ЦК, во-вторых, его атака была направлена на марксистскую обертку советского антисемитизма. Книга Митина, например, начинается ссылкой на Маркса. Но что цитирует Митин: традиционный антисемитский шаблон «Бог евреев на земле — деньги». Для Евсеева этого совершенно недостаточно. То же самое, что и Маркс, говорил в 1903 г. посол России в США граф Кассини: погром в Кишиневе, — объяснял он, — не был направлен против евреев, он был выражением гнева крестьян против ростовщиков.

Для Евсеева евреи — не ростовщики, а угроза миру, «голубая чума», страшнее «коричневой чумы». ЦК не хочет отказаться от украшения антисемитских памфлетов цитатами из Маркса и Ленина, от марксистской обертки.

Есть еще одна причина недовольства ЦК Евсеевым. В конце февраля 1979 г. в Москве и Ленинграде распространялась антисемитская статья,

подписанная «Русская освободительная организация». Наряду с ценными указаниями о том, как различать «сионистов» («бегающие глаза», «горбатый нос», «волосатость»), листовка призывала «верных сынов русского народа» свергнуть «кремлевских сионистов». История знает немало примеров того, как лозунг вырывается из рук его авторов и приобретает собственную инерцию. «Сионизм» становится сегодня инструментом в борьбе за власть. Поскольку «верные сыны русского народа», народ никакого участия в борьбе за власть в Советском Союзе не принимают, листовка «Русской освободительной организации» представляет интерес лишь как отражение борьбы, ведущейся на верхах. В число «кремлевских сионистов» зачислены все члены Политбюро, включая Брежнева и Андропова, за исключением четырех «верных сыновей России». В эту «великолепную четверку» включены Михаил Суслов, Алексей Косыгин, Григорий Романов и Андрей Кириленко. В этой четверке первое место совершенно логично занимает «делатель генеральных секретарей» Суслов, но обращает внимание имя секретаря Ленинградского обкома, кандидата в члены Политбюро Романова. Романову еще не исполнилось 60 лет, и по масштабам Политбюро — это сопливый мальчишка. Не исключено, конечно, что листовка является провокацией КГБ, желающего неумеренные аппетиты Романова укоротить. И представить некий заговор против Брежнева и его дофина — Константина Черненко.

Появление Черненко на международной арене — в Вене во время встречи Брежнева с Картером Генеральный секретарь ЦК разговаривал только с Черненко, только к нему обращался со всеми вопросами, только его слушал — привлекло к нему всеобщее внимание. В Советском Союзе, пожалуй, такой блистательной карьеры никто еще не делал. С 1960 г. ближайший человек Брежнева, его личный секретарь, сегодня он — претендент на престол. Биография его туманна относительно того, что он делал до 1941 г., когда становится одним из секретарей Красноярского обкома партии. В июльском номере русского эмигрантского журнала «Посев» историк Михаил Агурский рассказывает о странной находке: в брошюре «Ежовщина», подписанной псевдонимом А. Днепровец и опубликованной в 1958 г. в перечне добровольных палачей, каждую ночь расстреливавших десятки жертв в гараже НКВД, есть и Черненко. Как и полагается историку, Михаил Агурский осторожен. Он не утверждает категорически, что заместитель начальника кадров Днепропетровского управления НКВД и палач-любитель Черненко — это и есть член Политбюро, любимец Брежнева Константин Черненко. Он собирает биографические сведения, которые позволяют с очень большой долей вероятности говорить, что это одно и то же лицо. В июле советская печать сообщила, что по приговору суда рас-

стреляна женщина, служившая немцам и 35 лет назад расстреливавшая советских граждан. Поскольку днепропетровский Черненко тоже расстреливал советских граждан, стоило бы провести расследование...

Борьба за власть, которая с нарастающей интенсивностью ведется на советских верхах, вызывает, совершенно естественно, интерес во всем мире. Особенно интересуются американцы, которые больше всего на эту тему пишут. Чудовищное непонимание советской действительности американскими политиками, журналистами и историками не перестает поражать. Со времен Сталина американцы считали, что Советский Союз почти ничем от США не отличается. Сталин эту американскую психологию великолепно понимал. Когда Рузвельт начал слабо возражать по поводу претензий Сталина иметь в ООН три голоса, Генеральный секретарь объяснил президенту, что если Украина и Белоруссия не получают по голосу в ООН, ему, Сталину, будет очень трудно объяснить это его украинским и белорусским избирателям. Для Рузвельта это был аргумент не только понятный, но и совершенно убедительный.

Интересный анализ психологии советских вождей дает Эрнст Неизвестный в воспоминаниях «Мой диалог с Хрущевым», опубликованных в журнале «Время и мы» (№ 41, 1979), выходящем в Тель-Авиве на русском языке.

Эрнст Неизвестный, самый знаменитый из советских скульпторов, в 1962 г. во время выставки в московском Манеже, организованной с целью спровоцировать очередную волну репрессий против советской культуры, резко спорил с Хрущевым. Э. Неизвестный доказывал Хрущеву, что тот ничего не понимает в искусстве, что он «эстетически безграмотен». Хрущеву Неизвестный понравился своей прямоотой: «Вы интересный человек, — сказал Генеральный секретарь, — такие люди мне нравятся, но в вас сидит одновременно ангел и дьявол. Если победит дьявол, мы вас уничтожим, если победит ангел, то мы вам поможем». Умирая, Хрущев завещал, чтобы надгробный памятник ему сделал Эрнст Неизвестный.

После разговора с Хрущевым Неизвестный попал в «высшие сферы». Выгоняли из него «дьявола» личный секретарь Хрущева Лебедев, министр культуры Фурцева, секретарь ЦК по культуре Демичев. Э. Неизвестный считает, что «в ходе внутрипартийного отбора за счет утраты всех человеческих качеств они выработали одно — главное». Это подозрительность. Поскольку все — солдаты партии, борьба между ними бессодержательна социально, но драматична в личном плане. Борьба ведется только за «место». И поэтому все боятся друг друга, все ненавидят друг друга. Хрущев заявил Неизвестному коротко и просто: «Неужели вы не понимаете, что все иностранцы — враги?» Посмотрите на тон прессы, —

пишет Э. Неизвестный. — «Ведь ее тон — это тон климактерической раздраженной женщины, которую все обманули и оставили. Неуправляемые югославы, неблагодарные китайцы, вздорные поляки, уж не говоря о евреях. Ведь в ЦК все время стоит стон: «Кормили, поили, а они?» Там же Дубчека воспринимают искренне не как политическую реалию, а как человека, который просто лично подвел своих советских товарищей, нарушил сговор». Фурцева уговаривала Неизвестного: «О, Эрнст, прекратите лепить ваши некрасивые фигуры. Вылепите что-нибудь красивое, и я вас поддержу... с вами сейчас говорит даже не министр, а женщина, помогите мне удержаться на месте!».

Э. Неизвестный не перестал лепить свои «некрасивые фигуры» и вынужден был выехать в США.

А между тем Екатерина Фурцева была совершенно искренна: если кто-нибудь пишет «красиво», его поддерживают. В июле 1979 г. художник Илья Глазунов получил звание народного артиста РСФСР. Автор портретов Леонида Брежнева, короля Швеции, жен всех послов в Москве, Джинны Лолобриджиды и т.д., Илья Глазунов царствует в Москве: «Столовая в его московской квартире, — пишет журнал «Ньюсуик», — забита французской мебелью стиля Империи и портретами царей; его двухэтажная мастерская достаточно объемна, чтобы вместить в себя три тысячи картин и часть старой деревянной избы». Самое удивительное в творчестве Глазунова то, что его превозносят до небес газета «Правда» и монархический журнал «Часовой», о нем с восторгом пишут журналисты из «Комсомольской правды» и преследуемый властями священник Дмитрий Дудко (в парижской «Русской мысли»). Игорь Голомшток, крупный знаток советского искусства, эмигрировавший в Англию, называет И. Глазунова «умело пользующимся штампами ремесленником, имитирующим стили, мало знакомые широкой публике, и играющий на темах, не поощряемых в данный момент советскими властями» («Синтаксис», Париж, № 4, 1979). Темы эти: народ, кровь почва. Можно думать, судя по тому, что Глазунов получил очередную награду, что темы эти «в данный момент» поощряются «советскими властями». Решение о присвоении такого звания, как «народный артист РСФСР», принимается на самом высоком уровне.

Есть, несомненно, еще одна причина, по которой советские власти любят и поощряют И. Глазунова: на Западе у него все еще репутация художника «независимого», «смелого», делающего то, что он хочет. В последние годы такая репутация очень высоко ценится властями: в США в последнее время ездили Е. Евтушенко, Б. Окуджава, В. Высоцкий, А. Вознесенский. Поскольку, как известно, из Советского Союза «поехать на Запад» нельзя, можно быть только — посланным на Запад, то

цель посадок очевидна. В США нельзя послать в американские университеты, например, Г. Маркова или А. Софронова. Но Окуджаву или Вознесенского там слушают с интересом и удовольствием. Но Окуджаве и Вознесенскому приходится за право поехать на Запад платить.

Я не имею в виду платы примитивной: службы в КГБ. Разумеется, всем приходится говорить несколько добрых слов о Родине, впрочем, само их присутствие на Западе должно свидетельствовать, что советский либерализм ни в чем не уступает американскому, даже лучше — вот выпустили «нонконформистов»! Самая тяжелая плата состоит в том, что приходится «наступать на горло собственной песне», убивать свой талант. Американский литературный критик Клайв Джеймс с проницательностью, редкой за океаном, пишет по поводу выхода в США очередной книги А. Вознесенского: «Не имея возможности говорить правду о собственной стране, он теряет возможность говорить правду о чем-либо». Как говорит американский критик: «Если поэту не разрешают использовать хотя бы одно слово, всех других ему недостаточно». Клайв Джеймс приходит к выводу, что поэтической зрелости в Советском Союзе достигли лишь поэты, родившиеся до революции: Блок, Гумилев, Пастернак, Мандельштам, Ахматова. Можно бы, наверное, назвать еще два—три имени. Бесспорным, однако, представляется факт, что поэтической зрелости не достигли те, на кого в период зрелости возлагались большие надежды.

А сегодня подлинная поэзия приходит из Советского Союза снова из лагеря. Изредка доходящие стихотворения Валентина Соколова, который сидит уже «за антисоветскую агитацию» третий срок, который провел в лагерях не менее 20 лет, — это потрясающие стихи поэта, пользующегося всеми словами, poeta совершенно свободного.

Тюрьма остается вот уже более 60 лет важнейшим элементом советской жизни. Такого феномена, видимо, не знает история человечества: тюрьма, лагерь — это то единственное место в Советском Союзе, где советская ирреальность становится советской реальностью, где пропасть между Словом и Делом хотя и не исчезает совсем — в стране зрелого социализма это невозможно, но сужается так, что можно одним взглядом охватить оба берега.

Журнал «Континент» (№ 20) опубликовал главы из книги Феликса Канделя «Зона отдыха или, 15 суток на размышление». Это один из самых поразительных документов о советской жизни, опубликованных в последнее время. Автор, еврейский активист, за участие в еврейской демонстрации в Москве арестован вместе с товарищами и посажен на 15 дней «за мелкое хулиганство» в тюрьму. В камере вместе с ним сидят обыкновенные рядо-

вые советские граждане, как правило, посаженные соседями или женами. Камера — это советское общество в разрезе. Сидят все — от нищего алкоголика до пенсионера, поспорившего на улице с милиционером. Сидят все, ибо для заключения «в зону отдыха на 15 дней» достаточно заявления жены, подтвержденного соседкой, или двух соседей, или одного милиционера. Донос и арест стали настолько естественной частью советской жизни, что жены отправляют мужей «в зону отдыха», если хотят отдохнуть от их пьянства или побыть две недели с любовником.

Разложение общества, каким оно видится из камеры, достигло предела. За этим пределом может последовать гибель или взрыв. Писатель рассказывает, что арестованные евреи встретили в камере триумфальный прием. Для заключенных они не были евреями, они были людьми, посмеявшимися оказать сопротивление власти.

9 сентября 1979

С 12 по 18 августа года Господня 1979 происходил в Москве спектакль, который даже в Москве редко можно увидеть: конгресс Международной ассоциации политических наук. Ассоциация, существующая 30 лет, решила отметить свой юбилей в столице мира.

Московский спектакль одинаково одобрили и его западные участники, и советская печать. Западные участники были счастливы, что все желающие получили визы, что на заседаниях они могли говорить то, что хотели (вход был строго по пропускам — только для участников), что все они смогли вернуться домой — никого не задержали, не выслали. Советская печать опубликовала приветственную телеграмму, направленную конгрессу лично товарищем Брежневым, и ряд интервью с некоторыми участниками.

К сожалению, читая многочисленные радостные высказывания счастливо выбравшихся из Москвы западных политологов, я вижу, что главного урока, преподанного им в столице мира, они не поняли. Начать следует с того, что в Советском Союзе такой дисциплины — политические науки — нет. И долгие годы советские идеологи безжалостно высмеивали западных «политологов» — слуг американского империализма. Но несколько лет назад в Москве решили, что следует вступить в Международную ассоциацию политических наук — как и во все другие международные союзы, ассоциации, организации.

Лет 150 назад русский журналист Погодин заявил: если государь-император потребует, я завтра стану акушером. Нужно признать, что если у некоторой части интеллигенции готовность стать, кем прикажут, была, то

нужды как бы не было. Только после Великой Октябрьской социалистической революции появилась такая нужда — и по приказу власти советский гражданин становится, кем ему прикажут. На конгрессе советская делегация была самой многочисленной: в «политологи» было назначено несколько сотен человек.

Не это, однако, самое поучительное. Накануне конгресса его руководители и советские организаторы вели ожесточенную борьбу: только угроза отменить конгресс вырвала у советских организаторов согласие на то, что, казалось бы, является условием *sine qua non* каждого съезда. Только, за неделю до конгресса было дано разрешение на въезд всем участникам и гостям. Западным политологам был преподан урок советской политики: хозяева дали гостям после свирепой борьбы, то, на что гости имели полное право.

Довольные гости рады победе и спешат удовлетворить просьбы хозяев. Профессор политических наук Парижского университета Марсель Мерль с некоторым удивлением обнаружил, что в коммюнике ТАСС о конгрессе ему было приписано выступление, которого он не произнес, в том числе страстное одобрение телеграммы Брежнева, выраженное за полтора дня до того, как телеграмма была зачитана на конгрессе.

Западные политологи не только подверглись цензуре — их выступления цитировались в той форме, в какой считали нужным советские газеты, — они согласились на то, что руководство Ассоциацией должно находиться в руках «представителей трех миров»: социалистического, капиталистического и «третьего». Третий мир, т.н. неприсоединившийся, как стало известно сегодня, после конгресса в Гаване, считается по-настоящему неприсоединившимся только в том случае, если он присоединяется к Советскому Союзу. В результате нет сомнения, что вскоре руководство Международной ассоциацией политических наук окажется в надежных руках. Тем более что, как можно легко предвидеть, немалое число политологов Запада, «второго мира», охотно на это согласятся.

Демонстрирует это желание второе международное представление в Москве, организованное в сентябре, — Международная книжная ярмарка. Здесь советские руководители могли не бояться срывать мероприятия и дали визы только тем, кому хотели, приглашенные издательства подверглись цензуре. Это, правда, касается только американских издателей, французские издательства сами себя отцензуровали, изъвав все то, что могло бы вызвать недовольство хозяев. Можно думать, что и другие европейские издательства побоялись навлечь на себя гнев Москвы. Такое угадывание желаний хозяев оплачивается: советская печать с одобрением отметила французское издательство «Ашетт», опубликовавшее книгу,

которая «находится в центре мирового внимания», — «Мемуары Леонида Брежнева». Не приходится говорить, что издательство «Ашетт» занимает на ярмарке центральное место, а центральное место среди его экспонатов занимают «Мемуары Леонида Брежнева».

Московский конгресс Ассоциации политических наук еще раз продемонстрировал, что политика в советском понимании совсем непохожа на «политику», как ее понимают в Гарварде, Сорбонне или Оксфорде. Карел Чапек рассказывает, как однажды волк предложил овцам систему обмена и взаимной безопасности: я не буду есть вашу траву, а вы мне будете давать ваше мясо.

1 сентября 1979 г. в Брюсселе Генри Киссинджер, выступая на конференции, посвященной перспективам стратегии Атлантического блока, заявил: «Возможно, что даже сегодня, но в 80-е годы без всякого сомнения Соединенные Штаты не будут находиться в стратегическом положении, которое позволит им свести советский контрудар против США к терпимому уровню». На человеческом языке это должно означать, что Западная Европа не должна больше рассчитывать на американскую ядерную защиту, что Советский Союз достиг или в ближайшее время достигнет ядерного превосходства.

Опыт недавней истории показывает, какой характер приобретает советская политика, когда ее руководители приобретают уверенность, что превосходство сил на их стороне. В 1958–62 гг., когда Никита Хрущев после запуска спутника был уверен, что сам черт ему не брат, играл с огнем и в Берлине, и на Кубе. Но тогда у Советского Союза было мнимое превосходство только в воображении Хрущева. А когда оно будет подлинным?

«Советская Россия» 9 августа, резко осуждая американскую стратегию, исходящую из того, что «главной задачей стран Атлантического пакта является недопущение захвата Советским Союзом нефтяных полей Ближнего Востока», предупреждает Западную Европу: «Нет нужды обладать большим воображением, чтобы понять, что Западная Европа... сыграет роль ядерной цели в случае глобального конфликта, вызванного Соединенными Штатами». Западные политологи и политики давно уже заметили, что обидеть страну зрелого социализма очень легко: достаточно не дать ему того, что он просит. Японский экономист Мичио Морисима предложил выход: «Когда русские придут, — пишет он, добавляя, что вряд ли они вторгнутся в Японию, но на всякий случай, — когда русские придут, встретим их спокойно с белым флагом в одной руке и красным в другой. Даже под Советской властью, может быть, без всякого сомнения, создана социалистическая, но жизнеспособная экономика, если только мы достойно встретим поражение». Не будучи знаком с трудами

проф. Морисима, не могу судить, какой он экономист, но, без сомнения, советскую систему он знает слабо: советскую армию нужно встречать только с белым флагом, красный может вызвать излишние осложнения.

История любит злые шутки: страх перед ядерным могуществом советской супердержавы приобрел характер паники в дни, когда отмечались два юбилея: подписание пакта Сталин—Гитлер и развязанной им второй мировой войны.

На Западе сегодня почти никто — за исключением коммунистов — связи этих двух событий не отрицает. Германские архивы, воспоминания гитлеровских сановников и союзных государственных деятелей не оставляют сомнения. Альберт Шпеер, в частности, рассказывает, как, получив из Москвы от Риббентропа телеграмму о подписании договора, Гитлер забегал по комнате: теперь все они у меня в кулаке. Нет сегодня сомнений и в том, что если бы воля Сталина, то дружба его с Гитлером длилась бы еще долго. Английский писатель Лен Дейтон в романе о захвате Гитлером Великобритании в 1940 г. описывает неделю германо-советской дружбы, включавшую визит советской эскадры и передачу Иосифу от Адольфа подарка: праха Карла. И нет в этом ничего фантастического.

Гораздо более фантастическими выглядят статьи, посвященные юбилеям в советской печати. Обращает внимание полное отсутствие в них имени руководителя Советского государства и партии в 1939 г. Во-вторых, обращает внимание абсолютная неизменность аргументов, объясняющих заключение пакта: Советский Союз был вынужден заключить договор 23 августа 1939 г., чтобы предотвратить войну. До сих пор, сорок лет спустя, советским гражданам не говорят, что 28 сентября 1939 г. Сталин и Гитлер подписали Договор о демаркации границ и дружбе, содержащий секретные статьи о разделе Польши. «28 сентября, — пишет политический комментатор журнала «Новое время» Лев Безыменский, — Германия подписала соглашение о демаркации границ». И все. И все же было бы несправедливо опустить изменение. Безыменский, правда, пишет о том, что «панская Польша и боярская Румыния» сорвали соглашение между СССР, Англией и Францией, но добавляет, что «Польша была жертвой нацистской агрессии». «Красная звезда» (3 сентября) даже добавляет в несвойственных органу Советской Армии патетических тонах: «текла кровь польского народа, но западные союзники оставались бездеятельными». Нельзя не признать, что это прогресс по сравнению с советской печатью сентября 1939 г. Кое-где в библиотеках еще хранится юмористический журнал «Крокодил» (26 сентября 1939 г.), на обложке которого был нарисован класс в польской школе, ученики и учитель, объявляющий им: «На этом, дети, мы закончим историю польского государства».

Еще никогда страх западного мира перед советской военной силой не был так велик. И никогда еще экономическое положение в Советском Союзе не было так скверно. Лучшие всяких статистических таблиц говорят о положении в стране анекдоты. После некоторого молчания (связанного, как говорят, с эмиграцией в Израиль) заговорило армянское радио. На вопрос, почему правительство заявляет, что цены повышаются только на предметы роскоши, а жизнь все-таки дорожает? радио Эривань отвечает: потому, что в Советском Союзе жизнь перестала быть предметом первой необходимости. А на знаменитый метафизический вопрос: что было раньше — яйцо или курица? — армянское радио отвечает: раньше было все...

«Будет хлеб — будут и песни». Этими золотыми словами начинается не передача радио Эривань, а самое выдающееся литературное произведение нашего времени — «Целина» Л. Брежнева. К сожалению хлеба нет. Т.е. он есть, но в США. И партия должна сама петь песни, под которые должен танцевать советский народ. «Песня», которую дал советским читателям журнал «Наш современник», вполне соответствует бурным событиям лета 1979 г. «Наш современник» — орган Союза писателей РСФСР, опубликовал в четырех номерах — 4, 5, 6, 9 огромный роман (редакция сообщает, что печатает роман в сокращенном виде, следовательно, в полном виде в нем более 1000 страниц) Валентина Пикуля «У последней черты». Подобной книги советская литература еще не знала. И неудивительно, что роман стал немедленно бестселлером, номера журнала продаются за бешеные деньги на черном рынке. Успеху романа способствовало и то, что после публикации последней части романа он подвергся официальной критике. Еженедельник Союза писателей РСФСР «Литературная Россия» поместила рецензию, в которой говорится, что роман не следовало бы печатать, ибо автор «потерял чувство меры». Советские юмористы Ильф и Петров ввели понятие «искусство на грани преступления», имея в виду советских авторов, которые считали, что идеологическая выдержанность заменяет все: грамотность, талант, совесть.

Валентин Пикуль переступил грань, роман его — преступление против литературы. И следовало бы дать ему название: «За последней чертой». А между тем, В. Пикуль пишет исторические романы скоро 20 лет, написал их с полдюжины. И на тему своего последнего романа о последних годах царской России он уже опубликовал три книги. Видимо, чувствуя социальный заказ, он написал на ту же тему четвертый. Падение императорской России стало в советской литературе темой модной с тех пор, как занялся ею Александр Солженицын. Советским писателям дано задание «догнать и перегнать» Солженицына, по крайней мере захватить его тему, в расчете, видимо, что снова о том же никто не захочет читать.

(Тактика «вытеснения» писателей-диссидентов принимает и иные формы: в 1979 г. в Москве напечатана книга старого певца «органов» Федора Шахмагонова под названием «Хранить вечно», а под этим самым заглавием несколько лет назад вышел первый том воспоминаний Льва Копелева о сталинских лагерях).

В 1978 г. вышла книга о падении царизма — «Двадцать три ступени вниз» М. К. Касвинова. Книга Касвинова должна представлять собой «научно-популярное» опровержение — заранее! — Солженицына.

Роман Пикуля — «художественное» опровержение. Бабель писал, что отец Бени Крика — Мендель Крик считался грубияном даже среди биндюжников. По сравнению с романом Пикуля даже книга Касвинова, полная фальсификаций, умолчаний, прямой лжи, кажется образцом порядочности. Герой романа Пикуля — Григорий Распутин.

В 20-е годы в Советском Союзе о Распутине писали немало: выдали воспоминания, исторические монографии, Алексей Толстой вместе с историком Щеголевым написал пьесу «Заговор императрицы», имевшую шумный успех у зрителей. Потом Распутин исчез из советской исторической и художественной литературы. Вновь появляется он в исторической литературе в 70-е годы на волне начавшейся антиссионистской кампании.

Валентин Пикуль берет официальный ныне тезис советской историографии: Распутин был марионеткой в руках евреев и добавляет необходимый элемент для настоящего антисемитского романа — эротику. Конечно, скажем сразу, советская эротика еще уступает кое в чем, кое-где эротике капиталистической. Но, во-первых, советская эротика, как все советское, непрерывно развивается, а во-вторых, она никогда не бывает, как на разложившемся Западе, эротикой для эротики, она несет идеологическую нагрузку. После смерти Александра III, — рассказывает Валентин Пикуль, — человека симпатичного, «отчаянного русофила», к власти приходит его сын Николай II, который подпадает под власть своей супруги немки, а ее забирает в свои руки — через Распутина — «кагал финансовой олигархии», «дельцы сионистского мира», «банкирский кагал», «сионистская шайка». Никогда еще в советской литературе с таким смаком не произносилось слово «кагал».

«Кагал» захватывает власть в России, ибо царь был алкоголиком (М. Касвинов на этот счет категоричен: «вопреки распространенному мнению, Николай пил мало», с. 129), а царица... Царицу Валентин Пикуль не щадит: «Помимо страсти к обаятельному наркоману Орлову, императрица испытывала странную привязанность к Анне Танеевой (будущая Вырубова)» («Наш современник», № 4, с. 82), «...за царским столом подал голос молодой и красивый капитан 1-го ранга Саблин, одинаково

любезный с царем (с которым выпивал) и с царицей (с которой спал)» (№ 5, с. 123). Вульгарность описания встреч царицы с Гришкой Распутиным (главным любовником Пикуля считает его) превосходит все, что может себе представить живейшее советское воображение. Императрица, по представлениям Пикуля, ведет себя так: вызвав к себе Саблина, она «сочно поцеловав его в губы, врезала ему оскорбительную пощечину: «Что ты там наболтал моему дураку?!» (№ 6, с. 91). Под «дураком» она имеет в виду своего венценосного супруга.

Друг замечательного писателя Андрея Платонова рассказывает, что однажды он застал Платонова читающим очередной советский бестселлер с видимым удовольствием и улыбкой на лице. Что в этой книге смешного? — с удивлением спросил он. «Знаете, — ответил Платонов, — она такая плохая, что если бы была чуточку хуже, она стала бы хорошей». Язык Пикуля, его чудовищная неграмотность делают его роман «хорошим», т.е. образцом, моделью советской бульварной литературы. Приведу лишь один пример. Царица, — пишет он, — страдала «манией перспективы» (№ 4, с. 109).

Был бы роман Пикуля еще одним курьезом советской литературы, еще одним образцом советского языка и документом времени, если бы не его «мессаж». Советский писатель доказывает, что «сионистский кагал» был причиной поражения России в справедливой, необходимой стране войне с Германией. Царица и Распутин осуждаются, в конечном счете, лишь за то, что они были против войны с Германией. Упрек «литературной России» в адрес Пикуля сводится в конечном счете к тому, что он «потерял чувство меры», ибо в том же направлении — т.е. против войны, за поражение в войне — действовали рядом с «кагалом» большевики во главе с Лениным. А не были ли большевики подкуплены «кагалом»? — неизбежно возникает вопрос у читателя. Официального разрешения ставить такой вопрос пока еще не было.

В состав редколлегии журнала «Наш современник» входят и настоящие писатели: В. Астафьев, В. Распутин, Е. Носов. Хорошо известно, что в каждой советской редакции дела решает редактор да цензор, а имена знаменитых писателей берутся для украшения. И все же неприятно видеть имена писателей в журнале, публикующем произведение, отражающее такой уровень нравственного падения страны и литературы, что, кажется, ниже и быть не может.

Романы, подобные опусу Пикуля, романы, выражающие суть соцреализма, представляющие собой эссенцию советской литературы, воспитывают советского человека, о котором с болью и содроганием пишет в своей замечательной книге Владимир Буковский: «Человек, у которого нет

ни чести, ни гордости, ни чувства личной ответственности, который может один на медведя с рогатиной ходить, а мимо милиции идет — робет, аж пот его прошибает. Который предаст и продаст отца родного, лишь бы на него начальник не накричал».

Можно возразить: так оценивает советского человека диссидент, враг советской системы. Но вот «Литературная газета» после длительного молчания решила вспомнить об Александре Годунове, который решил остаться в США. Все другие советские газеты писали только о том, что американцы — неизвестно почему — решили не выпускать рвавшуюся на родину балерину Людмилу Власову. «Литературной газете» позволили упомянуть имя Александра Годунова. Для советской газеты все ясно: один из лучших советских артистов, гордость Большого театра, остался в США, ибо ему «предложили золотой мост и море бесплатного виски». И газеты, и читатели согласны — ни один настоящий советский человек против такого соблазна не устоит.

12 октября 1979

Всего несколько месяцев назад советская пропагандистская машина одержала замечательную победу, организовав мощную, интенсивную кампанию против т.н. нейтронной бомбы, заставила президента Картера запретить ее производство. Нейтронная бомба стала целью советской пропаганды потому, что этот вид оружия еще не имеется на вооружении Советской Армии, и потому, что он предназначался для борьбы с десятками тысяч танков, угрожающих Западной Европе.

19 сентября был дан сигнал к новой кампании. «Правда» опубликовала статью заместителя заведующего отделом международной информации ЦК КПСС Валентина Фалина. Многолетний посол в ФРГ Фалин, перейдя на работу в ЦК, приобщился к тем, кто формирует советскую политику. Статья Фалина, сухая, деловитая, ставила все точки над всеми «i». Страны Атлантического блока, говорилось в статье, намереваются в конце года принять решение о модернизации атомного оружия, находящегося на их территории. Они собираются это сделать под предлогом мнимой угрозы со стороны Советского Союза. Поскольку, заявляет Фалин, никакой советской угрозы нет, о чем уже давно сказал тов. Брежнев, перевооружение Европы вызовет усиление вооружения Советской Армии. И Западная Европа не только ничего не выиграет, а наоборот...

Главная идея статьи сформулирована в виде новой советской доктрины, которую можно бы назвать доктриной Фалина. Доктрина Фалина со-

стоит в категорическом отказе согласиться на «два равновесия». Советский Союз стремится к созданию глобального стратегического равновесия между двумя супердержавами: СССР и США. Он категорически против создания второго равновесия между СССР и Западной Европой. Западная Европа не должна иметь притязаний на равновесие сил с Советским Союзом и не имеет никакого права размещать на своей территории определенные типы оружия, те, которые Советский Союз сочтет нежелательными.

Сигнал к началу кампании был дан. 21 сентября «Правда» публикует статью начальника Генерального штаба маршала Огаркова. Маршал, человек военный, с военной простотой разоблачает «миф о советской военной угрозе» (так называется статья). Маршал утверждает: «Всему миру хорошо известно, что Советский Союз никогда и нигде ни на кого не нападал». Маршал Огарков использует классическую форму советского пропагандного языка. Для читателей совершенно ясно: если «всему миру хорошо известно...», то те, кто сомневается в том, что «Советский Союз никогда ни на кого не нападал» являются отбросами человечества, исчадиями ада, поджигателями войны. Генерал-лейтенант Червов, выступая 23 сентября по московскому телевидению, категорически заявил: «агрессивные намерения чужды нашей армии». Советская печать наполнилась статьями высказываниями, комментариями, разоблачавшими агрессивные намерения западноевропейских политиков, которые, как писали «Известия» (4.9.79), «стремятся разместить в странах Западной Европы сотни крылатых ракет и ракет «Першинг-2». Бесспорным свидетельством «агрессивных намерений» стали появившиеся на Западе книги, изображающие возможное вторжение советских войск в Западную Европу. Особенно много советских чернил было пролито и продолжает проливаться по поводу книги «Третья мировая война», написанной английским генералом Джоном Хаккетом в сотрудничестве с другими военными и дипломатами*. Стоит отметить, что книга эта, вышедшая на английском языке около года назад, привлекла внимание советских пропагандистов лишь сейчас, после выхода ее на французском языке. «Негодование нашего народа по поводу этой клеветы на советскую политику и Советскую Армию совершенно законно», — указал генерал-лейтенант Червов. «Известия» (10.9.79) обрушились на парижский «Ле монд», позволивший себе опубликовать рекламное объявление на книгу генерала Хаккета. «Реклама провокационной книжки, написанной генералом, — предупреждает орган советского правительства, — достаточно красноречивое свидетельство». Свидетельство преступных намерений.

* См. «Культура», № 3/79

Следующий шаг в кампании был сделан 1 октября лично Л. И. Брежневым. В беседе с делегацией Социалистического Интернационала Брежнев разоблачил «миф советской угрозы» Западной Европе, но предупредил тех, кто хочет превратить Западную Европу «в пусковую площадку американского оружия против СССР», что они «играют с огнем». Честь, оказанная Генеральным секретарем ЦК КПСС социалистам и даже социал-демократам, была выражением благодарности за пацифистскую деятельность, в частности, за роль, сыгранную социалистическими партиями в борьбе с нейтронной бомбой.

И, наконец, 6 октября в Восточном Берлине перед ареопагом всех вождей социалистических стран (за исключением Чаушеску) и тех, кто в такие вожди стремится, явившихся праздновать 30-летие ГДР, Брежнев поставил Западной Европе ультиматум. В скобках отметим для будущих биографов, что Брежнев получил перед своим выступлением сразу две награды: Орден Карла Маркса и Золотую Звезду Героя ГДР — на груди Генерального секретаря звезд теперь значительно больше, чем в созвездии Большой Медведицы.

Ультиматум Брежнева представлен в форме миролюбивой акции и не исключено, что Генеральный секретарь будет выдвинут в кандидаты на Нобелевскую премию мира. Брежнев заявил, что Советский Союз односторонне сокращает свои Вооруженные Силы, размещенные в ГДР, на 20 тыс. человек и одну тысячу танков. Одновременно Советский Союз «готов сократить число ядерных ракет среднего радиуса действия, расположенных в западных районах СССР, при условии, конечно, что новое ядерное оружие среднего радиуса действия не будет размещено в Западной Европе».

Советская печать не перестает трубить о миротворце Брежневе и о тех, кто не хочет последовать его примеру. Простые цифры, недоступные советскому читателю, свидетельствуют о подлинном смысле акции («в защиту мира»). По сведениям западных специалистов, Советский Союз держит в Восточной Германии 22 дивизии, насчитывающие 400 тыс. человек и около 7 тыс. танков. Всего в центре Европы Варшавский пакт располагает 114 дивизиями и 27 тысячами танков, значительно превосходя силы НАТО. Вывод тысячи (устаревших) танков и 20 тыс. солдат не может изменить соотношения сил. Не говоря уже о том, что советская авиация может сегодня за один раз перебрасывать на длинные дистанции две парашютно-десантные дивизии. Но преимущество советских Вооруженных Сил в центральной Европе заключается не в области т.н. оружия обычного (конвенционального) типа. Брежнев заявил в Берлине: В течение последних десяти лет Советский Союз не увеличил свои силы ни на одну ракету, ни на один самолет, «не увеличил количество ядерных векторов сред-

него радиуса действия». В возрасте Брежнева пора уже начать думать о душе и перестать говорить неправду. Знаменательно, однако, что он говорит о сохранении количества «ядерных векторов», т.е. числа ракет. Дело в том, что старые ракеты (на Западе их называют СС-4 и СС-5) заменяются новейшими, типа СС-20. Эти последние не только несравненно точнее старых, они менее уязвимы, ибо запускаются с подвижных платформ, а главное, они имеют каждая по три ядерные головки вместо одной. Радиус их действия — 3 500 км. Появление этих ракет нового типа, нацеленных только на Западную Европу (поскольку соглашение СОЛТ ограничивает лишь число ракет, нацеленных на США и СССР, Москва может производить столько СС-20, сколько душа пожелает), встревожило европейских стратегов. Для восстановления равновесия они и пожелали установить у себя американские летающие ракеты дальнего действия и ракеты «Першинг-2» среднего радиуса.

В обмен на отказ от установки американских ракет в Западной Европе Брежнев торжественно обещает: «СССР никогда не использует ядерного оружия против страны, которая откажется от такого оружия и не будет иметь его на своей территории».

А для тех, кто не послушается, Советский Союз предполагает установить 1200 ракет СС-20, производя их со скоростью 65–70 в год. Страны НАТО предполагают (если их не напугает ультиматум Брежнева) установить 464 летающие ракеты и 108 ракет «Першинг-2». Страны НАТО примут решение в декабре 1979 г. Не предрекая, каким это решение будет, можно сказать, что Советский Союз сохраняет шансы на успех своей политики. Два события последних недель позволяют предполагать, что шансы эти очень велики.

Первым этим событием был т.н. кубинский кризис. Давно уже непоследовательность, слабость, бездарность американской внешней политики не проявлялись так наглядно. Обнаружив на Кубе бригаду советских войск (которая находится там, кажется, лет десять), американцы пришли в полное недоумение: они, во-первых, не могли понять, что эта бригада там делает, во-вторых, не могли решить, что им с ней делать. В потоке предположений и предложений, заливавших американскую печать в течение нескольких недель конца сентября и начала октября, наиболее фантастическое объяснение причин пребывания советской бригады на Кубе дал постоянный комментатор «Интернешнл херадьд трибюн» Леопольд Унгер, а наиболее реалистическое предложение, что же с этой бригадой делать, дал американский сатирик Арт Бухвальд. Леопольд Унгер полагает, что советские войска на Кубе, во-первых, охраняют сложное электронное оборудование, позволяющее подслушивать все, что говорят американцы,

во-вторых, охраняют 25 тысяч советских гражданских и военных экспертов, работающих на острове Свободы, в-третьих, охраняют Кастро. Эти три объяснения, предлагаемые и другими комментаторами, вполне логичны и, возможно, соответствуют действительности. Фантастична четвертая — по мнению Леопольда Унгера — функция советской бригады: «защитить Советский Союз и Соединенные Штаты». Т.е. контролировать Кастро. Ибо, рассуждает Унгер, «советский президент Брежнев не один уже раз дал убедительные доводы своего политического реализма и своей идеологической гибкости». Нельзя, — добавляет комментатор, — «считать ни старого и больного Брежнева, ни колеблющегося и с каждым днем все менее влиятельного Картера авантюристами». В тоже время от Кастро можно ожидать всего. И поэтому советская бригада на Кубе, в конечном счете, выполняет прогрессивную миссию. Как, если следовать этой логике, советские советники в Афганистане и ряде других мест земного шара.

Арт Бухвальд с пронизательностью, свойственной сатирикам, все понимает и предлагает пригласить советскую бригаду на Кубе в США. Он рассуждает с чисто картезианской логикой: каждый раз, когда советские люди приезжают в США, они «выбирают свободу». Если советские власти после бегства советских артистов «побоялись послать в США свой симфонический оркестр, они наверняка не решатся послать 300 солдат в Диснейленд». А их отказ можно будет представить как победу США.

Вторым событием было решение Соединенных Штатов разрешить Советскому Союзу закупить 25 млн. тонн зерна. В 1972 г., когда советское сельское хозяйство переживало тяжелый неурожай, было продано 18 млн. тонн. Теперь рекорд значительно побит. Очередным свидетельством слабости, непоследовательности и бездарности американской внешней политики является тот факт, что те самые сенаторы, которые чрезвычайно резко выступали против пребывания советской бригады на Кубе, чрезвычайно активно выступали за продажу СССР американского зерна в неограниченном размере, ибо они представляют штаты с преобладающим фермерским населением.

Оставляя в стороне проблемы гуманитарные — необходимость накормить голодающих советских граждан и проблемы экономические — необходимость сохранить доходы американских фермеров за год до президентских выборов, можно остановиться на проблеме самой главной.

Если бы кому-нибудь пришло в голову заглянуть в орган ЦК КПСС «Коммунист» — в № 1 за 1953 г., он нашел бы там на странице 5 гордое утверждение: «Зерновая проблема, справедливо считавшаяся ранее наиболее острой проблемой, решена прочно и окончательно». Прошло уже более четверти века после этого заявления, а продовольственное положение

ние в СССР становится с каждым годом все хуже и хуже. Осенью 1979 г., когда я пишу этот «Обзор», приобретение мяса в столице советской супердержавы может считаться подвигом. Американские специалисты любят объяснять продовольственный голод в СССР плохими метеорологическими и географическими условиями. В № 1 журнала «Экономика сельского хозяйства» за 1979 г. доцент кафедры политэкономии Ленинградского института советской торговли Искра Макарова приводит поразительные цифры: подсобное личное хозяйство колхозника (так это официально называется) занимает в СССР 2,7% пахотной земли. Этот клочок дает 10% всей товарной сельскохозяйственной продукции страны. Колхозники кормят на своих участках 20% всех коров, 21% свиней, почти 18% овец. За минувшие четверть века урожай на этих участках вырос на 25%. А в колхозах урожайность увеличиваться не хочет.

После смерти Сталина Хрущев устранил некоторые преграды, мешавшие сельскому хозяйству, слегка улучшил положение колхозников. Но очень скоро выяснилось, что только структурные изменения могут вывести советское сельское хозяйство из хронического кризиса. Такие изменения могли повлечь за собой изменение всей системы. На это советские руководители пойти не хотели. Им на помощь пришел Запад, прежде всего США. Запад обеспечивает Советскому Союзу тот минимум, который делает различие между недоеданием и голодом.

По данным статистического сборника «Внешняя торговля СССР», вышедшего в 1979 г., Советский Союз ввез в 1977 г. 20,8% «пищевкусовых товаров». В 1978 г., с его рекордным урожаем, было импортировано 19,2%. Из США было ввезено в 1977 г. 6 265 000 тонн зерна, в 1978 — 14 315 000 тонн. В 1979 г. будет ввезено 25 млн. тонн.

Как во всем, пример дал Ленин. В связи с празднованием 62-й годовщины проезда Ленина из Швейцарии через Германию, Швецию и Финляндию в Петроград датские журналисты исследовали, что же делал вождь революции во время путешествия. И выяснили, что во время остановки в маленьком шведском порту Треллеборг товарищ Ленин, несмотря на то, что остановка длилась пятнадцать минут, успел купить себе западные штаны. Вождь и создатель первого в мире социалистического государства, видимо, понимал, что идей в стране социализма будет много, а штанов будет не хватать. Одновременно он показал потомкам, что штаны всегда можно будет купить на Западе. Штаны или другие необходимые вещи. Развивая творчески марксизм, Ленин создает ленинизм: теорию, оправдывающую создание материального базиса в одном месте (например на Западе), а идеологической надстройки — в другом (например на Востоке).

Строительство идеологической надстройки идет в СССР чрезвычайно успешно, с помощью испытанных, проверенных в течение 60 с лишним лет способов. Очередным шагом в укреплении идеологической надстройки было постановление ЦК КПСС «об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушителями». Постановление начинается — как полагается по советской традиции — с утверждения, что ранее принятые меры создали «условия для ликвидации преступности и ее причин». А затем следует длинный перечень преступлений, с которыми все еще нужно бороться. Постановление призывает «органы охраны правопорядка», т.е. прокуратуру и министерство внутренних дел «бескомпромиссно бороться», «усилить борьбу», «ликвидировать», «повысить» и «расширить». Партийные комитеты призываются «повысить политическую бдительность».

Подобных постановлений принималось десятки. И каждый раз они обозначают начало очередной волны репрессий. Каждый раз советские граждане вычитывают между строк очередной объект новой репрессии. Комментируя постановление ЦК (знаменательно, что Центральный комитет партии занимается организацией «охраны и борьбы»), еженедельник «Неделя» (№ 38) называет «одной из самых важных тем» «активизацию борьбы с туеядством». Указ об уголовном наказании «туеядцев», т.е. тех, кто не занимается «общественно полезным трудом» был введен еще во времена Хрущева. В последние годы он используется все шире и шире для получения даровой рабочей силы. Туеядцы, объясняет в «Неделе» полковник милиции Минаков, «в основном физически здоровы, это молодые люди в возрасте 18–29 лет». Как правило, уверяет полковник милиции, они совершают разные преступления. Корреспондент «Недели» задает вопрос: «Но может же быть такое, что туеядец формально (!) не нарушает закон, то есть не совершает каких-либо противоправных действий — просто не работает. Как такое поведение может рассматриваться?» На этот вопрос отвечает «заслуженный юрист РСФСР, доктор юридических наук» В. Иванов. Для заслуженного юриста не имеет значения, нарушает или не нарушает формально закон туеядец. Если «будет установлено, что человек на протяжении длительного времени, а именно четырех месяцев плюс месяц после предупреждения» не работает — к нему применяется статья 209 Уголовного кодекса. Те из советских граждан, которые смогут взглянуть в Уголовный кодекс (найти его так же трудно, как секреты советских ракет), увидят, что статья 209 говорит о наказании «лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок от 6 месяцев до одного года» за «систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством». По разъяснению за-

служенного юриста статья 209 может быть применена и к тем, кто живет у себя дома, не попрошайничает, но физически здоров.

Еще до публикации нового постановления ЦК КПСС на Запад проник документ, подготовленный физиком Юрием Орловым, осужденным 18 мая 1978 г. на 7 лет лагеря и 5 лет ссылки за антисоветскую деятельность, т.е. за руководство Комитетом по наблюдению за выполнением соглашений в Хельсинки. Юрий Орлов с помощью товарищей-заключенных подсчитал число заключенных в СССР. Общее число заключенных, находящихся в тюрьмах и лагерях, составляет — по их подсчетам — не менее 3 млн. человек. Если прибавить к ним тех, кто — как, например, тунеядцы — находится на принудительных работах, в ссылке и т.п. — цифра не будет ниже 5 миллионов. Это примерно 2% населения страны. Не исключено, что после постановления ЦК процент этот увеличится.

В сентябре 1979 г. Леонид Брежнев совершил паломничество в свой родной город — Днепродзержинск. Еле сдерживая слезы, осмотрел он квартиру, в которой жил великий человек (т.е. он сам), институт, в котором учился великий человек, памятник, поставленный ему. «Странно видеть себя в бронзе, — тонко заметил он, — но приятно в каком-то смысле быть всегда в городе моего детства и моей юности». Но лучше всякой бронзы сохранят имя Вождя пять миллионов заключенных, создающих могущество его державы.

10 ноября 1979

В первых числах октября в Тбилиси состоялся впервые в советской истории международный коллоквиум, посвященный «подсознательной умственной деятельности». Все было, как на всех подобных международных сборищах, организуемых в СССР: плотный контроль за участниками и сомнения иностранцев, боящихся лишь одного — как бы опрометчивым словом не обидеть хозяев. Особенностью тбилисского коллоквиума было присутствие на нем психоаналитиков (приехавших из Франции, Англии, США, Германии, Италии), профессионалов, убежденных в том, что они всегда могут из слов собеседника узнать о нем всю правду. Не было ничего удивительного, что недавний конгресс политологов, состоявшийся в августе в Москве (см. «Культуру», № 10), собрал иностранцев, ничего не понимавших в советских делах. Политологи были, есть и будут невеждами в советских делах. Психоаналитики думали, что они смогут разобраться в советских людях, ибо их специальность — видеть «за маской» человека, и — как свидетельствует один из участников-францу-

зов — с ужасом обнаружили, что они не знают и не понимают ничего. Молодой человек, подошедший к иностранному делегату и заявляющий, что он хочет уехать из Советского Союза и просит дать ему адрес, кто он: диссидент или агент КГБ? Академик Басин, заявляющий, что он не понимает фрейдистских терминов, кто он: невежда или трус?

Хроническим принципиальным непониманием советской системы и советского человека объясняю я невнимание мировой печати к важному событию, происшедшему в Москве. 16–17 октября 1979 г. в Большом Кремлевском дворце собрались советские «идеологи», хозяева тела и души советских граждан, претендующие на власть над телами и душами граждан стран «социалистического содружества» и над душами (если не всегда телами) миллионов членов коммунистических партий во всем мире (еще не пришедших к власти). Собрание называлось: «Всесоюзное совещание идеологических работников». В течение двух дней все советские газеты публиковали «материалы» совещания: страницы и страницы доклада главного Идеолога товарища Суслова и выступления идеологов помельче; руководителей радио и телевидения, издательств и Союза писателей, кинематографии и милиции. Выступали секретари республиканских коммунистических партий и начальник политического управления Советской Армии (из его выступления не напечатано ни строчки).

Десятки метров бумаги, занятой «идеологическими» текстами, не привлекли внимания комментаторов. И напрасно. Преодолеть всю эту бумагу нелегко, но труд (хотя и есть в нем доля мазохизма) оправдывает себя. На эзотерическом советском языке в докладе Суслова и его подручных изложена программа деятельности партии.

Доклад Суслова называется «Дело всей партии». Вечный больной, перенесший недавно глазную операцию, 77-летний Суслов подвел итоги брежневского пятнадцатилетия (совещание подгадали ко дню свержения Хрущева). И наметил программу на будущее. Программу деятельности партии. Партия, объясняет Суслов, решает две задачи: «в области экономики и воспитания». Т.е. держит в своих руках тела и души советских граждан. Держит «научно», по законам «науки». Слово «научный», «наука» и их синоним — марксизм-ленинизм — встречается чаще всех других слов. Впрочем, марксизм-ленинизм, как полагает докладчик, можно бы сегодня заменить выражением марксизм—ленинизм—брежневизм, ибо Брежнев назван четвертым выдающимся марксистом после Маркса—Энгельса—Ленина.

Весь доклад можно представить, как выступление ремесленника, рассказывавшего о том, как он обрабатывает находящийся в его распоряжении материал: дерево или металл. М. А. Суслов рассказывает о том, как

под его руководством обрабатывают аморфную человеческую массу — граждан СССР. Инструмент их обработки — «многомиллионная армия идеологических кадров». Эта многомиллионная армия идеологов должна, настаивает Суслов, «охватить своим идейным влиянием всю массу и в то же время дойти до каждого человека». Комсомольский вождь Б. Пастухов разъяснил в своем выступлении идею Сулова: «процесс воспитания должен быть непрерывным», он должен действовать по месту жительства, в семье, на работе — всюду.

М. Суслов намечает, какие качества необходимо воспитывать в «новом человеке», формирование которого объявляется «важнейшей составной частью всего дела коммунистического созидания». Кроме старых задач — они стоят уже 62 года! — борьбы с «пьянством, хулиганством, тунеядством, стремлением урвать побольше от общества, ничего не давая ему, злоупотребления служебным положением, стяжательством и взяточничеством», появилась новая. Главный идеолог поставил перед «нашими философами, социологами, психологами, педагогами «задачу разработки проблем формирования разумных потребностей».

Задача эта тем более актуальна, что «всем нам хорошо известно, какими сложными оказались условия нынешнего года для промышленности и в особенности сельскохозяйственного производства». В связи с этими «сложными условиями», в связи с невыполнением планов в промышленности и необходимости закупить 25 млн. тонн зерна идеологи должны убедить советских граждан в необходимости формировать только «разумные потребности». Скажем, неразумная потребность в мясе должна быть отнесена «к рецидивам мещанской, мелкобуржуазной психологии». Совещание идеологических работников объяснило, наконец, почему советское сельское хозяйство находится в вечном прорыве и почему оно из него никогда не вылезет. Секретарь ЦК Казахстана С. Н. Имашев с гордостью сообщил, что на уборке урожая в республике вместе с колхозниками «участвует большой отряд идеологических работников — свыше 140 тыс. агитаторов и политинформаторов, лекторов и политдокладчиков, культпросветработников, деятелей литературы и искусства». Совершенно очевидно, что если бы эту армию «идеологических работников» (примерно десять дивизий) бросить на американское сельское хозяйство, США стали бы закупать хлеб в Канаде.

Давно уже ведутся споры о взаимоотношениях между советскими гражданами и советской идеологией: насколько она действительна, верят или не верят в нее. Оптимисты и невежды категоричны: в идеологию больше никто не верит, над Лениным смеются, газет не читают, радио слушают, но пропаганду пропускают мимо ушей, телевидение смотрят, но только когда показывают футбол или хоккей. Доклад Сулова демонстрирует, что раз-

говоры о советской идеологии в категориях «верят—не верят» — бессмысленны. Суслов не требует, чтобы советский народ верил, он требует, чтобы он практиковал, отправлял обряд. И тогда яд идеологии будет проникать не только через глаза и уши в мозг, он будет проникать через поры кожи. Свыше 22 млн. человек — почти 10% всего населения страны, включая грудных младенцев, «занималось в истекшем году в системе партийной учебы». Но и этого мало: Суслов рекомендует проводить «единые политдни». Т.е. периодически — раз в месяц, раз в неделю объявлять в городе, области единый политдень: в этот день все, в том числе и «такие группы населения, которым зачастую уделяется недостаточное внимание», принимают концентрированную дозу идеологии.

Среди конкретных указаний, данных различным «инструментам формирования нового человека»: телевидению, милиции, газетам, литературе, обращают внимание «несколько слов о насущных задачах в сфере художественного творчества в современных условиях». Суслов повторяет неизменное требование партии к литературе: единственный критерий достоинства литературного произведения — «идейность и художественность». Художественность на втором месте и не обязательна. Аркадий Белинков уже давно определил социалистический реализм как литературу, которая нравится вождям в перерыве между двумя идеологическими совещаниями. Суслов называет темы, которые на данном этапе, на данном совещании вождям не нравятся. Одна тема — это «натуралистическое бытописание, мир мещанских страстишек». Главный идеолог подразумевает т.н. городскую литературу, крупнейшим представителем которой является Юрий Трифонов. Другая тема, которая вызывает недовольство вождя: «внеисторические, искаженные представления о прошлом, странные пристрастия к фигурам исторических авантюристов, поверхностные суждения о современности». М. Суслов имеет здесь в виду литературу, наиболее красноречивым образцом которой является роман Валентина Пикуля о Распутине (см. «Культура», № 10, 1979) — воинственно шовинистический и антисемитский. Суслов предупреждает: шовинизм и антисемитизм являются составными элементами идеологии, они не могут ее заменить.

Полная тотальная власть над душами и телами советских граждан не успокаивает, однако, Главного Идеолога. Существует внешний мир, который, с одной стороны, представляет собой территорию, которую необходимо завоевать, а с другой — территорию, откуда проникают бактерии, разъедающие всемогущую советскую идеологию. Внешнеполитическая часть доклада М. Суслова представляет собой программу действия советской идеологии в остальном, еще не советском мире.

Внешнеполитическую идеологическую программу дополнил и конкретизировал ответственный за ее распространение во всем мире кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК Борис Пономарев.

Весь мир — в выступлениях Сулова и Пономарева — разделен на несколько сфер: первая — это, естественно, зона «развитого социализма»; вторая — тоже «развитого», но чуть менее, это зона «братских стран», «мирового социалистического сотрудничества»; третья — зона «прогрессивных режимов»: Пономарев зачитал победоносную сводку, перечисляя — Вьетнам, Лаос, Кампучия, Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Афганистан, Никарагуа, резюмируя: «идет неумолимый процесс смены отживших реакционных режимов прогрессивными, все чаще с социалистической ориентацией»; наконец, четвертая зона — капиталистический мир.

Зона «прогрессивных режимов» — зона военных действий, и там идеология внедряется с помощью автоматов, артиллерии, танков, авиации (по сообщениям из Афганистана, критика отсталых взглядов мусульманских повстанцев особенно хорошо удается с помощью тяжелых вертолетов, вооруженных ракетами).

Два главных направления удара советской идеологии — зоны вторая и четвертая. Сулов отметил «нарастание общности в политике, экономике и духовной жизни братских стран», «сходство кардинальных задач идеологической работы» и приветствовал «новые полезные шаги в дальнейшем расширении идеологического сотрудничества». Б. Пономарев сообщил, что расширение «идеологического сотрудничества» идет «по многим каналам». В частности, «крупнейшее значение имеют крымские встречи тов. Л. И. Брежнева с руководителями компартий социалистических стран», шестой год проводятся «регулярные совещания секретарей ЦК братских партий социалистических стран», на которых производится «координация в сфере идеологии и пропаганды». Можно сказать, что во второй зоне идеологические и пропагандистские акции, следовательно, вся духовная жизнь «братских стран», координируются — и контролируются — Москвой. Трудно поэтому согласиться с Иржи Пеликаном, бывшим деятелем «пражской весны», ныне депутатом Европейского парламента, что процессы 1979 г. в Праге были вызовом Москве, признаком борьбы за власть, которая ведется в Кремле. Можно не сомневаться, что решение о них было принято в Крыму или каком-нибудь другом курортном месте Советского Союза.

Удар по четвертой зоне носит комбинированный характер: он сочетает «расширение и углубление внешнеполитической контрпропаганды». В частности, резко выступая против передач на русском языке, которые ведутся западными радиостанциями, советские идеологи сами на иност-

ранных языках «вещать» не стесняются. М. Суслов с гордостью заявил: «В мировом эфире стала звучать на все континенты круглосуточная служба московского радио на английском языке, значительно расширившая международную аудиторию Москвы». Контрпропаганда состоит прежде всего в борьбе со всеми, кто осмеливается критиковать или высказывать недовольство Советским Союзом. С теми, например, кто «с грязной целью «изобрел» проблему мнимого нарушения прав и свобод человека в Советском Союзе». М. Суслов с удовлетворением отмечает, что «сегодня... эта кампания клеветы и лжи выдыхается» — советская контрпропаганда одержала победу.

Особенностью идеологического наступления в четвертой зоне является использование не только коммунистов, число которых «в несоциалистической части мира», как выразился Б. Пономарев, возросло на 1 млн. в 70-е годы, за которых голосует 40 млн., но и тех, с кем имеются «идеологические противоречия». В частности, с западноевропейскими социалистическими партиями. Б. Пономарев, руководивший советской делегацией на встрече в Москве с делегацией Социалистического интернационала, с удовлетворением отметил «значительную степень совпадения взглядов по вопросам борьбы за мир, разрядку, против гонки вооружений, за разоружение». Социалистические партии Западной Европы выбраны главным объектом нажима с целью недопущения установки американских ракет нового типа в Европе. Кроме социалистов обрушено внимание на использование «многообразных связей советских профсоюзов, обществ дружбы, других общественных и научных организаций с зарубежными странами». Все эти организации должны «распространять правильные представления о реальном социализме». Что и делается на конгрессах, конференциях, коллоквиумах генетиков, политологов, психиатров и т.д. и т.п.

Б. Пономарев отмечает как внушительную победу советской идеологии тот факт, что «на нынешнем этапе на Западе открыто против разрядки практически редко кто выступает». Практически выступают против — «известные круги в США», анонимные — «антисоветизм» и «антикоммунизм» и — по имени: «Китай», который ведет «линию на смыкание с империализмом», хотя Б. Пономарев отметил, что «сейчас маоистские концепции кое в чем пересматриваются».

Удивительный документ, пришедший из Москвы и опубликованный в США, может служить примером чудовищной античеловеческой силы советской идеологии. Дмитрий Шостакович за четыре года до смерти начал диктовать мемуары музыковеду Соломону Волкову. Каждую записанную главу Шостакович подписывал, подтверждая ее подлинность, а затем глава пересылалась за границу. После смерти композитора выехал в США

Волков. В октябре 1979 г. книга была опубликована на английском языке. Сегодня опубликовано на Западе много книг советских диссидентов, людей, бежавших от идеологического гнета при жизни. Дмитрий Шостакович бежал после своей смерти, до последнего дня жизни ненавистный режим, продолжал ему служить. Мемуары Шостаковича — быть может, самая трагическая из книг, написанных жертвами идеологии. Это история великого композитора, раздавленного Советской властью, ни минуты не сомневавшегося в ее подлинном характере и не находившем силы на бунт, который означал бы самоубийство. Дмитрий Шостакович рассказывает о том, как он был уничтожен — морально и духовно — в 1936 г., когда появилась в «Правде» статья «Сумбур вместо музыки» об опере «Леди Макбет Мценского уезда», а через несколько недель — не менее уничтожающая статья о балете «Светлый ручей». Судьба Шостаковича снова возвращает нас к проблеме: гений и тоталитарная власть, гений и советская идеология. Эйзенштейн служил Сталину и рассчитывал — с помощью своего мастерства сказать о нем правду. В действительности он был одним из тех, кто «формировал советского человека». Всемирную известность Шостаковичу принесла Седьмая («Ленинградская») симфония с ее страшной, злоеющей темой германского нашествия. В своих мемуарах композитор рассказывает, что симфония была им написана до войны, а злоеющая тема выражала ужас сталинского террора. Неминуемо возникает вопрос: имеют ли значение намерения художника или цели, в которых они используются. В 1949 г. Шостакович, совсем недавно — в 1946 г., подвергшийся очередному беспощадному избиению за «формализм», высылается Сталиным в Нью-Йорк на конференцию деятелей культуры. Композитор вспоминает: «Мне предложили поехать на конференцию в Нью-Йорк. Но я отказался, мое участие в этом спектакле казалось мне унижительным. Я был формалистом, представителем антинародной музыки. Моя музыка была запрещена, а я должен был ехать и сказать, что все прекрасно. Сталин сказал: не беспокойтесь, они все проглотят. Наконец я согласился. Мне говорили, что, наверное, поездка была интересной, ибо на фотографиях я улыбался. Это была улыбка осужденного. Я чувствовал себя, как мертвец». Дмитрий Шостакович все отлично понимает: «Сталин любил водить американцев за нос таким образом. Впрочем, почему «водить за нос»? Это сказано слишком сильно. Он обманывал лишь тех, кто хотел быть обманутыми». Но Шостакович принимает участие в обмане, помогает Сталину обманывать.

Можно назвать символически совпадение двух дат: мемуары Шостаковича вышли из печати в США почти в тот самый день, когда в Советском Союзе отмечают День милиции и всюду играют «Гимн милиции», написанный Шостаковичем. Кем останется композитор в истории — не

музыки, а советского общества — автором антисталинских мемуаров, автором симфонии, восхваляющей борьбу народа с гитлеровцами, автором оратории о сталинском перевоплощении природы, автором гимна милиции, великим композитором, слугой тоталитарного режима?

Все эти вопросы продолжают сохранять жгучую актуальность в Советском Союзе, в «социалистической зоне» и даже в еще «несоциалистическом мире».

7 декабря 1979

В ноябре 1979 г. слухи о предстоящих изменениях в советском Политбюро не сходили со страниц западных газет. Западные журналисты рассуждали логично: Брежнев стар и болен, он ищет себе замену и хочет войти в историю как первый Генеральный секретарь, который организовал спокойную законную смену власти. Но логика западных журналистов и политических деятелей выглядит на советской стороне такой смешной, что, читая предсказания, Брежнев действительно мог умереть со смеху. Советские вожди сами, добровольно не покой не уходят. Самый красноречивый пример — судьба Микояна. Он ушел добровольно, успел даже подписать написанные за него мемуары. Но умер не у власти, он был обокраден после смерти — его не похоронили в Кремлевской стене, как полагалось бы по чину. Наверное, обидно ему теперь поглядывать из своего котла в аду: ему, перехитрившему всех — от Ленина до Хрущева, — быть выброшенным из истории.

Пленум ЦК, собравшийся в конце ноября, оставил все по-прежнему — только стал полным членом Политбюро бывший кандидат Николай Тихонов. Его оставили заместителем председателя Совета Министров, но поскольку председатель — А. Косыгин тяжело болен, Тихонов фактически исполняет должность председателя. В случае смерти Косыгина он автоматически станет председателем. У него для этого все основания — он первый заместитель с 1976 г., он старый приятель Брежнева по Днепропетровску, ему, наконец, 74 года — возраст, необходимый для вступления в Политбюро. Неожиданным было избрание кандидатом в члены Политбюро Михаила Горбачева в «детском» возрасте — ему 46 лет. Он почти вдвое моложе других членов. Поручена ему самая неблагоприятная должность в СССР — руководить сельским хозяйством. Так что до полного члена Политбюро он вряд ли дойдет. К тому же в этом «клубе вождей» съедают новичков, пытающихся пробиться наверх, без всякого сожаления. За пятнадцать лет брежневского царства их сожрали не менее полудюжины. Но это — отсутствие молодых волков, ждущих, лязгая зубами, случая захватить трон — придает нынешней брежневской группе особую стабильность.

Вся власть в стране находится в руках 14 стариков (средний их возраст — 70 лет), которые вопрос о власти решают только между собой. Вход к ним, в комнату № 1, закрыт даже для секретарей ЦК, не являющихся членами Политбюро. Секретари находятся в комнате № 2. И так далее. Переход из нижней комнаты в верхнюю возможен только по решению верхней комнаты.

Стабильность власти позволила Брежневу выступить на пленуме ЦК с речью о положении в стране, которая в любой другой стране привела бы к немедленным изменениям в руководстве. Брежнев говорил о выполнении плана за 1979 г. и о задачах на 1980 г. Будущий год — последний год одиннадцатой пятилетки, выступление Брежнева поэтому подводило итоги экономической деятельности страны за пятилетие. Итоги катастрофические даже на основании советской статистики.

План не был выполнен во всех основных отраслях промышленности, на будущий год пришлось снизить задания. Но положение в промышленности кажется розовым по сравнению с положением в сельском хозяйстве. Впервые была названа цифра собранного зерна в минувшем году — 179 млн. тонн. План предусматривал 227 млн. тонн. Брежнев заявил, что «обеспечение бесперебойного снабжения, производство в достатке и широком ассортименте продуктов питания высокого качества является одной из самых высоких задач, вытекающих из курса партии на повышение благосостояния трудящихся». В переводе на человеческий язык это означает, что в будущем году по-прежнему не будет мяса, по-прежнему будут перебои в доставке всех продуктов питания.

Генеральный секретарь перечислил — обычно этого не делали — имена 12 министров, виновных в невыполнении плана, в отсутствии продуктов и т.п. Косвенно это была критика больного Косыгина, отвечающего за экономику. Партия, как всегда, все победы относит на свой счет, все неудачи — на счет государственных органов.

Но даже легкая критика министров оказалась спектаклем, ибо на состоявшемся после пленума ЦК заседании Верховного Совета СССР все министры сохранили свои посты.

Признание в экономических неудачах Брежневу ничего не стоило по ряду причин. Военная промышленность работает хорошо, и Советский Союз, по признанию всех западных экспертов, стал в настоящее время в милитарном отношении первой державой в мире. Населению не грозит голод. Советские граждане питаются плохо и с каждым днем все хуже, но это не голод. Ибо США продают зерно, необходимое для удовлетворения минимальных потребностей. Причем создалось положение, при котором Советскому Союзу гораздо выгоднее импортировать сельскохозяйствен-

ную продукцию, чем производить ее у себя. Колхозник производит в год 4,5 тонны зерна, американский фермер — 54,7 тонны, 320 кг мяса и 4 570 кг мяса. И так далее. Произвести тонну зерна в США обходится в два раза дешевле, чем в СССР. Производство кукурузы, сои, яиц и мяса обходится в США в 25% стоимости производства в СССР.

Советский Союз выгадал бы значительные суммы, если бы вообще стал ввозить все продукты. Кто знает, может быть, так и будет...

И, наконец, стабильность положения в СССР обеспечивается внешне-политическими успехами. В дни, когда проходили пленум ЦК и заседание Верховного Совета, весь мир напряженно следил за положением в Иране. Советские газеты, радио, телевидение представляли события в Иране как выражение справедливого гнева иранского народа против американского империализма, как поражение США.

Советский Союз голосовал в ООН за осуждение захвата заложниками американских дипломатов. Но советские «масс медиа» говорят об этом чрезвычайно глухо. О положении в Иране сообщается только путем перепечатки информации иностранных агентств печати, которые препарируются, например, так: «Единственным условием освобождения всех американских граждан, находящихся в качестве заложников в здании американского посольства в Тегеране, является выдача Ирану бывшего шаха, — заявил сегодня в интервью корреспондентам американских телевизионных компаний аятолла Хомейни» («Известия», 20.XI.1979). Сообщения иностранных агентств печати публикуются без комментариев, но препарируются таким образом, что справедливость поведения аятоллы Хомейни и его сторонников не вызывает сомнения.

Информация о событиях в Иране предоставляется советским гражданам по тем же образцам, по каким предоставлялась информация о войне в Европе в 1939–40 гг.: на первом месте были германские коммюнике, а под ними мелким шрифтом, сокращенные и искаженные — французские и английские.

Желание представить события в Иране как взрыв справедливого гнева иранского народа против американских империалистов, дошло до того, что отложено празднование 150-й годовщины смерти великого русского поэта А. Грибоедова. 11 ноября 1829 г. жители Тегерана в справедливом гневе против русского империализма ворвались в русское посольство и убили всех русских дипломатов (за исключением одного) в том числе и посла — А. Грибоедова. Вспомнить об этом событии было бы поучительно, но неловко. Поэтому о Грибоедове сегодня в Москве не вспоминают.

Первый комментарий о событиях в Иране был сделан заместителем заведующего международным отделом ЦК КПСС Вадимом Загладиным,

приехавшим погостить в Париж. В интервью, которое он дал редактору «Ле монд» (28.XI.79), Загладин, один из стратегов международной коммунистической политики, объяснил, что «необходимо понять иранский народ», даже если «можно не соглашаться с некоторыми методами, которые используются некоторыми элементами в этой стране». 4 декабря впервые комментарий появился в «Правде». Отношение Советского Союза к событиям в Иране изложено ясно и четко: захват дипломатов заложниками противоречит международному праву, но первыми нарушили его американцы. Следовательно, виноваты только они. Они виноваты в том, что возникла опасная ситуация в мире, они виноваты в том, что обратились в Совет безопасности и Международный суд в Гааге. Они виноваты в том, что готовят — по советским точным сведениям — нападение на Иран. Это они шантажируют Иран. Высказывания Загладина, комментарий «Правды» свидетельствуют о том, что советские стратеги пришли к выводу, что их позиция в Иране значительно усилилась.

Отношения между исламом и коммунистами начались сразу же после Октябрьской революции. И с первых же дней религия и идеология стараются использовать одна другую. Религия, существующая 15 веков, имеет некоторые преимущества по сравнению с идеологией, существующей полтора века, нет, однако, сомнения, что за минувшие 60 лет идеология использовала религию, а не наоборот.

История, как известно, ничему не учит, но дает возможность весело посмеяться. Вот текст: «Братья! Пришел день, когда вы можете начать готовиться к настоящей священной войне против ваших угнетателей... Братья! Мы зовем вас к священной войне, к «джихаду», прежде всего против империализма!..» Этот текст читатели нашли в своих газетах и журналах в конце ноября 1979 г. Там, где у меня многоточие — стояло «американского». Но я цитировал призыв к священной войне, с которым в 1920 г. обратился в Баку на конгрессе народов востока Григорий Зиновьев. Председатель Коминтерна звал к «джихаду» мусульман всего мира против английского империализма. Несмотря на все недостатки, которые можно заметить у аятоллы Хомейни, трудно его заподозрить в чтении речей Зиновьева. Совпадение, однако, любопытное.

В 1919 г. Троцкий со свойственной ему любовью к смелым метафорам заявил: путь в Париж лежит через Калькутту. Сегодня нужно бы добавить «через Тегеран».

В Москве менялись генеральные секретари, менялась тактика, но цель оставалась неизменной. На конгрессе в Баку, собравшем 1891 делегата, самыми многочисленными делегациями были турецкая и иранская. Уже существовавшая иранская компартия прислала 192 человека. История иран-

ской КП напоминает истории всех других. Верная Москве, она теряла своих членов, расстреливаемых и замучиваемых в шахских тюрьмах и на Лубянке. Период ее расцвета — 1941–48 гг. В 1946 г., правда, коротко — с августа по октябрь — три представителя партии входили в состав иранского правительства (прецедент, о котором, видимо, скоро вспомнят). В 1941 г. партия меняет свое название на «партия Тудэ». В 1949 г. шах объявляет партию Тудэ, которая пыталась в 1945–46 гг. установить Советскую власть в иранском Азербайджане, вне закона. Рядовые члены партии подвергаются жесточайшим преследованиям, руководители находят убежище в Москве. С 1957 г. ЦК Тудэ находится в Лейпциге и Восточном Берлине.

Волнения в Иране, начавшиеся летом 1978 г., были для партии неожиданностью, хотя первый секретарь Ирана Искандери в интервью журналу «Проблемы мира и социализма» (сентябрь) заявил: события «не застали врасплох нашу партию». Марксистов, как известно, застать врасплох нельзя. Тем не менее партия несколько растерялась, не зная, как отнестись к Хомейни. Не была выработана политика по отношению к нему и в Москве.

Решение было принято в январе 1979 г. Был смнен первый секретарь ЦК Тудэ. Новый секретарь Нуреддин Кианури в первом же заявлении западной печати сообщил, что любит, уважает, почитает аятоллу Хомейни: «Двадцать последних лет аятолла Хомейни боролся с шахом и империализмом во всех его формах... Мы полностью поддерживаем его предложения...» («Ньюсуик», 23.1.79).

Тудэ целиком и полностью поддержала захват в заложники американских дипломатов. И сегодня партия приобретает все больший вес в том, что можно назвать политической жизнью Ирана. Иранская печать прекратила критику Советского Союза, который рассматривается как естественный союзник против США. Денонсация статей советско-иранского договора 1921 г., позволявших Советскому Союзу в определенных случаях ввести войска в Иран, даже не упоминалась советской печатью. Как известно, Советский Союз вводит свои войска не только на основании договоров, но и по просьбе вдов и сирот, нуждающихся в защите. Нет сомнения, что в случае нужды товарищ Кианури может такую защиту попросить.

В хаосе, царствующем ныне в Иране, великолепно организованная партия Тудэ представляет собой значительную силу, несмотря на ее малочисленность. Если прибавить к Тудэ палестинцев, прошедших не только военную, но и идеологическую подготовку, и руководивших, как сегодня очевидно для всех, захватом американского посольства, советское влияние в Иране после свержения шаха значительно усилилось. Было бы неверно объяснять революцию в Иране «рукой Москвы». Но трудно от-

рицать, что «рука» действовала, а главное, стала усиленно действовать в политическом вакууме, возникшем после свержения шаха.

Западные журналисты и политологи, выдавая желаемое за действительное, настаивают на нежелании Советского Союза поддержать действия сторонников Хомейни, во-первых, тем, что беспорядки в Иране привели к перебоям в поставке газа Советскому Союзу, а во-вторых, тем, что «возрождение ислама» в Иране отразится на мусульманских советских республиках. Первый аргумент нельзя считать серьезным. Пока еще нефти и газа в Советском Союзе хватает. Перебои в поставках иранского газа — мелкая неприятность.

Нельзя считать в настоящее время серьезным и второй аргумент. Распространению мифа о назревшем кризисе в мусульманских советских республиках способствовала книга французского историка Элен Карер д'Анкос «Расколовшаяся империя». Книга эта имела огромный успех во Франции и была немедленно переведена на все западные языки. Э. Карер д'Анкос собрала интересный статистический материал, но пришла к выводам слишком поспешным. Главной причиной успеха ее книги был великолепный заголовок — внушающий надежды, увы, преждевременные. Все те факторы, которые автор книги перечисляет, действуют в направлении конфликта между мусульманскими республиками и западными советскими республиками. Но процесс этот может длиться десятилетиями. Ислам в советских мусульманских республиках представляет значительную силу, но в настоящее время он нашел «модус вивенди» с Советской властью. И никаких признаков разрыва нет.

Наоборот. Советский ислам действует в интересах советской внешней политики в мусульманских странах. В сентябре 1979 г. в столице Таджикистана Душанбе (некогда носившей славное имя — Сталинабад) состоялся симпозиум мусульман Советского Союза и исламского духовенства из 30 с лишним стран. Симпозиум был организован по случаю начала 1500 года по мусульманскому летосчислению. Судя по сообщениям западной печати, только представители Саудовской Аравии и Пакистана возражали против некоторых пунктов коммюнике, принятого участниками симпозиума. Но все остальные, мусульмане 30 стран, коммюнике подписали. Как заявил глава исламского духовенства Средней Азии и Казахстана муфтий Зияутинхан ибн Ишан Бабахай, коммюнике требовало полного вывода израильских войск со всех незаконно оккупированных арабских территорий, мусульмане «заклеймили позором китайскую агрессию против вьетнамского народа, выразили свою солидарность с народами Афганистана и Ирана, борющимися за построение справедливого общества».

Коммюнике, следовательно, послушно повторило все пункты советской внешнеполитической программы и было поддержано мусульманами всего мира. И для них «справедливое общество» строят одинаково и народы Ирана, строящие «исламское общество», и народы Афганистана, соорудившие социалистическое общество.

Знаменательно, что симпозиум был организован в столице советской республики, граничащей с Афганистаном. Никакого, следовательно, опасения, что искры афганского мятежа перебросятся в советский Таджикистан, у советских руководителей нет.

Вадим Загладин объяснил редактору «Ле монд», что ислам является главной религией всего населения Афганистана, а нынешнее правительство страны «поддерживает ислам», в частности, «строит новые мечети». Загладин признает, что некоторые мусульмане выступают против правительства, но таким образом они выступают против других мусульман — правительственных. Война в Афганистане идет не в защиту ислама, его великолепно защищает коммунистическое правительство, а против прогресса и справедливого общества, которые также защищает правительство.

В дни, когда пишется этот «Обзор», советская политика в Иране определилась: партия Тудэ и близкие ей организации безоговорочно поддерживают аятоллу Хомейни в расчете овладеть его наследством. Не исключено, что, убедившись в невозможности получить от США шаха, т.н. исламские студенты, захватившие американских дипломатов, передадут их после суда палестинцам, которые смогут получить от США по меньшей мере признание. В этом случае Советский Союз получит первый реальный результат своей иранской политики.

Советская печать — как же могло быть иначе! — молчит об очередном шпионском скандале в Великобритании: о раскрытии очередного имени очередного представителя английской элиты, служившего советским шпионом. Густав Херлинг-Грудзинский великолепно объяснил психологические причины этого феномена. И не было бы необходимости вспоминать об Энтони Бланте, если бы не открылось имя советского чекиста, который был его шефом. Имя это неразрывно связано с советской печатью.

Еще в 30-е годы в советской печати появлялись статьи по международным вопросам, подписанные иностранным именем — «Эрнст Генри». Под статьями стояло иногда — перевод с английского, иногда — перевод с немецкого. Накануне подписания договора с Гитлером этим именем были подписаны две книги: «Гитлер над Европой» и «Гитлер над СССР», разоблачавшие планы нацистов. После подписания договора книги эти,

конечно, были изъяты. Но статьи публиковались. Печатаются они и сегодня. В 50-е годы они приобрели даже особую популярность, ибо носили слегка «диссидентский характер». Стало известно, что псевдоним «Эрнст Генри» использовал журналист Семен Николаевич Ростоцкий. Он пишет в 1967 г. письмо вместе с академиком Сахаровым — об опасности ядерной войны, он организует в 1969 г. подписание письма против возрождения культа Сталина — письмо это подписывают крупнейшие представители советской науки и культуры. В «Политическом дневнике», который редактировали Рой и Жорес Медведевы, перепечатываются его статьи и высказывания.

В декабре 1979 г. стало известно, что Эрнст Генри—Семен Ростоцкий, работая с 1935 по 1951 г. в советском посольстве в Лондоне, занимался шпионской деятельностью. В частности, руководил Энтони Блантом. Предполагают, что в Лондоне его имя было — Анатолий Горский.

С 1951 г. Генри—Ростоцкий—Горский сидел в советском лагере — как все советские шпионы, вернувшиеся на Родину. Освободившись в 1955 г., он, видимо, начал выполнять задания внутри страны. Характерно, что в 1965 г. в «самиздате» распространялось его письмо И. Эренбургу, в котором критиковалась политика Сталина и Коминтерна по отношению к германской социал-демократии. Но очень скоро он стал ярким противником социал-демократии, публикуя свои «разоблачительные» статьи в самых разных изданиях — от журнала «Коммунист» до «Литературной газеты».

В октябре 1978 г. в «Новом мире» опубликованы его воспоминания, озаглавленные «Первые шаги». Э. Генри рассказывает о том, как еще в юности 15-летним мальчиком отправляется он из Москвы в Берлин (в ноябре 1919 г.) на съезд, основывавший Коммунистический интернационал молодежи. С 1920 г. он становится агентом КИМа, потом Коминтерна. И, видимо с этого же времени — агентом советской разведки.

Эрнст Генри действует в кругах советских диссидентов как старый идеалист-антифашист, борец с нараставшей угрозой нацизма. Назвал свои воспоминания «Первые шаги». О последующих шагах он молчит. Но о них стоит помнить. В 1966 г. в журнале для молодежи «Юность» (№ 6) Эрнст Генри писал о фильме Крамера «Нюрнбергский процесс». Он писал, что в американском фильме ставится вопрос: могут ли немцы, которые поддерживали Гитлера, снимать с себя ответственность за его преступления, заявляя — мы не знали. Эрнст Генри утверждает, что немцы не могут снимать с себя ответственности.

Как настоящий советский журналист-шпион или шпион-журналист он с себя ответственность за преступления Сталина снимает.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абель Рудольф (Фишер Вильям) 25
Абрамов Федор 13, 321
Абрасимов 99
Агурский Михаил 285, 520
Аджубей Алексей 57
Айтматов Чингиз 63–64, 95, 226–227
Аксаков Иван 40
Аксельбанк Джей 162
Аксенов Василий 102, 177–178, 479, 488, 508, 509
Александр II 367, 418
Александров, генерал 395
Александров Виталий 373
Александров Игорь 86–87, 93, 246
Алексеев Б. 17
Алексеев Михаил 38–39
Алексеева Лидия 397
Алиев Гейдар 103, 308
Аллилуева Светлана 81, 84, 225
Амальрик Андрей 61–63, 66, 71–72, 86, 181, 189, 197, 202, 205, 219, 224, 261–261, 296, 330, 370–371, 398, 425
Аманулла-хан 516
Амбарцумян Виктор 500
Амин, Хафизулла 515
Андерссян Рубен 222
Андреев Петр 249
Андреев Ю. 299
Андрианов Н. 69
Андронов Иона 441
Андропов Юрий 131, 254–255, 267–268, 318, 344, 410–412, 414, 418, 427, 457, 494, 520
Анкос Элен Карер д' 550
Аннинский Лев 120, 242
Антокольский Павел 342
Апалин Г. 344
Апель Ганс 319–320
Арагон Луи 97, 100, 123
Арафат Ясир 333, 457–458
Аргус, журналист 22
Ардаматский Василий 166
Арисменди Родней 364
Армстронг Нейл 55
Арон Раймон 119
Аспатуриан Вернон 207
Астафьев Виктор 530
Астафьев, проф. 452
Ахмадулина Белла 57, 508–509
Ахматова Анна 311–312, 361–362
Ахундов, секретарь ЦК Азербайджана 293
Баадер Андреас 367
Бабаевский С. 19
Бабахай, Зияутинхан ибн Ишан 550
Бабель Исаак 6, 220, 529
Баграмян Иван 50
Бадмаев Жамсаран 482
Бажан Микола 519
Бажанов И.Н. 315
Байбаков Николай 36, 76–77, 288
Бакли Уильям, младший 153
Баррон Джон 433
Баскин А. 21
Басов Николай 87
Бауэр Отто 43, 54
Бача-Саккау 516
Беа, кардинал 56
Бегун Владимир 256, 258–259, 435
Безансон Ален 379, 504
Безуглов Анатолий 167
Безыменский Лев 46–47, 527
Беленко, старший лейтенант 343–344
Белецкий Александр 155–156
Белинков Аркадий 342, 407, 541
Белинский Виссарион 96
Белов Василий 13
Белокозович Базиль 220
Белоусов Михаил 300

- Бенкендорф Александр 33
Бенуа Жан-Мари 400
Бергланд Боб 461
Берия Лаврентий 84, 141, 168, 317, 349, 438, 500, 510
Берклав Э. 124
Бериштейн Карл 310
Бертолуччи Бернардо 199
Бессараб Майя 46
Бетелл, лорд 443
Бжезинский Збигнев 119, 346, 354, 470–471, 508
Билык Иван 160
Битов Андрей 479, 488, 508–509
Блант Энтони 551–552
Богдасарьян Завен 484
Богомолов Владимир 249–250, 300
Болтин Е. 4
Большаков В. 258, 467–468
Бонавия Дэвид 135
Бонамур, профессор 304
Бондарев Юрий 89, 299
Бондарчук Сергей 382
Бонч-Бруевич Владимир 467
Боцу Павел 95
Бочкарев Юрий 99–100
Бразинкасы, отец и сын 332
Брандо Марлон 199
Брандт Вилли 59, 269, 331
Брежнев Леонид 32–33, 36–37, 48, 50–51, 53–54, 60, 66, 77, 79, 84–85, 90, 94, 97, 110–111, 113, 116–117, 128–129, 134, 137, 140, 142–144, 148, 163, 165, 173–174, 180, 183, 193–196, 213–214, 217–218, 222, 224–226, 233, 248, 259–262, 265, 267–269, 273, 277, 281, 294–296, 298, 305–311, 315–317, 326–327, 333, 335–338, 344, 346–347, 350–352, 356–358, 363–364, 366–368, 372, 377–378, 380–381, 383–384, 387–389, 391–395, 399, 401, 409, 411, 415–417, 419–423, 425–426, 428, 431, 440–445, 450–454, 457–458, 463, 467–468, 470–471, 474, 476, 479–480, 484–490, 493–495, 497–498, 503–504, 506, 510–511, 513, 514, 517, 520, 522, 524–526, 528, 531, 533–535, 537–539, 542, 545–546
Бродзинский Богдан 275–276
Бродский Иосиф 238, 314, 455, 494
Бронский М. 359
Буковский Владимир 61, 63, 86, 115, 119, 125–126, 205, 363–366, 371–372, 374, 383, 403, 424, 492, 503, 530
Булгаков Михаил 6, 132, 156, 198, 279, 334, 377, 387, 449
Булганин Николай 317
Буллит Вильям 391
Бунин Иван 21, 274
Бурсов Б. 133
Бурыкин Ю. 68–69
Бухарин Николай 84, 365, 396
Бухвальд Арт 98, 518, 534–535
Быков Василь 95, 174, 204
Вагин Евгений 418
Вайда Анджей 186
Вайс Петер 53
Вайскопф Франц Карл 97
Валихновский Тадеуш 43, 56, 185
Вальдхейм Курт 137
Ван Мин 10
Васев Владислав 497, 500
Васильев Сергей 49, 76
Вахтин Борис 509
Вейсберг Александр 325
Великанова Л. 338
Вильгельм II 465
Вильсон Эдмонд 269
Винс Георгий 503
Винтер Э. 104
Витковский Дмитрий 240
Витте Сергей 98
Вишневская Галина 447
Владимиров Леонид 260
Владимиров Петр 235–236

- Владимов Георгий 278–281, 313–314, 342, 419, 478
 Власенко Юрий 496–497
 Власов Андрей 49
 Власова Людмила 531
 Вознесенский Андрей 57, 97, 171, 488–489, 508–509, 522–523
 Войнович Владимир 267–268, 283, 314, 342, 462, 478
 Волков Олег 41–42
 Волков Соломон 543
 Волкогонов Дмитрий 344
 Воронцов Юрий 17
 Воронянская Елизавета 215
 Ворошильский Виктор 220
 Вудвард Боб 310
 Высоцкий Владимир 420, 522
 Вэнс Сайрус 377–378, 381, 425, 465
- Габай Илья 215
 Гайдар (Голиков) Аркадий 6
 Галансков Юрий 161–163
 Галанов Б. 441
 Галич Александр 67, 92, 121, 163, 175, 197, 281, 386, 451
 Галкин В. 47–48, 291
 Гамсахурдиа Звиад 283, 396, 460, 469
 Гамсун Кнут 73
 Ганди Индира 233
 Гароди Роже 119, 123
 Гастев Алексей 340
 Гастев Юрий 340–341
 Гафуров Бободжан 435
 Гвишиани В. 75, 141–142
 Гвишиани Дзермен 500
 Геббельс Йозеф 506
 Геллер Михаил 304
 Гельман А. 288
 Генри Эрнст (Ростоцкий Семен, Горский Анатолий) 19, 207, 551–552
 Герасимов Александр 414
 Герек Эдвард 328, 356, 364, 474
 Герцен Александр 159
- Гинзбург Александр 61, 63, 129, 161, 368, 372, 396, 404–405, 466–467, 503–504, 508
 Гинзбург Лев 53
 Гитлер Адольф 5, 46–47, 94, 283, 339, 365, 527, 551
 Гладilin Анатолий 162–163, 171, 175, 314, 414–415
 Гладких В. 435–436
 Гладков Ф. 13
 Глазунов Илья 26, 488, 522
 Глушков Виктор 419
 Глюксман Андре 400
 Гобард Анрри 361
 Годунов Александр 531
 Голиков В. 4
 Голованов Я. 340
 Голомшток Игорь 522
 Голубинский, капитан КГБ 353
 Гольдберг Артур 425
 Гонтаж, журналист 6
 Горбатов Борис 169
 Горбачев Николай 378
 Горбачев Михаил 545
 Горчаков Овидий 177–178
 Горький Максим (Пешков Алексей) 97, 190
 Грачевский Юрий 22
 Гречко Андрей 14, 134, 248, 315, 349, 394
 Грибачев Николай 96
 Грибоедов Александр 547
 Григоренко Петр 189, 205, 218, 418, 447
 Гришин Виктор 77, 505–506, 510–511
 Громько Андрей 56, 377, 465
 Гула Вацлов 39
 Гулиа Георгий 290–291
 Гулям Гафур 48
 Гусак Густав 364, 474
 Гусман Ю. 340
- Дадыняц Георгий 7
 Даллес Аллен 81
 Даль Владимир 46

- Даниель Лариса 7
 Данилов Борис 311–313
 Даниэль Юлий 31–32, 71, 129, 161,
 201, 238, 355, 467
 Дедков И. 23
 Дейтон Лен 525
 Демин Б. 29–30
 Демичев, кандидат в члены Политбюро
 32, 521
 Джапаридзе Реваз 361
 Джваршейшвили Теймураз 331
 Джеймс Клайв 523
 Джексон Джонатан 65
 Джонс Джеймс 502
 Дмитрюк 50
 Добровольский Алексей 161
 Довлатов Сергей 517
 Долгов А. 18
 Долгоруков Василий 131
 Домбровский Юрий 449
 Дорош Ефим 11
 Достоевский Федор 371
 Доул Роберт 499
 Дравич Анджей 299–300
 Драгунский, генерал-лейтенант 44
 Дубчек Александр 302, 522
 Дудко Дмитрий 488, 522
 Дымшиц Александр 132–133, 169
 Дымшиц Вениамин 44
 Дымшиц Марк 485, 503
 Дэвис Анджела 65, 85
 Дэн Сяопин 481, 483, 492

 Евсеев Евгений 185, 258, 435, 518–519
 Евтушенко Евгений 6–7, 96–97, 145,
 170–171, 178, 256–259, 313, 488, 522
 Егоров В. 328
 Ежов Николай 349, 520
 Елагин Сергей 240
 Ерофеев Венедикт 478
 Ершов Л. 159
 Ершов Леонид 219–220
 Есенин Сергей 30
 Ефремов Олег 186, 198

 Жвания Владимир 436
 Жданов Андрей 311–313
 Желябов Андрей 418
 Живков Теодор 364, 474, 476
 Жид Андре 72–73
 Жилин Павел 247
 Жувенель, Рене де 10
 Жуков Георгий 4, 50–51, 317, 445
 Жуков Юрий 12–13, 64, 135, 230–231

 Загладин Вадим 547–548, 551
 Зайцев В. 24
 Залужный В. И. 9
 Залыгин Сергея 204
 Замятин Евгений 405, 509, 233
 Замятин Леонид 180, 194, 450
 Зародов Константин 269–271, 281,
 346–347
 Засурский Я. 16
 Затикьян Степан 484–485
 Зверев А. 5
 Здебски Ю. 137–138
 Зегерс Анна 72
 Земцов Илья 291–293
 Зимянин М.В. 383–384
 Зиновьев Александр 341–342, 395, 400,
 453, 478
 Зиновьев Григорий 58, 455, 548
 Злобин Анатолий 234
 Золотов Константин 504
 Зонненфельд Хельмут 310–311,
 345–346, 402
 Зорге Рихард 49, 136, 304, 503
 Зорза Виктор 221–222, 297–298
 Зошенко Михаил 220, 311–312, 348
 Зубков Юрий 227

Иван Грозный 3, 111, 444
 Иванов Анатолий 438–440
 Иванов В. 55, 537
 Иванов Ю. 101, 154, 258, 344
 Ивашкевич Ярослав 97
 Ивинская Ольга 449
 Игнатовский П. 60–61

- Иден Антони, лорд Эйвон 443
 Иди Амин Дада 259, 284, 460, 480
 Ильин, лейтенант 113, 368
 Ильина Наталья 13
 Ильф И. и Петров Е. (Файнзильберг
 Илья и Катаев Евгений) 257, 303,
 528
 Имашев С.Н. 540
 Иоанн XXIII 104
 Иовчук М. 114
 Иоффе Ольга 113
 Искандер Фазиль 479, 488, 508–509
 Искандери 549
 Кабо Любовь 243, 245
 Каверин Вениамин 166, 168, 407
 Каганович Лазарь 134
 Кадар Янош 474
 Кадатаскоттай А. 9
 Каддафи Муамар 222
 Казаков М. 338
 Кайдаш С. 46
 Каляев Иван 418
 Камю Альбер 225
 Кан Шэн 236
 Канапа Жан 390
 Кандель Феликс 523
 Капитонов Иван 462
 Каринский Войцех 406
 Карильо Сантьяго 417
 Карл-Рагнар, доктор 138
 Картер Джимми 354, 371–372,
 377–378, 381, 401, 424–425, 447,
 452, 454, 468, 470, 473, 476–477,
 504, 511, 520, 531, 535
 Касвинов М.К. 529
 Кассини, граф 519
 Кастро Рауль 364
 Кастро Фидель 388, 535
 Катаев Валентин 273–274, 382,
 479–480
 Катушев Константин 267, 511
 Кедров Б. 519
 Кекконен Урхо 281
 Кеннан Джордж Ф. 443–444
 Кеннеди, семья 509
 Кестлер Артур 133
 Кианури, Нуреддин 549
 Ким М. 153
 Кириленко Андрей 267, 347, 447, 493,
 510, 520
 Киров Сергей 167, 325, 371
 Киселев В.И. 424
 Киселевский Стефан 349
 Киссинджер Генри 265, 296–297,
 310–311, 345, 377–378, 402, 526
 Кичко Т. 44, 101, 154, 185, 258
 Кладо Н. 22
 Кларов Юрий 167
 Клаузен А. В. 188
 Клебанов Владимир 428, 436, 514
 Кленов Б. 47–48
 Ключевский Василий 144, 431
 Ковалев Сергей 296, 330
 Кожевников Вадим 49
 Кожевников Петр 509
 Кожин В. 40
 Козлов Григорий 239
 Колаковский Лешек 403–404
 Колесников Михаил 433–434
 Колесников Юрий 154–155
 Колин П. 199
 Кольчинский Януш 35
 Комиссаржевский В. 29
 Конев Иван 4
 Константинов Лев 300
 Копелев Лев 342, 529
 Корвалан Луис 363–366, 383, 424, 492,
 503
 Коржавин (Мандель) Наум 314
 Коржинен Ярослав 39
 Корнейчук Александр 11
 Корнилов Лавр 105
 Корнилов Владимир 342
 Королева Нина 399–400
 Коростовцев Михаил 435
 Корчной Виктор 330, 433
 Костава Мераб 396, 460

- Косыгин Алексей 29–30, 37, 55, 59, 75,
141–142, 224, 267, 302, 432, 469,
493–494, 500, 518, 520, 545–546
- Коул Вильям 61
- Кочетов Всеволод 19, 25–27, 30, 34–35,
57, 96, 111, 164, 225–227, 406
- Кочин М. 158
- Кравчук И. 363
- Краминон Даниил 133, 136, 193
- Красин Виктор 203–205, 238, 404–405
- Красин Ю. 346
- Кренкшоу Эдвард 80, 82
- Крестовский Всеволод 154
- Крижанич Юрий 23
- Кристи Агата 84
- Крозье Мишель 421
- Крон Александр 502
- Кроуфорд Френсис 473, 475–477
- Крылов Сергей 301
- Кубрин Г. 21
- Куваев Олег 242–243
- Кудирка Симонас 143–144
- Кузнецов Анатолий 13, 86, 96
- Кузнецов Николай 90
- Кузнецов Ф. 314
- Кузнецов Эдуард 485, 503–504
- Кукуй В. И. 228–229
- Кулаков Федор 351, 484, 511
- Кулешов Александр 313
- Куликов Виктор 317
- Кунаев Дин Мухамед 103
- Куплевацкий В. 12
- Куртенэ, Бодуэн дэ 54
- Кэбин Иван 94, 103
- Кюстин, Астольф де 320, 413
- Лазишвили 164, 179
- Лактионов Александр 57
- Лакшин Владимир 13
- Ларни Мартти 127
- Леви Бернар-Анри 400
- Левиков Александр 223
- Левинсон Чарльз 401–402, 422
- Лейкин Николай 502
- Лейпунский Александр 325
- Ленин (Ульянов) Владимир 4, 14, 16,
21–22, 41–43, 54, 58–59, 70, 74, 79,
84, 118, 128, 142, 159, 173, 185, 190,
256, 258, 269–270, 273, 297, 327, 334,
349, 396, 402, 411–412, 414, 416, 418,
424, 431, 454, 464–467, 470, 472, 484,
496, 501, 503, 510, 536, 540
- Леонтьев Константин 23, 88
- Лец Станислав Ежи 57, 433
- Либерман Рольф 448
- Лимайе Малху 233
- Липатов Виль 49, 102
- Липицкий С. 4
- Лисовский Ежи 133
- Литвинов Павел 7
- Лиходеев Леонид 145–146
- Ллойд-Джордж Дэвид 201–202, 504
- Лобанов М. 158
- Лобанов П.П. 152, 375
- Лонсдейл (Лонов) Гордон 81, 127,
136–137, 304
- Лужанин Максим 414–415
- Луи Виктор 81, 310, 366–367, 424, 484
- Лукаш Ю. 272
- Лукьяненко Лев 466–467
- Лынев Р. 42
- Лысенко Трофим 74, 142, 268, 358
- Любарский Кронид 500
- Любимов Юрий 78, 170, 387, 392, 448
- Люмет Сидней 402
- Мазуров Кирилл 152
- Макаренко Михаил 67, 71
- Макарова Искра 536
- Маккарти Юджин 170, 498
- Макклейн Джеймс 64–65
- Макрущенко П. 21
- Максимов Владимир 197–200, 238,
240, 266–267, 278, 314, 342, 478
- Малышкин А. 220
- Мальро Андре 97, 205
- Маляров Михаил 200, 202
- Мандельштам Надежда 132, 169, 175, 449

- Мандельштам Осип 132, 169, 480, 523
 Мао Цзэдун 7, 9–10, 21, 30, 54–55, 92–93,
 209, 235–236, 257, 271, 287, 326, 345,
 348–349, 356, 452–453, 472, 475
 Марамзин Владимир 238–240
 Марин Юрий 303–305
 Маркин Евгений 121
 Марков Георгий 333–334, 406, 498, 523
 Маркс Карл 18, 37, 116, 202–203, 214,
 273, 350, 451, 453, 499, 501, 519
 Маркузе Герберт 119
 Марселен 99
 Марченко Анатолий 286–287
 Марше Жорж 417
 Матросов Вадим 494
 Мацкевич Владимир 146–147, 152–153,
 165
 Мацкевич Станислав 133, 443
 Машеров Петр 148
 Маяковский Владимир 34, 88, 178, 414,
 480
 Медведев Жорес 67, 71, 112–114, 150,
 162, 175, 225, 323, 355, 405, 552
 Медведев Рой 51, 79, 113–114, 216–219,
 224–225, 232, 240–241, 265–267,
 278, 323, 405, 552
 Медынский Георгий 17
 Меженков В. 102
 Мейер Мишель 383
 Мельников Н. 186–187
 Менгисту Хайле Мариам 388
 Менделеев Дмитрий 214–215
 Мерцков Кирилл 4
 Мерль Марсель 525
 Мерошевский Юлиуш 35, 106, 109
 Мжаванадзе Василий 163–164, 179, 495
 Микаэлян, режиссер 288
 Микоян Анастас 57–58, 545
 Миллионщиков Михаил 293
 Мильнер, проф. 75
 Минаржик Павел 302, 339
 Мирон А. 15
 Миронкин Евгений 189
 Мисюченко Владимир 374
 Митин Марк 330, 487, 519
 Миттеран Франсуа 99
 Михалков Сергей 48, 183–184, 369
 Михозлс Соломон 283
 Мичунович Велько 444–445
 Модрый Ярослав 39
 Можаев Борис 181–182
 Мошашвили Ханна 185
 Молотов Вячеслав 90, 94, 236, 349
 Моргун Ф. Т. 11
 Морисима Мичио 526–527
 Мороз Валентин 503, 505
 Морозов Г. 206, 404
 Москаленко К. С. 14
 Москвин И. 17
 Москоленко Николай 118
 Мохнач Л. 331
 Мулярич Александр 405–406
 Мурашов С. 4
 Мухамеджанов К. 226
 Наджаров Р. 206
 Нансен Фритьоф 418
 Наровчатов Сергей 212, 506, 517, 519
 Наумов М. 249
 Неизвестный Эрнст 521–522
 Некрасов Виктор 35, 275, 314, 382
 Некрич Александр 5, 250, 330, 463–464
 Николаев В. 247
 Николаев С. 19
 Николай I 211
 Николай II 98, 105, 252, 465, 487, 529
 Никсон Ричард 83, 85, 92–93, 118, 140,
 142–143, 145, 162, 193, 207, 298,
 310, 453, 458, 482
 Нимейри Джафар 91
 Новак Роберт 497
 Новгородский С. 81–82
 Новодворская Валерия 112–113
 Новодворская Нина 112
 Нордом Сианук 54
 Носов Евгений 530
 Нудель Ида 467
 Нурпеисов Абдижамил 95

- Огарков Николай 532
 Озеров Виталий 190–191, 441
 Озеров Владимир 120
 Окуджава Булат 6, 67, 102, 131–132,
 162–163, 171, 314, 429, 522–523
 Олеша Юрий 110, 407, 420, 480
 Олсон Джозеф 207–208
 Онассис Кристина 472
 Орвелл Джордж 3, 29, 259, 267, 390,
 426, 512
 Орехов Б. 473
 Орлов Юрий 323, 366, 396, 404–405,
 459–461, 466, 499, 512, 538
 Орлова Ирина 459
 Осипов Владимир 191–192
 Оссецкий, Карл фон 283
 Очаловская Л. 13
- Павел VI** 104
 Павленко Петр 89–90
 Павлов Иван 204, 284
 Павлов Н. 255–256
 Павляк Эдвард 299
 Палиевский Петр 440
 Панкин Борис 212–213, 405
 Парвус (Гельфанд) Александр 16
 Пастернак Борис 65–66, 126, 132, 145,
 183, 282–283, 407, 449, 480, 523
 Пастернак Леонид 169
 Патюлин В. 416
 Пауэрс Ф. 25
 Пейпер Геральд 469
 Пейчинов Д. 9
 Пеликан Иржи 339, 542
 Первенцев Аркадий 87
 Петр I 124, 431
 Петров Василий 443
 Петров-Агатов 368
 Петров-Комаров 437
 Пикуль Валентин 528–530, 531
 Пильняк Борис 6
 Пимен, патриарх 129
 Пименов 71
 Пиночет Угарте Аугусто 364, 366
- Писар Самуэль 188, 401–402
 Питовранов Евгений 433
 Платонов Андрей 175, 191, 449, 530
 Плющ Леонид 319, 403, 413, 418
 Побожий А. 18–19
 Подгорный Николай 215, 247–248, 347,
 364, 390–391, 426, 493
 Подгужец Збигнев 341
 Подолин Т. 136–137
 Подрабинек Александр 447, 473
 Подрабинек Кирилл 447
 Пожениа Григорий 177–178
 Позняков Анатолий 428
 Покормяк Н.В. 457–458
 Покровский Михаил 3, 250
 Покровский С. 40
 Полянский Дмитрий 165, 308, 511
 Помпиду Жорж 67, 111
 Пономарев Борис 91, 269, 542–543
 Попов Евгений 509
 Поповский Марк 499
 Прийме К. 375
 Прокофьев Сергей 311
 Проскурин Петр 480
 Прохоров Александр 87
 Путко Александр 15
 Путрамент Ежи 250, 316, 363, 424
 Пшибыльский Рышард 220, 406
 Пяткус Виктор 466–467
- Рабз Дэвид 186
 Радек Карл 84, 365
 Радо Шандор (Александр) 127
 Райкин Аркадий 44
 Ракоши Матиас 365
 Раскин А. 30
 Распутин (Новых) Григорий 251, 358,
 482, 529–530, 541
 Распутин Валентин 530
 Рестон Джеймс 221–222
 Риббентроп Иоахим 141, 527
 Рид Дин 86
 Рождественский Геннадий 448
 Рожков Н. 472

- Рожков, генерал 293
 Розанов Василий 88, 191
 Ройтбурд Лев 331
 Рокоссовский Константин 4
 Рокфеллер Дэвид 188, 402
 Роллан Ромен 97
 Романов А. В. 100–101
 Романов Григорий 308, 520
 Романовский Ежи 139, 195
 Ростропович Мстислав 72, 87, 447
 Рубен Виталий 360–361
 Рубинов А. 409
 Руденко Микола 396
 Рузвельт Франклин 225, 253, 267, 391, 484, 521
 Руминек, журналист 6
 Руненков А. 74–75
 Рыбаков Владимир 462
 Рыкалин Петр 45
 Рябов Яков 511

 Савинков Виктор 166
 Садат, Анвар аль- 309–310, 426, 428
 Салтыков-Щедрин (Салтыков) Михаил 140
 Самохин Андрей 207–210, 481–483
 Самсонов А. 4
 Сапунов, полковник 86
 Сартаков Петр 456
 Сартаков Сергей 76
 Саульченко В.М. 337–338
 Сахаров Андрей 51, 67, 71–72, 78–79, 85, 87, 114, 141–142, 162, 182–183, 189, 197, 200–205, 210, 216–219, 225, 227, 265–266, 276, 278, 281–283, 285, 288, 294, 296, 301, 308, 319–320, 323–324, 331, 365–366, 371, 424, 461, 485, 494, 552
 Сахарова Елена 283
 Сванидзе И. 55
 Свирский Григорий 323
 Севастьянов Виталий 433
 Сеземан Димитрий 511–512

 Сейфуллина Лидия 13
 Семенов Николай 67
 Семенов Юлиан 164, 300–301
 Сент-Экзюпери, Антуан де 274
 Серебрякова Галина 168–169
 Сидор Казимеж 43, 185
 Сидоров Валентин 23
 Силин Виктор 87
 Сильверстон Аллен 499
 Сименон Жорж 84
 Симонов Константин 96, 168, 299
 Синявский Андрей 31–32, 71, 129, 132, 162, 226, 238, 255, 313, 314, 342, 467, 478
 Сквирский Владимир 514
 Скобов Александр 515
 Сливовский Рене 299
 Смеляков Николай 223
 Смирнов И. 70
 Смирнов Лев 512
 Смирнов Сергей 40, 49, 450
 Смуглянский, Алла и Марк 504
 Снегирев Гелий 398–399, 415, 455
 Снегов Сергей 324–325
 Снежневский А. 112–114, 206, 404
 Собко Вадим 398
 Солженицын Александр 9, 12, 30–32, 38, 65–66, 68, 72–73, 75–76, 82, 86–87, 95, 114–115, 121–122, 126–127, 129–131, 138–139, 158–160, 165, 174, 180, 183, 191–192, 195, 197, 200–201, 203–205, 215–219, 227, 230–232, 235, 238–241, 250–251, 253–254, 258, 261–267, 274–275, 278, 282, 285, 304, 311–312, 314, 319, 327, 342, 354–355, 375, 397, 399, 407, 418, 439, 443, 449, 459, 464–466, 478, 528–529
 Солоухин Владимир 22, 24, 27, 157
 Сонин, проф. 359–360
 Софронов Анатолий 101, 523
 Спилберг Стивен 469
 Стаднюк Иван 89–90

- Сталин (Джугашвили) Иосиф 3–6,
 8–10, 14, 19, 22, 26–27, 32, 37,
 49–51, 74, 77, 81, 84, 89–90, 94, 103,
 106, 113, 116–118, 141–142, 144,
 161, 167–168, 173, 180–181, 185,
 194–196, 203, 205, 213, 214,
 216–217, 225–226, 231, 235,
 236–237, 241, 249, 252, 261, 277,
 284, 307–308, 315–316, 318,
 333–334, 341–342, 345, 349–350,
 356–358, 360, 365, 379, 383, 385,
 389, 391, 393, 396–397, 415, 417,
 426, 437–444, 447, 449, 453, 458,
 465, 467, 472, 480, 483–487, 489,
 496, 498, 503, 521, 527, 536, 544,
 552
 Стариков Д. 64
 Стариков 89
 Стаханов Алексей 69, 420
 Стенхольм Олле 200, 202
 Степанян Аюп 484
 Стжишевский Томаш 508
 Страда Витторио 34, 406–407, 427
 Стрельников Б. 65
 Строгович Михаил 44
 Стругацкие, братья 171–173, 175,
 407–408
 Стукалин Борис 95, 175, 182
 Стюарт Гейтер 239
 Сулик Болеслав 413
 Сурков Алексей 66
 Суслов Михаил 76–77, 119–120,
 223–224, 267, 294, 347, 395, 445,
 493, 518, 520, 539–543
 Сухарев А.Я. 296, 354
 Такман Барбара 250
 Таланта Роман 143
 Тальбот Струоб 80, 82
 Тамм Игорь 67, 87
 Танака 180
 Тараки, Мохаммед 515
 Таратута Виктор 472
 Тарсис Валерий 86
 Татю Мишель 99–100, 201–202, 304
 Твардовский Александр 27, 46, 88, 101,
 120, 122, 183, 240, 274–275, 397
 Твердохлебов Андрей 71
 Тейлор Фредерик 68
 Тендряков Владимир 41, 243–246
 Теодоракис Микис 63
 Тира Жан-Кристиан 352–353
 Тито, Иосип Броз 10, 444–445
 Тихий Олекса 396
 Тихонов В. 471–472
 Тихонов Николай, поэт 48, 333
 Тихонов Николай, член Политбюро
 484, 545
 Ткачевский Ю. 70
 Тодд Эмманюэль 359–360, 400
 Толстиков 85
 Толстой Алексей 529
 Толстой Лев 131, 354, 430, 443, 464,
 501
 Толстой Николай 443
 Тополев С. 176–177
 Трапезников В. 52
 Трегуб С 21
 Трель Владимир 360
 Треппер (Домб) Леопольд 127
 Трибуц Владимир 5
 Трифонов Юрий 326, 479, 541
 Троцкий (Бронштейн) Лев 53, 58, 106,
 345, 349, 424, 439, 466, 548
 Трумэн Гарри 486
 Трухильо Молина, Рафаэль Леонидас
 318
 Тун Малколм 497
 Турчин Валентин 51, 78–79, 216, 267,
 366, 418–419
 Тухачевский Михаил 149, 396
 Тымчук Леонид 331
 Тюжин Дмитрий 494
 Уваров Сергей 24, 40
 Уитни Крейг 469
 Ульбрихт Вальтер 5, 22, 79
 Ульман Ричард 201

- Ульянов Василий 59
 Ульянов Илья 58
 Ульянов Николай 59
 Унгер Леопольд 337, 446, 534–535
 Устинов Дмитрий 308, 315, 344, 349, 355, 379, 437
- Файнберг Виктор 403
 Фалин Валентин 531
 Федин Константин 407, 409
 Федоренко Н.Т. 78, 405, 410
 Федоров Василий 22, 49
 Фейсал, король 222
 Фельдман Александр 331
 Феррери Эусебио 139–140
 Фесенков Василий 24
 Филатов Анатолий 466, 468
 Филби Ким 81
 Фишер Дэн 519
 Форд Генри 68
 Форд Генри, II 52
 Форд Джералд 259, 262, 345, 378
 Франко Франциско 318
 Фридберг Эберхард 421
 Фридман Альфред 218
 Фридман Эдвард 93
 Фрунзе Михаил 283
 Фурманов Дмитрий 6, 13
 Фурцева Екатерина 131, 521–522
- Хаккет Джон 532
 Хаммер Арманд 188, 476, 478
 Хаутон 136–137
 Хачатурян Арам 204
 Хашем эль-Агта 91
 Хватов А. 159
 Хейфец Михаил 455–457
 Хемингуэй Эрнест 16, 273–274
 Херлинг-Грудзинский Густав 217, 389, 551
 Херст Патрисия 367
 Химаков Алексей 185
 Хо Ши Мин 169
 Ходорович Татьяна 418
- Холдеман 482
 Холи Гарольд 64
 Хомейни, Рухолла 547–551
 Хонеккер Эрих 474
 Хорти Миклош 365
 Хренников Тихон 76, 309
 Хрущев Никита 3, 12, 37, 51, 53, 57–58, 60, 65–66, 74, 77, 80–82, 90, 110–111, 124, 128, 134, 142, 148, 165, 167, 173, 194–195, 208, 213, 231, 276, 283, 307, 317, 323, 336, 349–350, 352, 357–358, 389, 391–394, 405, 438, 444–445, 449, 472, 484, 493–494, 518, 521, 526, 536–537
 Хуа Го-фен 350, 473
 Худенко Иван 276–277
 Хьюм Дуглас 136
 Хэрли, генерал 236
- Цвигун Семен 494
 Цеденбал Юмжагтйин 364, 474
 Цибилов 482–483
 Цурков Аркадий 515
 Чаадаев Петр 33
 Чайковская Ольга 155–156
 Чаковский Александр 89, 95, 120–121, 168, 182–183, 231, 274, 334, 417, 485–487
- Чалидзе Василий 71, 78, 162
 Чалмаев В. 23, 27, 120
 Чалый Богдан 316
 Чан Кайши 236, 318, 483
 Чапек Карл 526
 Чапский Юзеф 187
 Чаушеску Николае 474, 533
 Чачин В. 15
 Червов, генерал-лейтенант 532
 Черенков Павел 87
 Черненко Константин 474, 484, 493, 495, 520–521
 Черниченко Юрий 28
 Чернов Виктор 467

- Черноусов Анатолий 277, 376–377
 Чернышевский Николай 158–159, 371, 467
 Черчес Абрам 44
 Черчилль Уинстон 90, 253, 443, 486
 Чжоу Эньлай 29–30, 92, 207–208
 Чинаурели С.М. 357
 Чивилихин Владимир 22, 28
 Чуковская Лидия 175, 361–362
 Чхиквишвили Н. 4
- Шагал Марк 67**
 Шагинян Маризтта 58–59, 510
 Шаламов Варлам 145, 314, 439
 Шамиль 3
 Шатагин Н. 4
 Шаумян С. 4
 Шафаревич Виктор 400
 Шафф Адам 80, 337
 Шахани, Хосроу 210–213
 Шахт Яльмар 53
 Шеварднадзе Эдуард 164, 179, 307–308, 458
 Шевцов Иван 56–57, 154, 507
 Шейер Джеймс 120
 Шелепин Александр 128, 295, 308, 511
 Шелест Петр 143, 163
 Шерстобитов В. 153
 Ширах, Бальдур фон 53
 Шиханович Юрий 225
 Шнейдер Мария 199
 Шнитке Альфред 448
 Шолохов Михаил 8–9, 32–33, 65, 161–162, 375–376
 Шостакович Дмитрий 204, 311, 543–544
 Шпеер Альберт 53, 527
 Шрагин Борис 413
 Штеменко, генерал армии 4
 Штерн Михаил 237, 331
 Штраус Франц-Йозеф 453
- Шуйский Василий 111
 Шульгин Василий 106
 Шульман Маршалл 353
 Шумилин Борис 507, 512
 Шумихин Н. 344
 Шуртаков Семен 59
 Шютц Марина 126–127
 Щаранский Анатолий 393, 396, 404–405, 417, 425, 446, 466–468, 499, 512
 Щеголев 529
- Щелоков Николай 344, 447, 494**
 Щербицкий Владимир 315–316
- Эберт Ф. 135
 Эванс Роуланд 497
 Эйнштейн Альберт 337
 Эйхман Карл 121, 154–155
 Энгельс Фридрих 79, 273, 350, 499
 Эстен, Жискар д' 352, 401, 503–504
 Эфрос Анатолий 78, 440, 448
- Юдашкин Юрий 22**
 Юрайтис Альгис 448
- Ягода Генрих 283, 418**
 Ягодкин В. 202–203
 Языков Николай 159
 Якир Иона 149, 396
 Якир Петр 5, 61–63, 90, 119, 149–150, 162, 175, 203–205, 224, 238, 404–405, 418
 Яковлев Александр, авиаконструктор 4
 Яковлев Александр 158–161, 192–193
 Яковлев Н. 250–253, 487
 Якубович Михаил 240–241
 Янкевич Ефрем 331
 Янкович Алекс С. 234
 Янов Александр 40, 101–102, 413
 Яхимович Иван 113

ОГЛАВЛЕНИЕ

1969

Март 1969	3
Апрель 1969	8
Май 1969	13
Июнь 1969	19
Октябрь 1969	25
Ноябрь 1969	30

1970

Январь 1970	36
Март 1970	42
Май 1970	48
Июнь 1970	53
Июль 1970	59
Октябрь 1970	65
Ноябрь 1970	70
Декабрь 1970	75

1971

Январь 1971	83
Июль 1971	91
Август 1971	97
Сентябрь 1971	104
Ноябрь 1971	110

1972

Февраль 1972	116
Март 1972	123
Апрель 1972	128
Май 1972	134
Июнь 1972	140
Сентябрь 1972	146
Ноябрь 1972	152
Декабрь 1972	157

1973

Февраль 1973	165
Март 1973	173
Апрель 1973	179
Июнь 1973	186
Июль 1973	193
Сентябрь 1973	199
Октябрь 1973	206
Ноябрь 1973	213
Декабрь 1973	221

1974

Февраль 1974	230
------------------------	-----

1975

Март 1975	237
Апрель 1975	241
Май 1975	247
Июнь 1975	253
Июль 1975	259
Август 1975	269
Октябрь 1975	275
Ноябрь 1975	281
Декабрь 1975	288

1976

Советский Союз: важнейшие события 1975 г.	295
Февраль 1976	296
Март 1976	303
Апрель 1976	309
Май 1976	315
Июнь 1976	321
Август 1976	328
Сентябрь 1976	334
Октябрь 1976	341

Ноябрь 1976	348
Декабрь 1976	356
1977	
5 февраля 1977	363
Март 1977	369
4 апреля 1977	377
14 мая 1977	383
5 июня 1977	390
6 августа 1977	395
9 сентября 1977	403
14 октября 1977	410
14 ноября 1977	416
13 декабря 1977	423
1978	
3 февраля 1978	430
13 марта 1978	437
8 апреля 1978	445
14 мая 1978	452
8 июня 1978	459
20 июля 1978	465
11 сентября 1978	473
1979	
7 февраля 1979	481
11 марта 1979	489
3 апреля 1979	496
11 мая 1979	502
10 июня 1979	510
10 августа 1979	517
9 сентября 1979	524
12 октября 1979	531
10 ноября 1979	538
7 декабря 1979	545

ХРОНИКА XX ВЕКА

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР

РОССИЙСКИЕ ЗАМЕТКИ
1969–1979

Редактор *Наталья Зеленко*
Оформление *Дмитрия Манахина*
Корректор *Наталья Пузанова*

Оригинал-макет подготовил *Константин Федоров*

Сдано в набор 1.08.98. Подписано в печать 1.07.99.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,5. Тираж 1000 экз. Заказ 491

Издательство «МИК»
Москва, ул. Петровка, д. 30/7, офис 8.
Изд. лиц. № 060412 от 14 января 1997 г.

Отпечатано в ОАО «Типография Внешторгиздат»
127576, Москва, ул. Илимская, д. 7.

ISBN 5-87902-039-8

9 785879 020397

ОБ АВТОРЕ

Михаил ГЕЛЛЕР родился в 1922 году в Москве. По образованию историк. В 1950 году был арестован и приговорен к 15 годам лагерей. Отсидел 6 лет. В 1957 году освобожден из тюрьмы. В 1963 году был вынужден уехать из СССР. Жил и работал в Варшаве, затем – в Париже. Профессор Сорбонны. Скончался в 1997 году.

Грустно думать о том, что Россия почти ничего не знает о лучших своих сыновьях. До недавнего времени Михаил ГЕЛЛЕР – ученый с мировым именем, книги которого печатались в Италии, Франции, США, Японии и во многих других странах – был практически неизвестен российским читателям. Сейчас положение понемногу меняется. Издательство "МИК" выпустило такие известные труды М. ГЕЛЛЕРА, как "Утопия у власти", "Россия на распутье", "История Российской империи" и другие. Каждая строка, написанная Михаилом ГЕЛЛЕРОМ, и сегодня остается актуальной.